

Русская литература

№ 4

Историко-литературный журнал

2014

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
В. М. Паперный (<i>Израиль</i>). Лев Толстой и мистический гнозис	5

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Письма А. М. Астаховой к М. К. Азадовскому (1943—1954) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. Г. Комелиной) (<i>Окончание</i>)	36
---	----

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

С. А. Давыдова . О чтении Пролога в Древней Руси	89
А. В. Майоров . Исторические реалии в древнерусском «Сказании вкратце о молдавских господах»	94
А. К. Федотова . К истории создания одной элегии И. Ф. Богдановича	120
Н. Д. Кочеткова . Об авторстве книги «Разные повествования, сочиненные некоторою Россиянкою»	127
А. Ю. Балакин . Пушкин — читатель графа Хвостова. 2. «...Он помолодел и потрянул стариной»	135
Г. Н. Крапивин . К чему приложил руку игумен Пафнутий?	145
И. А. Бурков . «Впечатление переворота»: А. Блок в творческом становлении Б. Пастернака	152
Эдуард Вайсбанд (<i>Израиль</i>). Русский писатель «вмешивается» в польско-еврейский вопрос: неизвестное интервью Леонида Андреева	163
Н. А. Хохлова . Может ли быть завершен изданием «Предварительный список русских писателей и ученых» С. А. Венгерова?	184
П. Ф. Успенский . Владислав Ходасевич накануне «Путем зерна»: Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, З. Красиньский в стихах и творческом сознании поэта в 1916—1917 годах	193
М. Э. Маликова . «Красный пинкертон» как политический заказ нэпа	217
Екатерина Карелина (<i>Эстония</i>). К проблеме литературных взаимоотношений В. Набокова и Г. Газданова («Камера обскура» и «Счастье»)	235

Л. В. Хачатурян. Рукописи on-line: создание электронного архива русской литературы Серебряного века	245
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Ю. В. Шатин. Алгебра гармонии	247
Р. Ю. Данилевский. «Спасский вестник» о романах И. С. Тургенева	249
С. Н. Гуськов. Роман фрейлины, или Толстая vs Толстой	251
М. Г. Сальман. Люди, даты и цитаты	252
П. С. Глушаков. Юбилейный сборник в честь Л. В. Спроге	255

ХРОНИКА

М. А. Федотова. Чтения по литературе и культуре Древней Руси в Чернигове	257
Е. Д. Конусова. Научная конференция «Бытописатели блокады»	265
С. В. Денисенко, Н. В. Калинина. Международная научная конференция «Все страхи мира: horror в литературе и искусстве»	268
В. В. Филичева. XVII Алексеевские чтения	273
Н. А. Прозорова. Письмо в редакцию	276
В. И. Щипин. Письмо в редакцию	276
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале «Русская литература» в 2014 году	277

Журнал издается под руководством Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*Е. В. АНИСИМОВ, Д. М. БУЛАНИН, М. Н. ВИРОЛАЙНЕН,
Г. Я. ГАЛАГАН* (зам. главного редактора), *А. А. ГОРЕЛОВ, В. Я. ГРЕЧНЕВ,
И. Ф. ДАНИЛОВА* (отв. секретарь редакции), *Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
В. А. КОТЕЛЬНИКОВ, Н. Д. КОЧЕТКОВА, А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН,
С. И. НИКОЛАЕВ, Ю. М. ПРОЗОРОВ, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
С. А. ФОМИЧЕВ, Т. С. ЦАРЬКОВА*

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01
e-mail: rusliter@mail.ru

RUSSKAYA LITERATURA

№ 4

Historical and Literary Studies

2014

Founded in January 1958

Published Quarterly

CONTENTS

	Page
V. M. Paperny (<i>Israel</i>). Leo Tolstoy and Mystical Gnosis	5

HISTORY OF RUSSIAN SCHOLARSHIP

A. M. Astakhova's Letters to M. K. Azadovsky (1943—1954) (Introduction, Editing and Comments by N. G. Komelina) (<i>Final Part</i>)	36
---	----

RELEASES AND REPORTS

S. A. Davydova. On Reading Synaxarium in Old Rus	89
A. V. Mayorov. Historic Realia in the Old Russian <i>Brief Tale of Moldovan Hospodars</i>	94
A. K. Fedotova. On the Origins of an Elegy by I. F. Bogdanovich	120
N. D. Kochetkova. On the Authorship of the Book <i>Various Tales Composed by a Russian Lady</i>	127
A. Y. Balakin. Pushkin as the Reader of Count Hvostov. 2. <i>...He Reversed the Clock and Went Back to the Good Old Days</i>	135
G. N. Krapivin. What Did Hegumen Pafnuty Have a Hand In?	145
N. A. Burkov. <i>The Sense of a Turnover: A. Blok in the Artistic Evolvement of B. Pasternak</i>	152
Edward Weisband (<i>Israel</i>). A Russian Writer's 'Involvement' in the Polish Jewish Question: An Unknown Interview by Leonid Andreev	163
N. A. Hohlova. Would S. A. Vengerov's <i>Preliminary List of Russian Writers and Scholars</i> Be Completed by a Publication?	184
P. F. Uspensky. Vladislav Khodasevich on the Eve of <i>Way of the Grain: F. M. Dostoyevsky, N. A. Nekrasov, Z. Krasinski in the Poet's Verse and Mentality in 1916—1917</i>	193
M. E. Malikova. 'Red Pinkerton' as NEP's Political Bid	217
Ekaterina Karelina (<i>Estonia</i>). On the Literary Relationship of V. Nabokov and G. Gazdanov (<i>Camera Obscura and Happiness</i>)	235

L. V. Khachaturian. Manuscripts Online: Compilation of Digital Archive of the Russian Silver Age Literature	245
--	-----

REVIEWS

Y. V. Shatin. Algebra of Harmony	247
R. Y. Danilevsky. <i>Spassky Vestnik</i> on the Novels by I. S. Turgenev	249
S. N. Guskov. A Novel by a Lady-in-Waiting, or Tolstaya vs. Tolstoy	251
M. G. Salman. People, Dates, and Quotes	252
P. S. Glushakov. Jubilee Symposium in Honor of L. V. Sproge	255

NEWSREEL

M. A. Fedotova. Conference on Literature and Culture of Old Rus in Chernigov	257
E. D. Konusova. Conference «Chroniclers of the Siege Minutiae»	265
S. V. Denisenko, N. V. Kalinina. «All the World's Fears: Horror in Literature and Art» International Conference	268
V. V. Filicheva. 27th Alexeyev Conference	273
N. A. Prozorova. Letter to the Editor	276
V. I. Schipin. Letter to the Editor	276
Index of Contributions to <i>Russkaya Literatura</i> , 2014	277

Published under the Auspices of History and Philology Department
Russian Academy of Sciences

Editor-in-Chief *V. E. BAGNO*

Editorial Board:

E. V. ANISIMOV, D. M. BULANIN, I. F. DANILOVA (Editorial Secretary),
S. A. FOMICHEV, [G. Y. GALAGAN] (Deputy Editor-in-Chief), *A. A. GORELOV,*
V. Y. GRECHNEV, N. N. KAZANSKY, N. D. KOCHETKOVA, V. A. KOTELNIKOV,
A. V. LAVROV, A. M. MOLDOVAN, S. I. NIKOLAEV, Y. M. PROZOROV,
N. N. SKATOV, A. L. TOPORKOV, T. S. TSARKOVA, M. N. VIROLAINEN

Editorial Office: 4, Makarova Embankment, St. Petersburg 199034
Phone/fax (812) 328-16-01
e-mail: rusliter@mail.ru

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И МИСТИЧЕСКИЙ ГНОСИС

Религиозно-философские взгляды Льва Толстого отмечены поразительным сочетанием исключительной оригинальности и энциклопедизма. Ни на кого не похожий мыслитель, Толстой не столько синтезировал, сколько пересекал своей мыслью множество самых разнообразных интеллектуальных традиций. Он был наследником социальной философии европейского Просвещения, наследником Руссо и наследником философов европейского рационализма — Декарта, Канта и Шопенгауэра. Мысль Толстого искала и находила свои опоры и у библейских пророков, и у мудрецов Талмуда, и в Коране, и у Зороастра, и у древних китайских мудрецов Конфуция и Лао-Цзы, и у Будды и других мудрецов Индии, и у Сократа, и у Паскаля, и у русских религиозных мыслителей. Важнейшим источником мысли Толстого было Евангелие, проповедником которого он стал в свои поздние годы. Взгляды Толстого во многом строились на отталкивании от традиции православного христианства, которая вместе с тем очень сильно влияла на него через этот конфликт. Важным источником религиозных взглядов Толстого было русское народное христианство, как «прицерковное», так и «сектантское», с многочисленными носителями которого Толстой поддерживал общение всю свою жизнь. Незаменимо важную часть той философской энциклопедии, которой пользовался Толстой, составляли люди, высказывавшие ему свои мысли.

Список источников, воздействовавших на мысль Толстого, едва ли обозрим. Весьма внушительна по своему объему также и исследовательская литература, в которой рассматриваются эти источники. Эта литература многое объяснила в Толстом, но в ней есть и некоторые пробелы. Одному из таких пробелов, возможно, самому значительному, — связи мысли Толстого с традицией мистического гносиса и посвящена предлагаемая работа.

И при его жизни, и после смерти Толстого нередко именовали мистиком. Сам Толстой подобного определения решительно не принимал, и не раз выражал это неприятие. В трактате «Царство божие внутри вас» (1890—1893) он с пренебрежительной иронией упомянул о том, что некоторые «иностранные критики» называли его «русским мистиком» (26, 37).¹ Полемизируя с этим определением, Толстой дал этому трактату подзаголовок: «Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание».

В словаре религиозно-философской проповеди обновленного христианства, с которой Толстой обращался к своим современникам в 1880—1900-е годы, слово «мистицизм» и его производные употреблялись, как правило, в отрицательном оценочном значении неясности, произвольности, непонятности, враждебности требованиям разума, бессмысленности и ложности. Мистическими поздний Толстой называл верования православной и

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. Юбилейное издание. М.; Л., 1928—1958. Здесь и далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома и страницы. Курсив в цитатах из этого источника, если не указано иное, мой. — В. П.

других христианских церквей. Так, в его трактате «Соединение и перевод четырех Евангелий» определение «мистический» появляется тринадцать раз — и всегда именно в указанном значении: как «мистические» здесь определены церковные догматы Троицы, богочеловеческой природы, искупительной жертвы, воскресения и вознесения Иисуса Христа, а также богословские истолкования евангельских текстов в духе этих догматов.

Уже в эпоху Толстого, как и в наше время, в позитивистски ориентированной культурной среде, в которой религиозная вера была заменена верой в науку, была распространена расширительно-оценочная и в большой мере негативная интерпретация понятия «мистицизм». В рамках этого понятия связывались и смешивались такие разные явления, как теологическая религия, мистический гносис, теософия, спиритизм и т. п. Все это была «мистика» — неразумное и непонятное, устаревшее и несовременное, запутанное и ненужное. Хотя поздний Толстой в науку, как известно, совсем не верил, в его религиозно-философский лексикон слово «мистицизм» вошло именно из сферы позитивистской мысли. Следствием этого обстоятельства стало отсутствие в языке религиозной рефлексии позднего Толстого терминологического инструмента, который отчетливо выделял бы мистический гносис в качестве особого типа религиозности, не совпадающей с религиозностью церковной, а часто и противостоящей ей.

Все это отнюдь не означало, однако, что Толстому было неизвестно о существовании и своеобразии мистической традиции. Так, характеризуя в письме к А. И. Герцену от 14 марта 1861 года главного героя задуманного им романа о возвращающемся из ссылки декабристе, Толстой назвал его «энтузиастом, мистиком и христианином» (60, 374). Как мы знаем, в ходе последующей длительной трансформации замысел, о котором Толстой писал Герцену, воплотился в романе «Война и мир», а главный герой этого замысла — в масона-мистика Пьера Безухова. Именно вокруг Пьера Безухова Толстой сконцентрировал введенный им в роман обширный тематический материал, описывающий феномен русского мистицизма начала XIX века, который в тексте романа прямо назван по имени. Слово «мистицизм», в его стандартном для изображения Толстым эпохи значении, появляется в тексте романа трижды, и еще трижды — слово «мистический».²

Начиная с середины 1850-х годов, когда Толстой стал проявлять интерес к политической и культурной истории России конца XVIII — начала XIX века, в сферу его интересов попала масонская литература — сочинения русских масонов и издававшиеся ими переводы мистических книг. В ходе работы над ранними редакциями «Войны и мира» Толстой специально изучал эту литературу.³ А в конце 1866 года, когда первоначальная общая конструкция романа была уже почти полностью построена, Толстой обратился

² См. в «Частотном словаре романа Л. Н. Толстого „Война и мир“» (Тула, 1978).

³ См. в статье Э. Е. Зайденшур и Н. С. Родионова «История писания и печатания „Войны и мира“» (16, 61, 99—100, 141—142) список масонских книг из библиотеки Толстого в Ясной Поляне, которыми он пользовался в своей работе над романом. Фактам истории масонства, отраженным в «Войне и мире», посвящена работа: *Лугачев В. В.* К историческому фону «Войны и мира» (масоны в России первой четверти XIX века) // Л. Н. Толстой. Статьи и материалы. Горький, 1966. Вып. 6. С. 149—174. Краткий, но содержательный обзор источников сведений Толстого о масонстве, составленный масонским автором, см.: *Бурышкин П. А.* Масонство в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Масонство и русская культура / Сост. В. И. Новиков. М., 1998. С. 344—350. Детальный анализ использования Толстым одного из важнейших книжных масонских источников «Войны и мира» см.: *Блудилина Н. Д.* Записки И. В. Лопухина как один из источников «Войны и мира» // Русская словесность. 1994. № 5. С. 10—15. См. также историографический обзор литературы о масонской теме в «Войне и мире» в статье: *Фаджонато Р.* Еще о масонских источниках «Войны и мира» (записные книжки Сергея Ланского) // Русская литература. 2012. № 1. С. 111—112.

к изучению эзотерических рукописных масонских документов, находившихся в архиве Румянцевского музея в Москве. С некоторых из них по его заказу были сняты копии.

Начало исследованию рукописных масонских источников «Войны и мира» положил В. Н. Щербаков, который обнаружил, что в тексте романа Толстой широко использовал записки масона П. Я. Титова.⁴ Весь комплекс масонских источников романа, как рукописных, так и книжных, плодотворно исследуется в работах последних лет Р. Фаджонато.⁵ Начиная с толстовца Н. Н. Апостолова,⁶ исследователи «Войны и мира» вновь и вновь обращались к анализу масонской темы романа. Укажу здесь лишь на три работы на эту тему, которые представляются мне наиболее важными. В книге Г. Я. Галаган «Л. Н. Толстой. Художественно-этические искания» предметом анализа стала та роль, которую играл комплекс масонских идеологических представлений и символов в процессе формирования художественного мира толстовского романа.⁷ А. А. Шунейко убедительно продемонстрировал присутствие в языке романа «масонской языковой картины мира».⁸ С. Шаргородский предпринял попытку показать, что множество масонских мотивов «Войны и мира» складывается в единый «текст».⁹

Масонская тема «Войны и мира» выражена в исключительно сложном «сцеплении мыслей в одно», из которого невозможно извлечь простой ответ на вопрос о том, как Толстой оценивал масонство в целом. Поэтому исследователи Толстого, ищущие такого ответа, естественным образом обращаются к соответствующим сторонним высказываниям Толстого. Однако и эти его высказывания крайне неоднозначны. Так, в известном письме к жене, написанном в разгар его работы над масонскими рукописями, 15 ноября 1866 года, Толстой отозвался о масонстве весьма грубо: «пошел в Румянцевский музей и сидел там до 3-х, читал масонские рукописи, — очень интересные. И не могу тебе описать, почему чтение нагнало на меня тоску, от которой не мог избавиться весь день. Грустно то, что все эти масоны были дураки» (83, 129). Однако не пройдет и сорока лет, и Толстой заговорит о масонстве в совсем иных тонах.

В 1905 году немецкий масон пастор К. Верксхаген прислал Толстому выпуск масонского журнала со своей статьей, где он писал: «Едва ли най-

⁴ Щербаков В. Н. Неизвестный источник «Войны и мира» («Мои записки» масона В. Я. Титова) // Новое литературное обозрение. 1996. № 2. С. 130—151.

⁵ См.: Фаджонато Р. Еще о масонских источниках «Войны и мира». С. 114—124. См. также три другие ее работы, которые, равно как и упомянутая, учитывают значительное множество масонских текстуальных источников не только в дефинитивных редакциях, но и в черновиках «Войны и мира»: Фаджонато Р. 1) Масон Баздеев в «Войне и мире»: уважение или насмешка? // *Sinserita di Tolstoj*. Milano, 2012. P. 43—59; 2) *Platon Karataev e la rinascita di Pierre Bezuchov*. Manuscript. 10 p.; 3) Трансформация идеи возрождения внутреннего человека в первых редакциях романа Л. Н. Толстого «Война и мир». Рукопись. 10 с. Пользуясь случаем, благодарю проф. Фаджонато за любезно предоставленную мне возможность ознакомиться с ее замечательными исследованиями в рукописи.

⁶ См.: Апостолов Н. Н. Лев Толстой над страницами истории: Историко-литературные наблюдения. М., 1928. С. 138—140.

⁷ См.: Галаган Г. Я. Л. Н. Толстой: Художественно-этические искания. Л., 1981. С. 109—112.

⁸ См.: Шунейко А. А. Масонская символика в языке русской художественной литературы XVIII — начала XIX веков. Хабаровск, 2006. С. 290—305.

⁹ Шаргородский С. «Всяк из нас должен быть Бемом...» (Масонский текст «Войны и мира») // Лев Толстой в Иерусалиме. Материалы международной научной конференции / Сост. Е. Д. Толстая. М., 2013. В этом же сборнике опубликована и моя статья, в которой масонская тема «Войны и мира» рассматривается в контексте проблемы «Толстой и мистицизм» (см.: Паперный В. Лев Толстой и мистицизм // Там же. С. 157—176). В этой статье я в предварительной форме высказал некоторые из положений, которые я развиваю в настоящей работе.

дется другой просветитель его типа, в душе которого жило бы столько бессознательного, но все же настоящего масонства, как у Толстого». На это Толстой весело ответил: «Меня очень радует, что я, сам того не зная, был и есть масон по своим убеждениям. Я всегда, с самого детства, питал глубокое уважение к этой организации» (75, 231). Еще более радикально Толстой высказался в разговоре с Д. П. Маковицким. Показав ему статью К. Веркסהгена, Толстой сказал: «Масон присылает мне эту книгу, где статья обо мне. *Находит, что я масон, и совершенно справедливо. Христианство, очищенное от всяких обрядов, братство людей — все это масонство*». ¹⁰ Говоря о том, что он питал уважение к масонству «с детства», Толстой имел в виду, конечно, свою расшифровку запомнившегося ему рассказа его брата Николеньки о таинственной «зеленой палочке», которая способна объединить всех людей в счастливом «муравейном братстве». Однако из «Воспоминаний» (1903) Толстого следует, что рассказ Николеньки он связал с масонством не в детстве, а гораздо позднее: «Как я теперь думаю, Николенька, вероятно, прочел или наслушался о масонах, о таинственных обрядах приема в их орден, вероятно, слышал о Моравских братьях и соединил все это в одно» (34, 387). ¹¹

Апологию масонства у позднего Толстого следует рассматривать прежде всего в контексте той ситуации, в которой она появилась. Нападая на православную церковь, Толстой подчеркнуто солидаризировался с самыми различными «свободными»/«еретическими» христианскими течениями — от духоборства до масонства. С другой стороны, самого Толстого в православно-церковной среде объявили ересиархом и стали ассоциировать с масонством. В войне с Толстым закалило себя народившееся в России конца XIX — начала XX века «черносотенное» политическое православие, важнейшим элементом идеологии которого стала ненависть к масонству, страх перед масонским/жидомасонским заговором. Одержимые ужасом перед тайными врагами, политические православные клеймили — и поныне продолжают клеймить — Толстого как «беса», как демонического врага России и русской церкви, как «масона», «жида» и т. п. ¹² В этой ситуации выражение солидарности с масонством было для Толстого единственной возможной реакцией.

Хотя восприятие сути масонства как призыва к братству людей и присутствует в «Войне и мире», оно ассоциировано в романе не с позицией автора, а с позицией одного из его героев — Пьера Безухова. Так, в романе рассказано о мечтах Пьера о «братской и деятельной любви между людьми», которым герой предается, читая накануне вступления в орден книгу Фомы Кемпийского «О подражании Христу» (10, 73). ¹³ В романе рассказано также, что, став масоном, Пьер попытался (неудачно) освободить своих крепо-

¹⁰ *Маковицкий Д. П. У Толстого: 1904—1910 («Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого) // Лит. наследство. 1979. Т. 90. Кн. 1. С. 191.* Интересно, что, хваля масонство, Толстой здесь забывает о его обрядовой стороне, которую он саркастически описывал в «Войне и мире».

¹¹ Ср. также предположения В. М. Эйхенбаума о декабристском подтексте рассказа Николеньки Толстого: *Эйхенбаум В. М. Легенда о зеленой палочке // Эйхенбаум В. М. О прозе: Сб. статей. Л., 1969. С. 431—438.*

¹² Подробнее на эту тему см.: *Тарабукина А. В. Лев Толстой в массовой православной литературе начала XX века // Канун: Альманах. СПб., 1999. Вып. 5: Пограничное сознание. С. 234—248; Паперный В. Истоки «антитолстовского направления» в русской религиозной мысли середины XIX века // Лотмановский сборник. М., 2014. [Вып.] 4. С. 323—324.*

¹³ Как отмечает Вяч. Вс. Иванов, в конце XVIII века русские масонские учителя определили эту книгу для чтения не «учеников», каким был Пьер, а «мастеров» (*Иванов Вяч. Вс. Россия и гносис // Иванов Вяч. Вс. Избр. труды по семиотике и истории культуры. М., 2003. Т. 4. С. 297*). Возможно, что, вложив эту книгу в руки Пьеру, Толстой допустил неточность. Но возможно также, что ему была известна другая норма ее употребления в масонском чтении.

стных крестьян. Однако в романе ничего не сказано о поощрении подобной деятельности масонством как организацией.

Русское масонство начала XIX века предстает в «Войне и мире» не как сообщество просветителей-филантропов, но как организация, члены которой преследуют самые разнообразные моральные, социальные, политические и материальные цели. В романе постоянно подчеркивается, что эта организация является частью русского «высшего общества», которое живет по замешанным на лжи законам формальных условностей, сходным образом проявляющихся и в великосветском салоне, и в масонской ложе. Некоторые масоны увлечены мистикой, другие — филантропией, третьи (как Борис Друбецкой) вступают в орден ради полезных для карьеры связей, и все они участвуют в исполнении орденовских ритуалов. Но ни сообществом социальных реформаторов, ни сообществом искателей истинной религии они не являются.

В «Войне и мире» содержится широко развернутое описание масонской религиозности. Изучение масонских источников ввело Толстого в специфический интеллектуальный, социальный и бытовой микрокосм русского масонства и вместе с тем открыло перед ним двери в макрокосм многовековой традиции мистического гносиса, из которой вырос масонский мистицизм. Эту традицию Толстой и стремился понять и объяснить — как в контексте «малого времени» русской истории начала XIX века, так и в контексте «большого времени» универсальной истории религии.

Для Толстого — автора «Войны и мира» — и масонство, и мистический гносис были явлениями прошлого, и в этом смысле — явлениями истории. Как не раз прямо заявлял Толстой в романе, целью историка должно быть познание «законов», по которым совершаются исторические события, однако существующая историческая наука цели этой не служит. И в «Войне и мире» Толстой взял на себя миссию создания альтернативы этой науке. Существо этой альтернативы заключалось в использовании литературного повествования в качестве инструмента реконструкции прошлого во всей его жизненной целостности и во всей его типологической полноте. Свою реконструкцию прошлого Толстой осуществлял на основании достаточно ограниченного круга документальных материалов. Однако созданный им механизм реконструирующего историю повествования обладал исключительной познавательной мощью. Именно благодаря этому механизму «дилетант» Толстой оказался способным понять в истории многое такое, что и не снилось понять современным ему мудрецам — профессиональным историкам, — и создал в «Войне и мире» целостный образ традиции мистического гносиса, отличающийся исключительной глубиной и исторической достоверностью.

Как пишет современный исследователь гностической традиции Г. Блум, «господствующая тенденция в западной религиозной традиции (...) была институциональной, исторической и догматической по своей ориентации. Это верно и для нормативного иудаизма, и для ислама, в его суннитском и шиитском ответвлениях, и для христианства — и римско-католического, и восточно-православного, и протестантского в его основных течениях. Для всех этих религий Бог предстал как внешний по отношению к человеческой самости (self) фактор. Но рядом с этими традициями существовали мистики и религиозные визионеры, которые были способны мириться с институциональными авторитетами и вместе с тем исповедовали альтернативные представления — путь гносиса, оправдывавший и искавший знания о Боге внутри человека, что осуждалось в качестве ереси институциональными авторитетами. В той или иной форме гносис продержался в качестве их

противника, по меньшей мере, два тысячелетия, которые мы именуем нашей эрой».¹⁴

При всем разнообразии мистических доктрин и практик, развивавшихся различными гностическими течениями на протяжении веков, для всех них характерно использование определенных общих концептов. Ключевой концепт гносиса — это концепт тайны. Гностик есть мистик, устремленный к тайному знанию, недоступному профанам, непосвященным. Само слово «мистицизм» восходит к наименованию древних греческих тайных культов — мистерий, или таинств. Чтобы приобщиться к этим культам, их адепты должны были пройти через посвячительные процедуры. Во всех мистических течениях посвящение в той или иной форме является обязательным этапом, который должен пройти профанный человек, чтобы превратиться в мистика. Только через таинство посвящения адепт мистицизма получает доступ к тайнам Божественной реальности, к тайнам Бога, богов и духов. В некоторых мистических сообществах, включая масонские, предусматривалось несколько ступеней мистического посвящения.

Мистики часто отвергали догматы конфессий, к которым они принадлежали. Но даже и тогда, когда они их принимали, эти догматы были для них лишь низшей ступенью мистического гносиса. Для мистического сознания свидетельство истинности религиозного знания — не его соответствие догмату, а его откровенность, его данность в мистическом опыте. Вместе с тем мистики высоко ценили и мистический опыт других, отраженный в мистической литературе. Да и их личный опыт тоже имел литературные источники — в своих видениях они обыкновенно видели то, о чем они прочитали в своих книгах.

Знание, обретаемое мистиком, является тайным, эзотерическим, оккультным (все эти определения практически являются синонимами). Мистик призван таить свой религиозный опыт и сам относиться к нему как к тайне. Книги, которые он читает, и знания, которые он получает изустно, секретны. Язык, которым он пользуется, должен быть таинственно запутанным и непонятным для непосвященных. Сообщества мистиков, их собрания должны быть тайными, а обряды — скрытыми и непонятными для непосвященных. Хотя по мере развития книгопечатания мистический эзотеризм становился все более и более номинальным, за этот номинальный эзотеризм мистики продолжали упорно держаться.

Мистическое познание (мистический гносис) совсем не есть познание как некоторая эпистемологическая процедура, в которой познающий и предмет познания разделены. Оно представляет собой особого рода магическую практику, весьма архаическую по своему происхождению. В некоторых традициях эта практика именуется *via mystica*. Продвигаясь по *via mystica*, мистик совершает определенные магические действия с целью изменить свою человеческую природу, уподобить ее Божественному объекту своего познания. В ходе этого продвижения мистик развивает в себе магическую силу, с помощью которой он обретает возможность достичь конечного пункта *via mystica* — состояния *unio mystica*, которое в различных мистических традициях может интерпретироваться как созерцание Божества, как слияние с Божеством и даже как получение возможности влиять на Божество. При этом предполагается, что сам мистик преодолевает свой человеческий онтологический статус и обретает непосредственную причастность к божеству — обоживается.

¹⁴ Bloom H. *Omens of Millennium: The Gnosis of Angels, Dreams, and Resurrection*. New York, 1996. P. 1—2. Перевод с английского мой. — В. П.

Как показал М. Элиаде, мистические представления об обожении человеческой природы восходят к архаическому мифологическому концепту преодоления человеком своего человеческого онтологического статуса. Этот концепт воплощается в ряде типических образов восхождения, присутствующих в самом широком круге мифологических традиций. К их числу принадлежат образы подъема на гору или по соединяющей Небо и землю лестнице, вхождения в святое место или в храм, вознесения на Небеса, временной смерти и нового рождения/воскресения и т. п. Аналогичное значение имеют и образы просвещения божественным светом.¹⁵

Обсуждая в своей книге о мистических течениях раннего христианства и раннего ислама концепцию *via mystica*, М. Смит указала на существование общего для основных мистических традиций Запада и Ближнего Востока представления о трех стадиях, из которых складывается *via mystica*. На первой из этих стадий — *очищения* (*purgatio*) — мистик призван освободиться от своей греховности. На следующей стадии — *просвещения* (*illuminatio*) — он получает возможность жить в освещенности светом божественного знания и постепенно приближаться к Богу — источнику этого света. На третьей и последней стадии своего пути он достигает, наконец, *единения* (*unio mystica*) с Божеством.¹⁶

Как мы увидим далее, Толстой многократно использовал — как в «Войне и мире», так и в более поздних своих повествовательных текстах — именно такую, трехстадиальную схему *via mystica*. Эта схема не стала у Толстого предметом понятийной рефлексии, однако она повторяется в его сюжетах настолько часто, что здесь не может быть и речи о ее неосознанности автором.

В «Войне и мире» схема *via mystica* оформляет сюжетные линии обоих героев романа, определенных как искатели высших смыслов человеческого существования — Пьера Безухова и Андрея Болконского.

История Пьера Безухова в «Войне и мире» последовательно построена как *история мистика*. Но мистик этот — совсем особого рода, мистик неудавшийся: четыре раза он проходит по *via mystica*, и всякий раз это прохождение обрывается, завершается крахом.

Первое вступление Пьера на *via mystica* — начало его масонской карьеры — представлено в романе как результат случайного стечения обстоятельств. Пьер становится мистиком поневоле. Пребывая в состоянии глубочайшего отчаяния после дуэли с Долоховым и разрыва с женой, безвольный и внушаемый Пьер подвергается своего рода обработке масонским учителем Баздеевым, которого он случайно встречает на почтовой станции. Обращая Пьера в масонство, Баздеев действует планомерно. Он начинает с ним, так сказать, с самого начала — с введения в гностическую суть масонского учения. Рассказывая Пьеру о цели масонства — «строительстве храма, который должен быть достойным жилищем великого Бога» (10, 68), Баздеев вызывает ответную реакцию Пьера — его признание, что он не верит в Бога. Баздеев хорошо понимает, что в лице Пьера он имеет дело с человеком, у которого место веры занимает знание (а именно как такого рода человек, прошедший школу Просвещения, Пьер и описан в романе). И Баздеев начинает говорить с Пьером на языке знания, объясняя ему, что, когда речь идет о Боге, важна не вера, а знание, т. е. мистический гносис. Знание Бога, объясняет Баздеев, есть тайна, недоступная непосвященным, проникновение в

¹⁵ См.: Элиаде М. 1) Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999. С. 103—111; 2) Азиатская алхимия. М., 1998. С. 330—376.

¹⁶ Smith M. The way of the mystics: The early Christian mystics and the rise of Sufis. New York, 1978. P. 6—9.

эту тайну — удел многих поколений масонов, всего существующего века масонского сообщества, строящего Храм. Приобщение к тайному знанию масонства, продолжает он, невозможно для человека, не прошедшего *очищения*: «Высшая мудрость и истина есть как бы чистейшая влага {...} Только внутренним очищением самого себя я могу до известной чистоты довести воспринимаемую влагу» (10, 70).

Мистическое знание Бога, о котором говорит Баздеев, не особенно похоже на привычное Пьеру рационалистическое знание. Но Пьер все же принимает его поучения — принимает потому, что в них содержится прямое и очень соблазнительное для несчастного Пьера обещание счастья (10, 69).

В фокусе рассказа о встрече Пьера с Баздеевым находится Пьер. Фигура Баздеева дана в этом рассказе в двойной перспективе — с точки зрения Пьера, психологически неспособного его понять и испытывающего по отношению к нему растущие чувства зависимости и восхищения, и с точки зрения повествователя, подчеркнуто объективно, безоценочно представляющего Баздеева как исторически типичного масонского проповедника.¹⁷

Дальнейший рассказ о масонской карьере Пьера постоянно окрашивается оценками повествователя — то сдержанно-ироническими, то открыто-саркастическими, но всегда негативными. Повествователь прозрачно намекает на материальную заинтересованность руководителей ложи в приеме богача Пьера, вследствие которой период мистического очищения Пьера продолжался всего *одну* неделю и заключался в чтении всего *одной* книги. Он отмечает своеобразную бытовую фатальность вступления Пьера в орден — одновременно и смешную, и страшноватую. Пришедший к Пьеру, чтобы отвести его в ложу, масон Вилларский имеет «тот официальный и торжественный вид, с которым входил к нему секундант Долохова» (10, 73). Оказывается, что приняв руководство «благодетеля» Баздеева, Пьер лишился возможности дальнейшего выбора, как он лишился ее, вызвав на дуэль Долохова.

Весьма пространный и насыщенный множеством деталей рассказ о масонском посвящении Пьера (10, 74—83) пронизан нарастающей скрытой иронией повествователя. Эта ирония прорывается наружу в эпизоде, в котором Пьеру выдают масонские атрибуты, кожаный фартук, лопату и перчатки, и в ходе которого между братьями, проводящими церемонию, возникает забавный спор о том, своевременно или нет Пьеру была выдана лопата.

Рассказ о масонском посвящении Пьера дан в романе не только с точки зрения повествователя, но и с точки зрения героя. Точка зрения героя отмечена наивной простотой — Пьер не понимает смысла ритуала, в котором участвует, переживает острые ощущения стыда и сомнения. Остраняя происходящее, точка зрения Пьера оценивает масонское посвящение как коллекцию странностей, как нечто совершенно бессмысленное.

Однако позиция автора по отношению к масонскому посвящению не является суммой точек зрения повествователя и героя — она гораздо сложнее. В отличие от своего героя и своего повествователя, Толстой очень хорошо понимает смыслы этого ритуала, который он изображает с полным знанием

¹⁷ В уже упомянутой выше (прим. 5) статье Р. Фаджонато «Масон Баздеев в „Войне и мире“ Толстого: уважение или насмешка?» указан целый ряд масонских книжных и рукописных источников, которыми Толстой пользовался на всех этапах своей работы над фигурой Баздеева. По мнению Фаджонато, наличие этих источников косвенно свидетельствует о том, что Баздеев в глазах Толстого был носителем «истинного христианства». Я думаю, что если бы это было так, то Толстой не преминул бы прямо сказать об этом в тексте романа, для поэтики которого тактика скрытной передачи идеологических посланий нехарактерна.

дела. В этой связи очень важен эпизод, в котором рассказывается о реакции Пьера на поучение ратора о семи масонских добродетелях. Пьер внутренне принимает первые шесть из них — скромность, повиновение, добродетель, любовь к человечеству, мудрость и щедрость. Но приняв эти секулярные по своему характеру добродетели, он сначала воспринимает как непонятную, а потом и вовсе начисто забывает седьмую масонскую добродетель, религиозно-мистическую и потому самую главную, — «любовь к смерти» (10, 78). Происходит же это потому, что Пьер ничего не хочет знать о смерти. А между тем ключевой смысл масонского посвящения как раз и состоит в идее символического прохождения профанного человека через смерть и нового рождения в качестве мистика. Пьер об этом не знает, а автор знает: он читал об этом в масонских источниках.¹⁸

Как масонские учения, так и масонские ритуалы носили религиозно-синкретический характер. В них присутствовали элементы, восходящие к древним, дохристианским религиозным традициям. В масонской литературе специально подчеркивалась отчасти легендарная, но отчасти и реальная историческая преемственность, связывавшая масонство с древнегреческими мистериями, с древнеегипетскими культами, с текстами герметического корпуса, с еврейской Каббалой, со средневековыми и ренессансными оккультными традициями, с астрологией, с алхимией и т. д. Обо всем этом Толстой хорошо знал. Но в тексте «Войны и мира» эта преемственность никак не рефлексирована. Внимание автора обращено не на исторические детали, а на типологическую сущность мистического гносиса. Именно поэтому он так подробно описывает масонский посвятельный обряд, в котором реализовался фундаментальный концепт мистического гносиса — концепт инициации.

Как отмечает современный исследователь масонства Д. Смит, «процедура принятия в масоны символически оформлялась как переход из хаотичного и суетного мира в братство праведников и обладала всеми чертами инициационных обрядов, обозначающих, по словам Мирчи Элиаде, коренную перемену онтологического состояния или общественного статуса».¹⁹ Инициационные обряды основаны на архаической мифологической символике, которая представляет смену статуса человека как прохождение через временную смерть, дарующую новое рождение/воскресение. В ритуалах средневековых корпораций шотландских каменщиков, из которых выросло масонское движение,²⁰ на эту мифологическую основу была наложена символика строительства иерусалимского Храма. В ходе развития масонского ритуала важную роль в нем стала играть мистическая символика просвещения Божественным светом. Именно эта символика доминирует в обряде посвящения, описанном в «Войне и мире». Обряд начинается с того, что посвящаемого оставляют на пять минут одного в темной комнате и с завязанными платком глазами, что имеет символическое значение погружения во тьму смерти перед просвещением светом и новым рождением. Затем ему велют снять платок с глаз, и он видит свет лампы, освещающий человеческий череп, Евангелие и гроб с костями — символы смерти, единства жизни и

¹⁸ Как указывает Р. Фаджонато, источником этого и некоторых других мотивов рассказа о посвящении Пьера были размышления о смысле смерти в записках Ланского (Фаджонато Р. Еще о масонских источниках «Войны и мира». С. 118—119). В статье «Трансформация идеи возрождения внутреннего человека...» Фаджонато отмечает знакомство Толстого с розенкрейцерскими представлениями о смерти как начале духовного перерождения человека и отражение этих представлений в различных редакциях романа.

¹⁹ Смит Д. Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII веке. М., 2006. С. 96.

²⁰ О происхождении масонства из этих корпораций см.: Там же. С. 10—11.

смерти и Божественного бессмертия. После этого появляется ритор, который называет посвящаемого «не верующим в истины света и не видящим света» и который обещает ему «премудрость, добродетель и просвещение». Далее посвящаемому сообщаются основы масонского учения, долженствующие его просветить, и он подвергается новым люминарным манипуляциям — ему снова завязывают и развязывают глаза, показывают сначала «малый свет», а потом «большой свет», заставляют лечь перед алтарем, «говоря, что он повергается к вратам храма».

Как упомянутые здесь, так и другие масонские идеи и образы, введенные в «Войну и мир», играют в романном повествовании двоякую роль. С одной стороны, они описывают ту интеллектуальную атмосферу, в которой оформляется духовная жизнь «масонских героев» романа — Пьера и князя Андрея. С другой стороны, они превращаются в повторяющиеся мотивы, посредством которых строятся сюжетные линии этих героев.

Масонская карьера Пьера представлена в «Войне и мире» как цепь неудач. Сначала он не понимает преподаваемых ему основ масонского учения. Затем он оказывается неспособным воплотить в жизнь масонский филантропический идеал — освободить или хотя бы улучшить жизнь своих крепостных. Победить свою «главную слабость», в которой он признался перед братьями-масонами, пристрастие к женщинам, Пьер тоже не способен — оказавшись в Киеве, он бурно этой слабости потакает. Пытаясь привести свою жизнь в соответствие с нормами масонской морали, Пьер ведет дневник, но и использование этого инструмента масонского самоусовершенствования не приносит плодов. Резюмируя во втором томе «Войны и мира» размышления Пьера, весьма трезвые и разумные, над пришедшим к нему после двух лет его масонской карьеры разочарованием в масонстве, повествователь отмечает, что «сердце его не лежало к мистической стороне масонства» (10, 172). Однако практический вывод, который Пьер делает из этих размышлений, оказывается и не трезвым, и не разумным, но полностью соответствует максиме, сформулированной автором в Эпilogue романа: «если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, — то уничтожится возможная жизни» (14, 239). Вопреки своему масонскому опыту, Пьер решает, что причина всех бед в том, что русское масонство «пошло по ложному пути и отклонилось от своего источника», и отправляется искать истинное масонство за границу. За границей, как ядовито замечает автор, Пьер «успел получить доверие многих высокопоставленных лиц, проник многие тайны, был возведен в высшую степень» (10, 173). Однако возвратившись на родину, Пьер предложил своим «братьям» по ложе не новое проникновение в мистические тайны, но фантастический и опасный проект политизации русского масонства, которое он призвал стремиться к «учреждению всеобщего владычествующего образа правления» (10, 176). Их отказ принять его проект привел Пьера к отказу от масонской активности и к окончательному возвращению к лишенному всякой одухотворенности образу жизни.

Цепь неудач — в сущности, комичных, — которыми сопровождается масонская карьера Пьера, автор самым определенным образом связывает с нежизненностью, фантастичностью, а иногда и прямо фальшью, присущими масонской программе. И масонская политика, и масонская филантропия, и масонская мораль, и масонская мистика оцениваются им как идеологические фикции, столь же условные и оторванные от реальности, как и масонский ритуал. Плутая по масонской *via mystica*, Пьер не достигает не только единения с Богом, но и *просвещения*, все больше и больше погружаясь во тьму бессмысленной жизни. В общем сюжетном контексте романа

этот крах Пьера объясняется тем, что воскресительная встреча со смертью, которую предлагает масонство, является ритуально-символической, а поэтому и иллюзорной. Чтобы по-настоящему духовно переродиться, герой Толстого должен будет встретиться с реальной, настоящей смертью.

Новое, второе вступление Пьера на *via mystica* происходит, как и первое, внезапно, случайно и помимо его воли. Стремясь удовлетворить свое любопытство, Пьер попадает в расположение русской армии во время Бородинского сражения, а случай приводит его в самое страшное место битвы — на батарею Раевского. Здесь на его глазах разыгрывается бессмысленная и ужасная массовая бойня людей, которая и становится для него мистическим *очищением*. Испытав ужасы близкой смерти, он оказывается готовым к восприятию мистического *просвещения*. Как и подобает мистика, Пьер обретает просвещение как откровение свыше — в вещем сновидении в Можайске (11, 290—291). И содержание этого сновидения тоже оказалось обставленным подходящим мистическим антуражем (Пьер увидел себя участвующим в торжественной масонской *столовой ложе*, происходящей в *Английском клубе*, он услышал голос умершего «благодетеля» Баздеева, вдруг оказавшегося живым, т. е. воскресшим, и т. д.). И это, и последующие сновидения Пьера автор насытил многочисленными мистическими ассоциациями, восходящими к масонским документам.²¹

В Можайском сновидении «таинственный голос» возвестил Пьеру истину о необходимости превращения в «простого солдата», слияния с «общей жизнью». Эта истина потребовала от Пьера изменения его жизни в направлении, противоположном тому, которое было указано масонским учением. Жизненным ответом Пьера на это требование стали забвение открывшейся истины и возвращение на старую стезю масонских мечтаний. Пьер предался задуманной им ранее индивидуалистической аванюре с масонской окраской — попытке убить Наполеона. К решению взять на себя этот «великий подвиг и великое счастье» Пьер пришел, произведя псевдокаббалистические подсчеты, открывшие ему, что числовое значение слов «L'Empereur Napoléon», равное числу апокалипсического Зверя 666, равно также числовому значению его собственного — грамматически неправильного — наименования — «L'Russe Besuhof» (11, 77—79). Этой масонской символической глупостью, этой регрессией к масонству и обрывается вторая *via mystica* Пьера.

Но закон, которому подчинена судьба Пьера в «Войне и мире», действует с неумолимой последовательностью: герой пытается забыть о смерти — автор сталкивает его с ней вновь. Новая встреча Пьера со смертью не заставляет себя долго ждать. Оставшегося в занятой французами Москве Пьера подвергают аресту по обвинению в участии в поджогах и ведут на казнь. Расстрел «поджигателей», свидетелем которого становится Пьер, оказывается для него не чем иным, как *погружением в смерть*: физически Пьер остается в живых, однако духовно он переживает смерть как нечто такое, что уже с ним случилось. В душе Пьера, пишет Толстой, «как будто вдруг выдернута была та пружина, на которой все держалось и представлялось живым, и все завалилось в кучу бессмысленного сора. В нем, хотя он и не отдавал себе отчета, уничтожилась вера и в благоустройство мира, и в человеческую, и в свою душу, и в Бога» (12, 44).

Новая встреча Пьера со смертью становится для него еще одним мистическим *очищением*, с которого начинается его новая, уже третья по счету, *via mystica*. За очищением быстро приходит и *просвещение*. Среди русских

²¹ См. об этом: *Кацис Л.* Сны масона П. Я. Титова и сны Пьера Безухова в «Войне и мире» Льва Толстого // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2005. Т. 64. № 5. С. 46—55.

пленных, к которым присоединяют Пьера, он обретает себе нового «благодетеля» — Платона Каратаева. В отличие от «благодетеля» Баздеева Каратаев не обучает Пьера Истине. Он сам становится для Пьера воплощенной Истиной, явленной тайной мира — «непостижимым, круглым и вечным олицетворением духа простоты и правды» (12, 50). Встреча с Каратаевым впервые в его жизни как будто приводит его к цели мистических исканий — к *unio mystica*, к слиянию с божественным Космосом, к чувству, что «прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых незыблемых основах, двигался в его душе» (12, 51). Благодаря этой встрече Пьер начинает воспринимать чреватые смертью ужасы войны и плена в мистической перспективе. Так, когда французский солдат пресек попытку Пьера перейти на другую сторону дороги, он «сел на холодную землю (...) и долго неподвижно сидел думая (...)» Вдруг он захохотал.

— Ха, ха, ха! — смеялся Пьер (...) Не пустил меня солдат.

Поймали меня, заперли меня. В плену держат меня. Кого меня? Меня? Меня — мою бессмертную душу! Ха-ха-ха!». Почувствовав себя абсолютно свободным, Пьер смотрит на небо и совершает своего рода мистическое восхождение, дарующее ему единение с полнотой Божественного мира: «Высоко в светлом небе стоял полный месяц (...) виднелась светлая, колеблющаяся, зовущая в себя бесконечная даль. Пьер взглянул в небо, в глубь уходящих, играющих звезд. „И все это мое, и все это во мне, и все это я! — думал Пьер. — И все это они поймали и посадили в балаган, загороженный досками”» (12, 105—106).

Нечто подобное происходит и после гибели Платона Каратаева, пристреленного как собака²² в присутствии Пьера французским солдатом. Наяву эту смерть Пьер игнорирует, отказываясь допустить ее в свое пораженное страхом («ему стало страшно за себя») дневное сознание (12, 157). Понимание происшедшего открывается лишь ночному сознанию героя — в мистическом сновидении. В этом сновидении Пьер обретает нового «благодетеля»/мистического учителя — «давно забытого, кроткого старичка-учителя». Этот старичок и сообщает Пьеру о смерти Каратаева и об утешительном мистическом смысле его смерти. Оказывается, что мир есть «живой колеблющийся шар», поверхность которого состоит из перемещающихся, сливающихся и разделяющихся капель — человеческих существ. «В середине Бог, — объясняет учитель, — и каждая капля стремится расшириться, чтобы в наибольших размерах отражать его (...) Вот он, Каратаев, вот разлился и исчез» (12, 158).

Оба упомянутых эпизода содержат описания переживания *unio mystica* как слияния человека с божественным Космосом, который предстает как *макрокосм*, отражающийся и даже как бы содержащийся в *микрососме* человеческой души. Архаические мифологические представления о макрокосме и микрососме были весьма значимы для самого широкого круга мистических традиций. Один из главных мистических учителей масонов Якоб Беме выразил это представление следующим образом: «Люди созданы из природы, звезд и стихий; Бог же творец, господствует во всех, подобно как сок в дереве».²³ Совершенно очевидно, что, описывая таким образом *unio mystica* своего героя, Толстой подчеркнул «литературность» его мистических переживаний.

Еще один традиционный образ подобного рода — образ *лестницы природы*. Этот образ используется Пьером в его полной энтузиазма речи, с кото-

²² Это сравнение сложным образом введено в текст романа: Платона Каратаева сопровождает прибудная собака, которая остается жить, тогда как его самого пристреливают.

²³ Беме Я. Аврора, или Утренняя Заря в восхождении. М., 2001. С. 8.

рой он обращается к князю Андрею во время их поездки из Богучарова в Лысье Горы. Пьер провозглашает: «Разве я не чувствую, что в этом огромном количестве существ, в которых *проявляется* Божество, — высшая сила, как хотите, — что я составляю одно звено, одну ступень от низших существ к высшим. Ежели я вижу, ясно вижу эту *лестницу*, которая ведет от растения к человеку, то отчего же я предположу, что эта лестница прерывается на мне, а не ведет дальше и дальше. (...) Я чувствую, что надо мной живут духи». В ответ на эти слова Пьера князь Андрей замечает: «это учение Гердера» (10, 116—117).

И в самом деле, как показал Г. В. Краснов, Толстой заставил Пьера пересказать, и достаточно близко к тексту, несколько натурфилософских пассажей из статьи, содержавшей фрагментарное изложение и перевод первой части книги Гердера «Идеи к философии истории человечества». Эта статья была опубликована в 1804 году в журнале «Вестник Европы», и оба героя Толстого представлены как ее читатели.²⁴ Толстой сделал Пьера адептом натурфилософских идей Гердера потому, что он видел в учении Гердера типологически характерные черты мистической натурфилософии, которая пришла в Россию вместе с масонством.²⁵

Как показал М. Идель, мистическая натурфилософская концепция лестницы природы, представлявшая собой аллегорическую интерпретацию библейской «лестницы Иакова» (Быт. 28:12—16), была впервые сформулирована арабским мистиком-неоплатоником Аль Батальявси в IX веке. У него она была заимствована еврейскими мистиками (каббалистами), а затем, через их посредство, пришла в ренессансную мистическую натурфилософию (Пико де ла Мирандола, Джордано Бруно и др.).²⁶ Приведу здесь, как один из вероятных источников повторяемых Пьером рассуждений Гердера, следующий классический образец описания лестницы природы — фрагмент из трактата Джордано Бруно «О магии» («De magia»): «маги принимают за аксиому, которую следует всегда иметь в виду, что Бог обращается в богов, боги — в небесные тела, или звезды, каковые суть воплощения священного, звезды — в демонов, (...) демоны — в стихии (elementa), стихии — в смеси, смеси — в чувство (sensus), чувство — в душу, душа — во все живое, и такая *лестница нисхождения*; немедленно живое *восходит* через душу к чувству, через чувства в смеси, через смеси в элементы, через те в демоны, через тех (...) в звезды, через них в воплощенных богов».²⁷

«Господь на небесах поставил престол Свой», — пел царь Давид (Пс. 102:19). Согласно восходящим к Библии геоцентрическим космологическим представлениям, над Землей расположена лестница «небес» (некто-

²⁴ См.: Краснов Г. В. Философия Гердера в творчестве Толстого // Л. Н. Толстой. Ученые записки. Статьи и материалы. Горький, 1961. Вып. VI. С. 162—165. Как мне представляется, общий вывод Г. В. Краснова (и последующих авторов, писавших на эту тему) о влиянии Гердера на Толстого не является достаточно обоснованным. Факты свидетельствуют лишь об использовании Толстым ряда идей Гердера в качестве того, что Шкловский называл «матерьялом» его романа.

²⁵ О конкретных источниках идей Гердера в мистической традиции Толстой, по всей видимости, не знал ничего. Неясно, было ли ему известно о принадлежности Гердера к масонству.

²⁶ См.: Idel M. Ascension to the High: Pillars, Lines, Ladders. Budapest; New York, 2005. P. 167—204.

²⁷ *Jordani Bruni Nolani. Opera Latinae Conscripta.* Stuttgart; Bad Cannstatt, 1962. Vol. 3. P. 401—402 (перевод с латыни и курсив в цитате мои. — В. П.). Магами Бруно называет вообще всех носителей «тайного знания» — египетских «тримегистов» (так!), галльских друидов, индийских гимнософистов, персидских магов, еврейских каббалистов и греческих и римских философов, а также Гесиода и других поэтов (Ibid. P. 397). Библейская лестница Иакова, по которой восходили и нисходили ангелы, интерпретирована в данном случае одновременно и как структура Космоса, и как *via mystica*. Как и некоторые другие мистики, Бруно полагал, что душа мистика восходит на Небеса и нисходит с них многократно.

рые считали, что их семь, другие — что девять или больше). На верхней ступени этой лестницы находится Престол Бога и пребывают святые и ангелы. Эти представления были одной из основ мистической натурфилософии, которая еще в начале XIX века многими считалась источником истинного знания о мире, отождествлялась с наукой. Для Толстого такое отождествление было уже невозможно, да и ненужно. Через десятилетие после «Войны и мира», в «Исповеди», Толстой писал, что изучение «в бесконечном пространстве бесконечных по времени и сложности движений частиц», изучение ответов науки «о химическом составе звезд, о движении солнца к созвездию Геркулеса, о происхождении видов и человека, о формах бесконечно малых атомов» бесполезно для религии, объясняющей человеку смысл его жизни (23, 20, 21). В «Войне и мире» Толстой еще не давал определенных ответов на религиозные вопросы, но он был уже очень далек от вполне архаичных в его эпоху попыток выдавать за религию устаревшую науку. Это обстоятельство следует учитывать, когда мы оцениваем отношение автора «Войны и мира» к космологической мистике его героя.

В конце четвертого тома «Войны и мира» автор поместил рассказ об окончательном расставании Пьера с мистицизмом. Поразительно и вместе с тем характерно для Толстого, что и этот рассказ построен им на основе повествовательной схемы *via mystica*. Вскоре после возвращения из плена Пьер тяжело заболевает, и его болезнь становится для него новой инициацией — временной смертью, за которой следует воскресение. «Воскресший» Пьер обретает веру в живого Бога, которая противопоставляется его прежней вере в мистическое знание: это «не вера в какие-нибудь *правила, или слова, или мысли*, а вера в живого, всегда ощущаемого Бога». В отличие от мистического знания, эта вера приходит к Пьеру без посредничества какого бы то ни было «благодетеля», но из его собственного опыта: «вдруг он узнал в своем плену (...) то, что ему давно говорила нянюшка: что Бог вот Он, тут, везде. Он в плену узнал, что Бог в Каратаеве более велик, бесконечен и непостижим, чем в признаваемом масонами Архитектоне вселенной» (12, 205). «Прежде разрушавший все его умственные постройки, — продолжает Толстой, — вопрос: зачем? теперь для него не существовал. Теперь на этот вопрос: зачем? в душе его всегда готов был простой ответ: затем, что есть Бог, без воли которого не спадет волос с головы человека» (12, 206). Открывшиеся Пьеру истины веры прямо отрицают мистические представления о высшей истине как знании. Пьер понимает, что если есть живой Бог, заботящийся о человеке, то человеку и спрашивать ни о чем не нужно, и искать знания не нужно, и никакие хождения по *via mystica* не нужны.

В Эпilogue «Войны и мира» Пьер представлен как враг мистицизма. Пьер осуждает мистицизм потому, что его стало исповедовать «правительство». «Государь ни во что не входит. Он весь предан этому мистицизму», — говорит Пьер. Как с иронией замечает повествователь, «*мистицизма Пьер никому не прощал теперь*» (12, 283). Превратившись в декабриста, герой вычеркивает свое масонское прошлое.²⁸

В процессе создания «Войны и мира» Толстой планировал описание масонской карьеры не только Пьера, но и князя Андрея Болконского. В конечном итоге он от этой идеи отказался, однако сюжетная линия князя Андрея и в окончательных редакциях романа оказалась пронизанной масонскими ассоциациями. Как и Пьер, князь Андрей проведен в романе через

²⁸ П. А. Бурыйкин рассматривает описанную в Эпilogue поездку Пьера в Петербург по делам «одного общества, которого Пьер был один из главных основателей» как часть масонской карьеры героя (*Бурыйкин П. А. Указ. соч. С. 345*). Но это — не более чем домысел.

встречи со смертью, которые становятся для него вступлениями на *via mystica*.

Как первое вступление князя Андрея на *via mystica* представлено тяжелое ранение, полученное им во время Аустерлицкого сражения. Раненый князь Андрей совершает своего рода мистическое восхождение. Увидев небо, он вдруг понимает, что «все пустое, все обман, кроме этого бесконечно-го неба. Ничего, ничего нет, кроме его. Но и того даже нет, ничего нет, кроме тишины, успокоения» (9, 341). Характерно, что в качестве места, где совершается восхождение князя Андрея в мир высшего, небесного бытия, Толстой выбирает Праценскую гору. Гора как точка соединения Земли и Неба — это один из традиционных образов мистического восхождения. Как и временная смерть инициационного мифа, подъем на гору символизирует смену онтологического статуса человека. Намеренно или нет, но вся эта мифологическая символика актуализирована в толстовском тексте. Целиком погрузившись в созерцание Неба, воплощающего высший, духовный мир, герой очищается от всего земного, просвещается знанием открывшейся ему истины и переживает *unio mystica*. С позиции открывшегося ему знания он судит низший, материальный мир как ничтожный — думает «о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о еще большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять из живущих» (9, 356).

Вторая *via mystica* князя Андрея, на которую он вступает после его второго ранения, на Бородинском поле, описана в романе намного более детально. *Очищение* героя описано как длительный процесс. Оно начинается после перенесенной им тяжелой и болезненной операции и выражается в том, что он преодолевает свою сложную и гордую личность и возвращается к своему досоциальному «Я». Обретая «невинный, ребяческий вид» (11, 380), он возвращается к самому себе как к ребенку. Завершается же очищение героя смертью при жизни — «страшной для живых людей отчужденностью от всего *мирского*» (12, 57), отказом от любви к сыну, сестре и невесте — отказом от всего земного.

Многие мотивы, с помощью которых описаны предсмертные мысли и видения князя Андрея, перекликаются с характерными мистическими мотивами, включенными в сюжетную линию Пьера. Так, мысль князя Андрея: «любовь есть Бог, и умереть — значит мне, частице любви, вернуться к общему и вечному источнику» (12, 63), соотносится со сном Пьера, о мире как живом колеблющемся шаре. Как Пьер в своем Можайском сновидении видит себя противостоящим шумным «внешним людям» (11, 290), так и князь Андрей накануне явления ему смерти видит себя говорящим и спорящим «о чем-то ненужном с многими разными лицами» (12, 63). В описании умирания и смерти князя Андрея (его смерть автор прямо называет «*таинством*» — 12, 65) присутствуют отчетливые параллели с описанием таинства масонского посвящения Пьера. Символизм двери, в которую в сновидении князя Андрея рвется смерть (12, 64), соответствует символике двери как врат Храма и врат Истины в ритуале масонского посвящения. В качестве эмблем истины о слитности Бога, жизни, смерти и евангельского учения в этом ритуале предъявляются горящая лампада, Евангелие, череп и гроб с костями. Рядом с умирающим князем Андреем горит свеча, сам он читает Евангелие (11, 381; 12, 59), а его тело изображено как раздираемое, гниущее и мертвое — во время операции из него извлекаются «кости» и «клоки мяса» (11, 255). Параллели между этими двумя описаниями мистического посвящения резко выявляют и контраст между ними. Автор как бы говорит читателю: посмотри, как выглядит ложное мистическое посвящение, разыг-

рываемое масонским ритуалом, и как выглядит подлинное мистическое посвящение, которое устраивает сама жизнь.

В отличие от Пьера, князь Андрей мистически переживает не смерть других и не заменяющую смерть тяжелую болезнь. Он действительно умирает, и это сообщает его предсмертным переживаниям смерти как «пробуждения» (12, 63—64) и слияния человека с Богом-любовью особую весомость. Вместе с тем нельзя сказать, что, описывая эти переживания, Толстой рисует читателю картину восприятия героем потустороннего мира. В конечном итоге, в этом описании нет ничего сверхпсихологического.

Текст «Войны и мира» завершается следующими словами: *«необходимо отказаться от сознаваемой свободы и признать неоощаемую нами зависимость»* (12, 341). Сформулированная в этих словах максима была не только принципом философии истории Толстого, но и принципом его поэтики. Религиозная жизнь людей начала XIX века показана в «Войне и мире» не как результат их свободного выбора, но в ее сложной психологической, возрастной, гендерной, социальной, исторической и культурной обусловленности.

Пьер и князь Андрей обращаются к масонскому мистицизму потому, что они, вместе с той испытавшей влияние идей Просвещения дворянской элитой, которую они представляют в романе, уже не только не верят в традиционное русское православие, но и вообще не имеют никакой веры. Для них, для людей, потерявших веру, но и ищущих веры, мистицизм становится суррогатом веры. И они это ощущают.

Когда Пьер наблюдает накануне Бородинского сражения поклонение иконе Смоленской Богородицы, его поражает «серьезное выражение лиц» солдат и ополченцев, «однообразно-жадно смотревших на икону» (11, 194). Пьер пытается научиться вере у «простых солдат», у Платона Каратаева, он даже ненадолго обретает такую веру, но удержать ее он не может, потому что такая вера несовместима с «зависимостями», определяющими его жизнь. Но то, что невозможно для Пьера, невозможно для «просвещенного» общества, оказывается возможным для тоже «просвещенного» Кутузова. Подобно простым солдатам, Кутузов с полной верой поклоняется иконе Смоленской Богородицы (11, 195). Получив известие об оставлении Наполеоном Москвы, Кутузов прежде всего обращает свой взор «к красному углу избы, черневшему от образов», чтобы поблагодарить Бога: «Господи, Создатель мой! Вял Ты молитве нашей. Спасена Россия» (12, 113). Кутузов имеет простую веру потому, что он старик, в котором уже погасли все личностные устремления, и по многим другим, «бесчисленным», как любил говорить Толстой, причинам. Так что и его вера — это не его выбор, а его судьба.

Когда князь Андрей умирает, в его насыщенную масонскими мистическими ассоциациями религиозную рефлексию проникают мысли о княжне Марье и ее простой вере, основанной на Евангелии. Однако та вера, которую он обретает перед смертью, совсем не тождественна вере его сестры. Религиозность княжны Марьи обусловлена в романе всей той сетью зависимостей, в которой она запутана. Княжна Марья — одинокая, некрасивая, не имеющая надежд на замужество, рано стареющая, подавляемая деспотичным отцом русская дворянская девушка. Закономерным образом она ищет религиозного утешения в погружении в Евангелие, в молитвы и в тот специфический мир русского народного православия, который представляют принятые ею в ее ближайшее окружение «божьи люди» — странники по святым местам, рассказывающие о чудесах, совершенных чудотворными иконами и мощами святых. Характерен следующий эпизод. Состоящая с княжной Марьей в переписке Жюли Карагина присылает ей в Лысые Горы

«имеющую огромный успех мистическую книгу» — «Ключ к тайнствам натуре» немецкого мистика XVIII века Карла фон Эккартхаузена (книга была исключительно популярна в масонской среде). Ответ княжны Марьи — отказ читать эту книгу, поскольку «мистические книги возбуждают сомнения в умах — будем лучше читать апостолов и Евангелие» (9, 109—114). Хорошо ли поступает княжна Марья, подвергая свое чтение цензуре из страха потерять веру, или, может быть, лучше поступает ее отец-атеист, разрешающий ей читать мистическую книгу, потому что «в религию он не вмешивается»? На подобные вопросы в «Войне и мире» просто нельзя найти ответа.

Сказанное позволяет следующим образом кратко суммировать отношение Толстого в «Войне и мире» к мистической традиции. Это отношение тройственно. В качестве писателя, исследующего историю, Толстой воспринимает эту традицию как часть исторического прошлого, которое следует не хвалить или порицать, но объяснять. В качестве мыслителя, занятого поисками смысла жизни, Толстой ценит содержащийся в мистицизме пафос причастности человека к универсальному духовному единству мира, но при этом он скептически относится к условностям мистического способа мыслить и совсем не принимает мистического ритуализма. В качестве художника-повествователя, Толстой находит в мистических текстах исключительно притягательный для него запас литературного материала. Изображая религиозный опыт своих мистических героев, Толстой естественным образом превращает некоторые элементы дискурса мистицизма в элементы своего литературного дискурса. Но, не будучи проповедником какого бы то ни было религиозного мировоззрения, Толстой в «Войне и мире» никакого мистического мировоззрения также не проповедует.

Превращение Толстого в религиозного проповедника, совершившееся с ним к началу 1880-х годов, привело к изменению его отношения к традиции мистического гносиса. Это изменение было парадоксально-двойственным по своему характеру. С одной стороны, Толстой начал систематически нападать на мистицизм — или, вернее говоря, на то, что он теперь называл мистицизмом. С другой стороны, объективно говоря, религиозно-философские взгляды позднего Толстого были прочно связаны, хотя и весьма сложным и противоречивым образом, с гностической мыслью.

В марте 1901 года, отвечая на обвинения, которыми Синод сопроводил его отлучение от церкви, Толстой писал: «Если разумеешь жизнь загробную в смысле второго пришествия, ада с вечными мучениями, дьяволами, и рая — постоянного блаженства, то совершенно справедливо, что я не признаю такой загробной жизни; но жизнь вечную и возмездие здесь и везде, теперь и всегда, признаю до такой степени, что, стоя по своим годам на краю гроба, часто должен делать усилия, чтобы не желать *плотской смерти, то есть рождения к новой жизни*» (34, 248—249). Содержащееся в этом заявлении понимание смерти многократно и в различных формах высказывалось Толстым — и в его религиозно-философских трактатах, и в его дневниках и письмах, и в его повествовательной прозе. В повествовательной прозе Толстого с этим пониманием был связан устойчивый сюжетный компонент, объединенный темой «откровений смерти». Основой этого сюжетного компонента стала разработанная Толстым в «Войне и мире» схема *via mystica*.

В двух повестях Толстого, «Смерть Ивана Ильича» (1886) и «Хозяин и работник» (1895) сюжетный компонент «откровений смерти» включен в рассказы об умирании героев, внезапно достигнутых смертью.

Основная сюжетная линия повести «Смерть Ивана Ильича» отчетливо распадается на две части, в которых ее герой представлен по-разному. В пер-

вой части Иван Ильич — это уникальная личность со своей «особенной» судьбой, это личность, которая не желает быть «вообще человеком», просто «смертным» — Каем из известного силлогизма. Вспоминая этот силлогизм («Люди смертны, Кай человек, поэтому Кай смертен»), Иван Ильич отказывается признавать себя в Кае, потому что для самого себя «он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем *особенное* от других существо» (26, 92—93). Свою болезнь, свои страдания от боли, свой ужас перед неизбежной и скорой смертью Иван Ильич воспринимает как ужасный, несправедливый приговор, который вынес ему ужасный, несправедливый судья Бог. Иван Ильич даже подозревает Бога в намерении уничтожить вместе с ним и весь мир: «Меня не будет, так что же будет? Ничего не будет», — думает Иван Ильич (26, 91).

Вторая часть основной сюжетной линии повести представляет собой рассказ о кризисе и изменении самосознания героя, построенный на основе схемы *via mystica*. Герой *очищается* от своей «особенности», и это очищение приносит ему *просвещение*. Герой начинает понимать, что его «особенность» и была источником и его предсмертных страданий, и зол и несчастий, из которых, как он теперь осознает, состояла вся его жизнь с тех пор, как окончилось его детство и он перестал ощущать себя частью огромного *общего* мира. Проводниками героя на этом пути его просвещения, его своего рода мистическими учителями («благодетелями») знаменательным образом становятся «естественные люди», сохранившие связь с «общим миром», — ходящий за ним лакей-мужик (вспомним здесь Платона Каратаева) и его маленький сын. Финалом пути героя становится *unio mystica* — выход в общий мир всех людей, соединенных Богом-любовью и неподверженный смерти. Рассказ о *via mystica* Ивана Ильича помещен в сжатый до минимума временной континуум, так что ее стадии описаны как накладывающиеся друг на друга. Сразу же после того, как его полный любви и жалости сын поцеловал его руку, «Иван Ильич провалился, увидел свет, и ему открылось, что жизнь его была не то». Свет, который увидел Иван Ильич, это *свет просвещения*, приносящий *мистическое знание* (гносис) о том, что нужно и хорошо отказаться от «плотской жизни», что общий закон смерти несет с собой не зло, а добро — освобождение боли и страданий и вечную жизнь в Боге. Но свет этот одновременно означает также и Бога, с которым в последние мгновения своей земной жизни соединяется Иван Ильич. Соединившись с Богом, герой оставляет смерть позади: «смерти *не было*»; «вместо смерти был свет» (26, 112—113).

Подобно Ивану Ильичу, герой повести «Хозяин и работник» Брехунов — тоже сначала ничего не знает и не желает знать, кроме своего «особенного» мира. И его тоже заставляет отречься от этого мира внезапно подступившая к нему смерть, которую он тоже, как и Иван Ильич, сначала не желает принять. Кульминацией этого противления смерти становится попытка героя, застигнутого страшной метелью посреди поля вместе со своим работником Никитой, спастись в одиночку. И лишь благодаря безуспешности этой попытки, под давлением неумолимых обстоятельств Брехунов (тоже подобно Ивану Ильичу) смиряется перед лицом смерти и принимает ее откровения.

Via mystica Брехунова начинается с *очищения*: страх смерти, мучивший Брехунова, «вдруг совершенно проходит», и он «вдруг» ложится на замерзающего Никиту, которого теперь он всеми силами своей души желает согреть и спасти. «*Жив Никита, значит, жив и я*», — думает Брехунов. Смысл этих слов (восходящих к знаменитой и любимой Толстым индуистской мистической формуле «*tat twam asi*», «ты это я») заключается в утвер-

ждений, что истинная жизнь человека находится за пределами его «особенности», что лишь очистившись через любовь, через соединение с *другими*, человек начинает жить истинной жизнью.

За очищением героя следует его *просвещение*, приносит ему его мистическое сновидение. В этом сновидении исчезает время («он не видал, как проходило время») и открывается вечность. Все впечатления прежней жизни Брехунова сливаются «в один белый свет», из которого к нему приходит Бог. Бог приходит к нему как «радость», и как «освобождение», и как исполнение сокровенной надежды — как «тот самый, кого он ждет». Брехунов слышит зовущий его к себе голос Бога — «того самого, который кликнул его и велел лечь на Никиту». Встреча с Богом становится для Брехунова перерождением и обновлением — он «просыпается совсем уже не тем, каким он заснул». Результатом этой встречи оказывается получение истинного знания. Прежнего себя герой называет незнающим, о себе новом он говорит: «теперь знаю» (29, 43—44). В своем предсмертном мистическом опыте Брехунов проходит сквозь смерть и, оставив ее позади, соединяется с Богом.

Л. Шестов, который первым прочитал прозу позднего Толстого на фоне мистической традиции, писал, что в ней Толстой «рассказал нам о „заполненной“ пох *mystica* многое такое, что не открывалось даже прославленным, канонизированным святым — Бернарду Клервосскому, св. Терезе, Иоанну дель-Кроче».²⁹ С этой оценкой Шестова спорить невозможно. Но возможно и следует спорить с тем, как Шестов понимал пох *mystica* Толстого. Согласно Шестову, «и Иван Ильич, и Брехунов вне достижений разума: оба умирают в совершенном одиночестве. Толстой умышленно отрезывает их от всех людей, от всякого „делания“ и от всех источников, из которых мы черпаем обыкновенно жизненные силы».³⁰ Однако, как мы уже здесь имели возможность убедиться, в рассказах Толстого о пох *mystica* его героев постоянно присутствует мотив интенсивной работы их рефлектирующей мысли, их разума. Именно благодаря деятельности разума «мистические герои» Толстого избавляются от абсолютного одиночества перед лицом смерти, соединяясь в любви не только с Богом (как это истолковал Шестов), но и с другими людьми. Пох *mystica* Толстого не была заполнена ни тоской одинокого монаха, ни иррационализмом одинокого философа, не вмешивающегося в жизнь людей. Пох *mystica* Толстого была заполнена размышлениями опиравшегося на разум писателя, который «днем» был погружен в многочисленные и многообразные социальные связи с другими людьми и который был деятелем, посвятившим свою жизнь общему благу.

В некоторых повествовательных произведениях позднего Толстого сюжетный компонент «откровений смерти» помещается не в конце, как в двух рассмотренных повестях, а в середине текста. Такие тексты строятся как рассказы не о реальной, а о *символической* смерти их героев.

В повести Толстого «Отец Сергей» (1898) роль смерти символически играет совершенное героем отвратительное преступление — совокупление с безобразной и психически больной дочерью купца, приведенной к нему ее отцом для исцеления. Старый монах, почитаемый людьми за святого чудотворца-исцелителя, отец Сергей воспринимает свое преступление как абсолютный конец своей жизни — как духовную смерть, которая требует немедленной смерти физической — самоубийства. Но по воле обстоятельств и судьбы (за которыми, разумеется, стоит автор) это преступление получает в жизни героя совершенно иное значение — оно становится его *очищением*.

²⁹ Шестов Л. На весах Иова. М., 2001. С. 137. Выражение «откровения смерти» — изобретение Шестова.

³⁰ Там же. С. 145.

«Особенный», одинокий и гордый мир без людей и без любви, в котором пребывает герой, разрушается его грехом. И герой, превратившийся в последнего и ничтожного грешника, очищается и оказывается готовым к переходу на следующую стадию *via mystica* — стадию *просвещения*. В повести этот переход оформлен как ряд духовных восприятий-видений, происходящих на границе между сном и действительностью. В них перед героем проходят картины его встреч с его старой знакомой Пашенькой и появляется ангел, который «пришел к нему и сказал: „Иди к Пашеньке и *узнай* от нее, что тебе надо делать, и в чем твой грех, и в чем твое спасение”». Как пишет автор, проснувшийся отец Сергей «решил, что это было виденье от Бога» (31, 37—38). Посещение Пашеньки, сама ее личность, целиком поглощенная любовному служению людям, просвещают героя и приводят его на новый путь жизни — путь безымянного, бездомного, лишенного всякого имущества странника, который, полностью посвящая себя служению людям, растворяет свою личность в общей жизни. Именно такое растворение и является, согласно позднему Толстому, единственным способом достижения единения с Богом (*unio mystica*) человеком, еще не перешагнувшим порога «плотской смерти».

Как пронизательно указал П. М. Бицилли, «основная интуиция» Толстого была пронизана «мистикой смерти», в которой совмещались два полярных понимания смысла смерти — как абсолютного и ужасного конца и как нового начала человеческого существования.³¹ В сюжетах прозы Толстого и в его философских медитациях эти полярные понимания сложным образом связывались друг с другом. Но сами по себе они имели различную природу и восходили к разным сторонам его духовного опыта.

Анализируя серию сюжетов Толстого о героях, внезапно настигнутых смертью, М. Б. Плюханова обнаружила, что первый текст этой серии, рассказ «Метель» (1856), стал мотивным источником для всех последующих сюжетов серии. В «Метели» отразились реально происшедшие в жизни Толстого события — угроза смерти, пережитая Толстым в январе 1854 года, когда он заблудился в заснеженном поле во время метели, и умирание от туберкулеза брата Дмитрия, свидетелем которого Толстой стал спустя два года.³² Эти и другие подобные факты его биографии стали основой созданного им *психологического* дискурса повествований о героях, переживающих смерть как конец своей жизни. Что же касается осмысления смерти как нового начала, то оно не было, да и не могло быть у Толстого продуктом непосредственного, биографического, психологического опыта. Это осмысление имело своим источником религиозно-философскую рефлексию Толстого, которая уже в «Войне и мире», как мы видели, принесла вполне зрелые плоды. Разумеется, направление этой рефлексии, направление отбора существующих в культуре идей о смерти, который производился Толстым, было предопределено характером его первичной религиозной интуиции. В глубине души Толстого жило стремление к вечной жизни и жила надежда, что это стремление не напрасно, что оно должно встретить ответ того, кто сам есть вечная жизнь. Эти ничем не мотивированные, «врожденные» идеи Толстого и предопределяли то русло, в котором текла его религиозная мысль.

21 декабря 1879 года, сообщая о своей работе над изложением своего нового религиозного мировоззрения в письме к брату Сергею Николаевичу,

³¹ См.: Бицилли П. М. Проблема жизни и смерти в творчестве Толстого // Л. Н. Толстой: Pro et contra: Личность и творчество Толстого в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 2000. С. 473—475.

³² См.: Плюханова М. Б. Рассказ «Метель» в системе ассоциаций Толстого // Лев Толстой в Иерусалиме. С. 302—310.

Толстой писал: «Я все так же предавался своему сумасшествию, за которое ты так на меня сердисься» (62, 507). В 1884 году Толстой начал писать автобиографический рассказ «Записки сумасшедшего» (26, 268—274), где он попытался (рассказ так и остался незавершенным, хотя Толстой и возвращался к нему позднее) описать природу и историю своей религиозности, которая превращала его в сумасшедшего в глазах огромного большинства людей. История «сумасшествия» героя/автора «Записок» имеет своим началом три эпизода, относящихся к его детству. В этих эпизодах рассказывается о реакции ребенка-«сумасшедшего» на проявления насилия: о «холодном ужасе», который охватил его из-за криков экономки на его няню, и о его безудержных рыданиях, которыми он реагировал на зрелище избиваемого мальчишка и на рассказ его няни о мучениях Иисуса Христа. После долгого многолетнего перерыва знакомое «сумасшедшему» с детства душевное смятение возвращается страшной «арзамасской ночью» (здесь Толстой описывает «арзамасский ужас», испытанный им в ночь на 4 сентября 1869 года). Это смятение не меняет его жизни, но оставляет «осадок» в его душе, чтобы спустя несколько лет повториться еще более страшной «московской ночью». С «московской ночи» начинается долгий духовный кризис героя, который соответствует кризису, пережитому Толстым в 1875—1878 годах. Как и Толстой, «сумасшедший» ищет выход из кризиса в религии. Как и Толстой, он сначала обращается к традиционному православию, а затем, отвергнув православие, находит его в новом, выработанном им самим религиозном миропонимании.

Исследователи Толстого не раз отмечали, что «Записки сумасшедшего» по своей исповедальной обнаженности превосходят все другие толстовские тексты автобиографического характера.³³ Но «Записки сумасшедшего» — это не автобиографическое описание, передающее лишь временную последовательность событий. Это также не автобиографический учительный трактат, как «Исповедь», где автор предлагает читателю обобщенный, типизированный образ себя как человека эпохи религиозного перелома — падения старой религии и рождения новой. «Записки сумасшедшего» — это вымышленное, *сюжетное* повествование, элементы которого связаны друг с другом не только временными и концептуальными, но и причинными связями.

В противоположность большинству биографических повествований Толстого, где детская и взрослая жизнь их героев резко противопоставляются, в «Записках сумасшедшего» детские и позднейшие переживания героя описаны как полностью однородные. Все они объединены общим мотивом неприятия насилия. В детских эпизодах этот мотив присутствует в явном виде. В рассказах об «арзамасской» и «московской» ночах он полускрыт в описаниях вторгшейся в жизнь героя смерти: «Ничего нет в жизни, а есть смерть, а ее не должно быть... Жутко, страшно, кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь, то умирающей жизни страшно. Как-то жизнь и смерть сливались в одно. Что-то *раздирало* мою душу на части и *не могло разодрать*»; «*мучительно разрывалась* душа с телом». Смерть в этих описаниях представлена как попытка и тем самым уподоблена побоям, насилию. «Холодный ужас», который вызывают в герое крики рассерженной экономки, и «ужас красный, белый, квадратный», который вызывает в нем встреча со смертью «арзамасской ночью», — вызваны общей причиной. То, что во втором из этих эпизодов Толстой называет смертью, является, таким образом, не смертью в собственном смысле этого слова, но *абсолютным злом насилия*. В приравниваемом к смерти зле насилия Толстой видит метафизическое существо «общей всем жизни» — ее первородный грех.

³³ Ср., например: Зверев А., Туниманов В. Лев Толстой. М., 2006. С. 342—345.

Сюжет «Записок сумасшедшего» весьма специфическим образом варьирует повествовательную схему *via mystica*. Мистическое очищение героя представлено здесь как длительный, продолжающийся долгие годы процесс. Вместе с тем *просвещение* героя и обретение им *unio mystica* описаны как одно и единое событие — как своего рода чудо. Это чудо, которое герой называет своим «полным сумасшествием», происходит с ним во время обедни в церкви. Сам герой рассказывает об этом так: «И вдруг мне принесли просвиру, потом пошли к кресту и стали толкаться, потом на выходе нищие были. И мне вдруг стало ясно, что этого всего не должно быть. Мало того, что этого не должно быть, что этого нет, а нет этого, то нет и смерти и страха, и нет во мне прежнего раздиранья, и я не боюсь уже ничего. Тут уже совсем свет осветил меня, и я стал тем, что есть. Если нет этого ничего, то нет прежде всего во мне. Тут же на паперти я роздал, что у меня было, 36 рублей, и пошел домой пешком, разговаривая с народом» (26, 274).

Как сообщается в начале «Записок сумасшедшего», общество отреагировало на «полное сумасшествие» героя направив его на психиатрическое освидетельствование, т. е. предприняв попытку объявить его недееспособным — социально мертвым. С точки же зрения героя/автора, мертво, не существует («ничего этого нет») как раз само это общество. С этой точки зрения подлинным существованием наделены только Бог и открывающий Бога в своем уходе из пораженного смертью общества человек.

В недописанных и поэтому не до конца ясных «Записках сумасшедшего» Толстой лишь приоткрыл перед своим читателем двери в тайная тайных своей религиозной интуиции. Но на фоне предпринятого поздним Толстым похода против насилия, присутствие которого он распознавал во всех сторонах жизни современной цивилизации, недосказанное им в этом тексте проясняется полностью. Обращение к религии, к Богу стало для Толстого воплощенным метафизическим «нет» насилию. «Бог-любовь» Толстого стал утверждением возможности и необходимости жизни за пределами пораженной смертным грехом насилия господствующей формы человеческого общежития. Именно поэтому Толстой с таким отчаянным упорством, несмотря ни на какие прагматические возражения, держался за главное положение своей веры — за заповедь ненасилия, непротивления злу силой. Именно поэтому он с такой настойчивостью размышлял о своем уходе.

Один из плодов этих размышлений Толстого — его «Посмертные записки старца Федора Кузмича» (1905). Героя этой своей незавершенной повести, бывшего императора Александра I, превратившегося в странника, скитающегося по Сибири, Толстой наделил автобиографическими чертами. Хотя Толстому было очень хорошо известно о реальных мистических увлечениях реального императора Александра, он ничего об этом не написал. В основу мыслей своего героя о смысле жизни и смерти Толстой положил свою собственную «мистику смерти». «В этом одном, в приближении к смерти, разумное желание человека. Желание не в смерти, не в самой смерти, а в том движении жизни, которое ведет к смерти. Движение это есть освобождение от страстей и соблазнов того духовного начала, которое живет в каждом человеке. Я чувствую это теперь, освободившись от большей части того, что скрывало от меня сущность моей души, ее единство с Богом, скрывало от меня Бога» (36, 72). Так думает герой. Так думает автор.

Положив в основу сюжета «Посмертных записок старца Федора Кузмича» известную легенду о второй жизни императора Александра, Толстой переработал эту легенду в соответствии со своей схемой *via mystica*. Впрочем, и в самой этой легенде было нечто такое, что как будто специально было приготовлено для Толстого, — рассказ о мнимой/символической смерти ге-

роя. Задумавший «уйти» император инсценирует свою смерть, приказав положить в гроб тело своего двойника — похожего на него, в шутку называемого Александром II солдата, которого забивают насмерть шпицрутенами. К этому решению Александра приводит совершающееся в нем *просвещение*: под влиянием впечатлений от казни он переосмысливает всю свою взрослую, социализированную жизнь³⁴ как «безумную», погруженную в насилие жизнь «для людей» и без Бога. Сам уход Александра символически интерпретируется как смерть. Умерший «для людей», умерший как император, как социальная функция, Александр воскресает в облике «старца», «простого человека», живущего за пределами сферы насильственной цивилизации во все возрастающем единении с Богом. Тем самым он дает воскресение и вторую, новую жизнь не только самому себе, но и своей жертве — убитому по его вине Другому (*tat twam asi!*).

В повествовательной прозе позднего Толстого используются, говоря в общем, те же самые мистические/гностические мотивы, что и в «Войне и мире». Но функция этих мотивов изменяется. Они уже больше не являются элементом культурно-исторической характеристики изображаемого общества. В отличие от Пьера Безухова, ни Брехунов, ни Иван Ильич, ни отец Сергей, ни герой «Записок сумасшедшего», ни даже император Александр — не масоны и не гностики, и с мистицизмом как с исторической традицией не связаны. С помощью мистических мотивов автор оформляет свои рассказы о «реальном» мистическом опыте своих героев и, через их посредство, о своем собственном мистическом опыте. Так мистический гнозис, пусть и глубоко рационализированный, становится у позднего Толстого формой выражения его религиозного миропонимания.

О своем религиозном пути Толстой рассказывал по-разному. В «Исповеди», глубоко пронизанной «дневным», рационалистическим пафосом, он почти ничего не говорил о своем «ночном», мистическом религиозном опыте. Всю свою жизнь до кризиса он обобщенно описал как лишенную веры и потому лишенную смысла.³⁵ Об арзамасской *nox mystica* он прямо не сказал ничего, а для рассказа о своем кризисе 70-х годов он прибег к рационалистическому дискурсу морально-психологического анализа. Из объяснения случившихся с ним в кризисные годы «минут остановки жизни», поразившей его «смертельной внутренней болезнью», овладевшего им восприятия своей жизни как «ужаса тьмы» (23, 10—15) Толстой (надо полагать, вполне осознанно и не без усилий) изгнал духа мистицизма.

В 1882 году, создавая последнюю редакцию «Исповеди», Толстой снабдил ее новым финалом — рассказом о мистическом сновидении, в котором он увидел себя висящим между небом и бездонной пропастью и при этом испытывающим чувство полной безопасности (23, 57—59). Этот рассказ — едва ли не единственный реликт дискурса *nox mystica* в трактатах позднего Толстого, дискурс которых Толстой последовательно строил как полностью рационалистический, как очищенный от всего того, что способно выпасть из сети строгой логической аргументации. Впрочем, и мистический финал «Исповеди» — это скорее подтверждение общего правила, чем исключение

³⁴ Как и в «Записках сумасшедшего», в «Смерти Ивана Ильича» и во многих других текстах Толстого, Александр — невинный ребенок представлен здесь в руссоистском духе — как внесоциальное существо. Поэтому его духовное воскресение оказывается также возрождением детского состояния.

³⁵ Как убедительно показала в своей большой работе на эту тему И. Меджибовская, духовный путь Толстого до середины 1880-х годов представлял собой историю длительного и постепенного религиозного обращения (см.: *Medzibovskaya I. Tolstoy and the religious culture of his time: A biography of long conversion.* Lanham, 2008).

из него: по своему жанровому характеру она гибридна, и в ней сочетаются черты религиозно-философского трактата и повествовательного прозаического произведения.

Толстой был многолик, но разные стороны его личности отпечатлелись им в разных жанровых формах его литературного письма, которые он обыкновенно не смешивал. Творческий мир Толстого был устроен наподобие культуры, в которой есть единство и есть несмешивающиеся разноречивые компоненты. «Дневной», рационалистический Толстой религиозно-философских трактатов не отменял, но дополнял себя «ночного».

Важнейшим для творчества Толстого результатом его выхода из кризиса стало его обращение к созданию рациональной системы идей, отражающей его новое жизнепонимание. Систему эту Толстой строил как критику. Поскольку он определил свое жизнепонимание как христианское, он начал с критики основы христианской традиции — Священного Писания (в трактате «Соединение и перевод четырех евангелий») и священного предания церкви (в «Исследовании догматического богословия»). Поставив свою критику под знак Разума, Толстой сделал одним из главных ее объектов «мистицизм».

В трактате «Соединение и перевод четырех евангелий» Толстой принял попытку реконструировать (сконструировать) текст, содержащий «учение Христа». При этом он не только отбросил как нечто ненужное и даже вредное все книги Ветхого Завета и часть книг Нового Завета. Из канона Нового Завета Толстой принял только тексты четырех евангелий и первое послание ап. Иоанна, содержащее положение о том, что «Бог есть любовь». Заново переведя с греческого языка и подвергнув глубокому редактированию эти тексты, Толстой составил свой собственный евангельский свод.

Согласно «Евангелию Толстого», самым главным в благой вести Христа было возвещение о Боге-Разуме. Толстой перевел «Логос» первого стиха Евангелия от Иоанна как «разумение», и начальные фразы этого Евангелия приобрели у него следующий вид: «Началом всего стало разумение жизни, и разумение жизни стало за Бога» (24, 25—26). Исходя из понимания Бога как универсального безличного духовного начала, тождественного «разумению», т. е. разуму-в-действии, Толстой исключил из своего евангельского свода все элементы, которые он счел противными разуму. Он отверг как «выдумки писателей» созданные «для рекламы» (24, 793) рассказы о сверхъестественном рождении Христа от Девы и Духа, о его воскресении и вознесении, о воскрешении Лазаря и т. п. Вместе с тем он отверг также и «мистические церковные толкования» тех мест евангелий, в которых церковная традиция усматривала свидетельства Божественности Христа, его искупительной миссии, данного им обетования о воскресении людей во плоти и т. д.

Но парадоксальным и одновременно закономерным образом, новое христианство Толстого было не менее, если не более мистическим, чем церковное, — несмотря на всю ту броню рационализма, в которую оно было облечено. Это особенно ярко проявилось в созданном Толстым учении о воскресении. Толстой заново перевел многократно встречающийся в Евангелиях и традиционно переводимый как «воскресение» греческий термин *anastasis* — он перевел его словом «восстановление». Согласно Толстому, Христос вовсе не обещал своим последователям телесное воскресение из мертвых. Он обещал им «восстановление жизни», которое «состоит в том, что жизнь людей сливается с волей Божией» (24, 612). Христос учил, что «то, что мы зовем жизнью земною, есть смерть», что «истинной жизнью» является лишь «жизнь в Боге, которая не уничтожается» (24, 531). Он учил, что «восстановление от смерти есть жизнь в Боге» и что «для Бога нет времени, и поэто-

му, соединяясь с Богом, Человек уходит от времени, следовательно, от смерти» (24, 617).

В противовес церковной мистике божественности Христа Толстой предложил свою мистику божественной природы человека. В каждом человеке живет «зародыш Бога» (24, 530), который видимым образом проявляется в детях. Поэтому «восстановление» есть также возвращение в состояние детства. Ссылаясь на известные слова Христа (Марк 10:14—15), Толстой писал: «дети, пока они не испорчены людьми, сами собой находятся в царстве Бога»; «так вот что значит быть как дети: не иметь веры в те людские учреждения, которые породили зло — вражду, блуд, обещания, суды, насилие и войны»; «ребенок — это душа Божия, сын Бога, только знающий отца и не знающий заблуждений плоти» (24, 573, 575).

Как известно, представление о детстве как совершенном состоянии человека сложилось уже в раннем творчестве Толстого под воздействием антропологического учения Ж.-Ж. Руссо. Руссо исходил из веры в изначально добрую природу человека и полагал, что порочность людей имеет своим источником дефекты цивилизации. Вместе с тем он верил в перспективу возвращения человека и человечества «назад к природе», в «естественное состояние», в досоциальное идеальное Детство.³⁶ У позднего Толстого руссоистская антропологическая мистика приобрела религиозный характер, соединившись с «учением Христа». Следы присутствия этой мистики в сюжетах позднего Толстого о духовном воскресении я уже отмечал выше.

Если некоторые элементы Священного Писания христианской традиции, хотя и *mutatis mutandis*, Толстой принял, то от ее священного предания рационалистическая критика Толстого не оставила ничего. В трактате «Исследование догматического богословия» Толстой обличил церковные верования как проявления ложной религии — как сплошное неразумие и сплошной обман, поддерживающие ложное, насильническое устройство общества. И в словаре толстовских обличений церковной религиозности — как в этом, так и в других его трактатах — слово «мистицизм» стало синонимом неразумия, т. е. глупости, и обмана.

В трактате «О жизни», завершая конструкцию своей религиозной системы изложением ее метафизических принципов, Толстой объявил разум фундаментальной самоочевидностью: «разум — то, что определяет все остальное, — ничем не может быть определяем (...), мы не только знаем его, но только один разум и знаем» (26, 347—348). Следуя за Кантом, учившим о «религии в пределах одного только разума», Толстой самым определенным образом отождествил разум с моралью и религией: «разум есть тот сознаваемый человеком закон, по которому должна совершаться его жизнь» (26, 347). Он утверждал, что разум является не только содержанием религии, но и ее единственным источником, потому что «человек и всегда познает все через разум, а не через веру» (26, 439). Для мистики в этих метафизических построениях Толстого никакого места оставлено не было.

В составленном Толстым сборнике «Мысли мудрых людей на каждый день» находится следующий весьма примечательный афоризм, сочиненный самим Толстым: «Если ты еще не дошел до той степени, когда тебе представляются две истины противоречащими одна другой, ты еще не начинал мыслить» (40, 120). В сущности, этот афоризм отменяет, как бы походя и невзначай, один из главных принципов рационалистического мышления —

³⁶ Ср. об этих идеях Руссо в русском культурном контексте: Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века // Лотман Ю. М. Избр. статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 42—43, 96.

принцип исключения противоречий. И в самом деле, в годы, отделяющие этот афоризм (1903) от трактата «О жизни» (1886), границы рационализма Толстого постоянно суживались, и его мысль все больше и больше обращалась к концепциям, имевшим иррационалистический, и в частности мистический, характер.

В начале 1900-х годов Толстой задумал «философское изложение истинной жизни» (54, 154), которое должно было прийти на смену уже не удовлетворявшей его религиозной метафизике трактата «О жизни». Записи, содержащие различные варианты положений его новой религиозной метафизики, Толстой делал в своем дневнике и записных книжках, где он чувствовал себя свободным от необходимости подчиняться правилам логической последовательности, которые он старался строго соблюдать в своих публичных выступлениях. Одна из этих записей представляет в связи с обсуждаемой здесь темой исключительный интерес.

1 июня 1904 года Толстой записал в дневнике: «Бог тот, которого я не то, что сознаю, не то, что понимаю, а тот, существование которого для меня неизбежно, хотя я ничего не могу знать про него, как только то, что он есть, этот Бог для меня вечно „Deus absconditus“, непознаваемый. Я сознаю нечто вневременное, непространственное, внепричинное, но я никакого права не имею называть это Богом. <...> Это есть только та высшая сущность, к которой я причащен. Но Начало, principium, этой сущности может быть и должно быть совсем иное и совершенно недоступно мне. <...> Нет Бога, которого я могу просить, который обо мне заботится, но зато я не случайно появившееся по чьей-то прихоти существо, а я орган Бога. Он мне неизвестен, но мое назначение в нем не только известно мне, но моя причастность ему составляет непоколебимую основу моей жизни» (55, 51).

В этом рассуждении Толстого «представляются две истины противоречащие одна другой». Первая из них — истина о непознаваемости Бога. Хотя Толстой и использует здесь заимствованную им у Паскаля формулу «Deus absconditus»,³⁷ его непознаваемый Бог — это не библейский личный Бог Паскаля, это не тот Бог, которого Паскаль, прибегая к библейской формуле, именовал «Богом Авраама, Исаака и Иакова, а не философов и ученых» и к которому он взывал. Непознаваемый Бог Толстого определен им именно как безличный «Бог философов и ученых», к которому взывать бесполезно. И непознаваемость этого Бога Толстой понимал в духе учения Канта о Боге как вещи-в-себе, для познания которой человек просто не имеет подходящего органа чувств.

От Бога Канта и других «философов и ученых» Толстой не отказывался никогда. В этой связи характерна следующая его дневниковая запись от 4 января 1903 года, тоже связанная с его замыслом «философского изложения истинной жизни»: «Для того, чтобы было понятно мое понимание жизни, нужно стать на точку зрения Декарта о том, что человек несомненно знает только то, что он есть мыслящее, духовное существо, и ясно понять, что самое строго-научное определение мира есть то, что мир есть мое представление (Кант, Шопенгауэр, Шпир³⁸)» (54, 153).

Следует отметить, однако, что в приведенной выше записи от 1 июня 1904 года рядом с кантианской истиной о непознаваемости Бога мы обнару-

³⁷ «Бог сокровенный». Кавычки, в которые взята эта формула в тексте Толстого, отмечают ее цитатность.

³⁸ Шпир Африкан Иванович (1837—1890) — немецкий философ-неокантианец российско-го происхождения. Одновременно с Толстым он участвовал в обороне Севастополя в ходе Крымской войны, но позднее переселился в Германию. С его трудами, написанными по-немецки, Толстой познакомился в 1896 году и очень высоко их оценил.

живаем, однако, и «противоположную истину». Присягнув безличному Богу философов, Толстой вдруг ссылается на свой личный и частный опыт — не на разум, а на чувственное восприятие Бога. Более того, он говорит, что он лично причастен Божеству, является его «органом» и только им и живет. Такие ссылки, разумеется, ни в какие рационалистические ворота, ни в кантианские, ни в картезианские, пройти не могут. Перед нами аргументы мистического характера, аргументы, типологически характерные для мистического гносиса.

12 августа 1891 года Толстой записал в дневнике: «Как-то, молясь, мне стало ясно то, что Бог есть точно *реальное существо*, любовь {...} И не чувство, не ощущение, а реальное существо; и я ощутил его» (52, 56). Подобного рода дневниковых записей, описывающих мистический опыт непосредственного восприятия Бога, у Толстого последних лет его жизни было много. Множество раз Толстой предпринимал и попытки точного определения этого опыта. В 1900-е годы он записывал все новые и новые варианты своего «определения жизни», в которых он все более и более склонялся к утверждению, что Бог и только Бог является реальностью, тогда как все остальное — не более, чем иллюзия. Последний вариант «определения жизни» Толстой продиктовал дочери 31 октября 1910 года, в Астапово — за неделю до дня своей смерти и на месте своей смерти. В нем говорится следующей: «Бог есть то неограниченное *Все*, чего человек осознает себя ограниченной частью. Истинно существует только Бог. Человек есть проявление Его в веществе, времени и пространстве. Чем больше проявление Бога в человеке (жизнь) соединяется в проявлениях (жизнями) других существ, тем больше он существует. Соединение этой своей жизни с жизнями других существ совершается любовью. Бог не есть любовь, но чем больше любви, тем больше человек проявляет Бога, тем больше истинно существует» (58, 143).

Для позднего Толстого было важно, что его религиозный опыт подтверждал истинность его учения. Но еще более важным для него было совпадение основ его учения с основами «всех великих, истинных религиозных учений». ³⁹ В таких совпадениях Толстой видел проявление антропологического и религиозного единства человеческого рода. Национальные и конфессиональные разделения людей он считал неразумными, ложными, временными и подлежащими устранению. Толстой приложил поразительные по своей настойчивости и широте обзора усилия, изучая религиозную мысль множества народов мира. Но эти усилия были подчинены у него одной-единственной цели — отысканию элементов универсального истинного знания о Боге. Подобно религиозности европейских гностиков эпохи Возрождения, религиозность Толстого совмещала в себе гуманизм, межконфессиональный синкретизм и безграничное доверие к личному мистическому опыту.

Согласно предложенной Толстым в трактате «О жизни» своеобразной религиозно-типологии, «вер, исповедуемых в наше время, вовсе не тысяча, а только три: китайская, индийская и еврейско-христианская (со своим маленьким отростком — магометанством» (26, 331). Отношение Толстого к этим типам религии было неодинаковым. Иудео-христианскую религию Толстой отверг, решительно осудив ее основной постулат — веру в личного Бога. Идея личного Бога представлялась ему и глубоко ложной, и противоречащей разуму, и морально вредной. «Одна из главных причин зла нашей жизни, — писал Толстой в дневнике 18 декабря 1899 года, — есть воспитываемая в нашем христианском мире вера в грубого, еврейского Бога личного; тогда как главный признак (если можно так выразиться) Бога в

³⁹ С этой оценки Толстой начал свою статью 1909 года «Учение Лао-тзе» (40, 350).

том, что он ничем не ограниченный, следовательно, не личный» (53, 232). «Учение Христа», найденное Толстым в евангелиях, он считал основанным на вере в «не личного» Бога и поэтому не связанным ни с иудаизмом, ни с церковным христианством, которое он тоже считал разновидностью еврейской религии (исходя из этого взгляда, он называл православие «грубой еврейской сектой»).⁴⁰

Отношение Толстого к индийской и китайской религиозным традициям было иным. Толстой вел постоянный доброжелательный диалог с этими традициями — как через посредство изучения созданных в их рамках текстов, так и через контакты с их живыми носителями. В ходе этого диалога он с величайшим энтузиазмом вновь и вновь обнаруживал, что китайские и индийские религиозно-метафизические учения не только созвучны его собственным идеям, но и открывают перед его мыслью новые перспективы расширения. Так, представления Толстого о соотношении Бога, мира и человека были сформулированы под очевидным воздействием мистического учения об Атмане, содержащегося в упанишадах и позднейшей индуистской религиозной метафизике. Это учение описывает Атмана как высший духовный абсолют, который одновременно тождествен как Брахману — первоначальному миру, так и внутреннему существу человеческой души — духовно-му «я» человека.⁴¹

Высоко ценил Толстой и учение Кришны. Показательно, что в одном из описаний содержащейся в этом учении «истины» Толстой прибег к типично гностическим формулировкам: «Истина, что сущность всего существующего не может ощущаться и пониматься нами иначе, чем любовь, и что *душа человеческая есть эманация этой сущности*, развитием которой является то, что мы называем человеческой жизнью, — истина эта более или менее сознательно воспринята всеми людьми и поэтому доступна как наиболее научно развитым умам, так и самым примитивным. Эта истина есть *основа религии Кришны и всех религий*» (письмо проповеднику кришнаизма Премананде Бхарати от 3 февраля 1907 года; 77, 35).

Известен глубокий сочувственный интерес Толстого к древнекитайскому мистико-моралистическому трактату «Дао дэ цзин» (в соответствии с древней традицией Толстой именовал его «учением Лао-Тзе» (Лао-цзы)). Переводу этого трактата он посвятил долгие усилия. Толстой отождествил свое учение о Боге с учением этого трактата о «Дао» («Пути»), в соответствии с которым «существо непостижимое, которое существовало раньше неба и земли, безмолвное, сверхчувственное и безымянное» («Изречения Лао-Тзе»; 40, 352) проявляется в мире как моральный закон любви. Согласно Толстому, учение о «Дао» полностью совпадает с учением «Бог есть любовь», выраженном в 1-м послании ап. Иоанна (40, 351). Под сильным воздействием даосского концепта «У-вэй» («недействие») Толстой написал статью «Неделание» (1893), в которой он возобновил призыв Лао-цзы к людям прекратить всякую активную деятельность, чтобы тем самым открыть их души для деятельности Бога.⁴²

⁴⁰ Подробнее об этом см.: Паперный В. М. Лев Толстой и русско-еврейские отношения в конце XIX — начале XX века // Россия — Запад — Восток: Литературные и культурные связи. СПб., 2013. Вып. 1: Межэтнические и межконфессиональные связи в русской литературе и фольклоре. С. 230—234.

⁴¹ Ср. об этом: Прокопчук Ю. В. Сущность толстовского имперсонализма // Толстовский ежегодник: 2003. Тула, 2005. С. 346—347.

⁴² См. анализ толстовского учения о «неделании» и его «восточных» источников: Чень Бин. Принцип неделания в религиозно-нравственном учении Л. Н. Толстого: Дис. ... канд. филос. наук. Тула, 2004.

Приведенные краткие примеры (их число очень легко было бы умножить) ясно показывают характер подхода Толстого к «восточным» религиозным традициям.⁴³ Толстой понимал и принимал их как гностическую альтернативу иудео-христианской традиции. При этом он отнюдь не воспринимал их как источник религиозного авторитета. Так же, как и из Священного Писания христианства, Толстой сначала отбрасывал и из текстов этих традиций то, что он считал неразумным и ненужным, а затем подвергал остальное «соединению и переводу». 14 января 1907 года Толстой отмечал в своем дневнике, что «браманизм, несмотря на свое более высокое, чем еврейство, религиозное понимание, подвергся таким же, если не еще худшим извращениям» (52, 12). В уже упомянутом письме Премананде Бхарати Толстой сурово указал своему корреспонденту, что «в религии Кришны, как и во всех древних религиях, существуют утверждения, которые не только не доказуемы, но являются явным продуктом неограниченного воображения (т. е. мифами. — В. П.) и к тому же совершенно не нужны для понимания основной истины и утверждения правил поведения, вытекающих из главного принципа». Не преминул Толстой осудить и национальную ограниченность кришнаизма (77, 35). Но подобные инвективы против «восточных» религий были у Толстого редки. Толстой не боролся с религиозностью «Востока», а использовал ее в своей постоянной и настойчивой борьбе с иудео-христианской религиозной традицией.

Оценивая характер религиозности Толстого, Н. А. Бердяев писал: «Я всегда думал и продолжаю думать, что мировоззрение Толстого нехристианское, скорее, буддийское»; «границы толстовского сознания определялись тем, что для него было закрыто сознание о личности и о свободе. В этом отношении он был индусом».⁴⁴ Мне эти оценки Бердяева представляются неверными — и не только потому, что реальная личность Толстого, многообразная и многоцветная, была так очевидно далека от того литературного образа «индуса» и «буддиста», на который ее, пусть и не без некоторых оснований, спроецировал Бердяев. Мировоззрение Толстого тоже не было ни буддийским, ни индусским — оно было результатом попытки Толстого трансформировать христианство, приспособив его к религиозным требованиям современной личности, образцом которой Толстой считал самого себя. Толстой стремился очистить христианство от насилия — будь то в форме религиозной нетерпимости и религиозных преследований, или в форме поддержки государственного и социального насилия, или в форме интеллектуального насилия — авторитарного догматизма. В этом своем стремлении Толстой дошел до самых крайних пределов — до отрицания присутствия воли, создающей возможность насилия, в самом Божестве, до гностического понимания Бога как безличного духа, пронизывающего мир.

Сказанное выше позволяет и даже делает необходимым заключить, что в религиозной философии позднего Толстого присутствовал исключительно значимый компонент, типологически и исторически родственной мистической религиозной метафизике. Однако более далеко заходящее заключение, что поздний Толстой был, говоря просто, мистиком, неверно. Позиция Тол-

⁴³ Наиболее полным историографическим обзором контактов Толстого с этими и другими «восточными» традициями является работа: *Шифман А. И.* Лев Толстой и Восток. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1971. Литература на эту тему очень велика, и я не имею возможности здесь ее обсуждать.

⁴⁴ *Бердяев Н. А.* Собр. соч.: В 5 т. Париж, 1989. Т. 3. С. 111, 116. Ср. также представление об индуизме Толстого, который расценивается сугубо положительным образом, в книге кришнаитского автора: *Бурба Д.* Зеркало русского индуизма: Неизвестный Лев Толстой. М., 2006.

стого по отношению к мистической традиции может быть точнее всего определена как *контр-мистицизм*. Приняв некоторые общие метафизические постулаты мистицизма, Толстой отверг конкретное содержание всех известных ему мистических повествований о внутренней жизни Божества. То, что стало результатом его размышлений над мистической традицией, оказалось не мистикой, но альтернативой традиционной мистике — контр-мистицизмом. Этот контр-мистицизм одновременно был и наделен некоторыми коренными чертами мистицизма, и противопоставлен мистической традиции. То же самое, впрочем, можно было бы сказать и о религии Толстого, и о его христианстве. Религия Толстого, очищенная от культа, ритуала и социальной институционализации, была *контр-религией* — альтернативой религии, подобной ей. Христианство Толстого было *контр-христианством* — альтернативой христианской религиозной традиции, созданной на ее основе.

Толстой никогда не принимал никакого определенного мистического учения в его более или менее целостном виде. В 1860-е годы он весьма скептически оценивал масонский мистицизм, который он хорошо изучил. Поздний Толстой был столь же, если не более хорошо знаком с главным мистическим движением своей эпохи — теософией. В его библиотеке в Ясной Поляне отложилось множество теософских книг и журналов. Некоторые из опубликовавшихся теософами старинных индийских текстов Толстой использовал для своих литературных нужд. Однако многочисленные попытки теософов обратить Толстого в свою веру неизменно кончались ничем, и теософской «тайной доктрины» Толстой не принял.

Время позднего Толстого было временем теософского бума. Теософские книги и журналы предложили своим читателям настоящую энциклопедию мистических знаний, накопленных самыми разными мистическими традициями — от индуистской мистики до еврейской Каббалы, от герметического корпуса до мистики розенкрейцеров, от алхимии до астрологии, от древних гностиков до Якоба Беме и т. д. и т. п. В этой энциклопедии можно было узнать и о тайнах сотворения мира, и о Люцифере, и об Аримане, и об Атмане, и об Осирисе с Гором, и об Уроборосе, и о многих других богах, демонах, духах и космических силах. И все эти оккультные тайны охотно раскрывались любому, кто имел небольшую сумму денег, чтобы купить книгу или журнал. В прошлом окутанная атмосферой секретности, мистика была теперь выволочена на улицу и лежала там обнаженная и доступная всем.

Как известно, теософская мистика соблазнила многих и очень многих представителей народившейся в России символистско-декадентской среды с ее несколько буржуазными вкусами. Но у нее с самого начала было очень мало шансов покорить Толстого — человека изощренно-аристократической культуры. Но главное все-таки было не в этом. Толстой до самой глубины своей души был рационалистом. Он не верил не только в личного Бога, но и в личных богов, демонов и духов, которые населяют универсум мистиков. Мистический гносис неотделим от мифа и магии. В эпоху декаданса, символизма и теософии произошло своего рода возрождение мифа и магии, которые вошли в культурную моду (но и стали, не забудем этого, предметом научного исследования и материалом замечательного искусства). Эта мода, однако, прошла мимо Толстого. Поздний Толстой во многом оставался человеком эпохи Просвещения — борцом с религиозным обманом, предрассудками и суевериями. И старые, и новые рассказы мистиков о ставших известными им тайнах Божества не могли не восприниматься Толстым как проявления религиозного обмана, ложной веры и просто глупости. Толстой был убежден — и теоретически, и на собственном опыте, — что тайны Божества на то и тайны, что человек их познавать и не может, и не должен.

Именно об этом думал Толстой, когда он за неделю до своей смерти диктовал дочери свое последнее «определение жизни». Выше я уже привел его начальную часть. Приведу теперь его заключительную часть, где Толстой, в сущности, говорит о ненужности и вредности мистической стратегии проникновения в тайны Бога: «Бог, если мы хотим этим понятием уяснить явления жизни, то в таком понимании Бога и жизни не может быть ничего основательного и твердого. Это одни праздные, ни к чему не приводящие рассуждения. Бога мы познаем только через сознание его проявления в нас. Все выводы из этого сознания и руководство к жизни, основанное на нем, всегда и вполне удовлетворяет человека и в познании самого Бога, и в руководстве своей жизни, основанной на этом сознании» (58, 143—144).

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

ПИСЬМА А. М. АСТАХОВОЙ К М. К. АЗАДОВСКОМУ (1943—1954)

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И КОММЕНТАРИИ © Н. Г. КОМЕЛИНОЙ)

(Окончание)*

В заключительную часть настоящей публикации вошли сорок писем и две телеграммы Анны Михайловны Астаховой (1886—1971), отправленные Марку Константиновичу Азадовскому (1888—1954) в 1943—1944 годах.¹ Два письма относятся к более позднему периоду: одно было адресовано Азадовским Астаховой в 1949 году, другое — Астаховой Азадовскому в 1954 году.²

Переписка является важным источником сведений о жизни ученых Пушкинского Дома в эвакуации. Касаясь истории Института в военные годы, В. Н. Баскаков отмечал, что в блокадном Ленинграде продолжалась интенсивная научная работа.³ То же можно сказать и о деятельности пушкинодомцев, оказавшихся в Казани.

Среди академических мероприятий, упоминаемых Астаховой в письмах Азадовскому, стоит выделить состоявшиеся в Москве осенью 1943 года выборы действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук. Азадовский тоже был выдвинут в члены-корреспонденты. Однако это звание получили тогда В. П. Адрианова-Перетц и С. Д. Балухатый.

Несмотря на военное время и эвакуацию, в Пушкинском Доме продолжались защиты диссертаций. Так, в 1943 году И. С. Зильберштейн защитил кандидатскую диссертацию «Русские писатели и И. Е. Репин», а Л. А. Плоткин — докторскую диссертацию «Писарев и общественно-литературная борьба 60-х годов».

В Казани, которая считалась основным местом дислокации эвакуированной части Пушкинского Дома, в 1942—1943 годах происходили увольнения сотрудников, находящихся в других городах. Был уволен и Азадовский, работавший в 1942—1945 годах в Иркутском университете, а исполняющим обязанности заведующего Сектором фольклора назначили Астахову. В этом качестве она составляла рабочие и издательские планы, предложила новую тему для исследования «Фольклор Великой Отечественной войны», рекомендовала аспирантов и докторантов. Однако в решении

* Начало см.: Письма А. М. Астаховой к М. К. Азадовскому (июнь—декабрь 1942 года) / Вступ. статья, подг. текста и комм. Н. Г. Комелиной // Русская литература. 2013. № 4. С. 104—133. Далее ссылки даются сокращенно: Переписка 1942 года, с указанием номера страницы или письма и примечания. Выполнено при поддержке гранта РГНФ 12-04-00285а.

¹ Они хранятся в личном фонде М. К. и Л. В. Азадовских в НИОР РГБ (Ф. 542. Карт. 57. № 59 и 60).

² Эти письма предоставлены для публикации К. М. Азадовским, за что выражаю ему глубокую признательность.

³ Баскаков В. Н. Пушкинский Дом. 1905—1930—1980 (Исторический очерк). Л., 1980. С. 92—106.

принципиальных вопросов Астахова полностью полагалась на Азадовского. Такой острой проблемой в 1944 году стало сохранение Фонограммархива в составе Пушкинского Дома.

Примечательно, что общей научной темой Института на 1944 год была заявлена «Историческая поэтика». Подобный выбор Астахова связывала с возможностью заниматься в ее рамках любыми исследованиями, однако не упоминала в этом контексте А. Н. Веселовского, издание «Исторической поэтики» которого было осуществлено в 1940 году В. М. Жирмунским. Одновременно в качестве общей темы для собственного отдела Астахова предлагала изучение фольклора Великой Отечественной войны, что явно не вписывалось в проблематику исторической поэтики. В пределах этой задачи она планировала развернуть широкую собирательскую деятельность. Ученый секретарь Пушкинского Дома М. О. Скрипиль предлагал Астаховой участвовать в фольклорно-археографической экспедиции на реку Керженец Нижегородской области, но та ставила под сомнение целесообразность поездки в район, где якобы невозможно записать новый материал.

Астахова послала Азадовскому план своей докторской диссертации «Северный этап в истории русской былины», делилась с ним собственными наблюдениями: писала, например, о заимствованных из печатных изданий былинных сюжетах в репертуаре сказительницы А. М. Крюковой и о сюжете, навеянном романом А. Н. Толстого «Петр I», в творчестве другой сказительницы — М. С. Крюковой. В тяжелейших условиях военного времени, о которых повествуют ее письма к Азадовскому, Астахова не прекращала работу над своей диссертационной темой (защита состоялась в Ленинграде в декабре 1944 года).

В письмах обсуждаются также подготовленные еще до войны, но не успевшие выйти в свет фольклористические труды, в том числе первый том третьего издания былин А. Ф. Гильфердинга, редактором и автором предисловия к которому был Азадовский, коллективная трехтомная монография «Русский фольклор», восьмой выпуск сборника «Советский фольклор». К сожалению, все перечисленные труды так и остались неопубликованными — в связи с событиями 1948—1949 годов.⁴

Оказавшись в Ленинграде, Астахова начинает хлопотать о реэвакуации остальных сотрудников Сектора фольклора. Однако обстоятельства задерживали Азадовского в Иркутске: вернуться в Ленинград ему удалось лишь весной 1945 года. В течение этих месяцев Астахова пишет ему длинные письма с подробнейшим изложением дел и просит ускорить приезд.

Первое после возвращения домой заседание Сектора фольклора состоялось в Пушкинском Доме 12 апреля 1945 года. Открывая его, Азадовский констатировал «возобновление широкой научной и общественной деятельности Сектора Фольклора Института Литературы Академии наук СССР в Ленинграде (в тех же стенах) — после почти 4-летнего перерыва, в связи с военными действиями <...> Сегодняшний день <...> следует считать началом нашей новой работы, когда оставшиеся кадры фольклористов вновь объединяются. Мы продолжим дело, столь нужное нашей великой Родине, уже пошедшей — после тяжелых испытаний — к полной победе над врагом».⁵

Заключительные письма 1949 и 1954 годов касаются другого периода в жизни Азадовского — не менее драматичного, чем Великая Отечественная война. Они отражают взаимоотношения ученых во время идеологической

⁴ Подробнее об этом см.: Азадовский М. К. «Онежские былины» Гильфердинга / Вступ. статья и подг. текста К. М. Азадовского // Русская литература. 2008. № 4. С. 41—64.

⁵ Протокол № 133 заседания Сектора фольклора ИЛИ АН СССР от 12 апреля 1945 года // Архив Отдела русского фольклора ИРЛИ РАН. Документы делопроизводства. Л. 167—168.

кампании против «космополитов».⁶ В конце марта 1949 года Астаховой было передано заведование Отделом вместо Азадовского. 27 апреля 1949 года на заседании Сектора фольклора она выступила с оценкой деятельности своего предшественника: «А. М. Астахова считает, что основным недостатком в работе нашего Отдела за последние годы, послевоенные годы, и в особенности за последние 2 года, было слабое руководство Отделом со стороны М. К. Азадовского. В эти годы он как-то отошел в сторону от интересов Отдела, был крайне инертен, пассивен, не проявлял ни должной энергии в преодолении всех трудностей, ни должного внимания ко всем звеньям нашей работы. Следствием этого и явился известный завал в работе (...). Очень сильно понизилась и непосредственная научно-исследовательская работа самого М. К. Азадовского. А. М. Астахова видит две причины этой депрессии, находившиеся в известном взаимодействии: во-первых, очень тяжелое физическое состояние М[арка] К[онстантиновича], его болезни, которые вырывали его из работы на целые месяцы и оставляли тяжелый след на его дальнейшем состоянии; и, во-вторых, тот методологический кризис, который проявился в период критики школы Веселовского. Кризис, которого М. К. Азадовскому так и не удалось полностью преодолеть».⁷

Отголоском событий 1948—1949 годов является и последнее письмо Астаховой, в котором она извиняется перед Азадовским за сноску о «космополитических» взглядах Марка Константиновича в своей статье для коллективной монографии о русском народном творчестве.⁸ Астахова оправдывается и признает свою вину.

Поведение Анны Михайловны в те годы нельзя назвать безупречным: она, как и многие, не нашла в себе тогда сил противостоять идеологической машине советского государства, подчас проявляла слабость и безволие. Однако даже в эпоху ожесточенной травли «космополитов» Астахова не допускала резких или оскорбительных высказываний в адрес Азадовского. Ее позиция была, скорее, пассивной и вынужденной. Этого нельзя сказать о других сотрудниках Сектора фольклора, работавших под началом Азадовского, — В. А. Кравчинской, А. Н. Лозановой, но прежде всего, конечно, П. Г. Ширяевой, — принявших в шельмовании Марка Константиновича самое энергичное участие.

О Ширяевой следует сказать особо, поскольку она не раз упоминается в публикуемой переписке, а ее письма к Азадовскому и Астаховой использованы нами для комментирования. Все военные годы Ширяева постоянно находилась рядом с Астаховой: и в блокадном Ленинграде, и в Казани, и, наконец, опять в Ленинграде, куда вернулась из эвакуации вслед за Астаховой. Оказавшись в Казани, она продолжала работу над своей кандидатской диссертацией на тему «Рабочий фольклор Первой русской революции». Астахова явно «опекала» свою младшую коллегу: редактировала текст, устраивала публичное обсуждение отдельных глав и т. д. В тот период она довольно высоко оценивала способности Ширяевой, видя в ней, однако, не столько исследователя, сколько собирателя фольклора. «Поля заканчивает работу, — сообщала Астахова Азадовскому 28 февраля 1944 года. — Стараясь ей помочь, как только могу. Она рвется в собрание. Надо, чтобы она

⁶ Подробнее об этом см.: *Азадовский К., Егоров Б. «Космополиты» // Новое литературное обозрение. 1999. № 36. С. 83—135; Два отзвона о научной деятельности М. К. Азадовского / Публ. Т. Г. Ивановой // Русская литература. 2006. № 2. С. 86—101; Дружинин П. А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование: В 2 т. М., 2012. Т. 1—2.*

⁷ Цит. по: *Дружинин П. А. Идеология и филология. Т. 2. С. 401.*

⁸ См.: Русское народное поэтическое творчество: В 2 т. М.; Л., 1953. Т. 1: Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII веков. С. 113. См. также прим. 2 к п. 54.

скорей перескочила защиту и перешла на работу, в которой будет в своей сфере и нужна, и полезна. А то „мучит диссертацию, и та ее мучит”. Тем не менее Ширяева «домучила» свою диссертацию и успешно защитилась в 1946 году.

Вышедшая из рабоче-крестьянской среды Ширяева была многим обязана Азадовскому, в свое время поддержавшему фольклорные интересы молодой выпускницы Ленинградского педагогического института. При этом Марк Константинович вряд ли догадывался о сложных душевных переживаниях, владевших Ширяевой еще в начале 1930-х годов, когда она попала в Фольклорную секцию. В письме от 27 октября 1942 года Ширяева откровенно рассказывает Азадовскому о своих «комплексах» той поры: «Мне было очень жаль себя. Представьте себе 1932 г(од) и несимпатичную, необразованную девчущку, которая была какой-то лишней в фольклорной секции. Я старалась уходить с глаз долой. Я всей душой полюбила свои заводы, там я находила душевный покой. Порою меня тянуло только к чтению, но за это дело я не знала, как взяться. Я так мало знала, что не представляла себе, с какого же боку начать заниматься. Спрашивать я боялась. Винить я никого не могу». ⁹ Тема «страха» перед авторитетным и высококультурным руководителем вновь появляется в одном из писем 1944 года: «А вдруг я опять буду бояться Вас. Вы будете давить на меня своим авторитетом, и я снова от этого стану грубой и дерзкой. А как мне хочется не бояться. Вы ведь, Марк Константинович, всего еще не знаете. Я Вам о себе и своем отношении к Вам ни разу не говорила. Не стоит сейчас, ни к чему старое ворошить». ¹⁰ Письма Ширяевой обнажают психологическую подоплеку этой «истеричной» натуры (так отзывалась о ней Астахова), ее «затаенное» отношение к Азадовскому и в известной мере мотивы поведения в 1949 году.

Любопытно, что еще задолго до идеологических кампаний послевоенного времени Ширяева оказалась крайне восприимчивой к советской «патриотической» пропаганде, направленной в первую очередь на воспитание «национальной гордости» и отрицание «буржуазного Запада». ¹¹ С увлечением изучавшая еще в начале войны компаративистские труды А. Н. Веселовского, Ширяева тем не менее постепенно прониклась духом подозрительности в отношении «западных влияний». В одном из писем к Астаховой 1944 года она открыто высказывала негодование по поводу статьи Азадовского «Источники „Сказок” Пушкина» (1936): «Ненависть к немцам у всех настолько велика, какую ерунду пишу (Америку открываю!!). На днях я читала ст(атью) М(арка) Конст(антиновича) об истоках сказок Пушкина и не могла никак примириться с его доводами о немецком происхождении, вернее, влиянии на Пушкина нем(ецких) сказок в его „Сказке о мертвой царевне”. Возможно, это влияние и было, но, мне кажется, что вообще Марк Константинович в вопросах о влияниях с Запада немного перегибает палку, отрицая одновременное существование тех и иных сюжетов у нас в России и излишне доверяясь и опираясь на заграничные данные. Это относится не только к немцам, но и вообще к сказкам других национальностей и государств». ¹²

Именно из уст Ширяевой (члена институтского партбюро в послевоенные годы) прозвучат в 1949 году наиболее жесткие, чисто политические (и, разумеется, клеветнические) обвинения в адрес Азадовского как ученого и

⁹ Ширяева П. Г. Письма к М. К. Азадовскому. 1942—1948 // НИОР РГБ. Ф. 542. Карт. 73. № 15. Л. 10—11.

¹⁰ Там же. Л. 33 об.

¹¹ Дружинин П. А. Идеология и филология. Т. 1. С. 21.

¹² Ширяева П. Г. Письма (4) к А. М. Астаховой // ИРЛИ. Ф. 724 (Архив А. М. Астаховой). Оп. 1. № 390. Л. 6.

гражданина. «...Он ничего не организовал по советскому фольклору и все опорочивал, — говорила Ширяева на расширенном заседании партбюро Пушкинского Дома 3 марта 1949 года. — (...) Это не советский человек, и ему не только руководителем, но и вообще нельзя быть в секторе фольклора, кроме вреда, он ничего не сделал».¹³

А в своем выступлении на общем партсобрании Пушкинского Дома 29—30 марта 1949 года Ширяева вспомнила о «Сказках» Пушкина: «Он (Азадовский. — Н. К.) превратил, таким образом, Пушкина в космополита, ассимилятора международных сюжетов. (...) Он позволяет чудовищное утверждение, что в переработке Пушкиным международных сюжетов заключается зерно теории Веселовского».¹⁴

Семена недоверия к Западу и западной культуре, брошенные в сознание Ширяевой и других граждан советской страны в военные годы, дали, как видно, буйные всходы.

В 1950-е годы отношения Ширяевой и Астаховой заметно меняются. После празднования 70-летия Астаховой Ширяева напоминает ей о «столярном клее», которым она делилась с Анной Михайловной в блокадную зиму: «В Вашей суровости последних лет, особенно в недавней суровой оценке, я чувю не крест, поставленный на человеке, а друга, который иногда гладит и против шерсти. (...) Я сейчас хочу отдать большой земной поклон за тесное содружество и в горе и в радости. Как не похож был сегодняшний стол на тот столярный клей, который мы ели (я брала на рынке) в дни войны. Но это безвозвратно прошло».¹⁵ Определенную роль в подобном взаимном охлаждении сыграли, возможно, и события 1949 года.

Таков в общих чертах исторический контекст публикуемых ниже писем.

¹³ Цит. по: Дружинин П. А. Идеология и филология. Т. 2. С. 261.

¹⁴ Там же. С. 344.

¹⁵ Письмо от 18 ноября 1956 года (ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. № 390. Л. 8 об.).

15

9/І (19)43 г(ода)

Дорогой Марк Константинович!

С новым годом Вас, Л<идию> Вл<адимировну>¹ и Коташку!² Спасибо за книжечку,³ сегодня получила. Заглянула глазком, кажется, приятная. Это как раз мне кстати — с увлечением читаю и перечитываю Джангар,⁴ Манас,⁵ сербские юнацкие песни,⁶ вообще эпос разных народов, и старый и новый. Регулярно работаю над диссертацией. К сожалению, все еще слишком давит быт.⁷

Как встретили нов<ый> год? Наверное, очень было вам всем уютно и тепло, и хорошо вместе. А помните прошлый год — со стихами возле печурки? Меня зазвала к себе одна из моих учениц по 15-й школе — хорошие, простые люди, было очень приятно, не чувствовалось одиночество. Обнимаю всех.

¹ Л. В. Азадовская, жена М. К. Азадовского. См. о ней: Письма 1942 года, прим. 40 к п. 1. Далее не комментируется.

² К. М. Азадовский. См. о нем: Письма 1942 года, прим. 4 к п. 1. Здесь и далее в переписке упоминается под именами «Котик», «Коташка», «Котя» и др.

³ Вероятно, речь идет о какой-либо из двух брошюр, вышедших одна с предисловием, а другая под редакцией Азадовского в 1942 году. См.: Азадовский М. К. Импровизации М. Н. Тимофеева-Терешкина // Тимофеев-Терешкин М. Н. Якуты на войне. Иркутск, 1942. С. 3—15;

Чичаева Е. Письмо-обращение к сказителям Советского Союза в дни уборки военного урожая / Под ред. М. К. Азадовского. Иркутск, 1942.

⁴ Джангар — калмыцкий историко-героический эпос.

⁵ Манас — киргизский эпос.

⁶ Юнацкие песни — произведения народного эпического творчества южных славян. Сохранившиеся юнацкие песни большей частью датируются концом XIV—началом XV века. Самый известный цикл — о Марке Кралевиче. См. письмо Астаховой Азадовскому от 26 декабря 1942 года (Письма 1942 года, с. 132).

⁷ В одном из писем к Азадовскому П. Г. Ширяева так описывает казанский быт эвакуированных ученых: «Хотела сказать еще несколько слов о моем переезде в Казань. В Казани мы жили стадом. В физкультурном зале стояло 60 коек. Вы представьте себе П. П. Ефименко, одевающегося под одеялом. Дней 10 я спала с своими ребятами на одной койке: один со мной в одну сторону, другой в ногах. Так пришлось бы мучиться всю зиму. Нечего было говорить о научной работе: целые дни уходили на лавку, рынок» (Ширяева П. Г. Письма к Азадовскому М. К. 1942—1948 // РГБ. Ф. 542 (М. К. Азадовский). Карт. 73. № 15. Л. 13 об.).

16

8 II (19)43 г(ода)

Дорогой Марк Константинович!

Ваше январское письмо застало меня в постели, а телеграмма с извещением о переносе созыва совещания на март¹ пришла накануне моей болезни — жестокой желудочной спазмы (в результате тяжелой и вредной для меня пищи).² Сейчас я поправляюсь, но еще чувствую себя неважно, и состояние духа угнетенное. Сразу выбилась из ритма работы, сегодня попробовала работать — еще трудно. Пережила кошмарную ночь со 2-го на 3-е — жесточайшие боли в течение 12 часов (кажется, в жизни со мной не бывало такого). Из телеграммы и письма вижу, что И(нститу)т еще не соизволил до сих пор известить Вас о том, что я не приеду. Это было решено тотчас же по получении официального отношения: Плоткин³ категорически сказал, что ехать незачем. А т(а)к к(а)к я к тому времени и сама колебаться стала (я ведь до сих пор совершенно разута), то приняла его заявление как фатум и возражать не стала. Сейчас же, конечно, поездка немыслима и ввиду моего состояния. Очень, очень жаль, но что поделаешь? Теперь мое желание только бы опять обрести утерянный ритм и возобновить систематическое посещение библиотеки. Закончила сборничек «За родину» (песни и былины о борьбе за родину).⁴ Кажется, вышел неплохим. Дорогой Марк Константинович, напишите хорошее, ласковое, ободряющее письмо Поле⁵ (ее адрес: Вологодская обл(ась), Никольский р(айон), д(еревня) Кузнечиха). Я получила от нее отчаянное письмо — у ней снова ее припадки. Конечно, это на почве и ее тяжелой нынешней обстановки в семье, и плохого питания, и, главное, думаю, вследствие ее тревоги за работу и нервного перенапряжения. Дм(итрий) Серг(еевич)⁶ сделал, что мог для нее. Сейчас М. К.⁷ по нашему заявлению выслал ей 350 р(ублей). Дм(итрий) Серг(еевич) очень заботится и обо мне. Я ему многим и многим здесь обязана, а также и всем сожителям моим, трогательно обо мне заботившимся во время моей болезни. Хотела написать Вам адрес Магид,⁸ но тоже не знаю. Гиппиуса:⁹ ул(ица) Печатников, 25 а, кв(артира) 8. Марк Конст(антинович), напишите Мануйлову.¹⁰ На все мои запросы он не отвечает, очевидно, ничего не сделал в отношении рукописей Ник(олая) Петр(овича)¹¹ и Зин(аиды) Викт(оровны).¹² Не надо было мне уезжать из Л(енингра)да! Очень тревожусь обо всем. Вы правы, сейчас уже пора что-то планировать в нашей области. Сколько перед нами работы. А нас все меньше и меньше. Горячо обнимаю вас всех, мои дорогие. Ваша А.

На конверте дата получения письма рукой Азадовского: 26—II—(19)43 (года).

¹ Имеется в виду совещание фольклористов и сказителей Сибири, состоявшееся в Иркутске 21—22 марта 1943 года (см.: *Азадовский М. К. Итоги совещания фольклористов Сибири // Новая Сибирь: Альманах. Иркутск, 1943. Кн. 14. С. 69—76*). См. также письмо Астаховой Азадовскому от 30 декабря 1942 года (Письма 1942 года, с. 133).

² Ширяева в письме 1942 года к Азадовскому пишет о «желудочных» болезнях ленинградцев, переживших блокаду: «Только Марк Константинович! Убедительно прошу Вас, проверьте всего себя и Лидию Владимировну — нет ли чего-либо, где-либо плохого, не доремонтированно-го. Вы уже знаете, что умерла Софья Венедиктовна. Кишки ее желудка были все изъязвлены и врачи нашли, что это началось еще в Ленинграде. То же самое нашли при вскрытии тела А. И. Грушкина. Ленинградский организм — коварный» (РГБ. Ф. 542. Карт. 73. № 15. Л. 7—7 об. Письмо от 13 сентября 1942 года). Имеются в виду С. В. Мельникова-Толстая, жена И. И. Толстого, и А. И. Грушкин (см. о нем: Письма 1942 года, прим. 25 к п. 1).

³ Л. А. Плоткин. См. о нем: Письма 1942 года, прим. 38 к п. 4.

⁴ В списке трудов Астаховой 1926—1956 годов такой работы нет (см.: *Русский фольклор. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 305—310*). Однако П. И. Лебедев-Полянский написал отзыв о сборнике «За родину» (*Лебедев-Полянский П. И. Отзыв о сборнике „За Родину“*. Сост. А. М. Астахова // ИРЛИ. Ф. 724 (А. М. Астахова). Оп. 1. № 399. Л. 1). Узнав о готовящемся сборнике, Л. В. Домановский начал присылать Астаховой записанные им в Ленинградской области военные частушки: «Дорогая Анна Михайловна! Шлю Вам горячий привет и пожелание стойко переносить так знакомые трудности! В конце июня я, узнав из газет, что Вы в Ленинграде и готовите сборник, послал заказное письмо с частушками и обещанием выслать все новое, что удастся записать. Может быть, что-нибудь из собранного Вам пригодится для сборника. На днях я вновь записал от девушки-колхозницы несколько военных частушек, которые спешу Вам выслать. Мне кажется, что они очень красноречивы и подтверждают истину, что весь наш народ живет мыслью о Кр(асной) Армии, ее событиями, успехами и неудачами. Народ уже пишет историю, произносит свой приговор. Уже сейчас военная тематика в фольклоре становится ведущей и такой сохраняется, видимо, надолго. (...) В частушках это заметней всего. Конечно, Вы улыбнетесь на все мои рассуждения. Признаюсь, духовной пищи у нас здесь и по 125 г не приходится. В остальном неплохо. С нетерпением жду Вашего ответа. Передайте от меня всем, кто остался в Ленинграде, самые лучшие пожелания. С уважением, Леонид Домановский. 20.7.(19)42 г(ода)» (*Домановский Л. В. Письма (32) к Астаховой А. М. Приложение: частушки о войне. 20 июля 1942 — 30 дек. 1949 // ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. № 308. Л. 1*).

⁵ П. Г. Ширяева. См. о ней: Письма 1942 года, прим. 32 к п. 1. Здесь и далее в переписке — под именем Поля. Ширяева в 1942 году пишет в письме к Азадовскому о трудностях эвакуации: «Мне не хочется вспоминать ужасы зимней дороги. Скажу одно, что нас сняли с поезда в г. Данилово Ярославской области с маленькой надеждой на жизнь. Я выплыла. В конце февраля я была в Казани. Сегодня семь месяцев как я покинула Ленинград. За это время не так уж много сделала. Присидела в Казани до середины марта. Немного поотъездала» (РГБ. Ф. 542. Карт. 73. № 15. Л. 5. Письмо от 1 сентября 1942). Желая увидеть свою дочь, которая находилась в интернате в селе Тетюши, исследовательница попросила начальство отправить ее в экспедицию по записи татарского фольклора. Ширяева не знала языка и испытывала большие затруднения в этой работе. В письме к Азадовскому она делится своим непростым полевым опытом: «Чтобы выпроситься к дочке, я решила взять непосильное задание: собрать татарский фольклор. Насколько это легко, вы можете определить сами. Татарского языка я не знаю. Купила учебники, словарь и засела. Я думала, что сама жизнь создаст условия для занятия национальными языками, ведь в другой раз. — *Н. К.* в Татарию меня не пошлют. Плоткина в начале я сумела убедить, и он согласился. С этим я уехала. Поселилась в одной татарской деревне в семье стариков татар, ни слова не понимающих по-русски. Хотя у меня были и словари, и учебник, и все же в ряде случаев я была беспомощна. Я не понимала, и меня не понимали. Потом потихоньку все вошло в норму, начала понимать речь. У Вас совершенно законен вопрос, а как же с фольклором. Записывать я сама боялась, навру. Попробовала. Плохо получается: в четверостишии: семь—девять ошибок. Стала выезжать на других, я ходила по деревням договаривалась с учителями о записи фольклора. (...) Так вот за татарским фольклором я ходила по полям. Здесь-то я и давала волю слезам, жалобам. Кроме того, что дочка была несчастна, не писал с фронта муж. Четыре месяца не было ничего. Я не любила ездить на лошадях с посторонним человеком, то ли дело одно-то. В горе я не различала даже погоды. Помню вечером шла из дер(евни) Языково. Началась поэмка. Меня удерживали нечетая. Но я пошла. Четыре километра молочного поля в этот дикий свист и вой показались мне очень долгими. Страшноато быть заметенной, но буран все же красив. (...) Вы, наверное, в досаде скажете: сумасшедшая. Не осуждайте, Марк Константинович, ведь у меня не было ничего: ни мужа, ни детей. Оставалась только работа. На нее всю энергию и переключила. В татарских деревнях я записала около 500 №№ различных жанров. Здесь были: песни (жырнар), одна сказка советская „корыч батыр“ — стальной богатырь, много пословиц, частушек, записала около 7 бает (sic!), причем добрая половина создана в советское время» (Там же. Л. 5—8. Письмо от 1 сентября 1942). После экспедиции Ширяева ездила в Вологодскую область к родителям. В недатированном письме к Азадовскому

она сообщает: «В семье отца стало трудно жить. Они пригласили меня к себе и не учли одного самого маленького, что не хватит хлеба на год. А я не догадалась сразу питаться отдельно. (...) и я уехала на родину мужа» (Там же. Л. 13—13 об.).

⁶ Д. С. Лихачев. См. о нем: Письма 1942 года, прим. 23 к п. 1.

⁷ Вероятно, Местный Комитет.

⁸ С. Д. Магид (Экмекчи). См. о ней: Письма 1942 года, прим. 17 к п. 2.

⁹ Е. В. Гиппиус. См. о нем: Письма 1942 года, прим. 13 к п. 1.

¹⁰ В. А. Мануйлов. См. о нем: Письма 1942 года, прим. 14 к п. 2.

¹¹ Имеется в виду Н. П. Андреев. См. о нем: Письма 1942 года, прим. 6 к п. 4.

¹² Эвальд Зинаида Викторовна (1894—1942) — в 1925 году окончила фортепианное отделение Петроградской консерватории и Высшие курсы искусствоведения по специальности история музыки. С 1925 года — научный сотрудник музыкального отделения Государственного института истории искусств (ГИИИ), участвовала в комплексных экспедициях ГИИИ в Заонежье (1926), на Пинегу (1927), Мезень (1928), Печору (1929). В 1931—1941 годах работала в Фольклорной комиссии, приписанной к Институту по изучению народов СССР (1931—1933) и Институту антропологии и этнографии (1933—1938), а затем в Институте литературы АН СССР (впоследствии — ИРЛИ). Погибла в блокадную зиму 1941—1942 года (см. о ней: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 548—549). Вторая жена Е. В. Гиппиуса (Письма 1942 года, с. 109, 113).

17

20 II <19>43 г<ода>

Дорогой Марк Константинович.

Узнала адрес Г. С. Виноградова¹ и спешу сообщить его Вам: г<ород> Углич, Ярославск<ая> обл<асть>, Батрацкая ул<ица>, д<ом> 17. Вчера получила письма от В. А. Кравчинской² и Леси Соймонова.³ С последним Вы переписываетесь, я знаю. Адрес В<еры> А<лександровны> — Куйбышевская обл<асть>, Старо-Майнский р<айон>, д<еревня> Красная Река.⁴ Вер<а> Алекс<андровна> расспрашивает в письме о Вас и Ваших. Я как будто поправилась. «Как будто», т<а>к к<а>к какой-то надлом в организме ощущается. Но уверена, что скоро справлюсь и с этим. Заботит меня Лихачев. Чувствует себя неважно, явно недоедает. И не знаю, как помочь. Трудно им здесь очень. Ив<ан> Ив<анович>⁵ своими общедоступн<ыми> докладами уже приобрел прозвище «Златоуста». Будьте благополучны, дорогой. Целую Лид<ию> Влад<имировну> и Котика. Ваша А.

Почтовая карточка. Дата получения письма рукой Азадовского: 10—III—<19>43 <года>.

¹ Г. С. Виноградов. См. о нем: Письма 1942 года, прим. 7 к п. 9. В письме в Казань к Астаховой Виноградов из Углича сообщает, что скоро собирается переехать в Алма-Ату: «11 VII 1943. Дорогая Анна Михайловна, прелестная пифия! Конечно, я жду разных-преразных известий. Для меня они все будут „последними“ (едва ли последними в моей жизни, но в смысле самыми свежими). В моих планах стоит §: через несколько дней отбыть с пристани и отдаться течению Волги и обстоятельств. Если у Вас нет полной уверенности в том, что я погибну в дороге, то отчего бы Вам не послать теперь же большое письмо в Среднюю Азию (Алма-Ата, ул. Кирова, 89, Институт языка и мышления Академии) Н<аук>, мне)? Я бы гордился: обо мне бы азиатские народы подумали, как, скажем, о каком-нибудь бее, а то и того более. Не удивляйтесь тому, что мои письма всегда — „заказные“. Я не хожу на почту, а Пятница никаких других писем не признает: „если посылать, то посылать заказные — будто вроде кто *заказал*, т. е. пожелал иметь“, — вот рассуждения дикаря, который благодарит — скажу попутно — Вас за ласковую память. Поклонитесь, пожалуйста, всем, кто помнит меня. Старик из Павловска». Адрес отправителя: Г. С. Виноградов, Углич, Батрацкая, 17 (Виноградов Г. С. Письмо к Астаховой А. М. 11 июля 1943 года // ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. № 299. Л. 1). Письма военного времени к Виноградову других лиц см.: Жуков К. Ученый, опередивший время: Историко-педагогический очерк о профессоре Георгии Семеновиче Виноградове. Иркутск, 2010.

² В. А. Кравчинская. См. о ней: Письма 1942 года, прим. 14 к п. 1.

³ Соймонов Алексей Дмитриевич (1912—1995) — фольклорист. Окончил русское отделение филологического факультета ЛГУ в 1939 году. В 1939—1941 годах занимал должность заведующего Отделом фольклора Карельского НИИ культуры. После войны учился в аспирантуре ЛГУ. С 1939 года работал в ИРЛИ, в 1968—1970 годах — и. о. зав. Отделом фольклора. Под-

робнее об отношениях Азадовского и Соймонова см.: Письма М. К. Азадовского к А. Д. Соймонову 1942—1944 годов / Вступ. статья, подг. текста и комм. Н. Г. Комелиной // Русская литература. 2009. № 1. С. 229—255. Следует подчеркнуть, что в 1948—1949 годах, во время кампании против «космополитов», Соймонов выступал с критикой работ Азадовского. На собрании филологов-коммунистов ЛГУ в марте 1948 года он говорил: «Когда я был студентом, я воздействовал как коммунист на Азадовского. А в аспирантуре я самоустраился, но не я один. Работа пр(офессора) Азадовского о Веселовском порочна» (*Дружинин П. А.* Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы. Документальное исследование. М., 2012. Т. 2. С. 72). Он же являлся автором разгромной статьи о результатах этого собрания: Против буржуазного либерализма в литературоведении, за большевистскую партийность в науке о литературе: На партийном собрании филологического факультета // Ленинградский университет. 1948. 7 апр. № 13. С. 2.

⁴ В Красной реке Кравчинская записывала и присылала Астаховой фольклор: «...я совсем забросила фольклор и так скучаю без него, что жду не дожусь, когда снова удастся выйти на ловитву. А ловить еще предстоит много. В связи с этим ужасно прошу Вас выслать мне 3-й экз(емпляр) посланных Вам моих записей, т(ак) к(ак) я буду теперь работать над книгой „Песни и сказки Кр(асной) реки“, а также опись посланных Вам материалов, чтобы мне не повторяться при новых присылах» (*Кравчинская В. А.* Письма (7) к Астаховой А. М. 17 июня 1940 — 6 дек. 1947 // ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. № 326. Л. 3. Письмо без даты). «Дорогая моя Анна Михайловна, одновременно посылаю Вам заказной бандеролью тетрадь на 80 фольклорных №№ „Песни сельской интеллигенции Старо-Майнского района“. Репертуар очень пестрый, от песен 40-х годов прошлого века до ф(ольклора)ра Отеч(ественной) войны. Заканчиваю 24-ю тетрадь, которая охватит последний год (надеюсь, последний) моего пребывания в Кр(асной) реке. В песнях воспитательниц Старо-Майнского детдома много блатных, очевидно переятых от воспитанников. Чувствую себя плохо. Заболела некстати гриппом и с т^б хожу на экзамены» (Там же. Л. 8. Складное письмо от 24 мая 1945 года).

⁵ Речь идет об И. И. Толстом. См. о нем: Письма 1942 года, прим. 9 к п. 1.

18

22 III <19>43 г<ода>

Дорогой Марк Константинович!

Я знаю, что Вы недовольны мной, и, конечно, все основания к тому — я сама собой недовольна. Хотя бы вовремя прислала свой доклад, чтобы «зачно» принять участие в вашем совещании. А, по правде сказать, ведь мне очень хотелось ехать, и если бы начальство наше даже так реагиров(ало): «Ну а Вы сами как думаете?» — я бы сказала, что ехать надо. А тут мне прямо и категорически сказали: «Нечего и для чего, сидите на месте!» (в этом роде, но, пожалуй, и еще резче). Нужно сказать, что когда получилась Ваша телеграмма об отсрочке на март, я опять подняла вопрос — резолюция была все та же. Я же виновата в том, что скисла, утратила весь свой боевой пыл и приняла заявление начальства как фатум. Между тем подноготная этого «фатума» в лице Плоткина мне отчетливо ясна: боязнь, чтобы и последние его людишки в Казани не разбежались, над кем же тогда директорствовать?! Сейчас ведь происходит «собрание», но пока мало удачно. Между прочим, восстановлена аспирантура, и в самой Казани приняты трое — раньше, чем получились сведения от всех бывших аспирантов. Боюсь, что поэтому для Лиды Лотман¹ уже и места не хватит (от нее долго не было известий, и вот взяли трех здешних).

Все эти дни я мысленно в Иркутске, а даже и приветственную телеграмму не удержалась послать. И если Вы за все это будете бранить меня самыми черными словами, то и поделом!

Над диссертацией работаю, но все более и более мучительно ощущаю отсутствие необходимых книг, а главное, материалов. И снова и снова мысль: «Почему я не осталась в Л(енингра)де». Клянусь всех, кто меня оттуда «вывозил». Написала главу о процессе возвращения в устную традицию книжных текстов.² Установила точно книжный источник для 10 текстов Аграфены

Матвеевны³ (это из 63!).⁴ Начала вводную главу. Составила, наконец, сборничек-антологию — «За родину». Кажется, уже послали в набор. Стараюсь держать себя в рабочем состоянии все время, но порой срываюсь, подвинчиваю себя крепким кофе, отчего уже с трудом всхожу на горки. В общем, веду себя хуже, чем в Л(енингра)де. Опять он! Ну, будет.

Марк Константинович! В сберкассе наводят справки насчет Ваших облигаций, здесь ли они. Хаос порядочный, и оказалась долгая история. Как выяснится что-либо, сообщу. У нас «заместитель (?)», по професс(ии) юрист, кажется, порядочный человек. Места нет, чтобы продолжать. Итак, до следующего (очень скорого) письма, чтобы еще поплакать в жилетку. Пока же привет и поцелуй папе, маме и сыну. Ваша А.

На конверте дата получения письма рукой Азадовского: 15—IV—(19)43 (года).

¹ Лотман Лидия Михайловна (1917—2011) — литературовед, исследователь русской литературы XIX века. Сестра Ю. М. Лотмана. В 1934—1939 годах училась на филологическом факультете Ленинградского университета. Во время Великой Отечественной войны, живя в Ленинграде, работала в госпитале, участвовала в эвакуации детей по Дороге жизни. Затем была воспитателем в детском доме. В 1946 году защитила кандидатскую диссертацию «А. Н. Островский и натуральная школа 1840-х годов», в 1972 году — докторскую диссертацию «Русская художественная проза 1860-х гг.».

² В монографии Астаховой «Русский былинный эпос на Севере» (Петрозаводск, 1948), написанной на основе докторской диссертации, «возвращению в устную традицию былинных текстов из книги» посвящена глава «Былинное сказительство и книга» (с. 281—332). Далее страницы приводятся по настоящему изданию.

³ Крюкова Аграфена Матвеевна (1855—1921) — сказительница Зимнего берега Белого моря, от которой в деревне Нижняя Зимняя Золотица было собрано большинство материалов для тома «Беломорские былины, записанные А. В. Марковым» (М., 1901). Всего в 1899, 1901 годах Марков записал от Аграфены Крюковой 64 текста былин, баллад, исторических песен и духовных стихов.

⁴ Астахова в книге «Русский былинный эпос на Севере» пишет: «Мною внимательно просмотрены все ее (А. М. Крюковой. — Н. К.) варианты и точно установлено восхождение к данному источнику (Народная поэзия. Былины. Песни. Духовные стихи / С введением и объяснительным словарем. Сост. А. Оксенов. СПб., 1898. 2-е изд. — Н. К.) из ее 63 текстов, опубликованных в книге „Беломорские былины“ (Беломорские былины, записанные А. В. Марковым. М., 1901. — Н. К.), следующих десяти: 1) „Илья Муромец и Бадан“ (...); 2) „Потык“ (...); 3) „Сухмагий“ (...); 4) „Иван Грозный и его сын“; 5) „Алеша, переодевшись каликою, убивает Тугарина“, 6) „Волх Святославьевич“; 7) „Василий Богуславьевич“; 8) „Мать и дочь в татарском плену“; 9) „Взятие Казани и казнь царя Симеона“; 10) „Похороны Сеньки Разина“, кроме того самое начало былины „Семейная жизнь Петра I“ (...)» (С. 320—321). О зависимых от книги былинных текстах, в том числе в репертуаре сказителей Крюковых, см. подробнее: Новиков Ю. А. Былина и книга. Аналитический указатель зависимых от книги и фальсифицированных текстов. 2-е изд. СПб., 2001.

Вот и продолжение, дорогой шефик (на случай если это письмо придет (нрзб. 1 слово, дефект бумаги) сообщая: 22-го отправлено Вам заказное). Дело вот (нрзб. 1 слово, дефект бумаги). Хочу знать Ваше мнение о следующем. В И(нститу)те есть какие-то суммы, кот(орые) можно обратиться на экспедицию. Скрипиль¹ жаждет экспедицию — собирать старые книги, а нам предлагает — фольклор. Район — Керженец.² Мне все это предприятие (за исключением старых книг, надо же и древникам что-то пособирать!) кажется ненужным. Считаю, что сейчас мне нужно только работать над диссертацией, Поле тоже. Ведь только подумать, сколько будет нам работы «по следам войны», да и сейчас уже пора приниматься вплотную за это. А Керженец? Можно ли рассчитывать там на интересный современный материал? Собирать что-то, чтобы прибавить в наш архив лишнюю папку — какой

смысл? Мы же знаем на опыте Ленинградск(ого) сборника, какие замечательные результаты дает целеустремленность.³ А здесь какая? Пока мы договорились на следующем: я написала Вере Юрьевне,⁴ запрашивая по ряду вопросов касательно московской экспедиции на Светлояр.⁵ Соответственно тому, что получу от В(еры) Ю(рьевны), выдвинем тематику экспедиции (положа руку на сердце, я не вижу для данного р(айо)на такую, которая сейчас была бы нужна). Я говорила Скрипилю о возможности привлечения Кравчинской (во время ее каникул) и Лозановой⁶ (м(ожет) б(ыть), ей удалось бы получить отпуск). Что Вы вообще обо всем этом думаете?

Только что получила Ваше хорошее письмо — от 5 III. Я очень думаю о предстоящей нам всем работе. Свою диссертацию я даже воспринимаю сейчас уже не в личном плане. При поредении наших рядов, несомненно, и на мои плечи ляжет организац(ионно)-руководящая роль. Для этого важно быть и внешне авторитетной. Работа над диссертацией идет с перебоями, то хорошо, то спотыкаюсь. Не хватает литературы и материалов. Но сделаю. Недостает Вас, Ваших советов. Закончить скорее еще нужно и для того, чтобы освободить себя для других тем. Сказкой нужно, конечно, заняться Вам. О песне я думала так. Посмотреть, что сделано. Какие-то разделы, касающиеся чисто словесной стороны — обзор тематического содержания, проблемы лирического образа и т(ому) п(одобное), могла бы взять и я. В этом направлении у меня уже началось шевеление мозгов. А я с удовольствием переключусь на свежий для меня материал. Пока до свидания. Обо всем другом в следующем письме. Привет. А.

Складное письмо. Приписка сверху листа: «от Гали Шаповаловой⁷ (пол)учила письмо». Датировка получения письма рукой Азадовского: 11—IV—(19)43 (года).

¹ М. О. Скрипиль. См. о нем: Письма 1942 года, прим. 2 к п. 7.

² Керженец — река в Нижегородской области, левый приток Волги. По ее берегам в XVII—XIX веках располагались керженские старообрядческие скиты; наиболее известный из них, описанный в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах», Комаровский скит.

³ Русские народные песни, записанные в Ленинградской области. 1931—1949 гг. / Сост. В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева, под ред. А. М. Астаховой. М.; Л., 1950.

⁴ Имеется в виду В. Ю. Крупянская. См. о ней: Письма 1942 года, прим. 1 к п. 1.

⁵ Светлоярская экспедиция (по следам П. И. Мельникова, В. Г. Короленко и М. М. Пришвина) в июле 1931 года была организована Государственной Академией искусствознания (ГАИС). В ней принимали участие также Центральный антирелигиозный музей (ЦАМ), Институт по изучению народов СССР (ИПИИ) и Нижегородский краевой музей, т. е. учреждения Москвы, Ленинграда и Нижнего Новгорода. «В задачу экспедиции входило, во-первых, собирание материалов по обрядности и словесному творчеству, относящимся к почитаемому озеру Светлый Яр и к горам на берегу озера, в которых якобы скрылся легендарный град Китеж. Другой целью экспедиции было развернуть разъяснительную антирелигиозную кампанию во время праздника, совершаемого ежегодно на берегах „святого озера” и приуроченного к моменту древних купальских игрци (22 июня ст. ст. — канун Аграфены купальницы и одновременно Владимирской божьей матери)» (*Невский А.* Работа светлоярской экспедиции (по следам Мельникова, Короленко и Пришвина) // Советская этнография. 1931. № 12. С. 172). В экспедиции участвовали фольклористы, этнографы, антирелигиозники, художники и киноработники. Астахова, видимо, имеет в виду московские материалы, записанные в этой поездке.

⁶ А. Н. Лозанова. См. о ней: Письма 1942 года, прим. 34 к п. 1.

⁷ Г. Г. Шаповалова. См. о ней: Письма 1942 года, прим. 26 к п. 1.

20

7 IV (19)43 (года)

Дорогой Марк Константинович!

Только что получила Ваше письмо с описанием конференции. Буду теперь с нетерпением ждать письма Веры Юрьевны.¹ Очень ведь мне хотелось приехать, но, с точки зрения моей личной работы, м(ожет) б(ыть), и непло-

хо, что не пустилась в далекий путь, который надолго бы оторвал меня от планомерной работы. Сейчас очень четко для меня обрисовался профиль книги. Работаю с увлечением. Но — «чем дальше в лес, тем больше дров», все зарываюсь глубже и глубже. Закончила главу «Сказительство и книга»² и читала у нас в И(нститу)те доклад. Имела успех. Все хвалили, и очень — Ив(ан) Ив(анович) Толстой.³ Правда, он, по-моему, чрезмерно добр ко мне, но все же приятно. Но очень, очень не доставало серьезной, придирчивой даже к мелочам критики специалистов, не хватало Вас, дорогой друг, Ник(олая) Петров(ича),⁴ Алекс(андра) Исаков(ича).⁵ Очень часто хотелось бы поделиться с Вами своими сомнениями или предположениями, здесь — не с кем. Дмитр(ий) Серг(еевич)⁶ все же мало знает в нашей области. Сейчас разрабатываю главу о новых сюжетах, созданных в последние века.⁷ У Марфы⁸ нахожу очень интересные вещи. Представьте, что одна из ее былин навеяна уже 1-й книгой «Петра Великого» Ал(ексея) Толстого!⁹ А Липец¹⁰ и Бородина¹¹ с невозмутимой эпичностью пишут: «В былинной форме этот сюжет записан впервые».¹²

А Плоткин обогнал всех остальных «докторантов». В мае будет защищать диссертацию.¹³ Правда, примета нехороша — «маяться» ему потом в докторишках, но его и приметы не возьмут. До получения этого письма получили, конечно, телеграмму и, надеюсь, поняли, в чем дело, и спешно выслали, что нужно. Как хорошо бы было, если бы вышло! — Ваши облигации в Казани, справку я имею. И как раз хотела запрашивать Вас, что с ними делать. Итак, значит, надо их взять и Вам выслать. Сделаю. — У нас здесь сейчас становится очень хорошо. «Весна воды» в основном закончилась. Воздух чудесный! Вот бы быть сейчас в Л(енингра)де! Ну, милый шефик, обнимаю Вас и Вашу «любимую семью». Ваша А.

Складное письмо. Дата получения письма рукой Азадовского: 6—V—(19)43 (года).

¹ В. Ю. Крупянская.

² См. прим. 2 к п. 18. В монографии «Русский былинный эпос на Севере» соответствующая глава имеет такое же название.

³ В письме Толстого к В. Я. Проппу от 17 ноября 1943 года говорится о работе Фольклорного отдела Пушкинского Дома в Казани и о докладах Астаховой: «Фольклорная секция Института Литературы в Казани совсем немногочисленна: А. М. Астахова и вернувшаяся теперь в Казань и проживающая теперь здесь вместе со своими маленькими детьми Поля Ширяева. Анна Михайловна вплотную работает над своей докторской диссертацией по поэтике русских былин. На очередных заседаниях Института, которые происходят часто, уже прочла ряд глав из своей диссертации, очень солидных и интересных. Слабое место, по которому, чувствуется, ее будут бить, это — ее чрезмерное, может быть, увлечение сюжетами новых, современных былин и сказок и поэтикой и самой личностью новых, современных сказителей. Но материалом она владеет огромным и в совершенстве знает старую литературу» (Мартынова А. Н. Владимир Яковлевич Пропп: Жизненный путь. Научная деятельность. СПб., 2006. С. 149—150).

⁴ Н. П. Андреев.

⁵ А. И. Никифоров. См. о нем: Письма 1942 года, прим. 27 к п. 1.

⁶ Д. С. Лихачев.

⁷ Ср. главу в книге Астаховой «Русский былинный эпос на Севере» — «Образование новых былин» (с. 136—281).

⁸ Крюкова Марфа Семеновна (1876—1954) — советская сказительница, дочь сказительницы Аграфены Крюковой. В 1937 году московскими фольклористами от нее были записаны былины, которые вошли в двухтомное издание «Былины М. С. Крюковой» (М., 1939—1941. Т. 1—2). В том же 1937 году с ней работала Астахова. Записи былин от М. С. Крюковой, сделанные Астаховой и ее помощницами И. М. Колесницкой и М. А. Шнеерсон, не были опубликованы и хранятся в ИРЛИ (Р. В. Коллекция 90) (см. об этом: Астахова А. М. Беломорская сказительница М. С. Крюкова // Советский фольклор: Сб. статей и материалов. М.; Л., 1939. Вып. 6. С. 176—213).

⁹ Перечисляя круг «литературных произведений, втянутых в эпос», Астахова пишет: «...отдельные эпизоды романа А. Н. Толстого „Петр Первый“ легли в основу „Старины про князя Меньшикова“» (Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. С. 214).

¹⁰ Липец Рахиль Соломоновна (1912—1998) — московский фольклорист, в 1930-е годы работала в Государственном Литературном музее, возглавляемом В. Д. Бонч-Бруевичем, участво-

вала в экспедициях на Русский Север (Северная экспедиция ГЛМ 1937 года). Позднее стала сотрудником Института этнографии АН СССР. В военные годы была эвакуирована в Новосибирск.

¹¹ Бородина-Морозова Эрна Георгиевна (1905—1974) — переводчик и фольклорист. В 1930 году окончила литературное отделение факультета литературы и искусства по творческому циклу и специальности литературный перевод 1-го Московского государственного университета. Переводила Э. Т. А. Гофмана, Я. Я. Стрейса и др. Участвовала в фольклорных экспедициях «По следам Рыбникова и Гильфердинга» в Заонежье (1926—1928), а также в Переславль-Залесский, Дмитровский и другие районы Московской области под руководством Ю. М. Соколова. В 1937 году вместе с Липец работала в Северной экспедиции ГЛМ. Во время войны жила у сказительницы М. С. Крюковой в Зимней Золотиге на Зимнем берегу Белого моря (Писатели Ленинграда: Библиографический справочник / Авторы-сост. В. С. Бахтин, А. Н. Лурье. Л., 1982. С. 40; *Бельчиков Н. Ф. Морозова (Бородина) Э. Г.* // Краткая литературная энциклопедия. М., 1978. Т. 9. А.—Я. Стлб. 542; *Мельц М. Я.* [К 70-летию Э. Г. Бородиной-Морозовой] // Русский фольклор. Социальный протест в народной поэзии. Л., 1975. Т. 15. С. 287—288).

¹² Цитируется комментарий к «Старине про князя Меньшикова»: «Записали Э. Г. Бородина и Р. С. Липец 14/VI 1938 г. в г. Москве. Текст записан с голоса. По словам сказительницы, „переняла от деда Гаврилы Леонтьевича Крюкова и от матери Аграфены Матвеевны Крюковой, но более от деда“. В былинной форме этот сюжет записан впервые» (Былины М. С. Крюковой. Т. 2. С. 716).

¹³ Плоткин в 1943 году защитил докторскую диссертацию «Писарев и общественно-литературная борьба 60-х годов», позднее опубликованную в виде книги с тем же названием (М.; Л., 1945). Пренебрежительный тон высказываний Астаховой о Плоткине был вызван его нечистоплотными поступками. Так, например, Д. С. Лихачев вспоминал, как Плоткин, заместитель директора, в ноябре 1941 года бросил Институт и эвакуировался на «большую землю»: «Бежал из Ленинграда» (Лихачев Д. С. Воспоминания. СПб., 1999. С. 458).

21

21 V <19>43 г<ода>

Дорогой Марк Константинович!

Получила Вашу открытку от 30 II и спешу ответить. Во-первых, относительно «обязательного» переезда в Казань. Насколько мне известно, наши ташкентцы протестовали против постановления и просили разрешить им остаться в Ташкенте.¹ Им это разрешили. Варв(ара) Павл(овна),² чувствующая себя в Ташкенте плохо, как будто подумывает о том, чтобы перебраться сюда. Но вообще все это очень неопределенно. Из остальных сотрудников только, кажется, К. Н. Державин³ реально выезжает из Молотова⁴ (так, по крайней мере, говорил его отец, но пока все еще К(онстантина) Н(иколаевича) нет). Так(им) обр(азом), мне, по правде сказать, неясно и сомнительно, удастся ли «собрать» И(нститу)т. Следовало бы Вам выяснить этот вопрос непосредственно с нашим начальством. Насчет «вполне приличной» жилплощади. Понятие весьма в условиях эвакуации относительное. Сейчас как раз с отъездом москвичей освободились отдельные комнаты во дворце труда. Это, конечно, самое лучшее, на что можно рассчитывать. И если бы знать наверняка, что Вы приедете, можно было бы, думаю, И(нститу)ту забронировать для Вас помещение. Но на них претендуют и живущие на частных квартирах и, по-видимому, будут стараться перебраться. Прожить вам трем в Казани на одну академическую зарплату, конечно, нельзя. Нужен приработок. Возможен ли он по кафедре фольклора в университ(ете) или педагог(ического) и(нститу)те даже для Вас, мне неясно. Здесь двое постоянных работников: известный Вам Васильев М. А.⁵ и Вознесенский⁶ (защитивший недавно докторск(ую) диссертацию). Возможно, конечно, что У(ниверсите)т обрадуется случаю заполучить Вас и поставит к(акие)-либо специальные курсы. Зимой здесь очень нуждались в историках. Лихачев имеет

тоже некоторую нагрузку. По ф<олькло>ру в этом году вообще курс не читался. След<овательно>, в будущем году обязательно будет.

Рынок здесь круглый год, достаточно обильный. Цены сейчас: молоко 40—50 р<ублей> 1 литр, картофель 30—40 р<ублей> 1 кг, масло 250 р<ублей> 1 фунт.

Все документы по выборам с отзывами царя ушли в Москву.⁷ Очень радуюсь, что и ЛГУ Вас выдвинул. Как была выдвинута ваша кандидат<ура> здесь, к<а>к-ниб<удь> расскажу потом. Важно одно, что Вы выдвинуты, и как было бы чудно, если бы Вы прошли. Очень об этом мечтаю. Об остальных наших кандидатах знаете? В академики — Щерба⁸ и Лебед<ев>-Полянск<ий>.⁹ В чл<ены>-кор<респонденты>, кроме Вас, Адрианова-Перетц и Балухатый.¹⁰ К сожалению, писать больше негде. Буду держать Вас в курсе по вопросу «собираания И<нститу>та». Понятно, что я была бы страшно рада Вашему приезду, но мне не ясно, где Вам будет лучше. Обнимаю вас всех. Ваша А.

Приписка сверху листа: «Слышала, что Жирмунский¹¹ и Пиксанов¹² смертельно обижены», приписка на обороте листа: «Насчет ваших облигаций мне все еще не дают знать из сберкассы, когда их можно получить. Все еще „разбирают“».

Дата получения письма рукой Азадовского 10-VI-(19)43 (года).

¹ В Ташкенте в эвакуации находились В. М. Жирмунский, В. Ф. Шишмарев, В. П. Адрианова-Перетц, Н. К. Пиксанов, Б. С. Мейлах, И. И. Векслер и другие (*Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом. 1905—1930—1980. С. 95). В письме к Азадовскому Ширяева сообщала: «В Ташкент я не поеду, там как в бочке, не повернуться и с продовольствием, говорят, не очень-то хорошо» (РГБ. Ф. 542. Карт. 73. № 15. Л. 1. Письмо от 26 марта 1942 года). Версия о соединении Института не в Казани, а в Ташкенте была высказана ею в другом письме к Азадовскому: «Ин<ститу>т постановлением Совнаркома направляется в Ташкент. На днях у нас было маленькое совещание: Плоткин, Скрипиль, Лихачев, Калаушин и я. Написали в презид<иум> докладную об оставлении работников там, где они есть. Что из этого будет — не знаю. Но ясно будет на днях. Я решила (это последний вариант) в Ташкент ехать» (Там же. Л. 7—9. Письмо от 13 сентября 1942 года).

² В. П. Адрианова-Перетц. См. о ней: Письма 1942 года, прим. 7 к п. 2.

³ Державин Константин Николаевич (1903—1956) — литературовед. В 1924 году окончил романо-германское отделение факультета общественных наук ЛГУ. С 1940 по 1950 год — и. о. старшего научного сотрудника Сектора западноевропейских литератур ИРЛИ, с июля 1941 года — ученый секретарь. В 1942—1944 годах находился в эвакуации в г. Молотове (Пермь), где заведовал кафедрой всеобщей литературы Молотовского государственного педагогического института. Позднее вернулся в ИРЛИ. В 1950—1955 годах работал в ИМЛИ и в Институте славяноведения в Москве. В 1955 году вновь принят в Пушкинский Дом в Сектор взаимосвязей литератур (Пушкинский Дом: Материалы к истории. С. 436). Сын Н. С. Державина.

⁴ С 1940 по 1957 год город Пермь носил название Молотов.

⁵ Астахова была оппонентом на защите кандидатской диссертации М. А. Васильева. См. о нем: Письма 1942 года, с. 128, 130.

⁶ Вознесенский Александр Николаевич — профессор кафедры русской литературы Казанского университета.

⁷ Выборы в действительные члены и члены-корреспонденты АН СССР состоялись осенью 1943 года. Возможные кандидаты предварительно рассматривались Комиссией ЦК ВКП(б). Под «царем» подразумевается заместитель директора Института — Л. А. Плоткин.

⁸ Щерба Лев Владимирович (1880—1944) — лингвист, автор трудов по общему языкознанию, фонетике, теории письма, лексикологии и лексикографии, методике преподавания языков. С 1924 года — чл.-кор., с 1943 года — академик АН СССР (Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944). Сб. статей / Под ред. Б. А. Ларина, Л. Р. Зиндера, М. И. Матушевича. Л., 1951; *Зиндер Л. Р., Маслов Ю. С.* Л. В. Щерба — лингвист-теоретик и педагог. Л., 1982; *Колесов В. В.* Л. В. Щерба. М., 1987).

⁹ П. И. Лебедев-Полянский. См. о нем: Письма 1942 года, прим. 6 к п. 1.

¹⁰ С. Д. Балухатый. См. о нем: Письма 1942 года, прим. 39 к п. 4.

¹¹ В. М. Жирмунский. См. о нем: Письма 1942 года, прим. 29 к п. 1.

¹² Пиксанов Николай Кирьякович (1878—1969) — филолог, историк, литературовед. Сотрудник Пушкинского Дома, чл.-кор. АН СССР с 1931 года (*Гришунин А. Л.* Пиксанов Николай Кирьякович // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 5: Мурари — Припев / Главные ред. А. А. Сулков. М., 1968. С. 741—742).

24 V <19>43 г<ода>

Дорогой Марк Константинович!

На днях отправила Вам письмо и вот опять пишу, отчасти дополнительно к тому письму, отчасти отвечая Вам, — только что получила Ваше письмо от 6 V. Постараюсь на этот раз удовлетворить Вас полностью, ответив на все вопросы. Как была выдвинута Ваша кандидатура? Не сверху, а именно дружеской инициативой, достаточно на этот раз настойчивой. Но нужно сказать, что на ученом совете, на к<отором> присутствовали 3 академика — Державин,¹ Деборин² и Обнорский,³ Ваша кандидат<ура> никаких возражений не встретила. Наоборот, Ник<олаем> Сев<астьяновичем> она была охотно и веско поддержана. Что касается до 2-х друг<их> академиков, то неясно их настоящее отношение, но здесь они тоже высказались положительно. Сейчас все документы уже направлены в Москву. На днях едет туда Плоткин, якобы по делам РИСО.⁴ На самом деле, по слухам, он будет секретарем выборной комиссии. Но, м<ожет> б<ыть>, это только сплетни. Я тоже волнуясь, очень хочу надеяться, но знаю, что конкурентов много и все солидные. Самое же главное — «подводные течения». Кто выдвинут еще, я уже писала. Слышала еще, что И<институ>том им. Горького выдвинуты в академики Пиксанов и Жирмунский.

Скрипиль никакого Вашего письма не показывал, и я не знаю Ваших намерений относительно Гали.⁵ Не думаете ли Вы об ее аспирантуре? Было бы, конечно, неплохо, надежна ли она только? А вот с друг<им> вопросом Скрипиль обратился ко мне: если будет возможность восстановить кого-либо из сотрудников Отд<ела> ф<олькло>ра, то кого? Я, конечно, сказала, что прежде всего следует Гиппиуса, что это вообще совершенно необходимо. А потом уж Лозанову. Сейчас я занята тем, чтобы отыскать следы Евг<ения> Влад<имировича>. Просила об это Н. П. Колпакову,⁶ пока ответа не имею. Конечно, я считаю, что надо бы восстановить и Кравчинскую. Написали бы Вы по этим вопросам Ваши соображения Скрипилю или «самому» Плоткину.

«Сбор частей», как я уже писала, происходит туго. Уверена, что в конце концов все останутся на своих местах. Разве только Н. К. Державин совершит прогулку по Каме и Волге до Казани.⁷ Вы совершенно правы, не доверяя здешним заботам о сотрудниках. Этих забот чрезвычайно мало. Боюсь, что вам всем было бы хуже, чем в Иркутске. Конечно, если бы все действительно собрались, был бы смысл в приезде, но, по-видимому, этого не произойдет.

Я давно хочу сообщить Вам план моей работы. Постараюсь уместить его на оставшемся кусочке. К сожалению, нет места, чтобы раскрыть содержание каждой главы. Это сделаю в следующем письме, где расскажу также, что именно сделано, и вообще все соображения насчет сроков. Пока обнимаю всех вас. Ваша А.

Северный этап в истории русской былины

I часть (вводная)

1. Задачи исследования
2. Происхождение северной эпической традиции
3. Северные былинные края

II часть. Былинное творчество северных крестьян

4. Развитие образа

5. Перестройка сюжета и его композиции
6. Сложение новых сюжетов
7. Былинное сказительство и книга
8. Областные типы северной былины
9. Северные сказители

III часть. Судьбы северной былины после Октября

10. Основные процессы в жизни старого эпоса после Октября
11. Пути создания и развития советского эпоса.⁸

Складное письмо. Дата получения письма рукой Азадовского: 10—VI—(19)43 (года).

¹ Державин Николай Севастьянович (1877—1953) — филолог-славист и историк, академик АН СССР (с 1931). В 1931—1934 годах — директор Института славяноведения АН СССР (в Ленинграде). В 1943 году назначен заведующим вновь созданной кафедры славянского языкознания в МГУ, с 1944 года — заведующий кафедрой славянской филологии ЛГУ. С 1947 года Державин был директором Ленинградского отделения Института славяноведения АН СССР. В годы Великой Отечественной войны — сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР. См. о нем: *Аксенова Е. П.* «Изгнанное из стен Академии»: Н. С. Державин и академическое славяноведение в 30-е годы // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 69—81.

² А. М. Деборин (Июффе). См. о нем: Письма 1942 года, прим. 1 к п. 2.

³ Обнорский Сергей Петрович (1888—1962) — лингвист-русист, академик АН СССР (с 1939). См. о нем: *Виноградов В. В.* Научная деятельность академика С. П. Обнорского (к 70-летию со дня рождения) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1958. Т. 17. Вып. 3. С. 247—262; *Борковский В. И.* С. П. Обнорский (к 70-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 1958. № 3. С. 99—106; *Борковский В. И.* С. П. Обнорский // Русская речь. 1967. № 5. С. 9—11.

⁴ Редакционно-издательский совет.

⁵ Г. Г. Шаповалова.

⁶ Н. П. Колпакова. См. о ней: Письма 1942 года, прим. 19 к п. 4.

⁷ Из Перми.

⁸ В монографии «Русский былинный эпос на Севере» структура исследования и названия глав в целом сохранены. В окончательном варианте II и III разделы диссертации объединены в одну главу «Былинное творчество северных крестьян». Часть работы «Судьбы северной былины после Октября» была преобразована в § 8 «Судьбы эпоса после Октября», а пункт 9 «Северные сказители» исключен.

Дорогой Марк Константинович,

Рада, что у Вас дома все благополучно; было несколько тревожно не иметь довольно долго вестей, да и скучно — я уже избаловалась частыми письмишками от Вас. Спасибо за внимание к моей работе. Я тоже думаю, что план в основном довольно стройный. Не хватает, конечно, одной крупной главы — о чисто местных элементах в мотивах северных былин, но это слишком большая задача, могущая сама стать темой, если не для докторской, то для кандидатской диссертации, и я решила отказаться от этой главы. Всего не объять. Я совершенно согласна с критикой некоторых заглавий. «Северные былинные края» — слишком беллетристично. Вообще далеко не все заглавия сформировались для меня окончательно, вплоть до заглавия всей работы — не нравятся мне. М(ожет) б(ыть), лучше проще: «Русская былина на Севере»? Но для всех этих уточнений времени еще много. Закончила главу об образовании новых былин. Она вышла очень большой — 7 печ(атных) листов. (Пока вообще у меня написано 12 п(ечатных) л(истов) — с 1 января, все новый материал). Некоторые ее части, кажется, вышли интересными (былины-сказки XVIII—XIX веков, переделки литературных произведений). Сейчас одновременно буду работать над 3-й главой

вводной части и над заключительной главой «Пути создания и развития северного эпоса». Дело в том, что Плоткин занят идеей организации «Ученых трудов» И(нститу)та литер(атуры). Хочет добиться разрешения их во что бы то ни стало. Я дала заявку именно на эту тему. Получили ли Вы по этому вопросу какое-либо извещение от И(нститу)та и соответствующий запрос? Впрочем, я очень надеюсь на предоставление в 1-м же номере места для Отдела ф(олькло)ра. Линия пренебрежения нашей работой все та же.¹ Только этим я и объясняю, что во вновь утвержденном Учен(ом) совете я отсутствую, хотя из кандидатов фигурирует К. Н. Державин как представитель Зап(адного) отдела. Ив(ан) Ив(анович)² уже выразил Плоткину свое неодобрение. Плоткин в ответ бормотал что-то нечленораздельное. Члены уч(еного) совета: Лебед(ев)-Полянк(ий), Деборин, Державин К. Н., Плоткин, Скрипиль. Так(им) образ(ом), на 11 членов — трое даже не состоят со-труд(никами) И(нститу)та, а один еще (Ив(ан) Ив(анович)) — не основной работник. Десницкий³ же просто мертвая душа.

О выборах известно мне дополнительно: на 2 места академиков — 24 кандидата, на 4 места членов-корр(еспондентов) — 28 кандидатов. Жирмунский и Пиксанов, как говорят, разобижены на И(нститу)т, за то, что не выдвинул их в ак(адеми)ки. О пертурбациях в И(нститу)те этнографии слышала. Подобные события вообще в духе этого И(нститу)та. Гиппиусу собираюсь тоже писать. Очень тревожит вообще дальнейшая судьба нашего Фонограммархива. Как надо, чтобы Вы прошли в члены-корреспонденты! Боюсь, что, к сожалению, это только мечта. Из Зимней Золотицы получила письмо от Марфы⁴ (в ответ на мое) с записочкой от Эрны Бородиной. Что оба супруга там, знала давно. Ну и пусть, если только сумеют поддержать Марфу. Обнимаю всех вас. А.

На днях была у Ал(ександры) Ник(олаевны),⁵ шлет привет. Она все хворает ангинами. Плоткин намекнул, что, может быть, ее возвратит, но просил ей еще не говорить. Видимо прочит ее в помощники по архиву к Модзалевскому,⁶ если не приедет Населенко.⁷ На днях ожидается сбор частей: приедут из Москвы члены Уч(еного) сов(ета) и из Саратова Балухатый на защиту докторск(ой) диссерт(ации) Плоткина.

Еще раз всего хорошего. Привет. Поля еще в деревне. Ваша А.

Дата получения письма рукой Азадовского: 5—VIII—(19)43 (года).

¹ Суждение о том, что в Пушкинском Доме в 1940-е годы фольклористике уделялось мало внимания со стороны дирекции, высказывала и Ширяева в письме 1944 года Азадовскому: «Близок конец тяжелому времени, не за горами и Ленинград. Мы все (далеко, конечно, не все) вернемся в Ленинград, в ин(ститу)т на Тучкову набережную. Снова потянутся серые дни войны с каким-нибудь Канайловым из-за копеек. У всех сотрудников за время эвакуации окажутся большие материалы для печати и снова отделу фольклора, как неродному сыну, будут давать только обедки с барского стола. Как это тяжело. Мне кажется, пора, и пора как раз сейчас начать хлопотать об организации фольклорного ин(ститу)та, который и можете возглавить только Вы. Объединить людей, заставить всех работать у нас немного кто может. Но я думаю, что у Вас отпало желание отвоевать себе настоящее место. А необходимость этого мероприятия ясна как божий день. Фольклором занимаются все: ин(ститу)т мировой литературы, этнографический, литературный музей, С(оюз) С(оветских) П(исателей) в Москве, С(оюз) С(оветских) П(исателей) в Ленинграде, наш отдел ф(олькло)ра, в педвузе Герцена, Университете и т. д. и т. п. А кто отвечает за дело собирания, теоретические вопросы, за [нрзб.] работы на местах? Все шишки валяются на Азадовского и его небольшую компанию. А все эти Сидельниковы, Нецаевы как были в стороне, так и останутся при деле без дела» (РГБ. Ф. 542. Карт. 73. № 15. Л. 17—18. Письмо от 25 января 1944 года). Мысли об организации фольклорного института в разные годы появлялись у Азадовского и Астаховой.

² И. И. Толстой.

³ Десницкий Василий Алексеевич (1878—1958) — революционер, «красный профессор», литературовед, исследователь русской литературы XVIII—XIX веков. Окончил историческое и словесное отделения Дерпского университета, в котором в 1916—1917 годах преподавал. Один из основателей Ленинградского государственного педагогического института (ЛГПИ)

им. А. И. Герцена (1918). С 1918 по 1951 год работал в ЛГУ, был профессором и заведующим кафедрой русской литературы. В ИРЛИ — ученый хранитель, с 1935 года — старший ученый специалист Сектора новой русской литературы, с 1945 по 1950 год — заведующий Отделом новейшей русской литературы, с 1950 года — старший научный сотрудник Сектора советской литературы (*Вильчинский В. П.* Чествование В. А. Десницкого // *Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка.* 1958. Т. XVII. Вып. 3. С. 269—271; *Смирнов С. Б.* Судьба петербургского интеллигента. Первый проректор третьего педагогического института в Петрограде Василий Алексеевич Десницкий // *Вестник Герценовского университета.* 2007. № 1. С. 65—77).

⁴ Вероятно, имеется в виду письмо сказительницы М. С. Крюковой к Астаховой от 13 июля 1944 года: «Добрый день, Анна Михайловна! Здравствуйте, многоуважаемая Анна Михайловна! Во первых строках плюю Вам свой сердечный горячий привет от желанья полного, от сердечных чувств желаю всего Вам хорошего, здравия, долголетия, спокойной хорошей жизни. По привету Вам шлют мои сестры Серафима Семеновна и Павла Семеновна. Сердечно Вас благодарю, Анна Михайловна, за вапо дорогое и приятное письмо. Очень огрубляюсь, что так долго не получала от Вас писем, я так и думала, не случилось ли чего-нибудь неприятное — заболели ли Вы? Годы мои стали не молодые, я часто хвораю. Я две недели как купила корову, свое молоко хлебаю. Сердечный привет передай Ире от меня и моих сестер. Желаю ей блестящих успехов. Приезжайте ко мне в гости, Анна Михайловна да Ира! Сейчас будут поспевать ягоды. Счастливо желаю Вам оставаться и быть долголетней. Александр Антонович уехал в Архангельской, а Ерна Егоровна живет при нас в Золотицы. С сердечным приветом к Вам Крюкова Марфа Семеновна» (*Крюкова М. С.* Письмо к Астаховой А. М. 13 июля 1944 года // ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. № 329. Письмо написано рукой Бородиной-Морозовой). В письме передается привет Ире — Колесницкой — и говорится об А. А. Морозове (1906—1992), муже Бородиной-Морозовой. Морозов примерно в это же время (29 июля 1944 года) писал Астаховой о своей жизни в Зимней Золотице: «Глубокоуважаемая Анна Михайловна! Как-то не очень удается нам найти непосредственный фольклорный контакт. Я тут посылал Вам разный фольклорный материал в Саратов, а Вы уж в Ленинграде. Сейчас я нахожусь в Архангельске, где пробиваю стену лбом — доказывая необходимость записи старого фольклора от М. С. Крюковой наряду с „новинами“. (...) Мы здесь устроились в смысле (вразб. 1 слово), очень хорошо. Но все остальное мрачно. Самая богатая по части фольклора область забыла о его существовании. Дом Нар(одного) Творчества устранили от этой работы — и там полный развал. Даже книги по Северу сейчас не достать в городе. Недавно я убедился, что в области не помнят, что была на свете Марья Дмитриевна Кривополенова или Аграфена Крюкова. Сейчас я на эти темы читаю лекции, выступаю по радио и пр. Горю желанием получить от Вас моральную поддержку и информацию о фольклорной и вообще научной жизни в Ленинграде...» (*Морозов А. А.* Письмо к Астаховой А. М. 29 июля 1944 года // ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. № 350. Л. 3—3 об.).

⁵ А. Н. Лозанова.

⁶ Л. Б. Модзалевский. См. о нем: Письма 1942 года, прим. 9 к п. 2.

⁷ Населенко Елена Панфиловна (1896—1985). Окончила Петроградский 1-й высший государственный педагогический институт в 1919 году. В разное время работала в ИРЛИ научным сотрудником, хранителем музея. Во время войны была мобилизована на окопные работы, затем эвакуирована в Казань, позднее — в Курган. С 1943 года — младший научный сотрудник в музее-усадьбе Л. Н. Толстого «Ясная Поляна». В 1945 году вернулась в Литературный музей ИРЛИ.

24

2/VII (19)43 г(ода)

Дорогой Марк Константинович!

Отправляю эту открытку вдогонку за вчерашним письмом. Дело в том, что здесь упорно говорят о переводе сюда ЛГУ из Саратова. Имеете ли Вы какие-либо известия об этом? Ведь если этот перевод состоится, м(ожет) б(ыть), Вам имеет смысл приехать сюда: в матер(иальном) отнош(ении) у Вас все будет благополучно (2 ставки), и Вы снова полностью войдете в жизнь И(нститу)та. Сейчас опять круто поворачивают на собиране И(нститу)та в Казани. Получены телеграммы от Городецкого¹ и Степанова² о том, что они едут. Если придет ЛГУ, здесь будет Балухатый, Эйхенбаум,³ Алексеев,⁴ Бялый,⁵ Гуковский⁶ и Еремин.⁷ Последние два еще не восстановлены, но если будут здесь, это, вероятно, произойдет. А Отдел фольклора без Вас не собрать. Модзалевский и К. Н. Державин уже здесь. На уч(еный) со-

вет приезжает Десницкий (оказывается, не мертвая душа). Защита Плоткина и Зильберштейна⁸ состоится в самом конце июля, начале августа. Привет. А.

Почтовая карточка. Дата, поставленная рукой Азадовского по получении письма: 3—VIII—(19)43 (года).

¹ Б. П. Городецкий. См. о нем: Письма 1924 года, прим. 7 к п. 1.

² Степанов Николай Леонидович (1902—1972). Окончил факультет общественных наук ЛГУ и словесное отделение ГИИИ в 1925 году. С 1934 года в Пушкинском Доме. В 1941—1944 годах — в эвакуации в г. Молотове (Пермь), преподаватель Молотовского педагогического института. После войны работал в ИМЛИ.

³ Эйхенбаум Борис Михайлович (1886—1959) — литературовед, представитель «формальной школы». Пережил блокадную зиму, в марте 1942 года вместе с Ленинградским университетом был эвакуирован в Саратов. Вернулся в Ленинград в 1944 году. Астахова училась в семинаре Эйхенбаума в ГИИИ.

⁴ Алексеев Михаил Павлович (1896—1981) — литературовед, исследователь западноевропейской литературы. Окончил славяно-русское отделение историко-филологического факультета Киевского университета в 1918 году. В 1920-е годы работал в различных организациях в Одессе. В 1927—1933 годах преподавал на кафедре русской литературы в Иркутском университете; профессор; с 1928 года — заведующий этой кафедрой. С 1934 года — старший научный сотрудник, затем заведующий Сектором взаимосвязей русской и зарубежной литератур ИРЛИ. В 1937 году защитил докторскую диссертацию. В 1942—1944 годах — профессор и заведующий кафедрой всеобщей литературы историко-филологического факультета Саратовского университета. С 1958 года академик АН СССР (*Берков П. Н. М. П. Алексеев — историк и теоретик литературы // Русско-европейские литературные связи: Сб. статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 3—11; В. В. [Вацуро В. Э.] М. П. Алексеев как исследователь Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. С. 323—327; Дьяконова Н. Я., Левин Ю. Д. Творческий труд ученого: (К 75-летию академика Михаила Павловича Алексеева) // Русская литература. 1971. № 2. С. 213—218; Левин Ю. Д. Михаил Павлович Алексеев // Материалы к биобиблиографии ученых СССР. Серия литературы и языка. М., 1972. Вып. 9. С. 10—29).*

⁵ Бялый Григорий Абрамович (1905—1987) — литературовед. Окончил в 1925 году Ленинградский университет. С 1939 года — профессор этого университета. Монографии Бялого посвящены творчеству В. М. Гаршина, И. С. Тургенева. Автор статей о Г. И. Успенском, Короленко, А. П. Чехове, об общих проблемах историко-литературного процесса XIX века. См. о нем: *Лотман Л. Г. А. Бялый в моей памяти // Памяти Григория Абрамовича Бялого. К 90-летию со дня рождения: Научные статьи. Воспоминания. СПб., 1996. С. 170—181.*

⁶ Г. А. Гуковский. См. о нем: Письма 1924 года, прим. 30 к п. 1.

⁷ Еремин Игорь Петрович (1904—1963) — литературовед, исследователь древнерусской литературы. Доктор филологических наук, профессор. В 1924 году окончил Ленинградский университет по отделению языка и литературы факультета общественных наук. В 1934 году защитил кандидатскую диссертацию «Исследование новгородской Повести о посаднике Щиле». В 1937 году — докторскую диссертацию «Иван Вишенский и его публицистическая деятельность». С 1937 года — старший научный сотрудник Отдела древнерусской литературы ИРЛИ. В 1957—1963 годах был заведующим кафедрой русской литературы филологического факультета ЛГУ (см. о нем: *Дмитриев Л. А. Игорь Петрович Еремин: (Некролог) // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. XX. С. 418—424; Белкина М. А. Еремин Игорь Петрович // Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. С. 891—892; Лихачев Д. С. Об Игоре Петровиче Еремине // Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966. С. 3—8).*

⁸ Зильберштейн Илья Самойлович (1905—1988) — литературовед, искусствовед, коллекционер. В 1926 году окончил факультет общественных наук ЛГУ. Один из основателей и редактор «Литературного наследства». В 1943 году защитил кандидатскую диссертацию «Русские писатели и И. Е. Репин». В 1957 году — докторскую диссертацию «Декабрист Николай Бестужев. Живописное наследие. История создания портретной галереи» по специальности искусствоведение.

Дорогой Марк Константинович,

У нас здесь куча новостей и событий, которыми и спешу с Вами поделиться. Во-первых, состоялись две защиты: блестящая — Плоткина и дале-

ко не блестящая — Зильберштейна (но тоже с присуждением степени кандидата «единогласно»). Приезжал из Москвы Леб(ев) — Пол(янский) и из Кыштыма¹ — Десницкий. Взят крутой и резкий поворот на «собрание» И(нститу)та. Состоялось расширенное заседание дирекции с (нрзб. 1 слово) зав(едующими) и и(сполняющими) о(бязанности) отделами (я не была на нем), где всех «снимали», «освобождали» и просто «прогоняли». Анна Иван(овна)² освобождена от обязанност(ей) уч(еного) секрет(аря) и, следовательно, переведена на ставку младш(его) н(аучного) с(отудника). Калаушину³ предьявили ультиматум приехать в Казань (под угрозой снятия с зав(едующего) музея и перевода на ставку мл(адшего) н(аучного) сотр(удника)), тоже Гринберг⁴ (под угрозой увольнения), тоже Мейлаху⁵ (с освобождением вплоть до приезда от заведов(ания) отделом). Мордовченко,⁶ если не приедет, получает отпуск без сохранения содержания. Городецкий снимается с завед(ования) архивом и т(ому) п(одобное). Вы, очевидно, тоже уже получили известие об освобод(ении) Вас от заведования отделом. И(сполняющий) о(бязанности) — я. Все попытки мои опротестовать решение в отношении Вас — как горох о стену. Державину К. Н. и Десницкому разрешили жить по своим местам с обязательством регулярного приезда для работы с аспирантами. Приехали Е. И. Боброва⁷ — принята в аспирантуру, восстанавливается Лотман,⁸ Трескунов⁹ «прогнан». Модзалевский приехал из Елабуги, сделан зав(едующим) архивом. Вызывается к нему Населенко (а м(ожет) б(ыть), она станет и и(сполняющей) о(бязанности) зав(едующего) музеем). Жду Полю, должна день на день приехать. Ваше письмо, кажется, смягчило черствые сердца, и Вы (так мне сказала наша зав(едующая) канцеляр(ией)) получите ответ, который удовлетворит Вас.

Теперь, дорогой шеф (для меня, а официально подшефный), хочу посоветоваться о наших отдельных делах. Плоткин вдруг сказал: «А что если мы возьмем Гиппиуса в докторантуру?» Поэтому я решила написать Е(вге)нию В(ладимировичу), чтобы выяснить его состояние. Что Вы думаете по этому поводу? С другой стороны, я подумала о наилучшем для нас докторанте — Колесницкой.¹⁰ Приехала ли бы она сюда? Очень буду ждать Ваших размышлений по этому поводу. Теперь об аспирантуре. Против Шаповаловой здесь не возражают. Лично у меня сомнения. Надежна ли она? Вкуса к ф(олькло)ру я в ней не видела, видела лишь вкус к нашему кружку фольклористов, что, конечно, «большая разница». Нет ли более солидного и с более отчетливыми наклонностями кандидата? Писали ли Вы Гале об этой возможности? Мне пришла на ум еще другая Галя — Парилова.¹¹ Это — пожалуй, середняк, но добросовестный работник и уже понюхавший пороху. Конечно, хотелось бы более блестящего, но и Галя Шаповалова — не блеск. Нет ли еще кого у Вас на виду? Итак, нам нужен один кандидат и один докторант. Шаповаловой, во всяком случае, думаю, написать надо? В каком состоянии Ваш очерк по ист(ории) ф(ольклористи)ки для I-го тома?¹²

Вопрос о восстановлении Ал(ександры) Ник(олаевны)¹³ боюсь ставить категорически, Вы понимаете, почему. К тому же сейчас она выздоравливает после дифтерита. След(овательно), на работоспособность мало надежды. Сможет ли работать? Дорогой друг, как мне Вас недостает! Горячо обнимаю Вас и Ваших. Третьего дня была у меня Нина Ивановна Гаг(ен-Торн).¹⁴ Рассказывала, что проездом была у Вас. Всего доброго. Ваша А.

¹ Кыштым — город в Челябинской области.

² А. И. Перепеч. См. о ней: Письма 1942 года, прим. 5 к п. 2.

³ М. М. Калаушин. См. о нем: Письма 1942 года, прим. 10 к п. 2.

⁴ Л. Г. Гринберг. См. о ней: Письма 1942 года, прим. 8 к п. 2.

⁵ Мейлах Борис Соломонович (1909—1987) — литературовед. В 1931 году окончил литературный факультет МГУ. С 1935 года — в Пушкинском Доме. Автор работ о А. С. Пушкине, Л. Н. Толстом и др.

⁶ Н. И. Мордовченко. См. о нем: Письма 1942 года, прим. 24 к п. 1.

⁷ Боброва Елизавета Ивановна (1898—1976). Окончила романо-германское отделение историко-филологического факультета Саратовского университета. В 1930 году переехала в Ленинград. С 1935 года работала в Пушкинском Доме, сначала в библиотеке, затем и. о. секретаря Сектора западных литератур (1936—1940). В 1946 году завершила обучение в аспирантуре, в 1947 году защитила кандидатскую диссертацию «Лирика Микеланджело (Из истории итальянской поэзии XVI века)» (Пушкинский Дом. Материалы к истории. С. 408).

⁸ Л. М. Лотман.

⁹ Трескунов Михаил Соломонович (1909—2005). В 1934—1939 годах учился на филологическом факультете Ленинградского университета. Затем — в аспирантуре Пушкинского Дома. В 1941 году был отправлен с рукописным фондом Пушкинского Дома в Новосибирск. В 1944 году вернулся в Ленинград, защитил кандидатскую диссертацию и с 1948 по 1963 год работал редактором в Ленинградском отделении издательства «Художественная литература».

¹⁰ «С 1 января 1944 по 1 октября 1947 г(ода). И. М. Колесницкая становится докторантом ИЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР. [...] Тема докторской диссертации была определена как „Поэтика волшебной сказки“» (Иванова Т. Г. Ирина Михайловна Колесницкая (отдавая долги нашим ученым) // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 134).

¹¹ Парилова Галина Николаевна (1917—?) — жена Соимонова. Училась в Ленинградском институте истории, философии и лингвистики (ЛИФЛИ) в 1934—1939 годах, участвовала в экспедициях в Карелию. Совместно с Соимоновым составила сборник «Былины Пудожского края» (Петрозаводск, 1941). Работала ассистентом на кафедре русского языка для иностранцев филологического факультета ЛГУ.

¹² Имеется в виду коллективный трехтомный труд «Русский фольклор». См.: Письма 1942 года, прим. 3 к п. 4. В отчете Отдела фольклора ИРЛИ за 1950 год сообщается, что «в 1949 году в связи со сменой руководства Института все три тома были подвергнуты рецензированию и признаны методологически неправомерными, построенными на статическом жанровом изложении материалов, и подлежащими написанию заново, на основе исторической периодизации явлений народного творчества» (СПбФ ААН (бывший: ПФА РАН). Ф. 150. Оп. 1—1950. № 17. Л. 13; цит. по: Два отзыва о научной деятельности М. К. Азадовского / Публ. Т. Г. Ивановой // Русская литература. 2006. № 2. С. 101). См.: Русское народное поэтическое творчество: В 2 т. М.; Л., 1953.

¹³ А. Н. Лозанова.

¹⁴ Гаген-Торн Нина Ивановна (1900—1986) — этнограф, историк, поэт и писатель-мемуарист. В 1924 году окончила Ленинградский университет. В 1927—1930 годах училась в аспирантуре Института сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) у Д. К. Зеленина. В 1930—1931 годах жила в Иркутске. В 1931—1932 годах преподавала в Институте народов Севера. С 1932 года — научный сотрудник Института по изучению народов СССР АН СССР, позднее Института антропологии и этнографии (ИАЭ) СССР. Кандидат исторических наук (1946). В 1936 году была арестована, в 1937 году осуждена по статье 58-10 и приговорена к пяти годам лагерей. Заключение отбывала на Колыме. После освобождения из лагеря в 1942 году находилась в ссылке в селе Чашы Курганской области, где была в ссылке ее мать. 30 декабря 1947 года арестована повторно и приговорена к пяти годам лагерей (см. о ней: Ревуленкова Е. В. Жизнь и судьба Нины Ивановны Гаген-Торн — этнографа и поэта // Антропологический форум. On-line. 2012. № 16. С. 370—410). Из письма Гаген-Торн к Азадовскому от 25 ноября 1943 года: «За это время успела побывать в Саратове, куда ездила за Ладушкой, она жила там у моих друзей. Ездил через Казань. В Казани была у Анны Михайловны Астаховой. Не в блестящих условиях она живет, надо сказать. Но говорит, что работает много и интенсивно, удовлетворена работой и бодря. Расспрашивала о Вас, жене и сыне» (Гаген-Торн Н. И. Письма Азадовскому М. К. 1943—1947 // РГБ. Ф. 542. Карт. 60. № 3. Л. 29—31 об.).

26

14/VIII <19>43 г(ода)

Дорогой Марк Константинович,

Получила Вашу телеграмму и предъявила И(нститу)ту. Плоткин распорядился, чтобы Вам послали разъяснительную. Посылаю Вам в свою очередь и я. Зав(едующая) канцелярией сказала, что она настаивала, чтобы Вам и Мейлаху были посланы более ясные (письма. — Н. К.) с указанием о том, что Вы остаетесь ст(аршим) н(аучным) сотрудниками, но Скрипиль

уверял, что Вам и без того ясно, так что виновник полученной Вами дурацкой телеграммы — Скрипиль. Так вот, дорогой шефик, в результате страдательное лицо — я. Теперь мне надо писать объяснительную записку к нашим «проблемам» (в плане «большой науки»), составлять издательский план и пр. Придется Вам страдать от моих писем; ибо, хотя «юридическая» ответственность с Вас снята, но моральная снята быть не может.¹

Итак, перехожу к очередным делам. Не помню, писала ли я Вам о мысли Плоткина взять Гиппиуса докторантом. Поразмыслив, решила, что этого не стоит делать. И(нститу)т должен найти единицу, чтобы восстановить его. Боюсь, что докторантура облегчит ему ничего неделание, развяжет руки в отношении обязательств по «Русскому фольклору».² Я ему написала, прося сообщить о его состоянии и степени работоспособности. Сейчас больничный период кончился, и если Е(вгений) В(ладимирович) будет восстановлен, то при гарантии настоящей работы. И его следует тогда обязать кончить «Песню». А в докторантуру следует привлечь Колесницкую.³ Напишите поскорей об этом свои соображения. Относительно плана: в план на 1944 (год) придется включить работу над «Русским фольклором» — завершение редакции I-го тома, редакция II-го и переработка III-го (в связи с новыми фактами). Но в издат(ельский) план, я считаю, еще не следует вносить «Р(усский) ф(ольклор)р». Я не знаю точно, как, в конце концов, определялся состав I-го тома. Мне думается — состав мог быть следующим: статья о сущности и значении ф(ольклор)ра; история ф(ольклор)истики; очерк истории фольклора; сказка, заговор, загадка, причесать, былина, историч(еская) песня. Надо сейчас же придумать, кто будет дорабатывать сказку — Вы или кто-либо из москвичей (Минц,⁴ Гофман?⁵) А также как распределить редактуру? Можем ли мы взять обязательство сдать том в конце года? Думаю, должны. Пишите, дорогой, обо всем. Ваша А. Привет Л(идии) В(ладимировне) и Коте.

Не забывайте и соображения относит(ельно) аспирантуры Гали Шаповаловой и пр.

Складное письмо. Адрес: Нижний Тагил, Тагилстрой, Отдел геодезических работ, Астахову В. В. Дата получения письма, поставленная, по-видимому, Азадовским: 30 VIII (19)43 (года).

¹ Азадовский был снят с заведования Отделом фольклора, а исполняющей обязанности назначена Астахова.

² Имеется в виду коллективный труд «Русский фольклор».

³ Колесницкая Ирина Михайловна (1917—1994) — этнограф, фольклорист. Кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы филологического факультета ЛГУ (Иванова Т. Г. Ирина Михайловна Колесницкая (отдавая долги нашим ученым). С. 132—138). Далее в переписке Колесницкая фигурирует под именем Ира.

⁴ Минц Софья Исааковна (1899—1964) — московский фольклорист. С 1924 года занималась собиранием и изучением народного творчества, в частности фольклором Великой Отечественной войны. С 1944 года руководила сектором фольклора Государственного Литературного музея. См. о ней: Померанцева Э. В. Минц Софья Исааковна // Краткая литературная энциклопедия. В 9 т. Т. 4. С. 847.

⁵ Померанцева (Гофман) Эрна Васильевна (1899—1980) — фольклорист и этнограф, представитель фольклорной школы братьев Ю. М. и Б. М. Соколовых. Преподавала в московских вузах курс русского фольклора. С 1960 по 1980 год работала в Институте этнографии АН СССР. См. о ней: Богатырев М. Г. Померанцева (Гофман) Эрна Васильевна // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. С. 876—877.

17 VIII (19)43 г(ода)

Дорогой Марк Константинович!

Не припомните ли Вы, где «Сов(етский) ф(олькло)р» № 8¹ — в РИСО, в и(здательст)ве Л(енингра)да или возвращен в И(нститу)т? И как обстоит дело с I-м томом Гильфердинга?² Совершенно ли он закончен? Можно ли обе работы включить в изд(ательск)ий план? Конечно, я представляю, что вообще таковой не очень-то реален. Но если бы представилась возможность печатания, ведь «Сов(етский) ф(олькло)р» можно было бы в срочном порядке обновить и освежить, как Вы думаете?

Ваша А.

Почтовая карточка. Дата получения письма рукой Азадовского: 3/IX—(19)43 (года).

¹ Советский фольклор. Сб. статей и материалов. М.; Л., 1934—1941. № 1—7. Т. Г. Иванова так комментирует прекращение издания сборника: «Выходу полностью подготовленного восьмого выпуска помешала война; девятый выпуск, над которым велась работа, также не состоялся в силу менявшихся идеологических установок сталинского режима. Наследником этого издания стал современный пушкинодомский „Русский фольклор“, издающийся с 1956 года» (Два отзыва о научной деятельности М. К. Азадовского. С. 97). К. М. Азадовский писал: «Восьмой том, составленный еще до войны и переработанный заново в 1946—1948 годах, значился тогда в годовых рабочих планах Сектора фольклора. Весной 1949 года этот том был „передоверен“ В. Г. Базанову, назначенному ответственным редактором и написавшему к нему вступительную статью («Задачи советской фольклористики на современном этапе»). (...) Работа над девятым томом „Советского фольклора“, начатая М. К. Азадовским в 1948—1949 годах, после его увольнения не продолжалась» («Онежские былины» Гильфердинга / Вступ. статья и подг. текста К. М. Азадовского // Русская литература. 2008. № 4. С. 48).

² Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. 3-е изд. / Под ред. М. К. Азадовского, акад. И. И. Мещанинова, акад. А. С. Орлова, Ю. М. Соколова. М.; Л., 1938. Т. 2. Киж-Выгозеро; М.; Л., 1940. Т. 3. Водлозеро. Кенозеро. Моша. Первый том этого издания, о котором говорится в письмах Астаховой, не вышел. В 1949 году был выпущен первый том собрания Гильфердинга в новом, четвертом издании под редакцией Астаховой. В составе редколлегии Азадовский указан не был. Вступительная статья «А. Ф. Гильфердинг и его „Онежские былины“» была написана Базановым («Онежские былины» Гильфердинга. С. 41—64).

28/IX (19)43 г(ода)

Дорогой Марк Константинович!

Вот я и опять пришла в движение. Еду к Вите. Проведу в Н(ижнем) Тагиле около месяца,¹ а там, вскоре по приезде в Казань буду думать о поездке (в конце ноября) в Москву по вызову В. Д. Н. Т.² Большое спасибо, дорогой шефик, за хорошие содержательные письма. Везу их в Тагил, чтобы подробно ответить Вам оттуда по всем затронутым вопросам. Сейчас же пользуюсь своим проездом через Свердловск, чтобы послать привет Вам, Л(идии) и Коташке. Ваша А.

Почтовая карточка. Дата получения письма рукой Азадовского: 20—X—(19)43 (года). Адрес отправителя: г. Нижний Тагил, Тагилстрой. Отдел геодезических работ. Астахову В. В. для передачи Астаховой А. М.

¹ Здесь и далее в переписке под именем Витя подразумевается В. В. Астахов — сын Астаховой, которого она несколько раз навещала за время войны. В Нижнем Тагиле он находился на поселении. См.: Письма 1942 года, с. 110, 115, 117, 118, 122. Из писем 1942 года Ширяевой Азадовскому: «Все наши приехали из Ленинграда. Анна Михайловна уехала к сыну в Нижний Тагил. Скоро вернется» (РГБ. Ф. 542. Карт. 73. № 15. Л. 3—3 об.); «В Казани находятся: Лихачев, Плоткин, Толстой (у него умерла жена). Анна Мих(айловна) уехала к сыну в Нижний Та-

гил. Всю ее корреспонденцию я получаю и пересылаю. В г. Елабуга находятся Варвара Павл(овна), Гринберг, Населенко, Калаушин. Городецкий уехал к жене в Молотовскую область. Я очень подружилась с Дм(итрием) Сергеевичем, часто встречаемся. Много разговариваем. Он чудесный человек» (Там же. Л. 6).

² Всесоюзный дом народного творчества. Материалы совещаний и конференций Всесоюзного дома народного творчества за 1933—1941 годы см.: Фольклор России в документах советского периода 1933—1941 гг.: Сб. документов. М., 1994.

29

6/X (19)43 г(ода)

Дорогой Марк Константинович!

Вот уже неделя как я в Тагиле. Первые дни прошли в различных «оформлениях». Теперь можно приступить и к беседе с друзьями. Я несказанно благодарна Вам за Ваши обстоятельные письма, полные полезных для меня советов и указаний. В отношении аспирантуры и докторантуры, действительно, сейчас у нас обстоит слабо. Не знаю, прийдет ли Галя Шаповалова заявление, я ей писала, не очень, конечно, нажимая, пусть решает сама свободно. О Любе Хайкиной¹ и А. М. Новиковой² (возможных и с моей т(очки) зр(ения) кандидатах) пока еще не имею сведений. Относительно Гиппиуса согласна с Вами во всем и по всем пунктам. М(ежду) прочим, я писала ему, но ответа не получила. Сообщите мне адрес Ив(ана) Ив(ановича) Кравченко,³ если Вы его имеете. Дм(итрий) Серг(еевич) Лихачев говорил мне, что докторантура, вызов докторанта Академией мог бы способствовать возвращению И(вана) И(вановича) к мирным занятиям. Так ли это, во-первых, и уместно ли это, во-вторых?

Относительно разных наших работ, уже подготовленных к печати, мною послан запрос в Л(енингра)д Мануйлову и в И(здательств)во. В Л(енингра)д отправлен или будет отправлен из Москвы изд(ательск)ий работник, и он привезет в Казань ряд рукописей, по указанию И(нститу)та. По ф(олькло)ру это будут VIII т(ом) «Сов(етского) ф(олькло)ра», требующий, конечно, значительной переделки и перестройки, сборник Ширяевой⁴ и 2-й и 3-й тома «Русского ф(олькло)ра»,⁵ работа над последним вставлена в план на 1944 год. Дополнительно я запрашиваю и относительно I-го тома Гильфердинга. Дорогой шефик, я очень надеюсь и рассчитываю встретиться с Вами в конце ноября в Москве на совещании, организуемом В. Д. Н. Т.⁶ Сюда я взяла материалы для подготовки к предложенному мне докладу. При встрече мы наговоримся досыта о всех наших фольклорных делах. Здесь, в Тагиле, собираюсь сделать 3 вещи: подготовить доклад для Москвы, пересмотреть сборничек «За родину», который прошел через РИСО (но нужны небольшие изменения) и переделать свой доклад прошлого года на сессии в статью для Ученых трудов И(нститу)та. Перед своим отъездом я тщательно прочитала вступительну(ю) главу диссертации Ширяевой и дала ряд указаний. Поля дней на 10 должна была, вслед за моим отъездом, поехать в Москву, на свидание с мужем, и использовать эту поездку и для своей работы по нашей договоренности. Работа с Полей предстоит трудная, но все же верю, что удастся добиться положительных результатов. Работа с моими «подшефными» — Лешей,⁷ Галей⁸ и Линевским,⁹ дала мне уже хороший опыт в этом направлении.¹⁰

Меня очень обеспокоили Ваши слова о Вашем состоянии, а также беглое и глухое упоминание о работе по историографии для I-го тома. Ведь она в плане этого года. Если она не будет завершена, будет мировой скандал! Тут и так ваши исконные «доброжелатели» точили зубы относительно умалчива-

ния Вашего о ней в полугодовом отчете. Умоляю Вас, не давайте им материала для соответствующей патетики по Вашему адресу. Мне это очень всегда больно, особенно когда формально я чувствую себя бессильной, чтобы возражать.

Грустно было не найти Вашего имени в списке выбранных в члены-корреспонденты.¹¹

Правда, зная, как и Вы, известные ситуации, я особенно и не рассчитывала, но все же в глубине души надеялась.

Здесь, в Тагиле, я чувствую себя совершенно счастливой. В самом деле, мне выпало на долю исключительное счастье — 2-й раз во время войны встретиться с сыном. На этот раз я смогу провести около него почти месяц. Витя устроил меня в том же бараке, в котором живет сам, только в женской комнате. Вечера проводим вместе. Днем, когда мои сожительницы на службе, я совсем одна, могу читать и работать, писать письма, думать. Витя здоров, но очень худ. Живет здесь довольно скудно. Он с наслаждением сейчас уничтожает вкусные вещи, которые я привезла ему — масло, шоколад, печенье, конфеты (благодаря литерным пайкам), и я с наслаждением предаюсь таким несложным материнским обязанностям, как чинка белья и штопанье носков.

Надеюсь, что ваши по-прежнему здоровы и благополучны. Горячо обнимаю Лидию Владимировну и целую Котошкину мордашку.

Ваша А.

Отвечаю кратко на некоторые побочные Ваши вопросы. Тема диссертации) Зильберштейна «Русские писатели и Репин» (Репин и Тургенев, Репин и Горький)». По существу, это небезынтересное собрание материалов и только. Оппоненты у него: Грабарь¹² (заочно), Десницкий и Бродский¹³ (заочно). У Плоткина — Деборин (заочно), Державин Н. С., Лебедев-Полянский и тот же Десницкий (сам попросился 4-м). Балухатого на уч(еном) совете не было. Был К. Н. Державин. Относительно облигаций напишите дорогой еще раз Шаргородскому.¹⁴ Я уже устала спрашивать. Он обязан Вам все сделать. Напишите постороже. Я напишу в свою очередь.

¹ Хайкина Любовь — студентка филологического факультета ЛГУ. В рукописном отчете о деятельности Отдела фольклора Карельского филиала АН СССР Соймонов говорит о том, что в планах на 1941 год был выход в свет хрестоматии: «Книга для чтения — избранные произведения фольклора для средней школы. Сб(орник) типа хрестоматии, подготавливается Л. Хайкиной под руководством проф. М. К. Азадовского» (ИРЛИ. Архив А. Д. Соймонова).

² Новикова Анна Михайловна (1902—1992) — фольклорист и литературовед. Кандидатская диссертация была защищена в Москве: Новикова А. М. Творчество К. Симонова. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1950. Докторская диссертация посвящена песням литературного происхождения в устном бытовании: Новикова А. М. Стихотворения русских поэтов XIX века в устном народном творчестве. Автореф. дис. ... доктора филол. наук. М., 1954 (см. о ней: Анна Михайловна Новикова: К столетию со дня рождения / Под общей ред. Н. В. Дранниковой; вступ. статья С. А. Джанумова. Архангельск, 2002).

³ Кравченко Иван Иванович (1905—1944) — фольклорист, этнограф, литератор. В 1927 году поступил на филологическое отделение Саратовского университета, которое окончил в 1931 году. В 1938 году — аспирант кафедры фольклора ЛГУ. К. В. Чистов вспоминает о нем: «Составил пару приличных фольклорных сборников, прислал их Азадовскому. Тот пригласил его приехать в Ленинград. Кравченко так ему понравился, что он принял его в аспирантуру» (Чистов К. В. «Забывать и стыдиться нечего...»: Воспоминания. СПб., 2006. С. 52; см. также: Чистов К. В. Из воспоминаний о М. К. Азадовском // Воспоминания о М. К. Азадовском. Иркутск, 1996. С. 74—76). Позднее Кравченко был направлен на работу в Краснодарский пединститут. До декабря 1942 года он учился на окружных курсах младших лейтенантов Южно-Уральского военного округа. Затем воевал на Белорусском фронте. Погиб в бою 9 марта 1944 года (см.: Книга памяти Ленинградского-Санкт-Петербургского университета. 1941—1945. СПб., 1995. Вып. 1. С. 143—144). О возможности вызова с фронта для обучения в аспирантуре В. В. Чистов сообщал в письме к М. К. Азадовскому от 3 марта 1944 года: «Балухатый во время пребывания в Москве взял на себя заботу о вызове Коли Новикова на учебу в аспирантуру. Не

знаю, будет ли он достаточно настойчив. А сейчас, когда так мало народа осталось в фольклористике, вызов Коли имел бы серьезное значение. И легче всего это сделать сейчас, пока он в школе. Я не знаю ваших отношений с Балухатым, но думаю, что если это только возможно, Ваше письмо оказало бы большую поддержку, особенно сейчас, когда он, в принципе, выразил согласие. Аспирантурой заведует Матвей Александрович Гуковский» (Чистов В. В. Письма к Азадовскому М. К. 10 марта 1940 — 22 дек. 1944 [1948] // РГБ. Ф. 542. Карт. 72. № 54. Л. 12).

⁴ Вероятно, имеется в виду сборник: Русские народные песни, записанные в Ленинградской области. 1931—1949 гг. / Сост. В. А. Кравчинская и П. Г. Ширяева; под ред. А. М. Астаховой. Л.; М., 1950.

⁵ См. прим. 12 к п. 25.

⁶ Московская конференция фольклористов, организованная В. Д. Н. Т., состоялась в декабре 1943 года. См. прим. 2 к п. 28.

⁷ А. Д. Соймонов.

⁸ Г. Н. Парилова. В письме В. В. Чистова к Азадовскому говорится: «Сегодня получил письмо от Алексея (Соймонова. — Н. К.) (...) сообщает веселую новость: на днях, в Ленинграде, с одобрения Горкома ВКП(б) вышла в свет Лешина книга „Былины Пудожского края”» (РГБ. Ф. 542. Карт. 72. № 54. Л. 8 об. Письмо от 15 июня 1943 года).

⁹ Линеvский Александр Михайлович (1902—1985) — писатель, археолог, историк, этнограф. В письмах Линеvского к Астаховой военных лет говорится о редактировании сборника былин, записанных от Ф. А. Конашкова (Линеvский А. М. Письма (8) к Астаховой А. М. 18 июня 1941 — 19 янв. 1949 // ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. № 336). См.: Сказитель Ф. А. Конашков / Подг. текста, вступ. статья и комм. А. М. Линеvского; ред. А. М. Астахова. Петрозаводск, 1948.

¹⁰ «Подшефными» Астахова называет их потому, что до войны Соймонов, Парилова и Линеvский работали в Карельском научно-исследовательском институте культуры (Петрозаводск). Сотрудники Отдела фольклора Пушкинского Дома рецензировали их труды, давали советы и пр.

¹¹ В члены-корреспонденты были выбраны Адрианова-Перетц и Балухатый. Из письма Кравчинской к Астаховой: «Очень прошу передать мое горячее поздравление Варваре Павловне, Сергею Дм(итриевичу) с избр(анием) — в члены-корр(еспонденты)» (ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. № 326. Л. 3. Письмо без даты).

¹² Грабарь Игорь Иммануилович (1871—1960) — живописец, реставратор, искусствовед, музейный деятель. В 1918—1930 годах руководил Центральными реставрационными мастерскими в Москве. Действительный член Императорской Академии художеств (1913). Действительный член АН СССР (1943). Действительный член Академии художеств СССР (1947).

¹³ Вероятно, Бродский Николай Леонтьевич (1881—1951) — филолог, специалист по творчеству Пушкина, Лермонтова, Белинского, Тургенева. Профессор Московского университета. С 1941 года возглавлял Отдел русской литературы в Институте мировой литературы.

¹⁴ Шаргородский Тимофей Исаевич — инженер технического снабжения и замдиректора ИРЛИ.

30

14 XI <19>43 г<ода>

Дорогой Марк Константинович!

Очень тревожно было без писем от Вас. В последнем письме Вы писали, что чувствуете себя неважно. Вчера же получила от Вас телеграмму — о Колесницкой. И зачем Вы так далеко. Так часто хочется и надо говорить с Вами.

Дней десять т(ому) н(азад) отправила я Ире и письмо и срочную телеграмму, чтобы слала заявление насчет докторантуры и необходимые документы. Это — в связи с полученным мною от нее письмом, в котором она сообщает, что условия несколько изменились, и она сможет переехать в Казань. Со дня на день жду от нее бумаг, и Ваша телеграмма очень кстати. За это же время в связи с докторантурой произошел еще один эпизод, который порядком потрепал мне нервы. Вы помните, что, обсуждая с Вами доктор(антские) кандидатуры, мы ни разу не упоминали о Лозановой — ни Вам, ни мне эта возможность и в голову по понятным причинам не приходила. А тут случилось так: Ив(ан) Ив(анович),¹ встретив Ал(ександру) Ник(олаевну), брякнул ей, что вот, мол, отчего бы Вам... и т. д. и т. д.

Ал(ександра) Ник(олаевна) пришла к Варв(аре) Павл(овне) посоветоваться, а В(арвара) П(авловна), зная и Лозанову, и всю ситуацию с ней, сказала, что вакансий нет. Это случилось чуть ли не за день до моего возвращения, и В(арвара) П(авловна) сказала мне об этом на другой день после того, как я уже говорила с Плоткиным о Колесницкой и послала ей телеграмму. Вдруг на днях захожу к Плоткину и вижу взволнованную Лозанову и сияющую Ширяеву. А Плоткин обращается ко мне и говорит: «Вот предлагаю Лозановой докторант(уру), не возражаете?» Я ответила, что считаю необходимым возвращение в Отдел Ал(ександры) Ник(олаевны), но против докторант(уры) ее возражаю, т(а)к к(а)к А(лександра) Н(иколаевна) нужна нам на текущ(ую) работу, ее докт(орант)ура нас не устраивает. На что Пл(откин) сказал, что это, мол, лишь временно, что я могу загрузить А(лександру) Н(иколаевну) на 100 % и т. п. Вы понимаете мое положение. На другой день утром А(лександра) Н(иколаевна) пришла ко мне, чтобы показать план докторск(ой) диссерт(ации), и вышло так, как я и ожидала — сейчас у ней за душой нет ничего. Лепетала что-то невразумительное о «фольклоре Отеч(ественной) войны». Я уж стала ее наводить на более конкретное и подсказала тему (чего, конечно, не надо было делать) вместе со своими соображениями «Русский устный сказ». А(лександра) Н(иколаевна) схватилась за нее и на следующ(ий) день принесла краткий, но неплохой план. А я плохо ночь спала и мучилась от сознания, что поступаю, поддерживая доктор(антуру) Лозановой, против своей совести. Но, оказалось, что у самой А(лександры) Н(иколаевны) возникли сомнения. Она учла, какую ответственность наложит доктор(ант)ура и что ей придется по-настоящему работать. Когда она стала об этом говорить, я ей выложила свои по этому (поводу. — Н. К.) сомнения уже начистоту. Мы пришли к решению воздержаться и ждать возможность включения ее в штаты. Плоткин узнал об этом, сказал, что это напрасно, что это, мол, была бы «фиктивная докторантура» и пр. Но я считаю, что так легкомысленно смотреть на это дело нельзя. У меня, между прочим, впечатление от А(лександры) Н(иколаевны), что она еще понялась назад за это время и что для настоящей серьезной и интенсивной работы она сейчас не годна. Итак, пока все обошлось. А Ив(ан) Ив(анович), почувствовав, что своим неловким вмешательством лишь взбаламутил А(лександру) Н(иколаевну), тоже «переживал». Хорошо бы, если бы Вы написали А(лександре) Н(иколаевне) ласковое письмо с выражением уверенности, что когда Отдел начнет разворачиваться, она одна из первых будет возвращена (Ее адрес: ул(ица) Льва Толстого. Глазная поликлиника. Кварт(ира) проф(ессора) Н. Н. Лозанова). Меня очень подкупило последнее свидание с ней, где она мудро отказалась от подачи заявления. А ведь Вы понимаете, что ей не так легко было.

Встретимся ли мы с Вами в Москве? От Мореевой² до сих пор не имею ни вызова, ни отношения в И(нститу)т. Тезисы доклада ей послала. Удивительно все нечетко она делает. Я же ее предупредила, что пропуск здесь добывается дов(ольно) долго — пройдет не менее 2-х недель. Если они не отложили срока содействия, мне уже не придется ехать.

Колесницкую я еще просила сообщить Муре Шнеерсон³ о возможности аспирантуры по литерат(уре). Мура в Новосибирске, тоскует без работы по специальности, а она ведь тоже настоящий человек. Пока приняты 2—3 новых аспиранта, целый ряд из подавших заявление отселись. Нас становится все больше и больше. Приехал Мордовченко. Он в хорошем состоянии, на днях читал прекрасный доклад — главу из книги о Белинском.⁴ Приехал также Касторский.⁵ Этот ковыляет, опираясь на тросточку, и мычит, вместо членораздельной речи. Все убеждены, что это — симуляция. Я понемногу

снова въедаюсь в свою работу. Дорогой шефик, горячо обнимаю. Лид(ию) Влад(имировну) и Коташку целую. Ваша А. Астахова.

В следующем письме напишу подробнее о плане. Нашу проблему на ближайшие годы формулирова(ла) «Фольклор Вел(икой) От(ечественной) войны как новый этап в развитии советского фольклора».

¹ И. И. Толстой.

² Мореева Ангелина Константиновна (1902—?) — фольклорист.

³ Шнеерсон Мария Анатольевна (1915—2008) — фольклорист, критик. Ученица Азадовского. В 1948 году защитила кандидатскую диссертацию «Фольклор в творчестве Пушкина» (не утвержденную ВАК); вторично защитила диссертацию в 1954 году на тему «Фольклор в творчестве А. М. Горького. 1892—1917». В 1978 году эмигрировала в США, печаталась в русскоязычных изданиях «Посев», «Грани», «Русская мысль», «Новое русское слово» (*Мирич А. Мария Шнеерсон // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Иерусалим, 1996. Т. 5. С. 122—131.*)

⁴ Вероятно, имеется в виду глава из книги Мордовченко «В. Г. Белинский. 1818—1848. Очерк литературно-критической деятельности» (Л., 1948).

⁵ Касторский Сергей Васильевич (1898—1962) — литературовед, исследователь творчества Горького. В 1927 году окончил ЛГПИ им. А. И. Герцена; был профессором этого института. В 1937 году защитил кандидатскую диссертацию «История текста повести М. Горького „Мать“». В 1948 году — докторскую диссертацию «Из истории творчества А. М. Горького 1907—1912 гг. («Лето», «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина»)». Старший научный сотрудник Отдела новейшей литературы ИРЛИ (см. о нем: *Груздев И. А. Касторский Сергей Васильевич // Краткая литературная энциклопедия. Т. 3: Иаков — Лакснесс. С. 433; Пушкинский Дом. Материалы к истории. С. 453.*)

31

19/XI <19>43 г(ода)

Дорогой Марк Константинович!

На днях отправила Вам большое письмо, где рассказываю об эпизоде с докторской Лозановой. Жду бумаг от Иры. Сегодня получила Ваше письмо от 7 XI. Я уже писала Вам, что послала ей письмо и срочную телеграмму еще в начале ноября. С планом дело обстоит так: первоначально я включила на 1944 г(од) — редактуру 2 тома «Русск(ий) ф(олькло)р» и переработку в свете новых данных, 3-го тома. Теперь этот план излишен. В плане «большой науки» (т(о) е(сть) больших проблем) И(нститу)т выставил проблему «Истор(ической) поэтики»,¹ ибо под этой вывеской можно в конце концов заниматься любой темой. Тема Отд(ела) др(евнерусской) литерат(уры), напр(имер), — «Литерат(урные) жанры XIV—XVII вв.». Иначе говоря — Скрипиль продолжает работать над повестями, Лихачев — над летописью, В(арвара) П(авловна) над сатирич(еской) литературой XVII в.² Думаю, что и в других отделах так же подогнано. Нам предложили включить в качестве «проблемы» — «Фольклор Отеч(ественной) войны». Я формулирова(ла) так: «Фольклор Великой Отеч(ественной) войны как новый этап в развитии советского фольклора». Тема — «Фольклор Отеч(ественной) войны». На 1944 г(од) — 1) организация собирания а) путем специальных экспедиций, б) силами корреспондентов на местах, с) путем стационарн(ых) системат(ических) записей в госпиталях в частях Кр(асной) арм(ии) и т. д.; 2) первонач(альная) обработка собран(ных) материалов; 3) начало изучения — обзор тематики в пределах разных жанров. В примечании написала, что необходимо увеличение штата сотрудн(иков) Отдела минимально 4-мя единиц(ами) (2-мя по музык(альному) ф(олькло)ру, 2-мя по словесному). Конкретнее, я представляю дело в таком виде. В начале 1944 г(ода) Ширяева и Астахова заканчивают диссертации и переключаются на собирут(ельскую) и организ(ационную) работу. Азадовский, пока он в Иркут-

ске, организует сбор ф(олькло)ра. В мае мы все в Л(енингра)де. Отдел пополняется Лозановой и Кравчинской. Восстанавливается Фон(ограмм)архив, организуются экспедиции. Одновременно начинается переработка и редакция «Русск(ого) ф(олькло)ра»³ и «Сов(етского) ф(олькло)ра».⁴ Ваше дело — редакция и организация. В начале 1944 г(ода), надеюсь, мы с Вами «change the places (?)»,⁵ и Вы займете подобающее Вам место зава. Не думаю, чтобы следовало на 1944 г(од) выдвигать такие громадные темы, к(а)к «Ист(ория) зап(адно)-евр(опейской) ф(ольклористи)ки». Надо что-ниб(удь), что увязывалось бы с ф(олькло)ром Отец(ественной) войны. Как Вы думаете относит(ельно) поездки в Москву в декабре? Мореева созывает совещание 15—20 декабря.⁶ Было бы замечательно, если бы встретились и обо всем обсудили. Относительно московск(их) выборов мне только повед(али), что Вас очень поддерживал Жирмунский, вставив Вас уже после сообщения Эксперт(ной) комиссии, Плоткин сказал, что Вас якобы поддерживал Лебед(ев)-Полянский и он сам.

Дорогой Марк Конст(антинович)! Как бы хотелось повидаться! Целую вас всех трех.

Ваша А. Астахова

Я опять говорила Шаргор(одскому) насчет Ваших облигаций. Обещал «возобновить» дело. Буду приставать к нему через день. Ведь, наверное, Коташка выиграл что-ниб(удь) за это время!

Новость: В(ера) Ал(ександровна) Кравчинская — кандидат партии.⁷

Складное письмо. Дата получения письма рукой Азадовского: 7—XII—(19)43 (года).

¹ Баскаков в книге «Пушкинский Дом. 1905—1930—1980» не упоминает об «исторической поэтике» как единой теме для Института времен эвакуации в Казань. В предвоенное время в Пушкинском Доме было начато издание сочинений А. Н. Веселовского, автора «Исторической поэтики» (Веселовский А. Н. Историческая поэтика / Под ред. В. М. Жирмунского. Л., 1940). Возможно, научная тема Института на 1944 год была связана с этим проектом.

² В. П. Адрианова-Перетц. Демократической сатирой Адрианова-Перетц занималась несколько десятилетий. Итогом этой работы стала книга «Русская демократическая сатира XVII века» (Л., 1954).

³ См. прим. 12 к п. 25.

⁴ См. прим. 1 к п. 27.

⁵ Поменяемся с вами местами (искаж. англ.).

⁶ «В ближайшее время собираюсь недельки на три в Москву — увижу Васю (В. В. Чистова. — Н. К.), — вот-то власть наговоримся. В Москве будет в это время и Анна Михайловна. Будем мы там по фольклорным делам: Дом Народного Творчества собирает совещание по фольклору Отечественной войны» (Письма М. К. Азадовского к А. Д. Соймонову 1942—1944 годов. С. 248). Астахова выступила на конференции с докладом «Патриотические мотивы в русском героическом эпосе». Азадовский — с докладом «Итоги и перспективы советской фольклористики». См. также: Фронтовой фольклор. Записи, вступ. статья и комм. В. Ю. Крупянской; под ред. и с предисловием М. К. Азадовского. М., 1944.

⁷ Из письма Кравчинской к Астаховой: «25/X меня приняли кандидатом в партию. Было очень интересное заседание бюро РК ВКП(б), на котором меня принимали. Много говорили о моей книге, я жалею, что не было Поли. Мне вспоминается, как она на меня испытующе смотрела в первые дни моей работы в Ин(ститу)те» (ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. № 326. Л. 3 об.).

24 XI (19)43 г(ода)

Дорогой Марк Конст(антинович)!

Сегодня комиссия по приему аспирантов постановила просить Отдел кадров о зачислении в докторантуру И. Колесницкой. Все нужные бумаги уже ею присланы. Шаргородскому сегодня опять говорила о Ваших облигациях. Если через несколько дней не будет толку, придется взять дело в свои

руки. Едете ли в Москву? Вот было бы хорошо повидаться! Отчет Ваш получила, передала Скрипилю. Поля в небольшом кружке (Варв⟨ара⟩ П⟨авловна⟩),¹ Евгеньева,² Боброва и я) 2 раза читала главы своей работы. Сурово кри-тикуем. Логического мышления ей не хватает.

Всего доброго. Привет. А.

¹ В. П. Адрианова-Перетц.

² Евгеньева Анастасия Петровна (1899—1985) — лингвист. Окончила Ленинградский педагогический институт в 1926 году, там же училась в аспирантуре в 1938—1941 годах. Участвовала в диалектологических экспедициях по изучению говоров Архангельской, Новгородской, Псковской областей. Доктор филологических наук (1951). Исследования Евгеньевой положили начало лингвофольклористике (см. о ней: Горелов А. А. Анастасия Петровна Евгеньева: К 80-летию со дня рождения // Русский фольклор. Л., 1981. Т. 20. С. 196—197; Иванникова Е. А. Анастасия Петровна Евгеньева. 1899—1985 // Родная речь. 1987. № 1. С. 70—75).

33

14 II ⟨19⟩44 г⟨ода⟩

Дорогой Марк Конст⟨антинович⟩!

Очень тревожно, что нет от Вас вестей, ответа на посланную Мордовченко телеграмму относительно некролога Ник⟨олая⟩ П⟨етровича⟩.¹ Здоровы ли Вы? Все ли у Вас благополучно? Как Лид⟨ия⟩ Влад⟨имировна⟩ и Котик? На днях напишу Вам подробно, пока предварительно о главном. Жду со дня на день Колесницкую. Ей послан вызов с проездом, через Москву, чтобы облегчить путь. Восстановлен в штате Гиппиус (одновременно Гуковский и Еремин). Я написала Евг⟨ению⟩ Вл⟨адимировичу⟩. Пока ответа нет. Плоткин в Л⟨енингра⟩де, туда же вызывается Модзалевский, кот⟨орый⟩ недавно вернулся из командир⟨овки⟩ в Новосибирск. Надеемся, что Плоткин привезет что-либо конкретное относительно реэвакуации. Пока же мы питаемся толками и слухами. Исполдволь готовимся (списки и пр.). Надеемся на весну, я сейчас, кроме своей работы, занята подправкой работы Поли (иногда это перекройка), в конечном итоге что-то получается. Напишите о своих предположениях относительно Вашего возвращения в Л⟨енингра⟩д. Большой привет всем вам.

А. Астахова

¹ Н. П. Андреев.

34

28 II ⟨19⟩44 г⟨ода⟩

Дорогой Марк Константинович!

Жду не дождусь от Вас письма. Хочется знать о Вас и Ваших, а также о планах Ваших относительно переезда в Л⟨енингра⟩д. Я после Москвы как-то не сразу вышла на работу, сейчас направилась снова. Заканчиваю основную часть, осталось вообще немного, в конце марта думаю приплыть к берегу. Но сейчас в связи с Л⟨енингра⟩дом встал вопрос о том, не лучше ли окончательное завершение оставить на Л⟨енингра⟩д, где все нужные для доработки материалы. О сроках переезда еще не решено. По всем основаниям мне надо ехать весной: и для завершения диссертации, и для просушки и проветривания рукописн⟨ых⟩ материалов, и для выяснения всех вопросов, связанных с Фонограммархивом, и для налаживания собирательской рабо-

ты. Ведь если мы весной не переедем, у нас пропадет лето для экспедиции. Хорошо было бы, если бы Вы черкнули подобные соображения относительно меня Плоткину. М(ожет) б(ыть), поедет раньше какой-ниб(удь) и(нститу)т, и можно будет к нему пристроиться.

Вчера приехала Ира Колесницкая, она очень рада, что вырвалась из Саратова, жаждет засесть за научную работу. Выглядит она хорошо, очень повзрослела. Очевидно, удастся ее устроить жить здесь же, во дворце труда. Много порассказала о разных саратовских течениях и настроениях, быте и пр. В ближайшее время, она, очевидно, перешлет Вам план своей работы. Главный ее консультант, конечно, Вы. Об этом ей сказал Павел Ив(анович)¹ (она ехала через Москву и была у него), и сегодня это же подтвердил Плоткин.

И(нститу)т восстановил в штате Гиппиуса, но вопрос осложнился переездом Евг(ения) Влад(имировича) в Москву. О последнем заявил сам Гиппиус Плоткину. Между прочим, он уже начал производить покушение на Фонограммархив. Пока еще в порядке разговоров, но, боюсь, что что-то в этом плане он замыслил и начнет действовать решительно.

Меня все это очень тревожит. Неужели мы разобьемся, расколемся? Марк Константинович, налаживайте Ваш переезд в Л(енинград), я, с своей стороны, буду стараться переехать туда, и надо возрождать нашу работу. Гиппиус так и не ответил мне на мое письмо о его восстановлении, не получил или не хочет отвечать? Поля заканчивает работу. Стараясь ей помочь, как только могу. Она рвется в собрание. Надо, чтобы она скорей перескочила защиту и перешла на работу, в которой будет в своей сфере, и нужна и полезна. А то «мучит диссертация и та ее мучит».²

Некролог Н. П. Андреева получили,³ по-моему, надо сократить первую часть — о финской школе. Составляю список работ, думаю, что удастся сделать полный. Ну, вот пока все. Пишите, дорогой. Большой привет Лидии Владимир(овне) и поцелуй Котику. Ваша А. Астах(ова)

Дата рукой Азадовского: 14 III (19)44 (года).

¹ П. И. Лебедев-Полянский.

² О плане диссертации и своей работе над ней Ширяева писала Азадовскому еще в 1942 году: «Села за диссертацию. Сейчас у меня написано две с половиной главы. Полторы главы читала Д. С. Лихачеву. Он сделал ряд замечаний. Мне хочется уехать из Казани. Хотелось бы писать диссертацию в более спокойной обстановке. Вы бы только видели казанскую толчею. Мне можно было бы ничего не делать, и никто бы не спросил об этом. Многие так и пользуются, по 7—8 мес(яцев) сидят, едят, пьют и ничего не делают» (РГБ. Ф. 542. Карт. 73. № 15. Л. 5—5 об.); «Если же оставят ин(ститу)т так, как он есть, то я проеду в Елабугу, где будет находиться А(нна) М(ихайловна). Прочитаю там написанные мною главы диссертации и поживу в Тетюшах с детьми. (...) Теперь, что я делала и делаю. Напомню тему моей диссертации: „Фольклор рабочих первой русской революции“. У меня написаны следующие главы:

1. Введение — о фольклоре рабочих шестидесятников.

2. Гимническая поэзия и рабочий фольклор.

3. Фольклор рабочих в партийной печати. (...)

План всех этих глав Николай Петрович 11 января утвердил. Теперь многое расширяется, дополняется» (Там же. Л. 8. Письмо от 13 сентября 1942 года); «У меня закончены следующие главы: История изучения, фольклор партийной печати, гимнической поэзии, жанровый состав рабочего фольклора. Застряла на главе об исторической песне. Вот уже 1 ½ мес. сижу на ней и съехать не могу. Мало книг. Осталось две главы» (Там же. Л. 12. Почтовая открытка от 17 октября 1943 года).

³ Некролог Андреева не был опубликован. См.: Астахова А. М. Николай Петрович Андреев в истории советской фольклористики 20—30-х годов // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1971. Вып. V. С. 181—200.

35

29 II <19>44 г<ода>

Дорогой Марк Конст<антинович>!

Я составила список работ Ник<олая> Петр<овича>.¹ Хочется, чтобы он был исчерпывающим. Есть вопросы. Вы указываете статью «Сталин и советская ф<ольклористи>ка». Что это? Уже напечатанная статья? Тогда где? Я знаю только «Сталин і фольклор» (Народна творчість, 1940, № 4).² Не могу найти его программ или программы для заочников.³ Ведь были такие? Не можете ли дать справки? Остальное, кажется, я все собрала. Пока у меня учтено 52 напечатан<ные> работы. Еще: «Абхазские сказки» вышли? Здесь нет. Если знаете, прошу справку. Вышли ли «Вечера на хutore», где его примечания к трем рассказам?⁴ Из не напечатанных я знаю только: обзор новых издан<ий> Сказок (для № 8 «Сов<етского> ф<олькло>ра»), Указатель сюжетов украинск<их> сказок, вводная статья к курсу «Русск<ий> ф<олькло>р» (не помните ли заглавия?), стенограмма доклада «Финская школа и фольклористика». Что еще? Привет от Иры и Поли. Целую Лидию Влад<имировну> и Кота. А.

Дата получения письма рукой Азадовского 17—II—<19>44 г<года>.

¹ Н. П. Андреев.

² Андреев М. П. Сталин і фольклор // Народна творчість. 1940. № 4. С. 12—23.

³ Андреев Н. П. Методическая разработка по курсу фольклора. (Для студентов-заочников I курса отделения русского языка и литературы). [Л., 1933]. Ему также принадлежат две программы по курсу русской литературы.

⁴ Андреев Н. П. Комментарий к «Заколдованному месту», «Ночи перед Рождеством» и «Пропавшей грамоте» // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1940. Т. 1. С. 533—536, 537—543, 551—552.

36

15 III <19>44 г<ода>

Дорогой Марк Константинович!

Очень скучно без Ваших писем, да и тревожно. Все ли благополучно у Вас? Как вы все себя чувствуете? Сегодня я начала последнюю, заключительную главу. В конце марта поставлю точку. А дальше — неизвестно. Все упирается в вопрос о сроке нашего возвращения. По существу говоря, мне сейчас надо обязательно в Ленинград, чтобы доработать все, что невозможно было исследовать в казанских условиях. Завтра пойду разговаривать с Плоткиным, когда предвидится ученый совет, думают ли его собирать здесь, или отнести защиты в Л<енингра>д. Предполагаются ведь также защиты Скрипиля, Малкиной, Ширяевой и моя. Полину работу стала редактировать и перекраивать. У ней неладно вышло с вводной историографической частью. Она вышла головастиком: не относится непосредственно к теме центральной части, а говорит об изучении рабочего ф<олькло>ра вообще, и написано невероятно много. Сокращаю безжалостно. Ира устроилась вполне сносно у нас же на Комлевой (ее адрес — Комлева 9, комн<ата> 20). В Казани ей нравится, в библиотеке она пока находит все, что нужно. Жаль, что не удалось устроить в аспирантуру И<нститу>та Муру Шнеерсон, она слишком поздно прислала документы. В ЛГУ она почему-то не хочет возвращаться. Что Вы думаете относительно Вашего переезда в Л<енингра>д? Мы здесь сейчас все в несколько нервном состоянии вследствие самых разноречивых слухов и толков. Стараюсь держать себя в руках, не думать и работать.¹

Ив(ан) Ив(анович) Толстой чуть было не последовал за женой, но у него случилось прободение желудка язвой, хорошо, что сейчас же удалось его отправить в больницу, и там сделали операцию. Сейчас поправляется, но боли еще есть.

Когда же, когда мы снова все соединимся?

И, по правде сказать, хоть и неплохо здесь, но надоело казанское житье. Жду, дорогой, от Вас известий. Пишите обо всем. Обнимаю. Привет и поцелуй Лид(ии) Влад(имировне) и Котику.

Ваша А. Аст(ахова)

Дата получения письма рукой Азадовского: 26 III <19>44 <года>.

¹ Вероятно, Астахова имеет в виду опасения, что могут возникнуть сложности с возвращением сотрудников в Ленинград. В письме к Астаховой Кравчинская пишет: «Как хотелось бы вырв(аться) отсюда, никаких сил больше нет переносить жизнь без Ленинграда» (ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. № 326. Л. 4. Письмо от 25 августа 1944 года).

37

25 III <19>44 г(ода)

Дорогой Марк Константинович!

Третьего дня мы с Полей одновременно получили от Вас письма. Какое грустное письмо Вы Поле написали! Да, я, действительно, в Москве заметила, что Вы не прежний, искрящийся разными организационными проектами, Марк Константинович. Но я убеждена, что в Л(енингра)де, когда начнем жить и работать нормально, в Вас пробудятся прежние силы и энергия. Вы ведь у нас один, и Вы один из ф(ольклорист)ов, кто только и может объединить и возглавить. А Нечаевых¹ жизнь сама отметет скоро. Представьте, на докладе Евгеньевой² в Москве выступил Нечаев и безапелляционно заявил, что изучение языка современных былин вздор, ибо, во-первых, и былин-то нет, что он, Нечаев, непоколебимо знает, во-вторых, если же и есть, крестьяне языка-то их не понимают, а повторяют как попугаи. Ну, бес с ним! Марк Конст(антинович), некролог получен, я Вам писала об этом уже после 1-й открыт(ки). Сейчас все статьи, и некролог в этом числе, отправлены в РИСО. Мордовченко удалось собрать хороший том «трудов», только перебрал листаж. Возможно, что в некрологе произведены легкие сокращения в первой части, которая перевешивала (об этом был разговор), а вообще он вышел интересным. Теперь о всех прочих делах. В список на реэвакуацию вы все трое, конечно, внесены. Я вчера еще раз проверила и внесла дополнительные присланные Вами данные. О сроках ничего не известно. Сейчас Плоткин опять поехал в Москву. Слухи ходят неприятные — об осени как ближайшем сроке. В И(нститу)те проект — послать в апреле «хозяйственную» бригаду для подготовки приема сотрудников. Как всегда все это подготавливается где-то келейно, никто как следует ничего не знает, а отдельные лица стараются использовать этот проект в личных планах. Так, в списке «желательных» хозяйственников (присланном Мануйловым) значатся Лихачев и Мордовченко! Все это нервирует, боишься остаться в дураках. Я заявляла Плоткину, что и мне и Ширяевой необходимо после окончания наших работ ехать в Л(енингра)д, чтобы организовать и развернуть работу по ф(олькло)ру Отеч(ественной) войны. На что «промолчанье». Как будет обстоять дело с защитой, неясно. Пав(ел) Ив(анович) хочет, чтобы защиты были проведены здесь. Возможно, что это будет в конце мая или начале июня. Мне бы лично надо было бы, по существу поработать в Л(енингра)де.

Иначе останутся лакуны, недоработанное. Но на худой конец можно и так. Сейчас я кончила. Остались добелки и доработки. Дела хватит на весь апрель. Что-то я стала недовольна работой. Все кажется, что никому это не нужно. Поля туго, но вперед продвигается. Ира приехала, устроилась, начала работать. Возможно, что ей придется на месяц снова поехать в Саратов дочитать какой-то хвостик. Марк Конст<инович>, Гиппиусу, право, не хочется писать. Я же уверена, что письма из Л<енингра>да доставляются ему, вообще ведь я ему писала не раз. Убеждена, что он уже предпринимает что-либо насчет Фонограммархива. О Лозановой Плоткин обещал поставить вопрос в Москве. Относительно Кравчинской категорически сказал, что до Л<енингра>да ее восстановление невозможно. Насчет Ваших облигаций я договорилась с нашей сотрудницей по зарплатным и картотечным делам, что она все выяснит. Я теперь не отстану и добьюсь толку. Ну вот, кажется, все. План возьму в И<нститу>те и пришлю Вам сокращен<ный> вариант.

Сердечный привет Лидии Влад<имировне>. Целую Коташку. Пишу по новому адресу. Ваша А.

¹ Нечаев Александр Николаевич (1902—1986) — фольклорист, литератор. В 1930-е годы работал в Институте по изучению народов СССР (ИПИИ), возглавлял этнографо-лингвистическую секцию Карельского научно-исследовательского института. Во время Великой Отечественной войны ушел в ополчение, воевал на Карельском фронте. После контузии служил корреспондентом армейской газеты «Часовой Севера». В 1943 году комиссован. После войны был сотрудником Института мировой литературы АН СССР. В 1956 году оставил науку и занимался литературной обработкой сказок и былин. Подробнее о нем см.: *Сенькина Т. И.* Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии: Очерки и материалы. Петрозаводск, 2012. С. 62—124.

² *Евгеньева А. П.* О языке былин // Русский язык в школе. 1940. № 1. С. 46—49; № 4. С. 27—31.

38

16 IV <19>44 г<ода>

Дорогой Марк Константинович.

С облигациями дело сдвинулось. Мих<аил> Осипов<ич>¹ получил их, и на этих днях Вам перешлют. Ничего нового по сравнению с тем, о чем я писала в предыдущем письме, нет. Ира еще не уехала. Поля переехала к нам на Комлеву! Да! Представьте — объявился Ехалов, который прибыл сюда, видимо, на разведки, нельзя ли ему присоединиться к И<нститу>ту. При этом ссылался на Канайлова.² Не знаю, с чем отъехал. У бедного Шаргородского убит сын под Витебском. Как жаль, совсем еще юный был! Привет, целую вас всех.

Ваша А.

Почтовая открытка. Дата рукой Азадовского: 1—V—<19>44 <года>.

¹ М. О. Скрипиль.

² Об А. Ф. Канайлове и Ехалове говорится в воспоминаниях Лихачева. Канайлов был заместителем директора ИРЛИ по хозяйственной части и зимой 1941/42 года эвакуировался из блокадного Ленинграда, забрав с собой часть имущества Пушкинского Дома. Его помощником был Ехалов, который после войны пытался вновь устроиться на работу в Пушкинский Дом (*Лихачев Д. С.* Воспоминания. Раздумья. Работы разных лет. СПб., 2006. Т. 1. С. 280—281).

39

⟨нрзб., дефект бумаги⟩ ⟨19⟩44 г⟨ода⟩

Дорогой Марк Константинович!

Спешу поделиться новостями. В конце апреля или в начале июня, по-видимому, еду в Л⟨енингра⟩д. Пока — в командировку, в числе бригады, посылаемой для организац⟨ионных⟩ дел. Что касается И⟨нститу⟩та в целом и его официалън⟨ой⟩ реэвакуации — все еще вопрос не решен. В списке возвращаемых в этом году и⟨нститу⟩тов из Казани наш И⟨нститу⟩т не значится. Но наши вице-президенты вполне уясняют нелепость оставления горстки сотрудников, в то время как возвращаются 4 самых больших и⟨нститу⟩та (физиол⟨огический⟩, ботанич⟨еский⟩, Фиаи¹ и физико-технич⟨еский⟩).² Во всяком случае, если нас и пристегнут (я думаю, что так и будет), то это произойдет не раньше середины июля. Пока до отъезда пересматриваю свою работу, И⟨нститу⟩т обещал начать перепечатку. Буду высылать Вам, м⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, частями. Защиту предполагается организовать здесь в начале — середине июня. Поэтому к Вам большая просьба — очень быстро справиться с работой и ⟨присла⟩ть отзыв ⟨если⟩ не предполагаете приехать сюда. Вообще, какие у Вас планы? Ира Колесницкая едет примерно через неделю в Саратов и, если будет удобно, возвратится в Л⟨енингра⟩д с ЛГУ. Не думали ли Вы организовать свой переезд через ЛГУ, это, очевидно, будет скорее, да и определено в этом году. Большое спасибо за библиограф⟨ические⟩ указания, кое-чего не знала из указанного Вами. «Труды» уже посланы. Всего хорошего. Привет Вашим. А. Астах⟨ова⟩

¹ Физический институт Академии наук СССР. С 1934 года находился в Москве, откуда был эвакуирован в Казань. Возвращен в Москву осенью 1944 года.

² В письме Ширяевой к Азадовскому от 24 марта 1944 года говорится: «Об отъезде в Ленинград речи пока нет. Павлуша (сиречь П. И.), очевидно, не беспокоится. О всех ин⟨ститу⟩тах как-то известно, а о нашем ни слова. Плоткин поехал в М⟨оскву⟩. На днях я отправляю письмо Жданову со всякими фольклорными вопросами, на первом месте вопрос о реорганизации ин⟨ститу⟩та. Что-то ответит, не знаю» (РГБ. Ф. 542. Карт. 73. № 15. Л. 19). Говоря о реорганизации Института, Ширяева, вероятно, имеет в виду проект создания фольклорного института, о чем она писала в одном из писем Азадовскому (см. прим. 1 к п. 23). Павлушей здесь явно пренебрежительно именуется директор Института П. И. Лебедев-Полянский.

40

15 V ⟨19⟩44 г⟨ода⟩

Дорогие Марк Константинович и Лидия Владимировна!

Ну, вот я и еду в Л⟨енингра⟩д. Вчера выехали из Казани с Евгеньевой. Даже не верится. Ждите теперь вестей из Л⟨енингра⟩да. Пишите мне туда. О переезде всего И⟨нститу⟩та ничего не известно. Я убеждена, что осенью его пристегнут к друг⟨им⟩ ин⟨ститу⟩там, относительно которых есть постановление о реэвакуации в 1943 г⟨оду⟩. Напишите, что мне предпринять в Л⟨енингра⟩де, чтобы вы возвратились туда летом. Очень тревожит нас с Полей состояние М⟨арка?⟩ К⟨онстантиновича?⟩. Уехала из Казани, не получив ответа на мою телеграмму. Будьте здоровы и благополучны. Обнимаю всех трех. Ваша А. Аст⟨ахова⟩

Почтовая открытка. Дата получения письма рукой Азадовского: 27 V ⟨19⟩44 ⟨года⟩. Адреса: «Куда: Иркутск, ул. Фрунзе 2. Общежитие Пединститута. М. К. Азадовскому. От Астаховой А. М. Ленинград. 8-я Советская 42, кв. 5».

41

19 V <19>44 г<ода>

Дорогие мои Марк Константинович и Лидия Владимировна!

Только что проехала Тихвин, близок Ленинград. Как-то и чем он меня встретит? В день выезда из М<осквы> встретила Плоткина, который сообщил, что получено новое решение относительно 4-х ин<ститу>тов, намеченных к реэвакуации, об оставлении их в Казани на этот год. Итак, Марк Констант<инович>, надо Вам выбираться из Иркутска, не дожидаясь реэвакуации И<нститу>та. М<ожет> б<ыть>, Вам всего бы лучше действовать через Союз писателей (необходимость восстановления фольклорной секции и организации собирания ф<олькло>ра Отеч<ественной> войны в освобожденных районах) или через ЛГУ, если он едет в ближайшее время. В Москве видела Гиппиуса, много с ним говорила. Вынесла определенное впечатление, что и он и Фонограммархив для нас потеряны. Договорилась, что сейчас, до Вашего приезда, он не будет ничего предпринимать относительно Фонограммар<хива>. Видела в М<оскве> Крупянскую, Минц, Гофман.¹ Последняя уже «остепенилась». Верочка² усердно работает над завершением диссертации, для этого получила месячный отпуск. Дорогие, переезжайте скорее в Л<енингра>д. Так хочется начать налаживать и восстанавливать совместную работу. Будьте здоровы и благополучны. Крепко целую вас и Котика. Пишите, поправляйтесь, М<арк> К<онстантинович>. Вам большой привет от Евгеньевой. Еду. А.

Дата рукой Азадовского: 5 VI <19>44 <года>

¹ С. И. Минц и Э. В. Гофман — московские фольклористы. См. о них прим. 4 и 5 к п. 26.² В. Ю. Крупянская.

42

30 V <19>44 <года>

Дорогие Марк Константинович и Лидия Владимировна!

Вот я и снова в Л<енингра>де. Хожу по улицам и удивляюсь, неужели я уезжала и целых 2 года где-то была. Л<енингра>д мне кажется таким, каким он был летом 1942 г<ода> перед отъездом, пожалуй, еще более пустынен. Видимых крупных разрушений почти не прибавилось, но при пристальном всматривании убеждаюсь, что нет буквально ни одного дома, не израненного. У меня в квартире оказалось все в полном порядке, как будто только-только я вышла. Щепетильность девушки, поселившейся у нас, проявилась даже в том, что она не притронулась ни к одной полке с нашими вещами — все сохранилось до последней полочки и тряпки. Разбитых стекол только прибавилось...

Марк Конст<антинович>, Вам обязательно надо использовать вызов ЛГУ (Ира мне написала, что Вас вызовут, как только факультет возвратится, а это будет в конце июня) или действовать через Союз писат<елей>. С И<нститу>том нашим все та же неопределенность.¹ При таком положении он вызвать вас с семьей не может. Есть еще возможность: Вам приехать в командировку, Вы пропишитесь, и потом Вы вызовете семью, но Вы же не захотите разделяться. Итак, надеюсь, в июле уже с Вами увидеться здесь в Л<енингра>де. Как Ваше здоровье? Хорошо ли поправляетесь? Очень надеюсь, что оппонентом все-таки будете Вы, кроме Вас, И<нститу>т назначил Варв<ару> Павловну² и Богатырева.³ Защита предполагается в августе в Мо-

скве. Сообщите о Ваших планах и намерениях. Если Вы приедете к концу июля, то посылать Вашу работу и не надо, здесь дам. Из казанцев в Л(енинград)д приехали и уже получили постоянную прописку Евгеньева, Лотман,⁴ Шерешевская⁵ (новая аспирантка), Панаева (тоже аспирантка). Лихачев временно здесь, вернется в Казань. Из ташкентцев здесь Калаушин и Гринберг.⁶ Из Ясной Поляны приехала временно Населенко.⁷ Видите — уже собирается народ. И(нститу)т чистится, вставляются стекла. Я привожу в порядок Отдел фольклора. Просматривала «Русский фольклор»⁸ — печальная картина: много здесь предстоит работы. Между прочим, Гиппиус категорически заявил, что ничего «литературоведческого» он делать не будет (это о песне). Разыскиваю № 8-й «Сов(етского) фольклора»⁹ и сборник Ширяевой.¹⁰ Мечтаем с Евгеньевой в июле поехать в освобожденные р(айо)ны для записи устных нар(одных) рассказов об Отеч(ественной) войне. Но это — в зависимости от хода перепечатки моей работы. Видела А. Л. Дымшица,¹¹ он выглядит очень утомленным и чем-то, мне показалось, внутренне подавлен. Он просил передать Вам, М(арк) К(онстантинович), привет. Временно из Тбилиси здесь Влад(имир) Ник(олаевич) Орлов.¹² Как хочется, чтобы поскорей и вы все были здесь. Правда, жизнь здесь еще сурова, но где легче? Горячо обнимаю и целую Вас обоих и Котика. Не нужно ли что сделать в отношении квартиры? В случае чего-либо срочного телеграфируйте. Пока все хорошего. Ваша А. Астах(ова)

¹ Оставаясь в Казани, Ширяева так описывала эту неопределенность с Институтом: «Наш правитель (Плоткин) уезжает завтра — послезавтра в Ленинград совсем. Все „хвостатые“ (они семейные) едут по получению пропусков. Это будет, как полагают знатоки, в конце августа, или начале сентября. Все одиночки уже уехали в Ленинград. Здесь остались: Ширяева, Мордовченко, Лихачевы, Касторский, Скрипиль и несколько аспирантов, принятых осенью» (РГБ. Ф. 542. Карт. 73. № 15. Л. 21 об. Письмо от 23 мая 1944 года). В более позднем письме она сообщает: «Наша поездка в Л(енинград) все еще висит в воздухе. Вице-Иоффе вздумал шуточки шутить: он забыл вписать в Москве во время подачи списка на получение пропусков остатки ботаников (за ними стоит Комаров), физиологов (за ними Орбелли), а уж о нас грешных и говорить нечего (за нами (нрзб.) стоят столбики, именуемые Лебедевым и (нрзб.)). С последним я почти рассорилась» (Там же. Л. 27 об. Письмо без даты).

² В. П. Адрианова-Перетц.

³ Богатырев Петр Григорьевич (1893—1971) — фольклорист и этнограф. С 1922 по 1939 год жил и работал в Черкословоки. В 1940 году возглавил кафедру фольклора в Институте философии, литературы и истории (ИФЛИ), в 1941 году стал заведующим Сектором фольклора в Институте этнографии АН СССР (Москва).

На просьбу быть оппонентом Богатырев ответил Астаховой:

«Дорогая Анна Михайловна!

Простите за запоздалый ответ. Только что вернулся из Казани, куда ездил в командировку.

Для меня большая честь быть Вашим оппонентом при защите Вашей докторской диссертации. Слышал, что диссертация очень обширна, а потому хотелось бы ее поскорее получить. Я послал срочную телеграмму дир(ектору) Плоткину со своим согласием.

Очень хочется поторжественнее отпраздновать Ваш праздник, а без Марка Константиновича это будет невозможно» (*Богатырев П. Г. Письма (3) к Астаховой А. М. // ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. № 293. Л. 3. Датировка хранителя — 4 янв. 1947 года. Неправильно, должно быть — 1944 года).*

О приезде Богатырева в Казань Ширяева писала Азадовскому: «Вчера и третьего дня я видела П. Г. Богатырева. Он приезжал сюда, в Казань, с целью развернуть по заданию Ин(ститу)та этнографии собирательскую и издательскую работу в Татарии. Мне было очень горько. Фольклористы Москвы давно уже заворотились (так!), а мы как организационный сидим. (...) Я два раза разговаривала с Богатыревым: в Москве сейчас след(ующие) новости: защитили дисс(ертации) Крупянская и Эрнэ Васильевна. Наркомпрос отправляет 10 эксп(едиции) в различ(ные) республики за фольклором. В Башкирию едет Эрнэ. У Крупянской (нрзб.) сб(орник) „Фольклор отеч(ественной) войны“, уже гранки есть. И. И. Розанов написал статью о 50 вариантах „Катюши“. В Татарии во время лекции встал вопрос о сб(орнике) „Советский ф(олькло)р“. Я ответила, что по плану Азадовского Астахова просматривает № 8 (это я сказала с целью, чтоб не дать возможность Богатыреву гордиться, что «Сов(етская) этнография», мол, выходит, а вот как-кто у вас). (...) И вы там зимовать остаетесь. А я здесь. А Анна Михайловна

там, в Л(енинграде), одна отдувается, одна бедняжка за всех. Мне ее очень жаль» (РГБ. Ф. 542 Карт. 73. № 15. Л. 34—34 об. Письмо без даты).

⁴ Л. М. Лотман.

⁵ Шерешевская Мария (Мира) Абрамовна (1922—2007) — переводчик. В 1956 году защитила в ЛГУ кандидатскую диссертацию на тему «Рассказы Кэтрин Мэнсфилд». В подготовленном после войны под руководством М. П. Алексеева сборнике, посвященном распространению русской литературы на Западе, была запланирована статья Шерешевской «Кэтрин Мэнсфилд и русская литература». Однако сборник не увидел свет (см. об этом: *Заборов П. Р.* Отдел взаимосвязей русской и зарубежных литератур // Пушкинский Дом. Материалы к истории. С. 312—313).

⁶ О М. М. Калаушине и Л. Г. Гринберг см. в п. 25.

⁷ Е. П. Населенко. См. о ней прим. 7 к п. 23.

⁸ См. прим. 12 к п. 25.

⁹ См. прим. 1 к п. 27.

¹⁰ См. прим. 4 к п. 29.

¹¹ Дымшиц Александр Львович (1910—1975) — критик, литературовед, переводчик. Автор статей о немецкой литературе XIX—XX веков, о советской литературе, пролетарской поэзии, рабочем фольклоре и др. См. о нем: Пушкинский Дом. Материалы к истории. С. 440.

¹² Орлов Владимир Николаевич (1908—1985) — литературовед, исследователь русской литературы XVIII — начала XIX века и творчества А. А. Блока. Во время войны был специальным военным корреспондентом ТАСС на Ленинградском фронте. В 1942 году уехал из Ленинграда в Закавказье, где работал журналистом и преподавал в Тбилисском университете. Вернулся в Ленинград в 1944 году.

43

26 VI (19)44 г(ода)

Дорогой Марк Константин(ович),

Получив телеграмму, тотчас же навела справку. Список на вызовы профессоров и преподав(ателей) филфака еще не вернулся из Смольного. Я же была уверена, что уже давно все сделано, и надеялась в начале сентября обнять вас всех уже здесь. Страшно волнуюсь, что все это задерживает ваш приезд. Ира будет выяснять возможность ускорения вызова телеграфным путем. Я никогда не ожидала, что ЛГУ так проволочитит. Было нам известно, что списки составлены, вы все включены, послано на утверждение. Так надо во всех отношениях, чтобы Вы, М(арк) К(онстантинович), были скорей здесь! Сердечный привет вам. Обнимаю. Ваша А. А(стахова)

44

Дорогой М(арк) К(онстантинович)!

Только что говорила с Варв(арой) Павл(овной)¹ относительно записки. У ней был Бархударов² и говорил, что «Известия А(кадемии) Н(аук)» будут сейчас печатать программные перспективные статьи по разным разделам филолог(ических) наук. Вам надо, по-моему, не дожидаясь приглашения и спец(иального) обращения, за таковую сесть. «Перспективы изучения русского фольклора» или что-ниб(удь) в этом роде. Можно взять шире. Обязательно с учетом ф(олькло)ра славянских стран. Напишите Бархударову тотчас же, что Вы пишете такую статью. Надо, чтобы раздался наш голос и Ваш в частности. Лично для Вас такая статья мож(ет) сыграть значит(ельную) роль в Вашем продвижении в Академ(ии). А для нашего дела как важно, чтобы статья исходила от Вас.³

Почтовая открытка. Б. д. Дата получения письма рукой Азадовского: 4 IX (19)44 (года).

¹ В. П. Адрианова-Перетц.

² Бархударов Степан Григорьевич (1894—1983) — лингвист. С 1932 года — профессор кафедры русского языка ЛГУ. Чл.-кор. АН СССР (1946).

³ В «Известиях Академии наук» статья Азадовского была опубликована лишь в 1950 году (см.: *Азадовский М. К.* Народная песня в концепциях русских революционных просветителей 40-х годов // *Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка.* 1950. Т. IX. Вып. 6. С. 455—475). Однако статья сходного содержания, которую советовала написать Астахова, вышла в Ленинграде в 1946 году (см.: *Азадовский М. К.* Русская фольклористика и славянские страны // *Научный бюллетень Ленинградского государственного университета.* 1946. № 11—12. С. 69—74).

45

24 VIII ⟨19⟩44 г⟨ода⟩

Дорогие мои!

Вы уже, конечно, получили и мою открытку и телеграмму и знаете о поддержке с вызовами. Я страшно расстроена, что так вышло. Если б знать о том, что ЛГУ так проволочитит, лучше бы действовать через И⟨нститу⟩т — нашим в Казань — вызовы уже посланы. С самого приезда Ира справилась о вызовах. Сперва обнаружилось, что в первый список вас не внесли, и никто ничего не знает и не может сделать без Балухатого,¹ а он в Москве. Затем по приезде С ⟨ергея⟩ Д⟨митриевича⟩ был сделан 2-й список, и мы успокоились. Но, очевидно, все это делалось медленно, факт — тот, что (вчера я опять узнавала) список из Смольного еще не вернулся. Следов⟨ательно⟩, вы сможете быть здесь не ранее конца сентября. Умоляю все же не волноваться и не расстраиваться. Улаживать все хозяйственные дела в сентябре—октябре еще не поздно. Почти все професс⟨ора⟩ и препод⟨аватели⟩ филфака, оставшиеся вне Л⟨енингра⟩да в таком же положении. Худо, конечно, что вы так далеко. Я справлялась — телеграфом вызовы послать нельзя. Пока, дорогой М⟨арк⟩ К⟨онстантинович⟩, старайтесь отдыхать, запастись силами и на дорогу и на работу в Л⟨енингра⟩де. Мы с Ирой ждем Вас с нетерпением. Поля приезжает в середине сентября.² О Кравчинской³ есть договоренность, что ее возьмут по договору. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, это можно будет сделать и в отношении Лозановой. Она скоро приезжает сюда по командировке из И⟨нститу⟩та. Была с Ирой у Проппа.⁴ Он тоже ждет Вас и начала нашей совместной работы, научных заседаний и пр. Его настроение мне понравилось, он успокоился здесь, и нет того упадка и раздражительности, о которых писала мне Ира из Саратова. Думаю, что Ваши с ним отношения сложатся хорошо. Получила от В. Ю. Крупянской известие, что она уже «остепенилась». Как это хорошо! А сколько докторов прибудет к нам через 3 года! Дорогой Марк Конст⟨антинович⟩, хочется верить, что все будет хорошо, что л⟨енинград⟩ский воздух снова вернет Вам былую энергию, и Вы, с дружной помощью всех нас, подымете наши поникшие знамена. Сейчас понемногу пополняются ряды наших корреспондентов: получаю регулярные присылы из Мурманской обл⟨асти⟩, Гаген-Торн обещает прислать собранные ею частушки о войне и пр.⁵ Поля исподволь в Казани ведет собирательскую работу.⁶ Вера Алекс⟨андровна⟩ только и ждет возможности ринуться в собирание ф⟨ольклора⟩ Отчеств⟨енной⟩ войны. Мне удалось в этом отношении что-то наладить в Луге. Всего хорошего, дорогие друзья. Обнимаю всех обоих и крепко целую Коташку.

Ваша А. Аст⟨ахова⟩

Дата получения письма рукой Азадовского: 4—IX—⟨19⟩44 ⟨года⟩.

¹ В 1942 году Балухатый эвакуировался вместе с ЛГУ в Саратов и преподавал на филологическом факультете университета, деканом которого стал в 1943 году. Поэтому Астахова и ждала ответа от Балухатого насчет вызова Азадовского.

² В сентябре 1944 года Ширяева все еще находилась в Казани и сообщала Азадовскому, что собирается уехать оттуда с большим сыном к мужу в Киев, так как он получил комнату и планирует зимой жить в Киеве и ездить в Ленинград (РГБ. Ф. 542. Карт. 73. № 15. Л. 28—32. Письмо от 16 ноября 1944 года).

³ Кравчинская в письме к Астаховой говорит о своих опасениях, что не сможет вернуться в Ленинград:

26—VIII—(19)44 г(ода)

Дорогая Анна Михайловна

Сейчас узнала, что с 12-ти ч(асов) дня 22-го августа в Ульяновске не выдают более пропусков в наш родной город даже тем, у кого на руках имеются вызовы. Итак, мое тяжелое предчувствие сбылось: я остаюсь в Кр(асной) реке, тогда как все л(енингра)дцы, жившие здесь, успели уехать, благодаря энергичным хлопотам родных или друзей. Теперь уж мне не о чем никого просить, может быть, к лучшему для тех, кого я беспокоила «нытьем», как выражается Поля. <...>

Если бы мой бедный Саша был в Л(енингра)де, уж он-то вытащил бы меня через все препятствия. Не знаю, к чему я пишу все это и огорчаю Вас, но слова льются также обильно, как горькие слезы, и хочется облегчить душу и не облегчается душа! Ведь жить-то осталось не так много и перспектива умереть в Кр(асной) реке, как умерли некоторые наши эвакуированные, леденит воображение. <...>

Крепко Вас целую. Не сердитесь на меня за эгоистические жалобы! Каждый достоин своей судьбы, надо иметь мужество переносить ее удары... Ваша В.

Если будет возможность, пришлите бумаги — записывать ф(олькло)р мне стало не на чем. Пишите мне хоть по неск(олько) строк, но почаще — я так нуждаюсь сейчас в дружеской поддержке! Милый мой, прекрасный далекий родной Ленинград. Неужели я больше не увижу [1 слово заклеено маркой] (ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. № 326. Л. 5—5 об.).

⁴ Пропп Владимир Яковлевич (1895—1970) — фольклорист, получивший мировую известность благодаря своей книге «Морфология сказки» (1928). Профессор ЛГУ. Во время войны находился в эвакуации в Саратове. Сотрудник Фольклорной секции Пушкинского Дома с 1945 по 1949 год.

⁵ Гаген-Торн присылала в Пушкинский Дом значительно позднее свои стихи. Из ее письма к Астаховой от 27 января 1954 года: «Дорогая, дорогая Анна Михайловна! Посылаю Вам эту рукопись вот с какой большой просьбой: в Пушкинском доме, я знаю, был литературный архив, где хранятся всякие рукописи — может быть, можно положить мою поэму туда? Надо, конечно, чтобы кто-то это сделал лично, ничего не выйдет, если просто послать по почте. Я сделала несколько попыток напечатать ее, но это, вероятно, не достигнимо, особенно пока я в Красноярском крае. А мне не хочется думать, что от нее не останется никакого следа. Бывают же случаи, что творчество человека выплывает через сто лет после его смерти. Пусть лежит там, авось кто-нибудь, когда-нибудь, заинтересуется ею.

Прочтите ее и, если Марк Конст(антинович) не слишком утомлен и болен — дайте ему прочесть: он любил стихи и когда-то у него бывали горячие порывы, во время которых он мог придумать нечто необычное, чтобы помочь человеку в его литературных делах. Впрочем — я не надеюсь на это — я ни на что уже не надеюсь — слишком много попыток не удалось. Мне только хочется, чтобы мой Ломоносов, хоть лежал где-то и ждал, может когда-нибудь и кому-нибудь он будет нужен, чтобы он хоть так жил, и не был выброшен в печку. Привет сердечный всем, кто еще хотел бы получить от меня привет.

Я знаю — Вы отзывчивый человек, Анна Михайловна, и сами испытали достаточно много тяжелых <нрзб., 1 слово>. Вы не рассердитесь на мое обращение к Вам и выполните мою просьбу, да?» (Гаген-Торн Н. И. Письмо Астаховой А. М. 27 янв. 1954 года // ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. № 302. Л. 1). О поэме Гаген-Торн «Михайло Ломоносов» см.: Гаген-Торн Н. И. О себе и Ломоносове // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 506—509; Михайлова М., Шевчук Ю. Лирическое и эпическое в поэме Н. И. Гаген-Торн «Михайло Ломоносов» // LiteraruS — Литературное слово (Хельсинки). 2012. Т. 3. С. 72—77.

⁶ Ширяева пишет Азадовскому: «Академики наук, говорят, дают сделать очень широкий размах работ. Вот бы и нам успеть за это же время. Представьте себе широкое собрание ф(олькло)ра отечественной войны, это ведь не тема, а тема, она будет занимать наше внимание в течение десятков лет. <...> Я сейчас шляюсь по госпиталям, записывая фольклор» (РГБ. Ф. 542. Карт. 73. № 15. Л. 25—26. Письмо без даты).

10 IX (19)44 г(ода)

Дорогие Марк Константинович и Лидия Владимировна!

Пишу вам с болью в сердце — я так рассчитывала и была уверена, что мне не придется больше писать вам в Иркутск, что в самом ближайшем времени буду встречать и обниму вас здесь. Как все сложилось нескладно, скверно! Не знаю, что же будет, приедете ли вы все же в этом году или зазимуете еще в Иркутске, и никто не знает и не может ничего сказать. Просила и Павла Иван(овича)¹ и Льва Абрамов(ича)² поставить о вас вопрос отдельно и специально, но ведь вы знаете, как оба прохладно относятся к делам нашего Отдела, не понимая существа и смысла нашей работы. И вот я снова на какой-то, может быть, и длительный отрезок времени одна, и сейчас как раз навалилось много, и чрезвычайно серьезных, вопросов, которые необходимо разрешать. Ира мне хороший товарищ, я могу с ней обо всем и поговорить и посоветоваться, но все же ведь это же не опора в настоящем смысле, многого она еще не знает, только присматривается, да и мне жалко ее будоражить, пусть себе спокойно работает. Но обо всех наших больных местах ниже, возвращаюсь к вам.

Дорогой Марк Конст(антинович)! В самые ближайшие дни мы снова проверим все положение с Вашей квартирой, по возможности ее состояние и пр. Думаю, что вам обоим не надо очень беспокоиться об этом. С тех пор как И(нститу)т ее опечтал, очевидно, все, что осталось, в сохранности. Ну, а что пропало в период Никитиных,³ если это случилось, того уже не вернуть. Если Вы захотите, чтобы кто-ниб(удь) вошел в помещение и проверил все, надо прислать доверенность, нотариально удостоверенную. Тогда это сделаем. Но я думаю, что Вам следует и не только по делам квартирным, а по всяким другим, приехать сюда в командировку, как бы это ни было тяжело семье в материальном отношении. И все посмотреть и решить на месте, и нашу работу здесь направить.

Я не писала Вам в последнее время, т(а)к к(а)к надеялась на Ваш ближайший приезд, теперь же на всякий случай, если все не «образуется», сообщу подробно о всех наших делах. Прежде всего: Ира Вам вышлет свой план. (Для меня было неожиданностью, что Вы его еще не имеете; в этом виновата, несомненно, картотека, которой наш ученый секретарь М. О. Скрипиль занят с весны, по-видимому, больше, чем вопросами научной работы И(нститу)та). Очень прошу Вас, дорогой, быстро посмотреть этот план и дать свое заключение в качестве руководителя, для ученого совета, т(а)к к(а)к надо поскорей его утвердить. Ученый совет сконструирован здесь и скоро, очевидно, начнет свою работу. Второе: сообщая Вам план нашего «Отдела» на 1945 г(од). В штате по-прежнему Азадовский, Астахова, Ширяева и докторантка Колесницкая. Я договорилась и с Леб(едевым)-Пол(янским), и с Плотк(иным), что как только приедет Кравчинская, ее примут по договору, то же и с Лозановой, очевидно, можно будет сделать. Но бедная Вера Алекс(андровна)⁴ застряла по тем же основаниям, как и Вы, в своей Красной Реке, а Лозанова, кот(орая) должна была сюда приехать по командировке, что-то медлит. Поля, между прочим, все еще в Казани, как и Мордовченко, Лихачевы, Толстые, и судьба их всех неизвестна; мы надеемся на их приезд, но пока нет решения, и они там маются в ожидании и панике.⁵ Представьте воздействие всего этого на истерическую натуру Поли! Итак, вот наш план (пишу сокращенно): 1. «Русский фольклор», Т. I. Пересмотр, переработка и редакция. Исполнители — Азадовский, Астахова, Колесниц-

кая. Срок — 15 XI 45 г(ода). Объем — 35 п. л. 2. Фольклор Ленинградской области.⁶ Подбор материала для дополнительного раздела по фольклору Отечественной войны. Общий объем сборника — 25 п. л.⁷ На 1945 г(од) завершение подготовки материалов и комментария. Срок — 15 XI 45 г(ода). Вводная статья и редаKTура на 1946 г(од). Исполнители — Ширяева и Кравчинская (последняя по договору). 3. Генезис поэтики волшебной сказки. Монография — диссертация Колесницкой. На 1945 г(од) разработка вопроса о функции и поэтической структуре первобытной сказки — 6 печ(атных) лист(ов). К 15 XI 45 г(ода).⁸ 4. Указатель сюжетов и композиционных типов русской былины. — 5 печ(атных) лист(ов). Работа Астаховой. Срок 15 XI 45 г(ода).⁹ Теперь подробности о первой работе. Пришлось мне выдержать чрезвычайно неприятный разговор с П(авлом) И(вановичем) относительно того, что ставится в план I-й том, кот(орый) значитсЯ законченным. Долго пришлось вразумлять, в чем дело. Так вот, М(арк) К(онстантинович), первое, что нам надо сделать, определить состав I-го тома. Если идти по тому пути, как обычно строятся курсы по ф(олькло)ру, как будто выходит так:

1. Введение (понятие о фольклоре и краткий очерк истории фольклора) — 5 п. л. Андреев.
2. История русской фольклористики. 12 п. л. — Азадовский.
3. Обрядовая поэзия. — 8 п. л. — Никифоров.
4. Заговоры — 2,5 п. л. — написать вновь.
5. Причитания — 2,5 (не получено тоже листажа?) Виноградов.¹⁰
6. Свадебная поэзия — 4 п. л. — Гофман.

Надо ли и что еще включать в первый том? М(ожет) б(ыть), загадки, поскольку генетически они связаны с наиболее ранним периодом формирования фольклора, или сказку?

О работе над томом думаю следующее: 1) Отыскиваю материалы Н. П. Андреева (я уже взяла из И(нститу)та соответствующее отношение в Гос(ударственную) п(убличную) б(иблиотеку) и завтра же иду туда);¹¹ просматриваю и выясняю, что надо далее делать. Затем надо решить, кто же будет соавтором Н(иколая) П(етровича): Вы, Ира или Пропп? Это уже должны решить Вы, и тогда сейчас же надо начинать работать; 2) Сейчас же дать кому-ниб(удь) писать «Заговоры». Кому? В. Я. Проппу или мне? М(ожет) б(ыть), Богатыреву? 3) Начать редаKTуру остальных глав. Мне казалось бы, что к редаKTуре надо привлечь Проппа (привлечение сотрудников по договорам — вполне реальное дело, так мне сказали) и дать ему на редаKTуру статью Никифорова, хотя она и проредаKTирована Н(иколаем) П(етровичем). (А, м(ожет) б(ыть), в редакцию ввести Богатырева?) «Причитания» и «Введение» редактируете Вы. «Загадки» дать Колесницкой,¹² «Свад(ебную) поэзию» мне (эта статья уже ведь была редактирована, но надо еще посмотреть). Таким образом, я думаю, что мы вполне сможем сделать этот том, так что в 1946 г(оду) сдать в РИСО.

Можно, конечно, было бы в I-й том включить: былины, историч(ескую) песню, лирич(ескую) песню и сказку, но гораздо рискованнее с лирич(еской) песнью; эту главу ведь придется делать совершенно заново, и кому? Гиппиус откажется. Сделанных частей он не даст, отговорясь тем, что все пропало. Кому вообще дать песню? Тудоровской?¹³ Новиковой? Я думаю, реальнее и проще I-й вариант, но одновременно сейчас же начать работать и над песней.

Вторая работа для Вас ясна. Надо нам что-то делать по ф(олькло)ру Отеч(ественной) войны. Полно всецело переключить на собиpание. Приурочить это к сборнику по ф(олькло)ру Л(енинградск)ой области. Тогда это бу-

дет не просто собрание ради собрания. Относительно Веры я рассуждала так: если даже в худшем случае мы ее получим только весной, и то она при своих работоспособности и энтузиазме сделает многое. 3-я и 4-я темы, конечно, не требуют разъяснений. Ира сейчас вплотную села за работу. В настоящее время она регулярно работает в И(нституте) Э(тнографии) в библиотеке. Там сейчас новый, прекрасный, внимательный библиотекарь М. А. Магнус,¹⁴ которую я знаю немного (с ее сестрой я училась в Пед(и(нститу)те), и она окружила Иру заботами и вниманием, Ира сейчас вполне удовлетворена.

Очень буду ждать всех Ваших соображений по плану.

Другой исключительно важный вопрос — о Фонограммархиве — кот(орый) меня мучит и буквально лишил сна. Гиппиус уже подал в Президиум докладную записку о переводе Ф(онограмм)а(рхива) в И(нститу)т этногр(афии) (в Москве) и об организации особой комиссии по музык(альному) фольклору при И(нститу)те под руководством Асафьева.¹⁵ Лебед(ев)-Пол(янский), кот(орого) запросил Презид(иум), написал предварительное возражение, его поддержали Мещанинов и Обнорский. Сейчас от меня требуют, чтобы я от лица Отдела (или даже Дирекции) написала свои соображения. Вы понимаете мое положение. Как мне ни противны личные мотивы Гиппиуса, как ни ужасным кажется разрушение всей нашей почти 15-летней совместной работы, я не могу не видеть всей целесообразности этой меры с точки зрения возможности по-настоящему организовать работу Ф(онограмм)а(рхива). Я буду писать возражение *против моей совести* с полным сознанием, что И(нститу)т, удерживая у себя Ф(онограмм)а(рхив), берет на себя обязательство, которое, заранее можно сказать, не выполнит, ибо в Л(енингра)де сейчас *нет* человека, кот(орый) мог бы и захотел бы возглавить и организовать работу Ф(онограмм)а(рхива). Одновременно с этим письмом посылаю Вам записку Гиппиуса и ответ Леб(едева)-Пол(янского). Думая так, как я Вам написала, я не могу, однако, сразу сказать, что *надо* отдать Ф(онограмм)а(рхив). Вы понимаете, что я ощущаю, как разрез живого организма на 2 части. К сожалению, и здесь П(авел) Ив(анович) и Л(ев) Абр(амович) не вникают во всю сложность вопроса, смотрят формально и поверхностно. Я считаю, что Вам надо сказать здесь *свое* слово, как зав(едующему) Отделом (я ведь только *И(сполняющая) О(бязанности)*), которому ведь и придется расхлебывать всю кашу. Моя точка зрения такова: недопустимо то распыление фольклористических сил в системе самой Акад(емии), кот(орое) получилось (3 ячейки). Необходима организация одной более мощной ф(ольклористиче)ской группы с двумя разделами, словесным, музыковедческим, при каком-ниб(удь) одном И(нститу)те. Это основной вопрос, разрешив который, можно разрешить и вопрос о Ф(онограмм)а(рхиве). Сейчас я прямо жажду того, чтобы Вы, мой дорогой шеф и друг, вышли бы из Вашего инертного состояния, зажглись бы идеей возможности и необходимости борьбы за правильную организацию центральной фольклористической работы в Союзе, ведь только Вы и можете что-либо сделать. Поезжайте в Москву, напишите Леб(едеву)-Пол(янскому), в Президиум, надо, чтобы слышали Ваш голос. Неужели Вы допустите, чтобы разрушено было дело, кот(орое) Вы делали, и чтобы кто-то подбирал обломки, да Вы бы стояли в стороне от всего этого?¹⁶

Теперь о менее важных и повседневных делах. Во второй половине сентября мы («Отдел» в лице меня и Иры) собираемся открыть регулярные научные заседания. На первое заседание проектируется доклад Проппа — о сущности фольклора (доклад, который он готовит к сессии ЛГУ, и хочет предварительно прочесть у нас). Я считаю совершенно необходимым сейчас

же начать собирание вокруг нас л(енинград)ских ф(ольклорис)тов. Второе — мы получаем библиотеку по ф(олькло)ру С. Ф. Ольденбурга.¹⁷ Я уже произвела отбор книг, сделана опись и оценка. Надеюсь, что в самое ближайшее время будет произведено оформление покупки (покупает БАН для нас), и мы с Ирой перевезем к нам эти книги (это приблизительно около 700 номеров). Кроме того, сейчас отбираем в БАН'е книги по ф(олькло)ру, полученные БАН'ом за эти годы.

Издательский план на 1945 г(од). Я включила: 1) Азад(овский) — «История русск(ой) ф(ольклорис)тики» — 60 п. л. (не знаю, в каком состоянии сейчас вопрос о печатании этого труда в Госиздате);¹⁸ 2) Шир(яева) — «Рабочий фольклор» 25 п. л.,¹⁹ Астах(ова) «Былины Севера». Т. II (35 п. л.)²⁰ и «Сев(ерный) пер(иод) в ист(ории) р(усской) был(ины)» (25 п. л.)²¹ и «Советск(ий) ф(олькло)р» № 8 (15 п. л.). Относительно своих работ указала, что в 1-ю очередь должна быть издана книга «Былины Севера». Совершенно не знаю судьбы I тома Гильфердинга.

О диссертации своей пишу во 2-м письме, кот(орое) содержит означенные выше записки.

Дорогой М(арк) К(онстантинович)! Если Вы останетесь на некоторое время в Иркутске, я не дам Вам жить спокойно и буду требовать от Вас всей помощи и полного руководства, кот(орое) можно осуществить посредством переписки. И Вы должны мне их дать, если не хотите, чтобы я погибла и морально и физически (совершенно серьезно говорю).²²

Обнимаю всех трех.

Ваша поистине несчастная А.

¹ П. И. Лебедев-Полянский.

² Л. А. Плоткин.

³ После отъезда Азадовских из блокадного Ленинграда присматривать за их квартирой на ул. Герцена было поручено дворнику К. Никитину и его жене.

⁴ В. А. Кравчинская.

⁵ В письме Ширяевой к Азадовскому от 16 ноября 1944 года говорится о том, что она думает о ленинградской жизни, видимо, пересказывая слухи, распространенные в Казани: «Балухатый все дни проводит у постели умирающей жены, и много бывает в Ун(иверситете)те. В ин(ституте)те работы нет. Все заняты дровами и всякими хоз(яйственными) делами. С пропиской, конечно, трудно, напр(имер), Бухштаб приехал „на ура“ и его из города выдворяют. Многие месяцами живут в голоде (без карточек), в холоде (без прописки), но все ждут возможности прописаться» (РГВ. Ф. 542. Карт. 73. № 15. Л. 33 об.).

⁶ См. прим. 4 к п. 29.

⁷ Тема фольклора Отечественной войны была реализована в коллективной монографии: Русский фольклор Великой Отечественной войны / Отв. ред. В. Е. Гусев. М.; Л., 1964.

⁸ См.: Доклад докторанта И. М. Колесницкой «Поэтика повествовательного жанра фольклора первобытного общества». Протокол 61 научного заседания Отдела фольклора Института литературы Академии наук СССР от 4 года 1946 года // Архив Отдела русского фольклора ИРЛИ РАН. Документы делопроизводства. Л. 193. Этот доклад представлял собой одну из глав подготовляемой ею докторской диссертации «Поэтика волшебной сказки». Метод исследования сказки Колесницкой одобрил Пропп.

⁹ В том виде, в каком он был предложен в плане, указатель сюжетов былин составлен Астаховой не был. Однако еще раньше, в 1938 году, в «Былинах Севера» она заложила принципы классификации былинных сюжетов (см. также: Петров Н. В. Рабочие материалы к указателю элементарных эпических сюжетов (ЭЭС) русских былин // www.ruthenia.ru/folklore/petrov/index.htm — дата обращения 30. 07. 2014; Смирнов Ю. И. Былины. Указатель произведений в их вариантах, версиях и контаминациях. М., 2010).

¹⁰ Глава про причитания в отличном от первоначального плана томе «Русское народное поэтическое творчество» (Т. II. Кн. 2. М.; Л., 1956) была написала К. В. Чистовым.

¹¹ В РНБ имеется фонд Андреева — № 20.

¹² Раздел «Загадки» для второго тома «Русского народного поэтического творчества» (М.; Л., 1955. С. 525—536) написала Колесницкая.

¹³ Тудоровская Елена Александровна (1904—1986) — фольклорист и литературовед. В соавторстве с В. М. Бердниковым написала книгу «Поэтика марийских народных песен» (Йошкар-Ола, 1945). Позднее опубликовала ряд работ в духе советского социологизма, посвященных

сказке. Ей принадлежат статьи «Волшебная сказка», «Сказки о животных» (Т. II. Кн. 1), «Волшебная сказка и сказка о животных» (Т. II. Кн. 2) в коллективной монографии «Русское народное поэтическое творчество» (М.; Л., 1955. Т. II. Кн. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII—первой половины XIX века. С. 312—344; М.; Л., 1956. Т. II. Кн. 2. Очерки по истории русского народного поэтического творчества второй половины XIX — начала XX века. С. 211—222).

¹⁴ Магнус М. А. — старший библиотекарь БАН. Оставалась в блокадном Ленинграде, работала в библиотеке Института этнографии. См.: *Панейх А. В.* Библиотека в годы войны // Из истории Кунсткамеры, 1941—1945 / Под ред. А. С. Мыльникова. СПб., 2003. С. 62—67.

¹⁵ Асафьев Борис Владимирович (1884—1949) — композитор, музыковед, музыкальный критик. Академик АН СССР (с 1943). После снятия блокады в январе 1944 года по решению Комитета по делам искусств СССР Гиппиус вместе с Асафьевым были переведены в Москву, где стали работать в Московской государственной консерватории (см. об этом: Жизненный и творческий путь Е. В. Гиппиуса // Материалы и статьи к 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса / Ред.-сост. Е. А. Дорохова, О. А. Пашина. М., 2003. С. 7—16).

Речь идет о следующем документе (РГБ. Ф. 542. Карт. 57. № 60. Л. 12—13 об.):

3 июня 1944 г (ода)

Вице-президенту Академии наук СССР
Академику В. П. Волгину

Докладная записка
о восстановлении в Институте Этнографии АН СССР
музыкально-этнографической работы

Важность изучения народной музыки для развития советской музыкальной культуры и для советской этнографии и фольклористики трудно переоценить.

Сравнительно-историческое изучение народной музыки и народных музыкальных инструментов современными точными методами, нотирование фонограмм народной музыки в точной интонационной транскрипции с акустическими обмерами песенных ладов и звукорядов народных инструментов, как известно, достигло огромных успехов в современной мировой и советской науке, вооруженной ныне детально разработанной методикой исследования музыкально-фольклорных документов.

Советские музыковеды-этнографы в своих сравнительно-исторических изучениях песенных напевов и инструментальной музыки народов Сибири (манси, хантов), народов Поволжья и Приуралья (мари, удмурты, коми) сделали в последние годы целый ряд ценнейших наблюдений и обобщений, касающихся явлений стадиального порядка в области музыки, и подошли на материале музыки вплотную к разработке общих этно-генетических проблем.

Начиная с 1931 г (ода), Институт Этнографии Академии Наук СССР положил начало систематической научной разработке народной музыки. Постановлением Президиума Академии от 13 марта 1931 г (ода) при Институте Этнографии был учрежден центральный Фонограммархив народной музыки, объединивший в течение 1932 и 1933 г (одов) все крупнейшие дореволюционные и послереволюционные коллекции фонографических записей Ленинграда и Москвы (Коллекции Музея Антропологии и Этнографии АН, Института Востоковедения, Московского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Ленинградской государственной консерватории и Госуд(арственного) Ин(ститу)та Истории искусств).

С 1931 по 1939 г (од) Фонограммархив Института Этнографии АН СССР развернул плановую работу по собиранию и изучению народной музыки и народных музыкальных инструментов, а также и по музыкально-этнографической музейной экспозиции в Музее Этнографии (выставка «Происхождение и развитие музыкальных инструментов народов мира»).

За 1931—1939 годы Институт Этнографии опубликовал целый ряд научных и научно-популярных трудов по народной музыке, подготовленных Фонограммархивом (корпус: «Песни Пинежья», сборники: «Народные песни Вологодской области», «Народные песни о Ленине и Сталине»). За это же время было сдано в печать 6 сборников серии «Песни 60 народов СССР»: Белоруссы, Мари, Удмурты, Чуваши, Карелы, Коми (в 1941 г (оду) первый из этих сборников — Белоруссы — вышел из печати).

Еще более интенсивно была развернута в период 1931—(19)39 г (одов) полевая собираТЕЛЬСкая работа. За 8 лет, помимо систематического планомерного собирания материалов о народной песне, было организовано около 30 музыкально-этнографических экспедиций, собравших ценнейшие материалы по песне и инструментальной музыке народов СССР (русских, белорусских, мари, удмуртов, волжских татар, башкир, чувашей, мордвы, карел, коми, ненцев, саамов, хантов, манси и др.).

В 1939 г (оду) в связи с расчленением Отделения Общественных наук АН на 2 отделения: Языка и Литературы и Истории (и) Философии и отнесением фольклора к Отделению Языка и Литературы группа изучения народной музыки Института Этнографии (составлявшая часть его фольклорной комиссии) была передана вместе с Фольклорной комиссией в Институт Литературы АН. Это повлекло за собой совершенно нелогичную передачу Институту Литературы и Фонограммархива народной музыки — органическую часть Института Этнографии, вы-

ростую в результате многолетней полевой работы сотрудников Института, этнографов и музыкантов.

Фонографические коллекции из музыки народов Сибири, Ср(едней) Азии и Кавказа, составлявшие часть этнографических коллекций Штернберга, Богораза и др(угих) русских этнографов, с текстами на 80 языках народов СССР оказались оторванными от Института Этнографии и вошли в состав Института Литературы, в котором не было ни одного специалиста по языкам этих народов. Тем самым научная разработка этих материалов, осуществлявшаяся в Институте Этнографии своими силами, могла отныне осуществляться на основе только договорных начал специалистами, привлекаемыми со стороны. В Институте Литературы Фонограммархив оказался, и не мог не оказаться, инородным телом, продолжавшим сохранять теснейшую связь с Институтом Этнографии, несмотря на формальный отрыв от него.

Отрыв Фонограммархива народной музыки от Института Этнографии сейчас, когда Фольклорная комиссия в Институте снова восстановлена, совершенно нелогичен, особенно после того, как музыковедение в качестве особой дисциплины вошло в орбиту деятельности АН по Отделению Истории и Философии, к которому принадлежит Институт Этнографии.

В связи с вышеизложенным я полагаю, что вполне назрел вопрос о восстановлении того положения, которое имело место до передачи Фонограммархива Институту Литературы. Наиболее целесообразным явилось бы создание при Институте Этнографии специальной научно-исследовательской ячейки по изучению народной музыки и сосредоточение в этой ячейке всей музыкально-этнографической работы Академии наук.

Следует указать, что академик Б. В. Асафьев выразил согласие взять на себя руководство этой работой, разделяя изложенные в настоящей записке соображения.

Для реализации настоящего предложения необходимо:

1) Сосредоточить работу по собиранию и изучению материалов народной музыки в Академии наук СССР — в Институте Этнографии, — изъяв ее из ведения Института Литературы.

2) Создать в Институте Этнографии особую научную ячейку (<—) «Комиссию по изучению народной музыки».

3) Утвердить Б. В. Асафьева научным руководителем Комиссии по изучению народной музыки Института Этнографии.

4) Возвратить Институту Этнографии Фонограммархив народной музыки, находящийся ныне в составе <Института> Литературы АН, а также научные коллекции, рукописи, книги и лабораторное оборудование, принадлежащее Фонограммархиву:

а) коллекции звукозаписей народной музыки на валиках и граммофонных пластинках, составляющие основной фонд Фонограммархива;

б) лабораторное оборудование по звукозаписи, звукокопировке и иное — входящее в инвентарь научного оборудования Фонограммархива, а также все звукозаписывающее оборудование, полученное в годы войны по импортным заявкам Фонограммархива из США.

По-видимому, копия докладной записки была послана Астаховой Азадовскому. Астахова оказалась в сложной ситуации. Она считала, что, забирая Фонограммархив, Гиппиус разрушает плод их длительного сотрудничества, так как в архиве имелись звуковые коллекции множества совместных экспедиций. С другой стороны, Астахова осознавала, что в Ленинграде нет специалистов уровня Гиппиуса, способных возглавить Фонограммархив. Она требовала решительных действий от Азадовского. Ситуация разрешилась в пользу Пушкинского Дома, однако Астахова оценивала эту «победу» довольно неоднозначно.

¹⁶ См. письмо Ширяевой к Азадовскому (прим. 1 к п. 23), в котором излагается эта же идея единого фольклорного центра.

¹⁷ Ольденбург Сергей Федорович (1863—1934) — востоковед, академик РАН (1908), непреходящий секретарь Академии наук в 1904—1929 годах. Министр народного просвещения Временного правительства (1917). См. о нем: *Каганович Б. С.* Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006. Фольклорная часть библиотеки Ольденбурга в настоящее время входит в состав библиотеки Отдела русского фольклора ИРЛИ.

¹⁸ Книга была опубликована после смерти Марка Константиновича, ее подготовили Л. В. Азадовская, В. Ю. Крупицкая и Э. В. Померанцева (*Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 1958—1963. Т. 1—2). Второе издание выпущено в свет К. М. Азадовским и Т. Г. Ивановой (М., 2013. Т. 1—2). О непростой судьбе этого труда см.: *Азадовский К. М.* Трагическая эпопея // *Азадовский М. К.* История русской фольклористики. М., 2013. Т. 1. С. 5—26.

¹⁹ Ширяевой был написан раздел «Устное поэтическое творчество рабочих второй половины XIX века» для коллективной монографии «Русское народное поэтическое творчество» (М.; Л., 1956. Т. 2. Кн. 2. С. 23—66).

²⁰ Былины Севера. М.; Л., 1951. Т. 2. Прионежье, Пинега и Поморье / Подг. текста А. М. Астаховой; ред. В. П. Адрианова-Перетц.

²¹ *Астахова А. М.* Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск, 1948.

²² Кравчинская в письме к Астаховой извиняется за свои жалобы и сочувствующе относится к трудностям, с которыми столкнулась последняя, вернувшись в Ленинград: «Милая моя, голубушка, я точно поговорила с Вами и так ясно представила себе всю обстановку Вашей

огромной работы в полном одиночестве, что вдвойне мне стало стыдно и я дернула себя за совершенно седые теперь космы и назвала себя очень нелестно» (ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. № 326. Л. 6—7. Складное письмо от 5 октября 1944 года).

47

21 IX (19)44 г(ода)

Дорогой Марк Константинович!

Ваше письмо от 4 IX (19)44 г(ода), несмотря на все грустные моменты, кот(орые) оно содержит, все же «луч света» для меня. Я увидела в нем прежнего Марка Конст(антиневича) с его постоянной тревогой и заботой о судьбе нашего дела, и не пассивного, а связанными (так!) с готовностью бороться за него, активно действовать. До какой степени Вы нужны здесь! У меня же есть и это боевое настроение, и все же и силы, но ведь Вы знаете мой «скверный» нерешительный характер, мои колебания и пр. А ведь я одна, и мне так трудно. Плоткин, конечно, ничего не говорил о готовящейся записке. Сейчас он в Москве; когда вернется, спрошу. Конечно, Отдел наш должен быть пополнен сотрудниками уровня Н. П. Андреева. Лозанова и Вера Ал(ександровна)¹ нужны, необходимы по преимуществу для того, чтобы поддерживать наши вспомогат(ельные) учреждения — Рукоп(исное) хранил(ище) и Ф(ольклорно)-справ(очный) кабинет. Ведь у нас накопились уже новые коллекции — надо разобрать, описать. Получаем библиотеку Серг(ея) Федор(овича)² — я уже писала об этом. Пока нет человека — это будет лежать мертвым капиталом. В наших рукописях я, разумеется, разобралась. Где все — знаю: архив изд(ательст)ва у нас в бронированной комнате лит(ературного) архива, частично у нас в Отделе. Разыскала местонахождение рукописей Н. П. Андреева — в Гос(ударственной) публ(ичной) библиотеке, получила разрешение их просмотреть, на днях это осуществлю. О многом уже написала в предыдущем письме. Я все еще не теряю надежды, что вам вызов разрешат. В этом случае не страшно было бы приехать и в октябре. И дрова, и просушка квартиры и все пр(очее) можно было бы осуществить. Ведь у Вас есть такой серьезный источник всех житейских благ как Союз Сов(етских) писателей.³ Конечно, много всяких «но», но зато подъем настроения, как и прилив сил моральных, а с ними и физических, кот(орые) испытывают все возвращающиеся. Но боюсь, что Вы вынуждены будете связать себя с Ирк(утским) унив(ерситетом).

Лично у меня все очень плохо. В ближайшее время приедут сестра с семьей из Сибири. Их комната заселена. Двое их них — нагрузка (пусть и временная, но все же длительная) на мою комнату. Как я буду работать — страшно подумать. С 20 авг(уста) не имею сведений о Вите. Стараюсь не беспокоиться. Все они могли уехать на изыскания вглубь и т. п., но сердце-то материнское — дурное, не может не тревожиться. Да и тоскливо... Порой кажется, что мне от всего личного и общего никогда не было так плохо. Поддерживаю мужество в Поле, в Вере Алекс(андровне) и некот(орых) др(угих), а самой тошно до петли. Но все-таки вытяну. Крепко целую всех троих, мои дорогие. Очень порадовалась Вашей библиографии.⁴ Спасибо! Ваша А. А(астахова)

¹ В. А. Кравчинская.

² С. Ф. Ольденбург.

³ Азадовский был членом Союза советских писателей с 1934 года.

⁴ Библиография М. К. Азадовского / Сост. Н. С. Бер. Иркутск, 1944.

48

2 XII (19)44 г(ода)

Дорогой Марк Константинович!

Как я Вам уже писала, в свой план я включила главу о заговорах для I тома.¹ Однако меня взяло сомнение, точны ли сведения об авторе статьи, и не следует ли нам официально, через соответствующую организацию, запросить об этом Украинскую Академию наук. Что Вы по этому поводу думаете? Я, было, начала готовить заявление, но потом решила сперва спросить Вас. М(ожет) б(ыть), все определенно известно, и мне просто приниматься за работу. А статья была хорошая, жаль. Привет, А.

Почтовая открытка. Дата получения письма рукой Азадовского: 9 I (19)45 г(ода).

¹ Главы о заговорах в итоговом издании нет. Перед войной ее готовил для пушкинского издания В. П. Петров (подробнее о нем см.: *Иванова Т. Г.* Отдел фольклора Института литературы АН СССР в 1939 — первой половине 1941 г. // Из истории русской фольклористики. СПб., 2013. Вып. 8. С. 66—67). Его работа была опубликована лишь в 1981 году (см.: *Петров В. П.* Заговоры / Публ. А. Н. Мартыновой // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 77—142).

49

Четырнадцатого успешно защитила диссертацию очень чувствовала ваше отсутствие дорогой подробности пишу обнимаю вас всех Астахова.

Телеграмма.

50

Вызовы оформляются выясняю возможности ускорения Астахова.

Телеграмма. Дата получения рукой Азадовского: 17 XII (19)44 г(ода).

51

22 XII (19)44 г(ода)

Дорогие Марк Константинович и Лидия Владимировна!

Итак, совершилось. Диссертацию защитила и, как говорят, все было хорошо. Как будто не посрамила Отдел и фольклористов. Но об этом после, сперва о делах, касающихся вас, моих дорогих.

13-го XII к защите приезжал Пав(ел) Иван(ович).¹ Я, конечно, сейчас же осведомилась о вопросе с Узким.² Он сказал: «Это ведь долго обычно проходит». Из этого я поняла, что в Москве никто не торопит, не форсирует этого дела. Что касается Плоткина, то он беспрестанно катается в Москву, но занят лишь своими всякими делами; Вы, М(арк) К(онстантинович), знаете ведь, какой он, по существу равнодушный и эгоистичный. Была ли Верочка Крупянская у Лебед(ева)-Пол(янского), что вышло из разговора, если была, — не знаю. Сейчас же положение такое: ЛГУ подает снова списки на вызовы. Вы — в первом списке, так сказали Ире — она справлялась. Вызовы на январь, будут переданы по телеграфу, и необходимо ими воспользо-

ваться до февраля, потому что далее, очевидно, опять будет закрыт въезд. Следовательно, если вы решили ехать, надо спешно собираться. Относительно проверки фамилии и вызова через Москву, я Ире говорила, она должна была все это сделать. Но насчет определения маршрута уже в вызове я, по правде сказать, сомневаюсь. Я спрашивала об этом ряд людей. Все говорят, что об этом надо просить в местном бюро пропусков при оформлении пропуска. Так, между прочим, сделал Калаушин. Наконец, это уж я так, думаю, Вы, М(арк) К(онстантинович), можете одновременно взять из Ирк(утского) г(осударственного) у(ниверситета) или из другого места командировку в Москву. Неужели Вам в этом отношении не помогут? Убеждена, что все это возможно, и вам страшиться пути не следует. А ехать надо. И самый вопрос о санатории может быть решен проще и скорей, когда Вы сами будете здесь. Вам, может быть, кажется, что я слишком вяло хлопочу о вас и мало делаю. Но нужно сказать, что я порой боюсь слишком много нажимать перед Леб(едевым)-Пол(янским) и Плоткиным. Я чувствую и знаю, что еще с Казани утвердилось представление, что в моем отношении к Вам, М(арк) К(онстантинович), есть «пристрастие», «увлечение», и я боюсь напорщить, выступая за Вас и Ваши интересы. Пишите, дорогой, Скрипилю, если что надо от нашей дирекции. Он, по-прежнему, ученый секретарь. К Вам относится хорошо. Вообще человек, благожелательно настроенный к людям. Его все-таки слушают больше, чем меня.

На днях Ира опять была у вас в квартире, забивали там фанерой разбитые стекла; об этом, очевидно, Ира Вам писала. Она мне говорила, что в комнатах абсолютно сухо. Обогреть довольно быстро комнаты, я думаю, не так трудно будет. Дрова найти можно. Еще недавно совсем сестра купила себе и мне целую грузовую машину (4 кубометров) за 1300 р(ублей). Вязанки дров на рынке подешевели. Я как-то купила за 50 р(ублей) — хватило на 3 печи. Я убеждена, что как все ни кажется издали трудным, сложным и тяжелым, на месте решается легче. А сейчас я чувствую у вас обоих такое душевное угнетение, что оно может разрядиться только здесь, когда вы почувствуете, что приехали домой, в свой угол, хоть и разоренный, но ведь все-же не до конца. А как мы все (т(о) е(сть) Ира, я, Ал(ександра) Ник(олаевна)³) Вас, М(арк) К(онстантинович), ждем. Как Вы нам всем нужны, а более всех мне! Я Вам уже писала о плане на 1945 г(од), о моих предположениях и наметках. В конечном счете в план на 1945 г(од) вошли: 1) завершение I тома «Русский фольклор». 2) работа над дополнительным разделом в сборнике «Фольклор Лен(инградской) обл(асти)» (дополн(ительный) разд(ел) — «Фольклор Вел(икой) Отеч(ественной) войны»). Первая работа — Ваша и моя. Очевидно, придется привлекать кого-либо в редакцию. В. Я. Проппа? В рабочем редактировании может быть полезна Ира. Очень буду ждать Ваших соображений. Очевидно, в январе, когда снова придет Леб(едев)-Пол(янский), вопрос о редакции будет поставлен. Если у Вас есть твердые решения по этому вопросу, телеграфируйте. В свой индивидуальный план я вставляла написание статьи о заговорах. Я подумала, что это лучший выход. Статья будет тогда наверняка, ну а я постараюсь ее сделать хорошо. Все остальные статьи для I тома есть. «Обрядово-календ(арную) поэзию» надо, по-моему, дать на редактуру Проппу. «Загадки» (если они войдут в том) Ире. Все остальное проработаем мы с Вами. Я, кажется, писала о предполагаемом составе: Два очерка Ник(олая) Петр(овича) — 1) О специфике фольклора и 2) Очерк истории фольклора. 3) Ист(ория) фольклористики. 4) Обр(ядово)-кал(ендарная) поэз(ия). 5) Заговоры. 6) Свяд(ебная) поэзия. 7) Причитания. 8) Загадки. Лен(инградский) сборник делает Поля и Кравчинская (надеюсь, что весной она придет и присоединится к нам хотя

бы и по договору). Алекс(андра) Ник(олаевна) Лозанова посажена мною на работу 1) библиографическую 2) организационно-оперативную по библиотеке и фольклорно-справочному кабинету. По исследоват(ельской) линии она поставила статью в 2 печ(атных) листа «Сказ Сталинской эпохи»⁴ — как начальная стадия ее работы над сказом. Ее можно будет также направить на соби́рание по ф(ольклору) Отеч(ественной) войны. Сейчас она инвентаризир(изует) библиотеку Ольденбурга и восстанавливает библиографич(ескую) работу. Защита Поли, очевидно, в январе, как только казанск(ая) группа переедет. Жду ее страшно, потому что она изнервничалась и психует. Всех и все обвиняет в своих невзгодах и, чаще, несправедливо. Мечется, и не знаешь, чего она, в конце концов, хочет. Вы, М(арк) К(онстантинович), хорошо знаете ее истерическую натуру, ее склонность к преувеличениям и мнительность и поймете, как мне трудно. Легче будет, когда она будет возле. А там, в Казани, ее еще разжигает Лихачев, подозрительный, мнительный и панический характер которого я узнала как следует только в Казани.

Получили ли Вы, М(арк) К(онстантинович), мое большое письмо, где я писала Вам о всех своих соображениях по работе на 1945 г(од)?

Письма Ваши к Павлу Ив(ановичу) и Вол(гину) и ответ Волгина,⁵ конечно, сохраняю. Копии не пересылала, т(а)к к(а)к, по письмам Лид(ии) Вл(адимировны), видно было, что Вы ждете их в Узкое. Сейчас же, думаю, все эти вопросы будете ставить по приезду. Вопрос о Фонограммархиве закрыт. В ближайшие дни думаю перевозить в И(нститу)т ящики с рукописными материалами. Очень порадовалась сборничку «Фронтowej фольклор»,⁶ хотя внешний вид меня разочаровал, но все же хорошо, что хоть так он издан. Ваше предисловие очень хорошее. У меня снова завязались прочные сношения и связи с Н(аучно)-и(сследовательским) и(нститу)том культуры и и(скусст)ва Кар(ело)-Финск(ой) ССР. Правда, и там и там царствует сейчас Базанов⁷ с его склонностью к халтурке. Но его все же можно поворачивать на надлежащий путь. Во мне он сейчас нуждается, а к Вам он чувствует очень большой пиетет.

Расскажу теперь о защите. Это «событие» произошло 14-го. Всю неделю перед этим чувствовала настоящее отвращение к предстоящей процедуре, именно не волнение, а отвращение. Бор(ис) Мих(айлович)⁸ говорил: «Смотрите на это, как на *обряд* научной жизни». Но обряд все же противный. Мое вступит(ельное) слово всем очень понравилось. Оппонентами были — Варв(ара) Павл(овна),⁹ Богатырев (не приехал, отзыв читался) и Пропп. У последнего был самый обстоятельный и содержательный отзыв.¹⁰ Его выступление очень нашим понравилось, так что его «дебют» в Академии был удачен. По-моему, он говорил и глупости, но преподносил их интересно, в принципиальной заостренности. Выделили *крупное открытие* и меня сравнили с *Колумбом* как раз в той области, где я *ничего не открывала*. Все отзывы были очень в благожелательном тоне, а Варв(ара) Павл(овна), придираясь в частностях и со своей колокольни, была обстоятельно мягка. Богатырев не сказал в основе ничего существенного; я думала, что его отзыв будет интереснее. Говорят, я возражала неплохо. Но еще в начале моей заключительной речи прислали из Президиума: «Закругляйтесь», и это меня обозлило. Еще до «закругления» начали голосовать. Все 12 апостолов (сейчас в Л(енинград)е 12 членов учен(ого) совета, и если бы хоть один не пришел, защита сорвалась бы) были налицо и голосовали «За». Ал(ександр) Серг(еевич) Орлов¹¹ говорил мне потом, что я держалась «благородно», а аспиранты заявили, что было очень интересно, гораздо интереснее, чем на защите Скрипиля (30 XI). Ну, а для меня главное, что прошло, и что я не по-

срамила ни себя, ни всех нас, и что все почувствовали, что фольклор вовсе не игрушки и «так себе» — белиберда, как склонны думать наши главки. В этом отношении «принципиальность» Проппа была очень кстати. Теперь я могу вплотную заняться диссертацией Поли, постараться сделать и ее удачной. Но пока еще не определили оппонентов. Ведь пока я не прошла через КВШ,¹² я официально — еще не доктор.

Ну вот, кажется, обо всем написала. Горячо обнимаю всех троих, надеюсь на скорую встречу.

Ваша А. Астах(ова)

¹ П. И. Лебедев-Полянский.

² Узкое — санаторий Академии наук в юго-западной части Москвы. Азадовский отдыхал там, судя по его письмам к жене, несколько раз. Ближайшее по времени пребывание в Узком — 1945 год.

³ А. Н. Лозанова.

⁴ В военные и послевоенные годы Лозанова не публиковала статей на эту тему. Однако до Великой Отечественной войны у нее были статьи о современном советском фольклоре, например: Ленин в устном творчестве народов СССР // Литературная учеба. 1936. № 1. С. 1—25; Отражение Октябрьской революции в устно-поэтическом творчестве // Нижнее Поволжье. 1927. № 10. С. 227—237, и др.

⁵ Волгин Вячеслав Петрович (1879—1962) — советский историк, общественный деятель. Академик АН СССР (1930), вице-президент АН СССР.

⁶ Фронтовой фольклор. Записи, вступ. статья и комм. В. Ю. Крупянской; под ред. и с предисловием М. К. Азадовского. М., 1944. «В 1944 году выходит и первый печатный, значительный по количеству представленного в нем материала, сборник „Фронтовой фольклор“, составленный В. Ю. Крупянской, под ред. М. К. Азадовского» (Астахова А. М. Вопросы изучения русского фольклора в годы 1917—1944. С. 47—48).

⁷ Базанов Василий Григорьевич. См. о нем: Письма 1942 года, прим. 12 к п. 4.

⁸ Б. М. Эйхенбаум.

⁹ В. П. Адрианова-Перетц.

¹⁰ См.: Пропп В. Я. Отзыв о трудах А. М. Астаховой. 14 дек. 1944 года // ИРЛИ. Ф. 724. Оп. 1. № 401. Л. 1—4. Вместе с другими материалами о защите Астаховой подготовлен к печати Т. Г. Ивановой. См.: Документы по защите докторской диссертации А. М. Астаховой / Публ. Т. Г. Ивановой // Русский фольклор. Материалы и исследования (в печати).

¹¹ Орлов Александр Сергеевич (1871—1947) — литературовед, исследователь древнерусской литературы. Академик АН СССР (1931). Возглавлял Сектор древнерусской литературы в Пушкинском Доме.

¹² Аналог ВАК — Высшей аттестационной комиссии.

52

7 I (19)45 г(ода)

С нов(ым) годом, дорогие! Надеюсь, что когда придет эта открытка, вы уже будете сидеть на чемоданах. Мое письмо, оказывается, вас несколько дезориентировало. Дело в том, что по первому варианту должны были вызываться все сотрудники ИЛИ¹ и Вы, М(арк)К(онстантинович), в том числе. Я лично говорила об этом с Федосеевым. Потом все изменилось — пошла речь только о казанцах. О Вас надо было И(нститу)ту хлопотать особо. И(нститу)т готов был это делать (я говорила с Леб(едевым)-Пол(янским), когда он приезжал на мою защиту), но надо было от Вас подтверждение, что Вы готовы ехать. В это время начал дело с вызовами ЛГУ. Вы были включены в первый же список. Тогда я, понятно, уже и не возобновляла разговор о Вас с нашей дирекцией. Как бы то ни было, но я горячо надеюсь, что теперь уж не за горами наша встреча в Л(енингра)де. Как мы с Ирой ждем Вас, наш дорогой шефик! Уж мы с Саней² сегодня говорили о том, как вспрыснем нашу встречу. Пока же горячо обнимаю и целую всех вас. Ваша А. Астах(ова)

Почтовая открытка. Дата получения письма рукой Азадовского: 26-I-(19)45 (года).

¹ Институт литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

² Имеется в виду А. Н. Лозанова.

53

Глубокоуважаемая Анна Михайловна,

В ближайшие дни должен выясниться вопрос о моем возвращении в Институт в качестве научного сотрудника.¹ Николай Федорович Бельчиков² сообщил мне, что у него еще нет официальных сведений по этому поводу и ему неизвестно, когда они будут. Между тем, у меня имеется путевка в Дом Отдыха (действие которой уже началось с 1-го июля), и Н(иколай) Ф(едорович) посоветовал мне, не дожидаясь окончательного выяснения вопроса, которое еще может затянуться, воспользоваться этой возможностью отдыха, который мне, после перенесенных волнений и явившейся их следствием тяжелой болезни, абсолютно необходим.

Соответственно его совету, я решил поехать, но, может случиться, что мое присутствие здесь может оказаться необходимым в самом скором времени, — в таком случае я, по получении соответственного извещения немедленно выеду. Конечно, для меня было бы самым идеальным решением в данной ситуации: получение возможности завершить до конца свой отдых, хотя бы в виде предоставления мне (в случае возвращения в Ин(ститу)т) отпуска без сохранения содержания до конца месяца.

Не откажите в любезности уведомить меня, в каком положении находится данный вопрос. Мой адрес: Дз и н т а р и Л а т в (и й с к а я) С С Р . Дом отдыха Союза советских писателей.

С искренним уважением и приветом

5 июля 1949 г(ода)

¹ В мае 1949 года в ходе кампании против «космополитов» Азадовский был уволен в том числе из Пушкинского Дома.

² Бельчиков Николай Федорович (1890—1979) — литературовед. Чл.-кор. АН СССР (с 1953). В 1946—1948 годах — ученый секретарь Отделения литературы и языка АН СССР, в 1949—1955 годах — директор ИРЛИ.

54

3—V—(19)54 г(ода)

Дорогой Марк Константинович!

Очень, очень хочется повидать Вас, да все как-то не складывается. Сейчас и я нездорова, вообще весь год поскрипываю. Пишу же Вам вот по какому поводу. Ира мне только что по телефону сказала о Вашей претензии ко мне относительно сноски на стр(анице) 113, которая, по связи ее с основным текстом, указывает на какие-то «вульгарно-социологические и космополитические» ошибки в Вашей статье о Белинском.¹ Я сразу же сказала Ире, что нет же такой сноски, не могла же я говорить о том, чего нет. Бросилась к «Очеркам»² — и оказалось, что, действительно, такая сноска с таким именно смыслом есть. Ведь, это же, по сути дела, совершенно невежественная сноска, ибо никаким космополитизмом Ваша статья о Белинском не грешит. Там ошибки другого рода. В чем же дело? К счастью, у меня сохранилась рукопись статьи. В ней отсутствует в основном тексте квалификация ошибок. Сказано только: «Некоторые работы содержат серьезные методоло-

гические ошибки» — и к этому дана сноска. Слов «вульгарно-социологические и космополитические утверждения» в моем тексте не было, они, очевидно, внесены редактором. Были ли они в той корректуре, которую мне дали быстро просмотреть, не знаю. Если уже были, то моя оплошность, что я не заметила нелепости. Статья вообще подверглась, как и все статьи «Введения», большой правке. В моей был снят ряд сносок, в частности, такая: «Видное место в ряду изучающих передовую русскую фольклористику принадлежит Н. К. Пиксанову, который первый поставил проблему „Горький и народное творчество” (см. его книгу «Горький и фольклор», 2-е изд. ГИХЛ, 1938 и др. работы), и М. К. Азадовскому, начавшему последовательную разработку взглядов на народное творчество декабристов и революционных демократов (см. его статьи о декабристской фольклористике, Радищеве, Белинском, Герцене и Огареве, Чернышевском, Добролюбове)». Значительной правке подвергся и основной текст.

Мне очень стыдно, что я не доглядела указанного изменения на стр(анице) 113, отчего и получилась грубая ошибка в сноске. Одно могу сказать: эта ошибка порочит не Вас — все же знают Вашу статью о Белинском, а меня, давшую невежественную сноску.

Очень рада была узнать, что Котя перенес скарлатину легко и сейчас уже совсем здоров. Желаю скорейшего выздоровления и Вам. Может быть, когда Вам станет лучше, Вы разрешите мне навестить Вас до отъезда на дачу?

Большой привет Вам и Лидии Владимировне.

А. Астахова.

¹ Статья о Белинском упоминается в отзыве ученого секретаря Пушкинского Дома Д. С. Бабкина о научной деятельности Азадовского: «Попытки последних лет выйти из порочного круга буржуазно-космополитических взглядов отразились в тематике статей „О декабристской фольклористике и о Белинском”, но по существу и эти статьи несут на себе следы старого мировоззрения» (Два отзыва о научной деятельности М. К. Азадовского. С. 98). Имеется в виду статья: *Азадовский М. К.* Белинский и русская народная поэзия // Лит. наследство. 1948. Т. 55. Кн. 1. С. 117—150. Подробнее о рецензиях на статью Азадовского см.: Два отзыва о научной деятельности М. К. Азадовского. С. 100.

² «В изучении передовой дореволюционной науки о народном творчестве остается еще много сделать. Огромный пласт только приподнят. Некоторые работы содержат серьезные методологические ошибки — вульгарно-социологические и космополитические утверждения». Сноска к последнему предложению следующая: «Ими в особенности отмечены работы М. К. Азадовского о Пушкине и о Белинском, на что уже не раз указывалось в критической литературе» (Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. 1. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X — начала XVIII веков. С. 113). Раздел 3 Введения был написан Астаховой в соавторстве с И. П. Дмитраковым.

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

© С. А. Давыдова

О ЧТЕНИИ ПРОЛОГА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Древнейший славяно-русский Пролог — переведенный с греческого языка на церковнославянский константинопольский Синаксарь, в котором под определенной датой были размещены сведения о вселенских святых, канонизированных Великой церковью, с текстами кратких житий некоторых из них, сказания на двенадцатые праздники; встречаются также заметки о различных событиях константинопольской церковной жизни.¹ Празднование памяти святых — один из главных обычаев Православной церкви. Оно сопровождалось не только службой им, но и чтением житий, собранных в Синаксаре. Именно этим объясняется появление на Руси среди богослужебных книг сборника житий святых.

Прологом Синаксарь был назван по ошибке, когда пролог к Синаксарию был принят славянскими переводчиками за его название, поскольку рукопись переводимого Синаксаря не имела заголовка.² Согласно наиболее взвешенной и продуманной гипотезе о происхождении Пролога М. Н. Сперанского, перевод сборника был осуществлен в одном из книжных центров Афона или Константинополя, по-видимому, в начале XII века совместно русскими и болгарскими переводчиками.³ Об этом свидетельствует прежде всего название Синаксаря Прологом в русских и болгарских рукописях. Кроме того, в нормативной церковнославянской лексике древнейших русских и южнославянских списков Пролога встречаются русизмы, а в южнославянских списках — память русских святых.⁴

Библиография исследований о Прологе — одна из самых обширных в средневековом искусстве.⁵ Однако, несмотря на большое количество историко-литературных, лингвистических, источниковедческих или палеографических работ XIX—XXI веков, остаются до сих пор неясными вопросы практического использования сборника. Особенно это касается Пролога древнерусского. Во-первых, известно, что русскими книжниками к памятям святых дня были добавлены чтения, казалось бы не свя-

¹ См. об этом: Давыдова С. А. Сведения о церковной жизни Константинополя в древнерусском Прологе // Древняя Русь. 2003. № 3 (13). С. 72—78.

² Сергей архим. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 1: Восточная агиология. С. 5—6.

³ Сперанский М. Н. Русские памятники письменности на юге славянства // Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 40—41.

⁴ Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. М., 1842. С. 447—454; Сырку П. А. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1: Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского. С. 459—460.

⁵ Основную литературу об изучении Пролога см.: Фет Е. А. Пролог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1: XI — первая пол. XIV вв. С. 380—381; Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII—первой трети XV веков. М., 2009. С. 258—266. О Прологе см. также: Чистякова М. В. Текстология вильнюсских рукописных Прологов: сентябрь—ноябрь. Вильнюс, 2008; Прокопенко Л. В. Древний славянский рукописный Пролог: история создания, редакции, бытование в XII—XIV вв. (сентябрьское полугодие). Saarbrücken, 2011; Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь—февраль. М., 2011. Т. 2.

занные с жизнеописаниями святых. Это рассказы патериков, слова и поучения отцов Церкви, фрагменты житий-биографий Андрея Юродивого, Иоанна Златоуста и др. В науке они получили название «нравоучительных», или «учительных». Почему в древнерусский Пролог были выписаны эти чтения, которых нет в константинопольском Синаксаре и южнославянском Прологе? С другой стороны, не ясно, в какой момент богослужебного последования читались проложные произведения на Руси. Произносились ли нравоучительные чтения вместе с житиями и мучениями во время службы святым? Такие вопросы специально не рассматривались, хотя давно требуют своего разрешения.

Ответ на первый вопрос необходимо искать в действовавшем на Руси церковном уставе, определявшем порядок богослужения.

На Руси до XV века церковная жизнь регламентировалась уставом редакции константинопольского патриарха Алексия, составленным им во второй четверти XI века и воспроизводящим последование и традиции Студийского устава (обычно его кратко называют Студийский устав).⁶ В месяцесловной его части изложен точный порядок служб святым или праздникам, главным образом двенадцатым, совершаемых в тот или иной день года. В составе утрени имеются указания о том, какие полагаются чтения в честь святого, помимо его жития: похвальные слова святому, собственные произведения святого, если имелись, другие произведения о святом.⁷ Например:

27 декабря. Память св. первомученика Стефана: *чѣтеть ся похвала Нусьскаго святому Стефану.*

27 января. Пренесение мощей св. Иоанна Златоуста: *чѣтеть ся слово на прѣнесение святаго.*

5 июля. Память св. Евстафия: *чѣтеть ся на утрѣни похвала Златоустѣца того святаго.*⁸

К моменту появления Пролога книг с произведениями, указанными в уставе, на Руси не было. Подобные сочинения появятся лишь к концу XIV века в составе минейного Торжественника, который с исчерпывающей полнотой был исследован Т. В. Черторицкой.⁹ К тому же столь краткие указания устава были понятны константинопольскому духовенству, но не русскому. Возникает закономерный вопрос: каким образом поступили древнерусские книжники, чтобы выполнить предписания устава?

Единственное предположение, которое напрашивается в данном случае, это то, что Пролог, памятник Устава Великой церкви, не имеющий, кроме житий, других чтений, был приспособлен к требованиям Студийского устава. Поэтому древнерусские книжники, не располагая комплексом требуемых уставом произведений, составили собственные «уставные» чтения. А источником этих чтений были имеющиеся в их распоряжении книги. Так, если сопоставить приведенные выше примеры об уставных чтениях святым, получим следующее: в Прологе под 27 декабря вместо уставной похвалы мученику Стефану Григория Нисского было помещено патериковое чтение; вместо Слова на пренесение мощей Иоанна Златоуста Космы Веститора, помещенного в уставе под 27 января, древнерусским книжни-

⁶ Подробнее об этом уставе см.: *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. М., 2001.

⁷ Состав чтений Студийского устава и их атрибуцию см.: *Виноградов В. П.* Уставные чтения (проповедь книги): историко-гомилетическое исследование. Сергиев Посад, 1914. Вып. 1: Уставная регламентация чтений в Греческой церкви. С. 51—60.

⁸ Здесь и далее приводятся сведения из критического издания Студийского устава в кн.: *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита... С. 312, 325, 352. Все цитируемые в этой работе тексты приводятся нами в упрощенной орфографии.

⁹ *Черторицкая Т. В.* Торжественник и Златоуст в русской письменности XIV—XVII вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Ч. 2. С. 329—347.

ком в Пролог был выписан фрагмент из Жития знаменитого проповедника — «о исцелевшем мужи у гроба св. Иоана Златоустаго» и т. д. Так, думается, можно объяснить появление нравоучительных чтений в Прологе.

Все чтения Пролога должны были произноситься во время богослужения. Чтению жития или мучения святого и слова (поучения) Студийским уставом отводилось два момента утренней службы: 1) после 3-й песни канона; 2) после чтения 1-й и 2-й кафизм Псалтыри и песнопения седальна.¹⁰ Например:

21 октября. Память преп. Илариона: *по пѣсни дѣвою кафизм — сѣдаленъ в Октаицѣ, и чѣть ся житие преподобнаго...*

17 ноября. Память св. евангелиста Матфея и св. муч. Варлама: *поета ся дѣвъ кафизмы, и по первгы кафизмѣ чѣтеть ся въспоминание о апостолѣ, а по вторгы кафизмѣ и по 3 пѣсни чѣть ся святаго мученика Варлама Похвала Златоустѣца...*

20 декабря. Предпразднество Рождества Христова и память свщмуч. Игнатия Богоносца: *поета ся дѣвъ кафизмы и чѣть ся Слово Златоустѣца Филогония въ дѣвъ чѣтении, а по 3 и 6 пѣсни — мучение святаго Игнатия...*¹¹

Службы святым совершались по Минее (служебной), в которой они, составленные в соответствии с предписаниями устава, были собраны. Интересно посмотреть, как отразились указанные уставом моменты для житийных и иных чтений в составе служб Минеи.¹² Прояснение этого вопроса способствовало бы ответам на другие поставленные нами вопросы, так как Пролог являлся «приложением» к Минее, и жития или мучения святых читались по этой книге во время совершения службы.

Если обратиться к составу службы Минеи студийского типа, можно увидеть, что в дошедших до нас ее списках она имеет такой вид. В будничные дни утреня начиналась с песнопения седальна. Два седальна имелись обычно в случаях: 1) вместе с каким-либо святым отмечалась еще память группы святых, как правило мучеников; 2) вместе с памятью святого отмечалось воспоминание какого-либо из праздников или его предпразднество. После седальна пелись кондак и икос (если имелись), стихиры, песни канона (1-я, 3—9-я) на подобны. Такой строй служб зафиксирован в списках XII—XIII веков (РНБ. Соф. собр. 188, 203, 204, 206), также XIV века (БАН. 16.14.10, 16.14.13, 34.7.5 (1398 г.)).

О месте проложных чтений в древнейшем богослужении можно рассуждать лишь гипотетически. Чтение житий святых из Пролога или, если выпадал праздник, обычно двенадцатый, еще и сказание в его воспоминание (также из Пролога) при таком составе минейной службы должно было следовать сразу после пения седальна, поскольку именно седален предваряет собой какое-либо назидательное чтение. Но по Студийскому уставу чтение должно быть еще после 3-й песни канона, иногда и после 6-й, если произведение ранее не было прочитано до конца. Следовательно, проложные слова и поучения могли произноситься отдельно от житий, т. е. в тот или иной из указанных уставом моментов богослужебного последования. Насколько соблюдалась уставные указания, утверждать, однако, трудно.

¹⁰ Ср.: «Пение каждой кафизмы и 3 и 6 песен канона соединяется с чтением» (*Виноградов В. П. Уставные чтения...* С. 68).

¹¹ *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита... С. 290, 296, 305.

¹² Минея служебная недостаточно изучена. До сих пор мы имеем лишь результаты обзора отдельных ее списков, сделанного в XIX веке. См.: *Служебные Минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь.* В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 г. / И. В. Ягич. СПб., 1886; *Сергий архим.* Полный месяцеслов Востока... С. 195—218. Выяснение вопросов состава и бытования Минеи на Руси не является нашей задачей в этой работе. В своих заключениях мы лишь опираемся на имеющийся материал. Принадлежность списков Минеи к Студийскому или более позднему Иерусалимскому уставам определялась нами на основе исследования их месяцесловов архим. Сергием (*Сергий архим.* Полный месяцеслов Востока... С. 471—493).

С введением в начале XV века на Руси нового Иерусалимского устава (устава лавры Саввы Освященного)¹³ место чтений о святых в богослужении по сравнению с уставом Студийским, судя по его тексту, не изменилось. То есть после кафизм и седальна, после 3-й и 6-й песен канона читаются жития и мучения, слова и поучения. Правда, теперь устав предписывает читать жития и мучения святых редакции Метафраста Логофета, с делением на части, т. е. в несколько приемов. Например:

1 сентября. Память преп. Симеона Столпника, Пресв. Богородицы в Миасинах, св. 40 жен и Аммона: *на утрѣни обычны кафизмы, съдаленъ индикту и Богородиць. Читется житие преподобнаго на 3 части...*

10 сентября. Память преп. Феодоры: *тропарь святой, глас 8-й; кондак, глас 1-й, подобен. Чтение от жития преподобнои на три части.*

25 января. Память Григория Богослова: *на утрѣни обычны кафизмы, чтение соборное Слово Богослова, емуже начало: Тако вамъ наша, о друзи; и канонъ въ Октоицѣхъ и святому на 6-й, по 3-й пѣсни — съдаленъ святаго, а по 6-й — кондакъ, гласъ 3...*¹⁴

Списки служебной Минеи иерусалимского типа, по сравнению с древнейшими студийскими, имеют другой вид. Состав службы в них усложнен прежде всего внесением различных песнопений. К тому же во время утрени теперь песнопение седальна произносится после 3-й песни канона, а кондак и икос — после 6-й. Каждая песня канона сопровождается богородичными, иногда крестобогородичными. Два канона и два седальна поются, как и в Студийском уставе, лишь в случае, когда в один и тот же день отмечается память двух святых или святого и праздника.¹⁵

На решение вопроса о том, как читался Пролог на Руси во время господства Иерусалимского устава, проливает свет одна древнерусская рукопись служебной Минеи на февраль с проложными чтениями. Это список конца XVI—начала XVII века из собрания Погодина (далее — Погод.), № 622.¹⁶ В нем в состав службы после 6-й песни канона, кондака и икоса помещены тексты из Пролога II редакции. Причем даже если в Минее указано празднование памяти только одного святого и излагается его служба, в нее выписаны вместе с заголовками все памяти святых дня из Пролога, с текстами житий или без них. Следом за памятными святыми переписаны и нравоучительные чтения. Их могло быть два, как в Прологе II редакции,¹⁷ если они были небольшого объема, и одно, если поучение было пространное. Например, 2 февраля в Минее имеется лишь служба Сретению (л. 11 об.—17 об.), но после 6-й песни канона, кондака и икоса вставлены такие чтения дня из Пролога:

Месяца того же въ 2 день. Срѣтение Господа нашего Исуса Христа (нач.: Да утверить плотское...); Въ тойже день Страсть святыя мученицы Перепетуи и иже съ нею... (нач.: Святая Перепетуя бысть изъ страны Афракиа...); Въ тойже день Слово святаго Григория, папы Римскаго (нач.: Хощу вамъ притчу малу ска-

¹³ О Иерусалимском уставе на Руси см.: Мансветов И. Д. Церковный устав (Типик), его образование и судьба в Греческой и Русской церкви. М., 1885. С. 269—294; Пентковаский А. М. К истории литургических преобразований в Русской церкви в третьей четверти XIV столетия // Символ. 1993. № 29. С. 220—224.

¹⁴ Здесь даны примеры из списка Иерусалимского устава собр. Троице-Сергиевой лавры, № 239, XV в. (<http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=239&pagefile=239-0004> (дата обращения: 26.05.2014)).

¹⁵ Такой состав служб, например, представлен в списках Минеи иерусалимского типа собраний РНБ: Софийского (№ 190, 191, 196, 200, 207 XV века, № 321 первой половины XVI века), Соловецкого (№ 519/538 и 530/549 XVI века), Погодина (№ 494 середины XV века), а также БАН: 16.14.15, 1443 года; Архангельское собр. № 1194 второй половины XIV века.

¹⁶ О рукописи см.: Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог. СПб., 1992. Вып. 2. С. 232—233.

¹⁷ Сопоставление проводилось с рукописью Пролога II редакции Погод. 626 первой половины XVI века. О рукописи см.: Там же. С. 236—237.

зати...); *Во тойже день Поучение на Срѣтение Господне (нач.: Днесь, братие, законодавецъ законъ...).*

Таким образом, список Погод. 622 демонстрирует нам процедуру чтения Пролога на Руси, сложившуюся, по-видимому, еще в древности и воспроизведенную составителем данного списка Минеи: произносились все имеющиеся тексты о святых дня — и краткие сведения, и жития; следом за ними прочитывались нравоучительные слова и поучения, однако, судя по рукописи Погод. 622, не все из них, а выборочно, в зависимости от объема.¹⁸ Такое ограничение объясняется, по-видимому временем службы, на которой необходимо было произнести и другие тексты.¹⁹ Здесь важно подчеркнуть, что проложные нравоучительные чтения, как и житийные, всегда считались уставными.²⁰

Однако список Погод. 622 — скорее исключение, а не правило, поскольку его состав не характерен для древнерусской рукописной традиции: на Руси Минея и Пролог «тиражировались» отдельно. Помещать проложные чтения непосредственно в состав Минеи после 6-й песни канона, кондака и икоса — эта особенность является принадлежностью южнославянской рукописной традиции.²¹

Хождение списков славянской Минеи (болгарской или сербской) на Руси могло иметь место еще с конца XIII века.²² В их числе скорее всего были и списки с проложными чтениями. Однако не ясно, повлияла ли южнославянская Минея с проложными житиями в составе на древнерусскую и когда это произошло, или древнерусские книжники руководствовались какими-то уставными предписаниями. Так, по наблюдениям В. П. Виноградова, в некоторых списках Иерусалимского устава имеются указания о чтении на богослужении Синаксаря (в поздних славянских списках — Пролога).²³ Обычай же читать после 6-й песни канона Синаксарь—Пролог появился на Руси, по его словам, в позднейшее время.²⁴

Во всяком случае, ясно, что чтение произведений Пролога в Древней Руси в периоды существования Студийского или Иерусалимского уставов было различным. В древнейший период чтение Пролога во время утренней службы происходило скорее всего сразу после пения седальна. Согласно показаниям службы списков иерусалимской Минеи, место чтений Пролога могло быть после 3-й песни канона и седальна, но утвердилось после 6-й песни канона, кондака и икоса. Все произведения древнерусского Пролога, расписанные в нем для чтения дня, произносились в определенный богослужебный момент последовательно, одно за другим.

¹⁸ Речь идет о словах и поучениях, выписанных из Пролога II пространной редакции, но надо полагать, если у чтеца был Пролог I краткой редакции, во время службы произносилось имеющееся в нем, как правило, одно нравоучительное произведение.

¹⁹ По сведениям Н. К. Никольского, в домакарьевскую эпоху во время утрени произносилось 15—20 чтений (*Никольский Н. К. Исторические особенности постановки церковно-учительного дела на Руси (XV—XVII вв.)* и их значение для современной гомилетики. СПб., 1901. С. 12).

²⁰ «Уставная живая проповедь» — так определял нравоучительные чтения А. И. Пономарев. См.: *Памятники древнерусской церковно-учительной литературы / Под ред. А. И. Пономарева. СПб., 1896. Вып. 2. Славяно-русский Пролог. Ч. 1: сентябрь—декабрь. С. XLVI.*

²¹ Архим. Сергей впервые обратил внимание на тот факт, что в некоторых из сербских списков Минеи в составе служб после 6-й песни канона помещены проложные жития (*Сергий архим. Полный месяцеслов Востока... С. 216—217*). Анализ болгарских и сербских списков служебной и праздничной Минеи такого состава см.: *Турилов А. А. Забытые и малоизвестные факты из истории древнейшего перевода Пролога у южных славян (к проблеме «первого восточнославянского влияния») // Славяноведение. 2012. № 2. С. 10—19.*

²² Вопрос об этом ставился в науке. См.: *Мошкова Л. В. К вопросу о составе Переславских Минеи первой четверти XV в. (сентябрь—октябрь) // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2006. № 1 (23). С. 69.*

²³ *Виноградов В. П. Уставные чтения... С. 142.*

²⁴ Там же. С. 143.

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ДРЕВНЕРУССКОМ «СКАЗАНИИ ВКРАТЦЕ О МОЛДАВСКИХ ГОСПОДАРЯХ»

В тринадцатой заключительной главе своеобразного введения к Воскресенской летописи помещен текст так называемой Славяно-Молдавской летописи 1359—1504 годов, большую часть которой составляет «Сказание вкратце о молдавских господарехъ отколе начаса Молдовскаа земля в лето 6867».¹ Текст памятника ныне известен по одиннадцати спискам XVI—XVIII веков, семь из которых — списки Воскресенской летописи, еще три списка — в сборниках смешанного содержания и один — в Патриаршем списке Никоновской летописи.²

Памятник содержит рассказ о пришедших из Венеции двух братьях Романе и Влахате — прародителях молдавского народа. Спасаясь от гонений еретиков, братья пришли в место, называемое Старый Рим, и основали здесь город Роман. Род их сохранил верность древнему православию после того, как папа Формос принял латинство, а его последователи основали Новый Рим. Между потомками Романа — «Романовцами» — и латинянами началась «великая брань», продолжавшаяся до времени правления венгерского короля Владислава, племянника Саввы Сербского, тайно в своем сердце хранившего верность православию, хотя внешне соблюдавшего «латинский закон».

В правление Владислава на Венгрию напали татары. Из своих кочевий на реках Прут и Молдава через горы татары под предводительством князя Неймета прошли венгерскую землю Эрдель (Трансильвания) и встали на реке Мореш.³ Венгерский король позвал на помощь римлян — новых (т. е. латинян), обратившись к кесарю и папе, и старых (т. е. православных «романовцев»). Новые римляне прислали Владиславу тайную грамоту, предлагая поставить православных старых римлян в первые ряды войска, чтобы все они погибли в битве с татарами, а тех, кто уцелеет, задержать у себя в Венгрии, пока новые римляне не захватят их город и не обратят в латинство оставшихся там без защиты женщин и детей.

Вскоре на реке Тисе произошла «битва великая» короля Владислава с татарами князя Неймета. Старые римляне первыми пошли на татар и вместе с венграми одержали полную победу над ними. «Жалуха и милуха» старых римлян за их храбрость, Владислав позвал их к себе на службу и показал тайную грамоту новых римлян. Не поверив этой грамоте, старые римляне отпросились у короля проведать свой город, и, увидев, что Старый Рим разорен, а их жены и дети обращены в латинство, они стали просить Владислава дать им для проживания новые земли и сохранить их старую греческую веру. Король охотно выполнил просьбу и дал старым римлянам землю в Маромаруше,⁴ между реками Морешем и Тисой, называемую Крижи (вар. Крижетур). Здесь и поселились старые римляне, взяв в жены венгерских женщин и обратив их в православие.

Среди «романовцев» был мудрый и мужественный человек по имени Драгош. Однажды на охоте, преследуя тура, он перешел горы и нашел за ними прекрасную пустующую землю на краю татарских кочевий. Отпросившись у короля Владисла-

¹ Текст памятника по одиннадцати спискам опубликован: Славяно-Молдавские летописи XV—XVI вв. / Сост. Ф. А. Грекул; отв. ред. В. И. Буганов. М., 1976. С. 55—59. См. также: Cronicile slavo române din sec. XV—XVI publicate de Ion Bogdan / Ed. Revăzută și completată de P. P. Panaitescu. București, 1959. P. 158—160.

² Буганов В. И., Грекул Ф. А. Введение // Славяно-Молдавские летописи... С. 6—13.

³ Мореш (Марош, Муреш) — левый приток Тисы.

⁴ Маромаруш (Марамарош) — исторический комитат в северо-восточной части Венгерского королевства, ныне — территория Закарпатской области Украины и жудеца Марамуреш Румынии.

ва, Драгош вместе с дружиной, женами и детьми перешел Карпаты и поселился на новой земле по реке Молдаве. Соплеменники выбрали его своим господарем и воеводой. И так по Божией воле началась Молдавская земля.

Драгош правил два года, а затем четыре года воеводствовал его сын Сас, а после — сын Саса, Лацко — восемь лет, а затем правил воевода Богдан — шесть лет. Далее следует перечень имен других молдавских правителей с указанием числа лет правления. Летопись заканчивается кратким сообщением о смерти господаря Стефана III Великого в июле 7010 (вар. 7017; в действительности Стефан умер 2 июля 1504, т. е. 7012) года и переходе власти к его сыну Богдану.

Все известные ныне списки Славяно-Молдавской летописи 1359—1504 годов находятся в рукописных собраниях Санкт-Петербурга и Москвы. Наиболее ранние из них датируются второй половиной XVI века. Первые публикации памятника также были сделаны в России — в 1793 и 1856 годах.⁵

* * *

Со времени публикации известной работы Богдана Петричейку Хашдеу о Негру Водэ — легендарном правителе Валахии — стало очевидным, что «Сказание вкратце о молдавских господарях» ведет повествование о происхождении молдаван не с незапамятных античных времен, как считалось ранее, а от вполне реальных исторических событий, происходивших в XIII веке.

Легенда о переселении предков румын и молдаван из Венеции могла зародиться в Олтении (Малой Валахии) после того, как в первой половине XIII века здесь в Недейе, а затем в других местах на территории современных жудецев Долж и Горж поселились венецианцы. Обнаружив близкое сходство своей речи с разговорным языком венецианцев, олтяне убедились в своем родстве с ними. Это открытие и породило мнение о приходе румын из Венеции.⁶

Согласно Хашдеу, находит историческое объяснение и существование двух ветвей валахов — католической в Долже и православной в Романаце. В правление венгерского короля Владислава (Ласло) IV Куна (1272—1290) в Олтянском воеводстве (наиболее сильном румынском воеводстве королевства) известны католический воевода Михаил Летин из Недейи и православный воевода Дан из Романаца. С началом правления Михаила усилилась напряженность в отношениях между католиками и православными. Среди последних самыми ревностными были жители Романаца (историческая территория Романаца (Romanați) ныне входит в жудец Олт). «Новыми римлянами» Сказания историк считал «летинов» из Недейи (Новый Рим), а православных «старых римлян» идентифицировал с жителями Романаца, на территории которого располагался античный город Ромула (Старый Рим).⁷

Согласно новейшим данным, город Ромула (Romula Malva), основанный на месте дакийского поселения Мальва, во II—III веках н. э. был одним из двенадцати городов провинции Римская Дакия (после 158 года Ромула — столица диоцеза Южная (или Мальвийская) Дакия); в настоящее время — деревня Решка в районе Добрословень жудеца Олт.⁸

Выводы Хашдеу нашли некоторую поддержку в ходе дальнейших исследований.⁹ Вместе с тем, новейшие румынские историки ставят под сомнение существо-

⁵ Русская летопись с Воскресенского списка, подаренного в оной Воскресенский монастырь патриархом Никоном в 1658 году. СПб., 1793. Ч. 1. С. 53—58; Полное собрание русских летописей. СПб., 1856. Т. 7. С. 256—259.

⁶ Petriceicu-Hasdeu B. Negru-Vodă. Un secol și jumătate din începuturile statului Țării Românești, 1230—1380 // Etymologicum magnum Romaniae. București, 1898. Т. IV. P. CXXXIX—CXLII.

⁷ Ibid. P. CLXI—CXX.

⁸ См.: Tătulea C. M. Romula-Malva. București, 1994.

⁹ См.: Зеленчук В. С. Молдавские летописи как источник изучения ранней этнической истории молдаван // Историографические аспекты славяно-волошских связей / Отв. ред.

вание в Олтении XIII века сколько-нибудь значительных противоречий в отношениях православного и католического населения, ссылаясь на отсутствие надежных исторических данных на этот счет. Кроме того, прозвище воеводы Михаила «Летин» может указывать не только на конфессиональную, но и на этническую принадлежность: так могли называть выходца из Литвы. Впрочем, земли Малой Валахии (Олтении) в большей степени могли испытывать католическое влияние, чем расположенные на восток от нее земли Великой Валахии (Мунтении).¹⁰

Иная ситуация складывалась на территории комитата Марамарош — северо-восточной окраины Венгерского королевства, — которая долгое время оставалась малонаселенной. Так же, как и другие приграничные регионы, венгерские короли и знать различными способами пытались колонизировать необжитые районы Марамароша, в том числе путем привлечения иностранных поселенцев.

После монголо-татарского нашествия 1241—1242 годов, когда половина Венгерской равнины практически обезлюдела, эта тенденция колонизации распространилась по всей стране. Начиная со времени правления Владислава IV валахи стали селиться в Венгрии в большем количестве, в XIV веке их приток еще больше усилился. Валахи группами переселялись в Венгрию, привлекаемые налоговыми льготами и наличием свободных земель. Причем основной поток валахской колонизации происходил не с территории Олтении и Мунтении, а из так называемой Великой Влахии (ныне в Центральной Македонии), находившейся под церковной юрисдикцией православной Бранской епархии, поэтому выходцы оттуда в основном исповедовали православие. Первые валахские поселенцы должны были появиться в Марамароше в конце XIII века, а первые письменные свидетельства о колонизационной деятельности валахских князей могут быть датированы 1326 годом.¹¹

О том, что истоки легенды о происхождении молдаван следует искать в первой половине XIII века, могут свидетельствовать имена легендарных прародителей народа — Романа и Влахаты, — названные в Сказании.

В 1247 году посол римского папы Иннокентия IV в Монголию Джованни дель Плано Карпини, покидая пределы половецких степей на обратном пути в Западную Европу, повстречал двух князей, направлявшихся на восток: «При въезде из Комании мы нашли князя Романа, который въезжал в землю татар, и его товарищей и живущего поныне князя Алогу (Aloha) и его товарищей». Далее Карпини делает еще одно важное замечание: «С нами из Комании выехал также посол князя Черниговского и долго ехал с нами по России. И все это русские князья».¹²

Приведенное известие давно замечено исследователями, у которых в целом не вызывает сомнений, что имя *Aloha/Олоха* вероятнее всего могло быть производным от этнонима *волох/валах*, а отнесение Романа и Олохи к числу русских князей должно означать не столько этническую, сколько конфессиональную принадлежность — к православным христианам. Все это, несомненно, позволяет соотнести князей Романа и Олоху, упоминаемых Карпини в числе свидетелей его

Н. А. Мохов. Кишинев, 1973. С. 13. См. также: *Chihaiia P. De la «Negru Vodă» la Neagoe Basarab: interferențe literar-artistice în cultura românească a evului de mijloc*. București, 1976.

¹⁰ См.: *Ursache P. Eseuri etnologice*. București, 1986. P. 133—134; *Ciobanu St. Istoria literaturii române vechi*. Chișinău, 1992. P. 117; *Ungheanu M. Românii și «Tâlharii Romei»*. București, 2005. P. 372—379.

¹¹ *Vásáry I. Cumans and Tatars: Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185—1365*. Cambridge, 2005. P. 157. См. также: *Györffy Gy. Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza. K. IV: Liptó, Máramaros, Moson, Nagysziget, Nógrád, Nyitra, Pest és Pilis megye*. Budapest, 1998. S. 111—121.

¹² *Джованни дель Плано Карпини*. История Монгалов / Пер. А. И. Малеина // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрика / Сост., вступ. статья и комм. Н. А. Шастина. М., 1957. С. 82.

путешествия на Восток, с Романом и Влахатой — персонажами «Сказания вкратце о молдавских господарях».¹³

Можно привести еще одно упоминание о валашском правителе с именем, созвучным имени Роман, встречающееся в источниках первой половины XIII века. В одном из вариантов составленной около 1215—1220 годов пространной записи «Песни о Нибелунгах» упоминается некий валашский герцог Рамунг (Romunc): «Примчался в Тульн с дружиной из семисот бойцов / Валашский герцог Рамунг, храбрец из храбрецов».¹⁴

Исследователи в целом не сомневаются в исторической реальности воеводы Драгоша, переселившего предков молдаван на новую родину, несмотря на явственные мифологические черты рассказа о вожде-герое, открывающем во время охоты новые земли для своего народа. Иногда Драгоша идентифицируют с упоминающимися в исторических документах Драгошем из Бедё (Bedö, Bedeu) или Драгошем, сыном Дьюлы (filius Giula). Впрочем, эти отождествления остаются спорными.¹⁵

По-разному историками определяется и время прихода Драгоша в Молдавию, предложенные датировки располагаются в весьма широком хронологическом диапазоне — от второй половины XIII до середины XIV века.¹⁶

Если строго следовать хронологическим указаниям «Сказания вкратце о молдавских господарях», Драгош вместе с соплеменниками пришел в Молдавию и установил свою власть путем колонизации новых земель в 1359 году, после чего он правил здесь от лица венгерского короля в течение двух лет. 6867 (1359) год в качестве даты прихода Драгоша приводят и все другие молдавские летописи XV—XVI века.¹⁷ Исключение составляет только написанная в 1566 году на польском языке так называемая Молдавско-Польская летопись 1352—1564 годов, датирующая приход Драгоша 6860 (1352) годом.¹⁸

Тем не менее именно 1352—1353 годы признаются большинством исследователей как наиболее вероятное время правления Драгоша, поскольку такая датировка лучше согласуется с известными по другим источникам датами последующих событий, прежде всего началом правления воеводы Богдана I и его борьбы за свержение венгерского суверенитета (1359 год).¹⁹

Однако, опираясь на более широкий комплекс известий, относящихся к борьбе венгерского и польского королей за освобождение земель к востоку от Карпат от власти татар, а также учитывая счет лет правления потомков Драгоша, приведенный в Сказании, наиболее вероятным временем образования «марки Драгоша» можно считать период между 1345 и 1349 годами.²⁰

¹³ Brătianu Gh. I. Tradiția istorică despre întemeierea statelor românești, București, 1980. P. 164; Руссов Н. Д. Волохи, русские и татары в социальной истории средневековой Молдавии // Русин. 2005. № 2. С. 94.

¹⁴ Песнь о Нибелунгах / Пер. и прим. Ю. Б. Корнеева. Л., 1972. С. 157 (сер. «Литературные памятники»).

¹⁵ См.: Spinei V. Moldavia in the 11th—14th Centuries. București, 1986. P. 199; Vásáry I. Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185—1365. Cambridge, 2005. P. 158, n. 96.

¹⁶ См.: Параска П. Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев, 1981. С. 50—62; Полевой Л. Л. «...И с того времени началась Земля Молдавская». Кишинев, 1990. С. 17—21.

¹⁷ Cronicile slavo române... P. 14, 48, 60, 158, 191; Славяно-Молдавские летописи... С. 24, 35, 55, 60, 62, 68.

¹⁸ Славяно-Молдавские летописи... С. 105, 117.

¹⁹ Deletant D. Moldavia between Hungary and Poland, 1347—1412 // The Slavonic and East European Review. 1986. Т. 64 (2). P. 190—191; Niculescu A. Romania Hungarica // Revista Literară Vatra. 2005. № 1/2. P. 116—125; Harjula M. Romanian Historia. Norderstedt, 2009. P. 19. См. также: Brezianu A., Spănu V. Dragoș Vodă (? — ca. 1353) // Historical Dictionary of Moldova. 2nd ed. Lanham, 2007. P. 124—125.

²⁰ Gorovei St. Întemeierea Moldovei. Probleme, controversie, Iași, 1997. P. 109.

* * *

Вошедший в «Сказание вкратце о молдавских господарях» рассказ о переселении православных «романовцев» на новую родину после их победы над татарами в составе войска венгерского короля Владислава содержит противоречие, не позволяющее впрямую соотносить этот рассказ с историческими событиями середины XIV века. В описываемое время в Венгрии правил король Людовик (Лайош) I (1342—1382), и среди представителей Анжуйской династии вообще не было правителей с именем Владислав.

Споры по поводу идентификации короля Владислава, победителя татар и покровителя православных валахов, позволившего им переселиться на новые земли, ведутся давно. Выяснение этого вопроса имеет принципиальное значение для истории Молдавии, так как позволяет определить время переселения предков молдаван из Марамароша на берега реки Молдовы и, следовательно, дату основания Молдавского государства.

Первым специальным исследованием по этому вопросу стала статья выдающегося румынского историка, впоследствии президента Румынской Академии Дмитрие Ончула «Драгош и Богдан — основатели Молдавского княжества» (1884). Проанализировав все версии легенды, Ончул сделал вывод, что Владислав Сказания не мог быть венгерским королем Владиславом IV Куном, никогда не побеждавшим татар, а, наоборот, потерпевшим от них тяжелое поражение. Кроме того, во второй половине XIII века Марамарош еще не был заселен валахами. Описанные в Сказании события могли произойти только при короле Людовике I Анжуйском.

Ончул ссылается на сообщение придворного летописца Людовика Яноша из Тырнова (Ioan de Târnove) о частых набегах татар на Эрдель (Трансильвания) и земли секеев, а также об ответном походе венгерской армии под командованием Андрея Лакфи, закончившемся разгромом татар, возглавляемых неким Атламышем.²¹ Венгерский король Владислав, — делает вывод Ончул, — может быть отождествлен с трансильванским воеводой Андреем Лакфи.²²

Уже в 1885 году другой классик румынской историографии Александру Ксенопол оспорил выводы Ончула, считая, что в легенде речь идет о Ласло IV Куне. Между историками развернулась жаркая полемика. Ончул признал вывод Ксенопола ошибочным, уточнив, что Владислав в Сказании — это отец трансильванского воеводы Андрея Лакфи или буквально *Лацкфи* (Lackfi), т. е. сына *Ла(т)цка* (Латцко = Владислав).²³

В наиболее развернутом виде аргументы Ксенопола представлены во втором томе его неоднократно переизданной «Истории румын Траянской Дакии», где анализу Сказания посвящен специальный раздел. В защиту своей позиции историк приводит грамоту Ласло Куна, датированную 1288 годом, в которой король упоминает об экспедиции, предпринятой им вместе с множеством баронов и вельмож его королевства с целью преследования половцев, тайно бежавших из страны. По следам беглецов участники экспедиции прошли «через горы», граничащие с владениями татар, в земли, «куда не ступал ни один из предшественников короля».²⁴ Ксенопол полагал, что именно этот поход Ласло IV через Карпаты против половцев и

²¹ *Ioannis Thwocz. Cronica Hungarorum. Ab origine gentis inserta simul Chronica Ioannis arhidiaconi de Kikullew // Scription rerum Hungaricorum / Ed. I. G. Schwandtner. Tyrnaviae, 1765. Pars I. P. 177.*

²² *Onciul D. Scrieri istorice / Ed. critică îngrijită de A. Sacerdoțeanu. București, 1968. Vol. I. P. 89—130.*

²³ *Ibid. P. 303—304.*

²⁴ *Documente privitoare la istoria românilor / Culese de E. Hurmuzasei și editate de N. Densușianu. București, 1987. Vol. I. Partea 1. P. 484.*

победа над ними в несколько измененном виде могли отразиться в Сказании, где половцы превратились в татар.²⁵

Как отмечал в 1986 году Николае Стоическу, спор между Ончулом и Ксенополом разделил последующих румынских историков на два лагеря — сторонников одной или другой точки зрения.²⁶ Этот спор, в котором также участвуют молдавские историки, продолжается и в настоящее время.

Первые попытки приурочить рассказ о переселении молдаван на новую родину ко времени правления венгерского короля Ласло IV были сделаны еще молдавскими летописцами. К примеру, легендарного Владислава с Ласло Куном отождествил Мирон Костин (1633—1691), синхронизировав тем самым два разных события — основание Молдавского княжества Драгошем и возникновение первого румынского княжества Негру Водэ в Мунтении.²⁷

Имя короля Владислава в качестве главного хронологического ориентира в легенде о Драгоше и переселении молдаван воспринимал Август Людвиг Шлёцер, также отождествлявший этого Владислава с Ласло IV, поскольку последний не только состоял в родстве с Саввой Сербским (племянник Саввы Стефан Драгутин был женат на сестре Ласло), но и подозревался в ереси католической церковью.²⁸

Среди новейших историков наиболее последовательно и широко отождествление короля Владислава с Ласло Куном аргументируют Павел Параска и Овидиу Печичан. Исследователи устанавливают, что конфликт Ласло IV с половцами возник вследствие исполнения королем требований папского легата Филиппа, епископа Фермо, касавшихся искоренения в Венгрии ересей, язычества и восточной схизмы. В 1279 году под давлением этого легата Ласло предписал половцам, в большом количестве переселившимся в Венгрию еще накануне нашествия Батыя, перейти к оседлой жизни, строго следовать католическому обряду и поселиться на новых, назначенных королем местах, в частности в Кришане, на реках Тиса, Криш, Муреш, Тимиш и в районе города Тыргу-Муреш (ныне административный центр жудеца Муреш). Примечательно, что часть этих гидронимов — Тиса, Муреш, Криш — упоминаются в летописном рассказе о победе Владислава над татарами.²⁹

В ответ на репрессию в 1282 году венгерские половцы подняли восстание. После поражения, нанесенного им королевскими войсками в битве на Тисе при впадении в нее Муреша (еще одно совпадение с рассказом Славяно-Молдавской летописи о победе Владислава над татарами) часть половцев ушла на восток «за горы». Возможно, именно эти беглые половцы спровоцировали новое нашествие татар в 1285 году, в котором сами приняли участие.³⁰

²⁵ Xenopol A. D. Istoria românilor din Dacia Traiană. Ed. a IV-a. București, 1986. Vol. II / Text stabilit de N. Stoicescu și M. Simionescu; note comentarii, prefață, indice și ilustrația de N. Stoicescu. P. 30—33.

²⁶ Stoicescu N. Note și comentarii // Xenopol A. D. Istoria românilor din Dacia Traiană. Vol. II. P. 51, n. 3. Подробнее см.: Stoicescu N. „Descălecat” sau întemeiere? O veche preocupare a istoriografiei românești. Legendă și adevăr istoric // Constituirea statelor feudale românești / Redactor coord.: N. Stoicescu, București, 1980. P. 123—164.

²⁷ Cronicile slavo române... P. 317—318.

²⁸ Schlözer A. L. Geschichte von Litauen als einem eigenen Großfürstenthume bis zum Jahre 1569. Halle, 1785 (Allgemeine Welthistorie der neueren Zeiten. Bd 32). S. 93 f.

²⁹ Параска П. Ф. Внешнеполитические условия... С. 43—49. Из новейших работ этого автора см.: Parasca P. Cine a fost „Laslău craiul Unguresc” din tradiția medievală despre întemeierea Țării Moldovei? // Revistă de istorie și politică. 2011. An IV. № 1. P. 7—21. См. также: Pecican O. 1) Etapele consemnării legendei lui Dragoș vodă și semnificația lor // Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie Cluj. Cluj-Napoca, 1990/1991. T. 30. P. 175—178; 2) Dragoș-vodă — originea ciclului legendar despre întemeierea Moldovei // Anuarul Institutului de Istorie și Arheologie Cluj. Cluj-Napoca, 1994. T. 33. P. 221—232.

³⁰ Подробнее о нашествии татар на Венгрию в 1285 году см.: Sălăgean T. Transilvania și invazia mongolă din 1285 // România în Europa medievală. Studii în onoarea profesorului Victor Spinei. Brăila, 2008. P. 271—282.

По мнению Параски, автором Славяно-Молдавской летописи поход против половцев был перенесен на поход против татар, поскольку половцы, боровшиеся за сохранение автономии, как считали уже некоторые средневековые хронисты, бежали к татарам.³¹ Чтобы вернуть беглецов, Ласло IV со своими баронами в 1288 году организовал экспедицию, в ходе которой венгерские войска достигли территории Молдавии.³²

Тудор Сэлэгян обратил внимание, что в рассказе Симеона Даскэла, продолжателя и интерполятора летописи Григоре Уреке, есть сообщение (со ссылкой на древние венгерские хроники), что король Владислав начал сражение с татарами перед Рождеством, а освободил от них Молдавию и вернулся в свою столицу на масленицу.³³ И хотя Симеон Даскэл не указывает точных дат, его описание более соответствует хронологии татарского нашествия 1285 года: король Владислав (Ласло IV) начал войну с татарами 25 января, а завершил боевые действия на Пасху (25 марта).³⁴

Впрочем, сам Сэлэгян приходит к выводу, что в Славяно-Молдавской летописи все же речь идет о победе над татарами, произошедшей в середине XIV века.³⁵

Рассмотрим теперь главные аргументы в пользу такого решения.

* * *

В 1340—1350-х годах в результате серии успешных военных кампаний польского и венгерского королей татары были вытеснены с территории Восточного Прикарпатья и Приднестровья. Опираясь на союз с Венгрией, польскому королю Казимиру III (1333—1370) к 1349 году удалось присоединить к своим владениям Галицкую землю, правители которой ранее признавали зависимость от Золотой Орды.³⁶

В 1343 году венгерский король Людовик I также начал наступление против татар, но первые столкновения с ними оказались неудачными. Тогда король назначил Андрея Лакфи, ишпана секеев и будущего воеводу Трансильвании, командовать венгерской армией, состоявшей преимущественно из секеев, пересекшей Карпаты и вступившей в татарские владения в начале 1345 года.³⁷

Об этом походе сообщают два современных венгерских источника. Первое сообщение содержится в шестой части «Жития и деяний Людовика, короля Венгрии» (*De vita et gestis Ludovici regis Hungariae*) упомянутого выше архидиакона Яноша из Тырнова, придворного летописца Людовика I, именуемого также Яношем из Кюкюллё (*Küküllö* — ныне Тырнэвени, жудец Муреш, Румыния). Указанное известие, как и весь труд Яноша из Тырнава, дошел до нас в составе так называемой Дубницкой хроники (*Chronicon Dubnicensis*), составленной в Варадине в 1470-х годах путем сведения текстов более ранних источников. Свое нынешнее название хроника получила по единственному сохранившемуся списку, происходя-

³¹ *Ioannis Thwroc. Cronica Hungarorum*. P. 247; *Petrus Ranzani. Epitome rezum Hungaricarum per indices descripta a I. Sambuco // Scriptores rerum Hungaricorum / Ed. I. G. Schwandtner. Tyrnaviae, 1765. Pars I. P. 624.*

³² *Parasca P. Cine a fost «Laslău craiul Unguresc»... P. 17.*

³³ *Grigore Ureche. Letopisetul Țării Moldovei / Ed. P. P. Panaitescu. 2 ed. București, 1958. P. 68—69; Грүгоре Уреке. Летописецул Țării Молдовой. С. 62—64.*

³⁴ *Sălăgean T. Transilvania și invazia mongolă din 1285 // România în Europa medieval. Studii în onoarea profesorului Victor Spinei. Brăila, 2008. P. 274—275.*

³⁵ *Ibid.* P. 281.

³⁶ См.: *Paszkiiewicz H. Polityka ruska Kazimierza Wielkiego. Kraków, 2002; Wyrozumski J. Kazimierz Wielki. Kraków, 2004.* См. также: *Deletant D. Moldavia between Hungary and Poland... P. 189—211.*

³⁷ *Spinei V. Moldavia in the 11th—14th Centuries. P. 175—176; Vásáry I. Cumans and Tatars: P. 156; Jackson P. The Mongols and the West, 1221—1410. Harlow, 2005. P. 213; Sălăgean T. Romanian Society in the Early Middle Ages (9th—14th Centuries) // History of Romania: Compendium / Eds I. A. Pop and I. Bolovan. Cluj-Napoca, 2006. P. 199.*

щему из Дубницы (ныне в Словакии): Рассказ Яноша из Тырнова воспроизведен также в Будаической хронике и Хронике Яноша Туроци.³⁸

Второе сообщение — содержащий ряд дополнительных подробностей рассказ о битве венгров и секеев с татарами анонимного монаха-минорита, возможно, непосредственного очевидца событий. По некоторым данным, этим анонимным автором мог быть Янош из Эгера, также близкий ко двору Людовика I. Составленная им Хроника охватывала период с 1345 по 1355 год и также дошла до нас в составе Дубницкой хроники.³⁹

В «Житии и деяниях Людовика» Яноша из Тырнова читаем: «В то время, когда свирепый народ Тартар часто нападал на Венгерское королевство, на земли Трансильвании и [земли] Секеев, король послал против Тартар усердного и воинственного мужа Андрея, сына Лацка (*Andream filium Lachk*), трансильванского воеводу, вместе с народом Секеев, знатью и сильными воинами, чье большое войско вторглось в землю, где они (татары. — *A. M.*) обитали, и, сойдясь с ними на поле битвы, победило их вместе с их князем по имени Атламош, и этот князь был обезглавлен, и множество знамен (*banderia*) и пленных Тартар было передано его королевскому величеству в Вышеград. После этого Секеи стали часто нападать на Тартар и с большой добычей возвращаться домой. А те Тартары, кто уцелел, бежали в далекие приморские области к другим Тартарам».⁴⁰

Из сообщения анонимного минорита узнаем точную дату победы над татарами и ряд других подробностей: «В 1345 году [от Рождества] Господа, спустя три года после коронации короля Людовика, в праздник Очищения Пресвятой Девы Марии Секеи с немногими Венграми, оказавшимися среди них, с помощью Божией выступили против Тартар, и предали мечу бесчисленное множество Тартар в земле их. И там очень сильный их князь по имени Отламус, второй после Хана, женатый на сестре самого Хана, был взят живым, а после обезглавлен; за его выкуп были обещаны огромные деньги. Но Венгры отказались, заботясь о будущем; они также принесли домой их (татар. — *A. M.*) флаги, множество пленных и очень большую добычу, прежде всего золото и серебро, ценные вещи, а также драгоценные камни и дорогие одежды. Сражение между ними продолжалось три дня непрерывно».⁴¹

Итак, согласно анонимному минориту, решающая битва с татарами состоялась на праздник Очищения Пресвятой Девы Марии (*circa festum Purificationis Beate Virginis Marie*). В Римско-католической церкви этот праздник посвящен воспо-

³⁸ *Chronicon Budense* / Ed. J. Podhradzki. Budaë, 1838. P. 276—277; *Ioannis Thurocz. Cronica Hungarorum*. P. 221.

³⁹ См.: *Horváth J.* Die ungarischen Chronisten der Angiovinenzeit // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1971. T. 21. S. 375—377.

⁴⁰ «Item cum gentes Tartarorum in regnum Hungariae seuientes confinia partis Transsiluanensis et Siculus sepe infestarent, rex ipse strenuum et bellicosum virum Andream filium Lachk vauvodam transsiluanensem contra ipsos Tartaros cum Siculis nobilibus et valida gente destinavit, qui terram in qua habitabant potenter subintrantes cum principe eorum nomine Athlamus ad resistendum eidem cum magna exercitu in campo obuiantes debellarunt, et ipsum principem eorum decapitauerunt, ac multa banderia et captiuos Tartaros regie maiestati in Vysegrad transmiserunt. Post hec eciam Siculi eosdem Tartaros sepius inuaserunt, et cum magna preda ad propria redierunt. Qui autem ex ipsis Tartaris remanserunt, ad partes maritimas longe distanses ad alios Tartaros fugerunt». (*Chronicon Dubnicense* // *Historiae Hungaricae Fontes Domestici (Quenque-Ecclesiae)* / Ed. M. Florianus. Budapestini, 1884. Vol. III. P. 167—168).

⁴¹ «Item anno domini millesimo trecentesimo quadragesimo quinto, post coronacionem regis Lodouici terciõ, circa festum Purificationis Beate Virginis Marie, Siculi cum paucis Hungaris, qui tunc in medio eorum existebant, contra Tartaros procendes deo auxiliante, innumerabilem multitudinem Tartarorum in terra ipsorum in ore gladij percusserunt. Ubi eciam princeps eorum valde potens nomine Othlamus, secundus post Kanum, qui habetat in uxorem sororent ipsius Kani, viuus captus est, sed postea decollatus: pro cuius redemptione quasi infinitam pecuniam promittebant. Sed hungari spreunt, precauentes future; vexilla eciam eorum portantes in terram suam, multosque captiuos, et spolia multa nimis in auro et argento, curialibus, necnon gemmis et vestibus preciosis, duravitque bellum inter eos tribus continuis diebus». (*Chronicon Dubnicense*. P. 151—152).

минанию о принесении младенца Иисуса во храм и очистительном обряде, совершенном его матерью на сороковой день после рождения первенца. В православной традиции праздник именуется Сретением — в память о встрече в Иерусалимском Храме младенца Иисуса с праведным старцем Симеоном. Праздник отмечается 2 февраля.

Победоносный поход против татар венгров и секеев под предводительством Андрея Лакфи упоминается также в нескольких грамотах Людовика I. 29 апреля 1357 года король пожаловал трансильванскому вице-воеводе Доминику Мачке и его брату Иванке поместье Красно в комитате Тренчен за прежние заслуги, среди которых особо выделяется (*specialiter*) участие вместе «со своим господином, достойным мужем Андреем, сыном Лацка, тогда комитом Секеев, а ныне воеводой Трансильвании, [в походе] против Тартар и Рутенов». ⁴²

Давно замечено, что *Rutenos*, упомянутые в этом источнике в качестве союзников татар, — это, вероятнее всего, русские жители Подолья, признававшие власть татар, платившие им дань и участвовавшие в их военных предприятиях. ⁴³

* * *

В известных ныне источниках не отразились факты, которые могли бы свидетельствовать о вытеснении татар с территории будущего Молдавского княжества ранее середины XIV века. Между тем именно разгром и изгнание татар должны были стать необходимым условием последующего переселения на молдавские земли валахов под предводительством Драгоша.

Перелом в вековом противостоянии Венгерского королевства с татарами мог наступить только после 1345 года. В следующем году секеи, по свидетельству анонимного минорита, совершили еще одну вылазку против татар, вновь одержали победу, нанеся татарам большие потери, и возвратились с немалой добычей; в результате татары отошли на юг, к побережью Черного моря. ⁴⁴ Здесь они понесли новые большие потери вследствие распространения в Причерноморье эпидемии чумы, пришедшей из Италии около 1347 года. ⁴⁵

Об освобождении от татар земель будущей Молдавии во второй половине 1340-х годов может свидетельствовать следующий факт. В начале 1347 года римский папа Климент VI (1342—1352) счел, что в результате побед над татарами наступил подходящий момент для восстановления к востоку от Карпат прежней иерархии католической церкви. В послании от 29 января, адресованном венгерскому архиепископу Калоча (*archiepiscopo Colociensi*), папа распорядился восстановить «Милковский епископат в Венгерском королевстве, на землях, граничащих с Тартарами» (*Episcopatus Milchovens in regno Ungarie, in finibus Tartarorum*) и назначить в качестве нового епископа Тому Нимпти, капеллана венгерского короля, августинского монаха-отшельника и проповедника. ⁴⁶

Известно, что попытки восстановить Половецкое или Милковское епископство предпринимались папами при поддержке венгерского короля еще в конце 1320-х и в 1330-е годы. Однако назначаемые на милковскую кафедру прелаты не могли находиться в своей епархии и несли службу в других местах. Так было и с Томой

⁴² Monumenta ecclesiae Strigoniensis. Strigonii; Budapestini, 1999. Т. IV (1350—1358) / Ed. G. Dreska (et al.). P. 169. № 137.

⁴³ См.: *Вашари И.* Татарские походы венгерского короля Лайоша Великого // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2010. Вып. 3. С. 25.

⁴⁴ Chronicon Dubnicense. P. 152.

⁴⁵ См.: *Czamańska I.* Mołdawia i ołoszczyzna wobec Polski, Węgier i Turcji w XIV i XV wieku. Poznań, 1996. S. 23; *Бергер Е. Е.* «Черная смерть» // Средние века. М., 2004. Вып. 65. С. 335.

⁴⁶ Acta Clementis PP. VI (1342—1352) / Ed. A. L. Tautu. Citta del Vaticano, 1960 (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes, 3rd series. Vol. IX). P. 188—189. № 122.

Нимпти, который через несколько месяцев после своего назначения был уже в Венгрии в качестве посла венгерского короля.⁴⁷

Это можно объяснить исходя из письма папы Николая III (1277—1280) к своему легату Филиппу, епископу Фермо, датированного 7 октября 1278 года, где говорится, что город Милков (*civitas de Multo*) лежит в руинах еще со времен нашествия Батыя, и что уже сорок лет там нет ни епископа, ни католических жителей.⁴⁸ Епархиальный центр Милков располагался, вероятно, на одноименной реке (притоке Сирета), в районе современного города Фокшаны (жудец Вранча, Румыния).

И все же попытки возродить Милковское епископство увенчались успехом. Это произошло, по-видимому, в первой половине 1350-х годов:⁴⁹ 12 февраля 1353 года папа Иннокентий VI (1352—1362) назначил еще одного епископа на милковскую кафедру, говоря о ней, как о вакантной долгое время.⁵⁰

Восстановление католической епархии к Востоку от Карпат, несомненно, стало результатом ослабления власти татар в этом регионе. Тем не менее борьба с ними Венгерского королевства на рубеже 1340—1350-х годов еще продолжалась. Около 1348 года татары совершили ответное вторжение в Венгрию. Весной 1352 года королевские войска были вновь мобилизованы для войны с ними, а папе отправлено донесение о недавнем нападении татар, которое могло быть частью их военных действий против Польши (в 1352 году союзные венгерско-польские войска участвовали в осаде вольнского города Белза, обороняемого литовцами, союзниками которых были татары⁵¹). В следующем году король Людовик, опасаясь нового нападения татар, распорядился укрепить все замки своего королевства.⁵²

О походах венгерского короля против татар в 1352 и 1354 годах сообщает также флорентийский историк Маттео Виллани (ум. в 1363 году), продолжатель Новой Хроники (*Nuova Cronica*) своего брата Джованни. По сведениям хрониста, во время похода 1354 года венгерский король даже пытался заключить мир с неким юным татарским королем, склонявшимся будто бы к принятию христианства.⁵³ Впрочем, сведения Виллани отличаются неясностью и явными преувеличениями, вызывая серьезные сомнения у исследователей.⁵⁴

Начавшаяся в 1359 году в Золотой Орде двадцатилетняя внутренняя усобица ослабила государство и не позволила сохранить контроль над отдаленными западными окраинами.

⁴⁷ *Dobre C. F. Mendicants in Moldavia: mission in an orthodox land (thirteenth to fifteenth century)*. Daun, 2009. P. 32—33.

⁴⁸ *Acta Romanorum Pontificum ab Innocentio V ad Benedictum XI (1276—1304)* / Eds. F. M. Delorme et A. L. Tautu. Citta del Vaticano, 1954 (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes, 3rd series. Vol. V. Part 2). P. 59—60. № 27.

⁴⁹ *Papacostea S. Geneza statului in evul mediu românesc*. București, 1999. P. 42—43; *Dobre C. F. Mendicants in Moldavia...* P. 33—34.

⁵⁰ *Acta Innocentii PP. VI (1352—1362)* / Ed. A. L. Tautu. Citta del Vaticano, 1961 (Pontificia Commissio ad Redigendum Codicem Iuris Canonici Orientalis. Fontes, 3rd series. Vol. X). P. 14. № 6. См. также: *Spinei V. Moldavia in the 11th—14th Centuries*. P. 178—181.

⁵¹ *Chronicon Dubnicense*. P. 163—166. См. также: *Knoll P. W. The rise of the Polish monarchy: piast Poland in east central Europe, 1320—1370*. Chicago, 1972. P. 149—151.

⁵² *Jackson P. The Mongols and the West...* P. 212—213.

⁵³ *Chroniche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani. Secondo le migliori stampe e correddate di note filologiche e storiche* / Ed. A. Racheli. Trieste, 1858. Vol. II. P. 84, 124—125.

⁵⁴ См.: *Вашари И.* Татарские походы венгерского короля Лайоша Великого. С. 27—29. См. также: *Дашкевич Я. Р.* 1) Угорська експансія на золотоординське Поділля 40—50-х рр. XIV ст. // *Україна в минулому*. Львів, 1994. Т. 5. С. 32—65; 2) Степові держави на Поділлі та в Західному Причорномор'ї як проблема історії України XIV ст. // *Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. Львів, 2006. Вип. 10. С. 112—121; *Черкас Б.* Похід хана Джанибека на Правобережну Україну 1352 р. // *Україна в Центрально-Східній Європі*. Київ, 2010. Вип. 9—10. С. 13—25. *Gedz T.* On the question regarding the location of Proslavia (http://www.academia.edu/2350881/On_the_question_regarding_the_location_of_Proslavia) (02.04.2014).

Ослабление влияния татар в Восточном Прикарпатье имело еще одно последствие: Венгерское королевство заявило свои права на земли «Кумании», в том числе территории между Карпатами и Днестром. Только в таких условиях здесь мог появиться Драгош, воевода из Марамароша, прибывший в Молдавию в качестве наместника венгерского короля и возглавивший процесс колонизации освободившихся земель марамарошскими валахами. О том, что Людовик I считал Молдавию частью Венгерского королевства, свидетельствует его известная грамота 1365 года, в которой четырежды упоминается «наша земля Молдавия» (*Terra nostra Molduana*).⁵⁵

Центр Молдавского воеводства во времена Драгоша должен был находиться в бассейне реки Молдовы и на Буковине; юго-восточная часть позднейшего Молдавского княжества и в особенности районы, прилегающие к побережью Черного моря, скорее всего, оставались еще под властью татар.⁵⁶

На рубеже 1350—1360-х годов другой воевода из Марамароша по имени Богдан сверг потомков Драгоша, поднял мятеж против венгерского короля и в борьбе с ним отстаивал независимость Молдавии. Янош из Тырнова сообщает: «В правление венгерского короля Людовика воевода марамурешских волохов Богдан, собрав их, тайно ушел в Молдавию, подвластную Венгерскому королевству и давно опустошенную соседними татарами. Людовик посылал туда несколько раз войско, но число волохов столь умножилось в этой земле, что она сделалась особым княжеством». ⁵⁷ Именно Богдана большинство историков считает основателем Молдавского государства.⁵⁸

Возможно, под влиянием образования независимого от Венгрии и Золотой Орды Молдавского княжества в Восточном Прикарпатье стали возникать другие политические образования с преимущественно валашским населением. По некоторым данным, правитель одного из них воевода Петр, в 1359 году сумел остановить наступление войск польского короля Казимира III.⁵⁹

* * *

Рассмотренные нами факты показывают, что необходимые условия для массового переселения валахов на прудо-днестровские земли могли возникнуть не ранее середины 1340-х годов, а образование здесь «венгерской марки» воеводы Драгоша могло произойти не ранее конца 1340-х—начала 1350-х годов. Более ранние датировки этих событий не находят надежной опоры в известных ныне источниках. Поход через Карпаты около 1288 года венгерского короля Владислава IV, преследовавшего беглых половцев, не мог привести к освобождению молдавских земель от власти татар и установлению над ними суверенитета венгерского короля.

Золотая Орда продолжала контролировать земли к востоку от Карпат вплоть до середины XIV века и, более того, использовала их как плацдарм для нападений на Венгерское королевство. Отказ от дальнейших претензий на молдавские и украинские земли, вероятно, мог произойти только после поражения ордынцев в битве у Синих Вод в 1362 году. Данное обстоятельство, на наш взгляд, исключает воз-

⁵⁵ *Documenta historiam Valachorum in Hungaria illustrantia: usque ad annum 1400 p. Christum* / Curante E. Lukinich, L. Galdi, A. Fekete Nagy et L. Makkai. Budapest, 1941. P. 178—180; *Documenta Romaniae historica*. С: Transilvania. 1361—1365 / Ed. M. Berza, Șt. Pascu. București, 1985. P. 398. № 382.

⁵⁶ *Vásáry I. Cumans and Tatars...* P. 158.

⁵⁷ *Ioannis Thurocz. Cronica Hungarorum*. P. 245.

⁵⁸ См.: *Decei A. Une opinion tendencieuse de l'historiographie hongroise: les origines de Bogdan I, fondateur de la Moldavie* // *Revue de Transylvanie*. 1939. Vol. 5. P. 289—312; *Gorovei St. Dragoș și Bogdan*. București, 1973; *Deletant D. Moldavia between Hungary and Poland...* P. 190—191; *Györffy Gy. Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza*. K. IV. O. 118—119. См. также: *Brezianu A., Spănu V. Bogdan I (?—1365)* // *Historical Dictionary of Moldova* (2nd ed.). Lanham, 2007. P. 56—57.

⁵⁹ *Sălăgean T. Romanian Society in the Early Middle Ages...* P. 199—200.

возможность переселения в Молдавию марамарошских валахов воеводы Драгоша ранее середины XIV века, поскольку в противном случае подобное переселение должно было происходить с санкции золотоордынского хана (или иного татарского правителя).

Почему же в славяно-молдавских летописях XV—XVI веков приход Драгоша и «начало Молдавской земли» приурочены ко времени правления венгерского короля Владислава? Как представляется, источники позволяют дать ответ и на этот вопрос.

В уже цитированном нами рассказе анонимного минорита о победах секеев и венгров над татарами в 1345 и 1346 годах есть еще одно весьма примечательное сообщение. Это — легендарный рассказ о чуде Девы Марии и Св. Владислава, совершенном прямо на поле боя и обеспечившем христианскому воинству полную победу над язычниками.

Ссылаясь на рассказы очевидцев, хронист пишет: «Говорят, что в ходе битвы между Христианами и Тартарами в Варадинском соборе не могли отыскать голову святого Владислава. Это воистину было чудом! Когда церковный подкустодий (*subcustos*) вошел в сокровищницу, чтобы увидеть голову, он нашел святыню на ее обычном месте, но всю в испарине, как будто она была живой и только что вернулась вся разгоряченная после какой-то тяжелой работы... Истинность чуда была подтверждена одним очень старым татариним из числа пленных, который сказал, что разбили их не Секеи и Венгры, а сам Владислав, который услышал, как они (секеи и венгры. — А. М.) постоянно к нему взывали. Другие его (татарина. — А. М.) товарищи также говорили, что, когда Секеи выступили против них, перед ними шел некий высокий рыцарь; сидя на огромном коне с золотой короной на голове и с боевым топором в руке, он могучими ударами опустошал их ряды. В воздухе над головой рыцаря в ослепительном сиянии, казалось, парит прекраснейшая дама: у нее на голове была видна золотая корона изысканной красоты. Из всего этого очевидно, что то были сама благословенная Дева Мария и благословенный король Владислав, которые помогли Секеям в битве с язычниками за веру в Иисуса Христа».⁶⁰

Описанное анонимным миноритом чудо, как видим, совершилось не только на поле битвы. Его следы также обнаружили в Соборе Успения Девы Марии в Варадине (ныне город Орадя в Румынии). Здесь хранились мощи Св. Владислава (короля Ласло I). Именно Варадин на протяжении нескольких веков был тем местом, где всячески поддерживался и развивался культ Св. Владислава, создавались новые легенды о подвигах и чудесах, совершенных этим святым.

Еще при жизни король Ласло I (1077—1095) был тесно связан с Варадином, постоянно оказывая ему особое покровительство: основал здесь монастырь и заложил собор, построил замок и сделал город епархиальным центром. После смерти короля Варадин стал местом его погребения и со временем превратился в крупнейший в средневековой Венгрии центр почитания Св. Владислава.⁶¹

⁶⁰ «Dicitur quoque, quod quamdiu bellum inter Christianos et ipsos Tataros duravit, caput sancti Regis Ladislai, in ecclesia Waradiensi non inveniebatur. Mira certe res! Cum igitur Subcustos eiusdem ecclesiae, causa requirendi ipsum Caput, sacristiam ingressus fuisset, reperit ipsum Caput in suo loco iacere, ita insudatum, ac si vivus de maximo labore, vel calore aestus aliunde reversus fuisset... Ad probationem vero predicti miraculi, quidam ex praedictis Tartaris captivis, valde decrepitis, aiebat: quod non ipsi Siculi et Hungari percussissent eos, sed ille Ladislaus, quem ipsi in adiutorium suum semper vocant, dicebantque et alii socii sui: quod cum ipsi Siculi contra eos precessissent, antecedebat eos, quidam magnus miles, sedens super arduum equum, habensque in capite eius coronam auream, et in manu sua dolabrum suum, qui omnes nos cum validissimis ictibus, et percussionebus consummebat. Super caput enim huius militis, in aera, quaedam speciosissima Domina, mirabilis fulgure apparuit, in cuius capite corona aurea, decore nimio ac claritate adornata, videbatur. Unde manifestum est, praedictos Siculos pro fide Iesu Christi certantes, ipsam beatam virginem Mariam, et beatum Regem Ladislaum, contra ipsos paganos... adiuvasse» (Chronicon Dubnicense. P. 152).

⁶¹ См.: *Klaniczay G.* Holy rulers and blessed princesses... P. 173—194.

В Варадинском соборе хранилась одна из самых почитаемых венграми реликвий — череп святого, для которого была изготовлена позолоченная герма-реликварий в виде погрудного скульптурного портрета. Утраченная во время пожара в начале XV века, реликвия затем была вновь обретена и помещена в новый драгоценный реликварий. В 1607 году из Варадина ее перенесли в Дьер, где в кафедральном соборе она хранится до настоящего времени.⁶²

Описанное придворным хронистом Людовика I чудесное явление на поле битвы венгров и секеев с татарами Св. Владислава в виде могучего рыцаря, сопровождаемого самой Божией Матерью в праздник Очищения (Сретения), несомненно, стало следствием развития культа этого святого, широко поддерживаемого королями Анжуйской династии.

Современные исследователи говорят даже о целенаправленном насаждении в Венгрии культа Св. Владислава в XIV веке: его образ стал своего рода символом идеального рыцаря, защитника христиан, одним из важных элементов придворной рыцарской культуры, пришедшей вместе с новой династией.⁶³

Уже в первой половине XIV века образ Св. Владислава как победителя кочевников-язычников широко отражается в венгерских исторических хрониках и произведениях изобразительного искусства, где появляются неизвестные в более ранних источниках эпизоды его подвигов и чудес, проявленных в том числе в борьбе с татарами.⁶⁴ Возникает представление о способности святого чудесным образом возрождаться к жизни через свои нетленные мощи, покоившиеся в Варадинском соборе, становиться непобедимым рыцарем-великаном и помогать венграм в борьбе с татарами.

Еще Д. Ончул обратил внимание на рассказ анонимного минорита о чуде Св. Владислава. В своих поздних работах, продолжавших полемику с А. Ксенополом, он предложил связать рассказ минорита с сообщениями славяно-молдавских летописей о Драгоше и короле Владиславе. По мнению Ончула, в образе последнего мог выступать не Владислав IV (как думал Ксенопол), а сам Св. Владислав, чудесным образом поднявшийся из могилы в Варадинском соборе, чтобы помочь своему народу победить татар. Составитель «Сказания вкратце о молдавских господарях» знал легенду о чуде Св. Владислава и использовал ее для объяснения основания Молдавского государства.⁶⁵ К подобным выводам приходят и другие исследователи.⁶⁶

Д. Ончул полагал, что именно Св. Владислав направлял и помогал победить татар воеводе Андрею, «сыну Лацка» (т. е. Владислава).⁶⁷ В «Сказании вкратце о молдавских господарях» нет упоминания об этом воеводе. Однако здесь имеются другие сведения, отсылающие к культу Св. Владислава. В Сказании говорится, что православные «старые римляне», прежде чем переселиться в Молдавию, с разрешения короля Владислава некоторое время жили в Марамароше и Крише, где взяли себе в жены местных женщин: «Владислав же король <...> даде имъ землю в Маромаруше, межи реками Морешем и Тисею, нарицаемое место Крижи и ту вселишася...».⁶⁸

⁶² См.: *Montgomery S. B., Bauer A. A. The Reliquary Bust of Saint Ladislav and Holy Kingship in Late Medieval Hungary // Decorations for the holy dead: visual embellishments on tombs and shrines of saints / Ed. by St. Lamia. Turnhout, 2002. P. 77—85; Wetter E. Objekt, Überlieferung und Narrativ. Spätmittelalterliche Goldschmiedekunst im historischen Königreich Ungarn. Ostfildern, 2011 (Studia Jagellonica Lipsiensia. Bd 8).*

⁶³ *Engel P. The Realm of St. Stephen: a history of medieval Hungary, 895—1526. London [etc.], 2005. P. 147.*

⁶⁴ См.: *Майоров А. В. К вопросу об исторической основе и источниках Повести о убиении Батыя // Средневековая Русь. М., 2014. Вып. 11. С. 107—149.*

⁶⁵ *Onciul D. Scrieri istorice / Ed. A. Sacerdoteanu. București, 1968. Vol. I. P. 304.*

⁶⁶ *Cronicile slavo române... P. 158, n. 3; Grigore Ureche. Letopisețul Țării Moldovei. P. 41.*

⁶⁷ *Onciul D. Scrieri istorice. Vol. I. P. 395, 484, 699—700.*

⁶⁸ *Славяно-Молдавские летописи... С. 57.*

Летописное «Крижи» (вар. Крижетур) — это, судя по всему, Кришана (рум. Crişana, венг. Körösvidék, нем. Kreischgebiet) — соседняя с Маромурешем историческая область в современной Румынии (жудецы Арад и Бихор), получившая свое название от трех небольших рек Кришул-Алб, Кришул-Негру и Кришул-Репеде (притоки Кёрёша). Историческим центром Кришаны был Варадин (Орадя) — главный центр почитания Св. Владислава в средневековой Венгрии. Здесь, по-видимому, и возникла легенда о чуде, описанном анонимным миноритом. Во всяком случае, именно в Варадине, как уже отмечалось, была создана так называемая Дубницкая хроника, в составе которой до нас дошел упомянутый рассказ минорита.

Причастность к победе над татарами и переселению в Молдавию выходцев из Кришаны заставляет предполагать, что в походе против татар Андрея Лакфи наряду с венграми и секеями могли участвовать также валахи.

* * *

Превращению в летописном рассказе реального венгерского короля, санкционировавшего переселение валахов в Молдавию, в образ Св. Владислава мог способствовать еще один важный фактор. Венгерские правители Анжуйской династии, начиная, по-видимому, с Людовика I, воспринимали этого святого в качестве своего династического покровителя, символизирующего правящих в Венгрии королей.

Об этом свидетельствует появление изображений Св. Владислава на королевских печатях и монетах. В частности, известно несколько видов монет разного достоинства (в том числе золотых дукатов), отчеканенных в правление Людовика I, с изображением родового герба Анжу на лицевой стороне и фигуры Св. Владислава с нимбом и копьем (или боевым топором) в правой руке на обороте.⁶⁹ Такая традиция получила продолжение в правление дочери Людовика Марии Анжуйской (1382—1395) и ее мужа и соправителя Сигизмунда Люксембургского (1387—1437).⁷⁰

Наибольших масштабов почитание Св. Владислава правителями Венгрии достигло в XV веке, в особенности при короле и императоре Сигизмунде. В 1390 году он вместе со своей супругой участвовал в открытии конной статуи святого, установленной перед Успенским собором в Варадине. Этой статуе жители города приписывали магическую силу: она помогала отстоять Варадин во время вражеских нашествий.⁷¹

По-видимому, Сигизмунд Люксембургский культивировал особую личную связь со Св. Владиславом и даже отождествлял себя с ним. Единственный из правителей Венгрии, кто был похоронен в Варадинском соборе рядом с мощами святого, Сигизмунд сделал все возможное для восстановления его гермы-реликвария, утраченной во время пожара, воплотив в облике святого свои собственные черты: существующий ныне бюст-реликварий Св. Владислава обнаруживает сходство с прижизненным портретом Сигизмунда, выполненным около 1433 года Антонио Пизанелло.⁷²

⁶⁹ См.: *Huszár L.* The art of coinage in Hungary. Budapest, 1963. Tabl. 542—543; *Pohl A.* Ungarische Goldgulden des Mittelalters, 1325—1540. Graz, 1974. Tabl. 79:2, 4, 10.

⁷⁰ См.: *Huszár L.* The art of coinage in Hungary. Tabl. 566, 572—573; *Pohl A.* Ungarische Goldgulden... Tabl. 112:4, D1:6, D2:52.

⁷¹ См.: *Kurcz A.* Lovagi kultúra Magyarországon a 13—14. Században. Budapest, 1988. Old. 213—215; *Magyar Z.* A Kolozsvári testvérek váradi kyrálysobrai // Századok. 1995. T. 129. № 5. Old. 1155—1166.

⁷² *Lucie-Smith E.* Uncollected writings: [studies of western art]. London, 2012. P. 42—44. См. также: *Montgomery S. B., Bauer A. A.* The Reliquary Bust of Saint Ladislav and Holy Kingship in Late Medieval Hungary; Sigismundus — Rex et Imperator: Kunst und Kultur zur Zeit Sigismunds von Luxemburg, 1387—1437. Ausstellungskatalog. Budapest und Luxemburg, März—Oktober 2006 / Hrsg. von I. Takács. Mainz, 2006.

Как видим, представители не только Анжуйской, но и Люксембургской династии, занимавшие венгерский трон, чтили Св. Владислава и использовали его образ в качестве сакрального королевского символа.

Универсальный характер этого символа, обозначавшего венгерского короля вообще, вне зависимости от родовой принадлежности, в еще большей степени проявился в XV—XVI веках. К нему прибегали и Ягеллоны и Габсбурги, поочередно занимавшие венгерский престол, как например Уласло I (1440—1444) и Владислав (Ласло) V (1445—1457).⁷³ Изображения Св. Владислава, стоящего анфас с боевым топором в руке чеканили на своих монетах представители новой династии Хуньяди Матиаш I Корвин (1458—1490)⁷⁴ и последующие венгерские короли вплоть до Рудольфа I (1576—1608).⁷⁵

Большинство исследователей относят составление протографа Славяно-Молдавской летописи, содержавшего рассказ о победе над татарами венгерского короля Владислава и приходе Драгоша в Молдавию, ко второй половине XV века, времени правления господаря Стефана III.⁷⁶ Вполне вероятно, что при описании событий столетней давности молдавские летописцы использовали известный им универсальный сакральный символ венгерского короля, в равной степени применимый для обозначения как Людовика I, современника Драгоша, так и Матиаша I, современника Стефана III.

К персонализации Людовика I как короля Владислава в Славяно-Молдавской летописи могла привести также культивируемая в Варадине легенда о чуде Св. Владислава, восставшего из могилы, чтобы помочь воинам Людовика победить татар в 1345 году. Эту легенду могли знать выходцы из Кришаны, переселившиеся в Молдавию вместе с Драгошем.

Образ венгерского короля, победителя татар, именуемого Владиславом, нашел отражение в памятниках древнерусской литературы. Еще до появления русского перевода Славяно-Молдавской летописи, в 1470-х годах в московское великокняжеское летописание была включена «Повесть о убиении Батыя», рассказывающая о событиях монголо-татарского нашествия на Венгрию, в которой Батяя разбивает в бою и убивает своей боевой секирой венгерский король Владислав.⁷⁷

Во второй половине XV века благодаря устойчивым контактам с венгерским и молдавским дворами в Москве, несомненно, знали о традиции венгерских королей использовать образ Св. Владислава в качестве своего сакрального символа. Некоторые внешние атрибуты этой традиции были заимствованы московским великим князем. В Государственном Эрмитаже хранится так называемый «венгерский (угорский)» или «московский» золотой Ивана III с изображением венгерского короля Владислава I Святого на лицевой стороне и гербовым щитом Матьяша I Корвина на обороте, изготовленный по образцу венгерских золотых дукатов того времени.⁷⁸

Исходя из сказанного, можно предположить, что в древнерусских письменных памятниках второй половины XV—начала XVI века «Повести о убиении Батыя» и «Сказании вкратце о молдавских господарях» — упоминание в качестве победителя татар венгерского короля Владислава имеет в виду не столько реального правителя, сколько символический образ короля-христианина, победителя язычников,

⁷³ *Huszár L.* The art of coinage in Hungary. Tabl. 597, 636—637; *Pohl A.* Ungarische Goldgulden... Tabl. F1-5, H2-10, H3-6.

⁷⁴ *Huszár L.* The art of coinage in Hungary. Tabl. 674, 676, 680; *Pohl A.* Ungarische Goldgulden... Tabl. K1-22, K4-2, 15:6, 161:7.

⁷⁵ *Huszár L.* The art of coinage in Hungary. Tabl. 1002.

⁷⁶ См.: Грекул Ф. А. Историография славяно-молдавского летописания XV—XVI вв. // Летописи и хроники. 1976 г.: М. Н. Тихомиров и летописеведение. М., 1976. С. 172—188.

⁷⁷ См.: Майоров А. В. К вопросу об исторической основе и источниках. Повести о убиении Батыя.

⁷⁸ См.: Потин В. М. Венгерский золотой Ивана III // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. статей к 70-летию акад. Л. В. Черепнина. М., 1972. С. 282—283.

тесно связанный с образом Св. Владислава, которому в XIV—XV веках стали приписывать подвиги (в том числе посмертные), совершенные в борьбе с кочевниками.

* * *

Вместе с тем, образ короля Владислава «Сказания вкратце о молдавских господарях» вобрал в себя некоторые индивидуальные черты одного из реальных венгерских правителей, носивших такое имя, — короля Владислава IV. Мы имеем в виду отмеченное автором Сказания тайное крещение Владислава по православному обряду и его сердечную привязанность к православной вере при внешнем соблюдении латинских обычаев: «А Владиславъ краль бе братень сынъ Саве, архиепископу серьпъскому, и крещенъ бысть от него и дръжаше веру христову во срьдци тайно, а языкомъ и кральвскимъ украшением бяше латынинъ». ⁷⁹

Насколько можно судить, подобная характеристика могла относиться только к королю Владиславу IV. Как уже отмечалось, он действительно состоял в родстве с Саввой Сербским. Более того, Владислав IV не без оснований подозревался в веротступничестве высшими иерархами католической церкви и имел стойкую репутацию еретика.

В начале 1279 года в ответ на многочисленные обвинения венгерского короля в отступлении от христианства, полученные от правителей соседних государств, а также от его собственных подданных, папа Николай III направил в Венгрию своего легата Филиппа, епископа Фермо, с целью провести расследование. Легат созвал собор католических иерархов в Буде, который отказался признавать христианами восточных схизматиков и запретил священникам восточного обряда вести службу. Собор также потребовал от Владислава изгнать схизматиков из своего королевства и принять меры по принудительному обращению половцев, принявших христианство, к оседлой жизни с расселением их в строго отведенных местах. Внешне подчинившись этим требованиям, Владислав не принял действительных мер к их исполнению. Тогда папский легат отлучил короля от церкви. Последний обратился за помощью к половцам и взял под стражу епископа Филиппа. Однако самоуправство короля вызвало осуждение со стороны венгерской знати: трансильванский воевода Финта Аба силой захватил Владислава и заставил примириться с легатом. ⁸⁰

Поддержка, оказываемая Владиславом IV православию, и бездействие в отношении половцев навсегда испортили отношения короля с Римской церковью. Положение еще более усугубилось после того, как в 1286 году король взял под арест свою жену Елизавету Анжуйскую, а в 1287 году похитил из монастыря свою сестру Эржебет, чтобы выдать замуж за чешского магната Завиша из Фалькенштейна. За это эстергомский архиепископ Лодомер вновь отлучил короля от церкви, а папа Николай IV (1288—1292) даже строил планы крестового похода против Венгрии с целью передачи власти в стране племяннику короля Карлу Мартеллу Анжуйскому. После убийства Владислава по требованию папы было начато специальное расследование, призванное определить, умер ли король как еретик и раскольник или же как католик. ⁸¹

* * *

Попробуем выяснить, о какой победе венгерского короля Владислава над татарами, предшествовавшей переселению валахов Драгоша в Молдавию, говорится в «Сказаниях вкратце о молдавских господарях».

⁷⁹ Славяно-Молдавские летописи... С. 55.

⁸⁰ См.: Golab K. De Philippo Firmano Episcopo eiusque statutis legativis a. 1279 // Revista española de derecho canónico. Salamanca, 1961. T. 16. P. 187—200.

⁸¹ См.: Papacostea Ș. Români în secolul al XIII-lea. Între cruciată și Imperiul mongol. București, 1993. P. 162—163.

Эта победа не может быть связана с рассмотренным выше походом через Карпаты венгров и секеев под предводительством Андрея Лакфи, совершенным в 1345 году. Описывающие его венгерские хроники говорят, что королевские войска разбили татар в их собственных землях: «большое войско вторглось в землю, где они (татары. — А. М.) обитали» (Янош из Тырнова); «предали мечу бесчисленное множество Тартар в земле их» (анонимный минорит).⁸² О том, что эти земли находились к востоку от Карпат, где преобладало русское население, подчинявшееся власти татар, может свидетельствовать королевская грамота 1357 года, в которой сказано, что поход Андрея Лакфи был направлен «против Тартар и Рутенов».⁸³

Между тем, в «Сказании вкратце о молдавских господарях» прямо указывается, что татары, пришедшие из своих кочевий на реках Пруте и Молдове через Карпаты, были разбиты войсками короля Владислава в Трансильвании (Эрдели): «И в лето Владислава коралевства воздвижеса на Угры брань от татаръ, от князя Неймета с своих кочевищъ, с реки Прута и с реки Молдавы. И преидоша чрезъ высокие горы и поперегъ земли Угорьския Ерделя, и приидоша на реку Морешъ и стагу. <...> И немногу времени минувшу, и быша битва велика Владиславу королю угорьскому съ татары, с Нейметомъ княземъ на реке на Тисе».⁸⁴

Обе названные здесь реки — Тиса и ее левый приток Марош (Муреш) — расположены к западу от Карпат, в пределах исторической территории Венгерского королевства. Следовательно, описанная в Сказании победа короля Владислава над татарами не соответствует реалиям кампаний 1345 и 1288 годов, когда войска венгерских королей действовали в Восточном Прикарпатье, на землях, подвластных татарам.

Кроме того, из дальнейшего сообщения Сказания следует, что битва на Тисе закончилась полной победой королевских войск, в авангарде которых шли «старые римляне» (т. е. православные валахи), и великой радостью короля по случаю разгрома татар: «...и поидоша старые римляне наперед всех и опосле многие люди угрове и римляне одинъ латыньский законъ, и побиха татаръ <...> Краль же Владиславъ угорьский вельми радовашася о такомемъ пособии божи...».⁸⁵ Приведенное описание не согласуется с известными нам событиями нашествия на Венгрию Ногая и Телебуги в 1285 году, в целом имевшего противоположные результаты.

Следовательно, в «Сказании вкратце о молдавских господарях» должно было найти отражение другое событие — крупная победа венгерских войск над татарами во время очередного нападения последних на королевство. Эта победа создала предпосылки для последовавших за ней успешных ответных походов венгров и секеев через Карпаты на земли самих татар, новых побед над ними, вытеснения татар из Карпато-Днестровского региона и заселения освобожденных земель православными валахами — подданными венгерского короля.

Все эти события, по-видимому, должны были происходить непосредственно одно за другим, не будучи разделены значительными промежутками во времени. Победа венгерского короля над татарами в битве на Тисе, по всей видимости, должна была произойти незадолго до успешных ответных походов против татар венгров и секеев, в частности, кампании Андрея Лакфи 1345 года.

К тому же, если строго следовать сюжету Сказания, между победой на Тисе и началом переселения православных валахов («старых римлян») в Молдавию должно уместиться во времени еще одно событие. После победы над татарами венгерский король разрешил валахам переселиться из прежней области обитания («Старого Рима») к северо-восточным границам королевства, на новые земли в Марамароше и Кришане, жить здесь по православному закону и взять в жены венгерских

⁸² Chronicon Dubnicense. P. 151—152, 167—168.

⁸³ Monumenta ecclesiae Strigoniensis. T. IV. P. 169. № 137.

⁸⁴ Славяно-Молдавские летописи... С. 55—56.

⁸⁵ Там же. С. 56.

женщин: «Владислав же король прия их (старых римлян. — А. М.) с великимъ хотением и даде имъ землю в Маромаруше, межи реками Морешем и Тисею, нарицаемое место Крижи и ту вселишася и собрашася римляне и живяше ту и пояше за себя жены угоркы от латыньского закону во свою веру христианскую даждь и до ныне».⁸⁶

Известные нам венгерские хроники не содержат сведений о крупной победе над татарами войск венгерского короля, которые можно было бы сопоставить с рассказом Славяно-Молдавской летописи. Тем не менее, в нашем распоряжении есть свидетельства других средневековых источников, не связанных с венгерским и молдавским летописанием, в которых это событие все же нашло некоторое отражение.

О крупной победе венгерского короля над татарами под 1326 годом коротко сообщается в 125-й главе «Хроники земли Прусской» Петра из Дусбурга: «125. Об опустошении земли Венгрии и убийстве 30 тысяч татар. В год от Рождества Христова 1326 король Венгрии убил 30 тысяч из войска татар, которые разорили его королевство».⁸⁷

Из слов хрониста следует, что разгром и избиение тридцати тысяч татар венгерским королем произошли где-то на территории самого Венгерского королевства, после того, как напавшие на страну татары в очередной раз подвергли ее разорению.

Насколько можно доверять этому известию?

Написанная священником Тевтонского ордена Петром из Дусбурга «Хроника земли Прусской» была завершена в том же 1326 году и представляет картину исторических событий XIII—первой четверти XIV века. Интересующее нас сообщение помещается в заключительной четвертой книге хроники, которая в отличие от трех предыдущих повествует о различных событиях всемирной истории с целью вписать деяния ордена в более широкий исторический контекст.⁸⁸

Венгерские дела стали интересовать орденского хрониста ввиду обострения противоречий с Польшей, которые на рубеже 1320—1330-х годов переросли в масштабный военный конфликт, разделивший Европу на два враждебных лагеря. Активное участие в нем принимали войска венгерского короля Карла Роберта (1312—1342), воюющие на стороне его тестя, польского короля Владислава Локетка (1320—1333). В частности, осенью 1330 года венгерские отряды участвовали в походах польского короля на захваченную Орденом Кульмскую землю, о чем сообщается в дополнениях к «Хронике земли Прусской», составленной, вероятно, также Петром из Дусбурга.⁸⁹ О том, что прусский хронист в описываемый период внимательно следил за событиями, происходившими в Венгрии, свидетельствует детальный рассказ о неудачном походе венгерского короля против мятежного воеводы Мунтении Басараба и разгроме королевских войск в битве при Посаде в ноябре 1330 года.⁹⁰

Отмеченное в Хронике Петра из Дусбурга крупное поражение татар в Венгрии, как кажется, нашло отражение и в других источниках.

В письме к венгерскому королю Карлу Роберту от 5 августа 1331 года папа Иоанн XXII (1316—1334) сообщил, что недавно ему стало известно из писем самого Карла, доставленных его послом, братом Иоанном, провинциальным министром Ордена миноритов в Венгрии, сразу о нескольких важных событиях. Во-первых, о славных победах короля над татарами и другими врагами католической веры, и,

⁸⁶ Там же. С. 57.

⁸⁷ *Peter von Dusburg. Chronica terre Prussie* / Ed. M. Toppen and tr. K. Scholz and D. Wojtecki. Darmstadt, 1984 (Chronik des Preussenlandes, AQ 25). P. 538. Русский перевод см.: *Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской* / Изд. подг. В. И. Матузова. М., 1997. С. 211.

⁸⁸ *Pollakówna M. Kronika Piotra z Dusburga*. Wrocław; Kraków, 1968. S. 185.

⁸⁹ *Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской*. С. 216.

⁹⁰ Там же. С. 217.

во-вторых, о случайном поражении, постигшем Карла и его войско, возвращавшееся из похода и попавшее в засаду.⁹¹

Очевидно, что в числе славных побед над татарами и другими врагами католической веры папа, прежде всего, имел в виду описанный выше разгром напавших на Венгрию татар войсками Карла Роберта, о чем последний сам сообщал папе в одном из несохранившихся до нашего времени посланий.

Победа венгров над татарами побудила папу впервые после нашествия Батыя поставить вопрос о возрождении Милковской епархии, что произошло, вероятно, уже в конце 1320-х годов. В 1332 году в письме к эстергомскому архиепископу Иоанн XXII распорядился возвести в сан милковского епископа Витуса Монтеферрийского.⁹² Подобному решению папы, несомненно, должна была предшествовать крупная победа над татарами, приведшая к ослаблению их влияния к востоку от Карпат, сопоставимая по своим масштабам с успехом Андрея Лакфи в 1345 году, за которым, как мы видели, последовали аналогичные меры со стороны папы.

С какими событиями могло быть связано нападение татар на Венгрию, обернувшееся их тяжелым поражением от королевских войск?

О пребывании татар к северу от Дуная в 1326 году сообщает Лаоник Халкокондил (около 1423 — около 1490) в своей «Истории в десяти книгах», освещающей события 1298—1463 годов, главным образом противостояние Византии с турками. Согласно греческому хронисту, нападение турок, дошедших в 1326 году до Дуная, удалось остановить с помощью татар, переправившихся с северного берега реки.⁹³

Возможно, татары появились в Трансильвании как союзники Византии. По сведениям греческих хроник, император Андроник III Палеолог (1328—1341) в начале царствования заключил с ними мирный договор.⁹⁴ Арабский купец и путешественник Ибн Баттута (1304—1377) сообщает, что одна из дочерей Андроника была выдана за хана Золотой Орды Узбека.⁹⁵ Впрочем, отношения Византии и Золотой Орды в 1320—1330-е годы в целом оставались весьма противоречивыми, а сведения о браке дочери императора с золотоордынским ханом не находят подтверждения в византийских источниках и, скорее всего, являются не вполне достоверными.⁹⁶

Более вероятной представляется связь нападения татар на Венгрию в середине 1320-х годов с мятежом мунтянского воеводы Басараба (упоминается также как Иванко Басараб), приведшим к возникновению независимого Румынского государства. Судя по характерному тюркскому имени, Басараб мог происходить из рода знатных половцев (*bas-* — ‘голова, главный’, *-aba* — уважительное ‘отец, старший брат’), кроме того, известно о тесных контактах Басараба с татарами и их союзниками на Балканах. Пришедший к власти в Мунтении около 1314 года Басараб,

⁹¹ «Ad nostram nuper veniens presentiam dilectus filius Iohannes fratrum ordinis minorum in Ungaria provincialis minister, tue celsitudinis nunciis, nobis regias litteras, per quas progressum felicem Regium et triumphum gloriosum obtentum contra Tartaros fidei catholice inimicos ac casum sinistram, qui contigit proditoriis tibi et gentibus tuis paratis in regressu insidiis, excellentia nunciavit regia, et super eis serius referendis fidem petiit dicto nuncio credulam adhiberi, nostro apostolatui presentavit» (Vetera Monumenta historica Hungariam sacram illustrantia / Ed. A. Theiner. Romae, 1859. Vol. I. P. 544. № 845).

⁹² Acta Clementis PP. VI. P. 191. № 122b.

⁹³ Laonic Chalcocondil. Expuneri istorice / Ed. V. Grecu. București, 1958. P. 31—32.

⁹⁴ Ioannis Cantacuzent Histriarum / Ed. L. Schopen. Bonn, 1828. Bd I. P. 465; Fontes historiae Daco-Romanae. T. III / Ed. Al. Elian și N.-Ș. Tanașoca. București, 1975. P. 484—485.

⁹⁵ Defremery M. Fragments de geographes et d'historiens arabes et persans inedits relatifs aux anciens peuples du Caucase et de la Russie Meridionale // Journal Asiatique. Paris, 1849. Vol. 10. P. 179.

⁹⁶ Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or. Paris, 1949. P. 83—85; Laurent V. L'assaut avorte de la Horde d'Or contre d'Empire byzantine // Revue des etudes byzantines. 1960. T. 18. P. 154, 157, 160.

по-видимому, с самого начала своего правления признал зависимость от Золотой Орды и с ее помощью вел борьбу против Венгрии.⁹⁷

О союзе Басараба с «черными татарами» упоминает сербский царь Стефан Урош IV Душан (1331—1355) в автобиографической заметке, помещенной во введении к его Законнику. По мнению новейших исследователей, *черными* могли называться татары, обитавшие на территории современной Молдавии.⁹⁸

Поражение Карла Роберта от Басараба в 1330 году немедленно отразилось на венгерско-татарских отношениях. За ним последовала целая серия нападений татар на Венгрию, имевших место в 1332, 1334 и 1338 годах.⁹⁹ Правда, все эти вторжения не оставили следов в королевских грамотах и исторических хрониках, судить о них можно только по не вполне ясным упоминаниям (или, скорее, намекам) в папской корреспонденции. По-видимому, стычки с татарами 1330-х годов носили локальный характер и не имели для Венгрии тяжелых последствий.¹⁰⁰

Наконец, остается еще одна, на наш взгляд, наиболее вероятная возможность объяснения причин татарского нападения на Венгрию в середине 1320-х годов. Ввиду того, что вторжение и разгром татар нашли отражение в «Хронике земли Прусской», эти события, как кажется, могут касаться не только венгерско-татарских отношений, но и взаимодействия королевской власти с немецкими колонистами, тесно связанными с Тевтонским орденом в Пруссии.

* * *

В «Сказании вкратце о молдавских господарях» есть еще один след, позволяющий продолжить поиск отразившихся в памятнике исторических реалий. Это — имя предводителя напавших на Венгрию татар — *Неймет* («воздвигся на Угры брань от татарь, от князя Неймета»).

Еще никому из исследователей не удалось объяснить, с каким из татарских антропонимов может быть связано такое имя, и кому из известных ныне правителей или иных исторических деятелей Золотой Орды оно могло принадлежать.

Между тем, совершенно очевидна фонетическая связь имени *Неймет* с венгерским этнонимом *nemet* ('немец'). Образованный от такого этнонима антропоним мог возникнуть только в венгерской языковой среде. В румынском и молдавском языках этноним *немец* имеет другие эквиваленты: *german/герман, neat/нямц*.

По-видимому, Немцем или Саксом в средневековой Венгрии могли называть кого-нибудь из трансильванских саксов (венг. *Erdélyi szászok*, нем. *Siebenbürger Sachsen*, рум. *Sași*).

Выходцы из различных немецких земель (преимущественно из долины Мозеля) составляли основное население исторической области Бурценланд (Цара-Бырсей) в Южных Карпатах.

⁹⁷ См.: *Brătianu Gh. I. Marea Neagră de la origini până la cucerirea otomanaă*, ediția a II-a rev. / Ed. V. Spinei. Iași, 1999. P. 380; *Iorga N. Condițiile de politică generală în cari s-au întemeiat bisericile românești în veacurile XIV—XV // Studii asupra evului mediu românesc* / Ed. Ș. Papacoste. București, 1984. P. 99; *Panaitescu P. P. Mircea l' Ancien et les Tartares // Revue Historique du Sud-Est européen*. 1942. T. 19. № 2. P. 439.

⁹⁸ *Ciociltan V. The Mongols and the Black Sea trade in the thirteenth and fourteenth centuries*. Leiden; Boston, 2012 (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450—1450. Vol. 20). P. 275—276, n. 548.

⁹⁹ См.: *Rhode G. Die Ostgrenze Polens. Politische Entwicklung, kulturelle Bedeutung und geistige Auswirkung*. Köln; Graz, 1955. Bd I: Im Mittelalter bis zum Jahre 1401. S. 173; *Spuler B. Die goldene Horde: die Mongolen in Rußland, 1223—1502*. Wiesbaden, 1965. S. 97; *Knoll P. W. The rise of the Polish monarchy...* P. 125, n. 20. См. также: *Alexandrescu-Dersca M. M. L'Expédition d'Umur Beg d'Aydin aux Bouches du Danube (1337 ou 1338)*. Bucarest, 1960. P. 18.

¹⁰⁰ См.: *Jackson P. The Mongols and the West...* P. 212.

Немецкая колонизация юго-восточных окраин Трансильвании началась в середине XII века, когда венгерский король Геза II (1141—1162) пригласил сюда немецв-рудокопов, рассчитывая с их помощью развивать местную горную промышленность. Вторая волна немецкой колонизации началась в 1211 году, когда королем Андреем II (1205—1235) были приглашены в Бурценланд рыцари Тевтонского ордена, оставшиеся не у дел после поражения в Палестине. Рыцари возвели на карпатских перевалах несколько крепостей, в том числе замок Кронштадт (ныне Брашов, административный центр одноименного жудеца Румынии). Однако чрезмерная самостоятельность тевтонцев встревожила Андрея II, и в 1225 году он настоял на их переселении в Пруссию.¹⁰¹

В ходе немецкой колонизации особое значение получили поселения вокруг Германштадта (ныне Сибиу, административный центр одноименного жудеца), которые должны были служить пограничными крепостями для защиты Венгрии от кочевников. Из района Германштадта немецкая колонизация продолжалась далее на восток, где возник город Мюльбах (ныне Себеш в жудеце Альба). В конце XIII века первые группы немецких колонистов проникли в Марамарош, основав поселения по обоим берегам Тисы (в Хусте, Виске, Течуе и Кымпулунге, жудец Марамуреш в Румынии). Еще одно поселение — Сигет — было основано ими позднее, вероятно, в начале XIV века.¹⁰²

В 1324 году трансильванские саксы восстали против венгерского короля Карла Роберта. Недовольство было вызвано проводимой им с помощью нового трансильванского воеводы Тома Сечени политикой, направленной на ограничение автономных прав и иных привилегий, которыми изначально пользовались «немецкие гости» в Венгерском королевстве.¹⁰³

Восстание возглавил комит Хеннинг из Петрифалеу или граф Хеннинг фон Петерсдорф (Graf Henning von Petersdorf). Об этом свидетельствуют два документа трансильванского воеводы и комита Солюка Тома, изданные 12 апреля 1325 года в Деве (ныне административный центр жудеца Хунедоара). В первом, более пространном документе воевода Тома распоряжается возвратить наследникам комита Хеннинга поместья, отобранные Карлом Робертом за то, что этот комит восстал против короля вместе с трансильванскими саксами.¹⁰⁴ Второй документ содержит предписание воеводы Тома капитулу Альба-Юлии выдать наследникам комита Хеннинга грамоты на владение Петрифалеу.¹⁰⁵ Из документов следует, что выступление саксов имело широкий размах, для его подавления королю пришлось объявить мобилизацию верных дворян и лично возглавить экспедицию в Трансильванию.

Боевые действия продолжались с июня по август.¹⁰⁶ Под напором королевских войск восставшие отступили к замку Репс (ныне — Рупеа в жудеце Брашов) и несколько недель выдерживали осаду. Но силы были неравными. В одной из стычек с королевскими войсками Хеннинг фон Петерсдорф погиб. В результате этого восстания король должен был пойти на некоторые уступки саксам. Тем не менее заду-

¹⁰¹ См.: Binder L., Göllner C. & E., Gündisch K. Geschichte der Deutschen auf dem Gebiete Rumäniens. Bukarest, 1979. Bd I: 12. Jahrhundert bis 1848.

¹⁰² См.: Popa R. Țara Maramureșului în veacul XIV-lea / Prefață de M. Berza. Ediția a II-a, îngrijită de A. Ioniță. București, 1997. P. 46—47.

¹⁰³ Kristó, Gy. Early Transylvania (895—1324). Budapest, 2003). P. 125, 234.

¹⁰⁴ Documente privind istoria românilor. C: Transilvania. Veacul XIV. Vol. II (1321—1330) / Ed. I. Ionascu (et al.). București, 1953. P. 143—144. № 309. См. также: Quellen zur Geschichte der Siebenbürger Sachsen, 1191—1975 / Hrsg. von E. Wagner. Köln, 1976 (Schriften zur Landeskunde Siebenbürgens. Bd 1). S. 43. № 17.

¹⁰⁵ Documente privind istoria românilor. C: Transilvania. Veacul XIV. Vol. II. P. 144. № 310.

¹⁰⁶ Обзор документов, свидетельствующих о перемещении королевских войск см.: Jackson P. The Mongols and the West... P. 230, n. 126. См. также: Iosipescu S. Români din Carpații Meridionali la Dunărea de Jos de la invazia mongolă (1241—1243) până la consolidarea domniei a toată ăra Românească. Războiul victorios purtat la 1330 împotriva cotorpirii ungare // Constituirea statelor feudale românești. P. 70.

манная им административная реформа была проведена до конца: на заселенных саксами землях были созданы новые территориально-административные образования во главе с назначенными королем чиновниками.¹⁰⁷

По всей видимости, восстание саксов в 1324 году опиралось на военную поддержку со стороны татар. К такому выводу приходит большинство современных исследователей.¹⁰⁸ Основанием для этого может служить следующий факт. После поражения восставших королевские войска под командованием Финты де Менде (Phynta de Mende) совершили поход через Карпаты «в земли татар» (in terram ipsorum Tartarorum), о чем свидетельствует жалованная грамота Карла Роберта от 10 октября 1324 года.¹⁰⁹

Указанная грамота является подтверждением более раннего королевского пожалования в адрес Финты, сына Самуила, за его заслуги в борьбе с татарами. Оригинал первоначальной дарственной не сохранился, ее краткое содержание отражено лишь в королевских регестах.¹¹⁰ Некоторые исследователи датируют упомянутую в документе экспедицию против татар предыдущим 1323 годом.¹¹¹ Однако из грамоты ясно следует, что впервые пожалование было сделано 12 августа 1324 года, когда Карл Роберт находился в Трансильвании. До мая 1324 года король, судя по изданным им документам, в течение нескольких лет постоянно находился в Темешваре (ныне — Тимишоара в Румынии), а затем в Буде и Вышеграде¹¹² и только в июне 1324 года прибыл на юг Трансильвании, оставаясь здесь, по меньшей мере, до августа.¹¹³ Следовательно, экспедиция Финта де Менде могла состояться только в течение летних месяцев 1324 года, т. е. одновременно или сразу же после подавления восстания трансильванских саксов.

Цели экспедиции источник прямо не разъясняет. Тем не менее, можно думать, что она носила военный характер и привела к боевым столкновениям с татарами. Опасаясь ответных действий со стороны татар, Карл Роберт в 1325 году обратился к папе с просьбой о помощи в борьбе с «неверными народами», живущими в непосредственной близости от границ его королевства.¹¹⁴

Войскам Финты де Менде, очевидно, сопутствовал успех, который иногда даже сравнивают с победой над татарами Андрея Лакфи в 1345 году.¹¹⁵ Во всяком случае, в результате похода в плен было захвачено несколько татар. Двое из них, по-видимому, представляли какую-то особую ценность и были отправлены венгерским королем римскому папе. В булле от 1 октября 1325 года папа Иоанн XXII особо благодарит Карла Роберта за присылку двух юных татарских пленников (duos videlicet iuvenes Tartaros).¹¹⁶

¹⁰⁷ См.: Drotleff D. Taten und Gestalten: Bilder aus der Vergangenheit der Rumäniendeutschen. Cluj-Napoca, 1983. S. 19—20; Roth H. Hermannstadt kleine Geschichte einer Stadt in Siebenbürgen. Köln; Weimar; Wien, 2006. S. 17.

¹⁰⁸ См.: Iosipescu S. Româniile din Carpații Meridionali la Dunărea... P. 70—71; Spinei V. Moldavia in the 11th—14th centuries. P. 128; Papacostea S. Between the Crusade and the Mongol Empire: The Romanians in the 13th Century. Cluj-Napoca, 1998. P. 284; Jackson P. The Mongols and the West... P. 212; Ciociltan V. The Mongols and the Black Sea trade... P. 274—275.

¹⁰⁹ Urkundenbuch zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen / Hrsg. von Fr. Zimmermann, C. Warner. Hermannstadt, 1892. Bd I (1191—1342). S. 387. № 423; Documente privind istoria românilor. C: Transilvania. Veacul XIV. Vol. II. P. 135. № 293.

¹¹⁰ Documente privind istoria românilor. C: Transilvania. Veacul XIV. Vol. II. P. 132—133. № 287.

¹¹¹ Параска П. Ф. Политика Венгерского королевства в Восточном Прикарпатье и образовании Молдавского феодального государства // Карпато-Дунайские земли в средние века / Отв. ред. Я. С. Гросул. Кишинев, 1975. С. 46.

¹¹² Documente privind istoria românilor. C: Transilvania. Veacul XIV. Vol. II. P. 2—68, 71—72, 82—83, 85, 111, 119—120, 123—124.

¹¹³ Ibid. P. 126—127, 129—132.

¹¹⁴ Ibid. P. 159—160.

¹¹⁵ Spinei V. Moldavia in the 11th—14th centuries. P. 29, 128.

¹¹⁶ Vetera Monumenta historica Hungariam sacram illustrantia. Vol. I. P. 501—502. № 772.

Очевидно, известная по документам 1324—1325 годов победа венгерского короля над восставшими немецкими колонистами, поддержанными татарами, может быть сопоставлена с сообщением «Хроники земли Прусской» о разгроме и массовом избиении татар венгерским королем, помещенным под 1326 годом. Не исключено, что речь идет вообще об одном и том же событии, освещаемом, так сказать, с разных сторон, с несколько смещенной датировкой в прусской хронике. Как бы то ни было, причастность к нападению татар трансильванских саксов объясняет интерес к произошедшему со стороны прусского хрониста.

Есть еще одно важное обстоятельство, указывающее на возможную связь победы венгерского короля над татарско-немецкими войсками под предводительством графа Хеннинга фон Петерсдорфа — князя Неймета древнерусского Сказания — с другим описанным в Сказании событием — переселением в Марамарош православных валахов, перешедших на службу к венгерскому королю вскоре после победы над татарами.

22 сентября 1326 года Карлом Робертом была издана жалованная грамота в адрес валашского князя Станислава, сына Стена (*Stanislav Kenezu filius Sten*), согласно которой за свою преданность и прежние заслуги перед королем Станислав получал поместье Стрымтура (*Strâmtura*) в Марамароше вместе с другими привилегиями и княжеским титулом.¹¹⁷

По всей видимости, валашскому князю были пожалованы свободные земли в малонаселенном окраинном комитате и такое пожалование подразумевало переселение вместе с князем его родственников и прочих членов этно-племенной группы, которую он возглавлял. Потомки Станислава, один из которых носил имя Драгош, упоминаются в документах 1346 и 1408 годов.¹¹⁸

Переселение в Марамарош валахов князя Станислава, несомненно, продолжало политику венгерских властей по освоению пустующих земель королевства. И хотя первые валашские поселенцы появились в Марамароше, вероятно, еще в конце XIII века, жалованная грамота 22 сентября 1326 года является первым известным ныне письменным свидетельством колонизационной деятельности валашских князей.¹¹⁹

В литературе уже отмечалось, что пожалование валашскому князю Станиславу земель в Марамароше могло быть наградой за его участие в военных действиях венгерского короля против татар, в частности, — в экспедиции Фингты де Менде.¹²⁰ Переселение в Марамарош, похоже, действительно означало для валахов переход на военную службу венгерского короля. Не исключено, что именно марамарошские валахи князя Станислава упоминаются в Хронике Яна Длугоша, сообщающего под тем же 1326 годом об участии в походе польского короля Владислава Локетка против Бранденбурга, начатом на праздник Св. Иоанна Крестителя, вместе с русинами и литовцами также валахов,¹²¹ присланных, вероятно, Карлом Робертом.

* * *

Как нам кажется, есть еще одно важное обстоятельство, указывающее на то, что описанная в «Сказании вкратце о молдавских господарях» победа венгров над

¹¹⁷ Diplome maramuresene din sec. XIV—XV / Ed. I. Mihaly de Apsa. Sighet, 1900. P. 6—7; Documente privind istoria românilor. C: Transilvania, veacul XIV. Vol. II. P. 197—198. № 407.

¹¹⁸ См.: *Györffy Gy. Az Árpád-kori Magyarorszáგ történeti földrajza*. K. IV. S. 128.

¹¹⁹ *Vásáry I. Cumans and Tatars*. P. 157.

¹²⁰ *Giurescu C. C. Țirguri sau orașe și cetăți moldavene, din secolul al X-lea pînă la mijlocul secolului al XVI-lea*. București, 1967. P. 61 (Bibliotheca historica Romaniae. Monographies. T. 2).

¹²¹ «Et contractis magnis suorum gentium copiis, solatiis etiam vicinorum populorum, videlicet Ruthenorum, Walachorum et Lithuanorum stipatus, Marchiam Brandeburgensem citra et ultra Odram sitam, post jestum Sancti Johannis Baptistae ingreditur» (*Ioannis Dlugnssii seu Longini Historiae Polonicae libri XII. Lib. III // Ioannis Dlugnssii Opera Omnia* / Ed. Al. Przewdziecki, Cracovia, 1876. T. XII. P. 116).

татарами должна была произойти в первой половине XIV века, не ранее времени правления короля Карла Роберта. Это — весьма характерный для своего времени эпитет, использованный в обращении к венгерскому королю «новыми римлянами»: «Великому кралоу Владиславу, Златый Затокъ, рекше угорскому». ¹²²

Выражение *Златый Заток*, использованное в обращении к венгерскому королю, неоднократно привлекало внимание исследователей Сказания. Отметив в целом исправную передачу составителем Воскресенской летописи текста Славяно-Молдавской хроники, И. Богдан указал на единственную с его точки зрения ошибку: лишенный всякого смысла эпитет, данный венгерскому королю Владиславу. Историк признал, что не может дать удовлетворительного объяснения словосочетанию «златый заток» и поэтому оставляет его без перевода на румынский язык.

В качестве возможной версии Богдан предлагает видеть здесь ошибку переписчика Воскресенской летописи. В оригинале рукописи против имени Владислава на полях могла значиться глосса «златыи за(ча)токъ» с надстрочным *ч* под титлом, означавшая, что следующий далее текст письма к королю «новых римлян» нужно писать с красной строки и выделить инициалом. Эту глоссу другой писец не смог правильно разобрать, приняв за эпитет, относящийся к Владиславу, и внес в основной текст. ¹²³

Версию И. Богдана опроверг А. И. Яцимирский, согласно которому выражение «златый заток» в отношении венгерского короля имеет вполне естественное происхождение и встречается в других памятниках древнерусской письменности. ¹²⁴ В составленном в XVII веке русском переводе некоей латиноязычной Космографии (оригинал которой не установлен), в главе, посвященной описанию Венгрии, историк находит соответствующую параллель: «Страна Угорская и Ческая. Изъ давныхъ лет короли бывали самовластные, и нарицалися они златыя отоцы, что златыя руды копають множество, и златыя угорския идуць по всей земли». ¹²⁵

Мы можем привести еще одну, более близкую параллель. В созданном в начале XVI века «Послании о Мономаховых дарах», приписываемом киевскому митрополиту Спиридону-Савве, для обозначения Венгерского королевства использован эпитет *Затоци Златые*. В Послании рассказывается, что после получения власти над миром римский кесарь Август должен был поставить во всех странах своих наместников, в том числе и в Венгрию, куда он назначил Пиона: «...и Пиона постави в Затоцех Златых, иже ныне наричютца Угрове». ¹²⁶

Как видим, выражения *Златый Заток* и *Затоци Златые*, используемые для обозначения венгерского короля и Венгерского королевства, появляются в русской письменности практически одновременно, — в начале XVI века. Название *Златые Затоцы*, очевидно, следует признать более исправным, тогда как встречающаяся в анонимной Космографии XVII века форма *Златые Отоцы*, по-видимому, является ошибочной. Во всяком случае, термины *отокъ* и *отоцы* не фиксируются в словарях древнерусского языка. Термин *затокъ*, напротив, хорошо известен и употребляется в нескольких значениях. В некоторых случаях существительное мужского рода *затокъ* образуется от глагола *заточити* в значении «заключить под стражу,

¹²² Славяно-Молдавские летописи... С. 56.

¹²³ Bogdan I. Vechile cronice moldovenesci până la Urechia. Texte slave cu studiu, traduceri și note. București, 1891. P. 67.

¹²⁴ Яцимирский А. И. Сказание вкратце о молдавских господарях в Воскресенской летописи. СПб., 1901. С. 13.

¹²⁵ Книга, глаголемая Козмография, сложена отъ древнихъ философъ, преведена с Римскаго языка // Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 462.

¹²⁶ Послание Спиридона-Саввы // Дмитриева Р. П. Сказание о князьях Владимирских. М.; Л., 1955. С. 162.

заточить'. В XVI—XVII веках у глагола *заточити* появляется еще одно значение — 'выстраивать, устроить', возможно, под влиянием польск. *zatoszyć*.¹²⁷

Из описания Венгрии, помещенного в анонимной Космографии XVII века, следует, что именование венгерских королей «златяты отоцы (затоцы)» связано с массовой добычей золотой руды («златяты руды копають множество») и таким же массовым производством золотых монет венгерской чеканки, имевших хождение во многих европейских странах, в том числе в Молдавии и Валахии («златяты угорския идуть по всей земли»).

Подобное объяснение прямо адресует нас к хорошо известным событиям, произошедшим в Венгрии в правление короля Карла Роберта, начавшего широкомащтабную добычу золотоносной руды и массовую чеканку венгерских золотых форинтов.

После открытия в 1320-х годах двух крупнейших в Европе месторождений золота и серебра — в окрестностях Кермецбаньи (ныне — Кремница, в Банскобыстрицком крае Словакии) и Надьбаньи (ныне — Бая-Маре, административный центр жудеца Марамуреш Румынии) — Венгрия стала ведущим производителем драгоценных металлов и сохраняла этот статус вплоть до открытия Нового Света. Во второй половине XIV—начале XVI века страна поставляла на мировой рынок до одной трети всех драгоценных металлов — 3 тысячи фунтов золота и 20 тысяч фунтов серебра ежегодно. Около 1325 года на недавно построенном монетном дворе в Кермецбаньи по образцу флорентийского флорина Карл Роберт начал массовый выпуск венгерского золотого форинта, имевшего постоянную стоимость и устойчивый обменный курс по отношению к серебряному динару. Венгерские золотые монеты очень быстро стали одним из самых популярных в Европе денежных средств.¹²⁸

Сказанное позволяет заключить, что эпитет *златый заток* в значении 'изготовитель золотых монет' или 'владелец золотых копий', мог быть обращен в адрес венгерского короля не ранее того, как Венгрия превратилась в крупнейшего экспортера золота, производителя золотых монет, используемых в качестве международной валюты. Первым и наиболее вероятным обладателем прозвища *Златый Заток* среди венгерских правителей, как кажется, мог быть король Карл Роберт, чья успешная денежная реформа заложила фундамент финансового благополучия королевства.

* * *

Описанное в «Сказании вкратце о молдавских господарях» обострение вражды православных «романовцев» или «старых римлян» с недавно обращенными в католичество «новыми римлянами», произошедшее в правление короля Владислава и закончившееся вынужденным переселением «романовцев» на новые земли в Марамароше и Кришане, по-видимому, также может найти объяснение в реальных событиях первой половины XIV века.

В XIII—начале XIV века в Великой и Малой Валахии (Мунтении и Олтении), по-видимому, еще не существовало особой церковной организации. В силу традиционно преобладавшего болгарского церковного влияния большинство местного населения тяготело к православию, а большая часть валашского духовенства принадлежала к Видинской, Доростольской и Вичинской православным епархиям. Валашские священники рукополагались и подчинялись иерархам, поддерживавшим

¹²⁷ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 322, 324—325.

¹²⁸ См.: *Sinor D. A History of Hungary*. New York, 1959. P. 89; *Kosáry D. G. A history of Hungary*. New York, 1971. P. 48; *Nagy B. Transcontinental trade from East-Central Europe to Western Europe (fourteenth and fifteenth centuries) // ...The man of many devices, who wandered full many ways: Festschrift in honor of János M. Bak / Ed. B. Nagy. Budapest, 1999. P. 348.*

каноническую связь с Константинопольским патриархатом, которых римский папа пренебрежительно называл «псевдо-епископами».¹²⁹

Положение стало меняться в правление мунтянского воеводы Басараба I. Чтобы заручиться поддержкой папы в своем противостоянии с венгерским королем, мятежный воевода начал оказывать активную поддержку католическим миссионерам и, возможно, сам принял католичество. Во всяком случае, после того, как Басараб заложил кафедральный собор (Biserica Domneasca) в своей новой столице Куртя-де-Арджеш, папа Иоанн XXII в булле от 1 февраля 1327 года назвал его «преданным католическим князем» (Princeps devotus Catholicus) и призвал поддерживать поддержку церкви в борьбе со всеми ее врагами.¹³⁰ Этот факт, несомненно, свидетельствует о сотрудничестве мунтянского правителя с апостольским престолом, детали которого остаются неясными.¹³¹

Впрочем, сближение правителей Валахии с католической церковью продолжалось недолго. Сын и преемник Басараба Николае I Александру (1351/52—1364) был сторонником православия. Уже в 1359 году он получил санкцию константинопольского патриарха на учреждение Угровлашской православной архиепископии с центром в Куртя-де-Арджеш.¹³² Новую епархию возглавил вичинский митрополит Иакинф Критопул, бежавший со своей прежней кафедры из-за притеснений со стороны татар.¹³³

Таким образом, если гонения на православие, вынудившие часть валахов переселиться в другие земли, действительно имели место в Мунтении, то произойти это могло, по-видимому, только в период воеводства Басараба I, незадолго до начала 1327 года, когда его сближение с папой, очевидно, достигло своего апогея.

Это наблюдение, как представляется, подкрепляет сделанный выше вывод о том, что в древнерусском Сказании отразилось участие валахов в победе венгерского короля над объединенным татарско-немецким войском в 1324 году.

Сохранившиеся исторические документы, как кажется, подтверждают участие в кампании наряду с православными валахами («романовцами» или «старыми римлянами») валахов-католиков («новых римлян»), сторонников воеводы Басараба.

Жалованная грамота от 26 июля 1324 года свидетельствует о награждении венгерским королем Карлом Робертом магистрата Мартина, сына Бугара, графа Силадьи (Szilagyí) за оказанные им многочисленные услуги, в том числе за многократную доставку посланий «Басарабу воеводе по ту сторону гор»; при этом последний именуется «нашим трансильванским воеводой» (Transalpinum Nostrum wojuodam).¹³⁴

Как следует из документа, незадолго до 26 июля 1324 года между королем и его мятежным воеводой было достигнуто соглашение, ставшее результатом длительных и трудных переговоров. Грамота была издана, когда король со своими войсками уже находился на юго-востоке Трансильвании и вел борьбу с восставшими саксами и поддерживавшими их татарами. Это обстоятельство наводит на

¹²⁹ См.: Iorga N. Condițiile de politică generală, în cari s'au întemeiat bisericile românești în veacurile XIV—XV // Iorga N. Studii asupra evului mediu românesc / Ed. S. Papacostea. București, 1984. P. 210.

¹³⁰ Documente privind istoria românilor. C: Transilvania. Veacul XIV. Vol. II. P. 384. № 434.

¹³¹ См.: Barbu D. Pictura murală în Țările române în sec. XIV, București, 1986. P. 15; Sălăgean T. Romanian Society in the Early Middle Ages... P. 194.

¹³² Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565—1453 / Bearb. von F. Dölger. München, 1995. T. IV. P. 141—142. № 2184.

¹³³ Chihaia P. Despre biserica domneasă de la Curtea de Argeș și confesiunea primilor voievozi ai Țării Românești // Tradiții răsăritene și influențe occidentale în Țara Românească. București, 1993. P. 42—62; Rădvan L. At Europe's Borders: Medieval Towns in the Romanian Principalities. Amsterdam; Boston, 2010. P. 244.

¹³⁴ Documente privind istoria românilor. C: Transilvania. Veacul XIV. Vol. II. P. 129—130. № 282.

мысль, что временное примирение с Басарабом могло быть связано с необходимостью вооруженной борьбы с немцами и татарами.¹³⁵

Очевидно, следствием договоренности с мунтянским правителем стала присылка на помощь королю военных отрядов, состоявших как из православных, так и из принявших католичество валахов. В одном из посланий Басараба, упоминаемых в королевской грамоте от 26 июля 1324 года, могла содержаться та самая просьба, которая изложена в письме «новых римлян» к венгерскому королю, приведенном в Сказании о молдавских господарях, — поставить православных валахов впереди всего войска и тем самым обречь их на верную гибель.

Итак, по нашему мнению, описанные в древнерусском «Сказании вкратце о молдавских господарях» события происходили в первой половине XIV века в правление двух венгерских королев Анжуйской династии — Карла Роберта и Людовика. Оба они фигурируют под именем Владислав в силу сложившейся в средневековой Венгрии традиции использовать образ Св. Владислава как универсальный сакральный символ королевской власти.

Описанная в первой части Сказания победа над татарами может быть связана с реальными событиями 1324 года — подавлением поддержанного татарами восстания трансильванских саксов, за которым последовало переселение православных валахов из Мунтении в Марамарош. Переселение валахов воеводы Драгоша на молдавские земли могло произойти не ранее конца 1340-х годов и было обусловлено вытеснением татар из Восточного Прикарпатья вследствие крупной победы над ними войска венгров и секеев под предводительством Андрея Лакфи в 1345 году.

¹³⁵ К подобному выводу приходят и некоторые новейшие исследователи, см.: *Ciociltan V. The Mongols and the Black Sea trade...* P. 274.

© А. К. Федотова

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ОДНОЙ ЭЛЕГИИ И. Ф. БОГДАНОВИЧА

Элегия «На смерть Галатеи» И. Ф. Богдановича была опубликована в журнале «Полезное увеселение» в 1761 году.¹ Спустя двенадцать лет поэт поместил элегию в свое собрание стихотворений «Ли́ра, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя»,² существенно при этом ее переработав. Новая редакция уже не мыслилась им как перевод, приписка «перевел с французского И. Богданович» была снята. В посмертных собраниях сочинений Богдановича публикуется только вторая редакция элегии. В издании Большой серии «Библиотеки поэта» 1957 года первая редакция элегии включена в список не вошедших в это собрание произведений.³ В монографии Б. Кронеберга первая редакция элегии Богдановича упоминается наряду с другими переводными русскими элегиями, в сноске указано, что оригинал не найден.⁴

¹ Полезное увеселение. 1761. Декабрь. С. 235—239. В конце стихотворения есть приписка: «Перевел с французского И. Богданович».

² [Богданович И. Ф.]. Ли́ра, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя. СПб., 1773. С. 57—60.

³ *Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы.* Л., 1957. С. 248 (Библиотека поэта. Большая сер.).

⁴ *Kroneberg B. Studien zur Geschichte der russischen klassizistischen Elegie.* Wiesbaden, 1972. S. 134.

В ходе работы над сопоставлением русских и французских элегий мной был обнаружен оригинал элегии «На смерть Галатеи». ⁵ Это «Imitation de la XII *élegie* latine D'Adrien Reland, sur la Mort de Galatée» («Подражание XII латинской элегии Адриана Реланда на смерть Галатеи»), вошедшая в собрание «Pièces libres de Mr. Ferrand et poésies de quelques auteurs sur divers sujets» («Разрозненные сочинения г-на Феррана и стихотворения некоторых других поэтов на разные сюжеты»). ⁶ В издании под элегией дана подпись: «J. O...M...D. M». Раскрыть криптонимы не удалось.

Хорошо владея французским языком, Богданович использовал в своем творчестве французские источники. Он перевел стихами «Поэму на разрушение Лиссабона» Вольтера, прозой его комедию «Нанину», переводил с французского и мадригалы, и идиллии. ⁷ Источники его переводных мадригалов установлены и описаны Р. Лауэром, ⁸ идиллий — Р. Кернером. ⁹ В монографии «Пасторальная поэзия русского классицизма» И. Клейн приводит подробный сопоставительный анализ переводной идиллии «Ручей» Богдановича и ее оригинала — идиллии мадам А. Дезульер «Le Ruisseau». ¹⁰ Сравнение перевода с оригиналом позволяет выявить их сходства и отличия, ответить на вопрос, насколько они случайны. В работе над переводом, бесспорно, отражаются вкусы поэта-переводчика, но также, возможно, и национальные особенности, в данном случае русские, поэтического жанра.

Перед нами три элегии, генетически связанные между собой: элегия Богдановича «На смерть Галатеи» 1773 года, «На смерть Галатеи» (перевод с французского) 1761 года и, наконец, оригинал «Imitation de la XII *élegie* latine D'Adrien Reland, sur la Mort de Galatée». Но, как явствует из названия, сам оригинал есть подражание, имитация.

В заголовке французской элегии указывается имя Адриана Реланда (Adrien Reland). А. Реланд ¹¹ (1672—1718) был нидерландским ученым-востоковедом, профессором восточных и древних языков, он известен и как автор сборника новолатинских стиховорений «Galatea», включающего 13 элегий. Впервые цикл был издан в 1701 году. Мне известны издания 1718, 1747 и 1809 годов. Издание 1809 года снабжено комментариями, в которых приводятся цитаты из древних авторов, вдохновившие Реланда на написание своих собственных произведений, упоминаются Овидий, Вергилий, Катулл, Проперций и др. Сборник, в котором напечатана французская элегия «Imitation de la XII *élegie* latine D'Adrien Reland...», вышел в 1747 году. Этим же годом, вероятно, датируется и помещенная в нем «Галатей». Ее автор мог познакомиться с оригиналом по изданию 1747 года. В названии французской элегии указана 12-я элегия Реланда, но это ошибка. Переведена была 13-я элегия новолатинского поэта «Deflet obitum Galatea» («Оплакивающая смерть Галатеи»). Уже само название латинской элегии схоже с названием французской, а 12-я элегия Реланда без названия. 13-я латинская элегия содержит 88 стихов, французская — 102 стиха, элегия Богдановича — 156 стихов. На примере этой цепи заимствования: античная литература — новолатинская — французская — русская — виден вектор развития европейской поэзии в целом. Внимательное про-

⁵ Найти источник элегии удалось с помощью сайта «Google Books».

⁶ Pièces libres de Mr. Ferrand et poésies de quelques auteurs sur divers sujets. Londres, 1747. P. 84—90.

⁷ Об этом см.: Кочеткова Н. Д. Богданович И. Ф. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1988. Вып. 1: А—И. С. 105.

⁸ См.: Lauer R. Die frühen Madrigale von I. F. Bogdanovič // Zeitschrift für slawische Philologie. Heidelberg, 1971. S. 321—336.

⁹ См.: Клейн И. Пасторальная поэзия русского классицизма // Клейн И. Пути культурного импорта. М., 2005. С. 58.

¹⁰ См.: Там же. С. 56—66.

¹¹ Имя имеет несколько вариантов написания, например: Adrien Reland, Adriaan Reland и др. Об этом см.: Larousse P. Grand Dictionnaire universel du XIX-e siècle. Paris, [S. a.]. T. 13. P. 891.

чтение латинской и французской элегий позволяет заключить — французская элегия не подражание, а перевод новолатинской. Элегии начинаются так:

«Deflet obitum Galatea»

Ergo erat in fatis ea vivere tempora nostis, /
Quis mihi toties irrita vota mori! / Mors prope-
rata veni: quid adhuc mea gaudia differs?

(«Итак, судьбой мне было предначертано
жить в такие времена, / В которые я столько
раз тщетно желал бы умереть. / Приди по-
скорее, о смерть! Отчего ты до сих пор
откладываешь миг моей радости?»)¹²

Многие стихи почти дословно совпадают, например 10-й стих латинской и 9-й стих французской:

«Deflet obitum Galatea»

Ipse suae dominae morte sepultus amans
(«Влюбленный, погребенный смертью люби-
мой»)¹⁴

«Imitation de la XII élogie latine...»

Impitoyable sort, faut-il; donc que je vive! / Et
qu'à tant de douleur un triste amant survive! /
O mort! Ne sois pas sourde aux cris d'un mal-
heureux...

(«Безжалостный рок, зачем мне жить! /
И как при такой скорби грустный любовник
выживает! / О смерть! не будь глуха к
воплям несчастного...»)¹³

Дословно переведено, например, обращение к зефирам:

«Deflet obitum Galatea»

Non iterum Zephyri miscebitis exhalantem /
Ore animam vestries laeta per arva sonis. / Nec
sparsos sine lege in lacteal colla capillis /
Murmuribus dabitur sollicitare novis («Не сме-
шать вам, о Зефиры, вновь выходящее / Из
уст ее дыхание с вашими голосами над радо-
стными полями / И беспорядочно разбросан-
ные по молочно-белым плечам волосы / Вам
не дано будет больше тревожить своими ше-
потами»)¹⁶

«Imitation de la XII élogie latine...»

Tu ne mêleras plus, zephyr, à ton murmure /
De ma chaste Venus l'haleine douce et pure; /
Et ses beaux cheveux blonds par ton souffle
badin / Ne feront plus en ordre¹⁷ épars sur son
beau sein («Ты, зефир, более не смешаешь со
своим шепотом / Моей целомудренной Вене-
ры дыхание, нежное и чистое, / И прекра-
сные белокурые власы твоим игривым дыха-
нием / Не рассыплются в порядке по ее пре-
красной груди»)¹⁸

Различия между переводом и оригиналом незначительны. Так, например, в элегии Реланда герой, лишившись Галатеи, вынужден скитаться в одиночестве среди прибрежных песков, в переводе герой скитается в печальных лесах. В латинском оригинале упоминаются горы Фессалии, а в переводе — поля Фессалии. Переводчик иногда опускает сравнения, так, например, сравнение героя с критянкой, оставленной неверным мужем, или сравнение плача героя с плачем давидской жены. Последняя часть латинской элегии переведена вольно: в двух заключительных стихах оригинала герой выражает свое желание после смерти присоединиться к тени своей возлюбленной, в переводе же говорится о том, что даже после смерти герой будет вечно воспевать прекрасную Галатею. Из сопостав-

¹² *Relandi H. Galatea. Lucus poeticus. 1747. P. 26.* Благодарю Е. Соколова, давшего для моей работы подстрочный перевод элегии Реланда.

¹³ *Pièces libres de Mr. Ferrand... sujets. Londres, 1747. P. 84.* Здесь и далее перевод мой. Благодарю А. О. Дёмина за помощь в переводе.

¹⁴ *Relandi H. Galatea. P. 26.*

¹⁵ *Pièces libres de Mr. Ferrand... P. 85.*

¹⁶ *Relandi H. Galatea. P. 27.*

¹⁷ Возможно, это опечатка или ошибка автора. По смыслу здесь должно стоять «sans ordre», т. е. «беспорядочно», тем более в латинской элегии употребляется «sine lege» «беспорядочно».

¹⁸ *Pièces libres de Mr. Ferrand... P. 87—88.*

ления двух элегий видно, что автор «Imitation de la XII élogie latine...», безусловно, знакомый с творчеством Реланда, не подражал его элегии, а почти дословно перевел ее, сохранив не только сюжетную линию, но и образы оригинала.

Итак, французская элегия, как впоследствии и русская, была переводом.

Перевод Богдановича внутри себя не однороден в отношении точности: часть стихов переведена дословно, часть — близко по смыслу, часть — в разной степени изменена. Объем русской элегии больше, чем французской, за счет того, что Богданович часто вводит стихи, отсутствующие в оригинале, но развивающие его мысли, например 9—16, 52—55, 106—108 и 110—111 стихи. Элегии начинаются так:

Богданович

Немилосердная судьба! Почто мне жить, /
Что в жизни, если в ней крушиться и
тужить? / Любовник горестный почто не
умирает, / Когда веселье все на свете он
теряет. / О! смерть, в мученьи сем внемли
мой скорбный глас, / И будь чувствительнее
в сей злополучный час! / Последня для меня
утеха остается, / Когда скорей мой век тобою
пресечется.¹⁹

«Imitation de la XII élogie latine...»

Impitoyable sort, faut-il; donc que je vive! / Et
qu'à tant de douleur un triste amant survive! /
O mort! Ne sois pas sourde aux cris d'un
malheureux; / Dans l'état où je suis, le seul
bien qui me reste / Est de finir, hélas! des jours
que je déteste («Безжалостный рок, нужно ли
мне так жить! / И как при такой боли горест-
ный любовник выживает! / О смерть! не будь
глуха к воплям несчастного, / в том состоя-
нии, в каком я нахожусь, единственным, что
мне остается лишь — увы, закончить дни,
которые я ненавижу»)²⁰

Первый, третий, пятый, седьмой и восьмой стихи элегии переведены Богдановичем почти дословно, второго, четвертого и шестого в оригинале нет, однако они не меняют хода сюжета и общего настроения оригинала. По такому принципу работает над элегией Богданович-переводчик. Так, например, 6—7 стихам французского стихотворения соответствуют по смыслу 9—15-й стихи «Imitation de la XII élogie latine...». 16-й стих Богдановича «И быть погребену чрез смерть своей любезной?»²¹ соответствует 9-му стиху оригинала «être enseveli par la mort d'une amante» «быть погребенным смертью возлюбленной».²² Во французской элегии Галатее часто называется «очаровательной нимфой» и Венерой, Богданович же в своем переводе опускает это, Галатею он называет «прекрасной» (упоминание богов в русских элегиях XVIII века встречается довольно редко). В элегии Богдановича, обращаясь к Галатее, герой говорит: «Плачевнейший предмет моей несчастной страсти!». Эта строчка — близкий к тексту перевод 10-го стиха оригинала «Object infortuné de mes vives ardeurs». «Les lieux sombres» (мрачные места), куда отправляется тень Галатеи, Богданович перевел как «мрачные пещеры», в которых живут тени смертных, при этом расширив описание «пещер» в сравнении с французскими «темными местами». 24-й стих Богдановича, завершающий описание «пещер», «Она присутствует меж прочих теней темных» почти совпадает с 12—13 стихами французской элегии «les lieux sombres voyent son errer parmi les noires ombres». Работая над французским текстом, Богданович расширяет его за счет описания. Вместе с Галатеей умерли все надежды на счастье:

Богданович

Увы! Любезная, уж клятва тщетна та, / Кото-
рую твои приятные уста / О браке будущем

«Imitation de la XII élogie latine...»

Quoi! C'est donc vainement que sa divine
bouche / M'avait juré qu'hymen l'unirait à ma

¹⁹ Полезное увеселение. 1761. Декабрь. С. 235.

²⁰ Pièces libres de Mr. Ferran... P. 84.

²¹ Полезное увеселение. 1761. Декабрь. С. 235.

²² Pièces libres de Mr. Ferran... P. 84—85.

твердили мне всечасно. / Злой рок разрушил
то, мы льстились напрасно.²³

coucher («Как! Напрасно ее божественные
уста / Клялись мне, что Гименей возведет ее
на мое ложе»)²⁴

Богданович передает основной ход сюжета французской элегии, исключая при этом некоторые мотивы оригинала. «Imitation de la XII *élégie latine...*» сохраняет легкий эротизм, присущий латинскому оригиналу: на протяжении всей элегии подчеркивается чистота и целомудрие Галатеи, ее очаровательная красота, описываются невинные ласки любовников, поцелуи, объятия и т. д. Так, например, лишившись Галатеи, герой сетует на то, что она не рассталась со своей девственностью: «*Tu portes aux Enfers, o chaste Galatée! / Une virginité qui n'est point effleurée*» («Ты уносишь в ад, о целомудренная Галатея! нетронутую девственность»). У Богдановича этих строк нет, в его переводе желание героев вступить в законный брак только упоминается. При этом Богданович почти дословно переводит французский стих, в котором говорится о браке:

Богданович

«Imitation de la XII *élégie latine...*»

И брачные свечи влюбившихся сердечно, /
Бог брака погасил для нас с тобою вечно.²⁵

Dieu d'hymen, tes flambeaux sont donc éteints
pour nous? («Бог брака, твои факелы угасли
для нас?»)²⁶

В элегии Богдановича, так же как и во французской, и в латинской элегиях, описывается сцена гибели Галатеи во время кораблекрушения, говорится о том, что герой предвидел это несчастье. Совпадает с французской и латинской элегиями и сцена расставания Галатеи и героя. Интересно, что французский автор берет в скобки стих, в котором выражается сомнение относительно смерти Галатеи:

Богданович

«Imitation de la XII *élégie latine...*»

Когда моей любви незаблужденье то²⁷

Si ce n'est une erreur de ma flamme abusée
(«Если это не заблуждение моего обманывающего
щегося пламя»)²⁸

В отчаянии герои элегий зывают к своей усопшей возлюбленной:

Богданович

«Imitation de la XII *élégie latine...*»

Почто ты отплыла от оных берегов? / Затем
ли, чтоб игрой быть бури и валов?²⁹

Dieux! Pourquoi ce vaisseau quitta-t'il nos rivages,
/ Pour être le jouet des mers et des orages?
(«Боже! Почему этот корабль покинул
наши берега, / Чтобы быть игрой морей
и бурь?»)³⁰

Сравнение двух элегий показывает, что Богданович дословно перевел соответственные стихи оригинала, сохранив метафору и стиль.

Важное место в элегии Богдановича, как во французской и в латинской элегиях, занимает мотив плача на лоне природы, обращение к природе, навевающей воспоминания о былом счастье. Этот мотив вообще свойствен как французским любовным элегиям, так и русским, и именно он, возможно, определяет ее как жанр.³¹

²³ Полезное увеселение. 1761. Декабрь. С. 235.

²⁴ Pièces libres de Mr. Ferran... P. 86.

²⁵ Полезное увеселение. 1761. Декабрь. С. 236.

²⁶ Pièces libres de Mr. Ferran... P. 85.

²⁷ Полезное увеселение. 1761. Декабрь. С. 236.

²⁸ Pièces libres de Mr. Ferran... P. 86.

²⁹ Полезное увеселение. 1761. Декабрь. С. 237.

³⁰ Pièces libres de Mr. Ferran... P. 87.

³¹ См. об этом: Федотова А. К. Пейзаж в русской элегии XVIII века // Русская литература. 2014. № 3. С. 105—118.

Герои всех трех элегий обращаются к лесам, ручью, полям, реке, в элегии Богдановича, как и во французской элегии, говорится о предпочтении Галатеей лесов Фесалийским полям. Богданович в сравнении с предшественниками более детален в описании природы, так, он добавляет листы на деревьях, цветы, кусты. Вслед за предшественниками, Богданович использует образ эха, вторящего стенанию героя, встречающийся и в русской любовной элегии того времени. Сохраняет Богданович и мотив поэта, его Галатея ходит отдыхать в лес, где читает стихи возлюбленного. Однако если этот мотив в латинской элегии был задан в самом начале, и о лирическом герое как поэте упоминается на протяжении всего стихотворения, а во французском переводе автор только намекает на это, то в элегии Богдановича о стихах влюбленного говорится вскользь. Очевидно, этот мотив не столь важен для русского поэта. На этом примере видно, как работает поэт с французским оригиналом, приспособляя французский материал к русскому пониманию жанра элегии.

Дословно переводит Богданович стихи о зephyре, раскидавшем волосы Галатеи, а также о наядах, любовавшихся ее красотой. Эти эпизоды есть как в латинской, так и во французской элегиях:

Богданович

Зефир, не будет уж журчание твое / Соединяя свой шум с дыханием ее, / И волосы ее ты белые взвевая, / Не будет раздувать их более, играя. / Не будут уж они растрепаны тобой, / Как прежде покрывать прелестную грудь собой.³²

«Imitation de la XII élégie latine...»

Tu ne mêleras plus, zephyr, à ton murmure / De ma chaste Venus l'haleine douce et pure; / Et ses beaux cheveux blonds par ton souffle badin / Ne feront plus en ordre épars sur son beau sein («Ты, зephyр, более не смешаешь со своим шепотом / Моей целомудренной Венеры дыхание нежное и чистое / И прекрасные белокурые вьсы твоим игривым дыханием / Не рассыплются в порядке по ее прекрасной груди»).³³

Раздосадованный герой удаляется в темные леса, вторящие страданию героя, это самый распространенный сюжетный ход русской любовной элегии. Богданович здесь не оригинален, есть подобная строчка и в «Imitation de la XII élégie latine...»: «J'erreraï toujours seul dans ces tristes forêts...» («Я буду скитаться все время в этих печальных лесах»).³⁴ Отлично от оригинала то, что Богданович наряду с лесом упоминает пустыню, этого слова во французской элегии нет. Для русской элегии 50—70-х годов XVIII века пустыня, пустынное место, заимствованные в свою очередь из французской поэзии, важный топос, общее место, часто используемое поэтами.³⁵ Богданович, читавший как французские, так и русские элегии, не избежал их влияния. Обращение героя к «местам, свидетелям печали» («lieux témoins du chagrin» во французской элегии) также — общее место жанра элегии.

В последней части элегии герой Богдановича в терзаниях, как и в «Imitation de la XII élégie latine...», обращается к тени своей возлюбленной, чтобы извиниться за то, что слова не могут выразить все его муки:

Богданович

Когда мой слышит плач, о! тень любимой мною, / И если я тебя стенаньем беспокою: / Прости докуке сей, прости моим слезам, / И дай наплакаться в сей горести слезам. / Пока

«Imitation de la XII élégie latine...»

Chère ombre, qui m'entends, à ton amant pardonne, / Pardonne aux tristes pleurs qu'ici tu fais couler, / L'exès de ma douleur m'empêche de parler. / Pour peindre mes tourments na-

³² Полезное увеселение. 1761. Декабрь. С. 238.

³³ Pièces libres de Mr. Ferran... P. 87—88.

³⁴ Ibid. P. 89.

³⁵ См.: Федотова А. К. Пейзаж в русской элегии XVIII века. С. 114.

мученьи дней моих не окончили, / Одно осталось то утехой мне в печали. / Сама природа то слаба изобразить, / Как тяжело мне сии мучения сносить, / Любезну потеряв, теряю все, о! Боги....³⁶

ture est impuissante: / J'ai tout perdu, grands Dieux! En perdant mon amante («Дорогая тень, мне внимающая, прости своему возлюбленному; / Прости печальным слезам, кои ты проливаться заставляешь, / Чрезмерная скорбь мешает мне говорить. / Природа бессильна изобразить мои страдания. / Я все потерял, великие боги, потеряв свою возлюбленную»).³⁷

Эти стихи — вольный перевод французских, однако они четко передают чувства героя французской элегии. Перевод Богдановича заканчивается так же, как и французский оригинал: влюбленный говорит, что он даже после смерти будет «петь прекрасну Галатею». Отличие концовки Богдановича в сравнении с оригиналом заключается в том, что он не упоминает Парку, Элизий, Галатею не называет нимфой, оберегая свой перевод от избытка античной мифологии, что вообще свойственно элегии XVIII века. Так, Сумароков, разрабатывая жанр элегии, стремился к минимальному использованию мифологии, что впоследствии отчасти соблюдалось его последователями.

Несмотря на сходство двух элегий, можно сказать, что Богданович-переводчик учел в своем переводе некоторые особенности русской элегии XVIII века: отсутствие эротизма, минимальное использование мифологических персонажей.

Вторая редакция элегии «На смерть Галатеи», уже не названная Богдановичем переводом, короче (98 стихов). В основном редактирование заключалось в последовательном изъятии стихов, описывающих страдания героя, его стенания и плач. Исключены были также начальные стихи элегии с жалобой на непереносимую жизнь (1—4 стихи), пассаж о скитающейся тени возлюбленной и обращение к ней (25—27 стихи), затем — описание глаз Галатеи (45—48 стихи), описание сцены расставания любовников (65—69 стихи), нет во втором варианте и обращения к музе (135—136 стихи), опущены последние стихи (138—156). Если герой первой редакции в соответствии с ее французским и латинским прототекстами — поэт, во второй — мотив поэта и поэзии отсутствует. Показательно, что вариант 1761 года заканчивается стихом «И там я стану петь прекрасну Галатею»,³⁸ вариант 1773 года — обращением к эху «Вещай, вещай моей ты имя дорогой».³⁹ Переработана во второй редакции и сцена потопления Галатеи (57—72 стихи); Богданович вводит обращение к Нептуну, нет в ней и образа тени возлюбленной, блуждающей в мрачных пещерах. Сохранено важное для элегии обращение к природе, но с некоторыми изменениями. Так, стих «И все плачевно мне в сей кажется пустыне» заменен на следующие стихи: «Ни в пестрых сих лугах, ни в рощах ароматных, / Не будет для меня предметов уж приятных».⁴⁰ Из сопоставления видно, что второй сокращенный вариант много дальше стоит от французской элегии, хотя в нем и сохранен ряд стихов, совпадающих с оригиналом.

На примере элегии Богдановича можно проследить, как русская поэзия становилась частью поэзии европейской, принимая, используя и преображая древнюю поэтическую традицию. Многие русские поэты XVIII века переводили или подражали поэтам западным, которые в свою очередь, создавая свою собственную поэтическую традицию, ориентировались на древних. Элегия Богдановича 1773 года, возможно, стала последним звеном в бесконечной цепи заимствований и подражаний на тему смерти Галатеи.

³⁶ Полезное увеселение. 1761. Декабрь. С. 239.

³⁷ Pièces libres de Mr. Ferran... P. 90.

³⁸ Полезное увеселение. 1761. Декабрь. С. 239.

³⁹ Богданович. И. Ф. Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого муз любителя. С. 60.

⁴⁰ Там же.

© Н. Д. Кочеткова

ОБ АВТОРСТВЕ КНИГИ «РАЗНЫЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ, СОЧИНЕННЫЕ НЕКОТОРОЮ РОССИЯНКОЮ»*

В 1779 году в Москве в университетской типографии Н. И. Новикова вышла книга «Разные повествования, сочиненные некоторою Россиянкою». В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова авторство этой книги приписывается Е. Р. Дашковой, правда, год издания назван неверно: 1799.¹ Исследователи не обратили внимания на это указание, возможно, потому, что сведения И. Ф. Масанова о других псевдонимах Дашковой оказались ошибочны.

Так, автор «Словаря псевдонимов» считал, что под псевдонимом «Благородная Россиянка» она выступила в 1783 году как переводчица оперы «Земир и Азор».² Имелся в виду русский перевод текста Ж.-Ф. Мармонтеля «Земира и Азор», положенного на музыку А.-Э.-М. Гретри. Однако это издание анонимно: никак не указано ни имя автора, ни переводчика. Лишь из предисловия «К читателю» можно понять, что перевод выполнен женщиной. Она пишет: «Сама я не столько ослеплена самолюбием, дабы не чувствовать его (перевода. — Н. К.) недостатки».³ Давно было установлено, что переводницей этой оперы была Мария Васильевна Сушкова (урожденная Храповицкая).⁴

И. Ф. Масанов так же совершенно бесосновательно приписывает Дашковой авторство романа «Новая Евфимия, сочиненная госпожею де*****»,⁵ вышедшего в Москве в 1788 году. Очевидно, Масанов не видел этого издания и по какому-то неверному его описанию «госпожа де*****» превратилась в «Россиянку Д.», т. е. в Дашкову. Однако на титуле книги указано: «Переведена с французского языка на российский в Университетском вольном благородном пансионе». В этом издании под посвящением перевода директору Московского университета П. И. Фонвизину стоит имя переводчика — Николай Воейков, т. е. Николай Григорьевич Воейков, обучавшийся в Университетском пансионе. «Словарь псевдонимов» вышел до появления «Сводного каталога книг гражданской печати. 1725—1800», содержащего более точные сведения об упомянутых изданиях, чем и можно объяснить ошибочные атрибуции И. Ф. Масанова. Но, к сожалению, они сохранились и в «Словаре русских писателей XVIII века».⁶

В готовящемся сейчас Справочном томе к «Словарю» необходимо отказаться от этих атрибуций. Вместе с тем важно обратить внимание на сборник «Разные повествования, сочиненные некоторою Россиянкою», который упомянут И. Ф. Масановым как один из литературных трудов Дашковой, выступившей под псевдони-

* Работа выполнена в ходе подготовки Справочного тома для «Словаря русских писателей XVIII века» по программе фундаментальных исследований Секции языка и литературы ОИФН РАН № ОИФ-2 «Язык и литература в контексте культурной динамики».

¹ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1957. Т. 2: Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита. К—П. С. 259.

² Там же. Т. 1: Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита. А—И. С. 160.

³ [Мармонтель Ж.-Ф.]. Земира и Азор. М., 1783. С. 3 нenum.

⁴ См.: Голицын Н. Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889. С. 241; Семенников В. П. Книгоиздательская деятельность Н. И. Новикова и Типографической компании. Пб., 1921. С. 51. № 326; Заборов П. Р. Сушкова (Храповицкая) М. В. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: Р—Я. С. 210—211.

⁵ Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 3: Алфавитный указатель псевдонимов. Псевдонимы русского алфавита. Р—Я. Псевдонимы латинского и греческого алфавитов. Астрономы. Цифры. Разные знаки. С. 36.

⁶ Теплова В. А. Дашкова (урожд. Воронцова) Е. Р. // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1: А—И. С. 243—247.

мом «Некоторая Россиянка». В содержательной статье В. А. Тепловой о Дашковой в «Словаре русских писателей XVIII века» эта книга не названа; в «Сводном каталоге» она значится как анонимная. Между тем это издание объемом 114 страниц в 12-ю долю листа представляет собой несомненный интерес.

Новейшие исследователи, много сделавшие для изучения жизни и творчества Дашковой, тоже не упоминают этот сборник. В ежегодных сборниках Дашковского общества, созданного в Москве в 1999 году при Московском гуманитарном институте имени Е. Р. Дашковой, преимущественное внимание было обращено на ее биографию, общественную, политическую и научную деятельность как директора Академии наук и президента Российской академии. В книгах С. Р. Долговой,⁷ Г. И. Смагиной,⁸ Л. В. Тычиной⁹ были систематизированы многочисленные материалы о жизни Дашковой, использованы и опубликованы многие не известные ранее архивные документы, расширяющие представление о круге ее общения, контактах с русскими и зарубежными учеными и писателями. Особо следует отметить полезное издание Г. И. Смагиной «Е. Р. Дашкова. О смысле слова „воспитание“. Сочинения. Письма. Документы» (СПб., 2001). Здесь опубликованы и прокомментированы многие напечатанные в периодике статьи, которые были атрибутированы Дашковой с достаточным основанием такими исследователями русской журналистики XVIII века, как Н. А. Добролюбов, А. Н. Афанасьев, В. П. Семенников и др.

Как известно, Дашкова всегда выступала в печати анонимно. И потому почти каждая атрибуция (за исключением очень немногих, документально подтвержденных) в какой-то степени может быть оспорена. Однако несомненен тот факт, что она использовала псевдоним «Россиянка». В журнале «Друг просвещения» она поместила «Письмо к издателям» за подписью «Россиянка***», сопровождаемое следующим издательским примечанием: «С чувством живейшей благодарности мы получили и помещаем в журнале нашем письмо и пиэсы, присланные от почтеннейшей соотечественницы нашей, которой угодно было скрыть свое имя. Но кто по чувствам и слогу не узнает в ней ту, которой Российская Академия обязана своим существованием?»¹⁰

Под псевдонимом «Россиянка» могла выступать, конечно, и любая другая женщина-литератор. Однако подавляющее большинство русских писательниц XVIII века публиковали или переводы, или стихи, как например упоминавшаяся уже М. В. Сушкова. Ничего не известно о ее оригинальных прозаических сочинениях. Н. Н. Голицын, автор «Биографического словаря русских писательниц», в статье о Сушковой упомянул, что ее сын Н. В. Сушков просматривал «наши материалы о его матери», и, следовательно, должен был бы заметить отсутствие такого заметного труда, как сборник «Разные повествования, сочиненные некоторою Россиянкою». Незадолго до выхода этого сборника, в 1778 году появился в печати перевод Сушковой, принесший ей известность, — роман Ж.-Ф. Мармонтеля «Инки, или Разрушение Перуанской империи» в двух частях общим объемом около 480 страниц.¹¹ Этот перевод переиздавался в 1782 году. Можно полагать, что переводчица всецело была занята своей работой в тот период, когда другая «Некоторая Россиянка» выпустила сборник собственных сочинений.

⁷ Долгова С. Р. Княгиня Е. Р. Дашкова и семья Малиновских. М., 2002.

⁸ Смагина Г. И. 1) Сподвижница великой Екатерины. Очерки о жизни и деятельности директора Петербургской Академии наук княгини Екатерины Романовны Дашковой. СПб., 2006; 2) Княгиня и ученый: Е. Р. Дашкова и М. В. Ломоносов. К 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. СПб., 2011.

⁹ Тычина Л. В. Великая Россиянка. Жизнь и деятельность княгини Екатерины Романовны Дашковой. М., 2002; Тычина Л. В., Бессарабова Н. В. «...Она была рождена для больших дел». Летопись жизни княгини Е. Р. Дашковой. М., 2009.

¹⁰ Друг просвещения. 1804. Ч. 2. Апрель. С. 38.

¹¹ Рецензия на это издание появилась в февральском выпуске «Санкт-Петербургского вестника» за 1780 год (Ч. 5. С. 134—136).

Могла ли быть автором этого сборника Дашкова? Книга вышла в 1779 году в Университетской типографии, находившейся в это время в ведении Н. И. Новикова. Еще в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772) Новиков поместил статью о Дашковой, где сообщал: «...писала стихи; из них некоторые весьма изрядные напечатаны в ежемесячном сочинении *Невинное упражнение* 1763 года, в Москве. В прочем она почитается за одну из ученых российских дам и любительницу свободных наук».¹² Хотя Дашкова выступала анонимно, Новикову было известно, что именно она публиковала. По преданию, сообщенному М. Н. Макаровым, Дашкова участвовала в новиковских сатирических журналах. М. Н. Лонгинов писал о том, что Дашкова приняла участие в новиковском журнале «Трутень» и содействовала изданию журнала «Кошелек» (1774).¹³ В. П. Семенников выразил сомнение по поводу «Трутня», но считал вполне вероятным ее сотрудничество в «Живописце» и еще в большей степени в «Кошельке». Исследователь атрибутировал ей опубликованную там комедию «Народное игрище», в которой идиллически изображались отношения помещиков с крестьянами.¹⁴ Семенников писал об «очень вероятной» идейной близости Дашковой и Новикова в первой половине 1770-х годов, имея в виду, в частности, их выступления против галломании.

Однако в 1779 году, когда вышел интересующий нас сборник, Дашкова была не в России. Еще в 1776 году она с детьми отправилась за границу, с декабря 1776 года до июня 1779 года жила в Эдинбурге в Шотландии, совершая небольшие поездки по стране, посещая спектакли, музицируя, следя за успехами сына, обучавшегося в Эдинбургском университете.¹⁵ В начале июня 1779 года Дашковы отправились в Ирландию и до мая 1780 года оставались в Дублине. Екатерина Романовна вспоминала: «Пребывание в Дублине мне и поныне представляется счастливым сном, длившимся целый год. Благодаря заботам моих нежных друзей миссис Гамильтон и миссис Морган, вниманию и уважению их родных дни мои протекали в довольстве и покое».¹⁶ Таким образом, во время своего длительного пребывания в Великобритании Дашкова имела достаточно досуга. Если предположить, что она там написала «Разные повествования...», переслать их Новикову было несложно. Вероятно также, что книга была написана раньше, до отъезда за границу, и находилась в издательском портфеле Новикова, который, получив в аренду Университетскую типографию в 1779 году, сразу выпустил ее в свет.

Все эти предположения, разумеется, еще не могут быть аргументом в пользу авторства Дашковой, но позволяют допустить такую возможность.

Обратимся к содержанию интересующей нас книги. Сборник состоит из четырех небольших повестей, откровенно дидактичных, довольно слабых в художественном отношении, но любопытных своей подчеркнутой публицистической направленностью. В первой из них, под названием «Супружеская верность», рассказывается о злоключениях добродетельных супругов Милоры и Нилонта. Их маленького сына вместе с отцом внезапно похищают, и Милора отправляется на поиски, причем ей всячески помогают крестьяне, к которым супруги всегда хорошо относились. Между тем брат Нилонта Зломысл захватывает их имение. Милора в сопровождении одной из крестьянок приходит к некоему пустыннонику, который

¹² Материалы для истории русской литературы. Издание П. А. Ефремова. СПб., 1867. С. 31.

¹³ Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. СПб., 2000. С. 40, 46—47.

¹⁴ Семенников В. П. Русские сатирические журналы 1769—1774. СПб., 1914. С. 58. П. Н. Берков считал эту атрибуцию необоснованной, однако признавал, что автором пьесы «было лицо придворного круга» (Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 303).

¹⁵ См.: Тычинина Л. В., Бессарабова Н. В. «...Она была рождена для больших дел». Летопись жизни княгини Е. Р. Дашковой. С. 82—93.

¹⁶ Дашкова Е. Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Под общ. ред. С. С. Дмитриева; сост. Г. А. Веселая. М., 1987. С. 116.

ведет их в «дом сырых и болящих», где находит и мужа, и сына. Зломысл раскаивается в содеянном. Героиня повести, самоотверженная жена и мать, являет собой образец семейных добродетелей.

Вторая повесть «Гармора» связана с традициями социальных утопий. Речь идет о вымышленной стране, расположенной в Азии на некоем острове реки Зельты. О жителях этой страны, зельтах, говорится: «Зельты суть народ вольный, законы их основаны на правах естественных; они никому не подвластны и в самом своем обществе начальника не имеют; равенство, между ими наблюдаемое, соделывает их счастливыми (...) пышность, заключенная в оковы, изгнана из их пределов и тщеславие храма своего не имеет». Описание этого благоденствующего народа напоминает изображенных в литературе европейского Просвещения «добрых дикарей», «естественных людей», не испорченных пороками цивилизации. Правда, сообщается, что «зельты имеют водяное сообщение с другими народами и оттого не совсем утопают они в невежестве; они имеют хорошее понятие о мореплавании и о некоторых художествах; они до совершенного успеха достигли в ботанике, (...) производят они сады». Главное же достоинство зельтов — их высокие нравственные устои как в общественной, так и семейной жизни: «Зельты суть народ добродетельный; нравы их незлобивы, сердца человеколюбивы, чувства нежны; умеют они сохранить общественное согласие, родственную приязнь, супружескую верность, дружеские обязательства, и, наконец, умеют чувствовать нежную любовь».¹⁷ В качестве иллюстрации приводится история любви Граморы и Линтора. Когда юноша по ряду обстоятельств вынужден надолго уехать и распространяется слух о его гибели, Грамора решает стать жрицей в храме Луны, которой поклоняются зельты. Когда же Линтор возвращается, его сестра Екорида предлагает освободить Грамору от этого обязательства и, заменяя ее, сама становится жрицей, а влюбленные могут соединиться.

В третьей повести под названием «Честомысл» предпринята попытка изобразить персонажей, более близких к современной автору жизни. Но и здесь очень много условного. Юный Честомысл (имя становится уже «говорящим» для русского читателя), несмотря на уговоры отца, не хочет жениться на Идолиде, привыкшей к роскоши. Уже после смерти отца, гуляя однажды за городом, он случайно встречается с прекрасной девушкой Умозорой, сиротой, воспитанницей помещицы Злонравы. Он скрывает свое знатное происхождение и представляет девушке человеком «самого низкого состояния», живописцем, который делает работы для своего господина. Злонрава с радостью готова обвенчать Умозору с «подлым художником», чтобы и у нее «благородное состояние переменилось». Бескорыстная Умозора, полюбившая Честомысла, которого она считает крепостным, готова и на это. Когда же все выясняется, Злонрава посрамлена и разорена, молодые люди ее прощают и помогают ей.

Все первые три повести довольно схематичны и отличаются прямолинейным морализаторством. Достаточно привести такие примеры: «Добродетельное сердце умеет приводить в раскаяние»; «...добродетель, вооружась терпеливостью, в несчастиях не ропщет на гонения и ожидает лучшей себе награды, ибо она, рано или поздно, имеет свое воздаяние, так как и порок имеет свое наказание...»¹⁸ По характеру и стилю они вполне соответствуют тем особенностям, которые были отмечены В. П. Семенниковым: «...литературная манера Дашковой характеризуется употреблением отрывочных фраз, где в форме афоризмов высказываются различные истины, часто из числа тех, которые можно отнести к „прописным“».¹⁹ Повести «Супружеская верность» и «Честон» рассматривались

¹⁷ Разные повествования, сочиненные некоторою Россиянкою. М.: Университетская типография, 1779. С. 35.

¹⁸ Там же. С. 99, 100.

¹⁹ Семенников В. П. Русские сатирические журналы. С. 53.

В. В. Сиповским²⁰ как примеры «псевдоклассического романа» в духе А.-Ф. Прево д'Экзиля. Две другие повести, к сожалению, не упомянуты в фундаментальном труде В. В. Сиповского «Очерки из истории русского романа». Между тем они представляют для нас особый интерес.

Публицистичность, проявившаяся в повести «Гармора», в которой кратко наметены черты идеального общественного устройства, еще ярче проявилась в последней, четвертой повести. Она носит название «Звезда на лбу, или Знак добрых дел». Речь идет здесь о некоем европейском монархе. Автор пишет: «Порочные склонности сего государя, его худые нравы, его гордость, роскошь и тщеславие соделали всю его империю несчастною».²¹ Первый министр этого государя, Комитор, был «добродетельный и справедливый муж», который «нашел средство обратиться к себе такое сердце, которое никаких достоинств в себе не вмещало», и монарх любил своего министра. Но Комитор старался «отлучить сына своего от двора», чтобы уберечь его от царящих там пороков. Министр отправляет своего пятнадцатилетнего сына Мерканта путешествовать по Европе, чтобы узнать «нравы, обычаи и законы разных народов». Путешествие начинается на корабле, который попадает во время бури на безвестный остров. Здесь Меркант знакомится с «дикими», но «человеколюбивыми и страннопримчивыми» людьми. Они рассказывают о своем предводителе: «...он не имеет права нарушить законов; а ежели когда учинит сие преступление; мы властны обличать и укорять его в несправедливости и тем самым обуздываем его волю».²² В результате, когда монарх делает добро, на его лбу сияет звезда с блестящими лучами; когда же он поступает дурно — знак снимается. По возвращении домой Меркант все это рассказывает отцу, и тот придумывает подобный способ для воспитания своего государя. Когда тот действует хорошо, его статуя открывается, если же поступает плохо — на статую накидывается покрывало. Заключается рассказ неизменными нравственными сентенциями: «Монарх так, как и гражданин, гражданин так, как и крестьянин, имеет свои слабости; но не должно ли стараться искоренять оные? (...) Монарх! Стремись исправлять свои пороки для благосостояния твоих подданных; а мы, подданные, потщимся исправить свои для собственного нашего благосостояния».²³

Книга получила развернутый и очень благоприятный отзыв А. Т. Болотова, который писал: «Маленькая сия книжка принадлежит к числу романов самых мелочных, ибо и вся она содержит в себе с небольшим только сто страниц, а со всем тем имеет в себе еще четыре отделения, из которых каждое содержит в себе особливую повесть, не имеющую с другими никакого сообщения.

Но несмотря на всю свою мализну, достойна она множайшей похвалы, нежели иная и большая и во многих томах состоящая.

Для прочтения оной хотя не потребно более одного или двух часов времени, но время сие препровождено быть может с приятностию.

Повести, содержащиеся в оной, сами по себе хотя ничего дальнего в себе не содержат, но не имеют ничего и нескладного и дурного, писаны же с такою приятностию и таким особливым полугероическим нежным слогом, что читаешь не только без скуки, но с особливым еще удовольствием, и в нем столь много пленяющего, что приятность его впечатлевается в душу и остается надолго в ней впечатленною. Словом, книжка сия приносит особливую честь той неизвестной россиянке, которая ее сочинила, и буде то действительно так, что сочиняла повести сии женщина, то она сделала тем великую честь своему полу, и весьма жаль, что она не означила своего имени, ибо беспристрастно можно сказать, что в маленьких сих повестях

²⁰ Сиповский В. В. Очерки из истории русского романа. СПб., 1909. Т. 1. Вып. 1. С. 688—694.

²¹ Разные повествования, сочиненные некоею Россиянкою. С. 101.

²² Там же. С. 106.

²³ Там же. С. 111.

находится столь много доброго и столь много черт хороших сочинений, что подают они весьма хорошее понятие о разуме и дарованиях сочинительницы и побуждают желать, чтоб госпожа сия упражнялась в сочинениях такого рода далее, ибо легко б могла сделаться чрез то славною сочинительницею.

Коротко, книжка сия слогом своим отменна от весьма многих и принадлежит к хорошим и таким книгам, каких желать бы надобно, чтоб было больше на нашем языке. Она, как ни мала, но достойна иметь место в библиотеках и занимать оное между хорошими книгами». ²⁴

Характерно, что у Болотова вызывает даже некоторое сомнение, что сборник мог быть написан женщиной, но никаких собственных догадок об авторе он не высказывает.

Между тем книга содержит немало моментов, позволяющих провести параллели между описанными в ней событиями и ситуациями в жизни Дашковой, по-своему интерпретированных в ее «Записках», которые были написаны значительно позже и опубликованы впервые лишь в 1840 году на английском языке. Уже в первой повести, прославляющей добродетели верной супруги, можно найти определенное соответствие с «Записками», в которых княгиня неизменно стремится представить себя образцом семейных добродетелей. Важно вспомнить и о том, как сложно развивались ее отношения с императрицей. Постоянное притяжение и отталкивание — вот что их характеризует, напоминая в общих чертах ситуацию, описанную в повести о порочном государе и добродетельном министре, достоинства которого вынужден признать и государь. Рассказывая в своих «Записках» о несправедливых обидах, которым она подвергалась со стороны Екатерины II, Дашкова пишет и о том, как она радовалась «проявлениям ее доброты». Впоследствии, делая пометы на книге К.-К. Рюльера «История, или Анекдоты о революции 1762 года» («Histoire ou anecdotes sur la Révolution de Russie, en l'année 1762»), опубликованной в 1797 году, княгиня писала: «...я заявляла свое мнение, что императрица должна быть лишь регентшей до совершеннолетия своего сына» и вспоминала об «ужасе», проявленном ею «по поводу смерти императора» (т. е. Петра III).

В 1772—1775 годах, предшествовавших второму заграничному путешествию Дашковой, ее отношения с Екатериной II были особенно напряженными. Княгиня была в родстве и доверительных отношениях с Н. И. Паниным, воспитателем Павла Петровича, на которого возлагались надежды как на преемника престола. Именно к этому времени относится рост оппозиционных настроений в кругах, близких к братьям Паниным. Упоминание в повести «Звезда во лбу, или Знак добрых дел» о необходимости соблюдения монархом законов находит известное соответствие с «Рассуждением о неперемennых государственных законах», написанным Д. И. Фонвизинным под руководством Н. И. Панина.

Важно введение в повесть в качестве действующего лица Мерканта, юноши, которого отец хочет удалить от двора, чтобы не подвергать его пагубному влиянию порочных нравов, и отправляет для обучения за границу. Это тоже находит известное соответствие в биографии Дашковой, которая беспокоилась, чтобы ее подрастающий сын Павел не стал очередным фаворитом императрицы. Она просила у государыни необходимое разрешение для новой поездки за границу, чтобы там дать сыну образование. Как Дашкова вспоминала, это разрешение «было дано невероятно холодно». ²⁵ При встрече в Гааге Орлов заговорил с ней о фаворитах и о том, что «нельзя себе представить более красивого юноши, чем князь Дашков». В связи с

²⁴ Мысли и беспристрастные суждения о романах как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков Андрея Болотова. Часть 1. 1791 // ИРЛИ. Ф. 537. № 14. Л. 31—32 об. За сообщение этого ценного материала приношу сердечную благодарность А. Ю. Веселовой.

²⁵ Дашкова Е. Р. Записки. С. 111—112.

этим она писала: «...это представление о красоте сына испортило мне немало крови и причинило много волнений». ²⁶

Существен вопрос об источниках книги «Разные повествования» и, в частности, повести «Звезда на лбу, или Знак добрых дел». В книге, конечно, можно заметить общее воздействие просветительской публицистики, но особенно интересен мотив — звезда во лбу как знак совершенства. Этот мотив, широко известный в фольклоре разных народов, был использован и А. С. Пушкиным в «Сказке о царе Салтане» при описании Царевны Лебеди. Но как знак, отличающий выдающегося правителя, мотив восходит к античности. Светоний упоминал об изображении Юлия Цезаря со звездой над головой, поскольку во время первых игр, устроенных в его честь Августом, хвостатая звезда сияла в небе семь ночей подряд, что было воспринято как знак причастности императора к небожителям. Впоследствии стали упоминать не о звезде над головой, а о звезде на лбу. В примечаниях аббата Банье (Banier) к французскому изданию «Метаморфоз» Овидия (1737) ²⁷ сообщалось, что Август, желавший заставить подданных почитать Цезаря богом, повелел сделать его статую со звездой на лбу.

История этого мотива заслуживает специального исследования. Для нас сейчас важно, как он использовался применительно к правителю. Повесть «Звезда во лбу, или Знак добрых дел» получила неожиданный отклик в русской периодике XVIII века. С заглавием этого сочинения непосредственно соотносится псевдоним, которым была подписана одна из статей, напечатанных в «Собеседнике любителей российского слова», издававшемся Дашковой под руководством Екатерины II.

Когда в 1780 году Дашкова вернулась из своего путешествия, императрица проявила к ней благосклонность: началось их новое, хотя и недолгое сближение, последовало назначение княгини на пост директора Академии наук и президента Российской академии. Работая над «Собеседником», Дашкова неизменно согласовывала с Екатериной вопросы о публикации той или иной статьи. При подготовке 7-й части журнала, вышедшей в 1783 году, княгиня спрашивала, следует ли печатать адресованное «сочинителю Былей и небылиц» «Письмо», предварявшее небольшую статью под названием «Петр Великий». «Письмо» было подписано псевдонимом «Ни одной звезды во лбу не имеющий». Дашкова писала Екатерине: «Говорят, что она (статья. — Н. К.) принадлежит графу Румянцову, но мне это передано по секрету, и я узнала о том стороною». Вначале Екатерина ответила: «Что касается статьи г. Р., я на ней написала большими буквами: „В сторону”». ²⁸ Но затем она согласилась на публикацию, посылая в журнал одновременно свой собственный отклик на эту статью.

Автором был Сергей Петрович Румянцев, сын знаменитого полководца, человек прекрасно образованный и выступавший как литератор. ²⁹ В своей автобиографии он сообщал, что Дашкова сама пригласила его сотрудничать в «Собеседнике». Участие Екатерины II в журнале для него тоже не было секретом, так как он писал: «...решился я завести посредством сего журнала переписку с самой императрицей (сочинительницей «Российск(ой) истории» и «Былей и небылиц»». ³⁰ Пер-

²⁶ Там же. С. 120.

²⁷ Les Métamorphoses d'Ovide. A Paris, MDCCXXXVII. Т. 3. Р. 360. В последующих изданиях этот комментарий сохранялся. В России XVIII века интерес к Овидию был значителен, причем «Метаморфозы» неоднократно переводились именно с французского языка, в частности, один из переводов печатался в журнале «Невинное упражнение» (1763), в котором сотрудничала и Дашкова.

²⁸ Пекарский П. П. Материалы для истории журнальной деятельности Екатерины II. СПб., 1863. С. 29.

²⁹ См. о нем: Крестова Л. В. С. П. Румянцев — писатель и публицист (1755—1838) // Русская литература XVIII века. Эпоха классицизма. XVIII век. М.; Л., 1964. Сб. 6. С. 91—128; Заборов П. Р. Румянцев С. П. // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: Р—Я. С. 73—75.

³⁰ Автобиография графа С. П. Румянцева // Русский архив. 1869. № 5. С. 850.

вый раз для 3-й части «Собеседника» он прислал «Письмо к г. сочинителю Записок о российской истории», никак не подписав эту статью. Затем в 7-й части появилось упомянутое выше письмо к «сочинителю Былей и небылиц».

Эти публикации неоднократно привлекали внимание исследователей и рассматривались прежде всего как смелые полемические выступления против Екатерины II. Но в статьях Румянцева была затронута и Дашкова, и как издатель «Собеседника», и как президент Российской академии. Подражая шутливо-балагурному стилю «Былей и небылиц», Румянцев сообщал, что упражняется в сочинении «Адрес-календаря с примечаниями историко-философско-критическими». С нескрываемой иронией он писал: «Один из приятелей моих, который у меня к тому уже изготовленный календарь видел и нашел различные буквы к различным департаментам приставленные: инде Л., инде В., инде Н., инде П., сказал мне улыбаясь, что он читает уже все стопы бумаг, из сих букв рождающиеся, и предвещает мне читателей миллионами. Рассудите ж, какая из того Академии прибыль сделается. Сомневаюсь, чтоб и Собеседник, во все четыре части света рассылаемый, таковую ей принести мог».³¹ Этот иронический пассаж, в котором недвусмысленно имелась в виду деятельность Дашковой, предпринявшей подготовку «Словаря Российской академии», очевидно, очень уязвил ее, и при публикации к этим строкам было сделано примечание: «Многие люди с дарованиями могут принести Академии прибыль; но то, однако, не может быть без ее ведения и согласия. NB. Сие примечание сделано академическим наборщиком».³²

Публикуя статью «Петр Великий», Дашкова вновь использовала возможность возражать ему в издательском примечании. Восхваляя заслуги Петра I, Румянцев заметил: «Да ежели и оставалось премудрости Екатерины утвердить гражданское наше положение; то мы не можем не усмотреть из намерений сего государя, что одна тяжкая и долговременная война его лишь в том попечении нас лишила». К словам «гражданское наше положение» было сделано следующее примечание: «О сем ни единый человек, имеющий чувства неповрежденные, не может усомниться; бессмертные деяния Екатерины то ясно доказывают. (Прим. академического наборщика)».³³

Императрица ответила дерзкому автору кратким и довольно невыразительным письмом, опубликованным в той же 7-й части «Собеседника». Как писал позднее сам Румянцев: «Императрица была крайне недовольна и препоручила кн. Дашковой сделать сего моего сочинения пересмотр строгий и мне через журнал объявить».³⁴ Княгиня сама была задета не на шутку и охотно выполнила поручение. Для следующей, 8-й части журнала Дашкова написала язвительную статью под названием «Прошение к господам издателям Собеседника», в которой от имени некоего «Всегдашнего Собеседника читателя» просила издателей «не отягощать публику» такими сочинениями, как «Письмо к сочинителю Былей и небылиц с приобщением предисловия к истории государя императора Петра Великого». Она критиковала автора за незнание русского языка, но приводя цитаты из статей Румянцева, выбирала прежде всего те отрывки, которые могли послужить к обвинениям более серьезным: отсутствие почтения к автору «Былей и небылиц» и чрезмерное превознесение заслуг Петра I, оставлявшее в тени царствование Екатерины II. Известно, что Дашкова в отличие от большинства своих современников критически относилась к Петру и во время пребывания в Вене в 1780 году довольно откровенно говорила о недостатках его правления с австрийским премьер-министром В. А. Кауницем.³⁵ В русской печати она, разумеется, не могла прямо выска-

³¹ Собеседник любителей русского слова. 1783. Ч. 7. С. 168.

³² Там же. С. 168—169.

³³ Там же. С. 175.

³⁴ Автобиография графа С. П. Румянцева. С. 850.

³⁵ См.: Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии. СПб., 2006. С. 239—242, 393—397 (подг. текста и прим. Е. Д. Кукушкиной).

зывать эти взгляды, но Румянцеву она дала «добрый урок» не только по указанию Екатерины II: она чувствовала себя лично оскорбленной и осмеянной им.

Не довольствуясь примечаниями к тексту «Ни одной звезды во лбу не имеющего» и статей в 8-й части «Собеседника», она продолжила свои нападки на него и в 9-й части. Здесь была помещена ее статья «Краткие записки разносчика» за подписью «Рыжий Фролка».³⁶ Называя статью Румянцева «несообразным творением», Дашкова вновь обвиняла автора в незнании русского языка. Но приводимые ею цитаты опять выбирались так, чтобы подчеркнуть «свободоязычие» писателя, который, в частности, заявлял: «Мы видим государство, правда обширное, и тем самым от природы изобильно одаренное, но при том способности не в действии, достатки не в употреблении, слабость, с сими обстоятельствами неразлучную».³⁷ Эту фразу, достаточно понятную, она выбрала как пример языковой бессмыслицы и явного следования «французскому вкусу».

Румянцев, которому откровенно и достаточно грубо дали понять нежелательность его дальнейшего участия в журнале, написал в своей автобиографии: «Ирония, к которой я прибегнул, одних остроумных удовлетворяет».³⁸

Таким образом, избранный Румянцевым псевдоним «Ни одной звезды во лбу не имеющий», иронически напомнивший о сборнике «Разные повествования, сочиненные некоторою Россиянкою», тоже приобретает полемический смысл, и это позволяет с большой долей вероятности предполагать, что авторство книги, включающей повесть «Звезда на лбу, или Знак добрых дел», принадлежит именно Дашковой.

³⁶ Собеседник любителей российского слова. 1783. Ч. 9. С. 7—16. Статья включена в издание Г. И. Смагиной: Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание»: Сочинения, письма, документы. СПб., 2001. С. 137—141, 391—392.

³⁷ Собеседник любителей российского слова. 1783. Ч. 9. С. 11.

³⁸ Автобиография графа С. П. Румянцева. С. 850.

© А. Ю. Балакин

ПУШКИН — ЧИТАТЕЛЬ ГРАФА ХВОСТОВА

2. «...ОН ПОМОЛОДЕЛ И ТРЯХНУЛ СТАРИНОЙ»*

Об этом эпизоде пушкинской биографии было известно давно, но обнаруженные недавно материалы позволяют добавить к нему несколько выразительных штрихов, а также уточнить будущий комментарий к академическому изданию переписки Пушкина и дополнить летопись его жизни и творчества. Вкратце напомним контекст, на фоне которого будет развиваться интересующий нас сюжет.

26 августа 1831 года, в годовщину Бородинского сражения, русскими войсками была взята Варшава. 4 сентября весть об этом дошла до Царского Села, где в то время находились Жуковский и Пушкин.¹ На следующий день, 5 сентября, оба пишут по стихотворному отклику на это событие и представляют их царю.² Стихотворение Жуковского под заглавием «Русская песнь на взятие Варшавы (На голос:

* Первая статья опубликована: Балакин А. Ю. Пушкин — читатель графа Хвостова (I. «Что за прелесть его послание!») // Западный сборник: В честь 80-летия Петра Романовича Заборова. СПб., 2011. С. 29—43.

¹ См.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1999. Т. 3. С. 380. Об этом событии Пушкин оставил дневниковую запись (см.: Пушкин. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 201).

² Там же. С. 381.

«Гром победы раздавайся!») публикуется 8 сентября в «Северной пчеле»³ и одновременно выходит отдельной брошюрой. Цензурное разрешение на это издание выдано 6 сентября, а уже 7 сентября цензор подписывает разрешение на другое издание: брошюру под заглавием «На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина», куда входят названное выше стихотворение под измененным заглавием «Старая песня на новый лад (На голос: «Гром победы раздавайся»)» и два пушкинских стихотворения — написанная в тот же день, что и песня Жуковского, «Бородинская годовщина» и сочиненное немного ранее (2 августа) «Клеветникам России» (под которым в печатном тексте, впрочем, стоит другая дата: 16 августа). Это издание вышло в свет через несколько дней, в начале 10-х чисел сентября.⁴ Стоит упомянуть, что почти одновременно Жуковский сочиняет и публикует также отдельной брошюрой другое стихотворение, посвященное тому же событию, «Русская слава», с эпиграфом «Слава Русская жива!»⁵ (последняя строка «Старой песни...»).

Брошюра «На взятие Варшавы» вызвала лишь один печатный отклик: апологетическая рецензия была помещена в журнале «Телескоп» (1831. Ч. 4. № 16). Она начиналась следующими словами: «Падение Варшавы, увенчавшее новою славою победоносное оружие русское, одушевило первых наших поэтов благородным патриотическим восторгом и отозвалось на их звучных лирах достойными песнопениями».⁶ С мнением анонимного рецензента была согласна большая часть русского общества.⁷ Вскоре последовали французские и немецкие переводы этих стихотворений.⁸ Впрочем, здесь нет нужды приводить все положительные отклики на эти два стихотворения Пушкина: они хорошо известны; но необходимо напомнить, что ряд пушкинских друзей, в числе которых были А. И. Тургенев и П. А. Вяземский, отзывались о них очень резко.⁹

Кроме Жуковского и Пушкина на польские события отзывались стихами и другие поэты,¹⁰ в числе которых был граф Дмитрий Иванович Хвостов. Согласно помете на одной из бумаг его архива, 7 сентября он сочиняет стихотворение «Его Светлости Князю Варшавскому Графу Паскевичу-Эриванскому. *На взятие Варшавы*», которое вскоре будет опубликовано отдельно под заглавием «Радостная в ав-

³ Северная пчела. 1831. 8 сент. № 201; без подписи.

⁴ Объявление о продаже: Северная пчела. 1831. 14 сент. № 206. Стоит отметить непомерно высокую цену на эту 15-страничную книжку — 2 рубля. Почти сразу же «Клеветникам России» было перепечатано в «Русском инвалиде» (1831. 14 сент. № 233) с подписью «А. П.» и примечанием, что оно «взято из недавно вышедшей в свет книжечки, под заглавием: *На взятие Варшавы. Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина*». Укажем, что в библиографии Н. А. Синянского и М. А. Цявловского «Пушкин в печати. 1814—1837» (2-е изд. М., 1938) эта публикация не отмечена.

⁵ Датируется 12 сентября (см.: Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 668); объявление о выходе: Северная пчела. 1831. 24 сент. № 215. Отрывок перепечатан: Русский инвалид. 1831. 23 сент. № 241.

⁶ Пушкин в прижизненной критике. 1831—1833. СПб., 2003. С. 124.

⁷ Ср. краткий отклик в газете «Le Miroir» от 1 ноября, вышедшей в Петербурге на французском языке: «Чарующие аккорды Пушкина и Жуковского проникли во все сердца» (цит. по: Сперанская Н. Материалы по русской литературе в петербургской газете «Le Furet» / «Le Miroir» в 1831—1832 гг. // Новое литературное обозрение. 2009. № 98. С. 397).

⁸ См.: Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Л., 1927. С. 132—133 (прим. Н. В. Измайлова); Щеголев П. Е. Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд., испр. и доп. М.; Л., 1931. С. 352—360; Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830—1831. Прага, 1929. С. 20—21; Пушкин в прижизненной критике. 1831—1833. С. 367 (прим. А. М. Березкина).

⁹ Об отношении современников к стихам Пушкина и Жуковского, посвященным польским событиям, см., в частности: Беляев М. Д. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. С. 287—296; Муравьева О. С. Клеветникам России // Пушкинская энциклопедия: Произведения. СПб., 2012. Вып. 2. С. 481—484 (здесь же указана основная литература вопроса).

¹⁰ Собраны в кн.: Старый спор: Антология русских поэтических откликов на польские восстания 1794, 1830—1831 и 1863—1864 гг. / Сост. К. В. Ратников. Челябинск, 2006.

густе вестъ» (СПб., 1831) и датой 17 сентября. В нем, в частности, есть следующие строки:

Уже, уже гремят Россиян славных лиры,
Их песни звучные достигнут в дальни миры,

к которым в переиздании дано примечание: «Иван Иванович Дмитриев, Василий Андреевич Жуковский и Александр Сергеевич Пушкин воспели знаменитое покорение Варшавы в 1831 году».¹¹

Перейдем теперь к интересующему нас сюжету.

24 октября 1831 года Хвостов посылает Пушкину следующее письмо:

Милостивый государь мой
Александр Сергеевич,

Не повстречая вас лично, по приезде вашем из Царского Села, я имею честь послать к вам мои стихи вскоре после творения вашего, *Клеветникам России*, сочиненные. Примите их от старика, близкого к могиле, в знак отличного уважения к дарованиям вашим.

Против крамол писал я много,
Изобличал безумцев строго. —

Но убедясь в печальной истине опытом, что развращенные сердца завистливых крамольников ожесточенны и слухи их не внемлют прелестей гармонии сынов Аполлона, я ограничиваюсь желанием, чтобы знаменитая лира ваша предпочтительно воспевала богатырей русских давнего и последнего времени. Верьте почтению и преданности, с коими есмь и буду ваш,

милостивый государь мой,
покорный слуга

граф Хвостов.

24 октября
1831.¹²

В изданиях переписки Пушкина это письмо печатается по подлиннику, который ныне хранится в пушкинском фонде ИРЛИ.¹³ Этот листок находился среди тех бумаг поэта, которые П. В. Анненков, завершив работу над его собранием сочинений, не вернул по назначению, а оставил у себя. Потом они перешли к его потомкам, а впоследствии попали в руки профессору И. А. Шляпкину и были опубликованы им в 1903 году в книге «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина».¹⁴ В комментариях к различным изданиям этот сборник указывается как место первой публикации письма.

Рукописи приложенного к письму послания Хвостова в архиве Пушкина не сохранилось. При жизни обоих поэтов оно единственный раз было опубликовано в 1834 году в седьмом, дополнительном томе «Полного собрания стихотворений графа Хвостова» под заглавием «Александр Сергеевичу Пушкину, члену Российской Академии, 1831 года, при случае чтения стихов его о клеветниках России», с неизбежными примечаниями, которыми Хвостов почти всегда сопровождал публикации своих стихов.¹⁵ По этому источнику оно впоследствии перепечатывалось в

¹¹ Хвостов Д. И. Стихотворения. СПб., 1834. Т. 7. С. 252 (на обложке: Полн. собр. стихотворений).

¹² Цит. по: Пушкин Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. С. 237.

¹³ ИРЛИ. Ф. 244. Оп. 2. № 209 (рукой писаря, только подпись автограф).

¹⁴ См.: Шляпкин И. А. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903. С. 153.

¹⁵ См.: Хвостов Д. И. Стихотворения. Т. 7. С. 99—102 (текст), 261—262 (примечания).

антологиях «Русские поэты о Пушкине»,¹⁶ а также в издании сочинений Хвостова.¹⁷

Ответное письмо Пушкина Хвостову нам неизвестно, но в ноябре он сообщал Н. М. Языкову: «Хвостов написал мне послание, где он помолодел и тряхнул стариной. Он говорит

Приблизися похода к знаку,
Я стал союзник Зодиаку;
Холеры не любя пилюль,
Я пел при старости июль

и проч. в том же виде. Собираюсь достойно отвечать союзнику Водолея, Рака и Козерога».¹⁸

Языков, очевидно, заинтересовался хвостовским посланием, а поскольку находился с ним в поэтической переписке, вероятно, попросил прислать его. Подобные просьбы Хвостов выполнял всегда с охотой. Сохранилось его письмо к Языкову от 18 января 1832 года, где в постскриптуме он писал: «Прилагаю у сего мое последнее Сочинение в стихах, доселе еще ненапечатанное, к знаменитому Пушкину. Я высоко ценю дарование сего Современника нашего, но послание мое ему, нимало не оскорбительное, доказывает только, что мы с одной точки зрения видели вещи. Я никогда не утаю о том, что постигаю и чувствую».¹⁹ Приложенная к письму рукопись послания сохранилась; здесь оно озаглавлено «Послание к А. С. Пушкину, сочиненное сентября 20 дня, отправленное к творцу Годунова 29 октября в ответ на его стихи: Клеветникам России»,²⁰ текст близок к опубликованному позднее, хотя и не содержит примечаний. О посылке этого стихотворения Языкову Хвостов сообщил и М. П. Погодину в письме от 21 января.²¹ Почти одновременно с Языковым послание к Пушкину получил и Жуковский.²²

¹⁶ См.: Русские поэты о Пушкине: Сб. стихотворений / Сост. В. Каллаш. М., 1899. С. 301—304; Русские поэты о Пушкине: Юбилейный сб. стихотворений / Сост. М. Н. Аралова. СПб., 1899. 63—65 (не полностью).

¹⁷ См.: *Хвостов Д. И.* Соч. М., 1999. С. 139—142.

¹⁸ *Пушкин*. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. С. 241. В этом и других изданиях пушкинской переписки письмо датируется по помете на нем адресата: 18 ноября 1831 года; возможное уточнение датировки см.: Балакин А. Ю. Пушкинское письмо Н. М. Языкову (1831): Историко-литературный контекст // *Болдинские чтения*. 2013 (в печати).

¹⁹ ИРЛИ. № 19487 (листы не нумерованы); опубл.: Лит. наследство. 1952. Т. 58. С. 108. Кроме Языкова, Хвостов посылал свое стихотворение В. А. Голицыну при следующем недатированном письме: «Вы мне при последнем свидании проговаривали, что не читали моего послания, перед болезнью моею писанного, о клеветниках и завистниках к нашему знаменитому Александру Сергеевичу Пушкину. Я оно у сего в рукописи имею удовольствием Вам сообщить. И очень рад случаю, отдавая полную справедливость дарованиям известного певца нашего, что не утаил перед моими читателями ни мыслей, ни чувствований, которые меня одушевляли по сему предмету, равномерно как и всегда при издании моих сочинений» (ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 177; в оглавлении: «Князю Вас. Андр. Голицыну при доставлении рукописного послания к Поэту Пушкину» (Там же. Л. 5)).

²⁰ ИРЛИ. № 19488.

²¹ См.: Письма Д. И. Хвостова к М. П. Погодину / Публ. Т. Ф. Нешумовой // *Лица: Биографический альманах*. М.; Л., 1993. Т. 2. С. 283.

²² В бумагах Хвостова сохранилась его записка: «Милостивый Государь, Граф Дмитрий Иванович. Принишу вашему сиятельству искреннюю благодарность за доставление ваших двух стихотворений. Прочитал их с особенным удовольствием; вы не стареетесь. В сих последних стихах все отличительные черты вашего прежнего времени. Надеюсь часто иметь подобные от вас подарки. Примите уверение в искреннем почтении, с коим честь имею быть вашего сиятельства покорнейшим слугой. Жуковский. 1832. Генваря 30» (ИРЛИ. Ф. 322. № 78. Л. 34). В оглавлении к книге, куда вшита эта записка, Хвостов оставил к ней горделивую аннотацию (записанную не его рукой, но, несомненно, под его диктовку): «Письмо Василия Андреевича Жуковского. Благодарность за доставление моей рукописи с посланием (м) к Пушкину, и что я не стареюсь, и видно черты прежнего времени» (Там же. Л. 2 об.). Вместе с посланием к Пушкину Хвостов, вероятно, отправил Жуковскому свое «Послание Марье Петровне Охлестышевой» (СПб., 1832).

Вот все, что нам было известно об истории создания, распространения и публикации послания Хвостова Пушкину. Однако разыскания в архиве графа позволили дополнить эти сведения некоторыми новыми фактами.

Сначала небольшое библиографическое уточнение. Письмо Хвостова Пушкину от 24 октября 1831 года было впервые опубликовано гораздо раньше выхода сборника «Из неизданных бумаг Пушкина». Его почти целиком процитировал Е. Я. Колбасин в статье «Певец Кубры», помещенной в журнале «Время» в 1862 году. Текст сопровождался следующими апокрифическими подробностями: «В 1831 году Хвостов был в одном литературном обществе, где кто-то сказал, что не все довольны стихами Пушкина „К клеветникам России“; к общему смеху певец Кубры стал защищать Пушкина, называя его своим преемником. Это было 24 октября; на другой день, 25 числа, Пушкин получил от Хвостова такое письмо»,²³ — и далее следовал текст письма. Мимо этой публикации прошли и Шляпкин, и готовивший отдельное издание переписки Пушкина В. И. Саитов, и редакторы 14-го тома Академического полного собрания сочинений Пушкина Л. Л. Домгер и Л. Б. Модзалевский. Последнее особенно странно, потому что Модзалевскому-сыну статья Колбасина была знакома: процитировав в примечаниях к изданию писем Пушкина, начатого его отцом, письмо Хвостова полностью и указав на издания Саитова и Шляпкина, он также дал глухую отсылку к соответствующему номеру «Времени».²⁴ Однако любопытно другое: у Колбасина не было подлинника письма Хвостова, и он напечатал его по другому источнику. В середине 1850-х годов в руки Колбасина попал архив Хвостова, представлявший собой несколько десятков роскошно переплетенных альбомов, где были в хронологическом порядке собраны его переписка и другие материалы. В одной из этих книг, с историко-литературными заметками 1831 года, и находился черновик хвостовского письма. Он был изъят оттуда еще до поступления архива в Пушкинский Дом и до нас не дошел, однако в оглавлении книги последним, 130-м номером числится: «Пушкину при посылке стихов».²⁵

Опубликованный Колбасиным текст отличается от письма, полученного Пушкиным: очевидно, Хвостов доработал его перед отправкой. Приведем фрагмент с разнотечениями, выделяя их курсивом: «Но убедаясь в печальной истине опытом, что развращенные сердца завистливых кромольников ожесточенны и слухи их не внимают прелестной гармонии сынов Аполлона, я, *поразив врагов ваших*, ограничиваюсь желанием, чтобы знаменитая лира ваша предпочтительно *впредь* воспевала *только* богатырей русских давнего и последнего времени. *Не бойтесь и верьте*, что творения ваши и мои будут оценены не *сыщиками-современниками*, а *грядущим потомством*. Оно об нас изречет *настоящую критику правду*. Верьте почтению и преданности, с которыми емь и буду».²⁶ Впрочем, расхождения между подлинником письма Хвостова и его черновиком интересны, пожалуй, только для биографов графа. Для биографов же Пушкина важнее другое.

Еще Л. Б. Модзалевский обратил внимание на то, что «цитируемое Пушкиным место из стихов Хвостова в печатном тексте читается иначе»,²⁷ не сделав из этого никаких выводов.²⁸ Позднее было высказано предположение, что четыре строки, приведенные Пушкиным в письме к Языкову — это ироничная переделка оригинала, которая вполне укладывается в «арзамасскую» традицию пародирова-

²³ Время. 1862. № 6. Отд. I. С. 177.

²⁴ См.: Пушкин А. С. Письма. М.; Л., 1935. Т. 3. С. 438.

²⁵ ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 6; позднее другим почерком сделана приписка: «См. подлинник. Стихи поместить в 7-й том».

²⁶ Время. 1862. № 6. Отд. I. С. 177.

²⁷ Пушкин А. С. Письма. Т. 3. С. 439.

²⁸ Комментируя упомянутое письмо, И. Б. Мушина указала, что «стихи, приведенные Пушкиным, в печатном варианте послания заменены следующими», и привела цитату (Переписка А. С. Пушкина: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 197).

ния Хвостовских текстов. Так, О. Л. Довгий, сравнив оба текста, делает вывод: «Это уже Пушкин насмешничает».²⁹ Но в печатном тексте послания нет и строк, которые цитирует в своем письме Хвостов: «Против крамол писал я много, / Изобличал безумцев строго».

Все это позволяло предположить, что в 1831 году Пушкин получил от Хвостова не тот текст, который был напечатан через три года.

Среди бумаг Хвостова сохранилась рукописная книга начала 1830-х годов, своего рода его «рабочая тетрадь». Она дошла до нас далеко не полностью; по-видимому, от нее осталось менее половины: всего в ней 70 листов, но авторская пагинация начинается с 137 страницы, конец также отсутствует.³⁰ Самый ранний текст этой книги — «Июль в Петрополе 1831 года» (июль 1831), самый поздний — «Русская песня» (декабрь 1833); впрочем, они перемежаются и более ранними стихотворениями. Почти все тексты записаны не самим Хвостовым, а его секретарями, многие имеют несколько последовательных редакций — граф тщательно работал над своими стихами, прежде чем отдавать их в печать. Кроме стихов самого Хвостова в книге переписаны и обращенные к нему — А. Н. Глебова, А. А. Волкова, Г. Н. Городчанинова и др.; здесь находим также копию пушкинского письма Хвостову от 2 августа 1832 года, которой предпослана преамбула: «Вот письмо, которое я получил от знаменитого Александра Сергеевича Пушкина 3-го августа 1832 года в ответ на послышку мою его Варваре (sic! — А. Б.) Николаевне печатной музыки и слов песенки: *Соловей в Таверическом саду*».³¹ Двумя страницами выше находится сама «песенка», датированная «Маия 10-го».³²

В этой же тетради записана и ранняя редакция интересующего нас послания.³³ Первоначально оно имело заглавие: «Послание Александру Сергеевичу Пушкину 1831 года. Сентября 14-го»; позднее другим почерком добавлено: «По прочтении его стихотворения *Клеветникам России*». Затем оно было доработано, и нет сомнений, что именно этот промежуточный вариант получил Пушкин, поскольку в нем есть и те строки, которые автор «*Клеветникам России*» послал в письме к Языкову, и те, что процитировал в своем письме Хвостов.

Как и почти все тексты в этой тетради, послание было записано рукой переписчика, другими переписчиками были сделаны поправки; самим же Хвостовым вставлена лишь одна строка. Впоследствии рукопись была снова подвергнута многочисленной правке, после чего послание было записано еще раз в той же тетради:³⁴ текст, озаглавленный «Послание к А. С. Пушкину, сочиненное 1831 года [октября] сентября 20-го дня и отправленное к творцу Годунова 29 (sic! — А. Б.) октября, [в] ответ на его стихи: *Клеветникам России*», уже содержит примечания (их четырнадцать — больше, чем в печатной редакции) и очень мало отличается от того, который будет опубликован в седьмом томе стихотворений Хвостова. Очевидно, по этому источнику послание копировалось для публикации, что следует из пометы под заглавием: «7-й том / В число посланий».

Сравним первую промежуточную редакцию послания с печатной, отмечая курсивом расхождения:

²⁹ Довгий О. Л. Тритон всплывает: Хвостов у Пушкина // Хвостов Д. И. Соч. М., 1999. С. 48.

³⁰ ИРЛИ. Ф. 322. № 41; отметим, что переплет и недостающая часть были утрачены, по-видимому, еще в XIX веке, тогда же оставшаяся часть была неправильно сложена, отчего архивная нумерация не соответствует порядку листов: начало — л. 48—70 об., окончание — л. 1—47 об.

³¹ Там же. Л. 8.

³² Там же. Л. 6.

³³ Там же. Л. 59—61 об.

³⁴ Там же. Л. 64 об.—68.

Промежуточная редакция
(ИРЛИ. Ф. 322. № 41. Л. 59—61 об.)

Печатная редакция
(Хвостов Д. И. Стихотворения. Т. 7.
С. 99—102)

Когда кипела в жилах кровь,
Я славить мог весну, любовь;
Приблизися похода к знаку,
Я стал союзник Зодияку;
Холеры не любя пилюль,
Я пел при старости Июль...

Когда кипела в жилах кровь,
Я славить мог весну, любовь,
От ига лет, подобно маку,
Я, сгорбяся, равняюсь злаку,
Но стал союзник Зодиаку.
Страшась холеры стрел и пуль,
Я пел в Петрополе июль...

Спасибо Пушкину-Поэту,
Спасибо — говорю тебе,
Что Русских выставил примету
В своей с клеветником борьбе.
Твое творение прекрасно...

Спасибо Пушкину-Поэту;
Завистникам гостинец вновь
Заморскому докажет свету
Его к Отечеству любовь.
Его творение прекрасно...

Пускай Европу удивляли
Наполеонов меч и длань...

Пускай Европу ужасали
Наполеонов меч и длань...

Корысть, хищение, лукавство...

Корысть, хищенье, святотатство...

Желание — других ничтожность,
Их щастье — противоположность.

Желание — другим ничтожность,
Самой себе — добра возможность.

Но вопли птиц ночных и диких
Средь песни Лиры не включай;
Злословье нагло-сумасбродно,
Для разума и чувств бесплодно.
Коль буйных не смиряет меч,
Напрасна им поэта речь.

И вопли птиц ночных и диких
Ты, песнопевец, презирай.
Злословье нагло, беспокойно,
Высокой лиры недостойно.

* * *

* * *

Против крамол писал я много,
Изобличал безумцев строго,
Глухим в доводах нужды нет;
Поверь, рассудка чистый свет
Зло безначалья обесславит
И мир от гибели избавит. —
Пускай о лжи плодит нелепая молва,
Пускай завистники злословят и проказят,
Они достоинства и храбрости не сглазят...

Поверь, что правды чистой свет
Злоумышленья цепь прервет,
Дух безначалья обезглавит
Пусть клевету плодит стоустая молва,
Пускай завистники беснуются, проказят...

Для нас нет сомнения, что эту редакцию следует публиковать в будущем издании переписки Пушкина в приложении к письму Хвостова от 24 октября 1831 года.

Однако на этом сюжет не заканчивается.

В той же рукописной книге Хвостова, где находился черновик упомянутого письма к Пушкину, есть еще одна заметка с упоминанием имени автора «Клеветникам России». Она имеет № 127 и заголовок «Новости литературные 1831 года. Разные выписки и замечания» и начинается с подробного рассказа о заседании Российской Академии 11 сентября, где П. А. Шириинский-Шихматов читал свое похвальное слово Александру I. Затем следует текст:

«26 августа (...) получено известие от генерал-фельдмаршала Графа Паскевича-Эриванского, что он приступом покорил Варшаву. Сие происшествие было объявлено городу 201 выстрелом из пушек Петропавловской крепости.³⁵ Поэты напе-

³⁵ Об этом «Северная пчела» сообщила 5 сентября (1831. № 199).

рерыв, давно этого не бывало: Веревкин,³⁶ Сиянов,³⁷ Трилунный,³⁸ Норов,³⁹ А. С. Пушкин, В. А. Жуковский печатали свои стихи в разных журналах. Солдатская песня на голос: *Гром победы раздавайся* есть прекраснейшее и вместе превосходное сочинение, имеющее литературный вес и, без сомнения, не как *vers de circonstances* будет известна потомкам нашим и похвалена оными. Что же касается до двух статей знаменитого Пушкина, под названием *Бородино* и *Клеветникам России*, то я не знаю, что об оных сказать. Славный автор Онегина и других вчера очень хвалил мои стихи на Холеру, то есть *Июль месяц*, и читал мне многое из них наизусть, то я боюсь, обрадуясь его *приветом*, прослыть льстецом и скажу только, что Пушкина стихи нисколько не идут в сравнение с стихами Жуковского, хотя напечатаны в одной книжке и продаются по 2 рубли. За песнь Жуковского я заплачу охотно десять рублей, а что касается до Пушкина, то его стихи не поэзия, а политика — полемический вопрос, писанный, хотя с огнем эпиграмматически(м), но мне показался далек от дара певца многих достохвальных сочинений».⁴⁰

Ранее о встрече Пушкина и Хвостова в конце 1831 года нам ничего не было известно. Найденная мемуарная заметка ставит перед нами как минимум два вопроса. Первый: когда и где произошла упомянутая встреча? Второй: почему всегда иронически относившийся к творчеству Хвостова Пушкин обратил внимание на его стихи о холере — пусть даже сообщение, что он их «очень хвалил», не следует принимать за чистую монету?

Попробуем вначале определить временные рамки, когда могла состояться встреча двух поэтов. Нижней границей следует считать 24 октября — дату письма Хвостова к Пушкину, так как, напомним, оно начинается словами: «Не повстречая вас лично, по приезде вашем из Царского Села,⁴¹ я имею честь послать к вам мои стихи...» Возможно, кстати, что это произошло даже после написания упомянутого выше письма к Языкову: похвалами хвостовским стихам и чтением их наизусть Пушкин отдал дань вежливости престарелому поэту, которому после этого уже не надо было «достойно отвечать». Верхняя граница, очевидно, 3 декабря — в этот день Пушкин уезжает в Москву, где пробудет почти месяц,⁴² что отодвигает гипотетическую дату встречи на январь, а Хвостов едва ли делал свои записи спустя такие большие промежутки времени. Под № 128 в книге идет сентябрьская запись о его знакомстве с перепиской Екатерины II и Вольтера, под № 129 была заметка «О песне Якубовича, на взятие Варшавы»:⁴³ как и заключавшее книгу письмо Пушкину, эта заметка не сохранилась.⁴⁴ И хотя запись о Пушкине диктовалась не ранее 25 ноября,⁴⁵ встреча двух поэтов состоялась, по-видимому, незадолго до этого.

³⁶ *Веревкин Н. Н.* Взятие Варшавы. СПб., 1831 (цензурное разрешение: 13 ноября).

³⁷ *Сиянов П. Г.* Солдатская песня на взятие приступом Варшавы // *Русский инвалид*. 1831. 25 нояб. № 299. Ранее там же было опубликовано стихотворение Сиянова «Мой ратный конь» (1831. 9 сент. № 228), посвященное польским событиям, но написанное еще до взятия Варшавы.

³⁸ Стихи Трилунного (Д. Ю. Струйского), непосредственно посвященные взятию Варшавы, не выявлены (см.: *Васильев Н. Л.* Д. Ю. Струйский (Трилунный): Биография, творчество, библиография. Саранск, 2010. С. 259—261). Возможно, Хвостов имеет в виду его стихотворение «Богатырь» (Телескоп. 1831. Ч. 5. № 19. С. 327—328), посвященное воинской славе России, но без упоминания о польских событиях 1830—1831 годов.

³⁹ *Норов А. С.* Графу Паскевичу-Эриванскому // *Северная пчела*. 1831. 9 сент. № 202.

⁴⁰ ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 202 об. — 203 об.

⁴¹ Пушкин вернулся из Царского Села в Петербург около 15 октября (см.: *Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина*. Т. 3. С. 400).

⁴² См.: Там же. С. 417, 428.

⁴³ ИРЛИ. Ф. 322. № 35. Л. 6.

⁴⁴ Л. А. Якубович был автором двух песен о польских событиях: «Песня русского» была опубликована в «Русском инвалиде» 12 сентября (№ 232), «Песня русского солдата» — там же 16 сентября (№ 235); Хвостова, вероятно, заинтересовала последняя.

⁴⁵ Именно в этот день было опубликовано упомянутое в ней стихотворение П. Г. Сиянова (см. выше, прим. 37).

К этим соображениям можно добавить еще вот что. В конце 1831 года выходит в свет сразу несколько пушкинских шедевров: это и отдельное издание «Повестей Белкина», и «Пир во время чумы» в «Альционе», и «Моцарт и Сальери», «Бесы», «Дорожные жалобы» и «Анчар» в «Северных цветах». Это неизбежно должно было отодвинуть «Клеветникам России» и «Бородинскую годовщину» в тень, понизив их литературную актуальность. Хвостов же не упоминает о них как о последних новинках; это можно считать косвенным аргументом в пользу того, что запись была сделана в 1831 году.

Теперь попробуем ответить на вопрос гораздо более сложный: что же привлекло Пушкина в стихотворении Хвостова о холере и заставило «многое» из него запомнить?

Изображающее последствия петербургской эпидемии холеры⁴⁶ стихотворение Хвостова «Июль в Петрополе 1831 года» было написано им 17 июля: под этой датой спустя несколько дней оно будет опубликовано в газете «Колокольчик» (1831. 31 июля. № 61. С. 243—244). С этого же набора был напечатан отдельный листок — без указания выходных данных и цензурного разрешения,⁴⁷ 100 экземпляров которого было отдано автором в продажу с благотворительной целью.⁴⁸ Так, перепечатав в своем «Дамском журнале» стихотворение Хвостова, давний поклонник творчества графа и его многолетний корреспондент князь П. И. Шаликов снабдил текст примечанием: «Присланы автором, и продаются у С.-Петербургского книгопродавца, Ивана Глазунова, в пользу сирот, чьих родители умерли от холеры. Собранная сумма имеет быть доставлена к г-ну С.-Петербургскому градскому главе, коллежскому советнику и кавалеру Николаю Ивановичу Кусову».⁴⁹ Среди бумаг Хвостова действительно сохранились письма Кусова с расчетами по выручке от продажи листочка с «Июлем в Петрополе».⁵⁰ Впоследствии его автор не без гордости сообщал, что он «выручив от продажи в лавке Глазунова 250 руб. и пожертвовал для сирот, оставшихся после родителей, умерших от холеры».⁵¹

Популярности стихотворения способствовало и то, что в «Санкт-Петербургских ведомостях» был напечатан восторженный отклик о нем, без сомнения, инспирированный самим Хвостовым (или даже сочиненный им).⁵² Этот отклик с не-

⁴⁶ Ранее темы холеры он коснулся в небольшом стихотворении «Холера», посвященном прибытию Николая I в пораженную эпидемией Москву и датированном 8 октября 1830 года (опубл.: Невский альманах на 1831 год. СПб., 1831).

⁴⁷ Единственный выявленный экземпляр находится в архиве журнала «Русская старина» (ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. № 2979).

⁴⁸ См.: ИРЛИ. Ф. 322. № 78. Л. 201.

⁴⁹ Дамский журнал. 1831. Ч. 35. № 38. С. 185.

⁵⁰ ИРЛИ. Ф. 322. № 77. Л. 102, 126 и др.

⁵¹ Хвостов Д. И. Стихотворения. Т. 7. С. 251. Рассказы В. П. Бурнашева про брошюру Хвостова «Холера-Морбус» и ее распространение нельзя не признать за чистый вымысел (см.: Касьян Касьянов [Бурнашев В. П.]. Наши чудодеев: Летопись чудачеств и эксцентричностей всякого рода. СПб., 1875. С. 9 след.).

⁵² Выписываем этот любопытный текст целиком как яркий пример литературных стратегий тщеславного графа: «Неисповедимым судьбам угодно было испытать терпение наше бедствием, постигшим нашу Столицу. Сраженный горестью Петрополь (Смотри Стихотворение Графа Дмитрия Ивановича Хвостова, называемое: *Июль месяц в Петрополе 1831 года*, напечатанное в 61 нум. журнала «Колокольчик». — Прим. автора) беседовал с нашим Поэтом. Его ввуншения не потеряны для света: Автор воспользовался сим случаем с отличным искусством, изобразив резкими и верными чертами грозное явление в натуре. Разнообразие вымыслов и картин, верное подражание природе, богатство воображения, гармония стихов, обилие в мыслях и строгая подчиненность законам образованного вкуса составляют отличительные качества и главные достоинства сего классического произведения. Рассказ у Поэта нашего жив и занимателен. В произведении его движения много, и в раму довольно тесную он вложил действие, полное не от множества лиц и сцепления различных приключений, но от искусства, с каким Поэт умел выставить и оттенить главные предметы своего творения, в котором участие читателя поддерживается с начала до конца. Начало сего стихотворения изображает картину, рисованную рукою самой Поэзии; далее заметим, что Поэт имеет дар весьма живо воображать предметы свои, и искусство переселять их в воображение читателя; каждое описываемое им

большими изменениями был перепечатан Шаликовым — уже в «Московских ведомостях». ⁵³ Мнение же самого князя о стихотворении графа находим в его письме к последнему от 29 августа: «Я желал бы во всю жизнь свою слышать из уст Ваших, или по крайней мере читать Вашу рукою написанные стихи, столь, могу сказать, великодушные: „Я жив... но много жертв достойных / Недуга пало под косой!“». ⁵⁴ Прочитываемые Шаликовым строчки вспоминали и другие корреспонденты Хвостова, к примеру, митрополит Рязанский Евгений: «...имел в удовольствие получить новое Ваше стихотворение под названием *Июля в Петрополе*, и в Академических С. Петербургских ведомостях читал очень хороший отзыв об оном. Поздравляю Ваше Сиятельство с сим новым венком Вашей Лире (sic! — А. Б.). Милосердный Бог среди тысячи смертей сохранил Вас на память многих жертв достойных, недуга павших под косой». ⁵⁵ Высоко оценил «Июль в Петрополе» и другой Евгений, митрополит Киевский, писавший его автору 8 августа: «...благодарю Бога, что Он сохранил вас среди опасных болезней. С удовольствием прочитал я и ваши стихи на сию язву, среди которой ваша Лира нимало не ослабла». ⁵⁶ Без преувеличения можно сказать, что «Июль в Петрополе» стал самым ярким и популярным произведением Хвостова среди опубликованных им в 1831 году. Как видим, мимо него не прошел и Пушкин.

Поразительным образом настроение хвостовского стихотворения оказалось созвучно размышлениям Пушкина о бренности человеческого бытия, о внезапном наступлении недуга и скоростижности смерти, которая поражает без разбора — и юношей, и стариков. В октябре 1830 года в Болдино был написан «Скупой рыцарь», где есть следующие горькие строки: «...Дни наши сочтены не нами; / Цвел юноша вечер, а нынче умер, / И вот его четыре старика / Несут на сгорбленных плечах в могилу». ⁵⁷ Чуть более чем через месяц создается «Пир во время чумы», весь пронизанный апокалиптическими мотивами: привычная жизнь замирает, побежденная страшной эпидемией, люди полностью подчиняют себя мыслям о болезни, о возможной скорой смерти — не будем цитировать Пушкина, его строки всем известны. Возможно, поэт обратил внимание на следующие фрагменты «Июля в Петрополе», столь близкие его переживаниям того времени:

происшествие имеет характер и образ, ему одному свойственный; и читатель точно присутствует мысленно при том действии, которое описывает стихотворец. Воображение, перебегая от явления к явлению, спешит видеть новую картину, отражающую новую мысль Поэта. Он имеет слог гибкий, который всегда применяет к своему предмету: то возвышается в описании величественном, то трогает нас простым изображением нежного чувства. Окончание сего стихотворения, облеченное покровом уныния, представляет не картину, но очерк, который изображает соприкосновение между лучшим миром, нашею обителью и теми призраками, кои исходят из страны, нам неизвестной и страшной; но по нем познается великое искусство Поэта. Такое окончание достойно предпочтения на суде знатоков пред многими картинами дарования. Должно еще заметить, что в сем творении нет пустого набора слов для замены мыслей, для рифм или меры. Вообще скажем о поэзии его, что она есть вестница лучшего мира, напоминающая о бессмертии души и исцеляющая земные раны упованием на правосудие Всемогущего; она никогда не унижается до изображения предметов, недостойных человека, проникнутого глубокими чувствами доброго, хорошего и изящного; не теряясь в пустых мечтах воображения, она строго наблюдает правила чистой нравственности и светских приличий, и в кипящие чаши жизненных удовольствий вливает капли неземной жизни. Наконец сделаем заключение сему разбору следующим мнением: известный наш Поэт неоспоримо принадлежит к немногочисленному числу наших первоклассных стихотворцев, коих имена навсегда останутся украшением нашей поэзии. Беспристрастным разбором желая изъяснить глубокие чувства моей усердной благодарности Поэту за прекрасный подарок Словесности, я мог ошибаться в суждениях, но не в выборе способа к изъяснению признательности» (Санкт-Петербургские ведомости. 1831. 19 авг. № 193. С. 805—806; подпись: Николай Кр—в).

⁵³ См.: Московские ведомости. 1831. 29 авг. № 69. С. 2919—2920.

⁵⁴ ИРЛИ. Ф. 322. № 77. Л. 112.

⁵⁵ Там же. Л. 117.

⁵⁶ Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1868. Т. 5. Вып. 1. С. 207.

⁵⁷ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. С. 108—109.

Так чувствуя недуга тягость
 Спешит на торжищи народ;
 Не постигая скорби корня,
 Тоскует лакомств вредных раб.
 Обители забав закрыты,
 Не веют в тростнике Зефиры;
 Увяли на лугах цветы,
 Пресекались съезды и гулянья;
 При встрече бар, простолюдинов,
 О черной немочи запрос. <...>

В годах моих унылых, поздних,
 Покрытый сединой давно,
 Я жив... Но много жертв достойных
 Недуга пало под косой;
 Кто здесь Отечеству полезен,
 Тот в гроб всегда нисходит рано.
 Ловя последний сердца луч,
 Певец и скорби и печали,
 Могу соземцев на гробницах,
 Могу еще я слезы лить.⁵⁸

Возможно, последняя строфа нашла отражение и в переписке Пушкина. 22 июля он сообщает П. А. Плетневу оказавшийся ложным слух, что Хвостов умер,⁵⁹ а уже в следующем письме, от 3 августа, пишет: «С душевным прискорбием узнал я, что Хвостов жив. Посреди стольких гробов, стольких ранних или бесценных жертв, Хвостов торчит каким-то кукишем похабным. Перечитывал я на днях письма Дельвига; в одном из них пишет он мне о смерти Д. Веневитинова. „Я в тот же день встретил Хвостова, говорит он, и чуть не разругал его: зачем он жив?“ — Бедный наш Дельвиг! Хвостов и его пережил. Вспомни мое пророческое слово: Хвостов и меня переживет».⁶⁰ Как думается, в нескольких пафосных строках про «ранние и бесценные жертвы» Пушкин невольно перефразировал знакомые ему строки престарелого графа.

⁵⁸ Колокольчик. 1831. 31 июля. № 61. С. 243, 244.

⁵⁹ См.: *Пушкин*. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 15. С. 198.

⁶⁰ Там же. С. 206.

© Г. Н. Крапивин

К ЧЕМУ ПРИЛОЖИЛ РУКУ ИГУМЕН ПАФНУТИЙ?

Ф. М. Достоевский наделяет Мышкина неоспоримым талантом каллиграфии, который объявился у князя уже в начале романа «Идиот», в его первом разговоре с генералом Епанчиным. Особый интерес в этом эпизоде представляет сама фраза, написанная Мышкиным, и его комментарий:

«— Ого! — вскричал генерал, смотря на образчик каллиграфии, представленный князем, — да ведь это пропись! Да и пропись-то редкая! Посмотри-ка, Ганя, каков талант!

На толстом веленовом листе князь написал средневековым русским шрифтом фразу:

„Смиранный игумен Пафнутий руку приложил“.

— Вот это, — разъяснял князь с чрезвычайным удовольствием и одушевлением, — это собственная подпись игумена Пафнутия, со снимка четырнадцатого сто-

летия. Они превосходно подписывались, все эти наши старые игумены и митрополиты, и с каким иногда вкусом, с каким старанием! Неужели у вас нет хоть погодинского издания, генерал?»¹

Вот что говорится по этому поводу в комментариях к академическому собранию сочинений Достоевского: «Имеется в виду изданный М. П. Погодиным альбом „Образцы славяно-русского древлеписания”, тетради 1—2 (М., 1840—1841). В нем представлены 44 образца рукописных шрифтов (с IX по XVIII в.), снятые и литографированные К. Я. Тромониным. В этом издании Достоевскому запомнился 18-й образец из второй тетради (единственный в альбоме пример подписанного документа), которому М. П. Погодин дал в предисловии следующее описание: „...Употреби труд...». Из духовного завещания святителя Митрофана (с его подписью по листам, здесь собранною), преставившегося в 1723 году» (9, 431; комментарий Н. Н. Соломиной).

Пояснение не совсем ясное. В нем не упоминается о подписи игумена Пафнутия. Более внятно эта фраза прокомментирована В. Н. Захаровым: «В „погодинском” издании («Образцы славяно-русского древлеписания», издаваемые профессором Погодиным. Тетрадь II. М., 1841) воспроизведен лишь один подписанный текст (№ 18): „Епископ Митрофан Воронежский своей рукою подписал”. В другом издании, которое часто переплеталось с „погодинским”, — «Достопамятности Москвы. Издание Корнелия Тромонина. М., 1845», — опубликовано 16 образцов подписей патриархов, и восемь из них начинаются словом „смирренный” («Смирренный Ермоген патриарх» и т. п.)».²

То есть ни в погодинском факсимильном издании, ни в другом, близком к нему, нет такой формы подписи: «руку приложил», как нет и упоминания игумена Пафнутия.

Далее, уже в гостинной Епанчиных, в присутствии всего семейства, Мышкин делает такое пояснение: «Игумен Пафнутий, четырнадцатого столетия, — начал князь, — он правил пустыню на Волге, в нынешней нашей Костромской губернии. Известен был святою жизнью, ездил в Орду, помогал устраивать тогдашние дела и подписался под одною грамотой, а снимок с этой подписи я видел» (8, 46). В академическом собрании сочинений этот фрагмент прокомментирован следующим образом: «...*игумен Пафнутий*... — Речь идет об основателе Авраамиевой чухломской верхней пустыни на реке Виге (XIV в.) — см. П. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стр. 869» (9, 431).

Здесь также допущена неточность. Пафнутий был не основателем пустыни, а учеником Авраамия Городецкого, основателя четырех монастырей. Он был поставлен на игуменство своим учителем в третьем из них, Верхнем Собора Пресвятой Богородицы монастыре (конец XIV века) на реке Виге (ныне Костромская обл., Чухломский р-н, с. Коровье). Заметим, что и Мышкин совершает ошибку в своих пояснениях: «он правил пустыню на Волге». Вига, в верховьях которой располагался вышеупомянутый монастырь, является правым притоком реки Унжа, а та, в свою очередь, впадает в Волгу. Протяженность пути от монастыря до Волги по мелководной Виге и по Унже около пятисот километров.

Объяснения Льва Николаевича хотят и убедительны, но несколько парадоксальны, причем дважды. Парадоксальность же у Достоевского всегда указывает на необходимость повышенного внимания. Автор наделяет Мышкина редким знанием, которого у того не могло быть, хотя ему, по собственному признанию, «очень много русских книг удалось прочесть» (8, 25). Фраза: «Неужели у вас нет хоть по-

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1973. Т. 8. С. 29. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома и страницы.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: Канонические тексты / Отв. ред. В. Н. Захаров. Петрозаводск, 2009. Т. 8. С. 740.

годинского издания, генерал?», — свидетельствует о том, что Мышкин знаком не только с этой, но и с какими-то другими, еще более важными работами на тему каллиграфии. Ведь в погодинском издании нет такой подписи, да и упоминается оно как бы попутно. Мышкин не говорит точно, где мог видеть «снимок с этой подписи». Достоевский пускает нас по неверному следу, в конце которого мы должны обнаружить именно то, что он ложный (серьезная подсказка здесь: Волга — Вига). Этот ход — сигнал читателю об информации особой важности, скрытой автором в такой мягкой по звучанию строке: «Смиранный игумен Пафнутий руку приложил». Осталось выяснить, кто же на самом деле этот игумен Пафнутий и к чему он приложил руку. По версии самого Мышкина, в Костромской губернии в XIV веке был некий игумен по имени Пафнутий. Выдвигалась и иная версия, предложенная в комментариях к петрозаводскому изданию: «А. Л. Бем называет другого Пафнутия, преподобного Боровского: „Пафнутий — игумен (Боровский, в мире Парфений, ум. 1478)“ (*Словарь личных имен у Достоевского*, 1—81)».³

Но этот игумен жил в XV веке, а Боровск находится в Калужской губернии. Больше игуменов по имени Пафнутий обнаружено не было. Обе версии не соответствуют, на наш взгляд, масштабу замысла Достоевского в отношении каллиграфической «подписи». На это он намекает в реплике генеральши Епанчиной, выслушавшей рассказ Мышкина: «Впрочем, я думала, будет интереснее» (8, 46). Недаром имя Пафнутий в романе употребляется в двух сценах одиннадцать раз. Заметим, как настойчиво Елизавета Прокофьевна несколько раз повторяет свой вопрос, акцентируя внимание на личности Пафнутия:

«— Пафнутий? Игумен? Да пойдите, пойдите, куда вы и какой там Пафнутий? — с настойчивою досадою и чуть не в тревоге прокричала генеральша убежавшему супругу. <...>

— <...> Ах да: ну, какой там игумен? <...>

— Ну, какой там игумен?

— Игумен Пафнутий, — отвечал князь внимательно и серьезно.

— Пафнутий? Это интересно; ну, что же он? <...>

— Аглая, — сказала генеральша, — запомни: Пафнутий, или лучше запиши, а то я всегда забываю. Впрочем, я думала, будет интереснее. Где же эта подпись?» (8, 46).

Читатель, знакомый с погодинским изданием, в отличие от участников сцены, должен был задать себе тот же вопрос о подписи, которой здесь нет. Заведующий Дрвлекранилищем Пушкинского Дома В. П. Бударагин, ознакомившийся с нашей работой, любезно уточнил, что, кроме упомянутых выше, было еще несколько изданий, в которых Достоевский мог видеть «снимок с этой подписи».⁴

Однако и здесь снимка с подписи, упоминаемой Мышкиным, не нашлось. Более того, в дошедших до нас рукописях (и снимках) XIV—XV веков не фигурирует, по утверждению Бударагина, формула «руку приложил». Она обнаруживается в документах лишь с XVI века. Из этого следует, что «подпись <...> со снимка четыр-

³ Там же. С. 739.

⁴ *Калайдович К. Ф., Строев П. М.* Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке тайного советника, сенатора графа Федора Андреевича Толстого, с палеографическими таблицами почерков с XI по XIII век (числом 12). М., 1825; *Иванов П. И.* 1) Описание Гос. разрядного архива с присовокуплением списков со многих, хранящихся в оном, любопытных документов. М., 1842; 2) Сборник палеографических снимков с почерков древнего и нового письма, разных периодов времени, изданный для воспитанников Межевого ведомства. М., 1844; *Сахаров И. П.* Образцы древней письменности, снимки с судебного письма русского, литовско-русского и малорусского (XII—XVIII вв.). СПб., 1841 (1852); *Погодин М. П.* Русский исторический альбом. М., 1853; *Буслаев Ф. И.* Палеографические и филологические материалы для истории письмен славянских, собранные из XV рукописей Моск. Синодальной библиотеки, с приложением 22 снимков. М., 1855; *Срезневский И. И.* Древние памятники русского письма и языка (X—XIV вв.). СПб., 1863 (Приложение: Снимки с памятников. СПб., 1866).

надцатого столетия», которую якобы видел Мышкин, — не исторический документ, а художественный вымысел Достоевского (как минимум в датировке). Попробуем не только расширить временной диапазон наших поисков, но и рассмотреть возможные варианты относительно личности игумена (помимо двух вышеупомянутых).

Очевидно, должен быть третий игумен Пафнутий. Сосредоточимся на самой фразе, неоднократно обыгранной в двух сценах, где обсуждается каллиграфический талант Мышкина. Возьмем тему, общую для Карамзина и Пушкина, интересовавшую Достоевского еще в ранней юности, — настолько, что он написал не дошедшую до нас пьесу под названием «Борис Годунов», отрывки из которой читал на вечере 18 февраля 1841 года.⁵

Поищем игумена Пафнутия в истории Смутного времени.

В пушкинском «Борисе Годунове» (с посвящением Карамзину), в сцене «Палаты патриарха», появляется настоятель Чудова монастыря:

«Патриарх. И он убежал, отец игумен?

Игумен. Убежал, святой владыка, вот уж тому третий день.

Патриарх. Пострел, окаянный! Да какого он роду?

Игумен. Из роду Отрепьевых, галицких боярских детей; смолоду постригся неведомо где, жил в Суздале, в Ефимьевском монастыре, ушел оттуда, шатался по разным обителям, наконец пришел к моей чудовской братии; а я, видя, что он еще млад и неразумен, отдал его под начал отцу Пимену, старцу кроткому и смиренному; и был он весьма грамотен, читал наши летописи, сочинял каноны святым; но, зная, грамота далася ему не от Господа Бога...»⁶

Здесь изображены реальные исторические деятели: патриарх Иов и настоятель Чудова монастыря Пафнутий. Правда, Пушкин изменил сан последнего. Настоящий Пафнутий был архимандритом. Вот что пишет об этом Р. Г. Скрынников: «Как свидетельствует посольская справка 1606 года, „архимандрит Пафнотий для бедности и сиротства взяв его (Григория. — Р. С.) в Чудов монастырь”. Отрепьев недолго прожил под надзором деда. Архимандрит вскоре отличил его и перевел в свою келью. Там чернец, по его собственным словам, занялся литературным трудом. (...) Пафнотий приметил инока, не достигшего двадцати лет, и дал ему чин дьякона. „...По произволению тоя честныя лавры архимандрита Пафнотия, — писали летописцы, — (Отрепьев. — Р. С.) поставлен бысть во дьяконы рукоположением святейшего Иова патриарха...”»⁷

Весьма интересна в этой связи карамзинская оценка таланта Григория Отрепьева: «Постриженный Вятским Игуменом Трифоном и названный Григорием, сей юный Чернец скитался из места в место; жил несколько времени в Суздале, в обители Св. Евфимия, в Галицкой Иоанна Предтечи и в других; наконец в Чудове монастыре, в келии у деда, под началом. Там Патриарх Иов узнал его, посвятил в Дьяконы и взял к себе для книжного дела: ибо Григорий умел не только хорошо списывать, но даже и сочинять каноны Святым лучше многих старых книжников того времени».⁸

Последуем за подсказкой Достоевского о погодинском издании. Бударагин указал, что погодинских изданий было два: 1841 и 1853 года. Как видно из приведенных выше комментариев, наши предшественники обращались к первому из них.⁹ Мы же сконцентрируем внимание на другом, не попадавшем ранее в поле

⁵ Подробнее об этом см. в статье М. В. Загидуллиной «Борис Годунов» (Достоевский: Сочинения, письма, документы. Словарь-справочник. СПб., 2008. С. 283—284).

⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 20 т. СПб., 2009. Т. 7. С. 25.

⁷ Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1990. С. 31—32.

⁸ Цит. по: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1824. Т. XI. С. 124—125.

⁹ Погодин М. П. Образцы славяно-русского древлеписания. М., 1841. Тетрадь II.

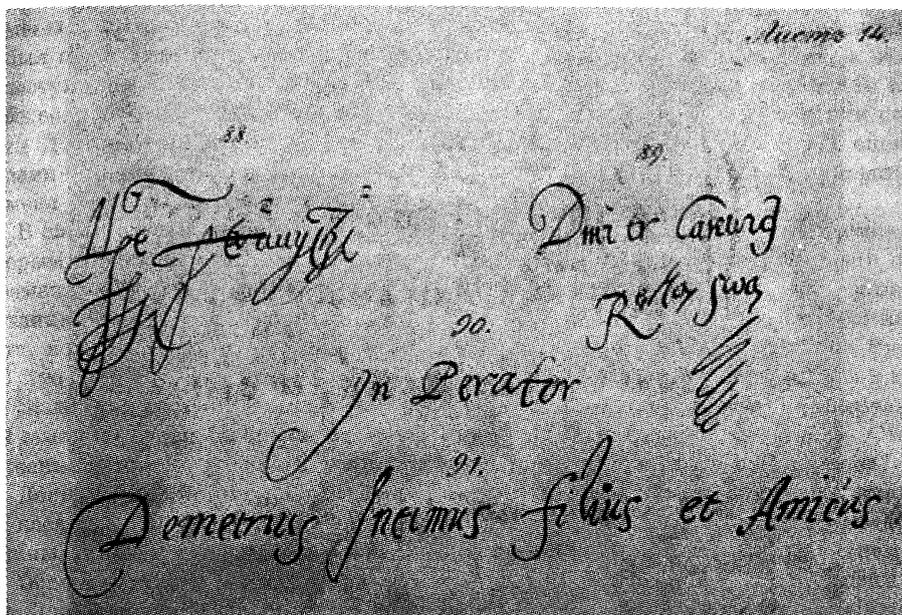

Рис. 1.

зрения исследователей.¹⁰ Здесь представлен 261 литографированный снимок писей. И только три относятся к XIV веку, но они, как и все остальные, не сожаты имени Пафнутий. Однако мы еще более расширим область поисков, чтобы яснить, нет ли среди автографов подписей близких знакомых интересующего пушкинского Игумена? Обратим внимание на лист 14, где есть очень любопытный снимок. Это каллиграфическая подпись самозванца Григория, выполненная в трех языках: русском, польском и латинском (образцы № 88, 89, 90, 91; рис. 1).

А теперь рассмотрим лист 18, где фигурируют подписи (образцы № 115, 117, 118) героя пушкинского «Бориса Годунова» патриарха Иова и двух других «смиранных патриархов», упоминаемых Карамзиным в 11-м и 12-м томах «Истории государства Российского» (знакомых нашего Игумена, служившего под знаменем всех троих):

№ 115 — Иова, первого Патриарха Всероссийского (1589—1605), друга Бориса Годунова: «Смиранный, божьей милостью патриарх московский и всея Руси»;

№ 116 — Лжепатриарха Игнатия (1605—1606), ставленника Лжедмитрия I: «Смиранный патриарх Игнатий»;

№ 117 и 118 — Гермогена, архимандрита Симонова монастыря, бывшего патриархом во время междоусобицы в 1606—1612 годах, ставленника Василия Шуйского: «Симонова монастыря Архимандрит Ерьмоген руку приложил 1588» «Смиранный Ермоген Патриарх».

На втором листе (см. рис. 2) все три патриарха в своих подписях употребили слово «смиранный», а третий (в бытность архимандритом), еще и «руку приложил». Полагаем, что Достоевский путем контаминации создал из пушкинских строк и этих автографов каллиграфическую подпись, которой намекал на самозванца «Бориса Годунова», так тесно связанного с каллиграфом Григорием. Хотелось бы выяснить, к чему именно он приложил руку.

¹⁰ Погodin М. П. Русский исторический альбом. М., 1853.

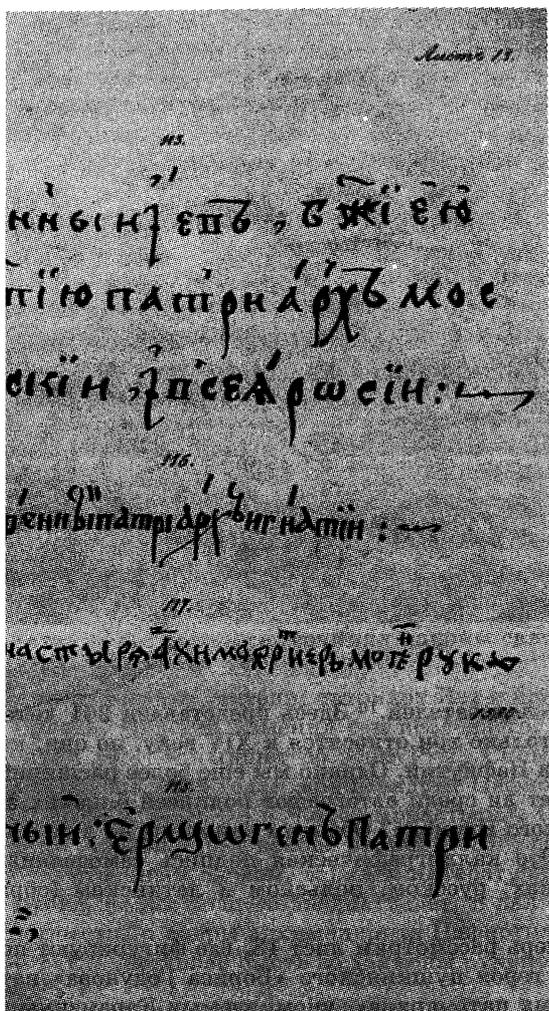

Рис. 2.

ну, отметим, что имя Пафнутий он упоминает лишь Лжедмитрия, однако с весьма интересными подробностями в темницах, лишали имения, ссылали за слодоносам, или единственно опасаясь нескромности свомитрий велел удалить многих Чудовских Иноков в хотя (что достойно замечания) оставил в покое Крутия (занимавшего эту должность первого патриарше-1 годах, т. е. со времени правления Самозванца. — лядя узнал в нем Диакона Григория, быв в его время яря, но, как вероятно, лицемерным или бессовестным званцу спас себя от гонения. Молчали и другие в боязь тихую». ¹¹

лен, архимандрит Чудовский, впоследствии митропо-сий (подсказка у Достоевского: «все эти наши старые

игумены и митрополиты») Пафнутий приложил руку к истории с Самозванцем.¹² Он был помилован при восшествии последнего на престол за смирение, в отличие от выступившего против Лжедмитрия патриарха Иова, которого арестовали во время богослужения и отправили в ссылку. Скорее всего, хорошо знавший эти подробности Достоевский полагал, что образованный читатель еще в первой сцене (до указания Мышкина во втором эпизоде на Костромскую губернию) при упоминании игумена Пафнутия сразу вспомнит пушкинскую драму.

В связи с этим любопытна также фамилия Евгения Павловича Радомского, с которым Мышкин сошелся особенно близко уже к концу романа. Вот что пишет Карамзин: «Удальцы Донские сели на коней, чтобы присоединиться к толпам Самозванца. Между тем усердный слуга его Пан Михайло Ратомский, Остерский Староста, волновал нашу Украину чрез своих лазутчиков и двух Монахов Русских (...) Кто бежал в Галицию к Самозванцу, кто в Киев, где Ратомский также выставил знамя для собрания вольницы: он поднял и Козаков Запорожских, прельщенных мыслию вести бывшего ученика своего на Царство Московское. — Столько движения, столько гласных происшествий могло ли утаиться от Годунова?»¹³

Достоевский, написавший своего «Бориса Годунова», без сомнения, знал всё, что касалось Смутного времени в «Истории...» Карамзина. Такие «совпадения» должны лишний раз указать читателю на эпизод со смиренным Пафнутием.

Обратим также внимание на явную близость разговоров о каллиграфии в романе Достоевского и следующего эпизода из комедии А. Н. Островского «Доходное место» (1857):

«Юсов. Вот, братец ты мой, возьми домой, перепиши это почище. Приказали. Белогубов. Мне приказали переписать-с?

Юсов (*садясь*). Тебе. У него, сказали, почерк хорош.

Белогубов. Мне очень приятно слышать-с.

Юсов. Так ты слушай, братец: ты не торопись. Главное, чтобы было почище.

Видишь, куда посылать...

Белогубов. Я ведь, Аким Акимыч, понимаю-с. Каллиграфически напишу-с, всю ночь просижу».¹⁴

Сходство ситуаций очевидно: не случись солидного наследства, судьба Мышкина, благодаря таланту каллиграфа и протекции генерала, была бы такой же, как у Белогубова.

В настоящей статье мы пытались выявить сам факт причастности Мышкина к самозванству, что не умаляет, а, напротив, увеличивает масштаб данного образа. Но это должно стать предметом особого исследования.

¹² Ср.: «Сперва начали волноваться только потому, что царь Василий (Шуйский. — Г. К.) избран одною Москвою; далее стали говорить, что нельзя нарушать клятву Димитрию и что Димитрий спасся из Москвы во время восстания народного. Напрасно собор посылал митрополита Пафнутия с увещанием к крамольникам. Царь и собор положили принесть народное покаяние» (История русской церкви. СПб., 1860. С. 69).

¹³ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. XI. С. 141—142.

¹⁴ Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. М., 1974. Т. 2. С. 42.

«ВПЕЧАТЛЕНИЕ ПЕРЕВОРОТА»:

А. БЛОК В ТВОРЧЕСКОМ СТАНОВЛЕНИИ Б. ПАСТЕРНАКА

На всех этапах своего творческого пути Б. Л. Пастернак уделял особое внимание диалогизму как важнейшему качеству искусства и человеческого бытия. Сам творческий акт был для него немислим без живого переживания единства мировой культуры, обращения к своим предшественникам и современникам как непосредственным собеседникам, участникам разговора о жизни и смерти. В частности, объясняя смысл посвящения «Сестры моей жизни» М. Ю. Лермонтову, он писал: «Я посвятил „Сестру мою жизнь“ не памяти Лермонтова, но самому поэту, точно он еще жил среди нас — его духу, все еще действенному в нашей литературе».¹

Известно, как искренне и самозабвенно проникнулся Пастернак чужим творчеством, будь то музыка А. Н. Скрябина, поэзия В. Маяковского или М. Цветаевой. Более того, в «Охранной грамоте» (1929) Пастернак, отвергая шаблонные представления, связал само свое обращение к литературе и, более того, становление акмеизма и футуризма с непосредственным влиянием А. Блока, Андрея Белого и символизма в целом: «Это было молодое искусство Скрябина, Блока, Коммиссаржевской, Белого, — передовое, захватывающее, оригинальное. И оно было так поразительно, что не только не вызывало мыслей о замене, но, напротив, его для вящей прочности хотелось повторить с самого основания, но только еще шибче, горячее и цельнее. <...> Однако новое возникало не в отмену старому, как обычно принято думать, но совершенно напротив, в восхищенном воспроизведении образа» (3, 210).

Применительно к увлечению творчеством Блока в молодости у нас есть и другие свидетельства Пастернака, в частности, формула «Блок, которого я боготворил» из письма к Цветаевой 1926 года (7, 609) или признание из позднего очерка «Люди и положения» (1956): «С Блоком прошли и провели свою молодость я и часть моих сверстников...» (3, 309). Некоторое подтверждение этим высказываниям мы находим и в воспоминаниях С. П. Боброва: «Ужасно любили Коневского, а за него даже и Брюсова (который уже от нас как-то отходил, оттертый с переднего плана мучительной красотой мертвенно прекрасного Блока)» (11, 64—65).

Сразу оговорим, что вопрос о возможном воздействии Блока на формирование Пастернака как поэта требует особенной осторожности. Во-первых, в доступных нам источниках нет развернутых высказываний раннего Пастернака о Блоке, мы имеем дело лишь с беглыми упоминаниями и интертекстами разной степени достоверности, которые лишь косвенным образом свидетельствуют о том, что Пастернак следил за творчеством Блока и хорошо знал корпус его текстов. Так, в 1912 году Пастернак просит А. Л. Штиха купить и прислать ему в Венецию 2-й том блоковского собрания сочинений (7, 132), в 1914 году он же усматривает в лирике самого Штиха «благородный, по роду своему напоминающий Блока — Верлена — колеблющийся между формой и свободным стихом — напев» (7, 182). А в 1917 году, описывая становление Маяковского как современного гения, Пастернак замечает: «такой подросток <...> перестает понимать <...> как Александр Блок, написав „Магическое“ и „Отравы“, пишет все прочее...»

С точки зрения интертекстуальных связей, самым заметным свидетельством можно признать стихотворение «Я рос, меня, как Ганимеда...» (1913), где одна строфа целиком отсылает к художественному миру Блока, в частности, к произведениям «Незнакомка» (1906), «В туманах, над сверканьем рос...» (1905), «Я вы-

¹ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 2005. Т. 10. С. 380. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы.

шел. Медленно сходили...» (1901). Свое поэтическое рождение Пастернак осознает здесь как погружение в мифопоэтическую реальность, сотворенную Блоком:

Я рос, и повечерий тканых
 Меня фата обволокла,
 Напутствуем вином в стаканах,
 Игрой печальной стекла...

(1, 328)

Во-вторых, есть по меньшей мере два случая, когда поздний Пастернак отрицал влияние Блока на собственное творчество. По воспоминаниям Исайи Берлина, в беседе 1945 года Пастернак говорил, что «гений Блока, несомненно, преобладал в свою эпоху, но блоковское лирическое чувство оставалось ему чуждо. Подробнее об этом говорить он не хотел» (11, 495). А в письме Мишелю Окутюрье 1959 года, рассуждая о своей близости к тому или иному писателю, Пастернак отмечал: «У меня не было такого чувства по отношению к Блоку, который был для меня Богом, поскольку этот поэт писал на том же языке» (10, 426).

Однако для нас принципиально важно, что знакомство с лирикой Блока сам Пастернак датировал концом 1905—1906 годами, тогда как, например, открытие Маяковского произошло в 1914 году, уже после выхода дебютной книги Пастернака «Близнец в тучах». При этом в «Людах и положениях» Пастернак подчеркивал, что отчетливо помнит свое первое впечатление от стихов Блока, поскольку они стали для него настоящим откровением и наложили отпечаток на все его последующее творчество. Прежде всего Пастернака поразили органичность, субстанциальность и естественность блоковских образов, их способность донести до читателя всю полноту живой жизни и живой души творца на фоне условно поэтических абстракций символистской поэзии: «И когда в этом царстве установившейся и только потому незамечаемой неестественности кто-нибудь откроет рот не из склонности к изящной словесности, а потому, что он что-то знает и хочет сказать, это производит впечатление переворота, точно распахиваются двери и в них проникает шум идущей снаружи жизни (...) Казалось, страницу покрывают не стихи о ветре и лужах, фонарях и звездах, но фонари и лужи сами гонят по поверхности журнала свою ветреную рябь, сами оставили в нем сырые, могучие воздействующие следы» (3, 308).

На наш взгляд, поэтические книги, а, возможно, и статьи («Краски и слова» (1905), «О лирике» (1907), «Душа писателя» (1909) и др.) Блока сыграли свою роль в формировании у Пастернака представления об искренности, самобытности и внутренней свободе художника как обязательных условиях подлинного искусства в противовес искусству-ремеслу. Вслед за Блоком Пастернак признает истинным субъектом литературного процесса одаренную талантом поэтическую личность, в то время как литературные группировки, построения критиков, теории и манифесты приобретают второстепенное значение и оцениваются, скорее, отрицательно.

«Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он *сжег себя дотла* (...) только оно может стать великим» — заключал Блок в «Письмах о поэзии» (1908).² Ранее тот же круг идей был развит им в статье «О лирике»: «...поэты интересны тем, чем они отличаются друг от друга, а не тем, в чем они подобны друг другу (...) центр тяжести всякого поэта — его творческая личность (...) вопрос о школах в поэзии — вопрос второстепенный (...) Поэты не могут быть ни „эстетическими индивидуалистами“, ни „чистыми символистами“, ни „мистическими реалистами“...»³

С первых своих шагов в литературе Пастернак стремится отстоять право на непосредственное выражение в лирике своего опыта восприятия мира вне рамок каких-либо школ и канонов: «Разве искренность не дно художественного излияния

² Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 278.

³ Там же. С. 135.

со всеми его чудесами и событиями, со всеми *приметами его глубины*. (...) Подлинность, оригинальность, самобытность — вот что лелеял я и за что опасался, вот чем я болел...» (7, 186—187). Участвуя в деятельности «Центрифуги», он неизменно упрекал Боброва за попытки раздувания вражды с литературными конкурентами и оценивал поэтов независимо от их групповой принадлежности. А после небывалого творческого подъема 1917 года Пастернак занял принципиально антигрупповую позицию, следствием которой явилась статья «Несколько положений»: «Символист, акмеист, футурист! Что за убийственный жаргон! Ясно, что это — наука, которая классифицирует воздушные шары по тому признаку, где и как располагаются в них дыры, мешающие им летать» (5, 26). В приведенной цитате можно увидеть и прямую реминисценцию к процитированной выше статье Блока «О лирике».

При этом, по нашему мнению, Пастернак изначально был типологически близок Блоку в своей исключительной способности к нестереотипному образному мышлению, основанному на сверхъестественной остроте зрительных и слуховых впечатлений. Оба действительно переживали вдохновение как особое внутреннее оостояние, не вполне подконтрольное воле и сознанию, когда одержимый лирической стихией поэт в буквальном смысле видит и слышит иную реальность, которая решительным образом отличается от общепринятой и которая кажется ему высшей, подлинной, совершенной. И обоим был свойствен своеобразный культ лирического творчества, которое они признавали наиболее ценным и глубоким способом познания мира, веря, что именно озарение в момент вдохновения может открыть человеку единство мира и мировую гармонию;⁴ одновременно оба критически относились к пониманию поэта как теурга или мессии.

Отсюда фаустианское стремление удержать мгновенные озарения в памяти и разделить их с другими, что возможно только путем вербализации. Вспомним, как описывает творческий акт Блок: «...и все дни и все ночи налетает глухой ветер из тех миров, доносит обрывки шопотов и снов на незнакомом языке (...) Гениален, быть может, тот, кто сквозь ветер расслышал целую фразу, сложил слова и записал их...» (статья «Памяти Врубеля», 1910).⁵ По этому поводу Пастернаку удалось дать афористическую формулировку в «Охранной грамоте»: «Мы перестаем узнавать действительность. Она предстает в какой-то новой категории. Категория эта кажется нам ее собственным, а не нашим состоянием. Помимо этого состояния все на свете названо. Не названо и ново только оно. Мы пробуем его назвать. Получается искусство» (3, 185).

О том, насколько молодой Пастернак был подвержен подобным «дионисийским» состояниям, можно судить по воспоминаниям его друзей, в частности С. Н. Дурылина: «Он испытывал приступы кружащейся из стороны в сторону тоски. (...) Он писал мне длиннейшие письма, исполненные тоскующей мятежности, какого-то одоления несбыточностью, несказанностью, заранее объявленной невозможностью лирического исхода в мир, в бытие, в восторг, каким-то голым отчаянием. Это бросался ему в голову лирический хмель искания слова. Вячеслав Иванов сказал бы, что он одержим Дионисом. И это было бы верно (...) Вдруг раз в муке и тоске воскликнул он, оскалив белые, как у негра, зубы: „Мир — это музыка, к которой надо найти слова!“» (11, 60). Последняя реплика со всей отчетливостью обнаруживает, что раннему Пастернаку было присуще блоковское переживание бытия как музыкальной стихии, что требует отдельного обстоятельного изучения.

⁴ Заметим, что отношение Блока к понятию «лирики» отличалось крайней противоречивостью: «...источником доброй половины моих тем служит *ненависть к лирике*, родной и близкой для меня стихии...» (Там же. С. 235). Тем не менее ценность лирики как способа познания мира в его глубинной сущности и способа преобразования человеческих душ всегда оставалась для Блока безусловной: «Нельзя сопротивляться могуществу гармонии, внесенной в мир поэтом; борьба с нею превышает и личные и соединенные человеческие силы» (Там же. Т. 6. С. 162).

⁵ Там же. Т. 5. С. 423.

Соответственно, Блок и Пастернак вслед за ним стремились преодолеть «проклятие отвлеченности»,⁶ предельно сократить разрыв между образом и его словесным эквивалентом, так чтобы читатель прочувствовал всю глубину и яркость авторского взгляда. В письмах 1910-х годов Пастернак предъявляет к каждому своему стихотворению требование исключительной жизненности, превращающей текст из высказывания о бытии в часть самого бытия: «...все это можно описать так, что дождь будет течь по строкам...» (7, 60); «Но сначала нужно научиться писать так о весне, чтобы иные схватывали грипп от такой страницы или приготавливали кувшин с водой под эти свежесорванные слова» (7, 243). И именно лирика Блока, воспринятая как откровение, как факт жизни, а не изящной словесности стала для него одним из важных ориентиров в решении этой задачи.

По красноречивому свидетельству самого Пастернака, из особенностей творческого метода Блока он воспринял прежде всего «стремительность», «блуждающую пристальность», «беглость его наблюдений», ведь «черты действительности как током воздуха занесены вихрем блоковской впечатлительности в его книги» (3, 309). В набросках к статье о Блоке 1946 года Пастернак определил это качество как «своеобразный Блоковский импрессионизм» (5, 363).

На наш взгляд, на раннем этапе творчества Пастернак мог воспринять в первую очередь импрессионистические черты поэтики Блока в сочетании с общей метапоэтической установкой. Мы имеем в виду стремление поэта точно зафиксировать свое целостное душевно-эмоциональное состояние или, говоря другими словами, непрерывный поток сознания в момент вдохновения, когда мгновенные впечатления порождают множество разноплановых чувств и ассоциаций, в том числе культурных и исторических.

В результате происходят существенные изменения самой структуры словесного образа: нарушаются логические и физические законы, не разделяются зрительные, слуховые и тактильные ощущения, совмещаются несколько идеологических и пространственно-временных точек зрения, вплоть до полного взаимопроникновения внутреннего и внешнего миров. А на уровне поэтического языка импрессионизм проявляется в соположении слов из разнородных семантических рядов, частотности эллиптических и бессубъектных конструкций.

Все эти явления можно обозначить термином «неосинкретизм», который был введен С. Н. Бройтманом. Блок явился одним из первооткрывателей данного неклассического типа художественности, возрождающего синкретизм древнейшего искусства.⁷ В качестве примера приведем строки из стихотворения Блока «Мы шли на Лидо в час рассвета...» (1903): «Я чутко спал, раскинув руки / И слышал мерный плеск волны. / Манили страстной дрожью звуки, / В колдунью-птицу влюблены. <...> И чайка — птица, чайка — дева / Все опускалась и плыла / В волнах влюбленного напева, / Которым ты во мне жила».⁸

Едва ли корректно толковать возникающий здесь словесный образ только как троп — развернутую метафору, ведь его основой является субъективная реальность восприятия конкретного биографического эпизода. Высказывание обладает неопределенной модальностью реальности/ирреальности, сна/яви, где мы не можем разграничить пространство моря и пространство души и наблюдаем синкретические образы чайки-колдуньи-девы, песни-волны и во всех них сквозит блоковская Ты.

Что касается Пастернака, то он изначально осознавал импрессионизм основой своего творческого метода: «Можно бросить все, и прежде всего, конечно, теорию и оставить налицо только одно: чуткую восприимчивость и какое-то послушанье по-

⁶ Там же. Т. 8. С. 226—227.

⁷ См.: Бройтман С. Н. А. Блок в «Докторе Живаго» В. Пастернака // Дискурс. 2000. № 8—9. С. 136—137.

⁸ Блок А. А. Собр. соч. Т. 1. С. 304.

лученным впечатлениям. Так именно начинается искусство» (7, 91). Более того, в статье «Черный бокал», написанной в 1913 году, Пастернак прослеживает единую традицию от французского импрессионизма к русскому символизму и далее футуризму, поясняя суть первого через образ бережной упаковки хрупкого багажа впечатлений: «Искусство импрессионизма — искусство бережливого обхождения с пространством и временем — искусство укладки; момент импрессионизма — момент дорожных сборов...» (5, 13).

Такой же смысл имеет известный пастернаковский образ поэзии как губки, которая вбирает в себя все, что связано с «фактом так-то и так-то пережитого вдохновения (вещь как губка пропитывалась всегда в таких случаях тем, что вблизи ее находилось: приключеньями ближайшими, событиями, местом, где я тогда жил, и местами, где бывал, погодой тех дней)» (7, 322).

Ранние стихи и прозаические наброски Пастернака представляют собой чисто импрессионистические зарисовки, которые передают состояние полной неразличимости «Я» и мира: «Карий гнедой зрачок мальчика — зерна снегу. А ближе брови переходят в кусты и птиц черту, под ними капле благовеста, и вечереют огни, и кутается в мех, внизу же земля огни хватает и зароеет...» (2, 486). Или: «По вечерам случаться грудью / В весне и цепенеет дух. / Как сеть, состегано безлюдье / Из жижней, проступивших вслух. / Как капли из моих артерий» (2, 284).

Главное, повторяюсь, что для обоих поэтов импрессионизм был не просто художественным приемом, а, можно так сказать, реалистической передачей своего внутреннего состояния. Разница заключалась в том, что Блок был склонен придавать своим видениям мистический и религиозный смысл, в то время как ранний Пастернак четко разделял искусство, историю и религию, находя для своих впечатлений лингвофилософское и даже естественнонаучное обоснование. Исходя из кантианской предпосылки о непознаваемости «вещей в себе» и тезиса, что «ощущаемым нами звукам и краскам в природе соответствует нечто иное, объективное колебание звуковых и световых волн» (3, 319), Пастернак рассматривал субъективность как качество, выражающее суть человека вообще. Следовательно, каждый человек своим восприятием мира фактически участвует в сотворении реальности, одухотворяя материю и обогащая наши представления о мире.

На более позднем этапе (время работы над книгой «Сестра моя жизнь», 1917) Пастернак в полной мере наследует принципы автобиографической поэтики Блока. Мы имеем в виду отношение поэта к собственному творчеству как воплощению непрерывного внутреннего пути, который и является его настоящей биографией. Каждая из стадий этого пути вместе с ее нравственной оценкой реализуется в художественном целом цикла и книги стихов. Об особом значении книги для создания единого образа личности Пастернак размышлял в уже упомянутых «Нескольких положениях». При этом реально-биографическая основа обязательно мифологизируется и включается в метаисторический контекст мировой культуры, получая тем самым высочайший ценностный статус. В этот период Пастернак также развивает намеченные Блоком тенденции к прозаизации лирики, инкорпорированию в поэтический текст биографических и бытовых реалий.

Уникальность блоковской лирической трилогии была в свое время описана Ю. Н. Тыняновым: «Блок — самая большая лирическая тема Блока. Эта тема притягивает как тема романа еще новой, нерожденной (или неосознанной) формации».⁹ Собственно, задачу создания такого романа, который бы воплощал внутренний духовный путь творческой личности и выстраивал единый образ мира на основе не детерминистских причинно-следственных связей, а символистских соответствий, чтобы за обыденными событиями открывалось метафизическое измерение, Пастернак пытался разрешить с конца 1910-х годов.

⁹ Тынянов Ю. Блок и Гейне // Об Александре Блоке. Пб., 1921. С. 240.

Характерно, что в период работы над «Доктором Живаго» Пастернак постоянно подчеркивал, что пишет роман «вместо статьи о Блоке» (5, 458), что старается вернуться «ближе к сути, к миру Блока» (9, 443), что герой составляет «некоторую равнодействующую» между ним и поэтом (9, 492). Для позднего Пастернака идеализированный образ Блока становится воплощением свободной творческой личности, которая, несмотря на буквально страшные годы, оказывается способна сохранить любовь к ближнему и верность Христу, повторить Его жертвенный путь, обретающая бессмертие в творчестве, любви, человеческой памяти.

Однако возникает закономерный вопрос: а почерпнул ли что-то ранний Пастернак непосредственно из содержания художественного мира Блока? Ведь осмысляя Блока как крупнейшего поэта рубежа веков, чьи произведения выразили самый дух эпохи и приобрели вневременное значение, Пастернак тем не менее всегда ощущал значимые расхождения с Блоком в своем эмоциональном строе, ценностных и философских позициях. Поэтому, в частности, в лирике раннего Пастернака мы не обнаруживаем трагической модальности, разрушительной иронии, отношения к творчеству как к «аду»,¹⁰ гностических и богоборческих мотивов.

Тем не менее некоторые стихотворения раннего Пастернака имеют в качестве своего пре-текста, исходной лирической ситуации либо конкретные произведения Блока, либо устойчивые образы и мотивы блоковской лирики. Сам Пастернак указывал на связь замысла стихотворения «Близнецы» (1913) и центрального для его первой книги близнечного цикла со стихотворением Блока «Темно в комнатах и душно...» (1901) из «Стихов о Прекрасной Даме» (5, 671). В данном случае блоковский текст становится источником образа звезд как горящих сердец, одухотворенных личностей, с которыми лирический герой жаждет вступить в диалог и осознать свое родство. Более того, к тому же ряду можно отнести стихотворение Блока «Ночь. Город угомонился...» (1906), заканчивающееся строками «И звезды рассказывают. / Все рассказывают звезды»,¹¹ и стихотворение Пастернака «Звезды летом» (1917), которое начинается со строк «Рассказали страшное, / Дали точный адрес» (1, 130). Позднее образ горячей звезды будет развит Пастернаком в «Рождественской звезде» из «Доктора Живаго».

Ситуация «лирический герой видит сон о смерти возлюбленной», связанная с пробуждением чувства любви, из стихотворений Блока 1898 года «Мне снилась смерть любимого созданья...» и «Мне снилась снова ты в цветах на шумной сцене...» точно повторена вместе с ритмическим рисунком в стихотворении Пастернака «Мне снилась осень в полусвете стекол...» (1913). Блоковский мотив опьянения творчеством на фоне ненастной городской осени возникает в произведениях Пастернака 1913 года «Все оденут сегодня пальто...» и «Пиршества», причем строка «Нынче нам не заменит ничто / Затуманившегося напитка» кажется нам цитатой из статьи Блока «О лирике»: «Они — лирики (...) не дадут вам, люди, ничего, (...) кроме одурманивающего напитка».¹²

Эта же статья, равно как и статья «Памяти Врубеля» и стихотворение Блока 1910 года «Демон», стала для Пастернака источником синкретического образа Демона-Врубеля-Лермонтова как первого лирика в стихотворении «Памяти Демона» (1917) и определили посвящение «Сестры моей жизни» Лермонтову.¹³ Наконец, блоковская тема игры в чувства, гибели любви под натиском пошлости в Страшном мире (с соответствующей ситуацией гуляния влюбленных пар у озера и катания на лодках), которая была раскрыта им в стихотворении «Над озером» (1907) и стала общим фоном в «Незнакомке» (1906), точно воспроизведена Пастернаком в

¹⁰ Блок А. А. Собр. соч. Т. 5. С. 434.

¹¹ Там же. Т. 2. С. 196.

¹² Там же. Т. 5. С. 132.

¹³ См.: Бройтман С. Н. Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя — жизнь». М., 2007. С. 83—89, 148—172.

стихотворении «Подражатели» (1917).¹⁴ Позднее, в книге «Темы и вариации» (1923) в ландшафте блоковской Незнакомки и вместо Незнакомки у Пастернака появится гетевский Мефистофель: «Из массы пыли за заставы / По Воскресеньям высыпали. <...> Казалось, захлестав из низкой / Листвы струей высокомерья, / Снесла б весь мир надменность диска / И терпит только эти перья» (1, 167).

Характерно, однако, что в пределах «Сестры моей — жизни» мы встречаем и диаметрально противоположную трактовку той же ситуации в стихотворении «Сложь весла», где передано беспредельное счастье единения влюбленных друг с другом и с миром:

Лодка колотится в сонной груди,
Ивы нависли, целуют в ключицы,
В локти, в уключины — о погоди,
Это ведь может со всеми случиться!

(1, 127)

Случаи, когда блоковские тексты становятся у Пастернака объектом полемики и подвергаются сознательной трансформации, представляют особый интерес, поскольку позволяют выявить существенные закономерности художественного мира обоих поэтов. Во-первых, Пастернак, как бы следуя заветам статьи Блока «Краски и слова», старается овеществить его высокие символы, добиться максимальной наглядности и даже натуралистичности образов, буквализировать и прозаизировать откровенно мистические ситуации, включая описание творческого акта. В результате возникает особого рода пастернаковская ирония, которая не отрицает и не профанирует сакральные смыслы, но вводит романтическую символику в контекст житейской прозы и домашнего обихода.

Так, стихотворение «На пароходе», которое по ритмике и обилию интертекстов можно назвать пастернаковской версией «Незнакомки», своим заглавием отсылает нас к строке «Она (т. е. Прекрасная Дама. — *И. Б.*) не ездит на пароходе» из стихотворения Блока «Поэт» (1905).¹⁵ У Пастернака, однако, вместо Прекрасной Дамы и Незнакомки мы встречаем на пароходе земную женщину, беседующую с лирическим героем за ресторанным столиком. «Берег очарованный» становится берегом реки, «очи синие бездонные» и «перья страуса склоненные» переходят в метафору «Синее оперенья селезня / Сверкал за Камою рассвет», «глухие тайны» и «древние поверья» превращаются в «были <...> прошедших дней» (1, 105—106), о которых рассказывает героиня, хотя блоковские значения имплицитно сохраняются в тексте.¹⁶

Среди других примеров игры с блоковскими символами укажем на четверостишие «Скажи же навсегда адье / Своей прекрасной даме, / И неуступчивое лье / Заляжет между вами» из ранних поэтических опытов Пастернака (2, 494) или строфу из стихотворения «Как казначей последней из планет» (1915), где в иронический по отношению к романтической позе «поэта» контекст включаются такие знаковые слова блоковского словаря, как «сон», «туман», «заря» и «огонь»:

Ну понятно, в тумане бумаг, стихи
Проведут эту ночь во сне!
Но всю ночь мои мысли, как сосен верхи —
К заре — в твоём первом огне.

(1, 353)

¹⁴ На блоковские интертексты в стихотворениях «Памяти Демона» и «Подражатели» одним из первых указал Е. Б. Пастернак. См.: *Пастернак Е. Б.* Отражение блоковской поэзии в лирике В. Пастернака // Александр Блок и мировая культура. Великий Новгород, 2000. С. 341—348.

¹⁵ *Блок А. А.* Собр. соч. Т. 2. С. 70.

¹⁶ Там же. С. 186.

Во-вторых, Пастернак радикальным образом меняет интонацию и эмоциональный настрой блоковских первоисточников. Чувства экзистенциального ужаса перед абсурдом бытия, невосполнимой утраты лучшего в себе, неизбежности смерти, жажды иной, подлинной жизни сменяются верой в благость провидения, ощущением жизни как чуда и дара, переживанием счастья существования и полноты бытия. Достаточно сопоставить, например, стихотворения «В октябре» Блока (из так называемого «чердачного цикла» 1906 года) и «Про эти стихи» Пастернака (1917).

В обоих текстах лирический герой после долгого уединения на чердаке открывает окно и всматривается в окружающий мир. При этом «хмурой столице»¹⁷ Блока у Пастернака соответствует «разгулявшийся денек» (1, 115), октябрь — Рождество, замерзающему мальчику — играющая детвора (единственное число показательно меняется на множественное). Лирический герой Блока замкнулся от безысходности, его пьянство является отнюдь не вдохновенным состоянием: «Давно звезда в стакан мой канула, — / Ужели навсегда?» Надежда преодолеть одиночество и вновь обрести творческое могущество может явиться ему только в пьяном бреду: «Вот, вот — в глазах плывет манящая, / Качается в окне... / И жизнь начнется настоящая, / И крылья будут мне!» Наконец, его преследуют бытовые неурядицы: «И вышел мой табак».

В свою очередь, лирический герой Пастернака в своем уединении и опьянении поэтически вселил и его оторванность от мира мнимая, он курит с Байроном, пьет с Эдгаром По и ходит в гости к Демону, а чердак декламирует его стихи зиме. Заметим, что этот нарочито прозаизированный контекст не профанирует творческий акт, а, скорее, свидетельствует о родстве поэта с бытием всего мироздания.

Наконец, творческий порыв у Блока («Лечу, лечу к мальчишке малому, / Средь вихря и огня...») оборачивается самоубийством, и, что важно, даже смерть ничего не изменяет в «страшном мире», а Пастернак заканчивает стихотворение гимном жизни: «Я жизнь, как Лермонтова дрожь, / Как губы в вермут, окунал».

Аналогичный механизм трансформации блоковского претекста мы наблюдаем в «Заместительнице» (1917) Пастернака. Окончательно оставив надежду на воссоединение с возлюбленной, лирический герой стихотворения Блока «О доблестях, о подвигах, о славе...» (1908) в порыве отчаяния убирает ее фотографию со стола, тогда как «заместительница» героини у Пастернака сохраняет все очарование оригинала и буквально оживает в воображении лирического субъекта, отчего тот приходит в восторг: «Им, им — и от души смеша, / И до упаду, в лоск, / На зависть мчащимся мешкам, / До слез, — до слез!» (1, 136).

В целом, мы можем констатировать, что с художественным миром Блока связаны два главных, инвариантных пастернаковских образа — поэт и возлюбленная. Женские образы Пастернака, находясь в русле воспринятых через Блока традиций Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского и В. С. Соловьева, воплощают в себе Вечную Женственность и единство жизни, неотделимы от природы и Мировой души, обладают способностью преобразить лирического героя и вселенную в целом: «С каждым шагом хватаюсь за голову — / Ты везде, везде, везде. <...> Ты — сереющий сумрак за астрами, / Пустынь дач в крапленом песке <...> Остановлен лазурной черточкой / Вновь тебя в ней узнаю» (2, 300). Это ранее (1913) стихотворение, вероятно, возникло под впечатлением блоковского «Везде — над лесом и над пашней...» (1907): «Везде — над лесом и над пашней, / И на земле, и на воде — / Такою близкой и вчерашней / Ты мне являешься — везде».¹⁸

Кстати, одним из возможных источников образа Сестры-жизни могли быть и несколько стихотворений Блока, в частности «Ангел-Хранитель» 1907 года («За то, что связала нас тайна и ночь, / Что ты мне сестра, и невеста, и дочь») и «Ми-

¹⁷ Там же. С. 193—194.

¹⁸ Там же. С. 335.

лый брат. Завечерело...» 1906 года («И тихонько перескажем, / Все, что видели, сестре...»), в которых «сестра» становится ипостасью Вечной Женственности.¹⁹

Однако героини обоих поэтов попадают в плен извращенных общественных отношений (в чем можно усмотреть отражение соловьевского мифа о порабощении Мировой души хаосом), изменяют своему высокому предназначению и сами нуждаются в освобождении. Отсюда — тема униженной и страдающей женственности. Лирический герой, в свою очередь, чувствует глубинное родство с Ней и стремится к полному единению. Характерно, что у раннего Пастернака мы встречаем буквальные случаи отождествления лирического героя с женщиной:²⁰ «И когда сумерки меня перегоняли, / Им нужно было посмотреть вперед, / Как станет амазонкою подросток, / Как с обреченной грудью он взойдет / На женственной готовности подмосток» (2, 289); «Там, в зеркале, они бессрочны, / Мои черты, судьбы черты, / Какой себе самой заочной / Я доношусь из пустоты!» (2, 296). Во втором из приведенных фрагментов метаморфоза осуществляется и на грамматическом уровне, с помощью формы местоимения женского рода «самой», которая указывает на лирическое «Я» текста.

Поэт в интерпретации и Блока, и Пастернака готов полностью отдаться чувственной стихии, увидеть в падшей женщине Мировую душу или поднять Ее на должную высоту в творчестве, но едва ли способен совершить мужественный подвиг Ее спасения, что наполняет его переживанием экзистенциальной вины. Поэтому, в частности, позднее Пастернак осмыслял послереволюционные ужасы как справедливое возмездие за оскорбленную женственность и был готов жертвовать собой ради Ее преображения и счастья. Ср. в стихотворении «Весеннею порою льда...» (1932):

И так как с малых женских лет
Я равен женской доле,
И след поэта — только след,
Ее путей, не боле,
{...}
То весь я рад сойти на нет
В революционной воле.

(2, 87)

К середине 1920-х — началу 1930-х годов лирический герой Пастернака приобрел такие связанные с лирикой Блока качества, как нравственный максимализм, критическое отношение к себе, тяга к радикальному внутреннему преображению, жертвенность и готовность повторить путь Христа или Гамлета. В полном виде блоковский синкретизм возлюбленной-природы-Мировой души-России с одной стороны и поэта-Христа-Гамлета с другой будет реализован в «Докторе Живаго», где строки «Осенней воли» (1905) буквально воплотятся в сюжетный эпизод,²¹ где Живаго отождествляет рябину с Ларой: «Но густых рябин в проезжих селах / Красный цвет зареет издали, {...} И вдали, вдали призывно машет / Твой узорный, твой цветной рукав. {...} Приюти ты в даях необъятных! Как и жить и плакать без тебя!»²² «А тропинка, по которой шел доктор, привела его к только что упомянутой рябине. Она была наполовину в снегу, наполовину в обмерзших листьях и ягодах, и простирала две заснеженные ветки вперед навстречу ему. Он вспомнил большие белые руки Лары, круглые, щедрые и, ухватившись за ветки, притянул дерево к себе. {...} Он бормотал, не понимая, что говорит и сам себя не помня: —

¹⁹ Там же. С. 91, 102.

²⁰ См. об этом: *Иванов Вяч. Вс.* О теме женщины у Пастернака // «Быть знаменитым некрасиво...»: Пастернаковские чтения. М., 1992. Вып. 1. С. 43—54.

²¹ Впервые эта связь была выявлена С. Н. Бройтманом (см.: *Бройтман С. Н.* А. Блок в «Докторе Живаго» Б. Пастернака. С. 137).

²² *Блок А. А.* Собр. соч. Т. 2. С. 75.

Я увижу тебя, красота моя писаная, княгиня моя рябинушка, родная кровинушка» (4, 372).

Обобщим наши наблюдения. В период своего поэтического становления Пастернак отнюдь не стремился подражать Блоку и не заимствовал у него готовых ритмических или образных форм. Критика также никогда не зачисляла Пастернака в разряд блоковских эпигонов, а его ранние стихи воспринимались в околосимволистских кругах как что-то выходящее за рамки элементарного литературного вкуса (11, 42).

Тем не менее независимо от того, был ли в биографии Пастернака период увлечения творчеством старшего современника, мы полагаем, что сама личность Блока и его «лирическая трилогия» оказали существенное воздействие на формирование Пастернака как поэта. При этом источником рецепции стали не столько отдельные образы и мотивы, сколько художественное credo Блока — ключевые эстетические принципы и, как производные от них, соответствующие закономерности поэтики и стратегия творческого поведения.

Восприятие художественного мира Блока помогло Пастернаку выработать и развить антилитературную позицию: сознательно отказаться от искусственного конструирования образов, равно как и следования определенным поэтическим канонам, и сделать лирическое творчество способом бытия своей личности, при котором объектом рефлексии становится непосредственное, спонтанное переживание экзистенции.

Это принципиально личностное содержание лирики еще в 1910-е годы было отмечено В. Я. Брюсовым по отношению и к Блоку, и к Пастернаку. Ср.: «В стихах Блока автор никогда не исчезает за своими образами, личность поэта всегда перед читателем. Он не повторяет чужих тем, но с бесстрашной искренностью черпает содержание своих стихов из глубины своей души. Это придает его поэзии особую свежесть, делает все его стихи жизненными, позволяет поэту постоянно открывать новые и новые источники вдохновения» (1915);²³ «Наиболее самобытен Б. Пастернак (...) все же у Б. Пастернака чувствуется наибольшая сила фантазии; его странные и порой нелепые образы не кажутся надуманными: поэт в самом деле чувствовал и видел так; футуристичность стихов Б. Пастернака не подчинение теории, а своеобразный склад души» (1914).²⁴

Пастернак следует за Блоком и в том, что внутренний опыт «Я» признается им значимым лишь постольку, поскольку посредством него поэт выражает нечто объективное и большее, чем он сам, — высшие, идеальные сущности. Таковыми для Блока на разных этапах его творчества были Вечная Женственность, Стихия, Музыка, Мировая гармония, для Пастернака — Жизнь, Бессмертие, Женщина, Христос. Оба поэта наиболее ценили те свои произведения, при создании которых они ощущали себя всецело во власти этих высших начал, сознательно занимая страдательную позицию. Вспомним, в частности, блоковскую записку о «Двенадцати» 1920 года: «...в январе 1918 года я в последний раз отдался стихии не менее слепо, чем в январе 1907 или в марте 1914. Оттого я и не отрекаюсь от написанного тогда, что оно было писано в согласии со стихией...»²⁵ По той же причине Пастернак никогда не отказывался от книги «Сестра моя жизнь»: «Когда же явилась „Сестра моя, жизнь“, в которой нашли выражение совсем не современные стороны поэзии, открывшиеся мне революционным летом, мне стало совершенно безразлично, как называется сила, давшая книгу, потому что она была безмерно больше меня и поэтических концепций, которые меня окружали» (3, 227).

²³ Брюсов В. Александр Блок // Александр Блок: pro et contra. Личность и творчество Александра Блока в критике и мемуарах современников / Сост., вступ. статья, прим. Н. Ю. Грыкаловой. СПб., 2004. С. 232.

²⁴ Брюсов В. Среди стихов. 1894—1924. Манифесты. Статьи. Рецензии. М., 1990. С. 443.

²⁵ Блок А. А. Собр. соч. Т. 3. С. 474.

Поэтика, необходимая для вербализации внерациональных порывов в запредельное, не могла быть выработана путем сознательного изобретения либо имитации. При тщательной редакторской работе над своими текстами Пастернак всегда стремился приблизиться к идеалу лирики, созданной по принципу «чем случайней, тем вернее» или, говоря словами Вяч. Иванова, «принципу наименьшей насильственности и наибольшей восприимчивости».²⁶

Рискнем предположить, что творчество Блока стало для Пастернака одним из главных примеров удавшейся реализации такой творческой стратегии. На путях создания собственного лирического образа мира Пастернак воспринял у Блока в первую очередь способы импрессионистического письма, а также субъектный и образный неосинкретизм.

В перспективе дальнейшей творческой эволюции наибольшее воздействие на Пастернака оказала специфическая «жизненность» поэзии Блока. Необходимость предельно конкретного, чувственно осязаемого воплощения идеальных сущностей в земном бытии, подразумевающая самостоятельную значимость предметного плана в символе, как центральная задача всей русской поэзии была высказана Блоком еще в 1905 году: «Я думаю, что и во всей русской поэзии очень заметно стремление к разрыву с отвлеченным и к союзу с конкретным, воплощенным».²⁷

Не будет преувеличением сказать, что отказ от абстрактных, условно-поэтических образов и стремление выразить идеальные сущности вместе с глубочайшей духовной проблематикой через предметный мир, повседневность определили направление творческих поисков Пастернака на протяжении всей его жизни. Итогом этих поисков стала евангельская простота и бытовая конкретность в «Докторе Живаго», при которых обыденность открывает безграничную символическую перспективу: «До сих пор считалось, что самое важное в Евангелии — нравственные изречения и правила, заключенные в заповедях, а для меня самое главное то, что Христос говорит притчами из быта, поясняя истину светом повседневности. В основе этого лежит мысль, что общение между смертными бессмертно и что жизнь символична, потому что она значительна» (4, 44).

Художественный мир раннего Пастернака отличался изначально присущей ему модальностью благодарного приятия бытия, с каждой частицей которого лирический герой вступал в гармонические отношения родства. Однако уже в первые послереволюционные годы блоковский опыт противостояния личности «страшному миру», его предчувствие грандиозных исторических катаклизмов и жертвенная готовность их принять с тайной верой в будущее преображение мира оказались необходимы Пастернаку для осознания себя как «человека общественного»,²⁸ пытающегося осмыслить исторический опыт в новых лиро-эпических формах.

В конечном счете рефлексия над историей и современностью привела Пастернака к неортодоксальному христианству с идеями «свободной личности» и «жизни как жертвы» (4, 13). На наш взгляд, мировоззрение позднего Пастернака было в значительной мере подготовлено внимательным прочтением Блока, о чем свидетельствует обширнейший блоковский контекст «Доктора Живаго».²⁹ Недаром наиболее пронизательные современники Блока указывали на созидательный, духовно преображающий потенциал его творчества. В частности, Н. А. Бердяев заключал: «Он (Блок. — И. Б.) так же принадлежит вечной, преображенной России, России

²⁶ Иванов Вяч. И. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 538.

²⁷ Блок А. А. Собр. соч. Т. 5. С. 21.

²⁸ Там же. С. 344.

²⁹ См.: Бройтман С. Н. А. Блок в «Докторе Живаго» Б. Пастернака. С. 135—141; Власов А. С. «Явление Рождества»: (А. Блок в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго»: тема и вариации) // Вопросы литературы. 2006. Вып. 3. С. 87—119; Лесная Г. М. Блоковские традиции в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Московского гос. ун-та. Сер. 9. Филология. 1996. № 1. С. 104—113; Пастернак Е. В. Мир Блока в романе Пастернака «Доктор Живаго» // Александр Блок и мировая культура. С. 348—356.

нового неба и новой земли, как и Пушкин. Ее уготовляют не только святые, подвижники, очистившиеся, увидавшие Божественный свет, но и тосковавшие, мучившиеся, прельщавшиеся и падшие, но устремленные к высоте, к жизни, преображенной в красоте». ³⁰

Таким образом, трансформация Пастернаком блоковского наследия заключалась, во-первых, в достижении еще большей бытийности, воплощенности изображенного мира и, во-вторых, в попытке разрешить трагические противоречия лирики Блока на основе синтеза христианства и философии жизни. Представляется, что дальнейший анализ рецепции Пастернаком творчества писателей-символистов является необходимым условием адекватного понимания его художественной эволюции и феномена русского постсимволизма в целом.

³⁰ Бердяев Н. А. В защиту Блока // Александр Блок: pro et contra. С. 456.

© Эдуард Вайсбанд (Израиль)

РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ «ВМЕШИВАЕТСЯ» В ПОЛЬСКО-ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС: НЕИЗВЕСТНОЕ ИНТЕРВЬЮ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА

«Польско-русско-еврейский вопрос», о котором идет речь в интервью Л. Андреева польскому петроградскому еженедельнику «Польский голос» (26 апреля (9 мая), 1915 года),¹ заключался в сложном взаимоналожении и противостоянии нескольких национальных, политических и идеологических факторов в начале Первой мировой войны. Обратиться именно к Л. Андрееву за интервью по «польско-русско-еврейскому вопросу» Э. Барткевича,² вероятно, побудила общая отзывчивость Андреева на национальные темы в начале Первой мировой войны, и в частности, его отклики на польский и еврейский вопросы. До этого в «Польском Голосе» под рубрикой «Политические интервью» были опубликованы беседы Э. Барткевича на польскую тему с П. Н. Милуковым,³ К. И. Арабажиным,⁴ А. Н. Брянчаниновым,⁵ Е. Н. Чириковым⁶ и М. М. Ковалев-

¹ См.: *Bartkiewicz E.* U Leonida Andrejewa. Wywiady polityczne // *Głos Polski*. 1915. 26 апр. № 17. С. 4—6. Я благодарен Валентине Викторовне Брио за помощь в переводе интервью с польского языка.

² Об Эдуарде Барткевиче мне известно немного. В редакционных сносках к его публикациям писалось, что после сибирской ссылки (1909—1914) он объезжал сибирские земли, собирая материалы о проживавших там поляках (см.: *Bartkiewicz E.* 1) *Polacy w oddali* // *Głos Polski*. 1914. 18 мая. № 20. С. 2; 2) *Polacy w oddali, a kraj* // *Polski Kalendarz Piotrogrodzki na rok przestępny 1916. Rocznik ilustrowany, informacyjno-historyczno-literacki*. 1916. С. 127). В «Польском голосе» были опубликованы его статьи на эту тему (см.: *Bartkiewicz E.* 1) *Kraj a emigracja* // *Głos Polski*. 1914. 13 апр. № 15. С. 4—5; 2) *Polacy w oddali* // *Ibid.* 18 мая. № 20. С. 2—3; 3) *U towarzysza polskiego wygnania* // *Ibid.* 25 мая. № 21. С. 3—5; 4) *Opiekun wygnañców* // *Ibid.* 1915. 23 авг. № 34. С. 8—10; 5) *Zaduszki na Syberyi* // *Ibid.* 1 нояб. № 44. С. 21—23). С сентября 1915 по июнь 1916 года Барткевич занимал пост редактора «Польского голоса».

³ *Bartkiewicz E.* Wywiady polityczne. U Pawła Milukowa // *Głos Polski*. 1915. 4 янв. № 1. С. 2—4.

⁴ *Bartkiewicz E.* Wywiady polityczne. U prof. Konstantego Arabażina // *Głos Polski*. 1915. 25 янв. № 4. С. 3—4.

⁵ *Bartkiewicz E.* Wywiady polityczne. U Aleksandra Brianczaninowa // *Głos Polski*. 1915. 15 фев. № 7. С. 2—5. Александр Николаевич Брянчанинов (1874—1931) некоторое время служил атташе российского посольства в Париже, в 1913—1915 годах издавал в Петербурге журнал «Новое звено», умер в эмиграции.

⁶ *Bartkiewicz E.* Wywiady polityczne. Eugeniusz Czyrikow // *Głos Polski*. 1915. 22 фев. № 8. С. 5—6. В отличие от других, Е. Чириков прислал свои ответы на вопросы редакции по почте.

ским.⁷ Почти каждое из этих интервью касалось и польско-еврейских отношений. Андреев писал об исторической вине русских перед поляками в статье «Восхождение»,⁸ разделяя надежды передового российского общества на благоприятное решение польского вопроса. Он также сыграл первостепенную роль в привлечении внимания русской общественности к бедственному положению еврейского населения в прифронтовой полосе. Сведения об антисемитских правительственных и военных мероприятиях побудили Андреева к написанию статьи «Первая ступень».⁹ Тогда же по его инициативе было создано «Русское общество изучения еврейской жизни».¹⁰ Как вспоминала год спустя Ан. Н. Чеботаревская, «под влиянием прочитанной статьи Л. Андреева „Первая ступень“ она и Ф. К. Сологуб «обратились к издателю „Отечества“ (З. И. Гржебину) с предложением организовать книгу-сборник в защиту евреев».¹¹ Характер и состав этого издания, которое первоначально должно было называться «Русские о евреях»,¹² был неясен. По словам Чеботаревской, весной 1915 года «Л. Андреев предложил, в виду наступающего конца сезона, напечатать книгу, в которую, затем, и решили включить весь накопившийся за зиму материал (...) Это и был сборник „Щит“».¹³ Андреев публикует в нем свою статью «Первая ступень», «которая как бы дает тон для ряда следующих статей»,¹⁴ и вместе с М. Горьким и Ф. Сологубом становится его редактором. Во время сбора материала для сборника в первую половину апреля 1915 года Андреев и беседовал с Э. Барткевичем.

Актуальность «польско-русско-еврейского» вопроса в российском обществе имела свои хронологические границы. Хотя возник он задолго до рассматриваемого периода,¹⁵ всплеск интереса к нему был связан с попыткой пересмотра русско-польских отношений в начале Первой мировой войны.

Начало войны также ознаменовалось новой волной антисемитизма в России в целом и в Царстве Польском в особенности. В польской националистической печати появились статьи, обвиняющие евреев в помощи немцам. Польские национали-

⁷ Bartkiewicz E. Wywiady polityczne. U prof. Maksyma Kowalewskiego // Głos Polski. 1915. 5 apr. № 14. С. 4—6.

⁸ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1914. 16 окт. № 14436. С. 2—3. Отрывок из статьи Андреева был затем опубликован в польском журнале; см.: Głosy poetów i literatów rosyjskich o Polsce // Świat. 1914. 14 нояб. № 46. С. 11. В книге: Orłowski J. Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej; od wieku XVIII do roku 1917. Warszawa, 1992. S. 197 — ошибочно указано, что этот отрывок взят из анкеты «Будущее русско-польских отношений» (Биржевые ведомости (утр. вып.). 1914. 13 окт. № 14430. С. 4), в которой участвовали российские писатели и общественные деятели. Андреев, однако, на эту анкету не отвечал.

⁹ Утро России. 1914. 27 нояб. № 294. С. 2. См.: Кельнер В. Еврейский вопрос и русская общественная жизнь в годы Первой мировой войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1997. № 1 (14). С. 67.

¹⁰ Кельнер В. Е. Издательская деятельность С. В. Познера и некоторые вопросы общественной жизни в России в начале XX в. // Кельнер В. Е. Очерки по истории русско-еврейского книжного дела во второй половине XIX — начале XX в. СПб., 2003. С. 101.

¹¹ Чеботаревская Ан. Н. Возражения г. Познеру // ИРЛИ. Р. III. Оп. 1. № 2130. Л. 2. «Возражения г. Познеру — ответь Чеботаревской на меморандум С. В. Познера, привлеченного Ф. Сологубом к третьему суду в связи с тем, что заказанная у Н. Бердяева статья по еврейскому вопросу не была впоследствии включена в сборник «Щит»; см.: Соболев А. Л. Cum scuto: Вячеслав Иванов — участник сборника „Щит“ // Donum homini universalis. Сб. статей в честь 70-летия Н. В. Котрелёва. М., 2011. С. 327—358.

¹² См. письмо С. В. Познера к Ф. К. Сологубу от 7 февраля 1915 года: ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 549.

¹³ Чеботаревская Ан. Н. Возражения г. Познеру. Л. 5.

¹⁴ Полянский Н. «Щит». Литературный сборник под редакцией Леонида Андреева, Максима Горького и Федора Сологуба // Голос Минувшего. 1916. № 1. С. 310.

¹⁵ См.: Горизонтов Л. Е. Польско-еврейские отношения во внутренней политике и общественной мысли Российской империи (1831—1917) // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы: Материалы международной конференции / Ред. О. В. Будницкого, К. Ю. Бурмистрова, А. Б. Каменского, В. В. Мочаловой. М., 2004. С. 257—278.

сты видели в еврейском населении двойного врага — «пятую колонну» Германии и одновременно силу, способную помешать получению польского самоуправления.¹⁶ Такое отношение вызвало осуждение польского антисемитизма в российской прессе. Польская сторона пыталась скорректировать общую картину, вынося на обсуждение факторы, способствовавшие обострению противостояния поляков и евреев в экономической и национально-политической сфере. Упоминалось также об ответственности не только поляков, но и русских властей и армии за бедственное положение евреев в Польше.¹⁷ Но вопрос о русской ответственности подрывал легитимность патерналистской позиции России в польско-еврейском вопросе и до поры выносился за скобки обсуждения. Кроме того, в период войны, когда национальные меньшинства стремились доказать свои патриотические чувства к России в борьбе с общим врагом, как полякам, так и евреям было сложно критиковать действия властей и армии. Эта критика, тем более исходящая от таких «подозрительных» национальных меньшинств, могла восприниматься как свидетельство их нелояльности. Таким образом «русско-польско-еврейский треугольник», по выражению Горизонтова,¹⁸ не был равносторонним, русская сторона в нем имела привилегированную позицию арбитра в противостоянии двух национальных меньшинств

¹⁶ См.: *Канаи И.* Польско-еврейские отношения (34-ая война). Пг., 1915. С. 24—25; Из черной книги российского еврейства: материалы для истории войны 1914—1915 // Еврейская старина. 1918. № 10. С. 209—210; *Ansky S.* The Enemy at His Pleasure. A Journey through the Jewish Pale of Settlement during World War I / Ed. and trans. Joachim Neugroschel. New York, 2002. С. 14; *Голубев С. А.* Польский вопрос в России в годы первой мировой войны. Конспект лекций. Тверь, 1996. С. 19; *Golczewski F.* Polnisch-jüdische Beziehungen, 1881—1922: eine Studie zur Geschichte des Antisemitismus in Osteurope. Wiesbaden, 1981. S. 125.

¹⁷ См. отчет П. Н. Милукова и Д. Д. Протопопова на заседании ЦК кадетской партии от 23 ноября 1914 года о совещаниях по польско-еврейским отношениям с польскими деятелями: «требования русского общественного мнения о гарантии прав еврейского меньшинства на польской территории кажутся полякам проявлением неуместной опеки. Поляки заподозривают, что среди евреев существует течение политической мысли, склонное к ограничениям пределов польской автономии именно во имя интересов этого меньшинства, а между тем положение евреев в Галиции доказывает, что там, где поляки пользуются решающим влиянием на дела, права евреев достаточно обеспечены; Польша не знает и погромов, это чисто русское явление, зависящее в Польшу с войсками. Пусть русские лучше берегут своих евреев» (Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: 1905 — середина 1930-х гг.: В 6 т. М., 1997. Т. 2. С. 450). Острога польских заявлений смягчалась в отчетах о подобных заседаниях в российской печати; см., например, отчет об обмене мнениями между польскими, русскими и еврейскими общественными деятелями, где «польские гости проводили (...) ту точку зрения, что несправедливо сваливать на польские плечи ответственность за те страдания, которые терпят евреи в Царстве Польском. Нужно обращать внимание на причины явлений, — причины, не зависящие от польского общества» ([Б. п.]. Польские гости в Москве // Русские ведомости. 1914. 5 дек. № 280. С. 6). В эмоциональной дневниковой записи Р. М. Хин-Гольдовской о заседании 19 ноября 1914 года «Общества Единения Народов России» на дому у В. А. Морозовой говорилось, что после доклада Кусковой о польско-еврейских отношениях А. Р. Ледницкий «свалил все польские „экспессы“ на русскую политику» (*Хин-Гольдовская Р. М.* Из дневников 1913—1917 / Предисловие и публ. Е. Б. Коркиной; прим. А. И. Добкина // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1997. Вып. 21. С. 549). Более взвешенный отчет о речи Ледницкого см.: *Адамов Е.* Московские письма // День. 1914. 21 нояб. № 317. С. 3. Несколькими годами позже А. Ледницкий подвел итог «польско-еврейским столкновениям» в начале Первой мировой войны: «Не подлежит сомнению, что тут сплетались разные проявления антисемитизма, которые находили подкрепления в расприоржениях отдельных властей. Польские антисемиты указывали на то, что русские власти относятся к еврейскому населению с подозрением, а русские власти указывали на польских антисемитов, как на доказательство того, что к евреям надо относиться с подозрением. (...) В этом случае я обвиняю правителей, которые не имели достаточно политической мудрости и во время войны занимались натравливанием одной части населения на другую, вместо того, чтобы существующие враждебные элементы, по возможности, успокоить» (Показания А. Р. Ледницкого, 27 сентября 1917 г. // Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. М.; Л., 1927. Т. 7. С. 240).

¹⁸ *Горизонтов Л. Е.* Польско-еврейские отношения во внутренней политике и общественной мысли Российской империи (1831—1917). С. 274.

империи. Положение начало меняться весной 1915 года с военными неудачами русской армии, вина за которые возлагалась среди прочего на еврейское предательство. Антисемитские настроения в русской армии, выразившиеся в депортациях и спорадических погромах с начала войны, приняли характер широкомасштабной репрессивной деятельности. Отступление русской армии сопровождалось массовой депортацией еврейского населения и многочисленными погромами.¹⁹ В этой ситуации говорить о польском антисемитизме как основной причине бедствий еврейского населения в Польше казалось уже неуместным. Польско-еврейский вопрос уходит на периферию российского общественного сознания к лету 1915 года, когда русская армия начала оставлять Галицию и Польшу.

В этом отношении интервью Андреева, напечатанное 26 апреля 1915 года, — ровно через неделю после начала германского наступления в Галиции, — хронологически и тематически подводило итог обсуждению польско-еврейского вопроса в российском обществе. В обзоре беседы Андреева в журнале «Национальные проблемы» отмечалось, что для русских читателей она «прошла вполне незамеченной».²⁰ Это само по себе уже говорило об утрате широкого интереса к обсуждаемой теме. Тем не менее, на беседу откликнулись три органа, представляющие противоположные полюса в польско-русско-еврейском вопросе. В польско-еврейском журнале «Tygodnik dla wszystkich», издававшемся в Варшаве, и в русско-еврейском журнале «Евреи и Россия» были напечатаны сочувственные отчеты о беседе с большими выдержками из нее.²¹ Ранее отчет об интервью был напечатан также в журнале «Новое звено»,²² издававшемся А. Н. Брянчаниновым — одним из участников «политических интервью» Барткевича на страницах «Польского глосса».

«Орган Славянского единства и независимой либеральной мысли» «Новое звено» уделял первостепенное место польской теме. Журнал разделял широко распространенную в Польше точку зрения на обсуждение польско-еврейского вопроса как на «еврейскую интригу» против поляков в российском обществе.²³ Именно этот вопрос послужил причиной раскола редакции журнала. В редакторской заметке «Переписка по польско-еврейскому вопросу» говорилось: «Издатель и Редакция Н. З. получили неожиданно для себя письма пр. М. П. Чубинского, пр. В. Д. Плетнева, пр. К. И. Арабажина, Е. П. Семенова, В. В. Беллавина и пр.-д. М. М. Исаева, с просьбой не считать их впрямь сотрудниками Н. З., принявшего, по их мнению, ярко анти-семитическое направление».²⁴ Можно сказать, что раскол в редакции произошел по линии «славянского единства» и «либерализма». По мнению большинства редакции, ушедшие участники журнала предпочли еврейский вопрос интересам русско-польского сближения, наметившегося с началом Первой мировой войны.²⁵ Для ушедших отношение к еврейскому вопросу являлось принципиальным. В свою очередь, редакция журнала пыталась выстроить политико-идеологическую

¹⁹ См.: Goldin S. Deportation of Jews by the Russian Military Command, 1914—1915 // *Jews in Eastern Europe*. 2000. № 41/1. С. 40—72.

²⁰ Национальные проблемы. 1915. № 2 (июль). С. 38.

²¹ См.: [Б. п.] Andrejew o kwestji polsko-żydowskiej // *Tygodnik dla wszystkich*. 1915. 20 мая. № 10. С. 5; [Б. п.] Леонид Андреев о польско-еврейских отношениях // *Евреи и Россия*. 1915. 21 июля. № 3. С. 7.

²² См.: Новое звено. 1915. 2 мая. № 17. С. 16—17.

²³ См.: [Б. п.]. Лекция пр. К. И. Арабажина, пр. М. П. Чубинского, пр. А. В. Васильева, св. Аггеева, чл. Гос. Думы Дзюбинского, ак. Бехтерева, кн. Мансырева, пр. Плетнева и Е. П. Семенова о польско-еврейских отношениях. 22-го января 1915 // Там же. 1915. 31 янв. № 5. С. 22; [Обзор польской печати] // Там же. 1915. 18 апр. № 15. С. 17.

²⁴ Там же. 1915. 24 янв. № 4. С. 12.

²⁵ См.: Письмо А. Н. Брянчанинова к В. Д. Плетневу // Там же. 1915. 24 янв. № 4. С. 16; *Дмитровский Д.* Основы русского либерального национализма // Там же. 1915. 31 янв. № 5. С. 12.

платформу, соединяющую либерализм с русским национализмом,²⁶ и указывала на неправомочность осуждения ушедшей группой националистической направленности журнала как несовместимой с либеральными идеями. По мысли редакции польско-еврейский вопрос будировался «еврействующей частью русского либерализма», которая присвоила себе право говорить от имени либерализма вообще, в реальности служа орудием прусской политики в деле подрыва русско-польского единения.²⁷ Эта позиция диктовала отклик журнала на интервью Л. Андреева: «Смеем от себя уверить г. Л. Андреева, что говорить подобным образом по польскому вопросу от имени „русского прогрессивного общества“, „русского либерализма“ и „русской демократии“ он не имеет никакого права, ибо независимая русская либеральная мысль способна рассматривать и обсуждать польский вопрос вне всякой зависимости от еврейских интересов».²⁸

В интервью представлены две точки зрения по польско-русско-еврейскому вопросу — Андреева и его польского интервьюера. Э. Барткевич не скрывал своего несогласия с Андреевым. Ранее на страницах «Польского голоса» Барткевич отозвался на польско-еврейский вопрос в статье «Свет и тени», утверждая, что пока в России не аннулирована черта оседлости и у евреев нет тех прав, которые они имеют в Польше, русские прогрессисты не имеют права выдвигать польскому обществу обвинений в мнимом антисемитизме.²⁹ В беседе с Андреевым точка зрения интервьюера выражалась не только в прямых высказываниях, но, как я покажу далее, и при помощи своеобразного перетолкования слов Андреева. Противостояние Андреева и его интервьюера совсем не исключение, но характерный пример общего русско-польского противостояния по еврейскому вопросу в начале Первой мировой войны. Эта тема остается во многом еще неисследованной, хотя в конце 1914 — начале 1915 года она была одной из животрепещущих и широко обсуждалась на страницах российской печати.³⁰ Впервые публикуемое на русском языке интервью Л. Андреева дает возможность кратко обрисовать историко-идеологический контекст «польско-русско-еврейского вопроса» в начале Первой мировой войны.

В его тогдашней форме вопрос этот возник под воздействием изменений в русско-польских отношениях в начале Первой мировой войны. Отправной точкой, ознаменовавшей это изменение, была публикация 2 августа 1914 года воззвания к полякам от имени Верховного Главнокомандующего русской армии Николая Ни-

²⁶ См.: *Дмитровский Д.* Основы русского либерального национализма.

²⁷ См.: *Виторп В. Ц.* Продолжение прусской политики (Поляки, евреи и «Речь») // Новое звено. 1915. 25 апр. № 16. С. 4.

²⁸ Там же. 2 мая. № 17. С. 17.

²⁹ См.: *Bartkiewicz E.* Światła i cienie // *Głos Polski*. 1915. 1 фев. № 5. С. 13.

³⁰ Польско-еврейские отношения в начале Первой мировой войны получили свое отражение также в российской военной беллетристике (см.: *Orłowski J.* Польские евреи в русской прозе времени Первой мировой войны (Польско-еврейские отношения и русская политика) // *Studia Rossica Posnaniensia*. 1998. № 21. С. 3—8) и в российской поэзии этого времени. См. незавершенное стихотворение Вл. Ходасевича конца 1914 — начала 1915 года «На новом, радостном пути» (*Ходасевич В.* Собр. соч.: В 8 т. М., 2009. Т. 1. Полн. собр. стихотворений / Сост., подг. текста, комм. Дж. Малмстада, Р. Хьюза. С. 206, 505) и стихотворение Амари (М. Цетлина) 1915 года «Памяти Мицкевича» (*Еврейский мир* / Ред. Э. Б. Лойтер и А. Соболев. М., 1918. Кн. 1. С. 203). В письме к Б. Садовскому от 9 ноября 1914 года Ходасевич, иронизируя над своим польско-еврейским происхождением в контексте польско-еврейского противостояния этого времени, писал: «мы, поляки, кажется, уже немножко режим нас, евреев» (*Ходасевич В.* Некрополь. Воспоминания. Литература и власть. Письма Б. А. Садовскому. М., 1996. С. 349); см.: *Waysband E.* «Our Inner Poles Are Beginning to Slaughter Our Inner Jews» (*Vladislav Khodasevich*): The Polish and Jewish Identities of a Russian Poet (в печати); см. также: *Waysband Э.* Стихотворение Ф. Сологуба «Братьям»: Польско-еврейская адресация в контексте Первой мировой войны // *Политика литературы и поэтика власти* / Ред. Г. Обатнин, Б. Хеллман, Т. Хуттунен. М., 2014. С. 138—157.

колаевича Романова. Это воззвание не раз упоминается в интервью Андреева, и здесь стоит привести его полностью:

Поляки!

Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться.

Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения ее с великой Россией.

Русские войска несут вам благую весть этого примирения.

Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он едино под скипетром Русского Царя.

Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении.

Одного ждет от вас Россия, — такого же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история.

С открытым сердцем, с братской протянутой рукой идет вам навстречу великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде.

От берегов Тихого Океана до северных морей движутся русские рати.

Заря новой жизни занимается для вас.

Да воссияет в этой заре знамение Креста — символ страдания и воскресения народов.³¹

Это воззвание охватывало широкие политические и пропагандистские цели. По мысли составителей возвания, князя Г. Н. Трубецкого, министра иностранных дел С. Д. Сазонова и министра земледелия А. В. Кривошеина, оно должно было предвосхитить противников России в борьбе за польское общественное мнение. Воззвание было также косвенно обращено к союзникам России и декларировало русскую точку зрения на задачи войны. Союзники ставились перед тем фактом, что «освободительная» война имела своей целью воссоединение польских территорий, находящихся под властью Германии и Австро-Венгрии, в границах Российской империи. Такое решение польского вопроса в обход мнения союзников вызвало у последних известное недоумение. Тем не менее польское воззвание было во многом удачным дипломатическим демаршем. Оно способствовало прорусским настроениям в польском обществе, которое в общем хранило лояльность по отношению к России вплоть до немецкой оккупации Варшавы. В свою очередь союзники были вынуждены еще долгое время мириться с тем, что решение польского вопроса является внутренним делом России.³²

Означенные стратегии польского возвания и его центральная роль в русско-польских отношениях на протяжении Первой мировой войны получили подробное научное освещение.³³ Осталось обойденным вниманием, однако, значение пункта возвания, касающегося «прав тех народностей, с которыми связала (поляков. — Э. В.) история». Этот пункт был особенно важен для польско-русско-еврейского вопроса, так как он позволял ввести обсуждение национальных прав еврейского меньшинства в будущей объединенной Польше в контекст государственных интересов России.

Прежде всего, пункт о «правах народностей» органически вписывался в общий имперский нарратив возвания, отождествлявший панславистские интересы России с универсалистскими ценностями. Этот пункт вводил в подтекст возвания

³¹ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1914. 2 авг. № 14286. С. 1.

³² См.: *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.). М., 2004. С. 34; *Dallin A.* The Future of Poland // *Russian Diplomacy and Eastern Europe. 1914—1917.* New York, 1963. С. 17—18.

³³ См. прежде всего: *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи. С. 24—52; *Dallin A.* The Future of Poland; *Toporowicz W.* Sprawa Polska w polityce rosyjskiej 1914—1917. Warszawa, 1973. S. 86—107; *Achmatowicz A.* Polityka Rosji w kwestii polskiej w pierwszym roku Wielkiej Wojny 1914—1915. Warszawa, 2003. S. 243—313.

целый комплекс исторических и актуальных отсылок к роли России как гаранта национальных и религиозных прав неполяков, проживавших на территории Польши. Таким образом широкие пропагандистские обещания полякам оговаривались принципом «*divide et impera*». И в период, когда царское правительство отступило от заявленных в польском воззвании планов, именно обсуждение польско-еврейского вопроса в российском обществе стало пониматься поляками как осуществление этого принципа.

М. В. Родзянко в своих воспоминаниях писал о том, что после обнародования воззвания «рядом министров крайних правых течений была подана императору Николаю II докладная записка об опасности сделанного воззвания к полякам, в виду возможности расчленения государства и откола от него Царства Польского. По-видимому, император Николай II внял этому представлению, ибо министром внутренних дел была дана соответствующая инструкция варшавскому губернатору в смысле желательности некоторого охлаждения возбужденного национального чувства поляков. Ему давалось поручение вылить на поляков как бы ушат холодной воды. Поляки всполошились. Последовал целый ряд депутатий от национальных общественных учреждений Польши в Петроград. Они приходили ко мне и умоляли меня объяснить императору Николаю II, насколько губельны могут быть последствия от такой двойственной политики. Я должен был испросить всеподданнейший доклад для этого дела, но со стороны императора Николая II встретил отрицательное и даже враждебное отношение. „Мы, кажется, поторопились!“ — сказал он. Поторопились, но ведь в таком вопросе, раз сделан решительный шаг, вернуться назад нельзя».³⁴

Тем не менее дальнейших шагов по решению польского вопроса не последовало. Решения откладывались до окончания войны. Соответственно подъем в польском обществе, связанный с воззванием Главнокомандующего, сменялся настроением разочарования и недоверия к России. На этом фоне широкое обсуждение польско-еврейского вопроса в русской и русско-еврейской прессе воспринималось поляками как «идеологическая поддержка» для политики торможения в решении польского вопроса.

Судя по отчетам в прессе, попытки включить польско-еврейский вопрос в контекст польского воззвания начались сразу после его опубликования:

На воззвании Верховного Главнокомандующего к полякам откликнулась сегодня вся еврейская печать Варшавы. Разделяя радость польского народа по поводу возвещенной ему грядущей свободы, древне-еврейская газета «Гацефира», орган сионистов, выходящий на древне-еврейском языке, говорит: «На нашу еврейскую долю выпала часть общих несчастий, которые испытывала Польша в течение многих веков. В потоках крови, пролитой в стране на протяжении тысячелетий, кровь наших предков смешалась с кровью польской. Мы не можем не радоваться польской радости». По поводу оговорки Великого Князя об уважении поляками прав тех народов, с которыми их связала история, газета выражает следующую надежду. «Когда будут выполнены данные свыше обещания, то новые законы в числе прав других народностей гарантируют и наши права». («Р. С.»)

Умеренно-консервативная газета «Момент» пишет: «Мечта, взлелеянная каждым поляком, но до сих пор им глубоко похороненная, теперь не только открыто высказывается, но самим Верховным Главнокомандующим возвещается, как близкая к осуществлению. Недаром так велика радость польского народа. И мы, евреи, радуемся радости поляков и так же глубоко благодарны русскому Верховному Главнокомандующему за то, что в воззвании к полякам он не забыл о народностях, которые история связала с поляками. Хочется верить, что возрожденная Польша под покровительством мощной России будет жить, не забывая старого гуманного принципа: «Самому жить и давать жить другому». (...)

Газета «Гайнт» пишет: «(...) Слова воззвания об уважении к правам меньшинства возвещают нам новую эпоху. Верим, что, когда солнце свободы засияет на небе Польши, все недоразумения и взаимные пререкания забудутся навсегда».

³⁴ Родзянко М. В. Государственная Дума и февральская революция 1917 года // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6. С. 23.

Газета «Das Leben» пишет: «(...) Само собою разумеется, что поляки, внемля словам воззвания, будут уважать и права других народностей. И только потому, что это так понятно, можно объяснить тот факт, что польские газеты в статьях, посвященных воззванию, не касались вопроса о других народностях».³⁵

Ирония газеты «Das Leben» отзывалась на настороженное отношение поляков к пункту о «правах народностей». Далеко идущее политическое значение этого пункта хорошо осознавалось в польских кругах, и делались даже попытки заблаговременно нейтрализовать его неблагоприятный потенциал. В том же номере журнала «Народы и области» среди обзора восторженных откликов поляков на воззвание можно прочесть следующее: «Вечером в Польском Доме состоялось под председательством А. Р. Ледницкого собрание членов польской колонии, носившее частный характер. А. Р. Ледницкий огласил воззвание к полякам Верховного Главнокомандующего русской армии и затем сказал горячую речь о том новом будущем польского народа, которое открывается этим высоким призывом к польскому народу. А. Р. Ледницкий указывал на необходимость обращения к литовцам, украинцам и евреям, призывающего их к совместной созидательной работе. Предложение это было радостно принято присутствующими».³⁶

Одна из центральных фигур польской колонии в Москве, видный кадет Александр Робертович Ледницкий, известный своими пророссийскими взглядами и сочувственным отношением к национальным меньшинствам в Польше,³⁷ выразил здесь один полюс польского отношения к пункту о «правах народностей». Противостояли такой позиции националистические круги польского общества и, прежде всего, представители польской национально-демократической партии (эндеки) во главе с Р. В. Дмовским. В «Утренней газете», органе национально-демократической печати, следующим образом откликнулись на попытки ввести польско-еврейский вопрос в орбиту воззвания Главнокомандующего:

Воззвание Верховного Главнокомандующего к полякам нашло характерный отклик в еврейской печати. Все еврейские газеты единогласно утверждают, что та часть воззвания, в которой говорится об уважении поляками прав народностей, с которыми связала нас историческая судьба, относится именно к евреям.

Мы считаем, что еврейская печать ошибается.

Ни одно еще правительственное распоряжение или вообще какой бы то ни был как-то (так! — Э. В.) не назвали еще евреев народом или народностью.

Основные законы называют их только «инородцами».

Вообще крайне странной была бы забота Верховного Главнокомандующего об интересах евреев в настоящее время, после того, как мобилизация показала всю «ценность» евреев, как военного материала, и вторжение неприятельских войск на территорию Царства Польского целиком раскрыло преступную их «лояльность».³⁸

Тем не менее усилиями российских публицистов польско-еврейский вопрос начал обсуждаться в контексте польского воззвания.

Здесь надо сказать несколько слов о польском отношении к еврейскому вопросу. В отличие от России начала XX века, где националистические идеи не заняли места ведущей идеологии,³⁹ польский национализм играл главенствующую роль в

³⁵ Народы и области. 1914. № 3, 4, 5. С. 40—41.

³⁶ Там же. С. 44.

³⁷ См.: Wise A. K. Aleksander Lednicki: A Pole among Russians, a Russian among Poles. Polish-Russian Reconciliation in the Revolution on 1905. New York, 2003. P. 12.

³⁸ [Б. п.]. Заискивания // Gazeta Poranna (Dwa Grosze). 1914. 20 авг. № 687 (329). Цитируется по русскому переводу в: Канаи И. Польско-еврейские отношения (34-ая война). С. 127. См. также: Ракитин Г. Национальные отношения в Польше // К еврейскому вопросу в Польше: Сб. статей / Предисловие Н. Н. Полянского. М., 1915. С. 217.

³⁹ См.: Хоскинг Д. Россия: народ и империя (1552—1917). Смоленск, 2001. С. 7; Касьянова К. О русском национальном характере. М., 2003. С. 97—98.

жизни «русской» части Польши. Польский национализм пришел на смену позитивистской идеологии XIX века, вытеснив идеи либерального индивидуализма идеей «национального эгоизма», если использовать название программной книги одного из идеологов национал-демократов З. Балицкого.⁴⁰ По словам Балицкого, в борьбе национальных эгоизмов выживают наиболее жизнестойкие нации. Любой «альтруизм» нации по отношению к другим национальным группам несет вред ей самой.⁴¹ Еврейский вопрос был ключевым для польских националистов. В отталкивании от парадигмального «инога» они определяли польскую идентичность и свои национально-политические задачи.⁴² Отношение польских националистов к еврейскому вопросу выразилось в партийной программе эндеков в 1903 году. В ней евреи характеризовались как враждебный элемент в Польше. Еврейское экономическое доминирование привело к «нездоровому» состоянию польского общества. Будущее «здоровое» развитие польского общества ставилось в зависимость от сокращения еврейского присутствия во всех сферах польской жизни и от еврейской эмиграции из Польши.⁴³ Эндековские позиции в еврейском вопросе пользовались широкой поддержкой в Польше.

Событием, приведшим к радикализации польского антисемитизма в довоенной Польше, стали выборы в IV Государственную Думу в октябре 1912 года. В Варшаве основным кандидатом в Думу был Р. Дмовский, несомненный лидер эндеков, идеолог польского интегрального национализма, видевший в евреях враждебный элемент в польском обществе. Еврейские голоса, однако, стали решающими, чтобы в Думу был избран кандидат от социалистов Е. Ягелло, чья программа не носила националистического характера.⁴⁴ В ответ эндеки провозгласили лозунг экономического бойкота евреев, который быстро превратился в антисемитскую кампанию, направленную также против ассимилированных евреев.⁴⁵

С началом войны после воззвания Главнокомандующего польский вопрос приобрел особое значение в российском обществе. «Русско-польское братство» и «воскрешение Польши», провозглашенные в польском манифесте, становятся популярнейшими темами в русской публицистике и литературе.⁴⁶ Идея о польской автономии, однако, носила в русском обществе амбивалентный характер. Включаясь в перспективу «русско-польского примирения», эта идея в то же время находилась в сложном соотношении, во-первых, с русским имперским видением Польши как части Российской империи и, во-вторых, с либеральными идеями русского общества. Отсюда колебания не только в царской политике, но и в общественном мнении касательно польского вопроса. С одной стороны, российская интеллигенция приветствовала его пересмотр в свете воззвания Николая Николаевича. С другой стороны, ее отталкивал главенствующий в польском обществе национализм, проявлявшийся в польском антисемитизме.

Это неоднозначное отношение к польскому вопросу характерно и для интервью Андреева. Представитель либерально-демократической России, он выступал за право Польши на самоопределение. В то же время польский антисемитизм он сравнивает с подобными явлениями в России, и эта аналогия переводила поля-

⁴⁰ *Balicki Z.* Egoizm narodowy wobec etyki. Lwów, 1903.

⁴¹ См.: *Weeks Th.* From Assimilation to Antisemitism: The „Jewish Question” in Poland, 1850—1914. Dekalb, 2006. P. 114—115.

⁴² См.: *Michlic J. B.* Poland’s Threatening Other: The Image of the Jew from 1880 to the Present. Lincoln, 2006. P. 4—5, 60—61.

⁴³ *Weeks Th.* From Assimilation to Antisemitism, 1850—1914. P. 115—116.

⁴⁴ *Wróbel P.* «Jewish Warsaw before First World War». The Jews in Warsaw: A History / Ed. W. T. Bartoszewski and A. Polonsky. Oxford, 1991. P. 270.

⁴⁵ *Ibid.* P. 271.

⁴⁶ См.: *Hellman B.* Poets of Hope and Despair: The Russian Symbolists in War and Revolution (1914—1918). Helsinki, 1995. P. 68—80; *Orłowski J.* Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej: od wieku XVIII do roku 1917. Warszawa, 1992. S. 201—204.

ков из разряда союзников российского передового общества в разряд его противников, будь то русские националисты или русское правительство.

Однако система оценок Андреева меняла свои знаки в глазах поляков и вписывалась в несколько «негативных» идеологических контекстов. Либеральный «альтруизм» Андреева ассоциировался в польском обществе с идеями позитивизма XIX века, на смену которому пришла современная «правильная» идеология — национализм. В этой системе координат Андреев виделся «идеалистом», отстаивающим идеи, которые уже потеряли свое историческое значение.⁴⁷ По-другому поляки могли оценивать и идеалы национальной толерантности и космополитизма, которые Андреев противопоставлял в интервью немецкому и польскому национализму. Универсалистская риторика Андреева могла восприниматься польским интервьюером прежде всего как проявление «русского» универсализма, вольно или невольно служившего идеологической завесой для имперской политики России.

В этом противопоставлении имперской и национальной парадигм возможно амбивалентное прочтение исторической аналогии, которую Андреев проводил для подтверждения своего видения русской универсальности или «всемирности» в ее политическом аспекте:⁴⁸

Когда при Наполеоне немцы начали войну, чтобы освободиться от грозного корсиканца, они думали только о себе. Устами Фихте немцы твердили, что они единственный избранный народ, и поэтому, сражаясь за свободу, они должны сражаться исключительно во имя своих собственных интересов, все же остальное их ничуть не должно интересовать.

У русских можно заметить нечто совершенно иное. Когда русский народ боролся за свободу, то он боролся за свободу *всех*. Свобода только для себя, свобода одного у нас была и называется монархия, однако она не удовлетворяла чуткой русской совести, ибо наше понятие о свободе могло стать идеалом для общества лишь тогда, когда равно охватывало всех — русских, поляков, украинцев, финнов, евреев и т. д.

Имеются в виду «Речи к немецкой нации» (1808) И. Г. Фихте, где на основе противопоставления романских и немецких языков выдвигалась идея об исключительности немецкой нации. В течение XIX века «Речи к немецкой нации» выдержали в Германии более 40 переизданий. На основании этой работы националистическая мысль Германии представляла Фихте в качестве своего предшественника.⁴⁹

⁴⁷ Не зря в своей отповеди Андрееву Барткевич называет представителей русской передовой общественности «идеалистами».

⁴⁸ О популярности идей из пушкинской речи Ф. М. Достоевского для неославянофильской интерпретации русских задач в войне см.: *Hellman B. Poets of Hope and Despair*. P. 98.

⁴⁹ См.: *Иваненко А. А. «Речи к немецкой нации» спустя 200 лет // Фихте И. Г. Речи к немецкой нации / Пер. А. А. Иваненко. СПб., 2009. С. 6.* Во время Первой мировой войны российские публицисты не раз обращались к «Речам к немецкой нации» в качестве примера немецкого национализма и мессианизма; см., например: *Коральник А. Германская идея // Русская мысль. 1914. № 12. Отд. II. С. 43; Трубецкой Е. Война и мировая задача России // Там же. С. 94.* См. также частичную попытку реабилитировать «Речи к немецкой нации», противопоставляя их идеалы национального самоопределения современному немецкому национализму и империализму: *Вышеславцев Б. Фихте и немецкая нация // Юридический вестник. 1914. № 7—8. С. 17—22.* В брошюре А. Ветрова (псевдоним А. А. Мейера) «Во что сегодня верит Германия?» (Пг.: Корабль, 1916. С. 16—26) и статье Вяч. Иванова «Польский мессианизм, как живая сила» (впервые напеч.: Утро России. 1916. 22 марта. № 82. С. 2—3) немецкий мессианизм, представленный «Речами к немецкой нации», частично обнаруживает свое превосходство (у Мейера) и безоговорочно осуждается (у Иванова) в сопоставлении с русским и польским мессианизмом (см.: *Иванов Вяч. Родное и вселенское: Статьи (1914—1916). М., 1917. С. 61—62*). В своей брошюре Мейер развивал тезисы о Фихте, высказанные им в докладе «Религиозный смысл мессианизма» на заседании Религиозно-философского общества 26 октября 1914 года. В докладе также приведены примеры польского мессианизма в его литературных проявлениях как «наиболее яркого образчика» «представления о национальной миссии, заключающейся якобы в жертвенном искуплении человечества» (*Мейер А. А. Религиозный смысл мессианизма // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде): История в материалах и документах: 1907—1917: В 3 т. / Сост., подг. текста, вступ. статья и прим. О. Т. Ермишина, О. А. Коростелева, Л. В. Хачатурян и др. М., 2009. Т. 3: 1914—1917. С. 9—10*).

Андреев, однако, вряд ли осознавал, что польская сторона совсем по-другому могла воспринимать этот исторический пример. «Речи к немецкой нации» писались в захваченном французами Берлине после потери Пруссией и другими немецкими государственными образованиями политической независимости. Убежденность в универсальности принципов свободы, равенства и братства вели наполеоновскую Францию к расширению границ империи. На новом витке истории Андреев и его польские читатели располагались по разные стороны баррикад в контексте приведенного исторического примера. Противостояние стремящихся к независимости немцев и империи Наполеона могло напомнить полякам их собственные отношения с Российской империей.

Эти противоречия в системе оценок особенно сильно отразились в подходе к еврейскому вопросу. Осуждение польского антисемитизма и требование предоставления национальных прав еврейскому меньшинству в будущей объединенной Польше осознавалось поляками как «вмешательство» во внутренние польские дела.

Русское «вмешательство» в польско-еврейские отношения являлось одним из основных аспектов «польско-русско-еврейского вопроса».⁵⁰ Русская и еврейская стороны считали не только правом, но и обязанностью русского передового общества вмешаться в эти отношения и противопоставить польскому национализму идеи гуманистического универсализма и национальной толерантности. Польская сторона видела в русском универсализме проявление русского имперского сознания, и русское «вмешательство» приравнивалось к русской «интервенции». Такой интерпретации способствовало и то, что в контексте польско-еврейских отношений русское «вмешательство» чаще всего переводилось на польский словом «interwencja», которое усиливало политические коннотации в отличие от более нейтрального слова «wtrącanie się». Понимание русского «вмешательства» как политической «интервенции» возникло еще до войны в связи с русской оценкой польского бойкота евреев.⁵¹ В военное время подобные оттенки смысла русского «вмешательства» приобретали особое звучание, что вызывало ответную реакцию у русских участников дискуссии. Так, например, в докладе известного адвоката П. Н. Малянтовича, с которым Андреев был в добрых отношениях,⁵² «Русский вопрос о евреях» говорилось: «Очевидно (...), что вмешательство русской демократической интеллигенции в польско-еврейские отношения во всяком случае не имеют никакого сходства „с интервенцией хозяев“, как его неправильно именуется, напр., Тадеуш Голувко, говорящий от имени польской демократии. „В этом праве мы вам отказываем“,⁵³ — говорит он. Этого права и не добивалась та часть русского общества, которая, действительно, хочет равноправия для евреев и свободы для Польши. Голувко протестует против угрозы: „Мы вам не дадим автономии, если вы будете обижать евреев“».⁵⁴

⁵⁰ См.: *Выдрин Р.* Из истории русско-польско-еврейских отношений (К вопросу о вмешательстве) // К еврейскому вопросу в Польше: Сб. статей. С. 237—249; *Малянтович П. Н.* О праве вмешательства // Там же. С. 250—258; *Канаи И.* Письма из Польши // Рассвет. 1914. 28 нояб. № 48. С. 20.

⁵¹ См.: «Голос прогрессивной русской печати очень нервирует ту клику, которая превратила травлю евреев в свою profession de foi, в свое повседневное занятие. „Gazeta Warszawska“, „Gazeta 2 grosze“, „Dzien“, „Kurjer Warszawski“ высказали уже свое недовольство по поводу „вмешательства“ русского общественного мнения во „внутренние“ дела Польши. Польские шovinисты первым делом предъявляют русскому обществу и русской прессе формальный отвод, что Россия не вправе выступать с „интервенцией“ в дела Польши, eo ipso — не вправе вмешиваться в польско-еврейские дела. Общий и принципиальный вопрос, имеющий общечеловеческое и общеполитическое значение, переводится этими господами на язык... международно-го — точнее междугосударственного права» (*Ж. Русская демократия и польский антисемитизм* // Речь. 1913. 3 фев. № 33. С. 7).

⁵² См.: *Андреев А.* О Леониде Андрееве / Вступ. статья, подг. текста и комм. Л. Н. Кен // Леонид Андреев: Материалы и исследования. М., 2012. Вып. 2. С. 74.

⁵³ См.: *Голошко Т.* Interwencja // Widnokrąg. 1914. 21 дек. № 51. С. 3.

⁵⁴ *Малянтович П. Н.* О праве вмешательства // К еврейскому вопросу в Польше: Сб. статей / Предисловие Н. Н. Полянского. М., 1915. С. 257. Доклад «Русский вопрос о евреях» Ма-

Тем не менее отдельные тенденции в обсуждении польско-еврейского вопроса в России давали польской стороне основания для такого протеста. Упомянутый в интервью Андреева К. Е. Арабажин, в своей лекции «Славянство, польско-русский и польско-евр(ейский) вопросы в великий исторический момент», указывал, «что русский народ, прежде чем давать полякам автономию, вправе требовать от них гарантии прав еврейского меньшинства».⁵⁵ Пункт о «праве народностей» получал здесь следующую интерпретацию: поскольку польское общество не готово предоставить национальные права еврейскому меньшинству, то и русская сторона считает своим правом ограничить политические притязания поляков. Точка зрения Арабажина перекликалась с позицией В. Д. Плетнева в статье «События повелевают»:

Воззвание Верховного Главнокомандующего открыло для поляков путь к будущему, война и государственный смысл, проявленный народом русским, раскрыли для него всю печальность настоящего. (...)

Не поддающийся описанию формы слепой и всеразрушающей ярости, обрушившейся на плечи ни в чем неповинных евреев, разжигание инстинктов толпы и пложение (так! — Э. В.) насчет этих несчастных самых отвратительных вымыслов дают достаточные доказательства той участи, которая постигла бы евреев в суверенной Польше.

А если припомнить, как в полунамеках и полупризнаниях в недавние дни возмутительная травля еврейской части населения Польши объяснялась тем, что они рассматриваются поляками как своеобразные обрусители, — не нужно обладать особенно живым воображением, чтобы понять, что суверенная и независимая государственно Польша при некоторых условиях может обещать и русским очень болезненные сюрпризы.

В настоящее время за итоги будущего мира под русскими знаменами борются с равным одушевлением и верой в правду завтрашнего дня все народы, населяющие Россию. И потому только общий государственный порядок, основанный на уважении к праву личности и силе национальной культуры каждого народа, может обеспечить за ними должную широту и мощь в борьбе за отыскание общей всем людям правды самобытно психическими навыками (так! — Э. В.). В этой области для нас возникает тем большая необходимость определить границы культурной автономии Польши, раз ни суверенно независимой, ни государственно-культурной автономии мы за поляками признавать не имеем права и не можем.⁵⁶

Тем самым польский антисемитизм, свидетельствуя о нежелании поляков соответствовать либерально-демократическим нормам, служил основанием для пересмотра отношения к польской автономии.

Лянтювич читал 10 января 1915 года в Москве (см. отклики в русско-еврейской печати: *Рассвет*. 1915. 18 янв. № 3. С. 32; [Б. п.]. Доклад П. Н. Мальяновича // *Война и евреи*. [б. д.]. № 4. С. 10) и 23 февраля 1915 года в Петрограде на квартире Сологуба в рамках деятельности «Русского общества для изучения жизни евреев» (см.: *Лит. наследство*. 1965. Т. 72: Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. С. 548). На этом вечере присутствовал и Андреев. Вторая часть доклада, посвященная польско-еврейским отношениям, была опубликована под названием «О праве вмешательства» в сборнике «К еврейскому вопросу в Польше»; первая часть доклада, посвященная русско-еврейским отношениям и упоминающая, кстати, статью Андреева «Первая ступень», была затем опубликована в сборнике «Щит» (см.: *Мальянович П. Н.* Русский вопрос о евреях // *Щит*. Литературный сборник / Под ред. Л. Андреева, М. Горького и Ф. Сологуба. М., 1915. С. 127—135). Думается, что доклад Мальяновича, призывающий к союзу русских и польских демократических сил в борьбе против польского антисемитизма, повлиял на определение взглядов Андреева в польско-русско-еврейском вопросе.

⁵⁵ [Б. п.]. Поляки и евреи // *Рассвет*. 1915. 1 фев. № 5. С. 39. В конце 1914 — начале 1915 года Арабажин неоднократно выступал по польско-еврейскому вопросу. См.: [Б. п.]. Русское общество и польский вопрос // *День*. 1914. 2 нояб. № 293. С. 3; *Арабажин К. И.* Поляки и антисемитизм (Письмо в редакцию) // *День*. 1914. 6 нояб. № 302. С. 4; С. С. Лекция проф. К. И. Арабажина «Россия, Польша и народности, населяющие Россию в великий исторический момент мировой войны» // *Война и евреи*. [Б. д.]. № 4. С. 4—5; [Б. п.]. Лекция пр. К. И. Арабажина, пр. М. П. Чубинского, пр. А. В. Васильева, св. Аггеева, чл. Гос. Думы Дзюбинского, ак. Бехтерева, кн. Мансырева, пр. Плетнева и Е. П. Семенова о польско-еврейских отношениях // *Новое звено*. 1915. 31 янв. № 5. С. 22—23.

⁵⁶ *Голос жизни*. 1914. 10 дек. № 9. С. 2—3. Статья была опубликована со следующим примечанием: «Печатаемая настоящую статью, редакция „Голоса Жизни“ отнюдь не заявляет себя во всем солидарной с мнением своего почтенного сотрудника» (Там же. С. 1). Отчет о статье Плетнева см.: [Б. п.]. Из русской печати // *Рассвет*. 1914. 21 дек. № 51—52. С. 40.

В какой-то степени колебания российского общественного мнения касательно границ польской автономии отражали противостояние двух тенденций в царском правительстве — прогрессивного, представленного авторами польского манифеста, и консервативного, представленного министром внутренних дел Н. А. Маклаковым, министром юстиции И. Г. Щегловитовым и обер-прокурором Синода В. К. Саблером. И знаменательно, что определение Плетневым границ польской автономии во многом совпадало с победившим подходом консервативного крыла царского правительства: в основу обсуждения польского вопроса в начале 1915 года был заложен проект Н. А. Маклакова и Варшавского генерал-губернатора П. В. Енгальчева, имевший в виду всего лишь дарование Польше обычного местного самоуправления с правами употребления польского языка в земских и городских учреждениях.⁵⁷

Таким образом, тенденции в российском обществе, ассоциирующиеся с идеями имперского либерализма, в какой-то степени корреспондировали с правительственным замораживанием польского вопроса. Спонтанный энтузиазм в начале войны относительно близкого разрешения польского вопроса сменился более прагматичным подходом. Здесь, по-видимому, перспективы польской автономии служили предостережением от дальнейшего центробежного развития событий касательно самоопределения национальных меньшинств империи. В то же время заявленное Арабажиным и Плетневым обусловливание польской автономии правами еврейского меньшинства воспринималось поляками как имперское разыгрывание еврейской карты в контексте задержки с осуществлением планов, выраженных в польском воззвании.

Сходно с П. Н. Малянтовичем, другие русские общественные деятели также пытались отделить свое «вмешательство» в польско-еврейский вопрос от утверждений, обуславливающих польскую автономию соблюдением прав еврейского меньшинства. П. Н. Милюков в своем интервью в том же «Польском голосе» говорил: «Но заявлять полякам: если вы не дадите гарантии прав еврейскому меньшинству, то и мы со своей стороны тоже вам ничего не дадим, — это я считаю нелепостью, коей лично не разделяю».⁵⁸ В отчете о его интервью в журнале «Новое звено» это заявление Милюкова вызвало следующий комментарий: «Так ли это? Кто внимательно читает „Речь” — может с достаточным основанием усомниться в искренности этих слов г. Милюкова!..»⁵⁹ Я не нашел на страницах «Речи» попыток обусловить польскую автономию предоставлением евреям прав меньшинства в будущей объединенной Польше. Тем не менее требование кадетов предоставить евреям права меньшинства в будущей автономной Польше в рамках Российской империи вызвало отторжение как у поляков, так и у сочувствующих им русских панславистов. Интервью Милюкова получило эмоциональный негативный отклик в анонимной статье в варшавской газете «Kurier Poranny» от 22 января 1915 года.⁶⁰ Возражая на этот отзыв, Милюков вновь повторил свою позицию в польском и польско-еврейском вопросах: «Я призывал (...) к совместной выработке проекта автономии, долженствующего быть проведенным нашими законодательными учреждениями. Никаких подробностей проекта я не указывал, кроме одной — обеспечения прав меньшинства. Относительно этой подробности я оговаривался, что готовой формулы прав меньшинства у меня в настоящее время не имеется, и что это — дело парламентского соглашения при проведении проекта законодательным

⁵⁷ См.: Голубев С. А. Польский вопрос в России в годы первой мировой войны. С. 21.

⁵⁸ См.: Bartkiewicz E. Wywiady polityczne. U Pawła Milukowa // Głos Polski. 1915. 4 янв. № 1. С. 4.

⁵⁹ Новое звено. 1915. 17 янв. № 3. С. 21. Отчеты об интервью Милюкова см. также: День. 1915. 10 янв. № 9. С. 3; Московские ведомости. 1915. 22 янв. № 17. С. 1; Рассвет. 1915. 25 янв. № 4. С. 27.

⁶⁰ См. также критический разбор интервью Милюкова в статье: Hołówo T. Dwa głosy. Miłukow — Mienszykow // Prawda. 1915. 6 марта. № XXXV/9. С. 4—5.

путем. Я указывал также, что пределы, в которых еврейский вопрос будет „внутренним вопросом” Польши, могут быть установлены только при выработке предметов общеимперского законодательства». ⁶¹

Эти слова, как и интервью Милюкова в «Польском голосе», свидетельствуют о том, что Милюков, вместе с большинством партии кадетов, был последовательным противником выхода Польши из Российской империи. ⁶² И с польской точки зрения в этом принципиальном вопросе позиция кадетов, наверное, немногим отличалась от позиции Арабажина и Плетнева. ⁶³

Думается, что Л. Андреев так же реагировал на эту тему, когда считал нужным оговорить в интервью, что для него особой роли не играет, будет Польша в будущем объединена под протекторатом России или нет. Эта оговорка встраивается в основную антитезу его интервью между двумя подходами к польскому вопросу в России — официальному и прогрессивному. К моменту интервью официальная позиция в польском вопросе, использующая панславистскую риторику русско-польского братства, была серьезно скомпрометирована реальной политикой царского правительства. Андреев в свою очередь выдвигает общую русско-польскую платформу на основе содружества освободительных сил двух народов. Постоянно подчеркивая свое неприятие реакционных сил России и принадлежность к прогрессивным силам, Андреев рассчитывал на кредит доверия с польской стороны. Однако выстраиваемая им общая русско-польская платформа освободительных сил разбивается о еврейский вопрос. Как уже говорилось, либеральная (либерально-имперская?) система оценок русской интеллигенции здесь противостояла национальной/националистической системе оценок польской интеллигенции. Соответственно русские либеральные круги не могли смириться с национализмом польской интеллигенции. Тогда как польские круги отождествляли русский универсализм с русским империализмом и русское «вмешательство» в польско-еврейский вопрос с русской «интервенцией хозяев».

Подчеркивая свою принадлежность к освободительным силам России, Андреев также пытался избавить свои претензии к полякам в еврейском вопросе от возможной «имперской» интерпретации. В этом, однако, он не добился успеха, судя хотя бы по тому месту в интервью, где обсуждалась болезненная тема о праве на вмешательство русской интеллигенции в польско-еврейский вопрос. В польском тексте интервью слово «вмешательство» переведено один раз как «interwencja» и через несколько строк как «wtrącanie się». Во втором случае Барткевич приводит в скобках польскую транскрипцию русского слова «wmieszateliństwo», использованное Андреевым. Почему же в первом случае он переводит «вмешательство» как «interwencja»? Вероятно, таким образом Барткевич эксплицирует разделяемое им мнение о русском «вмешательстве» в польско-еврейский вопрос как «интервенции хозяев».

Это не единственный случай в интервью, когда кажется, что несогласие Барткевича выражается в его корректировке слов Андреева при переводе так, что они начинают противоречить общей позиции Андреева в «польско-русско-еврейском вопросе». Для Андреева польский антисемитизм ставил поляков в один ряд с русскими националистами и русским правительством, проводящим антиеврейскую политику; вследствие чего «поляки вырыли глубокий ров между собой и русской интеллигенцией, на силы которой поляки имеют полное право рассчитывать». Да-

⁶¹ Милюков П. Н. Странная полемика // Речь. 1915. 25 янв. № 24. С. 3.

⁶² См.: Воробчук О. Я. Польська проблематика в діяльності кадетської партії у Росії в роки Першої світової війни // Р. Ф. Кайндль і українська історична наука. Матеріали Міжнародного наукового семінару «Кайндлівські читання» (Чернівці, 22—23 травня 2004 р.). Вижиця, 2004. Ч. 2. С. 39.

⁶³ Знаменательно, что и Малянтович, говоря о будущей «свободной Польше», имел в виду лишь ее широкую автономию в границах Российской империи (см.: Малянтович П. Н. О праве вмешательства // К еврейскому вопросу в Польше. С. 257).

лее Андреев продолжал: «Только представьте, сколько позитивных дел именно сейчас мы могли бы сделать для Польши. Но что получается? Мы молчим, хотя нас охватывает отвращение, что какой-то там Арабажин выступает против поляков, а мы не протестуем. Этого бы не было, если бы еврейский вопрос не замутил чистой воды». К автору книги «Леонид Андреев. Итоги творчества. Литературно-критический этюд» (СПб., 1910) К. И. Арабажину Андреев относился резко отрицательно.⁶⁴ Своим поверхностным подходом к литературным вопросам и сомнением Арабажин не вызывал особых симпатий и у многих других писателей и общественных деятелей.⁶⁵ Как уже отмечалось, в конце 1914 — начале 1915 года Арабажин неоднократно выступал по теме польско-еврейских отношений, выдвигая спорные для многих требования к полякам, что крайне негативно воспринималось, в частности, и сотрудниками «Польского голоса».⁶⁶ Пренебрежительным упоминанием Арабажина Андреев хотел отмежеваться от нежелательного сопоставления с ним в польско-еврейском вопросе. Тем не менее, фраза «этого бы не было, если бы еврейский вопрос не замутил чистой воды» звучит уже как польское «вмешательство» в речь Андреева. Как видно, несогласие Барткевича с Андреевым выразилось в манипулировании оттенками смысла переводимого текста. В случае перевода «вмешательства» как «интервенции» Барткевич заострял, как это было принято в Польше касательно польско-русско-еврейского вопроса, «имперскую» составляющую русского универсалистского дискурса. Фраза «этого бы не было, если бы еврейский вопрос не замутил чистой воды» подрывала аргументацию Андреева оценочной характеристикой еврейского вопроса. Создаваемая двусмысленность, с одной стороны, звучала как проговорка, ставящая под сомнение искренность Андреева, с другой — вводила польскую перспективу на роль еврейского вопроса в русско-польских отношениях. Таким образом, подспудно дискредитировались русская и еврейская стороны польско-русско-еврейского «треугольника».

Интервью Л. Андреева заканчивалось сноской от редакции: «Следует отметить, что политические интервью, помещенные в „Польском голосе“, имея инфор-

⁶⁴ См.: Лит. наследство. Т. 72: Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. С. 332, 333, 338; Андреев А. О Леониде Андрееве. С. 70—72.

⁶⁵ См.: *Конечный А. М.* Арабажин К. И. // Русские писатели 1800—1917: Биографический словарь. М., 1988. Т. 1: А—Е. С. 100; *Исаков С. Г.* Профессор Хельсинкского университета К. И. Арабажин. Очерк жизни и деятельности // *Studia Slavica Finlandensia*. 1987. № 4. С. 89. О двусмысленной общественной деятельности Арабажина в Финляндии и Латвии в 1919—1921 годах см.: *Екабсонс Э., Флейшман Л.* Первый российский консул в независимой Латвии // *Avoti*. Труды по балто-российским отношениям и русской литературе. В честь 70-летия Бориса Равдина / Ред. И. Белобровцева, А. Меймре, Л. Флейшман. Stanford, 2012. Ч. 1. С. 124—130.

⁶⁶ Беседа в «Польском голосе» с Арабажиным заканчивалась словами Барткевича о том, что это было первое с ним интервью (*Barthkiewicz E.* Wywiady polityczne. U prof. Konstantego Arabażina // *Głos Polski*. 1915. 25 янв. № 4. С. 4). Это давало право ожидать продолжения беседы на страницах польского журнала, которого не последовало. По-видимому, продолжение не состоялось в связи с позицией Арабажина в польско-еврейском вопросе. Обычно в «политических интервью» Барткевича этот вопрос обсуждался во второй части бесед. И поскольку в напечатанной части интервью с Арабажиным этот вопрос не затрагивался, можно предположить, что ему была посвящена вторая часть. Вместо этого в следующем номере «Польского голоса» была напечатана статья Б. Галчинского «Правда уже идет», первая часть которой была полностью посвящена роли Арабажина в польско-русско-еврейском вопросе, его, по мнению Галчинского, некомпетентности и необъективности (*Galczyński B.* Prawda już idzie... // *Głos Polski*. 1915. 1 фев. № 5. С. 5—6). Эта часть статьи Галчинского затем была перепечатана в «Новом звоне» ([Б. п.]. О проф. К. Арабажине // *Новое звено*. 1915. 14 фев. № 7. С. 17—19), где имя Арабажина стало нарицательным для русских либералов, находящихся, по мнению журнала, под еврейским влиянием в подходе к польско-еврейскому вопросу (см.: Там же. 4 апр. № 13. С. 16). В своем предисловии к интервью Брянчанинова Э. Барткевич, возможно со слов самого интервьюируемого, назвал Арабажина главным виновником упомянутого раскола в редакции «Нового звена» (см.: *Barthkiewicz E.* Wywiady polityczne. U Aleksandra Brianzczaninowa // *Głos Polski*. 1915. 15 фев. № 7. С. 2). Это также, наверное, служило основанием для особого отношения к Арабажину на страницах «Нового звена» и дружественного ему «Польского голоса».

мационный характер, не снабжались до сих пор комментарием. Вскоре мы начнем их обсуждение в ряде специальных статей». Как уже говорилось, радикально изменяющаяся в конце весны 1915 года военно-политическая ситуация была одной из главных причин того, что обсуждение «политических интервью» российских общественных деятелей по польскому и польско-еврейскому вопросу во многом потеряли свое значение. Обсуждения этого в «ряде специальных статей» и не последовало.

Тем не менее, думается, что определенным ответом на интервью Андреева можно считать статью Б. Галчинского «Фальсификаторы. III. Фабрикация идеалов». ⁶⁷ Цикл статей Галчинского «Фальсификаторы» был посвящен обсуждению «еврейской интриги» против поляков в русском обществе. «Интрига» заключалась в подрыве польских прав на автономию в глазах русского общества при помощи заведомо неверной информации о еврейском вопросе в Польше. Действительно, поскольку информация об антиеврейских эксцессах русской армии в Польше на страницах российской печати была табуированной темой, акцентирование внимания на проявлениях польского антисемитизма создавало одностороннюю картину положения еврейского населения в Польше. Часто шпиономания в русской армии, направленная против евреев, объяснялась в русско-еврейской прессе прямым влиянием польского антисемитизма. Кроме внешней цензуры здесь большую роль играла внутренняя цензура: русский патриотизм в военное время препятствовал осознанию негативных сторон идеализированного русского отечества. И обсуждение польского антисемитизма канализировало осознание трагического положения еврейского населения в приемлемое для русской стороны русло.

В статье «Фабрикация идеалов» Галчинский задается вопросом, почему русские либералы так живо откликнулись на проявления несправедливости именно в польско-еврейских отношениях, а не, скажем, в негритянском или китайском вопросе. Как пишет Галчинский, «сама констатация несправедливости, недостаточна, чтобы вызвать вмешательство гг. Андреева, Горького⁶⁸ и Милюкова». ⁶⁹ Право русских либералов вмешиваться в еврейский вопрос в Польше основано на «уверенности в своем культурном превосходстве, которое они черпают из наивной веры в еврейскую картинку, представляющую Польшу». ⁷⁰ Далее Галчинский писал, что для русских либералов поляки и евреи являются двумя равноценными национальными меньшинствами многонациональной России. Притеснения евреев в Польше воспринимается русскими либералами как злоупотребление своим численным превосходством одного национального меньшинства над другим в определенном регионе многонациональной России. Для польской стороны такой уравнилельный взгляд неприемлем. Поляки будут титульной нацией в объединенной Польше, гарантом чему служит воззвание Великого князя. ⁷¹ Иными словами, «имперскому»,

⁶⁷ *Galczyński B. Fałszerze. III. Fabrykacja ideałów* // *Głos Polski*. 1915. 7 июня. № 23. С. 1—4.

⁶⁸ Подготовленная Андреевым, Горьким и Сологубом «Анкета по вопросу об антисемитизме» в России (Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 3 февр. № 14648. С. 4) включалась польской стороной в обсуждение польско-еврейского вопроса. Этому способствовал, возможно, и ответ Горького на анкету, в котором среди прочего писалось: «Есть еще одно условие, способное породить слухи, враждебные евреям, это — польский антисемитизм, вызванный русской политической гонения на еврейство. Установив для евреев черту оседлости в тесных землях Польши, мы создали этим ненависть поляков к пришельцам, к чужому. И возможно, что известная часть польского народа, оберегая свою старую европейскую культуру, подозревает евреев в стремлениях русификаторских. Когда людям очень тесно, они толкают друг друга безжалостно» (*Горький М.* Ответ на анкету по вопросу об антисемитизме // *Утро России*. 1915. 7 марта; цит. по: Максим Горький. Из литературного наследия. Горький и еврейский вопрос / Авторы-сост. М. Агурский, М. Шкловская. Иерусалим, 1986. С. 159—160). Интервью Андреева также начиналось с упоминания Барткевичем анкеты об антисемитизме.

⁶⁹ *Galczyński B. Fałszerze. III. Fabrykacja ideałów*. С. 1.

⁷⁰ Там же. С. 2.

⁷¹ Там же.

как ему казалось, подходу русских либералов Галчинский противопоставлял польский национальный проект. Тем не менее, сам Галчинский не был готов признать за конкретным национальным меньшинством будущей объединенной Польши право на самоопределение. Его статья заканчивалась утверждением, что как несомненно, что в России немецкое национальное меньшинство никогда не получит автономии, так в Польше не получит его и еврейская «народность».⁷² Такое сопоставление во время войны с Германией откровенно выражало ту форму враждебности поляков к евреям, против которой выступали русские либерально-демократические деятели, в том числе и Л. Андреев.

⁷² Там же. С. 4; кавычки в польском тексте статьи.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Эдвард Барткевич

У ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРВЬЮ

В январе этого года в русской прессе появилась «Анкета о евреях» за подписями Леонида Андреева, Федора Сологуба и Максима Горького.¹ Однако ее результаты как-то замалчиваются.² Поскольку я широко обсуждал польско-русско-еврейский вопрос с деятелями русского искусства, литературы и науки,³ представляю нашим читателям самое интересное по этому вопросу интервью с Л. Андреевым.

Я навестил Л. Андреева в его доме на Черной Речке в Финляндии⁴ перед самым отъездом известного писателя на галицийский фронт, где он и находится в настоящее время.⁵

Он нервно ходил по комнате и с волнением говорил о поднятых вопросах, а символические призраки и черти, висящие на стенах комнаты, прислушивались к нашей беседе.⁶

— Моя мать по происхождению поляк,⁷ — сказал мне известнейший в России драматург и беллетрист. — Но вне зависимости от этого я особенно люблю польский народ за его упорную борьбу за свободу, в которой я вижу особую красоту. В польской истории видна одна характерная для этого народа замечательная черта — его безусловная готовность принести себя в жертву свободе. В польской истории найдется множество свидетельств его безоглядной самоотверженности и самопожертвования во имя других. Это достойно восхищения и преклонения.

Затем Андреев продолжил:

— В освободительной войне обозначилась разница, отличающая в выгодную сторону русский народ от немцев и свидетельствующая о соборном характере русского народа.

Когда при Наполеоне немцы начали войну, чтобы освободиться от грозного корсиканца, они думали только о себе. Устами Фихте немцы твердили, что они единственный избранный народ, и поэтому, сражаясь за свободу, они должны сражаться исключительно во имя своих собственных интересов, все же остальное их ничуть не должно интересовать.⁸

У русских можно заметить нечто совершенно иное. Когда русский народ боролся за свободу, то он боролся за свободу *всех*. Свобода только для себя, свобода одного у нас была и называется монархия, однако она не удовлетворяла чуткой русской совести, ибо наше понятие о свободе могло стать идеалом для общества лишь тогда, когда равно охватывало всех — русских, поляков, украинцев, финнов, евреев и т. д.

Это историческая правда, подтвержденная в XIX веке, в течение которого мы можем наблюдать борьбу взаимно противоположных начал. С одной стороны, русское общество в лице самых достойных своих представителей подняло знамя с идеалом свободы *для всех*, с другой стороны, иные силы России, думая только о себе, борются против этого лозунга. Я принадлежу к сторонникам первого направления.

Я спросил Л. Андреева о его личном отношении к польскому вопросу.

— С ранней молодости, — начал рассказывать Андреев, — уже в гимназии и на протяжении дальнейшей жизни мое отношение к польскому вопросу было таким же, как отношение всей демократической России, которое исторически определилось уже со времен Герцена:⁹ свобода Польше и наиболее широкое самоопределение польского народа. Это была цель, к которой устремлялись страстные помыслы русского передового общества. В прошлом были даже такие моменты, когда сами поляки, казалось, впадали в состояние резиньяции и после усилий на достижение свободы безропотно смирялись. Но и тогда не замолкал страстный призыв русской вольнолюбивой мысли не забывать о Польше, о ее нуждах.

Поляки знают, что с начала прошлого века обозначились по отношению к ним два разных подхода. Если с одной стороны осознанно или неосознанно существовало стремление поработить какую-то народность, то существовал и противоположный лагерь — русская общественность, которая никогда этому не сочувствовала.

Если и были случаи соучастия в подавлении кого-нибудь, то здесь проявляли себя не общественные силы, а прослойка рабопенных прислужников и карьеристов, именно то, что называется «реакцией», не в европейском, однако, смысле этого слова. У нас это были не общественные элементы, а те, для кого подавление других предоставляло возможность обогатиться за чужой счет. Эти господа прекрасно отдавали себе отчет в том, что, когда под давлением оказываются поляки, финны или кто-либо другой, то образуется масло, которым можно замечательно мазать собственный хлеб. Это та самая политика, которую я называю зоологической.

Если же спросить, как русское общество относилось к Польше, то в первую очередь надо вспомнить декабристов,¹⁰ такие организации, как «Земля и воля»,¹¹ и целый ряд видных общественных деятелей. Так было до 1905 года, когда все эти ручьи, текущие по жесткой, изобилующей препятствиями почве, слились в единое море,¹² из которого возникла конституция, Дума, словом те учреждения, на основе которых должны производиться следующие шаги, поскольку общественная мысль не отреклась от своих широких идеалов, а весомость народного мнения увеличилась в своем значении.

Польские надежды обрели себе почву после воззвания Великого князя,¹³ — продолжил после некоторой паузы Андреев. — В поисках выхода из нескончаемых страданий, желая перемен и попадая то и дело под все больший гнет реакционных сил, поляки начали склоняться к мысли о слабости и бесплодности русского освободительного движения. Поляки, кажется, сказали себе, что поскольку русская интеллигенция мало на что способна для достижения своих собственных целей, то тем более она ничего не может сделать для других. «На ваших глазах, уважаемые представители русского передового общества, — говорили у нас между собой поляки, — разыгралась трагедия 1830 и 1863 гг., на ваших глазах оскорблялась честь поляков в Думе, на ваших глазах, благородные и свободолюбивые мечтатели, разворачивался в различных своих аспектах финский вопрос, еврейский вопрос, вопрос о черте оседлости и т. д.»

Поляки усомнились в возможностях прогрессивных кругов русского общества и, задумываясь о будущей тактике, пришли к выводу, что не имеет смысла на них рассчитывать: «Люди они хорошие, имеют прекрасные намерения, но сделать ничего не могут».

Я понимаю это недоверие поляков, — сказал Андреев, — если бы я сам был поляком, очень может быть, что чувствовал бы такое же недоверие по отношению к прогрессивным силам России: хотя бы убеждение об отсутствии их влияния на русскую жизнь можно встретить не только в России, но и по всей Европе.

Я понимаю это недоверие, но не соглашусь с ним по существу. Здесь заключается очень несправедливое суждение о нас и досадное свидетельство, что западная мысль не дала себе труда вникнуть в суть дела.

Для надлежащего понимания русского общества необходимо осознать целый ряд факторов, которые имели исключительное значение для подавления в нем рывков прогресса, чего не существовало в такой мере в Западной Европе. Это и долгий период народной отсталости, деспотические обычаи, огромное пространство, великое множество народностей России и контрасты в уровне их культуры. При таких условиях стоит подивиться быстрому развитию русского прогрессивного движения и тем его силам, благодаря которым оно не впало в стагнацию. Если в настоящее время у наших представителей в Думе слишком часто замечается отсутствие такта, независимости, неумение отстоять свою точку зрения, особенно, если сравнить это с тем, что мы видим в Англии, то не нужно осуждать за это все общество, но следует принять во внимание, что большинство населения России — это дети и внуки тех, кто были еще рабами при крепостничестве. Их потомки, следовательно, до сих пор отягощены различными страхами и гнетущими воспоминаниями. Ведь те пресловутые сорок лет блуждания по пустыне, на которые был осужден Моисей, у нас пришли к концу только сейчас.

Таким образом этот широкий, глубинный пласт русской жизни остается одинаково незамеченным ни в Польше, ни в Европе.

Сейчас, — развивал далее свою мысль г. Андреев, — я вижу, что польские влиятельные круги на основании того, что поверили в возможности и доброжелательность русского народа, именно поэтому совершили две ошибки, из-за которых образовался целый ряд недоразумений, которыми сейчас переполнены отношения поляков и русского прогрессивного общества. Забыв о прошлом, поляки не подумали о том, что значит «*verba volant*»,¹⁴ и что для того, чтобы слово стало делом, необходимо содействие активных сил русского общества.

Весьма своевременное воззвание Верховного главнокомандующего помимо своего международного эффекта объединило сердца поляков и, прежде всего, русских вокруг общей идеологии, в основе которой лежит понимание войны как «освободительной», и все передовое общество сосредоточило свои усилия для ее проведения. Принимая это во внимание, русское общественное мнение касательно Польши будет иметь особое значение, когда будут обсуждаться результаты войны. Поэтому также взаимная внутренняя война, которая ведется (все же в определенных рамках) из-за евреев между поляками и русским обществом, приносит пользу кому-то третьему, ибо вредит русским, вредит полякам, вредит евреям, но более всего, по-моему, вредит полякам.

Здесь я заметил господину Андрееву, что меня в особенности удивляет, что русская передовая общественность заняла такую позицию в связи с евреями по отношению к полякам, которые, наверно, располагают не меньшими правами на внимание русских идеалистов, чем евреи, которые, однако, заслонили русским передовым людям весь польский горизонт.

— В настоящий момент, — ответил г. Андреев, — нас отталкивает не то, что польский крестьянин антисемит, а что антисемитизм, и для нас это всего большее, пользуется признанием польских верхов. Вы игнорируете наше мнение, из-за чего основная часть польской общественной мысли заключила союз с кем угодно, но не с русской передовой общественностью. Переходя на такие позиции, польская общественная мысль должна была взять на вооружение определенные образцы для подражания и потому прониклась определенным запахом. Став на почву своих по-

следних симпатий, поляки должны были признать официальное отношение к евреям. Тем самым поляки вырыли глубокий ров между собой и русской интеллигенцией, на силы которой они имеют полное право рассчитывать.¹⁵

В дальнейшем течении беседы г. Андреев провел очень интересные и характерные аналогии, касаясь замалчивания финского и польского вопросов в прогрессивной русской прессе.

— Только представьте, сколько позитивных дел именно сейчас мы могли бы сделать для Польши. Но что получается? Мы молчим, хотя нас охватывает отвращение, что какой-то там Арабажин¹⁶ выступает против поляков, а мы не протестуем. Этого бы не было, если бы еврейский вопрос не замутил чистой воды. Я думаю сейчас, сколько уже русская пресса успела бы написать касательно реализации воззвания Великого князя, как бы широко информировала о происходящем в Польше, а у нас вместо этого всего ведется спор о евреях, чему ни мы, ни вы совсем не рады. Сколько еще могло бы быть сделано полезного для Польши.

Как человек вполне определенных взглядов, скажу о себе, что моя любовь к Польше нисколько не противоречит моей любви к евреям. Мне кажется, что это единственный народ, который со своего рождения до сего дня остается таким, каким он был. Евреи это народ такой *сильной воли*, какой не обладал ни один другой народ, его история являет пример особой красоты, которую нельзя не ценить. Несмотря на столько преследований, евреи не погибли и сохранили себя.

При теперешних польско-русских отношениях я очень хочу, чтобы в Польше не преследовали евреев; точно так же, как если бы евреи имели возможность угнетать и преследовать поляков и делали бы это, я бы возмущался ими так же, как сейчас возмущаюсь теми, кто угнетает евреев.

Итак, если польское общество захочет идти рука об руку с передовой русской интеллигенцией, которая, повторяю, только одна сможет осуществить обещания, данные Польше, то поляки обязаны принять и завет русской демократии, касающийся широкой толерантности ко всем народам, а значит и к евреям. Только тогда поляки завоевали бы симпатии русского передового общества и евреев и закрепили бы то, что заключает в себе воззвание Верховного главнокомандующего.

Я спросил г. Андреева, каково его мнение о роли Думы в решении польского вопроса.

— Для решения польского вопроса, — ответил г. Андреев, — если этот вопрос дождется своего решения, необходима не теперешняя Дума, но более представительный орган, который должен быть избран на иных основаниях. Роль русского представительства определяющая в решении тех вопросов, которые содержатся в польском воззвании, далее же наша роль закончится. На том этапе, когда Польша будет объединена, под протекторатом России или нет — это для меня особой роли не играет, необходимо было бы сказать полякам следующее: «Устраивайте свою внутреннюю жизнь сами в соответствии с вашими собственными желаниями».

Это вытекает из наших общих представлений и принципов, но действительность видоизменяет наши идеалы и намерения и, ввиду аномальных польско-еврейских отношений, склоняет нас к решению о необходимости вмешательства¹⁷ в польские дела не только со стороны правительства, но и со стороны русских передовых демократических сил. А поскольку польский вопрос будет решать русская демократия, она несомненно выставит определенные требования и в сфере гуманистической — в широком значении этого слова.

Я чувствую, что полякам, особенно прогрессивных взглядов, может показаться странным, что я употребляю слово «вмешательство»¹⁸ (*wmieszacielstwo*), слово, которое сложно связать с понятием о свободе, но преимущественно связывается с чужим вмешательством в семейные, домашние дела и т. д. Я понимаю, что скорее пристало бы мне говорить о невмешательстве, но, утверждая свою точку зрения, я

имею в виду великое содружество, которое стоит на страже высших идеалов справедливости.

От редакции. Следует отметить, что политические интервью, помещенные в «Польском Голосе», имея информационный характер, не снабжались до сих пор комментарием. Вскоре мы начнем их обсуждение в ряде специальных статей.

¹ «Анкета по вопросу об антисемитизме» (Биржевые ведомости. 1915. 3 февр. № 14648. С. 4). Текст анкеты написан Л. Андреевым, по-видимому, при участии Горького и Сологуба (см.: Максим Горький. Из литературного наследия. Горький и еврейский вопрос. С. 156).

² Публикация анкеты вызвала неоднозначную реакцию. См., например: *Василевский (Не-Буква) И.* Книга легкомыслия // Петроградский курьер. 1915. 7 февр. № 373. С. 3; *Струве П.* По поводу одной анкеты // Биржевые ведомости. 1915. 16 февраля. № 14674; *Петроградский старожил* [Розанов В. В.]. Анкета об евреях Л. Андреева, Ф. Сологуба и М. Горького // Московские ведомости. 1916. 8 марта. № 55. С. 2; 10 марта. № 57. С. 2; *Загорский М. О* Максиме Горьком (Диалог) // Утро России. 1916. № 110. 20 апр. С. 3; [Б. п.]. Евреи в России. Анкета М. Горького, Л. Андреева и Ф. Сологуба // Журнал журналов. 1916. № 7. С. 13. В докладе «По поводу одной анкеты», в основу которого легли отклики, присланные на анкету, М. Горький писал, что «листок затеянной нами анкеты по еврейскому вопросу среди людей литературы, науки и политики был по недоразумению опубликован в одной из столичных газет» (см.: Максим Горький. Из литературного наследия. Горький и еврейский вопрос. С. 181).

³ См. преамбулу к публикации, с. 163—164.

⁴ Дом Л. Андреева около финской деревушки Ваммельсуу на берегу Ваммельоки (ныне Черная речка) между станциями Териоки и Райвола (ныне Зеленогорск и Роцино); см.: *Кен Л. Н., Рогов Л. Э.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб., 2010. С. 190, 405.

⁵ По-видимому, Л. Андреев поделился с Барткевичем своим намерением поехать во Львов и на галицийский фронт, но поездка не состоялась. В письме к Вл. И. Немировичу-Данченко от 12 апреля 1915 года Андреев писал: «И вот заведение: удаляюсь под сень струй в больницу Герзони. Это вместо Львова, весны и прочих удовольствий» (Письма Л. Н. Андреева к Вл. И. Немировичу-Данченко и К. С. Станиславскому: (1913—1917) / Публ. и комм. Н. Р. Балатовой и В. И. Беззубова // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1971. Вып. 266. С. 271). Имеется в виду частная лечебница доктора И. Л. Герзони в Петрограде, где Андреев находился в апреле—мае 1915 года (см.: *Кен Л. Н., Рогов Л. Э.* Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. С. 415). Таким образом, интервью Андреева можно датировать началом апреля 1915 года.

⁶ О репродукциях картин Ф. Гойи в кабинете Андреева см.: *Андреева В.* Дом на Черной речке. Повесть. М., 1980. С. 21—22; Леонид Андреев в воспоминаниях Анны Ивановны Андреевой / Публ. Л. Н. Кен // Русская литература. 1997. № 2. С. 84. Сохранилась фотография Л. Андреева на фоне одной из этих репродукций; см.: Photographs by a Russian Writer Leonid Andreyev: An Undiscovered Portrait of Pre-revolutionary Russia. Ed. and introduced by Richard Davies. London, 1989 (репродукция № 7).

⁷ Мать Л. Андреева Анастасия Николаевна, урожденная Пацковская, происходила из обрусевшего и обедневшего польского дворянского рода.

⁸ Имеются в виду «Речи к немецкой нации» (1808) И. Г. Фихте; см. преамбулу к публикации, с. 172.

⁹ Герцен неоднократно заявлял о праве поляков на политическое самоопределение и о единстве целей русских и поляков в борьбе с деспотизмом; см.: *Сливовская В., Сливовский Р.* Герцен, поляки и польский вопрос // Cahiers du monde russe et soviétique. 1987. № 28/2. С. 155—172; *Голубев С. А.* Русско-польские отношения в последней трети XIX — начале XX века. Конспект лекций. Тверь, 1993. С. 5—6.

¹⁰ О связях декабристов с польским тайным Патриотическим обществом см.: *Беккер И.* Декабристы и польский вопрос // Вопросы истории. 1948. № 3. С. 65—74; *Медведевская Л. А.* Южное общество декабристов и Польское патриотическое общество // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 276—319.

¹¹ Представители тайной революционной организации «Земля и воля» участвовали в разработке стратегии польского восстания 1863 года; см.: Очерки революционных связей народов России и Польши 1815—1917 гг. / Ред. В. А. Дьяков, А. Я. Манусевич, И. С. Миллер. М., 1976. С. 164—168.

¹² Здесь слышится своеобразное либерально-демократическое переосмысление образа из пушкинского стихотворения «Клеветникам России» (1831), написанного в связи с польским восстанием 1830 года: «Славянские ль ручьи сольются в русское море?»

¹³ «Воззвание к полякам» великого князя Николая Николаевича, опубликованное 2 августа 1914 года; см. преамбулу к публикации, с. 168.

¹⁴ Verba volant, scripta manent — слова улетают, написанное остается (лат.).

15 Ср. отчет о речи П. Н. Малянтовича после доклада А. Р. Ледницкого по польско-еврейскому вопросу на заседании «Общества Единения Народов России» 19 ноября 1914 года:

— Полагаю, что то, чего не сказал А. Р. (...): это — признание того, что антисемитизм в Польше — болезнь не подонков населения, что им заражены элементы даже прогрессивного польского общества. Верно это? — Верно, — соглашается А. Р. Ледницкий.

— И что ужасные проявления этого состояния умов не могут не быть осуждаемы с точки зрения всякой культуры и всякой национальности. Верно ли это?

— Верно, — снова соглашается А. Р. Ледницкий.

— А если так, — заражая всех присутствующих своим волнением, воскликнул Малянтович: — то мы все, здесь находящиеся, знаем, что нам делать. Мы должны принять определенную, подлежащую широчайшему распространению резолюцию, в которой было бы указано, что то, что происходит в Варшаве, — ужасно!.. Что оно губительно для дорогого нам дела возрождения братского народа; что против этого ужаса должны бороться все, кому, действительно, дорого дело польского народа (*Адамов Евг. Московские письма // День. 1914. 21 нояб. № 317. С. 3*).

16 Константин Иванович Арабажин (1865—1929) — преподаватель и литературный критик. См. о нем: *Исаков С. Г.* Профессор Хельсинкского университета К. И. Арабажин. Очерк жизни и деятельности // *Studia Slavica Finlandensia. 1987. № 4. С. 68—112.* См. также в преамбуле к публикации, с. 174.

17 В польском тексте интервью: «interwencyi».

18 В польском тексте интервью: «wtrącanie się».

© Н. А. Хохлова

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ ЗАВЕРШЕН ИЗДАНИЕМ «ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ СПИСОК РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ И УЧЕНЫХ» С. А. ВЕНГЕРОВА?

Ближайший и преданнейший ученик Венгерова, впоследствии известный библиограф и литературовед А. Г. Фомин не без горечи писал о противоречии, которые был отмечен весь творческий путь его учителя: «Семен Афанасьевич умел создавать прекрасные, грандиозные по своим задачам планы литературных работ, являлся хорошим литературным архитектором-теоретиком, но был плохим архитектором-практиком, не умел точно осуществить свой (проект), руководить возведением стройной постройки, координировать труд своих сотрудников и при практическом осуществлении своих проектов отступал от них, суживал их, и благодаря этому многие его работы, прекрасные по своим заданиям, плану были выполнены не так, как задуманы, остались незаконченными, незавершенными».¹

Разумеется, прежде всего А. Г. Фомин имел в виду главный труд Венгерова — «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых».² Согласно первоначальному замыслу, он должен был содержать и обстоятельные фактические биографии, и анализ творчества, и исчерпывающую биобиблиографию. К 1900 году Венгеров осознал неосуществимость столь грандиозного труда. И дело было не только в нехватке сил и материальных средств. Необходима была обширная, легко доступная справочная база — фундамент для продолжения работы. Эту роль выполняла картотека, впоследствии ставшая знаменитой. Несмотря на беспрецедентный объем (около 1 млн. карточек), ее формирование отнюдь не было завершено. С середины 1890-х годов Венгеров стал издавать так называемые «Подготовительные работы для „Критико-биографического словаря“». Такой подзаголовок имеют его

¹ Неизвестная статья А. Г. Фомина о С. А. Венгерове-пушкинисте / Публ. М. Д. Эльзона // Историко-библиографические исследования. СПб., 1995. Вып. 5. С. 100.

² Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). СПб., 1889—1904. Т. 1—6. Далее указываем кратко: КБС.

известные труды: «Источники словаря русских писателей» и «Русские книги». Первый содержит библиографию журнально-газетных публикаций, второй — отдельных изданий, причем оба снабжены краткими биографическими сведениями об авторах. Таким образом, в сумме эти справочники должны были представить исчерпывающую биобиблиографию и, помимо самостоятельного значения, существенно облегчили бы работу над словарем. Однако и эти издания оказались неспособны: «Русские книги» были доведены лишь до фамилии «Вавилов», а «Источники» — до «Некрасов».³

«Пройденный С. А. Венгером путь, — писала известный библиограф М. В. Машкова, — для успеха гигантской работы надо было бы проделать в обратном порядке: сначала составить предварительный список имен, затем издать „Источники словаря русских писателей“, и только на основе этих работ подойти к созданию энциклопедии русской образованности (так сам Венгеров именовал КБС. — Н. Х.)».⁴ Казалось бы, логика этого утверждения неоспорима. Однако сам Венгеров подходил к вопросу иначе: «Покойный Пыпин, — писал он, — прямо настаивал на том, что нужно составить „предварительный“ Словарь, самый краткий — в 2—3 томах, но зато на все буквы. Я не очень спорил по существу. (...) Но только большая ошибка думать, что такой скромный справочник легко составить. (...) „Краткий“ Словарь можно составить только тогда, когда у вас собран весь материал для Словаря *большого*, когда есть, что сокращать».⁵

«Предварительный список» — перечень имен русских писателей и ученых с самыми краткими о них сведениями — вышел из той же лаборатории по подготовке КБС. Эта идея зафиксирована в самом названии, что придает ему чрезмерную громоздкость: «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Второе, совершенно переработанное иллюстрированное издание. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки». Из названия явствует, что составитель рассматривал его и как второе, осуществленное по принципиально иному плану, издание КБС, и в то же время — как первый том особого труда. Эти смысловые ракурсы неравноценны: первый имеет отношение к истории творческих замыслов ученого, второй — к области практического применения созданного им справочника. «Предварительный список» был и остается для исследователей совершенно особым справочным изданием. Однако в рамках эволюции замысла КБС его следует рассматривать как последнюю и, надо признать, драматическую попытку довести этот словарь до конца.

Первый его том появился в 1915 году. Он был снабжен обширнейшим (на 62 страницах!) предисловием, в котором Венгеров подробно описал свое архивно-библиографическое собрание и изложил историю созданных на его основе трудов и принципы их подготовки.⁶ Но была у этого предисловия и еще одна особая задача: ученый расценивал его как «литературное завещание» и как «охранную грамоту» на все свое собрание. К слову сказать, последнее он структурировал по пяти «Отделам»: «Собрание автобиографий», «Картотека», «Письма писателей и ученых», «Автографы разных литературных произведений», «Собрание портретов».⁷

³ Русские книги. С биографическими данными об авторах и переводчиках (1708—1893) / Ред. С. А. Венгерова. Изд. Г. В. Юдина. СПб., 1897—1899. Т. 1—3; Источники словаря русских писателей / Собрал С. А. Венгеров. СПб.—Пг., 1900—1917. Т. 1—4.

⁴ Машкова М. В. История русской библиографии начала XX века (до октября 1917 года). М., 1969. С. 90.

⁵ Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. 2-е изд. Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки. Пг., 1915. Т. I. Вып. 1. С. XIV. (Далее: Предварительный список.)

⁶ Там же. С. VIII—LXIX.

⁷ Там же. С. XVI.

«Предварительному списку» в предисловии посвящена отдельная глава. Первостепенное внимание в ней уделено двум вопросам: принципу отбора имен и схеме (по выражению Венгерова, «программе») биографической справки. По первому вопросу содержится полемически острое заявление, своего рода манифест, в котором ученый с позиций культурно-исторической школы и философии позитивизма отстаивал необходимость представить в словаре «всю пишущую братию, не только генералов и полковников от литературы и науки, но и простых рядовых». Он утверждал: «Я считаю совершенно ненаучным изучать литературу только в ее крупных представителях. Что бы вы сказали о зоологе и биологе, который законы жизни будет изучать только на слонах, тиграх, львах и медведях, пренебрегая зайцами и кроликами? (...) Литература есть тоже явление вполне органическое, где нет случайности, где есть свои законы литературной биологии, одинаково яркие как в крупных особях литературного царства, так и в малых».⁸

Отказавшись от идеи отбора имен, включив всех, кто оставил хоть какую-нибудь литературную или научную публикацию, пусть даже газетную, Венгерov создал словарь совершенно особого вида и масштаба. В качестве прототипа он указывал на существовавшие в Древней Руси «писцовые книги, весьма краткие по количеству сведений, но важные тем, что они заносили *все* тяглые души. И как ни кратки писцовые книги, но на основе их записей теперь воссоздается весь экономический быт Др. Руси. Скажу прямо, что кроме непосредственной задачи „Списка” — дать план и программу Словаря, меня в чрезвычайных усилиях по созданию „Списка” особенно привлекала мысль о том, чтобы дать своего рода писцовую книгу русской словесности и науки».⁹

Справедливости ради следует отметить, что значительная часть критических выступлений в связи с выходом первого тома касалась именно избранного Венгерovым принципа максимальной полноты. Рецензенты указывали, что словник необоснованно велик, что вместе с литературными часто встречаются и «макулатурные» имена и пр., и пр.¹⁰

Показательны числа, которые приводит составитель, сравнивая объем своего словаря, например, с «Энциклопедическим словарем» Брокгауза и Евфрона. В последнем на букву «А» значится 270 имен русских писателей и ученых, в то время как в «Предварительном списке» — 2533. «И вот для этих многих тысяч новых имен, — писал Венгерov, — „Список” при всей своей краткости есть *единственный* источник, из которого что-нибудь о них узнаешь. И не только единственный, но очень часто *почти исчерпывающий*».¹¹

Сто лет, прошедшие с момента выхода первого тома, показали, что именно поэтому «Предварительный список» не теряет своей научной значимости. Вряд ли когда-либо он будет, как принято говорить, «перекрыт» другим справочным изданием. До сих пор он сохраняет статус своего рода первоисточника.

Столь же обстоятельно, как о принципе формирования словника, Венгерov писал в предисловии о «программе» составления биографической справки. Она включала следующие пункты: 1) фамилия, имя, отчество; 2) определение рода литературной или научной деятельности; 3) точная дата и место рождения; 4) служебное или общественное положение; 5) точная дата и место кончины. «Справка „Списка”, — отмечал ученый, — имеет весьма различное значение, смотря по тому, о деятеле какого ранга идет речь. Она не имеет никакого интереса, когда сообщает то, что найдешь всюду (...) Но чем меньше ранг писателя или ученого, тем значение справок „Списка” увеличивается (...) Много, очень много в нем неполных и даже

⁸ Там же. С. XIV—XV.

⁹ Там же. С. XV.

¹⁰ Библиографию рецензий на «Предварительный список» см.: *Калентьева А. Г.* Влюбленный в литературу. Очерк жизни и деятельности С. А. Венгерова. М., 1964. С. 75.

¹¹ Предварительный список. Т. I. С. XIV.

совсем глухих справок». ¹² Эта «неполнота» вполне понятна и извинительна и, скорее всего, означает, что сведения о данном лице обнаружить практически невозможно.

Обратимся к вопросу об источниках «Предварительного списка». «Работа над „Критико-биографическим словарем“, — писала М. В. Машкова, — связанная с просмотром огромного числа библиографических и иных источников, привела Венгерова к необходимости создания вспомогательного библиографического аппарата». ¹³ Таким аппаратом стала картотека. Не случайно предисловие к «Предварительному списку» открывается главой, посвященной истории ее создания. ¹⁴ Здесь уместно сказать, что само понятие «картотека» получило распространение именно благодаря Венгеру. Вот что не без иронии он писал по этому поводу: «*Картотека* — слово совсем новоиспеченное и мало кому известное. Я сам, подобно мольтеровскому мещанину в дворянстве, не знавшему, что он всю жизнь говорил прозой, тоже полвека своего владел картотекой, но не знал, что она так называется». ¹⁵

Из всех многочисленных работ Венгерова завершённой оказалась только картотека. За долгое время взгляд ученого на ее роль и значение претерпел существенную эволюцию. Если в период работы над КБС он рассматривал ее лишь как вспомогательный аппарат, то к моменту подготовки «Предварительного списка» осознал ее самостоятельное значение. В 1912 году Венгер признал, что картотека, по сути, является «остовом» самых разнообразных библиографических работ, «не столь обширных, как „Критико-биографический словарь“, но именно потому-то и более исполнимых». ¹⁶ Ученый вспомнил, как с новой энергией взялся за работу, как в течение двух лет прибавилось около 800 000 карточек, и к моменту выхода 1-го тома «Предварительного списка» общий объем картотеки составлял около 2 миллионов. «Моя картотека в настоящем ее виде, — говорится далее в предисловии, — представляет собою при несомненных частичных дефектах в общем все же вполне законченное собрание библиографических карточек, дающих: 1) сведения об основных фактах жизни писателя и ученого; 2) перечень того, что писателем или ученым напечатано отдельной книгой или брошюрой; 3) перечень того, что им напечатано в периодических изданиях; 4) перечень книг и периодических изданий, где о том или другом писателе и ученом имеются биографические сведения и критические отзывы». ¹⁷

Легко можно заметить, что эти пункты вполне удовлетворяют программе, принятой для справок «Предварительного списка». Методика их составления заключалась как раз в том, что из картотеки извлекались необходимые сведения и заносились на специально изготовленные карточки. В сумме они составили особую рабочую картотеку, которая сохранилась доныне. Картотека «Предварительного списка» входит в комплекс картотек Венгерова, который находится в Рукописном отделе Пушкинского Дома. В свою очередь, этот комплекс является частью сосредоточенного здесь обширного библиографического собрания. ¹⁸

Еще одним, не менее важным источником было собрание автобиографий. Если сведения о писателях «от начала русской образованности» до второй половины XIX века Венгер черпал из своей картотеки, то данные о современных и недавно умерших деятелях литературы и науки — из их собственных автобиографий и биографических справок. Примечательно, что колоссальный прирост, почти удвоение этого собрания приходится на 1913—1914 годы, т. е. на время подготовки «Пред-

¹² Там же. С. XIV—XV.

¹³ Машкова М. В. История русской библиографии. С. 87.

¹⁴ Предварительный список. Т. I. С. VIII—XI.

¹⁵ Там же. С. VIII.

¹⁶ Там же. С. X.

¹⁷ Там же. С. VIII.

¹⁸ См. его описание: Баскаков В. Н. Справочно-библиографические источники в собраниях Пушкинского Дома. Л., 1987.

варительного списка». Такой результат дала проведенная Венгером кампания: он разослал писателям и ученым 1,5 тысячи именных официальных обращений с просьбой прислать биографические сведения в соответствии с предложенной анкетой. Это же объявление появилось в прессе.¹⁹ В итоге к 1915 году его собрание насчитывало 3500 автобиографий.

Итак, непосредственная работа над «Предварительным списком» заключалась в извлечении необходимых сведений из картотеки и автобиографий. Ее осуществляли, — об этом Венгер так же писал в предисловии к первому тому, — его сыновья Алексей и Всеволод и библиографы А. С. Поляков и Ф. Ф. Ильин. «Их усилиями, — констатировал ученый, — „Список“ сейчас доведен до буквы „П“, чем обеспечивается выход II тома (...) С началом войны были призваны под знамена оба сына и Ф. Ф. Ильин, а кроме того, в силу острых финансовых затруднений вообще приостановились все работы по картотеке. Сейчас они возобновляются».²⁰

Венгер писал эти строки в апреле 1915 года. Он был полон надежд на завершение работы и, конечно, не предполагал, что его детищу суждено увидеть свет лишь в объеме, который был на тот момент уже подготовлен.

Картина издания такова: вышедший в 1915 году первый том, состоявший из 3-х выпусков, включал материал от «Аарон» до «Куликов»; 2-й том (в 2-х выпусках, появившихся соответственно в 1916 и 1918 годах), — от «Куликов» до «Павлов». Третий том, которым, согласно плану Венгерова, должно было завершиться издание, не был опубликован.²¹

Для подписчиков словаря это вряд ли было неожиданностью. Ведь в предисловии ко второму тому (оно датировано 10 февраля 1916 года) Венгер писал: «В достаточной степени всем известно небывало тягостное положение, в которое теперь поставлено печатное дело на Руси (...) что касается книг, печатаемых в обычном количестве 2—3 тысячи, то она фактически погибла. (...) А уж что говорить о книгах, столь скромно расходящихся, как „Критико-биографический словарь“, которого за три года продано около 800 экз. И издание Словаря моего неизбежно должно быть приостановлено, как приостановлена вся издательская деятельность Академии наук».²²

За пять лет — с 1916 по 1920 год — «Предварительный список» был доведен до фамилии «Райгородский». Об издании этого материала («Павлов» — «Райгородский») ученый хлопотал до конца своих дней (умер 14 сентября 1920 года). На это указывает отложившаяся в его архиве «Справка об источниках „Предварительного списка“, принципах отбора материала и составе сотрудников», датированная

¹⁹ Анкета содержала следующие пункты: **Биография:** 1) Имя и отчество. 2) Год, месяц и число рождения. 3) Место рождения. 4) Кто были родители? 5) Вероисповедание. 6) Краткая история рода. Главным образом: были ли в роду выдающиеся в каком-либо отношении люди? 7) Ход воспитания и образования. Под какими умственными и общественными влияниями оно происходило. 8) Начало и ход деятельности. 9) Замечательные события жизни. **Библиография:** 1) Перечень *всего* написанного или переведенного с точным обозначением: а) если речь идет о книге: года, места, формата и количества страниц, б) если о *журнальной или ряда газетных статей* — года и №№ период. издания, где они появились. 2) Перечень рецензий и отзывов о произведениях с возможно точным обозначением № и года периодического издания, где эти отзывы появились. Очень важно было бы получить указания на отзывы, находящиеся в книгах — учебниках, курсах, обзорах и т. д. 3) Не было ли (где, когда и кем) что-нибудь переведено на иностранные языки? 4) Не появились ли где-нибудь биографические сведения? 5) Не были ли помещены где-нибудь портреты? 6) Псевдонимы». (Предварительный список. Пг., 1918. Т. II (Вып. 4—5). (Без пагинации.))

²⁰ Предварительный список. Т. I. С. LVI.

²¹ В качестве дополнительного, как писал Венгер в предисловии ко 2-му тому «Предварительного списка», был подготовлен 4-й том, который содержал словарь псевдонимов. Место нахождения этой рукописи нам неизвестно. Возможно, ею воспользовался И. Ф. Масанов при подготовке своего капитального труда.

²² Предварительный список. Т. II. Предисловие. (Без пагинации.)

15 марта 1920 года.²³ Ранее, в 1918 году, обращаясь в Главное управление по архивным делам с просьбой о выделении средств на завершение словаря, Венгеров высказал мысль о том, что кроме научного, его труд имеет «крупнейшее государственно-практическое значение как учет культурных сил сегодняшнего дня. Когда „Список” будет закончен, можно будет распределить всех в нем упомянутых по специальностям. Получатся списки всех ботаников, зоологов, лесоводов, агрономов, инженеров, химиков, историков и т. д., и т. д.».²⁴

Следует отметить, что эта идея вообще очень привлекала ученого. С одной стороны, она корреспондировала с характерным для того времени всеобщим увлечением статистикой, а с другой — отвечала главной задаче «Предварительного списка» — создать «писцовую книгу русской словесности и науки». Примечательно, что Венгеров приступил к ее реализации, не дожидаясь окончания работы: сохранился корректурный экземпляр первого тома, в конце которого имеется подобный список, составленный неустановленным лицом. В нем все упомянутые в словаре лица распределены по специальностям, а литераторы — по литературным жанрам, в которых они работали.²⁵

Продолжение «Предварительного списка», оставшееся неизданным, сохранилось в нескольких машинописных копиях в виде переплетенных томов. Об их существовании было известно. Поэтому идея завершения издания на основе имеющейся машинописи и рабочей картотеки «Предварительного списка» не нова. Вот что писала по этому поводу автор очерка жизни и деятельности Венгерова А. Г. Калентьева: «Третий том „Предварительного списка” существует в настоящее время в машинописном виде, экземпляры его находятся в Пушкинском доме АН СССР и в Государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Материалы „Предварительного списка” последующих букв (Р—Я) представляют собою рукописные карточки, требующие тщательной редакции, и хранятся в архиве Пушкинского дома АН СССР».²⁶

Более подробной информации об архивных материалах неизданной части «Предварительного списка» в литературе не появлялось. Вместе с тем данные Калентьевой отнюдь не полны. Это, очевидно, объясняется тем, что в начале 1960-х годов, когда она писала свой очерк, архив Венгерова не был разобран, и воспользоваться им исследовательница не могла. Попытаемся дать источниковедческий анализ выявленных нами документов и определить степень их готовности к печати.

В архиве Венгерова, хранящемся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (фонд 377, на который мы уже неоднократно ссылались), имеется небольшой комплекс подготовительных материалов к «Предварительному списку». Среди них — черновой автограф (машинопись с обильной правкой и многочисленными вставками рукой Венгерова и неустановленных лиц) продолжения словаря до фамилии Пятницкий А. П.²⁷ Мы сверили с ним машинописный третий том и обнаружили, что в последнем тщательно учтена вся правка, имеющаяся в черновом автографе. Следовательно, это беловая машинопись, а значит, работа Венгерова по подготовке данной рукописи к изданию была завершена.

Отдельную единицу хранения составляет небольшой фрагмент алфавитного ряда от «Пятницкий Н. М.» до «Райгородский М. А.».²⁸ Нумерация листов здесь авторская: с 380 по 398. Нет сомнения, что это продолжение упомянутой выше

²³ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 3. № 44.

²⁴ Там же. № 26. Л. 5 об.

²⁵ Там же. № 19 а.

²⁶ Калентьева А. Г. Влюбленный в литературу. Очерк жизни и деятельности С. А. Венгерова. С. 56.

²⁷ ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 3. № 21—23.

²⁸ Там же. № 23 а.

черновой машинописи, которая насчитывает 379 листов. Данный фрагмент был отредактирован составителем, но не успел пройти весь цикл проверки.²⁹ Видимо, поэтому он не вошел в беловую машинопись, в переплетенный третий том.

Из сказанного следует, что в редакции Венгерова мы имеем «Предварительный список» до начала буквы «Р» («Райгородский»). Фрагмент от «Павлов» до «Райгородский», историю создания которого мы имели возможность проследить, может быть опубликован. В соответствии с замыслом Венгерова он составил бы первую часть (или 6-й выпуск) 3-го тома.

* * *

Единственным источником для продолжения алфавитного ряда от «Р» до «Я» служит картотека «Предварительного списка», доведенная, как уже упоминалось, до конца. Позволю себе отметить, что интерес к завершению «Предварительного списка» возник у меня — хранителя справочно-библиографического собрания Рукописного отдела Пушкинского Дома — именно в связи с ее изучением.

Общий объем основного алфавитного ряда картотеки «Предварительного списка» — 28 коробок. Его дополняют три вспомогательные картотеки: «Дубликаты», «Из сборников», «Каталог автобиографий».

Карточки, выполненные типографским способом и от руки, содержат следующие рубрики: «фамилия, имя, отчество», «род деятельности», «когда и где и в какой семье родился», «вероисповедание или национальность», «где получил среднее образование», «где получил высшее образование», «ученое или служебное звание», «где и когда умер». Количество рубрик (8) и их наименования не вполне соответствуют той схеме справки, которая была заявлена Венгеровым в предисловии к «Предварительному списку» (она предполагала 9 пунктов). Очевидно, данная схема служила образцом, который получил реальное воплощение при заполнении карточек-бланков. Важно отметить, что лишь небольшой их процент содержит исчерпывающую информацию; многие заполнены в пределах одной-двух рубрик.

Нумерация картотеки заканчивается на середине 20-й коробки (Рыбальченко-Савицкий). Она выполнена, по-видимому, редактором. Обрыв нумерации в данном алфавитном промежутке знаменует рубеж, до которого так или иначе простиралась работа по подготовке словаря к изданию.

Выборочная сверка опубликованного 1-го тома «Предварительного списка» с картотекой дала неожиданный результат: по всем признакам последняя служила наборной рукописью. На это прежде всего указывает полное текстуальное совпадение, включая дублирование смысловых ошибок, а также вид самих карточек, на которых имеются многочисленные редакторские пометы, нумерация, выполненная редакторским карандашом, характерные для наборной рукописи следы типографской краски, на языке архивистов именуемые «пальчики». Оказалось, что в издании есть лакуны и ошибки: встречаются единичные случаи пропуска карточек (в результате данное лицо в словаре отсутствует) и чаще — неверные прочтения (обычно — имен и фамилий). Одним словом, картотека, как и любая рукопись, полнее и точнее. В случае переиздания «Предварительного списка» она дала бы возможность подготовить 1-й том в уточненном и исправленном виде.

Методика работы над 2-м томом или, по меньшей мере, какой-то его частью была иной. Произведя выборочную сверку с картотеккой, мы обнаружили ряд текстуальных расхождений, свидетельствующих о дополнительной редакции и уточнениях.

²⁹ Судя по часто встречающимся пометам «Сайт.», «Модз.» или «М.» в работе принимали участие В. И. Сайтов и Б. Л. Модзалевский. Соответствующая правка в единицах хранения 21—23 внесена рукой неустановленного лица и обычно датирована.

Очевидно, Венгеров ввел в работу промежуточное между картотекой и корректурным экземпляром книги звено — машинопись. Карточки перепечатывались; полученный текст он сначала редактировал сам, а затем отдавал на проверку другим лицам. Именно на этом этапе и могли возникнуть дополнения и уточнения, реализованные впоследствии в издании; в картотеку же они не заносились. Нет сомнения, что и набор удобнее и эффективнее было осуществлять с машинописи, чем с карточек, следуя обычной издательской практике, предполагающей наличие наборной рукописи. К слову сказать, последняя вряд ли могла сохраниться; во всяком случае, в архиве ученого ее нет.

В соответствии с этой методикой шла подготовка к изданию и третьего тома. Она оборвалась, как мы знаем, на букве «Р». О степени готовности последующего материала можно судить лишь на основании косвенных свидетельств. Пожалуй, важнейшее из них дает нам знакомство с научной биографией Венгерова и с практикой его издательской деятельности. Особенность профессионального стиля ученого заключалась в том, что он всегда работал «на опережение»: объем подготовленного (или готовившегося) материала существенно превосходил объем опубликованного (или публикуемого). Разумеется, подобный порядок вещей диктовался и финансовыми обстоятельствами: издания Венгерова, как правило, не окупались, субсидии, которыми он пользовался, были недостаточны или кратковременны, поэтому ученый вынужден был вкладывать собственные средства не только в подготовку, но и в издание своих трудов.³⁰

В предисловии ко второму тому «Предварительного списка», которое мы уже цитировали выше, Венгеров подводил итоги и сообщал о продолжении работы: «С выходом II тома, до фамилии Павлов, даны 2/3 „Предварительного списка“. Подготовка последней 1/3 и самого словаря идет своим чередом».³¹ Смысл этой не вполне внятной фразы заключается в следующем: автор разделял работу над картотекой (имея в виду остающийся до конца алфавита объем) и ее постепенную подготовку к изданию («сам словарь»). Процесс, как обычно, протекал в двух руслах...

Повторим: нам неизвестно, в какой мере Венгеров завершил работу над картотекой. Однако мы можем свидетельствовать, что начиная с буквы «Р» и до конца алфавита по внешнему виду, а главное — по полноте записей она мало отличается от предшествующей, подготовленной к изданию, части.

Свидетелями и участниками работы над «Предварительным списком» были ближайшие ученики Венгерова, наверняка знавшие, была ли поставлена в ней точка. В связи с этим особый интерес представляют настойчивые попытки Фомина завершить словарь.

Первая из них относится ко времени его работы в Институте книговедения, где хранился архив Венгерова. Одна из приоритетных задач Института состояла в его разборе и описании. Именно Фомин внес наибольший вклад в это дело: в 1920—1923 и 1928—1931 годах он состоял в должности «заведывающего собранием С. А. Венгерова».³² По-видимому, в 1928 году он составил плановую записку следующего содержания:

«С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. 2-ое изд. Предварительный список русских писателей и ученых. Т. III.

³⁰ Своего рода финансовый отчет, включающий суммарные сведения относительно всех предпринятых Венгеровым изданий, содержится в предисловии к «Предварительному списку», в главе «Стоимость составления картотеки» (Предварительный список. Т. I. С. LVI—LVIII).

³¹ Предварительный список. Т. II. Предисловие. (Без пагинации.)

³² «Все это архивное и книжное собрание находилось в запущенном состоянии. Только благодаря энергии, настойчивости и длительному личному труду А. Г. Фомина это ценнейшее наследие было приведено в надлежащий порядок и сделалось доступным для научного использования» (Берков П. Н. А. Г. Фомин (1887—1939). Очерк жизни и научной деятельности. М., 1949. С. 7).

„Предварительный список русских писателей и ученых”, выпущенный С. А. Венгеровым в 1915—1918 гг. в виде 2-го издания „Критико-биографического словаря русских писателей и ученых”, среди изданий этого рода является наиболее полным и сохранил до настоящего времени значение основного справочника в этой области.

Окончание этого ценнейшего справочника (с фамилии Павлов до конца алфавита) займет приблизительно один (3-ий) том в 30 печ. листов, в два столбца, в 100.000 знаков в листе.

Издание может быть осуществлено лишь при условии выдачи авансами не имеющихся у Института Книговедения средств на обработку собранных С. А. Венгеровым материалов. Первая часть тома может быть подготовлена и сдана в набор в марте 1929 г., вторая — осенью этого года». ³³

Что помешало осуществить данный проект, неизвестно. Фомин вернулся к нему в 1937 году, когда поступил на работу в Пушкинский Дом. К этому времени здесь сосредоточилось крупнейшее в России собрание библиографических картотек. Центральное место в нем занимали картотеки Венгерова, переданные в 1932 году вместе с архивом ученого из Института книговедения (в связи с его ликвидацией). Таким образом, появилась возможность продолжить работу над ними в самом широком контексте истории русской библиографии. Руководствуясь этой идеей, Фомин обосновал необходимость создания в Пушкинском Доме Сектора библиографии и стал его первым руководителем. ³⁴

Завершение «Предварительного списка» отныне он рассматривал как плановую работу Сектора. В записке «Издания, намеченные на 1938—1942 гг.» она была заявлена так: «Продолжение „Списка русских писателей” Венгерова. 60 лл. 1940 г.». ³⁵

Фомину не суждено было осуществить задуманное — он скончался 20 мая 1939 года.

Как видим, сомнения, которые сейчас вызывает у нас идея завершения «Предварительного списка», не возникали у этого выдающегося библиографа. Более того, издание словаря он трактовал как чрезвычайно актуальную задачу. Разумеется, в данном случае присутствовал и нравственный мотив: завершение этого труда было долгом памяти учителя.

Исключительный интерес для нашей темы представляют обозначенные Фоминим сроки его подготовки. Машинописный том и картотеку, объем которой от фамилии «Райгородский» и до конца алфавита составляет приблизительно 24000 карточек, Фомин хотел издать, согласно записке 1928 года, в течение двух лет, а плану 1938 года — в течение трех лет. ³⁶ Из этого следует важнейший вывод: ученый не предполагал дорабатывать картотеку. Вспомним: в его записке 1928 года речь идет лишь об «обработке собранных С. А. Венгеровым материалов». Намеченный срок (два-три года) был чрезвычайно жестким и едва ли достаточным даже для того, чтобы подготовить материал к печати.

Так может ли быть издан «Предварительный список» в настоящее время, спустя 100 лет после выхода в свет его второго тома? Каковы должны быть принципы подготовки картотеки к изданию?

Мы полагаем, что может. Однако, поскольку вопрос о степени завершенности картотеки все-таки остается открытым, эдиционные решения могут быть разными.

³³ ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. № 49. Л. 145.

³⁴ Подробнее об этом см.: *Машкова М. В., Сокурова М. В.* Библиографические материалы в архиве А. Г. Фомина // Советская библиография. 1959. № 6. С. 66—68.

³⁵ ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. № 189. Л. 37.

³⁶ Следует обратить внимание на разницу в указанных соответственно объемах: 30 и 60 п. л. Чем она продиктована, нам неизвестно.

Биографический словарь существует и имеет смысл прежде всего как справочное издание, основной критерий которого — достоверность. Чтобы обеспечить достоверность всех сведений картотеки «Предварительного списка», их необходимо проверить в соответствии с описанной выше методикой Венгерова и тем самым соблюсти принцип аутентичности авторскому замыслу. Ведь в нашем распоряжении — весь комплекс венгеровских картотек, а также собрание автобиографий. Большим подспорьем послужило бы появившееся сравнительно недавно, но уже прочно вошедшее в научный оборот издание «Русская интеллигенция».³⁷

Разумеется, это долгий и трудный путь. Гораздо быстрее можно осуществить работу иного формата: в виде словника (репертуара имен) представленных в картотеке лиц. В таком случае ошибки фактического характера будут минимизированы, но исследователь лишится содержательной, справочно-биографической части картотеки. По сути, подобный формат издания имеет сугубо мемориальное значение.

На наш взгляд, предпочтительнее первый, полнотекстовый, вариант воспроизведения картотеки. Подобная работа вообще очень необычна, поскольку должна отвечать и нормам подготовки архивной публикации, и эдиционным нормам современного справочного издания. Для соблюдения известного баланса этих принципов потребуются компромиссные решения. Важная роль принадлежит и оформлению книги: все должно указывать на то, что это продолжение старого издания. В таком случае оно будет адекватно воспринято исследователями и использоваться ими в рамках давно устоявшейся эвристической практики.

³⁷ Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С. А. Венгерова. Аннотированный указатель: В 2 т. / Под ред. В. А. Мыслякова. СПб., 2001—2010.

© П. Ф. Успенский

**ВЛАДИСЛАВ ХОДАСЕВИЧ НАКАНУНЕ «ПУТЕМ ЗЕРНА»:
Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ, Н. А. НЕКРАСОВ, З. КРАСИНЬСКИЙ
В СТИХАХ И ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ПОЭТА
В 1916—1917 ГОДАХ***

Обстоятельства жизни В. Ф. Ходасевича в 1916—1917 годах хорошо известны.¹ Подобного нельзя сказать о биографии творческой, хотя в этот чрезвычайно значимый для поэта период начали появляться стихи, вошедшие в книгу «Путем зерна» (1920). Ее первоначальная концепция отличалась от той, которая легла в основу третьего сборника. Действительно, окончательное название возникло не раньше 23 декабря 1917 года — именно тогда Ходасевич написал рубежное стихотворение «Путем зерна». Предшествующей вехой было «Золото», сочиненное 7 января 1917 года. Неслучайно в промежутке между двумя текстами, помимо незавершенных черновых набросков (среди которых — «О будущем своем ребенке...», «На грибном рынке» и др.), были написаны лишь «Сны» (17 декабря 1917 года), «У моря» (июль 1917 — 8 декабря 1917 года) и полужуточный «Вечер» («Про мышей, 1»; 6 февраля 1917 года). «Золото» же увенчало всплеск вдохновения, случившийся в конце 1916 года. Именно поиск ключа к этому и другим стихотворениям того времени — задача нашей работы.

* Автор выражает признательность Л. Л. Пильд и Р. Г. Лейбову, которые ознакомились с первоначальным вариантом этой работы и внесли ряд ценных замечаний.

¹ См., например: *Муравьева И.* Жизнь Владислава Ходасевича. СПб., 2013. С. 145—223; *Шубинский В.* Владислав Ходасевич: чающий и говорящий. СПб., 2011. Гл. 5—6.

«Макаберные стихи»

«О себе писать прямо не могу: нелюбопытно. Занят, занят, занят — а толку не вижу. (...) написал пяток макаберных стихов», — признавался Ходасевич 26 января 1917 года в письме к Б. А. Садовскому.² Воссоздавая обстоятельства этого признания, И. П. Андреева отмечала, что «в рабочей тетради Ходасевича с девизом „open aversum” (лат. дурной знак) — одно за другим следуют стихотворения „Слезы Рахили” — 5. X. 1916; „Сны” — 13. XI, „Утро” — 13. XI; „Висел он, не качаясь...” — 27. XI; „Смоленский рынок” — 12—13. XII; затем план статьи или доклада „Пушкин и смерть”; пьеса по рассказу Пушкина „Гробовщик” и множество незаконченных отрывков на тему близкой смерти: (...) „Друг последний! Недалек он, / Тихий день твоей печали. / С похорон моих усталой / Ты вернешься к нам домой...”».³ Окончательная датировка нескольких стихотворений отличается от дат в рабочей тетради: «Слезы Рахили» — 5—30 октября 1916 года, «Сны» — 17 декабря 1917-го, «Утро» («Нет, больше не могу смотреть я...») — 16 ноября 1916 года («Висел он, не качаясь...» и «Смоленский рынок» — совпадают).

Вполне вероятно, однако, что под «макаберными стихами» Ходасевич мог иметь в виду иной список текстов. Во-первых, из упомянутых стихов сильно выбиваются «Сны», — их окончательный вариант не содержит никаких похоронных мотивов. Во-вторых, 7 января 1917 года поэт написал по-настоящему «макаберное» стихотворение «Золото». В-третьих, через несколько месяцев после отправки процитированного письма Ходасевич сдал для публикации в «Ветви» («Сборнике клуба московских писателей») подборку стихов, на которой следует остановиться подробнее.⁴

Состав сборника «Ветвь» (1917) был весьма разнообразным — от публикации запрещенных текстов Н. П. Огарева и Н. А. Некрасова до стихов Ю. К. Балтрушайтиса, А. Белого и В. Я. Брюсова, очерков и рассказов современных поэтов и философов. «Несмотря на то, что большинство его (Клуба московских писателей. — П. У.) членов принадлежит к различным литературным школам, философским течениям и литературным партиям, общим для всех и объединяющим началом является единая и внеспорная ценность — русское искусство, творческие силы народа, — сообщалось в предисловии к книге. — Соучастники настоящего первого сборника, при полной свободе выбора тем, имели на этот раз лишь определенную практическую цель — отдать свой труд как посильный вклад в то дело помощи освобожденным политическим, которое должно быть делом и всей, ныне также освобожденной России».⁵ Именно в этот сборник Ходасевич, который принял революцию «с огромной радостью»,⁶ отдал пять стихотворений.

Подборка «Из книги „Фарфоровый венок”» была опубликована в такой последовательности: I. «Слезы Рахили»; II. «Дома» («Нет, больше не могу смотреть я...»); III. «В Петровском парке» («Висел он, не качаясь...»); IV. «Смоленский ры-

² Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1997. Т. 4. С. 408.

³ Там же. С. 631—632.

⁴ Планы по изданию сборника возникли в апреле 1917 года, а срок предоставления рукописей был продлен до 1 мая того же года (ОР ИМЛИ. Ф. 315. Оп. 1. № 3. Л. 5, 6, 7). Московские писатели не сразу определились с названием сборника; предлагались такие варианты: «Март», «Братина» (Там же. Л. 7 об., 9). Сборник, по-видимому, вышел в конце 1917—начале 1918 года (на титульном листе — 1917). На заседании клуба 2/15 марта 1918 года (на котором присутствовал Ходасевич) было решено следующее: «Доход со сборника „Ветвь” (большинством голосов) решено передать в ново-организ(анный) Красный Крест (...) Высказано пожелание, чтобы организация Красного Креста приняла на себя труд по ликвидации издания сборника, с целью быстрой реализации той суммы, которая составит собою чистый доход по изданию» (Там же. Л. 18).

⁵ Ветвь. Сб. клуба московский писателей. М., 1917. С. 5.

⁶ Ходасевич А. И. Воспоминания о В. Ф. Ходасевиче / Вступ. статья и подг. текста Л. В. Горнунга // Ново-Басманная, 19 / Сост. Н. Богомолов. М., 1990. С. 400.

нок»; V. «Золото».⁷ Думается, что эти тексты правильно воспринимать не только как «макаберные» стихи, о которых писал Ходасевич, но и как своего рода смысловое ядро задуманного сборника, обладающее всеми признаками лирического цикла — единым смысловым планом и общими семантическими связями. Рассмотрим стихотворения подробнее.

Уже отмечалось, что заглавие цикла связано с черновым наброском Ходасевича («Раскрыты двери настезь. Гроб дубовый / Поставлен на порог. / По лестнице несут блестящий, новый / Фарфоровый венок»), который, в свою очередь, восходит к стихотворению А. Белого «Друзьям» (1907):⁸ «Не смейтесь над мертвым поэтом: / Снесите ему цветок. / На кресте и зимой и летом / Мой фарфоровый бьется венок. / Цветы на нем побиты. / Образок полинял. / Тяжелые плиты. / Жду, чтоб их кто-нибудь снял. / <...> / Пожалейте, придите; / Навстречу венком метнусь. / О, любите меня, полюбите — / Я, быть может, не умер, быть может, проснусь — / Вернусь!»⁹

По-видимому, приведенные стихи удачно накладывались на самоощущение Ходасевича конца 1916—начала 1917 года. Аллюзия на стихотворение и, соответственно, на книгу Белого «Пепел» важна не только потому, что в ней раздел «Безумие» связан с темой собственных похорон, но и потому, что в сборнике эта тема разрабатывается в контексте социальной и гражданской поэзии, актуализирующей некрасовскую традицию. Смысловая спаянность личной судьбы и окружающей действительности повторяется в подборке из «Ветви», и стихи Ходасевича, таким образом, становятся подчеркнуто современными: демонстративное неприятие жизни провозглашается именно в рамках социального измерения страны.

Действительно, внутренняя логика цикла строится на нагнетании тяжелых впечатлений, перед нами последовательное отрицание современного мира. В «Слезах Рахили» реализуется топос материнских слез: в стихотворении герой встречает прохожую старуху, узнавшую о смерти сына — ей «прислали клочок кровавый / Заскорузлой солдатской шинели». Смерть солдата заставляет героя не принимать «ни чести, ни славы» и считать, что «сколько б песен мы не сложили — / Лишь один есть припев хороший: / Неутешные слезы Рахили!».¹⁰ Второе стихотворение «Дома» (позже заглавие было изменено на «Утро») — не лишено любовных коннотаций: «Во всем одно звучит: „Разлуке / Ты обречен!“ / Как нежно в нашем переулке / Желтеет клен». Однако в контексте поэтической подборки любовная тема поглощается ожиданием смерти, и на первый план выходит невыносимость окружающего мира: «Нет, больше не могу смотреть я / Туда, в окно! / О, это горькое предсмертье, — / К чему оно? <...> А все-таки порою жутко, / Порою жаль».¹¹

Следующие два текста посвящены мрачным уличным эпизодам и иллюстрируют кошмар повседневности. У первого стихотворения позже появится заглавие «В Петровском парке», и оно — о самоубийце: «Висел он, не качаясь, / На узком ремешке. / Свалившаяся шляпа / Чернела на песке. / В ладонь впивались ногти / На стиснутой руке. <...> И зорко, зорко, зорко / Смотрел он на восток. / Внизу столпились люди / В притихнувший кружок. / И был почти невидим / Тот узкий ремешок». Обилие деталей, среди которых выделяется «почти невидимый ремешок», создающий иллюзию, что человек приподнят на воздух, усугубляют «макаберность» стихотворения. Ее подхватывает следующий текст — «Смоленский ры-

⁷ Ветвь. С. 32—36.

⁸ Ходасевич В. Стихотворения / Вступ. статья Н. А. Богомолова; сост., подг. текста и прим. Н. А. Богомолова и Д. Б. Волчека. Л., 1989. С. 374 (Библиотека поэта. Большая сер.); Ходасевич В. Собр. соч. / Под ред. Дж. Мальмстада и Р. Хьюза. Ann Arbor, 1983. Т. 1: Стихотворения. С. 299.

⁹ Белый А. Стихотворения и поэмы: В 2 т. / Вступ. статьи, сост., подг. текста, прим. А. В. Лаврова, Джона Малмстада. СПб.; М., 2006. Т. 1. С. 264.

¹⁰ Ходасевич В. Стихотворения. С. 95—96.

¹¹ Там же. С. 104.

нок», в котором описание не столь подробно: «У церкви — синий / Раскрытый гроб, / Ложится иней / На мертвый лоб...». Однако из-за того, что поэт вовлечен в тягостные будни («Все те же встречи / Гнетут меня. / Все к той же чаше / Припал — и пью...»), даже уличные похороны становятся зловецами и вызывают угеря желание, чтобы внешний мир перестал быть невыносимым: «О, лет снежник, / Остановись! / Преобразись, / Смоленский рынок!»¹² Последнее стихотворение из подборки в «Ветви» предлагает естественное для автора развитие событий: «Золото» сосредоточено на теме собственной смерти и посмертного существования (анализ этого несколько туманного стихотворения см. в последнем разделе работы).

Цитатный план поэтического цикла

Почти все стихи Ходасевича из сборника «Ветвь» содержат целый ряд литературных аллюзий и реминисценций, среди которых особое место занимает поэзия Некрасова и романы Достоевского. Так, например, помимо очевидной полемической цитаты из тютчевского «Цицерона» — «Горе нам, что по воле Божьей / В страшный час сей мир посетили!», «Слезы Рахили» тематически связаны с известным стихотворением Некрасова «Внимая ужасам войны...» (1855—1856), которое, кстати, поэт включил в антологию 1914 года «Война в русской лирике»¹³ и которое реактуализировалось в условиях военного времени.¹⁴ Действительно, строки о слезах старухи могут напрямую ассоциироваться со следующей декларацией певца «музы мести и печали»: «Внимая ужасам войны, / При каждой новой жертве боя / Мне жаль не друга, не жены... <...> Но где-то есть душа одна — / Она до гроба помнить будет! / Средь лицемерных наших дел / И всякой пошлости и прозы / Одни я в мире подсмотрел / Святые, искренние слёзы — / То слёзы бедных матерей! / Им не забыть своих детей, / Погибших на кровавой ниве...»¹⁵ Здесь важно обратить внимание, во-первых, на то, что вслед за Некрасовым Ходасевич концентрирует внимание именно на матери, во-вторых — что в обоих текстах совпадает мотив подсматривания: он прямо проговорен у Некрасова, и подразумевается всей ситуацией уличной встречи в «Слезе Рахили»: «Под дождем я иду неспешно <...> На щеках у старухи прохожей — / Горючие слезы Рахили». Конечно, при сходстве темы у Ходасевича сюжетная коллизия более экспрессивна и помещена в библейский контекст, из-за чего тематическая переключка перестает быть очевидной.¹⁶

В «Слезе Рахили» выделяется тема неприятия современной действительности, — неслучайно стихотворение связано с еще идущей Первой мировой войной.

¹² Там же. С. 104—105.

¹³ Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 8 т. / Сост., подг. текста и комм. Дж. Малмстада, Р. Хьюза. М., 2009. Т. 1. С. 603.

¹⁴ Эти стихи Некрасова обыгрываются, например, в «современной мистерии» Н. Минского «Лики войны» («Вестник Европы». 1915. № 12). См. анализ обращения к поэту XIX века: Козлов Б. М. Об одном «отзвуке» Н. А. Некрасова в литературе периода Первой мировой войны // Н. А. Некрасов и русская литература второй половины XIX — начала XX вв.: Межвузовский сб. научных трудов. Ярославль, 1979. С. 99—103.

¹⁵ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 1981. Т. 2. С. 14.

¹⁶ «Слезы Рахили» переключаются со «Старыми эстонками» И. Анненского — при различии исторических обстоятельств, которым посвящены тексты, — темой мучительного ощущения собственной вины перед матерями погибших (см. подзаголовок стихов Анненского — «из стихов кошмарной совести»). Впрочем, Ходасевич, едва ли знал «Старых эстонок» — они были опубликованы лишь в 1923 году. Неслучайно, однако, стихотворение Анненского связано с творчеством Достоевского (Федоров А. В. Иннокентий Анненский — лирик и драматург // Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л., 1990. С. 24—25 (Библиотека поэта. Большая сер.)). К творчеству писателя восходят и «Слезы Рахили» (см. ниже). Достоевский, таким образом, становится общим источником типологически близких текстов.

Она оборачивается не только социальной трагедией, но и экзистенциальным отказом поэта от мира. Отсюда — связь стихотворения с «Братьями Карамазовыми».

Библейский стих, определивший лейтмотив текста — «Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться {о детях своих}, ибо их нет» ((Иер. 31:15); Мф. 2:18), — произносит в первой части романа старец Зосима. Утешая женщину, у которой умер маленький сын Никитушка, он говорит: «— А это, — проговорил старец, — это древняя „Рахиль плачет о детях своих и не может утешиться, потому что их нет“, и таковой вам матерям предел на земле положен. И не утешайся, и не надо тебе утешаться, не утешайся и плачь, только каждый раз, когда плачешь, вспоминая неуклонно, что сыночек твой — есть единственный от ангелов божиих...». Как только кончается диалог матери и старца, читатель оказывается свидетелем следующей сцены, в которой «старенькая старушонка» рассказывает Зосиме свою историю. Ее сын «где-то в комиссариате служил, да в Сибирь поехал, в Иркутск. Два раза оттуда писал, а тут вот уж год писать перестал». Купчиха посоветовала Прохоровне (именно так звали старушонку) вписать имя сына в поминальную службу, но эта идея вызвала отповедь Зосимы.¹⁷

У Достоевского библейская цитата появляется вблизи от разговора о военной службе. И хотя прямой сюжетной связи между фрагментами нет, на смысловом уровне они объединены сходной ситуацией и одновременно противопоставлены по глубине веры и материнских переживаний. Спаянность двух эпизодов в романе наводит на мысль, что в «Слезях Рахили» произошла контаминация прозаических фрагментов. В стихотворении, однако, Ходасевич добивается открытого трагического звучания, нивелируя возможное душевное утешение, о котором говорит старец (см.: «Ведь жив он, жив, ибо жива душа вовеки, и нет его в доме, а он невидимо подле вас»; «И вот что я тебе еще скажу, Прохоровна: или сам он к тебе вскоре обратно прибудет, сыночек твой, или наверно письмо прийдет. Так ты и знай. Ступай и отселе покойна будь. Жив твой сыночек, говорю тебе»).

То, что Ходасевич отрицает возможность утешения, понятно. Следует внимательно присмотреться к следующим строкам: «Не приму ни чести, ни славы, / Если вот, на прошлой неделе, / Ей прислали клочок кровавый / Заскоружлой солдатской шинели». В них, по сути, повторяются рассуждения Ивана Карамазова о мучениях детей ради будущей гармонии, от которой герой отказывается. «Не приму» — тот же бунт Карамазова, только вызван он гибелью солдата, а не убитым младенцем.

«Дома» («Утро») вошло в подборку как соединяющее тематическое звено. Стихи, с одной стороны, акцентируют позицию наблюдателя («Нет, больше не могу смотреть я / Туда, в окно!») и, таким образом, проводят границу между поэтом и внешним миром; с другой — обобщают, несмотря на любовные коннотации, субъективное неприятие мира («О, это горькое предсмертье»; «... порою жутко, / Порою жаль»). Если вопрос о литературной традиции, на которую ориентируется стихотворение, требует дальнейшего уточнения,¹⁸ то следующие стихи подборки —

¹⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л., 1974. Т. 14. С. 46—47.

¹⁸ Н. А. Богомолов и Д. Б. Волчек связывают «Утро» со стихами А. Фета «Одна звезда меж всеми дышит...» и К. Фофанова «Снепи, снепи, — ни отдыха, ни срока...» (Ходасевич В. Стихотворения. С. 377). Думается, что сближение со стихотворением Фета объясняется, скорее, тождественностью размера: Я4/Я2; во всяком случае, мы не усматриваем в двух текстах ни общих поэтических тем, ни стилистического сходства. В стихах Фофанова, близких к «Утру» по размеру — Я5/Я2, проявляются мотивы любви и близкой смерти, однако текст выдержан принципиально иной, жизнеутверждающей и назидательной, интонации: «...Люби и пой; прощая и тоскуя, / Кипи, гори! / Пока блестит румянцем поцелуя / Огонь зари, / Пока твой день не скрылся за горою, / Покуда мгла / Твоих небес бушующей грозой / Не обожгла. / Борись и пой, пока даруют силы / Живые дни, — / И на краю разверзнутой могилы / Любя вздохни!..» (Фофанов К. Иллюзии. СПб., 1900. С. 164). Если в поисках претекстов к «Утру» ориентироваться на стихи с тем же размером, то можно обратить внимание на «Эпитафию» (1908) Белого из сборника «Урна», в которой поэт акцентирует внимание на своем предсмертном состоянии (впрочем,

«В Петровском парке» и «Смоленский рынок» — вновь вызывают ассоциации с Достоевским и Некрасовым.

Так, уже название «В Петровском парке» актуализирует как исторические события 1869 года, когда в саду Петровской академии участниками революционного кружка был убит студент Иванов, так и роман Достоевского «Бесы». Разумеется, замысел Ходасевича не состоял в том, чтобы провести параллель между повесившимся человеком и Иваном Павловичем Шатовым, прообразом которого, в свою очередь, послужил погибший студент. Для поэта было важно создать ассоциативное поле, позволяющее увидеть в стихотворении отзвуки «Бесов» и, таким образом, связать современную действительность со страшным миром романа Достоевского.¹⁹

В свете сказанного само описание повесившегося человека может ассоциироваться с финалом «Бесов». Несмотря на то что Ставрогин повесился в доме, а не на улице («Гражданин кантона Ури висел тут же за дверцей...»²⁰), это сближение чрезвычайно занятное. Действительно, аллюзия на смерть важнейшего идеологического героя, «восприимчивого проводника и носителя сатанинской силы, которая овладевает вокруг него и через него стадом одержимых»,²¹ подкрепляет смысловые обертоны неприятия окружающего мира в стихах Ходасевича, делает этот мир не только невыносимым, но и дьявольским.

Отметим, что у Достоевского последние фразы романа являют собой крупный план, в котором высвечиваются детали самоубийства: «Тут же на столике лежал и молоток, кусок мыла и большой гвоздь, очевидно припасенный про запас. Крепкий шелковый снурок, очевидно заранее припасенный и выбранный, на котором повесился Николай Всеволодович, был жирно намылен».²² Ходасевич, вслед за великим романистом, детализирует описание, сочетая общий взгляд («Внизу столпились люди / В притихнувший кружок») и конкретные детали («В ладонь впивались ногти / На стиснутой руке»), среди которых два раза — в начале и в конце стихотворения — выделен ремешок: «Висел он, не качаясь, / На узком ремешке» и «И был почти невидим / Тот узкий ремешок».²³

Не случайно в стихотворении «В Петровском парке» изображается уличное самоубийство: здесь срабатывает литературная традиция описания гнетущих городских впечатлений, разработанная во Франции Бодлером, а в России — Некрасовым (традиция была подхвачена и развита русскими символистами).

без какой-либо любовной коллизии): «В предсмертном холоде застыло / Мое лицо. / Вокруг сжимается уныло / Теней колыдо. / Давно почил душою юной / В стране теней. // Рыдайте, сорванные струны / Души моей!» (Белый А. Стихотворения и поэмы. Т. 1. С. 333). Ср. с *предсмертьем* в «Утре». Допустить связь стихотворений позволяет еще и тот факт, что заглавие подборки в «Ветви» отсылало к стихам Белого.

¹⁹ Примечателен автокомментарий поэта: «Видел это весной 1914 г., на рассвете, возвращаясь с А(нной) И(вановой) и Игорем Терентьевым из ночного ресторана в Петр(овском) Парке» (цит. по: Ходасевич В. Стихотворения. С. 378). Несмотря на то что стихотворение является описанием увиденного события, думается, что само появление текста связано с осмыслением увиденного в вышеописанном ключе.

²⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 516.

²¹ Иванов Вяч. Основной миф в романе «Бесы» // Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1987. Т. 4. С. 443.

²² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 516.

²³ Вероятно, на обсуждаемый текст могло оказать влияние стихотворение Анненского «Осень» («Контрафакция», 2), в котором описывается уличное самоубийство. Текст сближает утренняя обстановка и «остраненный» взгляд авторов (у Ходасевича самоубийца как будто живой, а у Анненского он оказывается природной аномалией — березовым стручком): «...А к рассвету в молочном тумане повис / На березе искривленно-жуткий / И мучительно-черный стручок, / Чуть пониже растрепанных гнезд, / А длиной — в человеческий рост... / И глядела с сожалением просинь / На родившую позднюю осень» (Анненский И. Стихотворения и трагедии. С. 141). О реминисценциях из Анненского в более поздних стихах Ходасевича см.: Левин Ю. И. Заметки о поэзии Вл. Ходасевича // Wiener Slawistischer Almanach. 1986. Bd 17. С. 58—60.

В этом контексте важно обратить внимание на «Смоленский рынок». Н. А. Богомолов, корректируя мнение Тынянова о том, что это стихотворение выполнено «в двухстопных ямбах Пушкина и Баратынского и в их манере»,²⁴ отмечает: «...двустопные ямбы Пушкина и Баратынского (а также откровенно эротические двустопники Языкова) несут совсем другие семантические ассоциации, нежели данное стихотворение Ходасевича. Совсем иное дело — стихотворение А. И. Полежаева „Провидение“ („Я погибал...»), ритмико-интонационное сходство которого со стихами Ходасевича несомненно. У Полежаева: „Последний день / Сверкал мне в очи; / Последней ночи / Встречал я тень“ (...) В цитатный подтекст его входят по крайней мере еще два образца (...) Это, во-первых, стихотворение К. М. Фофанова, начинающееся строками: „Что наша вечность? — / Остывший лоб, / Под кисеею / Открытый гроб“. (...) Во-вторых, более чем вероятно, что источником сведений Ходасевича о стихотворении Полежаева явилось стихотворение В. Брюсова „И ночи и дни примелькались...“ (1896, сборник «Me eum esse»), к которому именно приведенное нами четверостишие Полежаева стоит эпиграфом. И потому при анализе смысловой структуры „Смоленского рынка“ мы обязаны учитывать не только четверостишия Полежаева и Фофанова, но и все стихотворение Брюсова, заканчивающееся знаменательной строкой: „Часы неизменно идут, / Идут и минуты считают... / О, стук перекрестных минут! — Так медленно гроб забивают“. Обогащение цитатного подтекста поэзии Ходасевича (...) позволяет ему, сужая поле поэтического эксперимента, богатства и разнообразия метрического и стrophicского построения стихотворений, делая стихи все более и более похожими на стихи поэтов пушкинской поры (в том числе и самого Пушкина) внешне, расширять их смысловое богатство почти до бесконечности, вовлекая в контекст все новые и новые тексты».²⁵

При всей справедливости замечаний ученого следует подчеркнуть, что в «Смоленском рынке» с беспрецедентной смелостью совмещаются две, казалось бы, взаимоисключающие традиции. С одной стороны, это уже названные двустопные ямбы пушкинской эпохи (помимо Пушкина, Баратынского²⁶ и Полежаева, у которого мы видим сдвиг по отношению к традиционной легкости размера). С другой — стихотворение Ходасевича своим сюжетом недвусмысленно отсылает к некрасовской топики.

Действительно, в стихах Некрасова не только весьма частотны описания гнетущих уличных сцен (хрестоматийное «Утро», ранний цикл «На улице»), но и непосредственно встречается стихотворение, в котором представлена сходная лирическая ситуация. Речь идет об «Утренней прогулке» из первой части цикла «О погоде» (1858—1865): «Злость берет, сокрушает хандра, / Так и просятся слезы из глаз. / Нет! Я лучше уйду со двора... / Я ушел — и наткнулся как раз / На тяжелую сцену. Везли на погост / Чей-то вохрой окрашенный гроб / Через длинный Исакиев мост. / Перед гробом не шли ни родные, ни поп, / Не лежала на нем золотая парча, / Только в крышу дощатого гроба стуча, / Прыгал град да привозчик-па-

²⁴ Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 173.

²⁵ Богомолов Н. А. Рецепция поэзии пушкинской эпохи в лирике В. Ф. Ходасевича // Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 365—367.

²⁶ По наблюдениям Ю. И. Левина и О. Ронена (Левин Ю. И. Заметки о поэзии Вл. Ходасевича. С. 61; Ронен О. Из наблюдений над стихами эпохи «Промежуток». 4. Ходасевич в оценке Тынянова и «крестьянская поэзия» в оценке Ходасевича // Sub Rosa. In honorem Lenae Szilárd. Budapest, 2005. С. 520—526), «Смоленский рынок» не так далек от двустопных ямбов Баратынского («Где сладкий шепот...»), в которых в описании снегопада просвечивает «гробовый лик природы»: «...Лишь ветер злой, / Бушуя, воеет / И небо кроет / Седою мглой. / Зачем, тоскуя, / В окно слезу я / Метели лёт? (...) В тиши мечтаю / Перед живой / Его игрой / И забывая / Я бури вой. (...) Забуду вскоре / Крутое горе, / Как в этот миг / Забыл природы / Гробовый лик / И непогоды / Мятельный крик» (Баратынский Е. А. Полн. собр. стихотворений. СПб., 2000. С. 155—156 (сер. «Новая библиотека поэта»)).

лач / Бил кургузым кнудом спотыкавшихся кляч, / И вдоль спин побелевших уда-
ры кнута / Полосами ложились...»²⁷

Несмотря на целый ряд значительных отличий стихов Некрасова и Ходасевича (так, у первого герой провожает нищую похоронную процессию до кладбища, чтобы потом на погосте, в самой что ни на есть удручающей обстановке, произнести каламбур), в главных очертаниях лирического сюжета тексты близки: находясь в гнетущем городском пространстве, поэт сталкивается с похоронами, которые производят не него еще более тяжелое впечатление. Таким образом, «Смоленский рынок» существует на скрещении двух литературных традиций: общий тематический контур напрямую восходит к Некрасову, однако стилистически и формально текст связан с классическими двустопными ямбами, из которых вымывается традиционная для этого размера тематика.²⁸

«Смоленский рынок» связан не только с некрасовской традицией. И. Андреева отмечала, что строки «Все к той же чаше / Припал — и пью...» перекликаются с ранним стихотворением друга поэта С. Киссина (Муни): «Тебе, бледнеющей невесте, / Несу я воли зов знакомый. / Склонившись тихо, припадем мы / К последней чаше. Вместе. Вместе».²⁹ Но важнее наблюдение, что в обоих произведениях можно расслышать эхо разговора Алеши и Ивана Карамазовых: «порази меня хоть все ужасы человеческого разочарования — а я все-таки захочу жить и уж как припал к этому кубку, то не оторвусь от него, пока его весь не осилю! Впрочем, к тридцати годам, наверное, брошу кубок, хоть и не допью всего и отойду... не знаю, куда»³⁰ (по точному замечанию Андреевой, «с поправкой на пушкинскую поэтику кубок стал чашей»).³¹ Интересно, что на смысловом уровне цитата из речи Ивана Карамазова перевернута: *чаша* в «Смоленском рынке» связывается с постыльностью и ужасом жизни и, по сути, скорее эквивалентна возвращению «билета на вход»³² (здесь стихотворение перекликается со «Слезам Рахили»).

²⁷ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 175—178.

²⁸ В таком контексте строки Брюсова не обязательно рассматривать в качестве цитатного подтекста. Что же касается Фофанова, то, вероятно, Ходасевич мог на него ориентироваться, поскольку его стихотворение также строится на скрещении мрачной образности и традиционной легкости поэтического размера: «Что наша вечность? — / Остывший лоб, / Под кисеею / Открытый гроб. / В дыму кадильном, / В клубах седых / Свечей мерцанье / И плач родных... / Псалтирь над гробом / И чтец в очках, / В протяжном чтении / Последний страх... / А дальше — ама... / И день за днем, — / И наша вечность / Уже в другом...» (1899; Фофанов К. Иллюзии. С. 202). Следует, однако, отметить, что стихи Фофанова в целом более абстрактны и написаны с некоторой претензией на философичность; говорящий субъект в них вычеркнут из лирической ситуации. Не так в «Смоленском рынке». Именно вовлеченность героя в происходящее на улице, встреча уличных похорон и отсутствие какой-либо философичности заставляют связывать этот текст, прежде всего, с лирикой Некрасова, а «Что наша вечность?» рассматривать как сходный эксперимент столкновения поэтического размера и определенной тематики, на который Ходасевич мог ориентироваться. Добавим, что в творческой памяти Ходасевича могло находиться и стихотворение Бальмонта «Снежинка» (из сборника «Только любовь»; 1903), также написанное двустопным ямбом, правда, с дактилическими окончаниями: «Светло-пушистая / Снежинка белая, / Какая чистая, / Какая смелая! / Дорогой бурною / Легко пронесится, / Не в высь лазурную — / На землю просится» (Бальмонт К. Д. Стихотворения / Вступ. статья, сост., подг. текста и прим. Вл. Орлова. Л., 1969. С. 282—283 (Библиотека поэта. Большая сер.)). Полет снежинок, напоминающий о Боратынском, пусть и бессознательно, мог прийти из этого текста. См. также строку из стихотворения Блока «Брожу в стенах монастыря...» (1902) — «Слежу мелькания снежинок» — с совпадением глагола (как и у Боратынского).

²⁹ Киссин С. (Муни). Легкое бремя: Стихи и проза; Переписка с В. Ф. Ходасевичем. / Сост., подг. текста, прим. и послесловие И. Андреевой. М., 1999. С. 55.

³⁰ «Братья Карамазовы», Часть II. Кн. 5. Гл. 3 (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 209).

³¹ Киссин С. (Муни). Легкое бремя... С. 172.

³² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 223.

Цитатный план стихов, примыкающих к лирическому циклу

Все рассмотренные стихи позже войдут в книгу «Путем зерна» и сформируют один из ее смысловых лейтмотивов — неприятие окружающего мира. К рассмотренным текстам поэта примыкает еще несколько стихотворений, которые в той или иной степени затрагивают ту же тему и также ориентируются на Достоевского или Некрасова. Так, в октябре 1917 года Ходасевич напишет «О будущем своем ребенке...». Эти стихи не войдут в сборник «Путем зерна»: по-видимому, они делали невозможным оптимистический финал книги, выраженный в «Хлебах». ³³ Другая причина заключалась в том, что одно слово ставило все стихотворение в зависимость от лирики другого поэта: «О будущем своем ребенке / Всю зиму промечтала ты / И молча шила распашонки / С утра — до ранней темноты. <...> И так же скромно и безвестно / Одна по Пресне ты прошла, / Когда весною гробик тесный / Сама на кладбище снесла». ³⁴ Появление в стихах детского *гробика* сразу же заставляет нас вспомнить Некрасова. Скорее всего, у Ходасевича контаминируются сразу два текста: с одной стороны, это «На улице. Гробок»: ³⁵ «Вот идет солдат. Под мышкою / Детский гроб несет, детинушка...», откуда подхватывается уличное пространство и микросюжет о человеке, несущем гроб. С другой — строки из хрестоматийного «Еду ли ночью по улице темной...»: ³⁶ «Я задремал. Ты ушла молчаливо / Принарядившись, как будто к венцу, / И через час принесла торопливо / Гробик ребенку и ужин отцу», где возникает героиня и появляется та же самая лексема. Некрасовские аллюзии, в данном случае не нейтрализованные другими литературными ассоциациями, делают стихи вторичными.

По-другому устроено стихотворение «По бульварам»: «В темноте, задыхаясь под шубой, иду, / Как больная рыба по дну морскому. / Трамвай зашипел и бросил звезду / В черное зеркало оттепели. / Раскрываю запекшийся рот, / Жадно ловлю отсыревший воздух, — / А за мною от самых Никитских ворот / Увязался маленький призрак девочки». ³⁷

Текст был написан в марте—апреле 1918 года, уже после того, как поэт написал ключевое для будущей книги стихотворение «Путем зерна», в котором сошлись лирические сюжеты сборника. Тем не менее, «По бульварам» примыкает к подборке из сборника «Ветвь», а в приведенном тексте вновь просвечивают литературные аллюзии. В разделе «Видения» сборника В. Брюсова «Me eum esse» (1897) встречается стихотворение, очень близкое по названию к стихам Ходасевича — «На бульваре»: «С опущенным взором, в пелериночке белой, / Она мимо нас мелькнула несмело, — / С опущенным взором, в пелериночке белой. <...> И только небо — всегда голубое — / Сияло, прекрасное, в строгом покое, / Одно лишь небо, всегда голубое!». ³⁸ Несомненно, оно находилось в творческой памяти Ходасевича, и в своем тексте он ориентировался на тему, заданную старшим поэтом. Однако «По бульварам» — стихотворение более глубокое и сложное, и смысловая глубина достигается, в частности, обращением к Некрасову и Достоевскому.

У Ходасевича в большом городском пространстве неожиданно появляется ребенок. Этот контраст волновал в свое время и Некрасова: «Этот омут хорош для лю-

³³ К тому же, вторая строфа стихотворения — «Как было радостно и чисто, / Две жизни в сердце затая, / Наперетком сглаживая батиста / Слегка неровные края...» (Ходасевич В. Стихотворения. С. 276) — слишком переключалась с написанным позже (и более удачным) «Без слов»: «Ты показала мне без слов, / Как вышел хорошо и чисто / Тобюю проведенный шов / По краю белого батиста» (Там же. С. 120).

³⁴ Там же. С. 276—277.

³⁵ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 1. С. 78.

³⁶ Там же. С. 62.

³⁷ Ходасевич В. Стихотворения. С. 106. Ср. черновики стихотворения, приведенные Н. А. Богомоловым: Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX в. Портреты. Проблемы. Разыскания. С. 370.

³⁸ Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 104.

дей, / Расставляющий ближнему сети, / Но не жалко ли бедных детей! / Вы зачем тут, несчастные дети? (...) Нет, вам красного детства не знать, / Не прожить вам покойно и честно. / Жребий ваш... но к чему повторять / То, что даже ребенку известно?» («Сумерки»; из цикла «О погоде»).³⁹ Здесь важно обратить внимание и на мотивы водного пространства («омут», «сети»), которые усиливаются у Ходасевича («большая рыба по дну морскому» и др.). Однако социальным аспектом стихотворение «По бульварам» не исчерпывается.

Призрак девочки как будто бы является аллюзией на главу «У Тихона» из «Бесов». В своей исповеди Ставрогин признается не только в совершенном преступлении — он изнасиловал одиннадцатилетнюю девочку, — но и в мучающих его галлюцинациях: «И вдруг он (...) рассказал, что он подвержен, особенно по ночам, некоторого рода галлюцинациям, что он видит иногда или чувствует подле себя какое-то злобное существо, насмешливое и „разумное“, „в разных лицах и в разных характерах“; (...) я увидел Матрешу исхудавшую, и с лихорадочными глазами, точь-в-точь как тогда, когда она стояла у меня на пороге и, кивая мне головой, подняла на меня свой крошечный кулачок; (...) Слушайте меня: я хочу простить сам себе, и вот моя главная цель (...) Я знаю, что только тогда исчезнет видение. Вот почему я и ищу страдания безмерного, сам ищу...».⁴⁰

Разумеется, не может быть речи о том, что Ходасевич проецирует на себя ситуацию героя романа. *Призрак девочки* является знаком больной городской реальности, в которой как бы воплощаются повесившийся Ставрогин и мучающий его призрак. Неслучайно в первых двух изданиях «Путем зерна» «По бульварам» печаталось в непосредственном соседстве с «В Петровском парке» и «Смоленским рынком».

При всей убедительности подобного сопоставления, его, видимо, необходимо признать ошибочным. Дело в том, что глава «У Тихона» впервые была напечатана в 1922 году, в 18-м номере сборника «Былое». Совпадение можно было бы объяснить явлением, которое недавно С. Г. Бочаров, рассматривая случаи сближения произведений при невозможности или маловероятности влияния одного текста на другой, назвал «генетической памятью литературы».⁴¹ Думается, однако, что в стихотворении «По бульварам» отсылка к Достоевскому разноплановая и опирается на несколько претекстов, которые в сумме воссоздают неизвестную тогда Ходасевичу подробность биографии Ставрогина.

Во-первых, среди героев Достоевского есть еще один самоубийца, по-видимому, растливший маленькую девочку, — Аркадий Свидригайлов. В ночь перед самоубийством, ему, впадшему в полудремоту, представляются похороны молодой утопленницы, поруганной «в темную ночь, во мраке, в холоде, в сырую оттепель». Чуть позже в кошмарном сне пятилетняя сирота, которую Свидригайлов встретил на улице (!) и приютил у себя, вдруг обретает черты развратной камелии.⁴²

Во-вторых, поэту могли быть известны «Воспоминания детства» С. В. Ковалевской, в которых, в частности, рассказывается об одном замысле Достоевского: «Иногда Достоевский бывал очень реален в своей речи, совсем забывая, что говорит в присутствии барышень. Мать мою он порой приводил в ужас. Так, например, однажды он начал рассказывать сцену из задуманного им еще в молодости романа. Герой — помещик средних лет, очень хорошо и тонко образованный, бывал за границей, читает умные книжки, покупает картины и гравюры. (...) Однажды просыпается он поутру, солнышко заглядывает в окна его спальни; все вокруг него так опрятно, хорошо и уютно. (...) Остановившись на какой-то средней точке между сном и бдением, он переживает мысленно разные хорошие минуты своего послед-

³⁹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. 2. С. 185—186.

⁴⁰ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 9, 22, 27.

⁴¹ Бочаров С. Г. О кровеносной системе литературы и ее генетической памяти // Бочаров С. Г. Генетическая память литературы. М., 2012. С. 7—44.

⁴² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 391—393.

него путешествия за границу. (...) Вдруг, в самом разгаре этих приятных грез и переживаний, начинает он ощущать неловкость — не то боль внутреннюю, не то беспокойство. (...) Начинает ему казаться, что должен он что-то припомнить, и вот он силится, напрягает память... И вдруг действительно вспомнил, да так жизненно, реально, и брезгливость при этом такую всем своим существом ощутил, как будто вчера это случилось, а не двадцать лет тому назад. А между тем за все эти двадцать лет и не беспокоило это его вовсе. Вспомнил он, как однажды, после разгульной ночи и подзадоренный пьяными товарищами, он изнасиловал десятилетнюю девочку». ⁴³

Хотя в приведенном замысле галлюцинации напрямую отсутствуют, само неожиданное воспоминание героя почти тождественно кошмарному видению.

В-третьих, Ходасевичу могли быть известны некоторые литературные слухи о Достоевском, согласно которым писатель совершил то же, что и некоторые его герои. ⁴⁴ Эти слухи актуализировались в 1914 году, когда было опубликовано известное письмо Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 года. ⁴⁵

Какие бы из приведенных источников ни находились в поле зрения Ходасевича, он, очевидно, опираясь на любой из них или все вместе взятые, в стихотворении «По бульварам» апеллирует к большой реальности романов Достоевского. ⁴⁶

Таким образом, в стихах 1916—1917 годов Ходасевич осмыслял историческую и социальную жизнь в рамках произведений Некрасова и Достоевского. Мы не знаем, каким задумывался сборник «Фарфоровый венек», — очевидно, что концепция планирующейся книги поменялась после 23 декабря 1917 года, когда поэт написал стихотворение «Путем зерна». Однако пласт большой реальности, отказа от существования в гнетущем и трагичном мире сохранился в третьей книге стихов. Добавим, что в обсуждаемом цикле Ходасевич, по сути, впервые обратился к творчеству Некрасова и Достоевского как конструктивному принципу для своих стихов.

Достоевский и Некрасов в творческом сознании Ходасевича

Почему в 1916—1917 годах для Ходасевича становится важно литературное наследие Некрасова и Достоевского? Отвечая на этот вопрос, необходимо учиты-

⁴³ Ковалевская С. Воспоминания детства. Нигилистка. М., 1960. С. 106—107 (впервые: Вестник Европы. 1890. № 7—8).

⁴⁴ Не вдаваясь в историю возникновения и циркуляции слухов, связанных как с отвергнутой публикацией исповеди Ставрогина, так и с именами И. С. Тургенева и И. И. Ясинского, отсылаем к следующей литературе: Захаров В. Н. Факты против легенды // Захаров В. Н. Проблемы изучения Достоевского. Петрозаводск, 1978. С. 75—109; Федоренко Б. В. Из разысканий о Достоевском // Новые аспекты в изучении Достоевского: Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1994. С. 255—264; Свицков В. Достоевский и ставрогинский грех // Вопросы литературы. 1995. № 2. С. 111—142; Ясинский И. И. Роман моей жизни: Книга воспоминаний: В 2 т. / Сост. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд; вступ. статья Л. Л. Пильд; подг. текста Т. В. Мисникевич; комм. Т. В. Мисникевич и Л. Л. Пильд. М., 2010. Т. 1. С. 283—284; Т. 2. С. 256 (сер. «Россия в мемуарах»).

⁴⁵ Толстовский музей. СПб., 1914. Т. 2: Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894 / С предисловием и прим. Б. Л. Модзалевского. С. 307—310.

⁴⁶ Примечательно, что в биографии Ходасевича был эпизод, сходный с сюжетом стихотворения. Н. Берберова в некрологе вспоминала о переживаниях поэта незадолго перед смертью: «В детстве впервые испытал он то страшное, слезное чувство жалости, которое с годами стало одной из основ его тайной жизни. Это чувство иногда душило его. (...) „Ничего более жалкого нет на свете, чем та девочка, помнишь, у Арбатских ворот... зимой... нет, не могу!“» (Современные записки (Париж). 1939. Кн. LXIX. С. 258). Вспоминал ли Ходасевич эпизод, легший в основу стихотворения (с изменением топографии), или речь шла о каком-то другом уличном впечатлении, — скорее всего, «По бульварам» отражает реальные переживания, которые, как и в случае со стихотворением «В Петровском парке», описываются в определенной литературной традиции. Добавим, что «страшная, слезная жалость» к социально неблагополучным людям во многом связана с произведениями Достоевского.

вать сложное переплетение историко-литературных и биографических обстоятельств.

На тему «Ходасевич и Достоевский» написано лишь две статьи, причем обе затрагивают только эмигрантский период жизни и творчества поэта.⁴⁷ Отношение Ходасевича к Достоевскому сформировалось благодаря трудам Д. С. Мережковского. В рецензии 1906 года на «Книгу отражений» И. Ф. Анненского молодой поэт сообщает: «...После незабываемых строк Д. С. Мережковского, например, заметки Г. Анненского о Достоевском просто скучны и ненужны».⁴⁸

Несмотря на высокую оценку сочинений Мережковского, вряд ли Ходасевича специально интересовали религиозно-философские аспекты его работ. Их влияние на поэта, во всяком случае, не выявлено. Скорее, речь должна идти об усвоении тонкого анализа поэтики Достоевского (как, например, разбор «Преступления и наказания» в «Вечных спутниках») и подчеркивающейся связи романов с современностью. Приведем несколько цитат из книги «Л. Толстой и Достоевский», которые могли бы повлиять на восприятие молодого Ходасевича: «В стремительности волн чувствуется близость бездны; в неудержимости трагического действия чувствуется близость катастрофы. (...) Едва ли в современной литературе есть другой художник, который так приближался бы к самым внутренним, глубоким настроениям греческой трагедии, как Достоевский (...) Порою и в произведениях Достоевского дух захватывает — но уже от быстроты движения, от вихря событий, от полета в бездну. И какая утомляющая свежесть, какое освобождение в этом дыхании бури!»; «Достоевский, первый из русских, почувствовал и понял, что здесь-то именно, в Петербурге, петровская Россия, „вздернутая на дыбы железною уздой“, как „загнанный конь“, дошла до какой-то „окончательной точки“, и теперь „вся колеблется над бездною“. — „Может быть, это чей-нибудь сон? Кто-нибудь вдруг проснется, кому все это грезится — и все вдруг исчезнет?“ Он даже наверное знает, что исчезнет, знает, что никогда Россия не пойдет назад...»; «...мы именно теперь вступаем в царство Ницше и Кирилова, в царство Человека-Зверя. То, что „заревело, бросилось, укусило“ Верховенского, и было этим грядущим Зверем. Сумасшествие Кирилова и Ницше — только первое слабое веяние этой неизбежной, всемирно-исторической заразы безумия; только первая, чуть видная на горизонте черная точка этого налетающего урагана. Пока все тихо, даже тише, чем когда-либо, но „имеющие уши“ слышат, уже слышат, как в умах и сердцах современного человечества смутно шевелится „древний хаос“, как скованный Зверь пробуждается, потрясает цепями, хочет „выйти из бездны“, дабы поклонились ему все (...) Да, только теперь мы поняли до конца это слово Господне: *кто не со Мною, тот против Меня*. Мы это поняли, и нам уже нельзя колебаться: нужно решить, куда мы идем, выбрать один из двух путей, с которых нет возврата: или с Ним к Богу, или против Него к Зверю».⁴⁹

В немногочисленных приведенных цитатах (примеры можно было бы умножить) важно обратить внимание на спаянность творчества Достоевского и современности, а также на эсхатологическое видение сложившейся ситуации.⁵⁰ По всей

⁴⁷ Туниманов В. А. Достоевский и Пушкин в очерке В. Ф. Ходасевича «Помпейский ужас» // Туниманов В. А. Ф. М. Достоевский и русские писатели XX века. СПб., 2004. С. 140—153; Асоян А. А. Достоевский и Вл. Ходасевич: идеологиемы «Европейской ночи» // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 5. Сюжеты и мотивы русской литературы: Сб. научных трудов / Отв. ред. Т. И. Печерская. Новосибирск, 2002. С. 172—183.

⁴⁸ Ходасевич В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 34.

⁴⁹ Цит. по: Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский / Изд. подг. Е. А. Андрущенко. М., 2000. С. 146—147; 166; 439 (сер. «Литературные памятники»).

⁵⁰ Подробнее об отношении Мережковского к Достоевскому см.: Келдыш В. А. Ф. М. Достоевский в критике Мережковского // Д. С. Мережковский: мысль и слово. М., 1999. С. 207—223.

вероятности, именно это оказало влияние на Ходасевича, хотя он едва ли разделял представление Мережковского о дальнейшем разрешении исторического процесса.

Важно также напомнить и еще об одной работе Мережковского, отчасти составленной из фрагментов труда «Л. Толстой и Достоевский». Речь идет о книге «Пророк русской революции» (СПб., 1906), в которой Мережковский — ставший относиться к писателю более критично — пришел к выводу, что «сознательный реакционер Достоевский был бессознательным революционером и апокалиптиком-визионером, сквозь личину православия, самодержавия и народности провидевшим контуры религиозной революции и новой теократии».⁵¹ «Достоевский — пророк русской революции, — утверждал Мережковский. — Но как это часто бывает с пророками, от него был скрыт истинный смысл его же собственных пророчеств».⁵²

По-видимому, Ходасевич из этой концепции усвоил только эсхатологизм Достоевского и связь писателя с современностью. Вероятно, можно предполагать, что емкое заглавие книги оказало на молодого поэта более сильное влияние, чем ее концептуальные построения.

Одновременно стоит предположить, что взгляды Ходасевича на Достоевского в 1900-е годы были уравновешены другим важным для поэта автором — А. Белым. В статье «Ибсен и Достоевский» (1905), приведшей, кстати, к конфликту с Мережковским, Белый писал: «Неимоверная сложность Достоевского, несказанная глубина его образов — наполнови поддельная бездна, нарисованная иной раз прямо на плоскости. Туман неясности создавался на почве путаницы методов отношения к действительности. Этот туман значительно углублял природную глубину таланта Достоевского. Для того чтобы соединить нищенский бунт во имя долга с карамазовским бытием — соединить в формах православия и официальной народности, — чтобы решиться на такое безвкусие, воистину надо быть великим путаником. То, что напутал он, окончательно запутали его талантливые последователи (Мережковский, Розанов). Над некоторыми их положениями сам черт голову сломит, а не придет ни к какому результату».⁵³

Ходасевич, по всей вероятности, оценивал Достоевского, отталкиваясь от точек зрения двух авторов: построения Мережковского, усвоенные молодым поэтом, скорее всего, «отрезвлялись» скептическим отношением Белого.

Достоевский для раннего Ходасевича был не только фигурой, о которой пишут мэтры. О важности писателя свидетельствуют сохранившиеся фрагменты переписки с Муни. В дошедшем до нас в обрывочном виде диалоге друзей герои романов Достоевского и осмысление писателя занимают важное место.

«Очень думал о Достоевском. Это привело меня к мыслям, из прежних моих вытекающим, намечавшимся, когда я ругал Мережковских, но очень резко отличающимся от много, что я говорил в последнее время. <...> С Белым, Мережковским, Достоевским порываю окончательно» — писал С. В. Киссин своему другу 31 июля 1909 года.⁵⁴ Спустя почти 6 лет, в другом письме от июня 1915 года, Муни вспоминал: «Слушай, я Андрея Белого — и именно тогда, когда он нашим с тобой Ставрогиным был — назвал блядью, в кружке, в лицо: тут-то мы и помирились после весьма странной размолвки. (Мне сейчас пришла убийственная мысль: что ежели он полу-Ставрогин, так я одна восьмая Шатова <...>)».⁵⁵

⁵¹ Лавров А. В. Мережковский Дмитрий Сергеевич // Русские писатели. 1800—1917: Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 22.

⁵² Мережковский Д. С. Пророк русской революции. СПб., 1906. С. 4.

⁵³ Цит. по: Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994. С. 196. Об отношении Белого к великому романисту см., например: Лавров А. В. Достоевский в творческом сознании Андрея Белого (1900-е годы) // Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988. С. 131—150.

⁵⁴ Киссин С. (Муни). Легкое бремя. С. 208.

⁵⁵ Там же. С. 242. И. Андреева объясняет эти проекции и отталкиванием Муни от символизма (Там же. С. 292—293).

По мысли И. Андреевой, в приведенных цитатах сказалось отталкивание Муни от революционных устремлений Белого (проявившихся в 1908 году), когда Белый оправдывал преступление Петра Верховенского (о чем вспоминал Н. Валентинов).⁵⁶ Скорее всего, пусть и недолгие, революционные настроения Белого повлияли и на Ходасевича — поэты подружились в 1907 году и много общались до 1911 года.⁵⁷ Отметим также, что фраза из письма Муни — «ежели он полу-Ставрогин» — вероятнее всего, отражает точку зрения Ходасевича, который спорил с проекцией друга (отсюда союз «ежели»).

Приведенные выше цитаты свидетельствуют, что наследие Достоевского — даже при отталкивании от него — было для друзей интерпретационной матрицей реальности. Интересно при этом отметить, что моделями становятся именно герои Достоевского, они явно перестают быть литературными персонажами и обсуждаются как реально существовавшие люди. По наблюдению исследователя, в культуре Серебряного века «влияние Достоевского было влиянием его героев, вышедших в мир и обретающих в этом мире плоть действительных героев эпохи».⁵⁸ Более того, в некоторых случаях герои писателя могли получать вторую литературную жизнь, пусть и в искаженном виде. Так, например, стихотворение А. Крученых «ЗАБЫЛ ПОВЕСИТЬСЯ...» (1913), по сути, является (благодаря аллюзии на «Преступление и наказание») посмертным монологом Свидригайлова.⁵⁹

В этом контексте можно вспомнить мечту Муни воплотиться «в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху».⁶⁰ См. также наблюдение И. Андреевой (основанное на устных воспоминаниях Л. С. Киссиной): Муни, свидетельствующий о неверности в разводном процессе Ходасевича, выдумал разлучницу Настеньку, которую назвал по имени героини «Белых ночей» и «таким образом выразил всю свою любовь, все неприятие Достоевского».⁶¹

В случае с самим Ходасевичем проекции не так очевидны. Познакомившийся с ним в эмиграции М. Вишняк отмечал: «Ходасевич от природы был существом недостаточно социальным: в нем было нечто от „Человека из подполья“»,⁶² и это наблюдение, по-видимому, можно с осторожностью спроецировать и на более ранний период жизни поэта.

Впрочем, выстраивание (и считывание) моделей поведения в свете героев великого романиста — тема для отдельного исследования.

Итак, отношение молодого Ходасевича к Достоевскому сформировалось под влиянием старших современников и ближайшего литературного окружения и было, по-видимому, глубоким и сложным. По наблюдению В. А. Келдыша, «метафизически универсальная мысль Достоевского проецировалась критикой (...) на конкретность истории. Так было на подъеме освободительного движения 900-х годов. Отношение символистов той поры к социальной, политической революции колебалось от полного ее отрицания до ее притяния, но лишь как пути к метафизической революции духа (...). Истоки подобного неоднозначного взгляда во многом

⁵⁶ Там же. С. 325; см. также: *Лавров А. В.* Достоевский в творческом сознании Андрея Белого (1900-е годы). С. 146—147.

⁵⁷ Хьюз Р. Белый и Ходасевич: к истории отношений // *Вестник русского христианского движения (ВРХД)*. 1987. № 151. С. 150—151.

⁵⁸ *Артамошкина Л. Е.* От Раскольникова к Заратустре: истоки формирования нищезанца в культуре Серебряного века // *Ф. М. Достоевский и культура Серебряного века: традиции, трактовки, трансформации. К 190-летию со дня рождения и к 130-летию со дня смерти Ф. М. Достоевского. М., 2013. С. 119.* В этой статье обсуждаются «достоевские» модели поведения людей символистского круга, прежде всего, Н. Петровской.

⁵⁹ *Успенский П.* Заметка о стихотворении А. Е. Крученых «ЗАБЫЛ ПОВЕСИТЬСЯ...» (к теме футуристы и Ф. М. Достоевский) // *Текстология и историко-литературный процесс. II. Сб. статей. М., 2014. С. 145—150.*

⁶⁰ *Ходасевич В.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 76.

⁶¹ *Киссин С. (Муни).* Легкое бремя. С. 290.

⁶² *Современники о Владиславе Ходасевиче / Сост. А. С. Бергер. СПб., 2004. С. 310.*

восходили к Достоевскому. Именно у него негативное отношение к идее революционного насилия соединилось с катастрофическим видением действительности, нередко воспринимавшемся религиозно-философской критикой начала века как предвестие иной, эсхатологической, революции».⁶³

Думается, что подобное колеблющееся отношение реактуализировалось у Ходасевича и в 1916—1917 годах. Неслучайно наряду с использованием образов писателя для воссоздания трагической и невыносимой современности в стихах, рассмотренных выше, поэт нашел мировоззренческий выход также не без его влияния (стихотворение «Путем зерна» в значительной степени связано с Достоевским). Добавим, что и к февральской революции Ходасевич относился с сочувствием.

Некрасов для Ходасевича также играл значимую роль. Пока разработка этой темы касалась более поздних, чем обсуждаемые в нашей работе, аспектов биографии и поэтики автора.⁶⁴

На раннего Ходасевича, несомненно, оказала влияние «некрасовская» книга А. Белого «Пепел»; именно из нее поэт позаимствовал предполагавшееся заглавие будущей третьей книги («Фарфоровый венок»).

Певец «Музы мести и печали» был важен и для раннего творчества Муни, вкусы которого влияли на Ходасевича. См., например, гражданско-народнические мотивы в стихах 1903—1905 годов: «Мы песню затынем, и песня звучит / Тоскою о бедном народе, / Что спину, под палки подставивши, спит / И грезить забыл о свободе».⁶⁵

Не останавливаясь подробно на переосмыслении Некрасова символистами (начиная с работы Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы»; 1893),⁶⁶ рассмотрим только ближайший к обсуждаемому корпусу текстов Ходасевича контекст.

Здесь важно остановиться на брошюре Д. С. Мережковского 1915 года — «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев». В ней Мережковский заявил, что именно сейчас поэзия Некрасова становится важнее стихов «декадентского дедушки» Тютчева.⁶⁷ Объяснялось это следующими причинами: «Тютчев и Некрасов — воплощенное отрицание и утверждение русской революционной общественности — это, в самом деле, два полюса, которыми определяется вся грозная сила, все магнитные токи русской поэзии, а может быть, и русской действительности. Ведь, именно Тютчев для нас, „детей“, — то же, чем был Некрасов для наших „отцов“: не только поэт, но и пророк, учитель жизни. (...) Некрасов — явление в русской литературе единственное, единственный художник, соединяющий любовь к народу с любовью к свободе, религиозную правду народную с религиозной правдой всечеловеческой. Расхождение этих двух правд и есть именно та мертвая точка, в которой мы сейчас находимся. (...) Чтобы сойти с мертвой точки, надо соединить сознание со стихией, слово с делом, русскую литературу с русским освобождением. Это соединение и началось в Некрасове. (...) В поэзию он ввел политику, а это грех

⁶³ Келдыш В. А. Указ. соч. С. 215.

⁶⁴ Успенский П. Ф. 1) Тайные поминки по Блоку: Некрасов, Блок, Ходасевич // Русская литература. 2013. № 1. С. 164—179; 2) «Начинаются мрачные сцены»: поэзия Н. А. Некрасова в «Европейской ночи» В. Ф. Ходасевича // *Euroora Orientalis*. 2012. № 31. Р. 129—170.

⁶⁵ Киссин С. (Муни). Легкое бремя. С. 102.

⁶⁶ Подробнее об этом см.: Будникова Л. И. Некрасов и русские символисты. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1978; а также следующие статьи: Рашковская А. Некрасов и символисты // Вестник литературы. 1921. № 12 (36). С. 5—6; Пьяных М. Ф. Роль поэтических традиций Некрасова в развитии лирики русских символистов // Некрасовский сборник. Л., 1967. [Вып.] IV. С. 158—169; Ильев С. П. Некрасов как предтеча русских поэтов-урбанистов символистского круга // Некрасовский сборник. Л., 1998. [Вып.] XI—XII. С. 114—123; Пайков Н. Н. Еще раз о восприятии Некрасова русскими символистами // Там же. С. 124—130; Ерохина Т. И. Символисты о Н. А. Некрасове: парадоксы восприятия // Карабах: историко-литературный сб. Ярославль, 2011. Вып. 7. С. 214—234, и др.

⁶⁷ Мережковский Д. С. Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев. Пг., 1915. С. 32.

непрощаемый, потому что политика — антиэстетика. Вот одно из общих мест, слишком поспешно принятых. Политика — пошлость, „печной горшок“, а искусство — „божественный мрамор, кумир Бельведерский“. Да, может быть так, но может быть и обратно. Именно сейчас, на наших глазах, утверждение искусства, как самоудовлеющей ценности, эстетизм становится пошлостью, хуже всех „печных горшков“; сейчас художник мог бы сказать эстету, как Иван Карамазов своему черту: „нет, никогда я не был таким лакеем!“. А политика, тоже сейчас, на наших глазах, в великих восстаниях и освобождениях народных, в демократии, — самое грозное и грозное из всех явлений всемирно-исторических: если оно не прекрасно, то и гроза тоже». ⁶⁸

Высказанные писателем идеи, с нашей точки зрения, перекликаются с рассматриваемым корпусом стихов Ходасевича. Так, например, само противопоставление Тютчева и Некрасова в пользу последнего удивительным образом отзывается в «Слезях Рахили»: как мы помним, эти стихи отсылают к некрасовской лирике и содержат полемическую цитату из тютчевского «Цицерона».

Сформулированный Мережковским отказ от эстетизма в пользу социальных и гражданских тем отчасти повторяется в подборке из «Ветви». Действительно, рассмотренные нами стихи напрямую выражают неприятие окружающего социально-го мира, а их цитатный план только усиливает магистральную идею.

Думается, что лирика Ходасевича перекликается с процитированной статьей Мережковского, но важно подчеркнуть, что в этой работе поэт уловил не новые для него, а лишь созвучные идеи. Иными словами, влияние «Двух тайн русской поэзии» объясняется тем, что эта статья резонировала с изменениями творческого мышления Ходасевича.

Творческое мышление Ходасевича 1915—1917 годов и смерть Муни

9 августа 1915 года Ходасевич, разразившись патриотическими чувствами, написал Муни большое письмо. Резкость этого текста объясняется близкими отношениями с адресатом, однако даже эта поправка не снимает остроты сказанного: «В Москве смешение языков. (...) Один хам говорит: „вот и вздует, вот и хорошо, так нам (?) и надо“. Другой ему возражает: „Не дай Бог, чтобы вздули: а то будет революция — и все нас по шапке“. (...) Муничка, здесь нечем дышать. Один, болван, „любит“ Россию и желает ей онемечиться: будем тогда культурными. (...). Другой подлец Россию презирает (...). Муничка, может быть даже все они любят эту самую Россию, но как глупы они! Это бы ничего. Но какое уныние они сеют, и это теперь-то, когда уныние и неразбериха не грех, а подлость, за которую надо вешать. Боже мой, я поляк, я жид, у меня ни рода, ни племени, но я знаю хотя бы одно: эта самая Россия меня поит и кормит (впроголодь). Каким надо быть мерзавцем, чтобы где-то в проклятом тылу разводить чеховщину! (...) Ах, какая здесь духота! Ах, как тошнит от правых и левых! Ах, Муничка, кажется одни мы с тобою любим „мать-Россию“». ⁶⁹

Патриотизм Ходасевича, на самом деле, не содержит никакой иронии. Приведенное письмо отражает важнейший процесс, который начался у поэта в связи с войной. Изменения в творческом сознании Ходасевича сходны с теми идеями, которые высказывал Мережковский, говоря о Некрасове и Тютчеве. Речь идет об осмыслении в поэтической форме современных исторических событий. Социально-гражданские вопросы становятся теперь важнее, чем проблемы индивидуализма и эстетизма. Здесь важно оговориться: Ходасевич всегда был чужд идее преобладания содержания над формой (об этом он неоднократно писал). В его поэ-

⁶⁸ Там же. С. 7, 21—22, 24—25.

⁶⁹ Ходасевич В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. С. 395—396.

тических сборниках невозможно найти текстов, слабых по технике, но с ярко выраженной социальной проблематикой. Поэтому даже в ситуации, когда эстетизм и индивидуализм отступают на второй план, поэтическая техника всегда остается на высоком уровне.

Как изменения в творческом процессе отразились на поэзии Ходасевича, видно по анализу подборки стихотворений из «Ветви»: поэт переключается на описание окружающей реальности, становится свидетелем истории («Слезы Рахили»), а те смыслы, которые он пытается передать в стихах, с помощью цитатного плана связывает с ключевыми темами русской литературы середины XIX века. Более отчетливо этот процесс проявляется в не вошедших в книги и незаконченных стихотворениях.

Еще в сентябре 1914 года Ходасевич писал: «У людей война. Но к нам в подполье / Не дойдет ее кровавый шум».⁷⁰ В 1916 году в стихотворении «Весной» поэт оказывается погружен в суетную тревожную обстановку города — *грохот улицы, яростный вопль вагонов*, причем среди уличных впечатлений выделяется следующее: «Возле стены попрошайка лепечет неясно»; сердце поэта объявляется *опасным*, как «шаровидная молния».⁷¹

В черновиках социальные темы подчас выражены отчетливее. Военные впечатления становятся темой незаконченного наброска 1915 года: «С грохотом летели мимо тихих станций / Поезда, наполненные толпами людей, / И мелькали смутно лица, ружья, ранцы, / Жестяные чайники, попоны лошадей».⁷² В незаконченном стихотворении «Santa Lucia» (март-ноябрь 1916 года) песенку с «волн Адриатики» собираются послушать «татарин с мешком» и «из двух лазаретов солдатики».⁷³ Не закончен и набросок от 15 февраля 1917 года, вновь посвященный подневольному человеку — арестанту: «Тащился по снегу тюремный фургон, / И тот, кто был крепко в него заключен, / Смотрел сквозь решетку на вольных людей, / На пар, клокодавший из конских ноздрей...»⁷⁴ Отметим, что по своему ритму и семантике передвижения этот черновик очень близок к раннему стихотворению Блока «По берегу плелся больной человек...» (1903).

Рассмотрим еще несколько примеров. Следующие восемь строк принято условно датировать 1917—1918 годами (сам черновой автограф без даты): «Пейте горе полным стаканчиком! / Под кладбище (всю) землю размерьте!.. / Надо быть китайским болванчиком, / Чтоб теперь говорить — не о смерти. / Там, на севере, дозрела смородина, / Там июльские блещут грозы... / Ах, от глупого слова „родина“ / На глаза навернулись слезы».⁷⁵

Выскажем осторожное предложение датировать отрывок более ранним временем — 1915—1916 годами. В любом случае, нельзя не обратить внимания на то, что текст напрямую связан с приведенным выше письмом поэта к Муни. Тут перекликаются и восклицание («Ах!»), и в кавычках, как бы остраненно, проговариваются синонимичные слова («родина» — «мать-Россия»), и подчеркивается глупость современников («надо быть китайским болванчиком» — «но как глупы они!»), и патриотическое чувство выходит на первый план. Пожалуй, эти строки, как и письмо к Муни, самый красноречивый пример, иллюстрирующий изменения в творческом сознании Ходасевича.

Следует также упомянуть незаконченное стихотворение «Ворон» («Я выследил его от скуки / И подстрелил в лесу глухом...»; 17 декабря 1917 года), конец которого связан с войной: «И явно думал: человек, / Ты глупый, но и злой маль-

⁷⁰ Ходасевич В. Стихотворения. С. 236.

⁷¹ Там же. С. 241.

⁷² Там же. С. 273.

⁷³ Там же. С. 275.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. С. 283 (такая же датировка в последнем издании: Ходасевич В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. С. 286, 531).

чипка. / [Для дикой и пустой мечты] злой тщеты, / А скольким я таким, к(а)к ты, / Клевал глаза в Карпатах». ⁷⁶ Отметим, что эти стихи связаны с началом стихотворения Блока «Было то в темных Карпатах...» и его же «Коршуном» (который также ориентирован на некрасовскую традицию). ⁷⁷

Имя Блока здесь неслучайно, и дело не только в его влиянии на незаконченное стихотворение. Для Ходасевича обращение старшего поэта к «страшному миру» и социально-гражданским темам было, несомненно, мощнейшим литературным прецедентом. И хотя в рассмотренных выше стихах переключек с Блоком не обнаруживается, тот факт, что Ходасевич во многом шел по следам современника, несомненен (однако, необходимо подчеркнуть, что сама историческая ситуация подталкивала к разработке подобных поэтических тем, и объяснять изменения в творчестве Ходасевича исключительно ориентацией на Блока некорректно — как мы старались показать, контекст здесь более широкий и многоуровневый).

Хотя Блок разрабатывал в своей лирике сходные темы, между поэтами есть существенное различие. Так, для Блока важны мотивы (восходящие к традициям русской демократической литературы) не только патриотизма, но и любви к «сегодняшней, далекой от совершенства России», при убежденности в освобождении и великом будущем страны. ⁷⁸ К моменту создания рассматриваемых стихов Ходасевич, похоже, такую уверенность еще не разделяет (отчасти она возникнет уже после октябрьской революции), и на первый план его стихов выходит не любовь к отечеству, а сгущенная «макаберность».

Уличные похороны, самоубийцы и даже призраки мыслились поэтом в единой связке с современными событиями. Об этом свидетельствует не только стихотворение «Слезы Рахили», но и более поздние (22 марта 1918 года) и незаконченные «Призраки»: «Слышу и вижу вас / В вагонах трамвая, в театрах, конторах / И дом, в мой вдохновенный час, / При сдвинутых шторах. / Вы замешались в толпу, вы снуете у фонарей, / Там, где газетчик вопит о новых бедах России». ⁷⁹

У этой «макаберности» есть и другая причина: самоубийство Муни, имя которого уже неоднократно вспоминалось в нашей работе. С. В. Киссин застрелился 22 марта 1916 года. Смерть ближайшего друга не только произвела тягчайшее впечатление на Ходасевича, но и связала в его сознании все историко-литературные и биографические аспекты, о которых говорилось выше, определив, таким образом, поэтику цикла из «Ветви».

«Эта смерть тяжело отозвалась на Владе. Он очень любил Муню (так! — П. У.), которого можно было назвать его единственным другом, и он мучился и уверял себя, что отчасти виноват в этой смерти», — вспоминала жена Ходасевича. ⁸⁰

Трагическая смерть друга и мысли о собственной смерти породили в лирике того времени макаберные мотивы. Отчасти их можно объяснить известным феноменом вины выжившего, когда переживающий утрату чувствует, что именно ему, а не близкому человеку, следовало умереть. Вторгаясь в область психологических реконструкций, мы можем предположить, что для Ходасевича описанные им смерти были своего рода напоминанием, что на месте умерших должен был находиться он сам. Иными словами, в сознании поэта, вероятно, происходило глубинное отождествление себя с персонажами стихов. Этим можно объяснить тот факт, что большинство разобранных текстов ограничиваются констатацией увиденного.

«Слезы Рахили» неслучайно связаны с войной: Муня застрелился на военной службе. Призрак девочки (как и призраки из одноименного незаконченного стихотво-

⁷⁶ Ходасевич В. Стихотворения. С. 277—278.

⁷⁷ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 281, 290.

⁷⁸ Минц З. Г. Блок и традиции русской демократической литературы // Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. СПб., 2000. С. 313, 314 и след.

⁷⁹ Ходасевич В. Стихотворения. С. 282.

⁸⁰ Ходасевич А. И. Воспоминания о В. Ф. Ходасевиче. С. 398.

творения), в свою очередь, изоморфен другому видению. А. И. Ходасевич вспоминала: «У Влади опять начались бессонницы, общее нервное состояние, доводящее его до зрительных галлюцинаций, и, очевидно, и мои нервы были не совсем в порядке, так как однажды мы вместе видели Муню в своей квартире».⁸¹ Даже обилие аллюзий на романы Достоевского может быть вызвано тем, что этот писатель играл значительную роль в мировоззрении С. Киссина, а в приватном языке друзей конца 1900-х годов герои Достоевского то и дело воплощаются в современниках. Однако глубоким личным переживаниям Ходасевич придает обобщающий характер, создавая в стихах слепок невозможного гнетущего мира, полного — через Достоевского — экзистенциальных проблем, а через Некрасова — социальных. Личная трагедия здесь резонирует с историей, с неприятием империи, доживающей последние месяцы.

Прочтение «Золота»

Публикация «Из книги „Фарфоровый венок“» заканчивается стихотворением «Золото». К нему необходимо присмотреться с особым вниманием. «Золото» — не только смысловое разрешение цикла в «Ветви», но и одно из опорных стихотворений всей третьей книги. Неслучайно в первых двух изданиях оно соседствовало с «Путем зерна», являясь своего рода его двойником. Связь текстов усиливается благодаря метрической близости («Путем зерна» — Я6, «Золото» — Я5/6), парной рифмовке и повторению мотива прорастания. В последнем стихотворении подборки Ходасевич прямо говорит о собственной смерти, которая, наконец, прерывает гнетущие лирические впечатления:

Иди, вот уже золото кладем в уста твои, уже
мак и мед кладем тебе в руки. *Salve aeternum.*⁸²

Красинский

В рот — золото, а в руки — мак и мед;
Последние дары твоих земных забот.

Но пусть не буду я, как римлянин сожжен:
Хочу в земле вкусить утробный сон,

Хочу весенним злаком прорасти,
Кружась по древнему, по звездному пути.

В могильном сумраке истлеют мак и мед,
Провалится монета в мертвый рот...

Но через много, много темных лет
Пришлец неведомый отроет мой скелет,

И в черном черепе, что заступом разбит,
Тяжелая монета загремит —

И золото сверкнет среди костей,
Как солнце малое, как след души моей.⁸³

На первый взгляд, «Золото» созвучно декадентским мотивам «Молодости» и других стихов Ходасевича, примыкающим к первой книге. См., например: «Нет

⁸¹ Там же. С. 398.

⁸² здравствуй вечно (лат.).

⁸³ Ходасевич В. Стихотворения. С. 109.

молодость, ты мне была верна, / Ты не лгала, притворствуя, не льстила, / Ты тайной ночью в склеп меня водила / И ставила у темного окна» (1907); «И понял я, что я — мертвец, / А ты лишь мой надгробный камень» («Sanctus Amor»; 1906—1907); «В моем гробу, как ночь упорном, / И ты была заключена» («Утро»; 1907); «Все тропы проклятью преданы, / Больше некуда идти ... Эй, гуди, доска сосновая! / Здравствуй, пьяный гробовщик!» (1906); «И Смерть вольна раскинуть покрывало / Над ужасом померкшего лица...» («Кольца, 2»; 1907); «Жаждет смерти сердце наше...» («В тихом сердце — едкий пепел»; 1908).⁸⁴ Однако на самом деле, сходство здесь поверхностное, и, усугубляя в «Золоте» макаберный натурализм, Ходасевич создает текст с совершенно другой проблематикой.

Стихотворение предварено эпиграфом из произведения классика польской литературы Зыгмунта Красиньского (1812—1859), который, вместе с А. Мицкевичем и Ю. Словацким, причисляется к величайшим польским поэтам эпохи романтизма. В России Красиньский не пользовался большой популярностью, хотя и попадал в сферу внимания литераторов, интересующихся польской культурой XIX века.⁸⁵ Наиболее известное его произведение — «Небожественная комедия», не только высоко ценилось Блоком, но и, по-видимому, повлияло на поэму «Двенадцать».⁸⁶

Ходасевич испытывал особый интерес к польскому романтику: в 1910 году он опубликовал перевод драмы «Иридион» (1836), а спустя два года хотел издать собрание сочинений классика в собственных переводах.⁸⁷ Несмотря на важность польской темы для Ходасевича,⁸⁸ о роли «Иридиона» в «Золоте» не писалось.

Обратимся к трагедии. Ее сюжет позволим себе привести в изложении М. Корчинского, опубликовавшего брошюру к 90-летнему юбилею поэта: «Герой поэмы, грек Иридион, воспитанный своим отцом Амфилохом в ненависти к Риму, за поражение им Греции, дает ему клятву, что он отомстит римлянам и превратит их вечный город в пепел. Обстоятельства слагаются для Иридиона благоприятно. На римский престол вступает ограниченный и развратный Гелиогабал. Иридион приносит в жертву его сластолюбию свою сестру Эльсиною и приобретает на Гелиогабала такое влияние, что тот назначает его префектом преторианцев (...). По наущению Иридиона, Гелиогабал решает сжечь Рим и перенести столицу государства на восток. В то же время Иридион склоняет на свою сторону иностранные когорты, гладиаторов, невольников и многочисленную христианскую римскую общину. Действиями Иридиона руководит старый друг его отца Массиниса, лицо символи-

⁸⁴ Там же. С. 52, 55, 57, 67, 73. См. также в ранних стихах: «Я угасну... Я угасну... / Верно... Умру, уйду» («Я угасну... Я угасну...», 1904) «Живу последние мгновенья. / Безмилосерд(ый) сон, последний сон. / Пою предсмертные моления, / В душе растет победный звон» («Последний гимн», 1904); «Знаю — увижу я вечные Грани, / Знаю — пойму я Предвечный Закон. / Муку печальную прежних скитаний / Вспомню я грустно. И путь мой свершен» («Я опьянялся цветами мирскими...», 1905); «На сердце снова белый саван / Надела бледная рука. ... Я жду, я жду. Ко мне во мраке / Идет невидимый палач» («Вновь», 1905); «Мой труп проклятый растерзайте / И на съеденье бросьте псам!» («Друзьям», 1905); «Уйдите, ах, уйдите прочь! / Я слышу смерть, вам нет надежды...» («Ликующие», 1905); «Я, навек сокрытый в темном склепе, / Не ищи ни двери, ни окна» («Навсегда разорванные цепи...», 1905); «Мы сонные погибнем тайной ночью. / Убийца наш слезами захлебнется» («Мой робкий брат, пришедший темной ночью...», 1906) (Там же. С. 193, 196, 201, 207, 215, 217, 221).

⁸⁵ *Стахеев Б.* Польский романтизм и русская литературная жизнь XIX — начала XX в. // Сравнительное литературоведение и русско-польские литературные связи в XX в. / Отв. ред. В. А. Хорев. М., 1989. С. 64—75.

⁸⁶ *Лавров А. В.* Александр Блок и Зыгмунт Красиньский // Литература и искусство в системе культуры / Отв. ред. Б. В. Пиотровский. М., 1988. С. 452—460.

⁸⁷ *Ходасевич В.* Стихотворения. С. 426; *Козляков В.* Владислав Ходасевич и Зыгмунт Красиньский // Начало века. Из истории международных связей русской литературы. СПб., 2000. С. 319—329; *Шубинский В.* Владислав Ходасевич: чающий и говорящий. СПб., 2011. С. 141—144, 197—200.

⁸⁸ *Hughes Robert R.* Vladislav Khodasevich / Władisław Chodasiewicz and Polish Romanticism // Language, Literature, Linguistics. Berkeley, 1987. P. 89—101. Выражаем самую искреннюю признательность Н. А. Богомолу, любезно предоставившему нам копию этой статьи.

ческое, злой демон <...>. Последние представители древнеримских добродетелей группируются вокруг Александра Севера и провозглашают его императором. <...> Происходит кровопролитное сражение, первоначально благоприятное для Иридиона: часть сенаторов перебита; в Риме во многих местах вспыхивают пожары, но в последнюю минуту христиане оставляют Иридиона, под влиянием епископа Виктора <...>. Гелиогабал погибает. Иридион сражается с мужеством отчаяния, но видя, что самые верные из его когорт переходят на сторону Александра Севера, бросается в пылающий костер, откуда его извлекает Массинисса и уносит в какую-то пещеру. Иридион упрекает его за это и говорит, что теперь, когда все его надежды разбиты, ему остается только умереть. Тогда Массинисса обещает Иридиону, что если он отдаст ему свою душу, то он усыпит его и засим, по истечении веков, пробудит и даст ему возможность увидеть полный упадок ненавистного ему Рима. Иридион на это предложение Массиниссы соглашается и погружается в глубокий сон. По истечении шестнадцати веков, Массинисса исполняет свое обещание и показывает Иридиону вечный город. Иридион торжествует... Но вот вместе с Массиниссой они входят в Колизей и становятся у подножия воздвигнутого там на середине арены креста. В душе и уме Иридиона возникают сомнения. Он хотел падения языческого Рима, как символа зла и тирании, но он желал вместе с этим и торжества правды. И что же он видит? Он видит, что Рим пал, но вместе с тем для него ясно, что правда не восторжествовала и что зло по-прежнему нераздельно царит над землей. И вот над Иридионом у подножия креста свершается суд. Христос прощает ему его ненависть к Риму, его прегрешения из-за любви его к Греции, но не безусловно. Он посылает Иридиона в страну „могил и крестов” для того, чтобы он там жил, страдал и любил, но не только свой народ, а все человечество, не исключая даже и врагов своих». ⁸⁹

В предисловии к переводу Ходасевич формулирует свое видение основных проблем, поставленных трагедией: «Основная задача „Иридиона” — поставить лицом к лицу угнетенного и угнетателя, всякого раба и всякого господина. Здесь сказалась не только прекраснейшая традиция польской литературы — высокая любовь ко всякому страдающему, угнетенному, побежденному, будь это отдельная личность или целый народ. Красинский <...> показал, как для угнетенного и угнетателя, кто бы они ни были, нет ни пяди земли, ни слова, ни верования, на которых могли бы они сойтись. <...>»

Есть два знамени бунта: мечь и освобождение. Иридион выбрал первое — и погиб. Если бы он взял второе, он бы также погиб: дело в обоих случаях одинаково решилось бы физическим превосходством Рима. Но важно не это.

Велика любовь Иридиона, и велика ненависть. Он восстал, как язычник, мститель и разрушитель. Христиане не вышли из катакомб своих и не помогли ему. Епископ Виктор в конце концов благословил римского императора, а не греческого мятежника. Массинисса, откровенно названный „сыном бездны”, обольстил Иридиона радостью мщенья, но едва ли не больше „попутал” он христианского епископа, благословившего угнетателя.

В последнем споре неба и Массиниссы за душу Иридиона побеждает небо: Иридион спасен „за то, что он любит Грецию”. Но здесь возникает вопрос, категорически Красинским поставленный, но не только не разрешенный, — напротив, кажется, всю жизнь его преследовавший. Голос с неба посылает Иридиона „на север”, к другому угнетенному народу, заканчивать дело своей жизни. Во имя чего же, однако, пойдет Иридион? Не во имя ли той же мести, на которую подвигнул его Массинисса? Не пойдет ли он для нового заблуждения — как мститель и разрушитель, не как освободитель и созидатель? Здесь — не соблазнил ли Массинисса и „неба”?

⁸⁹ Карчинский М. Сигизмунд Красинский. К 90-летней годовщине рождения польского поэта. Житомир, 1901. С. 8—9.

Или оно разрешает так вопрос Ивана Карамазова: прощать не имеешь права? Кажется, так хотел разрешить его сам Красинский. Но окончательной победы „за любовь ненавидящей” он признать не решился.

Таковы главнейшие вопросы, поставленные „Иридионом”, — вопросы достаточно мучительные в наши дни, когда что ни государство — то маленький Рим». ⁹⁰

Последняя фраза из предисловия к переводу однозначно свидетельствует, что в 1910 году поэт с легкостью проецировал это произведение на современность. Сами же возможности глубинного тождества сюжета трагедии и текущего исторического момента способны ее фантастический конец, переносящий главного героя на шестнадцать веков вперед: он позволял читателю понять, что в основе «Иридиона» не только события, происходившие в III веке н. э., но и константные стратегии жизненного поведения в определенных политических условиях. Думается, что и в предреволюционном январе 1917 года подобная проекция была актуальна. Проблематика «Иридиона» вводится в «Золото» через эпиграф, и в качестве фона в стихотворении присутствует одна из магистральных тем трагедии — тема распада империи. Во многом она была подготовлена предшествующими стихами подборки в «Ветви» с их социальной проблематикой, появление которой через аллюзии на Некрасова описано выше.

Еще одна перекличка, свидетельствующая о возможности сближения «Иридиона» с современностью 1917 года, — упоминание Достоевского. Действительно, именно в связи с ним Ходасевич мыслил трагедию, приписывая Иридиону ответы на вопросы Ивана Карамазова, хотя хронологическая инверсия персонажей здесь налицо. Герои русского писателя в той же мере актуальны для цикла из «Ветви». Если, сочиняя «макаберные» стихи, Ходасевич регулярно мысленно обращался к Достоевскому и даже в «Слезях Рахили» повторял карамазовский бунт, то, скорее всего, сочиняя «Золото», он помнил о своем прочтении «Иридиона» семилетней давности.

Достоевский, таким образом, отражен в смысловом поле «Золота», венчающего цикл, хотя прямо в нем не присутствует. ⁹¹ Однако путем Карамазова и Иридиона Ходасевич в итоге предпочитает другой путь — собственную смерть.

Эпиграф к «Золоту» взят из четвертого действия трагедии, в которой Иридион призывает воздать последние почести останкам его сестры, павшей первой жертвой «святого дела». Слова принадлежат хору женщин. Они произносят похоронную речь, прежде чем тело Эльсиной будет сожжено: «До сих пор еще страшный кормщик, сын Эреба и Ночи, не взял тебя под черные паруса. До сих пор еще, Эльсиноя, ты блуждаешь по сю сторону Стикса. Но вот, уже золото кладем в уста твои, чтобы ты могла заплатить перевозчику. Но вот, уже мак и мед кладем тебе в руки, чтобы ты усыпила Цербера. Еще несколько мгновений, и ты отойдешь туда, где веют толпы умерших, — как тяжкие дымы, как листья осенние (...) перелетишь огненную, семь раз обвившую Тартар реку, — и сладкий увидишь свет и зеленые рожи. Там — тихий и задумчивый покой, там — полная чаша летейской струи ожидает тебя (...) Иди, — уже золото кладем в уста твои, уже мед и мак кладем тебе в руки. *Salve aeternum!*». ⁹²

Эльсиною хоронят скорее по древнегреческому обряду (мифологические названия здесь не римские), хотя хор женщин произносит фразу по-латыни. Ходасевич, впрочем, не ошибается в строке — «Но пусть не буду я, как римлянин, сожжен», — поскольку в Древнем Риме, действительно, наряду с погребением широ-

⁹⁰ Красинский С. Иридион / Пер. с польского В. Ходасевича. М., [1910]. С. 4—6. См. также: Ходасевич В. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 64—65.

⁹¹ Выскажем предположение, что в строках о «весеннем злаке» отразились не только слова Христа из Евангелия от Иоанна: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12: 24), но и тот факт, что библейский стих выбит на надгробии Достоевского.

⁹² Красинский С. Иридион. С. 138.

ко была распространена и кремация.⁹³ Вероятно, словом *римлянин* поэт хотел подчеркнуть именно принадлежность к империи.

В свете личных переживаний автора эпитафия и первые две строки могут быть прочтены как прощание с Муни. Но соотношение эпитафии и текста стихотворения приводит нас к представлениям Ходасевича об истории. Расширенный контекст цитаты из Красиньского однозначно свидетельствует о том, что за обрядом сожжения следует попадание в загробный мир, который никак не соотносится с миром земным и который гарантирует бессмертие души (*сладкий свет, зеленые рощи, покой*). Такому взгляду Ходасевич противопоставляет обряд погребения, означающий окончательную смерть. Отсюда, например, строки, которые обыгрывают опущенные в эпитафии мифологические представления о прагматике атрибутов покойника — монете, маке и меде: «В могильном сумраке истлеют мак и мед, / Провалится монета в мертвый рот...» Как мы видим, свои магические действия эти предметы в представлении Ходасевича не выполняют.

Мифологическому представлению о загробном мире, продлевающему существование души, поэт противопоставляет линейное время, означающее очевидную личную смерть. *Вечность*, о которой говорится в эпитафии, проявляется в «Золоте» двояко. С одной стороны, посмертное существование возможно благодаря метаморфозе, в которой слышится слабый отклик на слова Христа из Евангелия от Иоанна: «Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода» (Ин. 12:24) ср.: «Хочу весенним злаком прорасти, / Кружась по древнему, по звездному пути». Однако религиозное прочтение тут вряд ли уместно, поскольку оно перекрывается биологическим взглядом на трансформацию форм жизни. Действительно, символ *зерна* превращается почти в сельскохозяйственный термин — *весенний злак*, а подчеркнутый натурализм второй части стихотворения совсем далек от аллегоричности заповеди Христа. В таком контексте погребальные обряды, противопоставленные по форме, не вполне контрастны с точки зрения ортодоксального христианства: первый пропитан язычеством, второй — неверием.

Финальный микросюжет стихотворения, связанный с образом «неведомого пришлеца, отрывающего скелет», вводится союзом *но*. Последние шесть строк — второй вариант реализации вечности, противопоставленный окончательному распаду погребенного тела. Здесь золотая монета, избежавшая тления, является знаком существования человека в прошлом. Обратим внимание, что этот образ не только контрастен по отношению к соседним по двум характеристикам — цвету и сохранности («темных лет»; «черном черепе, что заступом разбит» vs «золото сверквет»), но и благодаря сравнению перекликается с седьмой строкой: «Кружась по древнему, по звездному пути — Как солнце малое». Золотая монета оказывается соотносенной и с душой, будучи знаком ее существования, и с метаморфозами форм жизни.⁹⁴

Итак, в «Золоте» налицо отказ от мифологического посмертного существования, в котором душа сохраняет сама себя. Согласно концепции Ходасевича, возможны лишь физическая трансформация жизни или замещение души материальным предметом. Стать весенним злаком и продолжить жизнь или стать находкой археолога — вот те формы, которые поэт считает возможными.

Таков смысловой слепок этого стихотворения. Как же оно соотносится с предшествующими «макаберными» стихами и с трагедией Красиньского? Логическое движение подборки в «Ветви» от «Слез Рахили» к «Золоту» кажется закономер-

⁹³ См., например: *Сергеенко М. Е.* Жизнь древнего Рима. СПб., 2000. С. 201—209.

⁹⁴ Д. Бетеа толкует этот образ как знак поэзии: *пришлец неведомый* — это, вероятно, будущий поэт, а тяжелая монета — это бессмертная часть самого Ходасевича, которая никогда не умрет и будет жить в стихах (*Bethea David M. Khodasevich, his life and art. Princeton, 1983. P. 153*).

ным: гнетущее городское пространство, вести о гибели и встречи с мертвецами приводят поэта к отказу от находящегося на грани катастрофы мира, который выражается в собственной смерти. Но в «Золоте» есть и другой сюжет, развивающийся на фоне «Иридиона».

Своего рода скрытой пружиной стихотворения является одна из коллизий трагедии. Как мы помним, эпитафия взят из эпизода похорон сестры, которая становится первой жертвой «святого дела». Ее судьбу чуть не повторил и главный герой: Иридион всходит на костер, однако не погибает в огне, а заключает дьявольскую сделку с Масиниссой, в результате которой ему даруется своего рода бессмертие. Он получает возможность увидеть побежденный Рим, а в конце произведения, после суда Христа, — прожить еще одну жизнь.

Столь подробное описание собственной смерти, по всей вероятности, вызвано тем, что Ходасевич намеренно отталкивался от возможных вариантов посмертного существования, прописанных в трагедии. Предпочитая сожжению утробный сон в земле, поэт не принимает и возможную роль стать жертвой святого бунта. Награда за бунт — рай, но в его существование поэт не верит.

Ходасевич не принимает и судьбу сожженной сестры Иридиона, и судьбу самого главного героя. Действительно, Иридион задается вопросами Ивана Карамазова — и выбирает мечь. По мысли Красиньского, главному герою в новой жизни предстоит новое испытание — жить, страдая и любя все человечество. Переводчик трагедии в это не верил и предполагал, что он все равно останется мстителем. Фанатичная верность своим убеждениям, порожденная окружающей несправедливостью, гарантирует Иридиону прощение и своего рода бессмертие. Поэт, задающийся теми же «карамазовскими» вопросами, противопоставляет им смирение.

На это противопоставление накладывается более глубинная и важная оппозиция, а именно: контраст великой героической личности, непосредственное участвующей в историческом процессе, которой даруется посмертное существование, и обычного человека, лишённого этих трудностей и благ. Ходасевич выбирает второе: неучастие в истории и смирение перед окончательной смертью.

Так в предреволюционном январе 1917 года был нащупан выход из мучавших поэта «карамазовских» вопросов.

Нельзя не заметить, что «Золото» — стихотворение сложное и не очень типичное для Ходасевича. Оно почти целиком зависит от произведения Красиньского, кодируется сюжетами и коллизиями «Иридиона». Совсем не так в других «макаберных» стихах: хотя они неразрывно связаны с социальными и экзистенциальными темами Некрасова и Достоевского, проблематика этих авторов накладывается на понятные без привлечения интертекстуального плана лирические сюжеты. Однако причины такой сложности «Золота» понятны: в пространстве небольшого стихотворения Ходасевичу необходимо было решить целый ряд важных проблем, а вместить их все в небольшой лирический текст, не прибегая при этом к другим произведениям, было бы слишком сложной задачей.

Несмотря на понятные слова и строки, «Золото» — стихотворение закрытое, оно, видимо, больше говорило автору, чем читателю. Но, несомненно, эти стихи рубежные. В них есть не только внутренний ответ на вопросы Ивана Карамазова, в нем примирение с историей и основа нового мировоззрения. Действительно, именно в «Золоте» начинала нащупываться метафора «путем зерна». В хронологии творчества Ходасевича это первое стихотворение, в котором звучит аллюзия на Евангелие от Иоанна. Зерно появлялось и в стихотворении 1915 года «Уединение»: «Заветные часы уединенья! / Ваш каждый миг лелею, как зерно»,⁹⁵ но здесь еще нет христианских коннотаций. Пройдет меньше года, и появится емкая метафора, которая определит и стихотворение «Путем зерна», и концепцию третьей книги, и

⁹⁵ Ходасевич В. Стихотворения. С. 123.

ее заглавие. «Фарфоровому венку» и «макаберным» стихам будет найден противес.

Ходасевич не случайно дорожил внутренней связью «Золота» и «Путем зерна» и долгое время не мог от нее отказаться, публикуя стихи вместе. Если в первом стихотворении формулируется принятие истории и отказ от (революционной) героики в распадающейся империи, то во втором — «душа поэта объединяется со столь огромными реальностями, как его страна и ее народ».⁹⁶ Впрочем, и это стихотворение будет построено на образности поэтического революционного мифа (Пушкин, Некрасов, народники), реакции на него Достоевского (эпиграф к «Братьям Карамазовым») и библейской притчи.

⁹⁶ Бочаров С. Г. «Памятник» Ходасевича // Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. С. 17.

© М. Э. Маликова

«КРАСНЫЙ ПИНКЕРТОН» КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЗАКАЗ НЭПА

Литературный проект «красный пинкертон», идея которого была сформулирована Николаем Бухариным в 1921 году,¹ целиком принадлежит к эпохе нэпа. Он представлял собой один из первых адресованных литературе заказов новой власти и предшествовал гораздо более известному заказу на «социалистический реализм». Как разновидность советской массовой литературы 1920-х годов «красный пинкертон» просуществовал не более 5—6 лет и был официально осужден с концом нэпа. Его единственным вошедшим в историю литературы образцом осталась первая книга из серии «Месс-Менд» Мариэтты Шагинян (опубликована под псевдонимом Джим Доллар) «Янки в Петрограде» (1924). Тем не менее «красный пинкертон» в последние годы занял прочное и довольно определенное место в истории советской массовой литературы. Катерина Кларк назвала его новой, после военного коммунизма/авангарда, фазой советской культуры, попыткой перекодировать европейский «век джаза» в «век революции».² Тема «красного пинкертона» составила несколько глав в фундаментальной американской диссертации о русской пинкертоновщине³ и в ориентированной на жанр вузовского учебника отечественной монографии, посвященной советской массовой литературе XX века.⁴ Оформился «высококолый» вкус к этой разновидности литературного трэша,⁵ образовался се-

¹ См.: Бухарин Н. 1) Подрастающие резервы и коммунистическое воспитание // Правда. 1921. 25 нояб.; 2) Доклад на V Всероссийском съезде РКСМ «Коммунистическое воспитание молодежи в условиях Нэп'а» // Правда. 1922. 14 окт.

² Clark K. Petersburg, Crucible of Cultural Revolution. Cambridge; London, 1995. P. 173.

³ Dralyuk B. Western Crime Fiction Goes East: the Russian Pincerton Craze 1907—1934. Leiden, 2012 (Russian History and Culture Series. Vol. 11). См. также нашу статью «„Коммунистический Пинкертон“: Социальный заказ НЭПа» (Вестник истории, литературы и искусства. М., 2006. Т. 2. С. 278—291).

⁴ Черняк М. А. 1) Феномен массовой литературы XX века. СПб., 2005. С. 76—123; 2) Массовая литература XX века: Учебное пособие. 3-е изд. М., 2009. С. 85—140.

⁵ См. продолжающее идеологию известной серии «Атлантида» издательства «Ad Marginem» переиздание «Иприта» (впервые: М., 1925) В. Шкловского и Вс. Иванова с предисловием философа А. Секацкого издательством «Redfish/Амфора» (СПб., 2005); деятельность частного интернет-издательства «Salamandra P. V. V.», выпустившего в свет в 2013 году «красный пинкертон» Н. А. Борисова «Укразия. Кино-роман» (впервые: М.; Л., 1925) с послесловием и примечаниями А. Шермана и сборник «советской героической фантастики» «Эскадрилья всемирной коммуны» (названный так по вошедшей в него повести С. Буданцева (впервые: М., 1925)), составленный и прокомментированный М. Фоменко (подробнее см. на сайте издательства

тевой круг собирателей и ценителей советской приключенческой и научно-фантастической беллетристики.⁶

Прежде чем перейти к предмету статьи — актуальному политическому содержанию «красного пинкертона» как явления эпохи советской модерности — суммируем историко-литературный статус того, что понимается под этим гибридным, в роде «красного Льва Толстого», наименованием. Несмотря на политическую обусловленность, формула «красный пинкертона» в своих ключевых чертах удивительно точно вписалась в определенные культурные тенденции и прогнозы начала 1920-х годов. Прежде всего, заказ на соединение формул массовой литературы с прогрессивной идеологией, развлечения с социальной дидактикой вошел в конвергенцию с доминировавшей в предреволюционное десятилетие в России разнообразностью массовой литературы — ‘middlebrow literature’, отвечающей «разнородным требованиям развлечения, социальной ангажированности, а также нравственного и практического наставления»,⁷ наиболее характерным проявлением которой Стивен Лоуэлл называет роман Анастасии Вербицкой «Ключи счастья» (1908—1913).⁸ Социологические опросы и обследования библиотечного спроса, активно проводившиеся в начале двадцатых годов XX века с целью выяснить подлинный облик нового советского читателя, ясно свидетельствовали, что он, как и предреволюционный, спрашивает ту же Вербицкую,⁹ «Санина» М. Арцыбашева, а также переводных и подражающих им отечественных «атлантид», «тарзанов» и «пинкертонов».¹⁰ Это подтверждало возникшее еще в годы первого отечественного бума пинкертоновщины, после революции 1905 года, подозрение, что «в синей блузе и с красным знаменем к нам пришел все тот же Пинкертона».¹¹ Пролетарий, отрываясь от «скучного, нездорового труда, от водки и насекомых, сидит и взапрос читает Пинкертона и А. Вербицкую».¹² Уже к 1919 году было ясно, что после ужасов войн и революций усилится «спрос на (...) литературу, не требующую сосредоточенного внимания со стороны читателя с утомленной психикой. Любовь к истинному ис-

<http://salamandrapvv.wordpress.com>, дата обращения: 22. 05. 2014); работа московского издательства «Миллиорк», опубликованного в 2012 году «Черного осьминога. Авантюрный роман из эпохи гражданской войны» (впервые: Воронеж, 1926. Вып. 1—10) Мил-Мика (Михаила Лызлова и Михаила Казарцева) и «Черного паука» Наталии Бенар (впервые: Самолет. 1925. № 8—12).

⁶ См.: www.fandom.ru, www.fantlab.ru, www.adventures.unoforum.ru и др. Дата обращения: 22. 05. 2014.

⁷ Lovell S. Literature and Entertainment in Russia: A Brief History // Reading for Entertainment in Contemporary Russia: Post-Soviet Popular Literature in Historical Perspective / Ed. by S. Lovell and B. Menzel. München, 2005. P. 20.

⁸ Там же.

⁹ Заметив сходство своих романов с новейшими популярными сочинениями П. Романова, С. Малашкина и Л. Гумилевского, которые можно назвать «социально-бульварными», Вербицкая публично, на страницах журнала «На литературном посту» (1926. № 7—8), посетовала: «теперь, когда строится новая жизнь и нарождается новая мораль, я лишена возможности активно принимать в ней участие, как писательница». Несмотря на то что к этому времени ее книги уже были изъяты из библиотек как «порнографические», публикация этого письма старой писательницы сопровождалась вполне сочувственными откликами М. Ольминского и А. Луначарского, и в 1910-е годы ценившимися социальный демократизм ее прозы, несмотря на бульварность (см.: Грачева А. М. Анастасия Вербицкая: Легенда, творчество, жизнь // Лица: Библиографический альманах. М.; СПб., 1994. Вып. 5. С. 17—20). Так что вполне вероятно, что, проживи Вербицкая дольше, заказ власти на создание «красного пинкертона» был бы дополнен «коммунистическими ключами счастья» — беллетристической, даже бульварной по форме, понятной для читателя, особенно для читательниц «из низов», пропагандой ценностей нового быта.

¹⁰ См.: Clark K. Petersburg, Crucible of Cultural Revolution. P. 171—172.

¹¹ Чуковский К. И. И. Нат Пинкертона и современная литература. 2-е изд. П. Куда мы пришли? М., 1910. С. 6—7 (впервые под заглавием «Кинематограф»: Театр и искусство. 1908. № 49. С. 868—870).

¹² Чуковский К. И. Вербицкая // Чуковский К. И. Книга о современных писателях. М., 1914. С. 18.

кусству уступит, вероятно, место более легковесной литературе. Так, по крайней мере, было после первой французской революции. (...) навстречу читателю устремится и шустрый издатель, который и раньше прислушивался ко вкусам издательской массы, стараясь „пографлять” им». ¹³

Таким образом, заказ власти на «красного пинкертона» как в полном смысле массовую литературу, «понятную миллионам (...) рассчитанную на действительно массового читателя, рабочего и крестьянина», ¹⁴ был созвучен истинному вкусу этого приобретшего большую политический вес потребителя («в решете рабочей психики (...) после прочтения художественного произведения (...) остаются и запоминаются (...) лишь „кинематографические” страницы художественных произведений. Именно этим объясняется успех „Красных дьяволят”. Пролетарская литература должна учесть эту своеобразную черту рабочего читателя. „Психологические” романы до рабочего читателя не дойдут» ¹⁵). Кроме того, историко-литературная и социальная фундированность «заказа» Бухарина обеспечивалась тем, что он вошел в конвергенцию с продвигавшейся в первой половине 1920-х годов филологами-формалистами и «Серапионовыми братьями» идеей учебы: сюжетостроению у западной литературы, создания «русского Стивенсона» для пролетариата. И, наконец, «красный пинкертон» представлял собой один из ранних «социальных заказов» власти, в ответ на который в 1920-е годы возник институт «халтуры». Последний, сублимированный до уровня писательской идеологии, стал основным приводным ремнем взаимодействия поля власти и поля литературы в условиях, когда «произведенная революцией социальная перегруппировка и переход на новый экономический строй лишили писателя целого ряда опорных для его профессии (по крайней мере в прошлом) моментов (устойчивый и высокого уровня читательский слой, разнообразные журнальные и издательские организации и пр.) (...). Положение писателя приблизилось к положению ремесленника, работающего на заказ или служащего по найму». ¹⁶

Итак, в целом сама по себе формула «красный пинкертон» довольно органично вписалась в литературную современность. Конечно, свою роль в том, что до 1929 года ¹⁷ она сохраняла живучесть — развивалась, ¹⁸ критиковалась (как «справа», ¹⁹ так и «слева» ²⁰), использовалась в издательских предисловиях для идеологи-

¹³ Редакционная статья «О читателе, писателе и издателе» (Вестник литературы. 1919. № 6. С. 10).

¹⁴ Резолюция ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. «О партийной и советской печати» // О партийной и советской печати: Сб. документов. М., 1954. С. 347.

¹⁵ Крылова С., Лебединский Л., Ра-бе (А. Бек), Тоом Л. Рабочие о литературе, театре и музыке. Л., 1926. С. 16.

¹⁶ Эйхенбаум Б. М. Литературный быт // Эйхенбаум Б. М. О литературе. М., 1987. С. 430, 435.

¹⁷ См. свидетельства объявленного вместе с концом нэпа осуждения «красного пинкертона» как «приспособленческой» «буржуазной» «халтуры»: Рыкачев Я. Наши Майн-Риды и Жюль Верны // Молодая гвардия. 1929. № 5. С. 87—88; Пакентрейгер С. Заказ на вдохновение. Статьи о литературе. М., 1930. С. 187; перечисленные в следующей сноске статьи С. С. Динамова 1929 года; пародию А. Архангельского «Компинкертон» (Архангельский А. Пародии. М., 1929. С. 84—88).

¹⁸ См.: Динамов С. С. 1) Литературная отравка. Тарзан — Месс-Менд — Мир приключений // Рабочая Москва. 1924. 1 июня. С. 9; 2) Труд и наука в рассказах // Рабочая Москва. 1924. 29 июня. С. 6; 3) Авантюрная литература наших дней // Красное студенчество. 1925. № 6—7. С. 110; 4) Авантюрный роман // Большая Советская Энциклопедия. М., 1929. Т. 1. Стлб. 122; 5) Авантюрная и научно-фантастическая литература // Заочные курсы по переподготовке библиотечных работников профсоюзных библиотек. Урок 15. Переводная беллетристика в библиотеке. Авантюрная и научно-фантастическая литература. М., 1929. С. 48. См. также: Арнольд Э. Авантюрный жанр в кино. М.; Л., 1929.

¹⁹ См.: Воронский А. Литературные заметки // Воронский А. Об искусстве. М., 1925. С. 53—55. См. также: Начало пути: Из советской литературной критики 20-х годов / Сост. О. В. Филимонова. М., 1987. С. 200.

²⁰ См. рецензии Г. Лелевича на первую и вторую книги «Месс-Менд»: Октябрь. 1924. № 2. С. 204—205; 1925. № 8. С. 197—198.

ческой легитимации более или менее откровенной бульварщины и «кино-романа»²¹ — сыграло то обстоятельство, что этот «заказ» был сформулирован крупным деятелем новой власти на страницах центральной партийной газеты «Правда».

Впрочем, произведений, точно отвечающих бухаринской формуле, практически не появилось. Схематизируя, можно сказать, что «красный пинкертон» оказался недостаточно красным, иными словами, убедительно революционным по идеологии, и недостаточно пинкертоном, т. е. увлекательным для массового читателя. Попытка «упаковать», по выражению Вальтера Беньямина, революционное содержание и идеалы в культурные формы, характерные для империализма,²² приводила к идеологической и литературной дискредитации всего проекта, его застыванию в виде убогого набора штампов. Объявленная властью в 1929 году литературная неудача была закреплена в статье «Пинкертоновщина» (1934 года) старой Литературной энциклопедии, где о «красном пинкертоне» сообщалось, что «за исключением „Мес-менд” (так!) Джима Доллара (М. Шагинян) это начинание законно потерпело полную неудачу, создав только откровенную халтуру, якобы революционную, а по существу приспособленческую (Инкогнито. Большевики по Чемберлену. Марк Максим. Шах и мат, Дети черного дракона. Липатов и Келлер. Вулкан в кармане, Библиотечка революционных приключений и др.)».²³ Довольно небрежно отбирая из массива советской «пинкертоновщины» произведения для упоминания в энциклопедической статье, ее автор Павел Калецкий, вероятно, исходил из двух общих формальных оснований, стремясь подверстать это литературное явление 1920-х годов к западной и дореволюционной пинкертоновщине: все названные книги выходили в форме выпусков, отсылавшей к традиции пинкертоновских брошюр,²⁴ и для всех них не релевантна фигура автора: эти тексты псевдонимны, анонимны, написаны малоизвестными писателями в соавторстве.²⁵

²¹ См. предисловие главы Госиздата Н. Л. Мещерякова к первому изданию «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» (1924) Джима Доллара/Шагинян и подражавшие ему издательские предисловия к откровенной бульварщине Марка Максима (Б. В. Оленина) (см. об этом: Маликова М. Э. «Коммунистический Пинкертон»). Николай Шпанов использовал формулу «красный пинкертон» как псевдоним, опубликовав в авиационном журнале «Самолет», где он был заместителем редактора, фантастико-приключенческий рассказ «Льды и крылья» под псевдонимом К. Краспик (1925. № 1. С. 17—20).

²² См.: Беньямин В. Московский дневник / Пер. с нем. и прим. С. Ромашко. Общая ред. и послесл. М. Рыклина. М., 1997. С. 78.

²³ [Калецкий П.]. Пинкертоновщина // Литературная энциклопедия. М., 1934. Т. 8. Стлб. 645—649. В Краткой литературной энциклопедии 1960-х годов в одноименной статье упоминаний о «красном пинкертоне» нет.

²⁴ Впрочем, реальное сюжетное устройство «красных пинкертонов» было далеко от прототипа: их выпуски не автономны и представляют собой, скорее, роман-фельетон, или «кино-роман», не случаясь они продавались не один за другим, а все вместе, в одной папке, а при переиздании первоначальная форма отдельных выпусков не сохранялась.

²⁵ Истинное имя автора романа «Большевики по Чемберлену» (М., 1925. Вып. 1—8) «Тов. Инкогнито» нам не удалось раскрыть, однако смысл этого единожды использованного псевдонима вполне ясен и сводится к самому приему отказа от личного авторства (в «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Масанова указывается девять случаев использования псевдонима «Инкогнито»). Под именем Марка Максима, автора романа «Шах и мат» (Ростов-на-Дону, 1924. Вып. 1—7) и еще нескольких вышедших в южнорусских издательствах советских приключенческих романов, скрывался Борис Викторович Оленин. Однако до последнего времени это не было известно (псевдоним раскрыт нами в статье «Коммунистический Пинкертон») и не было значимо для синхронического восприятия произведений Марка Максима (о котором даже невозможно было сказать, отечественный он автор или псевдо/иностранец: на обложке романа «Смерть Анны Ор» (Ростов-на-Дону, 1925) имя автора дается как «Магс Махим»). «Дети черного дракона. Роман приключений из жизни современного Китая» (М., 1925. Вып. 1—5) представлен в энциклопедической статье как анонимный, поскольку имя автора не указано на обложках выпусков, однако и в то время не составляло труда выяснить как псевдоним, так и истинное имя автора — поэта, члена Цеха конструкторов Н. Н. Панова, выступившего как Д(ир) Туманный несколько фантастико-приключенческих рассказов в неодобрительно упомянутой Калецким серии издательства «Новая Москва» «Библиотечка революционных приключений». Вероятно, это не было сделано из-за

Для современных исследователей «красный пинкертон», напротив, интересен прежде всего в его пародийно и металитературно сублимированных отражениях. Борис Дралюк в своей книге о пинкертоновщине рассматривает, помимо «Месс-Менд», «Иприт» В. Шкловского и Вс. Иванова и «Остров Эрендорф» (1924) В. Катаева, которые действительно позволяют увидеть в аналитически и пародийно очищенном виде многие черты «красного пинкертона» (что, впрочем, делают и гораздо более простые тексты — пародии Архангельского²⁶). Однако сами эти произведения едва ли могут быть отнесены к массовой литературе, даже в ее своеобразной советской разновидности, поскольку не имеют своим адресатом массового читателя. «Иприт», написанный с большим задором, недоступен для литературно наивного восприятия из-за своего сложного, состоящего из большого числа сюжетных линий, устройства; кроме того, его доминантой является не собственно увлекательное повествование, а практическая демонстрация разных теоретических идей и прогнозов Шкловского. Роман написан известнейшим «формалистом», «сюжети-стом» в программном соавторстве с «орнаменталистом» Всеволодом Ивановым как опыт соединения «сюжета» и «сказа» (в чем Шкловский в середине 1920-х видел вектор будущей эволюции русской литературы) и при этом как реакция на «Месс-Менд» (в частности, решение задач игры штампами жанра авантюрного романа, «подделки перевода», наполнения авантюрной сюжетной схемы «не условным литературным материалом, как у Джим-Доллара (Мариэтты Шагинян), Валентина Катаева и т. д., а описаниями фактического характера»²⁷). Что касается «Острова Эрендорф» Катаева, то этот роман сплошь металитературен и вне этой прагматики едва ли может быть прочитан. Он пародирует общие места текущей советской литературы: главным образом, сюжетные штампы «революционного» приключенческого романа, вобравшего в себя черты экзотического и научно-фантастического, а также писательскую фигуру Ильи Эренбурга.²⁸

Таким образом, в целом можно составить следующее представление о «красном пинкертоне»: «заказ» Бухарина, предлагавший соединить увлекательные для читателя формулы приключенческой беллетристики с революционным материалом и идеологией, оказался художественно почти невыполнимым, однако данная властью легитимация «низкого» жанра была использована целым рядом писателей, как молодых, так и имевших дореволюционный профессиональный опыт, для заработка, «халтуры», литературной забавы, создания новой писательской идентичности, для авто/пародирования и практической демонстрации своих теоретико-литературных взглядов.²⁹ К 1929 году и «красный пинкертон», и лежавший в

установки на то, чтобы представить «красного пинкертона» как явление литературно нулевое, что подтверждается и упоминанием вышедшего в нестольичном издательстве «Вулкана в кармане» (Свердловск, 1925. Вып. 1—5) молодых почти неизвестных свердловчан Б. В. Липатова и И. И. Келлера, которые в 1920-е годы в соавторстве (также с В. С. Гиришгорном) несколько раз обращались к такому рода мета/литературным забавам, буриме (по содержанию «Вулкан в кармане» представляет собой не столько собственно «красную пинкертоновщину», сколько задорное и довольно поверхностное пародирование ее наиболее очевидных банальностей, штампов и литературных образов), а не самой яркой металитературной реакции на «Месс-Менд» — «Иприта» Шкловского и Иванова.

²⁶ См.: Архангельский А. Коммунистический Пинкертон. Л., 1926.

²⁷ Шкловский В. Иперит (так!) (Отрывок из романа) // ЛЕФ. № 3 (7). 1925. С. 70.

²⁸ См. прим. 23 в нашей статье «Халтуроведение: советский псевдопереводной роман эпохи эпохи» (Новое литературное обозрение. 2010. № 103. С. 128—129), где мы также рассматриваем «красный пинкертон» в его пародийном преломлении.

²⁹ К политически легитимированному приключенческому жанру по разным причинам обратились писатели разных габитусов (отнюдь не только анонимные, псевдонимные и малоизвестные, как можно заключить из статьи в старой «Литературной энциклопедии»). Здесь и откровенная коммерческая халтура литераторов далее третьего ряда, мало заботившихся о своей репутации (Семен Полоцкий, Андрей Шмульян «Черт в совете Непорочных. Роман-сатира» (1928), Виктор Гончаров «Долина смерти» (1925), романы Марка Максима/Оленина), и наивные литературные опыты непрофессиональных авторов с реальным революционным прошлым («Красные дьяволята» (1923) Павла Бляхина) или просто решивших себя попробовать в веселом авантюрном жанре «с бандитами, Эйнштейном и прочей чертовщиной» (письмо М. Сло-

его основе механизм «социального заказа», были властью официально осуждены и отменены. Не оправдались формалистские прогнозы появления ориентированной на западные образцы отечественной сюжетной прозы и соответствующего изменения вектора эволюции русской литературы. Писательский ответ «халтурой» на «социальный заказ», интериоризация и признание благоворности внешнего давления, обращение к авантюрному жанру как к способу «снятия творческой ответственности»,³⁰ оказались в целом разрушительными; даже опыт остроумнейшего «Иприта» был практически забыт и стал маргинально любопытным лишь для профессионалов-филологов.³¹ В целом «красный пинкерто́н» как социо-литературный

нимского М. Горькому от 1 авг. 1922 года: Горький и советские писатели: Неизданная переписка // Лит. наследство. 1963. Т. 70. С. 378). В числе последних авторы как молодые («Макар-Следапыт» (1925—1926) Льва Остроумова, «Молодцы из Генуи» (1925) Владимира Веревкина, «Крушение республики Итль» (1925) Бориса Лавренева, романы Анатолия Шипко «Господин Антихрист» (1926), «Аппетит микробов» (1927), «Комедия масок» (1928)), так и искушенные, чьи опыты советской приключенческой belletrистики представляли собой довольно сложные литературные конструкции, как «Гиперболоид инженера Гарина» (1925—1927) А. Н. Толстого, «Необычайные похождения Хулио Хуренито» (1922) Эренбурга и его же «Трест Д. Е.» (1923). Важный социальный разряд авторов «красного пинкертона» составляли писатели с до-революционной профессиональной биографией, но разным причинам вынужденные в 1920-е годы отказаться от нее и искать себе диспозицию в советском литературном поле, конструировать новую писательскую идентичность. Это Шагинян (о ее литературных стратегиях см. далее), Ауслендер, в 1910-е годы биографически и литературно близкий М. Кузмину, а в советское время ставший автором приключенческих повестей для детей и юношества; отчасти футурист С. Бобров, обратившийся к жанру научно-фантастического и социо-утопического романа в «Восстании мизантропов» (1922) и «Спецификации идитола» (1923); Ю. Слезкин, написавший приключенческий роман «Бронзовая луна» (1927) и псевдо-переводный (под псевдонимом Жорж Деларм) «Кто смеется последним» (1925; то же под заглавием «2×2=5», 1925), использующий и пародирующий штампы «красного пинкертона». Слезкин прямо объяснил в дневнике социо-литературные причины своего обращения к этим жанрам: «...все ушло в освоение нового матерьяла, в переучивание, в укрепление заново на совершенно пустом месте (прошлое все насмарку) своей литературной позиции. Борьба за право свое пребывать в рядах советских писателей. Работа черновая, тяжелая, утомительная и подчас горькая, если вспомнить, что как-нибудь за плечами у меня были и известность, и устойчивое материальное положение, и авторитет в известных литературных кругах, и любовь некоего читателя (...). Была опасность срыва в халтуру, когда сказать было еще нечего, а есть надо было, и положение обязывало, а предубеждение ко мне как к „буржуазному“ писателю закрывало передо мною двери журналов и обходило меня гонораром. На грани халтуры мне пришлось писать и „Кто смеется последним“, и „Бронзовую луну“ — по заказу, к сроку, и только врожденный вкус и чувство меры спасло меня от этого позорища, — эти романы если и не органически мои, то все же достаточно четки и выдержаны со стороны формальной (стилизованы)» (Слезкин Ю. «Пока жив — буду верить и добиваться...» / Вступ. заметка, публ. и прим. Ст. Никоненко // Вопросы литературы. 1979. № 9. С. 212—213).

³⁰ Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб., 2002. С. 112.

³¹ Появившиеся в последние годы работы, посвященные «красному пинкерто́ну», в целом достаточно полно воссоздают его социо-литературный облик. За время, прошедшее с 1970—1980-х годов, когда советские литературоведы (А. Вулис, А. Бритиков, В. Ревич) предприняли пионерские попытки вернуть в качестве законной филологической темы исследование массовой литературы, в том числе нэповской, и воскресить массив забытых произведений, общим местом (в широкой евро-американской традиции и в трудах московской социологической школы — Л. Гудкова, Б. Дубина, А. Рейтблата) стало рассматривать массовую литературу не с литературоведческой точки зрения, а с социологической, междисциплинарной. Филологические ключи к массовой литературе не подходят (см. важнейшую программную статью Гудкова «Массовая литература как проблема. Для кого? (Раздраженные заметки человека со стороны)»: Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 78—100). Плодотворнее рассматривать ее с точки зрения социологии чтения, социологии писательской профессии, устройства книжного рынка, в частности, его книгоиздательской и книгопродавческой отраслей, социальных институтов «развлечения» и «досуга», формирования и эволюции социальных норм и проч. Нетрудно заметить, что все эти подходы к массовой литературе, потом на долгие годы в отечественной науке забытые или существовавшие в вульгаризированном социологическом виде, были наметены русскими формалистами еще в начале 1920-х годов, когда приверженцы морфологической школы повернулись к изучению «литературного быта», «словесности и коммерции», влияния и давления «внешних рядов» (в том числе «социального заказа») «под знаком современных проблем».

проект потерпел неудачу — однако это не исключает того ключевого обстоятельства, что он был *политически* актуален для нэпа и представлял собой характерное для эпохи явление.

Политическое содержание «красного пинкертона» можно обнаружить не в массовом потоке более или менее халтурных текстов, не в их сублимированных металитературных и пародийных вариациях, не в мотивированных литературно-идеологической тактикой оценках критики, а в его первоначальных, базовых элементах — «заказе» Бухарина и позиционированном государственным издательством как программный ответ на него «Месс-Менд» Джима Доллара/Шагинян — которые позволяют увидеть истоки и основания этого явления.

Несмотря на то что формула «красный (точнее, «коммунистический») пинкертон» действительно принадлежит Бухарину, сама острая идея использовать одиозную бульварную пинкертоновщину (а не литературно приемлемых «советского Жюль Верна» (Л. Троцкий), «Стивенсона для пролетариата» (Л. Лунц), Стерна, Сервантеса или Конан Дойля (Шкловский), Достоевского и Диккенса, эксплуатировавших «низменные жанры» (Н. Берковский)) для идеологического воспитания массового рабочего читателя принадлежит Троцкому. Причем высказана эта мысль была им в 1914 году в пику мнению абсолютного большинства культурной русской публики, наиболее ярко выраженному в статьях К. Чуковского, с которым и полемизировал Троцкий.³² Чуковский с большим пафосом выражал общую позицию ужаса демократической интеллигенции перед растущей модой на «пинкертоновщину» (и кинематограф), которая представлялась чудовищной и необъяснимой победой в современной культуре «готтентотского» вкуса.³³ Троцкий же возражал, что «сыскной героизм и кинематографная мелодраматика» «пинкертона» — не угроза культуре, а ее «упрочение»: «Если низы, впервые пробужденные к жизни, жадно поглощают поддельную романтику и маргариновый сентиментализм, проделывая в сокращенном, убогом, обобранном виде ту эстетическую эволюцию, которую в пышных формах проделывали в предшествующие десятилетия и столетия имущие классы, то здесь нет никакого нашествия готтентотов на культуру, а есть первые шаги приобщения низов к культуре. (...) Тут нет опасности возврата от

³² См.: Чуковский К. И. I. Нат Пинкертон и современная литература; *Мезьер А. В.* О литературе приключений — «сыщицкой» и «разбойничьей» и почему к ней влекло и еще влечет читателя // *Обзор книг и журналов. Приложение к № 40 «Народного журнала» за 1912 год.* № 9. С. 33—38; *Борисов Л.* Родители, наставники, поэты... Книга в моей жизни. М., 1972. С. 6—10. См. также исследования феномена отечественной моды на пинкертоновщину в годы реакции после революции 1905 года: *Brooks J.* When Russia Learned to Read. Literacy and Popular Culture, 1861—1917. Princeton; New Jersey, 1985. P. 142; *Peñblan A. И.* Пинкертон в России // Нат Пинкертон, король сыщиков. Рассказы. М., 1994; *Dralyuk B.* «As Many Street Cops as Corners»: Displacing 1905 in the Pinkertons // *Russian History. Vol. 38. № 2 (Spring, 2011).* P. 159—174 (включена в его монографию «Western Crime Fiction»).

³³ «Правый» В. В. Розанов возразил Чуковскому (в легкомысленном театральном журнале), что «пинкертоновщина» все же позволительна для «отдыха» народа (см.: *Розанов В. В.* К. И. Чуковский о русской жизни и литературе // *Журнал театра художественно-литературного общества, вторая половина сезона 1908—1909 гг.* № 9. С. 9—12). Как известно, Розанов признавался в «Опавших листьях», что, отняв у детей «вредного» «Шерлок Холмса» (имеются в виду, конечно, не рассказы Конан Дойля, а бульварные им подражания), сам не мог от него оторваться — этот факт сообщен даже в цитирующейся выше энциклопедической статье «Пинкертоновщина» 1934 года. Однако в статье о К. Леонтьеве (к яростному антимеркантистскому пафосу которого апеллировал в своих статьях и Чуковский) он, напротив, страстно призвал читателей: «Будет зачитываться Пинкертоном и Вербицкой. От тебя, публика, от твоей *серьезности* ведь действительно зависит судьба литературы; и, косвенно, — целой страны судьба», и с тем же, что у Чуковского, пафосом восклицал: «...если „читатель-студент“ и „читательница-курсистка“ (естественно, самый обильный читатель) на самом деле суть только „бульварные читатели“, — то, конечно, *могила стране, могила культуре и образованию*, и тогда на кой же черт вас зачем-то учили и строили для вас университеты и курсы?! Неужто же это все „для Вербицкой“? (...) Или все напрасно? Все победила панталонная Вербицкая? (...) О стадо, о чудовищное стадо: какой ты ужасный демон... печальный и непобедимый» (*Розанов В. В.* Неоценимый ум // *Розанов В. В.* О писательстве и писателях. М., 1995. С. 516).

Шекспира к Пинкертону, а есть восхождение от бессознательности — через Пинкертона — к Шекспиру».³⁴

Эта мысль Троцкого 1914 года находится в русле его позднейшего представления о невозможности полноценной литературы для переходной эпохи диктатуры пролетариата. (Поэтому в первые пореволюционные годы он сосредоточил свое внимание не на собственно литературе, а на культуре переходной эпохи, включающей в себя широко понимаемый «быт», и на внеклассовом будущем, трактуемом им с размахом утопизма, вплоть до тотального антропологического и, следовательно, культурного преобразования человека.) Бухарин же, присоединив к понятию «пинкертоновщина», имевшему в недавней истории русской культуры высокий градус напряжения, определение «красный», ставшее после революции механическим, доходящим до комизма, способом адаптировать любое явление и институт (артель «Красная синька», упомянутая в «Бамбочаде» К. Вагинова), лишил мысль Троцкого остроты, наэлектризованности, редуцировав ее до лозунга. Этому способствовали и дальнейшие усилия советской критики и писателей. С одной стороны, стремление произвести возгонку легитимированного партийным авторитетом бульварного образца, позиционирование «красного пинкертона» как «революционной романтики» и повышение литературных акций авантюрно-приключенческого жанра за счет «учебы сюжетостроению». С другой — развивавшие заказ Бухарина механические попытки соединить материал из эпохи недавних революционных событий (или, по крайней мере, изображение революционного триумфа, пусть в научно-фантастических или утопических обстоятельствах) с формулами массовой литературы.³⁵

Троцкий же и в 1923 году продолжал оправдывать существование «маргаринных» явлений культуры не тем, что они посредством литературной и идеологической сублимации могут быть превращены в «масло» новой литературы, а рассматривая их исключительно как низкое, с точки зрения традиционной культуры, «развлечение», которое наилучшим образом может быть использовано во время переходного периода в качестве «орудия коллективного воспитания».³⁶ Этой теме посвящена его острая и циничная статья «Водка, церковь и кинематограф» (1923),

³⁴ *Троцкий Л.* Чуковский. Ч. II. Талантливый малый // Троцкий Л. Д. Соч. М.; Л., 1926. Т. 20: Проблемы культуры. Культура старого мира (впервые: Киевская мысль. 1914, 9 фев.). Далее цитируется по настоящему изданию.

³⁵ Бухарин предлагал «осюжетить» в жанре формульной беллетристики реальные события боевой отечественной истории («весь романтически-революционный путь — подполье, гражданская война, ВЧК, подвиги и революционные приключения рабочих, Красной армии, изобретения, научные экспедиции» (Товарищ комсомол. М., 1969. Т. I. С. 89), «подполье и фронты, Чека и Региструп. Заговоры и восстания, наши и враги. Коминтерн и мировой фашизм. Работа эсеров, работа польских, латышских и прочих шпионов. Борьба наших товарищей в Европе... Путешествия Лозовского и Клары Цеткин на французские съезды. Сибирские и австро-франко-испано-американские похождения Троцкого. Жизнь-авантюра героического революционера товарища Камо» (*Лебедев Н.* О революционном детективе // Правда. 1922. 17 нояб.)). «Советская переоснастка детектива», его «осовечиванье», по выражению Берковского, начиналась с фигуры сыщика: на это «симпатичное» для читателя место планировалось поставить чекиста и коммуниста, соответственно представив его борьбу с преступником как классовую (*Берковский Н. Я.* О советском детективе // Берковский Н. Я. Мир, создаваемый литературой. М., 1985. С. 340). Однако, по предположению Эйхенбаума, недавний, еще травматичный исторический материал не был готов для использования в сюжетном романе, так как предварительно он должен быть «заново подготовлен особыми жанрами вроде старых „физиологических“ очерков» (*Эйхенбаум Б. М.* Лесков и современная проза // Эйхенбаум Б. М. О литературе. М., 1987. С. 422—423). Близкой точки зрения придерживался Беньямин, относивший пореволюционную советскую литературу не к беллетристике, а к «историографии», функция которой прежде всего «терапевтическая», «гигиеническая» — освободить «народное тело» от травмы (*Беньямин В.* Новая литература в России // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избр. эссе. М., 1996. С. 217). Массовый читатель, уставший от своего быта, также требовал другого — иностранного, чужого, легкого.

³⁶ *Троцкий Л. Д.* Водка, церковь и кинематограф // Троцкий Л. Д. Соч. Т. 21: Культура переходного периода. С. 23—25 (впервые: Правда. 1923. 12 июля).

где он призывает новую власть использовать развлекательный потенциал кинематографа — наиболее доступного массам искусства, не требующего даже простой грамотности — проводя скандальную аналогию с водочной монополией и церковью при старом режиме как способами овладеть свободным временем рабочих и одновременно извлечь доход в казну: «Вопрос о развлечениях получает (...) огромное культурно-воспитательное значение (...) в формировании характера целого класса — если это класс молодой и идущий вперед, как пролетариат, — развлечение и игра могут занять выдающееся место. (...) Мы берем людей такими, какими их создала природа, и какими их отчасти воспитало, отчасти искалечило старое общество. Мы ищем точек опоры в этом живом человеческом материале для приложения нашего партийного и революционно-государственного рычага. Стремление развлечься, рассеяться, поглазеть и посмеяться есть законнейшее стремление человеческой природы. Мы можем и должны давать этой потребности удовлетворение все более высокого качества и в то же время сделать развлечение орудием коллективного воспитания, без педагогического опекунства, без назойливого направления на путь истины».³⁷

Теоретический текст, позволяющий лучше увидеть актуальный для нэпа политический смысл «красного пинкертона» — в том его понимании, которое восходит не к лозунгу Бухарина, а к идее Троцкого — знаменитая работа Беньямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» (1935—1939 годы). Беньямин, как известно, выводит новые «революционные требования в культурной политике»³⁸ из характера современной культуры, определяемого прежде всего «массовыми движениями наших дней»³⁹ (ср. замечание Елены Петровской, что «уже в самом словосочетании ‘массовая культура’ мы обнаруживаем необходимый индикатор времени»⁴⁰), в частности, небывалым расширением авторской и читательской базы искусства (изменился сам характер авторства: автор утратил жреческий статус — теперь любой читатель, обладающий общественно значимой политехнической и классовой экспертизой, может, через институт работников, сам стать автором) и широчайшим тиражированием произведения, опирающимся на технические средства репродуцирования. Эти новые обстоятельства изменили самый характер искусства, лишив его того, что Беньямин совокупно определяет понятием «ауры», включая в него базовые для старой культуры категории «традиции», «уникальности» и «культовой» ценности, замененные теперь массовостью, актуальностью и приближенностью к воспринимающему субъекту. В перспективе этой радикально левой антиэстетической позиции реакционное (с точки зрения Чуковского, выраженной в его дореволюционных статьях о «пинкертоновщине», или в написанных с точки зрения столь же традиционного представления о культуре советских статьях Воронского «справа» и Лелевича «слева» против «месс-мендовщины») заявление Троцкого о том, что для переходной пореволюционной эпохи культура должна быть «маргариновой», «развлекательной», доступной полуграмотному читателю, вполне последовательно и, более того, прогрессивно: «Техническая воспроизводимость произведения искусства изменяет отношение масс к искусству. Из наиболее консервативного, например по отношению к Пикассо, оно превращается в самое прогрессивное, например по отношению к Чаплину».⁴¹

³⁷ Там же.

³⁸ Беньямин В. Учение о подобии. Медиаэстетические произведения: Сб. статей / Сост. и предисловие И. Чубаров, И. Болдырев. М., 2012. С. 191.

³⁹ Там же. С. 196.

⁴⁰ Петровская Е. Безымянные сообщества. М., 2012. С. 228.

⁴¹ Беньямин В. Учение о подобии. С. 218. Беньямин, как и Троцкий, отметил исключительную важность для этого прогрессивного политического отношения масс к массовому искусству такой «низкой» с точки зрения высокой культуры социальной категории, как «развлечение» (Там же. С. 224—226).

Эту политическую логику новой культуры для масс, предполагающую временное «организованное упрощение культуры»⁴² и «самоубийство литературы»⁴³ в ее традиционном виде, последовательно и безбоязненно описал Михаил Левилов, яркий критик и журналист, близкий к ЛЕФУ. Логика Левилова исходит из той же, что у Бенямина и Троцкого, ключевой мысли о влиянии масс, решительным образом изменившем искусство. В пореволюционных условиях, пишет Левилов, произошло полное изменение социальной и эстетической природы литературы — теперь не горстка «властителей дум» воспитывает своего читателя, а новый, массовый читатель делает заказ. Соответственно, на ближайшие годы литература должна утратить свой прежний (как сказал бы Бенямин, «культовый») статус «учительной», «святой», «героической», «страдательной»; писатель из «пророка» превратится в «поставщика литературной продукции», «будущий читатель — ныне уже нарождающийся — не станет искать в романах и рассказах „прямого ответа на проклятые вопросы“. Литература для него займет ее подлинное место: не поучения, не обличения, а только исключительно развлечения. И сейчас уже чувствуется, что будущая русская литература — лет этак на 50 — будет литературой широкого, размашистого, красочного репортажа — без всяких, заметьте, „мировых скорбей“, либо увлекательной, сочной, островолнующей авантюрной литературой. Не чтения — с трепетом душевным и благоговением, будет искать новый читатель, а занятого, отдых дающего чтива».⁴⁴ Соответственно, в пролетарской культуре должно «отводиться минимальное место в комплексе ценностей духовного быта — ценностям высшей расценки — литературе, поэзии, театру, живописи, музыке, т. е. в совокупности своей — искусству», произойдет «максимальное удешевление этих ценностей» за счет их замены «суррогатами»⁴⁵ — тем, что Троцкий называл «маргариновыми» явлениями культуры. Следовательно, «революция, в отношении культурного быта, есть организованное упрощение культуры, и особенно русская революция, и особенно русской культуры»,⁴⁶ выполнение требования современности, «доведенное до логического конца, является требованием о самоубийстве литературы», «процесс этого самоубийства — по необходимости длительный процесс — начинает сейчас намечаться...»⁴⁷

Схематизируя, можно сказать, что тот смысл, который вкладывал Троцкий в понятие «пикнертоновщины» для полуграмотных «низов» как «маргаринового» явления культуры, прежде всего «развлечения», был значим для эпохи нэпа как советской пореволюционной модерности с определяющими ее «массовыми движе-

⁴² Левилов М. Организованное упрощение культуры // Красная новь. 1923. № 1. С. 306—316.

⁴³ Левилов М. Самоубийство литературы? // Пролетариат и литература. Л., 1925. С. 169.

⁴⁴ Левилов М. Простые истины: О писателе, о читателе. М.; Л., 1927. С. 65. Из принципиальной полемики Левилова с Вяч. Полонским в «Красной нови», на страницах которой идеологически левая статья Левилова была помещена «в дискуссионном порядке», ясно видно, что позиция Левилова не имеет ничего общего с пролеткультовским нигилизмом (относительно которого Левилов иронически заметил, что на идеи Пролеткульта в области культуры «подлинные и призванные постановщики проблем смотрели снисходительно-досадливо» (Левилов М. Организованное упрощение культуры. С. 149)). В отличие от позиции оппонента, характерным образом соединяющей левые политические взгляды с правыми эстетическими, точка зрения Левилова базируется на интеллектуально честном усилении обдумать радикальные последствия революции для культуры, а не только восхититься ее «охранительной» заботой о музеях и библиотеках и популяризации среди новой массовой публики старых культурных ценностей. Идею ключевой политической важности развлечения для культуры переходного исторического периода критик развил применительно не только к литературе, но и к газете, опираясь на свой опыт знакомства с современной английской прессой и защищая в газете, наряду с «информацией», необходимый элемент «бульварности», который придает «фактам» живой и способный быть агитационным характер (см. его статья: Журналист. 1923. № 3, 4; брошюру «Информация в советской прессе (К постановке проблемы)». М., 1925. С. 31—32).

⁴⁵ Левилов М. Организованное упрощение культуры. С. 315—316.

⁴⁶ Там же. С. 306.

⁴⁷ Левилов М. Самоубийство литературы? С. 169.

ниями» и понижением акций личности, причем эти общеевропейские послевоенные тенденции были в России многократно усилены. Тогда как Бухарин и пытавшиеся создать литературную экспликацию его идеи критики и писатели сняли актуальную остроту соединения низкого «развлечения» и революционного воздействия (в советской культуре начала 1920-х синтез «бульвара» и «революции» в какой-то мере удался, пожалуй, только ранним фэксам⁴⁸), испугавшись так резко понизить культурные акции литературы для «коммунистического молодняка» и свою собственную писательскую роль. В результате, «красный пинкертон» поместился во все более расширявшуюся в советское время компромиссную — «буржуазную», как сказали бы Беньямин и Трoцкий — беллетристическую нишу «middlebrow literature».

Политический по преимуществу характер «красного пинкертона» можно увидеть, проанализировав ключевое для него как явления массовой литературы понятие «успеха». Стало общим местом, что роман «Месс-Менд, или Янки в Петрограде» (1924) Джима Доллара/Шагинян — это единственный общепризнанный образец «красного пинкертона», который «имел огромный успех». Естественно предположить, что первое обстоятельство, его литературная репутация, есть следствие второго, успеха. Однако о каком именно успехе идет речь? Первая книга «Месс-Менд», «Янки в Петрограде» (1924), сразу была выпущена Государственным издательством с установкой на значительный читательский спрос: судя по указаниям на обложке, после первых 25 000 экземпляров тираж в том же году был удвоен (впрочем, возможно, это сообщение было рекламным ходом). Но уже вторая книга, «Лори Лэн, металлист» (1925), вышла лишь однажды, тиражом 30 000, причем вместо программного и весомого предисловия главы Госиздата Мещерякова, представлявшего «Янки», она открывалась небрежно, с понижающим расчетом на самое грубое чувство юмора, написанным самой Шагинян вступительным словом вымышленного «преподобного Джонатана Титькинса, известного вегетарианского проповедника из штата Массачусетса». Кроме того, если выпуски «Янки» были оформлены в ярком авангардном стиле Александром Родченко, то «Лори Лэн» имел обложки бледные и одинаковые. Третья же книга «Месс-Менд», «Международный вагон», начатая печататься в ленинградской вечерней «Красной газете» в конце 1925 года, так и не была завершена и в виде отдельного издания не появилась.⁴⁹ Складывается впечатление, что проект «Месс-Менд» терял «успех» вместе с утратой интереса к нему Госиздата (ср. с более естественной логикой успеха в издательской судьбе романа Марка Максима «Шах и мат», упомянутого в энциклопедической статье как дурной пример «красной пинкертоновщины»: частное издательство «О. Д. Д.» из Ростова-на-Дону опубликовало его в 1924 году, в форме «пинкертоновских» выпусков, относительно осторожным, хотя достаточно массовым тиражом в 10 000 экземпляров, а в следующем году переиздало уже в 25 000 экземпляров). При этом нужно иметь в виду, что хотя к 1924—1925 годам Госиздат перешел на хозрасчет и работал в условиях конкуренции с частными и кооперативными издательствами, реально он пользовался исключительными госу-

⁴⁸ См. нашу статью «НЭП, ФЭКС и „Человек, который был Четвергом“» («XX век. Двадцатые годы: Из истории международных связей русской литературы» / Отв. ред. Г. А. Тиме. СПб., 2006. С. 273—298).

⁴⁹ В 1927 году «Янки» и «Лори Лэн» были переизданы (тиражом в 8000 экземпляров) издательством «Прибой», фактически государственным. Следующее издание «Янки» появилось лишь 30 лет спустя, в 1956 году в «Детгизе». Это была радикально переработанная в «роман-сказку» книжка для детей старшего возраста, сокращенная и переписанная Шагинян применительно к совершенно новому политико-литературному контексту, далекому от «красного пинкертона» 1920-х годов. Однако именно по этому позднейшему изданию в абсолютном большинстве случаев цитируют роман исследователи — говоря, в сущности, о совершенно другом произведении, не том, что вышло в 1924 году. Таким образом, даже самый текст романа исследователям представляется нерелевантным.

дарственными предпочтениями в области финансирования, снабжения бумагой, распространения книг и т. д., и мог выпускать, мало соотносясь с экономикой книгоиздания и, в частности, с реальным читательским спросом, тиражные и дешевые книги, если на них был политический заказ (В. Каверин писал Лунцу в декабре 1923 года: «Госиздат заказывает авантюрные романы»⁵⁰).

Таким образом, «успех» «Месс-Менд» представлял собой по преимуществу политическую конструкцию, независимую от реальной читательской судьбы книги (и предшествовавшую ей). Любопытно, однако, явное замешательство самого автора, Шагинян, перед этой прекрасно сработавшей политической организацией успеха, ее настоячивые, но противоречивые попытки выдумать для «Месс-Менд» другую, литературно традиционную историю. Конструируя в 1920—1930-е годы свою новую, советскую писательскую идентичность, Шагинян явно рассчитывала каким-то образом интегрировать в нее свою прежнюю писательскую персону: в вышедших в 1932 году «Дневниках» она представила публике фигуру советского литератора-служащего, который в непрерывном производственном процессе рассуждает о Гете, сочиняет «полезные» очерки о жизни советских республик, «промышленную беллетристику» — истории «Невской нитки» и «Фабрики Торнтон», и способен даже в форме «Месс-Менд», «апеллирующей к галерке, условной, уличной, синтетичной (...)» дать все самые сложные свои рефлексы, лучшие свои мысли.⁵¹ Попытка конструирования этой гротескной писательской фигуры, соединяющей Гете с «Гидроцентральной», определяет паратекстуальные стратегии «Месс-Менд».

С одной стороны, «Янки» выходит с предисловием главы Госиздата Мещерякова, который делает ключевое для «красного пинкертона» утверждение о прежде всего политической легитимности предпринятого в романе «подражания „пинкертоновщине” или, вернее сказать, „рокамболевшине”»: «уже давно т. Бухарин очень метко сказал, что хорошая коммунистическая „пинкертоновщина” крайне полезна для нашего времени»,⁵² и именно на этом основании обещает ему «крупный литературный успех» потому, что в числе «ряда товарищей» роман в рукописи прочел Бухарин «и не мог оторваться от этого чтения».⁵³ Шагинян развивает по-

⁵⁰ «Серапионовы братья» в зеркалах переписки / Сост. Е. Лемминга. М., 2004. С. 224. Косвенным доказательством того, что высокие тиражи и дешевизна книг, которые мог себе позволить Госиздат, не соотносились с просчитанностью и степенью коммерческой организации их успеха, может служить «Иприт» Шкловского и Иванова, выпущенный тем же ГИЗом с прямой ориентацией на роман Джима Доллара/Шагинян (в форме пинкертоновских брошюр и массовым тиражом 30 000 экземпляров). Роман, однако, по сокрушенному признанию Всеволода Иванова, «не пользовался никаким успехом» (это свидетельство из неопубликованной статьи Иванова «О Викторе Шкловском и — попутно — о себе», сохранившейся в личном архиве писателя, цит. по: Черняк М. А. Феномен массовой литературы XX века. С. 115—116). Важной составляющей официально объявленного «успеха» «Месс-Менд» было то, что роман тут же перевели в Германии. Действительно, вместе с предисловием Мещерякова, «Янки» печатался в газете немецкой компартии «Die Rote Fahne» (1 ноября 1924 года, № 146 — 19 февраля 1925 года, № 42) и в 1925 году вышел отдельной книгой в берлинском издательстве «Neuer Deutscher Buchverlag» (благодарю за сообщение этих сведений М. Ю. Кореневу) — однако здесь также вполне очевидна не литературная, а политическая, по партийной линии, организация успеха. В 1925 году была сфабрикована попытка подтвердить этот «успех»: в популярной серии «Библиотека „Огонек”» был опубликован роман «Месс-Менд — вождь германской Чека», автор которого, Рен Т. Марк, был представлен издательством советскому читателю как немецкий журналист, который заимствовал мотивы романа Шагинян (а именно, фантастический мотив производимых рабочими волшебных бытовых предметов — вещей, которые действуют во вред буржуазии и солидарны с пролетариатом) для сатирического изображения «жестокости и усердия германской полиции, создающей несуществующие заговоры и выдумывающей пинкертоновскую чертовщину для того, чтобы посадить на скамью подсудимых немецких коммунистов». Можно, однако, с большой уверенностью утверждать, что это была мистификация, созданная по заказу издательства отечественным литературным «спецом».

⁵¹ Шагинян М. Дневники 1917—1931. Л., 1932. С. 75.

⁵² Мещеряков Н. Предисловие // Джим Доллар. Месс-Менд, или Янки в Петрограде. М., 1924. Вып. 1. Маска мести. С. 3.

⁵³ Там же.

сыл Мещерякова и в брошюре «Как я писала Месс-Менд» (1926) доводит властную легитимизацию своего произведения до логического предела — выдумывает первую из нескольких «легенд» об успехе романа: будто главный редактор «Известий» Ю. М. Стеклов «после выхода первой книжки Месс-Менда, позвонил по телефону Зав. Госиздатом — Н. Л. Мещерякову и попросил его „от души поздравить Николая Ивановича Бухарина с написанием такой очаровательной и остроумной вещи”»,⁵⁴ — то есть приписывает авторство романа той самой властной фигуре, которая сделала «заказ» на «красного пинкертона», и таким образом замыкает социальную-литературный сюжет «заказа», исключив из него фигуру профессионального писателя, которому отводится лишь роль анонимного (или псевдонимного, псевдо-иностранного) скриптора. Собственно, сообщения о том, что Бухарин легитимировал политическую полезность «коммунистической пинкертоновщины», с увлечением читал «Месс-Менд» и сам вполне мог написать эту «очаровательную и остроумную вещь», совершенно достаточно для обеспечения успеха книги в пореволюционном гетерономном литературном поле, где писатель, как отметил Эйхенбаум, выступает в роли «ремесленника, работающего на заказ»: важно, что книга нравится самому «заказчику» и чуть ли не им же самим написана.⁵⁵

⁵⁴ Шагинян М. Как я писала Месс-Менд. К постановке «Мисс-Менд» «Межрабпом-Русь». М., 1926. С. 5.

⁵⁵ Этот новый способ организации успеха хорошо усвоило выпускавшее «коммунистических пинкертонов» Марка Максима южнорусское издательство «О. Д. Д.», которое вполне цинично подражало предисловиям Мещерякова к «Янки», в частности, начиная и завершая свои предуведомления к этой откровенной бульварщине цитатой из Бухарина: «Нам нужен, так сказать, коммунистический Пинкертон», «с точки зрения идеологической, роман как нельзя более подходит нашей стране и является тем именно, на что, вероятно, рассчитывал т. Бухарин, говоря о „коммунистическом Пинкертоне”» (От издательства // Марк Максим. Шах и мат. [Ростов-на-Дону], [1924]. Вып. 1. С. 3), «в смысле агитационного значения романы Марка Максима (...) являются именно тем, чему т. Бухарин дал удачное название „коммунистического Пинкертона”» (От Издательства // Марк Максим. Чемодан из крокодиловой кожи. Новочеркасск, [1925]. Вып. 1. С. 2). Мещеряков в предисловии программно сформулировал целый ряд черт, отличающих «нашу» пинкертоновщину от буржуазной, которые впоследствии разрабатывались советскими критиками и активно использовались писателями, что дает основание считать «Месс-Менд» не только личным авторским, но и программным издательским проектом. В «красном пинкертоне» борются не личности (сыщик и преступник), а классы («Янки» — картина борьбы фашизма с Советской Россией; последнюю поддерживают американские рабочие. Главный герой романа — это коллектив пролетариата. Все другие герои романа борются не во имя личных желаний и стремлений, а за или против пролетарской революции. Все свои героические поступки они могут совершать только потому, что за ними стоит весь пролетариат» (Мещеряков Н. Предисловие. С. 3)). Революционные приключения имеют фантастический и утопический характер (поскольку современный быт трудно поддается осязчиванию) — «Но разве не фантастична вся наша эпоха? Разве во время революции, а в особенности Великой Мировой Пролетарской Революции, не фантастична вся жизнь? (...) И как роман фантастический, „Янки” вполне отвечает вкусу читателя эпохи революции» (Там же), «Свою» реальность, от которой отечественный читатель устал и требует «чужого и странного», «красный пинкертон» «остраняет». Мотивировкой для этого может служить фигура повествователя и/или автора-иностранца: «Имя Джима Доллара совершенно незнакомо русским читателям. Судя по биографии, он американский рабочий. Он никогда не видал России. Он знает ее только по рассказам, по книгам да по газетам. Естественно, что описания его не соответствуют русской действительности. (...) Сами эти курьезные ошибки — один из элементов романтического налета» (Там же. С. 4). Авторство иностранца и непрофессионального писателя мотивирует также литературный «мозвизм» как черту жанра: «Несмотря на свою умышленно аляповатую форму, доходящую временами до гротеска, „Янки” представляет крупное, оригинальное и глубоко интересное произведение (...) из области революционной романтики» (Там же). Сугубая сюжетность, динамизм романа дают основание причислить его к популярному в 1920-е годы пара-литературному жанру «кино-романа», чему также находится идеологическая легитимация: «действие в нем развивается головокружительным аллюром. В этом отношении „Янки” — роман нашего времени, когда крупнейшие события сменяют друг друга с чисто кинематографической быстротой. Современный роман должен быть насыщен действием, в нем не должно быть длинных, тщательных выписанных описаний природы, нудного психологического копания. Характер героев должен обрисовываться их действиями. И в романе Джима Доллара мы видим только действия» (Там же. С. 3; Шагинян в предвещающем «Янки в Петро-

Этот политический по преимуществу характер организации успеха в советской пореволюционной культуре, для которого сравнительно мало значимо индивидуальное авторство и эстетическое качество вещи, а также частное, равно читательское и критическое, суждение, раскрывает Беньямин в своем анализе театральных постановок, виденных им в Москве зимой 1926—1927 года. Беньямина, как и его проводника по московскому театральному миру режиссера и левого критика Бернгарда Райха, соратника Брехта, в первую очередь интересовал вопрос, «что такое революционное искусство»,⁵⁶ и черты этого искусства оба нашли в двух весьма различных между собой спектаклях — знаменитом мейерхольдовском «Ревизоре» в ТИМе (Театре имени Мейерхольда) и агит-пьесе Билля-Белоцерковского «Шторм», дебюте непрофессионального драматурга на сцене до этого ничем не выделявшегося театра МГСПС в постановке рядового режиссера Е. О. Любимова-Ланского.⁵⁷ Пролетарский характер новой культуры Беньямин находит, в отличие от Райха, не в революционной идеологии авторов, сознательно или стихийно воплощенной в драматургических и режиссерских приемах, а в принципиально новом, политическом способе организации ее функционирования и, прежде всего, успеха — поэтому его заметки о «Ревизоре» и «Шторме» в основном посвящены не самим спектаклям, а их рецепции. Беньямин подробно разбирает механизмы парадоксального провала «Ревизора», бывшего при этом «безусловно великолепным зрелищем»,⁵⁸ и столь же парадоксального триумфа «Шторма», который стал «крупнейшим успехом в истории русского советского театра»,⁵⁹ при этом представляя «лишь информационный интерес хорошей хроники», но не будучи заметным явлением «в драматургическом отношении».⁶⁰

Зрелищный, увлекший Беньямина «Ревизор» «считается» неудачей, этому есть простое идеологическое объяснение (Мейерхольд выбрал для адаптации классической пьесы к революционному театру социологически-аналитическую направленность постановки и официальный приговор назвал ее неудачной), однако Беньямина больше интересует механизм трансляции и массового распространения этой оценки. Аплодисменты после спектакля «были жидкими», что объяснялось «не столько самим зрительским впечатлением, сколько официальным приговором» — «партия (...) высказалась против инсценировки».⁶¹ «Такие вещи, — предполагает философ, — по-видимому связаны с господствующей здесь общей осторожностью при открытом выражении мнения. Если спросить малознамого человека о его впечатлении от какого угодно спектакля или фильма, то в ответ получаешь только: „у нас говорят так-то и так-то” или „большинство высказывается об этом так-то”».⁶² Сталкиваясь раз за разом с этой «осторожностью здесь», Беньямин отмечает, что она не сводится к простому страху и представляет собой «наиболее очевидное проявление насквозь политизированной жизни».⁶³ Работу механизма этой политической по сути организации общего мнения, обеспечивающего провал или

граде» вступительном очерке «Джим Доллар, его жизнь и творчество» также утверждала, что традиции Доллара как романиста «восходят к кинематографу, а не к литературе»).

⁵⁶ Райх Б. Вена — Берлин — Москва — Берлин. М., 1972. С. 206. Подробнее о театральных впечатлениях Беньямина в Москве см. в нашей статье «К описанию позиции Вальтера Беньямина в Москве: Театр и кино» (К истории идей на Западе: «Русская идея» / Под ред. В. Е. Багно и М. Э. Маликовой. СПб., 2010. С. 421—443).

⁵⁷ См.: Райх Б. Вена — Берлин — Москва — Берлин. С. 192—194, 198—200; статьи Беньямина «Режиссер Мейерхольд в Москве ликвидирован? Литературный суд над инсценировкой „Ревизора”» (1927; русский перевод см. в приложении к нашей статье «К описанию позиции Вальтера Беньямина», с. 454—456) и «Как выглядит театральный успех в России» (1930; русский перевод: Беньямин В. Московский дневник. С. 194—196).

⁵⁸ Беньямин В. Московский дневник. С. 48.

⁵⁹ Беньямин В. Как выглядит театральный успех в России. С. 194.

⁶⁰ Беньямин В. Московский дневник. С. 106.

⁶¹ Там же. С. 48.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С. 106.

успех, он наблюдает на диспуте о «Ревизоре», устроенном Мейерхольдом специально для того, «чтобы легитимировать постановку». ⁶⁴ Несмотря на то что «против „Ревизора” высказались немногие, и ни один из них не произнес зажигательной речи», «по всей линии победили его противники», ⁶⁵ причину чего Беньямин видит не в содержании выступлений, более или менее удачном, а в почти бессловесной, стихийной массовой реакции. Мейерхольд мгновенно «утратил всякий контакт с массой. (...) С яруса, где сидела молодежь, комсомольцы, донесся первый шик: „Довольно!», творец Театрального Октября «тонул во вздымающихся волнах народного настроения». ⁶⁶ И так, «официальный приговор» партии оказывается каким-то образом транслирован в «народное настроение».

В статье о «Шторме» Беньямин разбирает политический механизм этой трансляции: примитивный в драматургическом отношении «Шторм» имел необычайный успех, как следует из самой структуры заметки немецкого философа, не столько из-за того, что это была идеологически «правильная» пьеса о революции, сколько в результате сложной механики организации театрального успеха в советской России. В нем ничтожно участие не только отдельного зрителя, который поэтому «осторожен» в высказывании личного мнения, но и профессионального критика: «в России нет авторитетных критиков, по крайней мере театральных», поскольку театр весь захвачен «политическим накалом», выразителем которого является не критик и не отдельный зритель, а партия и «публика» (в литературе — «массовый читатель»). «В такой политизированной стране, как Россия, единичному человеку нечего и пытаться управлять этой энергией только потому, что он рецензент». ⁶⁷ В созданном «политическим накалом» силовом поле связь приговора партии и восприятия массового зрителя осуществляется в новых для истории театра формах: после важнейших постановок театр остается открытым для публичных дебатов, проводятся опросы зрителей, причем в анкетах необходимо указывать классовое происхождение (Беньямин также фиксирует явные различия в классовом составе зрителей на спектаклях Мейерхольда — и на «Белой гвардии» или «Орестее», объединенных для него понятием «контрреволюции на сцене»), театры сами публикуют выдержки из анкет. Наконец, финальное отражение эта в своей сути политическая, классовая оценка находит в выступлениях рабкоров, деятельность которых Беньямин в позднейшем эссе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» называет важным явлением новой культуры, определяемой «массовыми движениями наших дней», свидетельством изменения самого характера искусства, его авторства — и его успеха. «Их (рабкоров. — М. М.) позиция может оказаться решающей, но (...) только потому, что они доступны общественному контролю. (...) Влияние рабкоров, их агитация за или против пьесы стали в конце концов так значимы, что некоторые театры уже предпочли сначала удостовериться в их поддержке, прежде чем приступить к репетициям». ⁶⁸

Беньямин оказывается гораздо ближе, чем Райх, к представлениям Брехта о новом театре как изменении его функционирования (*Umfunktionierung*) в смысле структурной реорганизации отношений между сценой, автором и зрителем, сформулированным драматургом-теоретиком именно в эти годы: ⁶⁹ в противоположность «органической» буржуазной славе в революционном искусстве слава должна быть «организована». Она, как и новый театр, имеет политическую цель — «преоб-

⁶⁴ Беньямин В. Режиссер Мейерхольд в Москве ликвидирован? С. 455.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 456.

⁶⁷ Беньямин В. Как выглядит театральный успех в России. С. 195.

⁶⁸ Там же. С. 195—196.

⁶⁹ Брехт Б. Против «органической» славы, за ее организацию // Брехт Б. Театр: Пьесы, статьи, высказывания: В 5 т. / Общая ред. С. Апта, Е. Суркова, И. Фрадкина. Сост. И. Фрадкина. Комм. Е. Эткинда. М., 1965. Т. 5/2. С. 29—32.

разовать общество, преобразовать государство, контролировать идеологию». ⁷⁰ «Отныне вкус критика не играет роли, поскольку нельзя принимать во внимание и вкус зрителя. Ибо зрителя нужно научить, то есть изменить», задача в том, чтобы зритель «совершенно преобразился, познал себя, перемонтировал себя, а это не вопрос вкуса». Соответственно, и задача критика — не вкусовое «кулинарное» суждение, а прежде всего политическое осознание «собственной деятельности и ее следствий». ⁷¹

«Успех» первой части «Месс-Менд», «Янки в Петрограде» (об успехе остальных частей книги говорить не приходится), представлял собой попытку приблизительно такой же политической организации массового успеха в редуцированном виде, ключевыми составляющими которого были мнение партии, выраженное в заказе Бухарина и в его, объявленном во вступительном слове Мещерякова, одобрении романа (а также позиция представлявшего власть государственного издательства, снабдившего роман программным предисловием и выпустившего его сразу же огромным тиражом). Это был «мандат», выданный властью на то, чтобы книга получила статус «успешной» у массового читателя и у критики. Естественно, при этом падают акции не только отдельного зрителя/читателя/критика, но и самого писателя: Госиздат дает «мандат» не «попутчице» Шагинян, а лишенному авторской индивидуальности условному вымышленному «американскому рабочему» Джиму Доллару (в ситуации, когда подлинное имя автора почти с самого начала хорошо известно, псевдоним представляет собой социальный жест отказа от авторства). Автор выступает как скриптор, отрекшийся от своего имени и писательского облика, профессионально воплощающий заказ партии и государственного издательства.

Таким образом, «успех» «Янки» представляет собой совместный проект писателя, занявшего позицию профессионального и анонимного ремесленника, с властью и государственным издательством. Вне этой политической конструкции нет оснований говорить об успехе «Месс-Менд» (соответственно, как только конструкция, в следующих частях романа, казалось бы во всем продолжавших первую, распалась, от успеха не осталось и следа).

При этом сама Шагинян — которая, вероятно, сознательно вступила в такие отношения писателя с властью — пыталась найти для себя в этой новой диспозиции символические ресурсы для успеха в старом, традиционном его понимании. С одной стороны, как уже говорилось, она явно подхватывает сказанное Мещеряковым, который авторитетно обещал роману успех потому, что Бухарин прочел и одобрил написанное в ответ на его же заказ произведение, придумывает легенду, будто роман был принят за произведение самого Бухарина, и объявляет своей писательской задачей дать ответ на «заманчивый фельетон Бухарина о том, что „недурно бы нам создать своего красного пинкертона!“...» ⁷² Иными словами, Шагинян в полной мере использует механизм «социального заказа» для конструирования для себя новой, успешной писательской идентичности, свободной от обременений ее модернистского литературного прошлого. Однако тут же она утверждает, что книга написана именно не «на заказ» («Писать на заказ все равно, что кормить грудью чужого ребенка: отдаешь себя, но не *передаешь* себя»), а «для собственного удовольствия, без всякой мысли, что она будет когда-нибудь напечатана». ⁷³ Годы спустя Шагинян вновь возвращается к этой, вероятно, успокоившей ее мысли и, вопреки очевидности, настаивает, что роман — «не халтура. От первой до последней страницы „Месс-Менд“ создан тем лихорадочным подъемом, который называется „горением фосфора“, иначе сказать — творчеством». ⁷⁴ И, вновь противореча

⁷⁰ Там же. С. 32.

⁷¹ Там же.

⁷² Шагинян М. Как я писала Месс-Менд. С. 5.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Шагинян М. Месс-Менд, или Янки в Петрограде. Роман-сказка. М., 1957. С. 345.

себе, в дневнике 1924 года признается, что писала вторую часть «Месс-Менд», «Лори Лэн, металлист», без «аккомодации на творчество»: «...раньше я, прежде чем сесть за писанье и вообще начать работать, неизменно прочитывала страницы две из Гете, приводя этим в порядок свои мозги. Было это для меня так же необходимо, как мытье. А „Лори“ я пишу прямо с неумытыми мозгами, без всякой предварительной аккомодации на творчество».⁷⁵ Писательница никак не разрешает это противоречие между «халтурой» и «творчеством», пытается вписать обе версии производства и успеха романа в сочиняемую ею легенду.

Представляя роман как продукт «творчества», Шагинян прибегает к традиционным литературным стратегиям создания его успеха: объявляя в «Красной газете» (1925, 25 сентября) о скором выходе романа Джима Доллара «Международный вагон», помещает портрет вымышленного американского рабочего, сделанный по фотографии самой писательницы. Сходство подчеркивалось неожиданной восточной феской «американского рабочего», намекавшей на армянское происхождение Шагинян, однако могло быть опознано отнюдь не «галеркой», а только близким Шагинян в основном писательском кругом. Кроме того, как отметил Н. А. Богомолов, Шагинян парадоксальным образом использует в «Янки», этом эталоне «красного пинкертона», приемы символистского «романа с ключом»,⁷⁶ что противоречит ее же цели конструирования новой писательской идентичности и производства политически легитимированного, имеющего массовый успех текста — или, во всяком случае, является для этой прагматики избыточным.

Эта же не разрешаемая писательницей невязка в различных версиях создания романа и объяснения его успеха видна в столкновении первой «легенды», приписывающей авторство Бухарину, и непосредственно за ней следующей второй: «за профессорским чайным столом в Москве решили, что Джим Доллар написан Алексеем Толстым, Ильей Эренбургом и Бэконом Веруламским».⁷⁷ Эта «легенда», конечно, представляет собой отнюдь не описание реальной рецепции романа (собственно, Шагинян этого и не скрывает, иронически вводя в ряд якобы названных «профессорами» возможных авторов «Месс-Менд» английского философа Фрэнсиса Бэкона Веруламского (1562—1626)⁷⁸), а попытку создания ее симулякра, ориентированного на то, чтобы получить от «Месс-Менд» тот символистский литературный капитал, которого он сам по себе не мог дать как написанная на заказ власти попутническая «халтура» под именем Джима Доллара. Впрочем, маловероятно, чтобы эта «легенда» имела искомый эффект — в частности, из-за внутренней противоречивости своей прагматики. Наиболее явным образом она направлена на то, чтобы включить роман в разряд литературно приличной и при этом одобренной властью беллетристики, производившейся в 1920-е годы определенного разряда попутчиками, как Толстой и Эренбург. Они создали литературно сублимированные варианты советского приключенческого романа (в 1956 году, переиздавая «Как я писала Месс-Менд», Шагинян несколько модифицирует эту вымышленную литературную генеалогию своего произведения, добавляя к списку «серапионов» — «тогдашних молодых ленинградцев Слонимского, Никитина»⁷⁹) — «Аэлилу»

⁷⁵ Шагинян М. Дневники 1917—1931. С. 96.

⁷⁶ Богомолов Н. А. Авантюрный роман как зеркало русского символизма // Вопросы литературы. 2002. № 6. С. 43—56. Богомолов отмечает прототипические отсылки в «Месс-Менд» к «Мелкому бесу», истории Черубины де Габриак/Е. И. Дмитриевой, «Серебряному голубю» Андрея Белого. Действительно, изображенный в романе Шагинян товарищ Энно — «белокурый, почти белый человек» с «сияющими голубыми глазами», похожий одновременно «и на старца, и на младенца», который описывает производство будущего как «симфонию» — легко узнаваем, однако опять же не «галеркой».

⁷⁷ Шагинян М. Как я писала Месс-Менд. С. 4.

⁷⁸ Иронически неуместное упоминание Бэкона, возможно, отсылает к литературному феномену поддельного авторства, безразличному для «Месс-Менд», в связи с известной теорией, будто произведения Шекспира были написаны Бэконом.

⁷⁹ Шагинян М. Месс-Менд, или Янки в Петрограде. Роман-сказка. С. 338.

(1922—1923; экранизирована Я. Протазановым в 1924 году) и «Гиперболоид инженера Гарина» (1925—1927), программно опубликованные в культурно традиционалистской «Красной нови», главный редактор которой Воронский сурово критиковал шаблонную «коммунистическую пинкертоновщину»;⁸⁰ и «Хулио Хуренито» (1922) и «Трест Д. Е.» (1923).⁸¹ Однако эта попытка подверстать свой проект к литературному успеху и статусу Толстого и Эренбурга тут же дезавуируется Шагинян лукавым упоминанием мнения неких «осторожных» людей, которые критиковали ее замысел писать приключенческий роман: «Это наивно, — писать в „оригинале” и надеяться, что к тебе отнесутся, как к переводу. Какие у вас шансы? Вы даже не раскаявшийся белогвардеец».⁸² Толстой и Эренбург, конечно, не «белогвардейцы» (хотя это определение могло быть применено к другому автору советских приключенческих повестей, Ауслендеру), но почти то же самое — «раскаившиеся» эмигранты. Эти двусмысленные слова Шагинян, вероятно, адресованы уже не только писательскому сообществу, а власти, которую писательница уверяет в том, что для создания приключенческого романа «попутчик» (она) лучше «раскаившихся белогвардейцев» (Толстого и Эренбурга).⁸³

Третья «легенда»: якобы завидовавшие популярности «Месс-Менд» конкурирующие издатели «заподозрили в авторстве „коллектив молодняка”»,⁸⁴ — также имеет двойственную прагматику. Она как будто указывает на коммерческий успех романа (раз ему завидовали издатели) и одновременно отсылает к жанру коллективного романа, который вне рамок советской литературы действительно имел статус коммерческого издательского проекта и литературной игры-буриме,⁸⁵ однако в

⁸⁰ «...уже теперь наши современные приключенческие произведения начинают изготавливаться по трафарету. Старые сыщики перелицовываются в агентов ГПУ, трагические злодеи — в империалистов (...) добродетельные, благородные герои, конечно, в большевиков. (...) Вместо живых людей — манекены (...). Халтура вместо литературы. Теперь нам грозит настоящая сюжетомания с авантюрной пинкертоновщиной» (*Воронский А.* Литературные заметки. С. 53—55).

⁸¹ Упоминание Эренбурга, в соотнесении с опубликованным под американским псевдонимом романом Шагинян, вероятно, значимо еще и тем, что Эренбург в советской литературе двадцатых годов имел своеобразный статус якобы иностранного автора — он «долго и настойчиво выдавал себя за иностранца» (*Левидов М.* Простые истины. С. 70), занимаясь «массовым производством западных романов», в которых «прихватил Уэллса и вспомнил кой в чем Тарзана, — чтобы погубить Европу» (*Тынянов Ю.* Литературное сегодня // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 153—154; см. также: *Ю. Ван-Везен* [Ю. Тынянов]. 200 000 метров Ильи Эренбурга // Жизнь искусства. 1924. № 4. С. 13).

⁸² *Шагинян М.* Как я писала Месс-Менд. С. 17.

⁸³ Лидия Гинзбург, отзываясь в частных записях на публикацию «Дневников» (1932) Шагинян, отметила в них аналогичное сочетание символистских литературно-бытовых отсылок с почти прямым доносительством (Гинзбург считает эту связь органической): «Анна Андреевна говорит, что Мар. Шагинян имела обыкновение при встречах целовать ей руку. (...) Ах, ах, это все девяностые годы: душа. Сегодня она целует публично женщину руку; завтра она в Дневнике обзывает человека мистиком, при сем прилагая адрес. (...) В русском символизме, даже высокой поры, было много отвратительного. Но послереволюционные символистские традиции — похабы. Это традиции словесного бесстыдства, идеологического блуда, бесплодия, подлого самоуничтожения. (...) Людям символистической культуры свойственно глубокое непонимание революции, действительности эпохи. Одни из них конфузятся и не знают, куда девать руки. Другие рвут зубами своих богов и своих знакомых» (*Гинзбург Л.* Записные книжки. С. 417—418; запись 1933 года). Лелевич критиковал «Месс-Менд» как раз прежде всего за то, что он написан автором-попутчиком, который по самой своей классовой природе неизбежно «искажает смысл и тенденцию развертывания современной классовой борьбы», что лишает роман социального значения «как орудия революционной романтики». Лелевич призывал пролетарскую литературу «дать удачные произведения революционной романтики. Кроме нее, это некому сделать» (*Г. Л.* [Лелевич Г.]. [Рец. на «Месс-Менд, или Янки в Петрограде»] // Октябрь. 1924. № 2. С. 205).

⁸⁴ *Шагинян М.* Как я писала Месс-Менд. С. 4.

⁸⁵ Ср., например, «Роман четырех», (1923) П. Бурже, Ж. Увилля и П. Бенуа и его продолжение, «Любовь Мишелины» («*Micheline et l'amour*»), переведенные на русский язык, соответственно, в 1924 (издательство «Пучина») и 1927 годах (издательство «Время»); или проект дореволюционного «Синего журнала» — «сенсационный» роман «Три

советских условиях был одобрен как «артельная» работа в литературе, в которую Шагинян скоро и включилась, участвуя в истории фабрик и лениниане.

Внутренне противоречивая и не имевшая резонанса в литературном поле работа Шагинян по созданию символического литературного «капитала» и «успеха» «Месс-Менд» свидетельствует, вероятно, о замешательстве писательницы перед сугубо политической природой успеха «Янки», в котором ее личная роль оказалась лишенной традиционных черт индивидуального авторства. Писатели, создававшие своих «красных пинкертонов» по следам официально объявленного успеха «Янки», также пытались достичь компромиссного соединения своего литературного вкуса и профессиональных навыков с новыми требованиями «заказа» и «халтуры», однако заведомо не могли сделать ничего столь же «успешного». С одной стороны, потому, что власть не давала им «мандата» на «успех», с другой, потому, что большинство из них, прежде всего те, кто, как и Шагинян, имел дореволюционный литературный опыт, испытывали замешательство перед предлагавшейся им диспозицией «халтуры» и связанным с ней отказом от традиционной роли автора (маска «Джима Доллара») и, пытаясь интериоризировать «заказ», признавать благотворным «давление», «отсидеться на мастерстве», прибегали к компромиссной мотивировке своих «красных пинкертонов» иронией и металитературной пародией. Так «маргариновая» советская «пинкертоновщина», имевшая потенциал стать новой массовой литературой, едва успев начаться, превратилась в беллетристическую «халтуру».⁸⁶

ключа», в котором, как обещала редакция, «испытанные беллетристы» развлекают публику и «может быть, сорвут венец с головы автора „Рокамболя“...» (Синий журнал. 1911. 12 фев.). В создании романа, который предполагалось сериально публиковать в журнале, должны были участвовать популярнейшие русские беллетристы А. И. Куприн, О. Дымов, А. Аверченко, Тэффи, В. Немирович-Данченко, А. Измайлов, И. Потапенко и др.

⁸⁶ Важной для понимания историко-литературной роли «красного пинкертона» не как окказионального и краткого раннего явления советской массовой литературы, а как этапа на пути к социалистическому реализму представляется интерпретация Еленой Петровской социалистического реализма как в ключевых своих чертах именно массовой культуры, точнее, «варианта массовой культуры в условиях репрессивного социализма» (*Петровская Е.* Соцреализм: высокое низкое искусство // Петровская Е. Безымянные сообщества. С. 303), с определяющими ее чертами (которые мы обнаружили, по крайней мере в потенции, в «красном пинкертоне»): «анонимность», «стертость» формы и авторства; установкой на «снижение», «опустошение» содержания и «забвения» той «высокой» культурной традиции, внешними формами и приемами которой пользуется новое массовое искусство; заложенной в произведении ориентацией на репродуцируемость, «многотиражность», легкодоступность; принципиальной невозможностью оценивать его в эстетических категориях «высокого» и «низкого» и проч. (Там же. С. 302—320).

© *Екатерина Карелина (Эстония)*

К ПРОБЛЕМЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В. НАБОКОВА И Г. ГАЗДАНОВА («КАМЕРА ОБСКУРА» И «СЧАСТЬЕ»)*

Сопоставление творчества В. В. Набокова-Сириня и Г. И. Газданова приобрело особенную актуальность в последнее десятилетие XX века, на которое приходится «открытие» для широкой аудитории Газданова-писателя и, как следствие, проявившийся к нему интерес — заметный, хотя и не сравнимый с не теряющим попу-

* Выражаю свою глубочайшую благодарность и признательность М. В. Трунину и И. А. Пильщикову за поддержку, советы и помощь на всех этапах работы.

лярность набоковедением. Соотношение художественных миров Набокова и Газданова вызывает разнообразные мнения, однако сочетание «Набоков и Газданов» сейчас все чаще звучит как своего рода филологический трюизм.

Первым из современных исследователей творчество Набокова и Газданова сравнил между собой Л. Диенеш, в монографии которого кратко обозначен целый ряд перекрестных тем и общих мотивов, отвечающих поэтике экзистенциализма (на их наличие в свое время справедливо указывали критики-эмигранты). Так, были выделены общие для писателей «темы памяти, насильственной смерти и убийства, раздвоения личности, отношений между искусством и действительностью, художественного творчества», указано на сходство «в выборе места действия и героев, среди которых немало иностранцев». По мнению Диенеша, «оба романиста — агностики и антинационалисты; тексты обоих усеяны размышлениями об искусстве и литературе вообще и собственном стиле в частности, сопровождаемыми более или менее скрытыми „внутренними ссылками“». (...) Важность выверенной существенной детали и чувственной оболочки или ткани (запахи, прикосновение, музыка, жест, интонация) составляет еще одно основание для сравнения обоих авторов».¹ Тем не менее большинство работ, посвященных Набокову и Газданову, ограничивается провозглашением общего тематического сходства писателей как авторов-модернистов и перечислением различий, в то время как крайне мало внимания уделяется вещи, кажущейся самоочевидной, — сопоставлению конкретных текстов двух авторов. Так, например, М. Ю. Шульман обращает внимание на общее тематическое сходство и близость композиционно-сюжетного характера произведений, оперируя лишь некоторыми разрозненными наблюдениями над текстуальным сходством произведений Набокова и Газданова, но дальше этого не идет.² С. А. Кибальник активно развивает тему многолетней «интертекстуальной кровавой дуэли» между писателями. По мнению исследователя, в персонаже романа «Лолита» шофере Максимовиче явно просматривается криптопародия на Газданова, хотя указанный герой Набокова, скорее, близок обобщенному образу шофера-эмигранта, чем конкретному лицу. Помимо замечаний о том, что Максимовича и Газданова роднят такие общие характеристики как, например, невысокий рост или хорошее знание литературы, во французском слове *le greдин* («мерзавец»), которым называет Максимовича Гумберт Гумберт, автор с уверенностью видит «неполную консонантную анаграмму фамилии Газданова», апеллируя к «органичным для Набокова криптопародийным эскападам с анаграмматическим ключом».³ Однако если исходить из того, что «сама по себе анаграмма у Набокова — это редко встречающийся, чрезвычайно эффективный, всегда мотивированный функционально прием, который тщательно готовится, который обладает некоторой маркировкой и который выполняет четкую функцию»,⁴ то обозначенные анаграмматические интерпретации представляются достаточно произвольными. Кибальник трактует подобные «криптопародии» как набоковскую «жестокую месть» за изображение себя Газдановым в романе «Призрак Александра Вольфа» (1947),⁵ но в то же время утверждает, что «почувствовав крайнюю резкость своей криптопародии на Газданова в „Лолите“, Набоков в 1956 году наконец перепечатал свой рассказ „Тяжелый дым“ в составе сборника рассказов „Весна в Фиальте“,

¹ Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество / Пер. с англ. Т. Салбиев. Владикавказ, 1995. С. 275—276.

² Шульман М. Ю. Газданов и Набоков // Возвращение Гайто Газданова: Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения / Сост. М. А. Васильева. М., 2000. С. 15—24.

³ Кибальник С. Псевдоединство младоэмигрантов: Гайто Газданов и Владимир Набоков // Вопросы литературы. 2012. № 1. С. 285.

⁴ Долинин А. О некоторых анаграммах в творчестве Владимира Набокова // Культура русской диаспоры: Владимир Набоков — 100. Материалы научной конференции (Таллин — Тарту, 14—17 января 1999). Таллин, 2000. С. 99.

⁵ Кибальник С. Газданов и Набоков // Русская литература. 2003. № 3. С. 44—65.

не внеся в его текст никаких изменений и сохранив, таким образом, „Вечер у Клэр” на книжной полке своего героя». ⁶ Трудно представить, что Набокова, умевшего, как никто, метко и категорично расправляться с противниками, без видимых на то причин одолело чувство раскаяния за никем не замеченную пародию на Газданова.

Сопоставление конкретных текстов, а не только общих черт поэтики, было пунктирно намечено в статье Ю. Левинга. Автор, сравнивая роман Набокова «Камера обскура» и рассказ Газданова «Счастье», выдвигает гипотезу «о взаимном процессе скрытого цитирования». ⁷ Действительно, при подробном сравнительном рассмотрении указанных произведений можно выделить сюжетные параллели и текстуальные переклички, а также общий круг мотивов, что подтверждает предположение исследователя о взаимосвязанности двух текстов. Настоящая работа посвящена их более подробному сопоставительному анализу, который позволит выявить не только черты типологического сходства, но и элементы возможного влияния авторов друг на друга.

В январе 1931 года Набоков начал работу над очередным романом под названием «Райская птица», который завершил в феврале того же года. Однако из печати «Райская птица» так и не вышла, поскольку Набоков сразу же после ее завершения принял за кардинальную переработку первоначального текста. Результатом этой переработки стал роман «Камера обскура», законченный в мае 1931 года и опубликованный в 1932—1933 годах. ⁸ Необходимо отметить, что и «Камера обскура» Набокова, и «Счастье» Газданова увидели свет в авторитетнейшем парижском журнале «Современные записки» в 1932 году. Более того, рассказ Газданова и первая часть романа Сирина были опубликованы в одной, 49-й, книжке журнала, вышедшей из печати 12 мая. Как отмечает Левинг, «показательно, что, повинаясь некоей внутренней логике, редакторы помещают Набокова и Газданова почти рядом: отрывок из романа Сирина следует вторым от начала, рассказ Газданова — пятым (всего в этом номере была 21 публикация)». ⁹ Последующие выпуски «Камеры обскуры» печатались в книгах 50-й (главы VIII—XVII), 51-й (главы XVII—XXVI) и 52-й (главы XXVII—XXXVI). ¹⁰ Помимо этого, установлено, что в журнальном варианте отсутствуют две главы (XX и XXXIII), представленные в книжном издании 1933 г., и две главы сокращены (XXIII и XXV). Кроме того, отдельные эпизоды журнального варианта изменены или опущены в книжном издании. ¹¹

Уже при первом знакомстве с двумя произведениями — Набокова и Газданова — внимание читателя не может не привлечь сюжетное, композиционное и даже текстуальное сходство. Фабульная схема обоих текстов до определенного момента соположима: герой теряет зрение, привычный жизненный уклад и дальнейшие планы разрушены, молодая жена (у Газданова) или любовница (у Набокова) изменяет, оставаясь при слепце, который, тем не менее, узнает об измене. И Набоков, и Газданов пишут об иностранцах: герои «Камеры обскуры» — немцы, «Счастья» — французы. У героя «Камеры обскуры» в результате болезни умирает маленькая дочь, у героя «Счастья» — жена. Совпадают и имена главных героинь: в романе Набокова действует *Магда* (полное имя — *Магдалина*), в рассказе Газданова —

⁶ Кибальник С. Псевдоединство младоэмигрантов: Гайто Газданов и Владимир Набоков. С. 285.

⁷ Левинг Ю. Тайны литературных адресатов В. В. Набокова: Гайто Газданов // Набоковский вестник. СПб., 1999. [Вып. 4]. С. 86.

⁸ См.: Бойд Б. Владимир Набоков: Русские годы: Биография. М.; СПб., 2001. С. 423—425.

⁹ Левинг Ю. Тайны литературных адресатов В. В. Набокова: Гайто Газданов. С. 86.

¹⁰ См.: Яновский А. Примечания [к роману «Камера обскура»] // Набоков В. Русский период. Собр. соч.: В 5 т. СПб., 2000. Т. 3. С. 742—743; Juliar M. Vladimir Nabokov: A Descriptive Bibliography. New York; London, 1986. P. 106.

¹¹ Яновский А. Примечания [к роману «Камера обскура»]. С. 743.

Мадлен (имя *Madeleine* этимологически тождественно имени *Магдалина*). Более того, сходство проводимо не только на уровне центральных персонажей. Набоков описывает супругу Кречмара Аннелизу следующим образом: «...миловидная, бледноволосая барышня, с бесцветными глазами (...), — кожа у нее была так нежна, что от малейшего прикосновения оставались на ней розовые отпечатки. (...) Что-то такое милое, легкое было в Аннелизе, так она хорошо смеялась, словно тихо переливалась через край. (...) Она была ласкова, послушна, тиха» (Набоков, 257).¹² Сравним описание первой супруги героя Газданова: «Когда Дорэн познакомился с ней, ей было девятнадцать лет, хотя на вид ей можно было дать пятнадцать. Она всегда носила белые платья, ходила легко и бесшумно, и Дорэн говорил ей, что она похожа на один из тех дневных призраков, которые так же редки в мире, как белые дрозды. Она была очень болезненна; (...) хотя не жаловалась ни на что, кроме несколько повышенной чувствительности» (Газданов, 285).¹³ В обоих произведениях отмечается, что дети героев — дочь Кречмара и сын Дорэна — обладают удивительным сходством характеров со своими матерями. Кроме того, супруга Дорэна умерла во время родов; Кречмару же, когда родилась его дочь, показалось, что Аннелиза умерла, поскольку «ассистент (...) угрюмо сказал одной из сестер: «Все кончено»» (Набоков, 258).

Встречи главных героев в обоих текстах также описываются подобным образом. В «Камере обскуре» Кречмар замечает пошловатую кокетку Магду в кинотеатре; герой рассказа «Счастье» случайно знакомится с Мадлен, девушкой namного младше себя, в кафе. Более того, Мадлен сообщает о себе, что она оставила родителей и иногда снимается в кинематографе, что соотносится с судьбой Магды и ее честолюбивыми стремлениями снискать славу на киноэкране. И Магда, и Мадлен производят глубокое и схожее впечатление — предчувствие чего-то недоброго и опасного. Вот, например, как переданы чувства Кречмара: «...вдруг почувствовал, что на него надвигается то самое невероятное, сладкое, головокружительное и несколько стыдное, что подстерегало и дразнило его с отроческих лет» (Набоков, 258); «Он двинулся, уходя от нее, как только заметил ее приближение. Сердце у него билось в гортани, не хватало воздуха, пересохли губы. (...) „Началось, — подумал Кречмар, — безумие началось“. (...) Одно мгновение он побоялся, что лопнет сердце, — но вдруг полегчало, он как бы разом привык к воздуху восторга, от которого сперва задыхался» (Набоков, 270—271); «В автомобиле переливались пятнистые потемки, она сидела до одури близко, от нее шло какое-то блаженное, животное тепло, мимо окон пронесился шумный сумрак ночного Тиргартена... „Я умру, если не буду ею обладать, или свихнусь“, — подумал Кречмар» (Набоков, 277). Обратимся теперь к описанию первой встречи героев Газданова: «Как только Дорэн увидел Мадлен, он почувствовал необыкновенное волнение. Он даже не понял, что причиной этого была она; ему вдруг стало казаться, что не то он забыл нечто чрезвычайно важное, не то не сделал чего-то до крайности необходимого, не то в доме случилось несчастье (...) Мадлен сидела на своем месте, (...) взглядывая изредка на Дорэна и все точно не решаясь уйти (...). Они вышли вместе из кафе, Дорэн посадил Мадлен рядом с собой, и — после этого в течение целого вечера и первых часов ночи его желтый „chrysler“ можно было видеть в разных частях города, и в Булонском лесу, и на Версальской дороге (...). Уже садясь рядом с Мадлен в автомобиль, Дорэн бессознательно знал, что так уйти от этой женщины он не может. Мадлен знала это еще раньше него» (Газданов, 287—288).

¹² Набоков В. Камера обскура: Роман // Набоков В. Русский период. Собр. соч. Т. 3. С. 250—393. Здесь и далее все цитаты из текста «Камеры обскуры» приводятся по этому изданию с указанием автора и номера страницы.

¹³ Газданов Г. Счастье // Газданов Г. Собр. соч.: В 3 т. М., 1996. Т. 3: Рассказы. На французской земле. С. 284—315. Здесь и далее все цитаты из текста «Счастья» приводятся по этому изданию с указанием автора и номера страницы.

Здесь необходимо указать на следующее: в 49-м номере «Современных записок», оказавшемся «общим» для романа и рассказа, были напечатаны лишь семь первых небольших глав «Камеры обскуры», тогда как продолжение романа появилось на страницах журнала лишь в октябре 1932 года, в 50-й книжке. Первые семь глав «Камеры обскуры» охватывают описание семьи и жизненного уклада Кречмара, историю жизни Магды и ее взаимоотношений с Горном, знакомство Магды и Кречмара в кинотеатре, а также намечают дальнейшие сюжетные коллизии — повествование завершается эпизодом измены и началом романа Кречмара и Магды. Можно заметить, что в первой части текста «Камеры обскуры», опубликованной в мае 1932 года, сравнительно мало общего с текстом газдановского рассказа. То сходство, которое выявляется при прочтении полного текста «Камеры обскуры» и «Счастья», могло быть обусловлено переработкой Набоковым «Райской птицы» (временной промежуток между выходом из печати первых глав и последующего продолжения романа составлял как минимум четыре месяца). В этой связи обратимся к сравнению полного текста романа и рассказа, сделав оговорку, что далее все анализируемые текстуальные переключки и сюжетные реминисценции обнаруживаются в тех частях текста «Камеры обскуры», которые были опубликованы позднее «Счастья».

И в «Камере обскуре», и в «Счастье» с появлением новой хозяйки жизнь в доме главного героя резко меняется в совершенно непривычную сторону. В «Камере обскуре» этому предшествует разрыв Кречмара с семьей и открытие прошлого Магды; тогда как Дорэн сразу женился на Мадлен, несмотря на то, что сыну Андрэ она была неприятна. Читаем в тексте «Камеры обскуры»: «Он (Кречмар. — *Е. К.*) скоро освоился с присутствием Магды в этих полных воспоминаний комнатах, и это происходило оттого, что стоило ей переменить извечное положение любого незаметнейшего предмета, как данная комната сразу лишалась знакомой души, воспоминание испарялось навсегда. И к зиме прошлое вымерло вовсе в этих двенадцати комнатах, — и квартира была, может быть, очень хороша, но уже ничего общего не имела с той, в которой он жил с Аннелизой» (Набоков, 308). Сравним в тексте «Счастья»: «С того времени, когда Мадлен переступила порог дома Дорэнов, Андрэ почувствовал, что в счастливой и спокойной его атмосфере произошли какие-то изменения. Мадлен внесла с собой нечто новое и резко непохожее на все, что было до сих пор. (...) всюду, где она появлялась, где двигалась ее фигура и раздавался ее низкий голос, — неизменно воцарялся один дух, и все окружающее ее начинало иметь только определенный смысл, в центре которого была она, Мадлен» (Газданов, 289).

Как в рассказе, так и в романе появляется образ героя-писателя. В «Счастье» это Андрэ, сын Дорэна, молодой человек, ведущий достаточно уединенный образ жизни и мечтающий написать книгу о судьбе своего отца. В «Камере обскуре» обман Магды открывает писатель Зегелькранц, читая Кречмару отрывки из набросков к собственному роману. Как сообщает Набоков, Зегелькранц «знавал лично покойного Марселя Пруста, подражал ему и некоторым другим новаторам, так что из-под его пера выходили странные, сложные, тягучие вещи» (Набоков, 350). Здесь следует отметить, что уже после публикации первого романа «Вечер у Клэр» (1929) Газданову как начинающему прозаику приписывали влияние Пруста, именую его литературным последователем французского писателя. Таким образом, карикатуру Сирина на собирательный образ писателя-прустианца с известной долей условности можно рассматривать и как карикатуру на Газданова.¹⁴

¹⁴ Первым возможное влияние Пруста на прозу Газданова заметил М. А. Осоргин в рецензии на роман «Вечер у Клэр», отмечая структурную композицию романа-воспоминания, фрагментарного путешествия во времени. Впоследствии мало кто из критиков отказывал себе в этом наблюдении; вместе с тем известно, что на момент написания первого романа Газданов не был знаком с произведениями Пруста. Вероятнее всего, это мнение утвердилось из-за того, что

В обоих произведениях измена героини случается еще до потери зрения героем. Любовником Мадлен в «Счастье» оказывается один из приглашенных гостей, вхожий в дом Дорэна человек. Похожим образом начинается измена Магды и ее связь с Горном — последний обманом становится другом Кречмара, проводя время в его доме и сопровождая во время путешествия. Вместе с тем в рассказе Газданова не прорисовывается четкая модель любовного треугольника, который у Набокова карикатурно переходит в упрощенный гротескный ménage à trois. Любовник Мадлен (Газданов не дает ему даже имени и не удостаивает характеристикой) присутствует в рассказе, но условно — автор лишь фиксирует сам факт измены жены при живом муже с любовником, живущим в его доме.

И у Набокова, и у Газданова герои узнают об измене возлюбленной перед тем, как ослепнуть, т. е. момент нравственного прозрения предшествует потере физического зрения. Так, догадавшись об отношениях Магды и Горна по прочитанному ему отрывку и не поверив до конца оправданиям любовницы, Кречмар попадает в роковую аварию, не вписавшись в крутой горный поворот. Дорэн, узнав о неверности супруги, теряет зрение дома, пробыв три дня полностью парализованным — ничего не видя, не слыша и не чувствуя. Стоит отметить, что и в этом случае в сюжете присутствует мотив «автомобильного путешествия» — узнав правду о Мадлен, Дорэн едва не попадает в аварию по дороге домой. Автокатастрофа в «Камере обскуре» — кинематографически построенная мизансцена, тем не менее она отчасти карикатурна: возможность, данная Кречмару, «круто втащить жизнь на прежнюю высоту» (Набоков, 334), то есть порвать с Магдой, им отвергнута, и, как следствие, оборачивается обрывом, предвосхищая бесславный финал. В «Счастье» же действие развивается не столь стремительно, а главным героям присуща «человечность», антитезой которой в «Камере обскуре» выступает кинематограф, цинично-механически моделирующий жизнь штампованных персонажей. Кроме этого, в обоих произведениях измена становится известна третьему лицу еще до того, как об этом узнает главный герой — в «Камере обскуре» на это намекает швейцар, недвусмысленно говоря о Магде: «Завела молодца ему в подмогу» (Набоков, 337), а также некий Monsieur Martin, живший с Кречмаром, Магдой и Горном в одной гостинице; в «Счастье» первым об измене Мадлен узнает ее пасынок Андрэ, случайно услышавший разговор мачехи с гостем, и пытается поговорить об этом с отцом, но Дорэн не воспринимает разговор всерьез.

Потеряв зрение, постепенно привыкая к окружающей их постоянной тьме, оба героя обращаются к размышлениям о собственной жизни, перебирая в памяти мельчайшие детали из мысленных картин прошлого. Читаем в «Счастье»: «Оставаясь один, Дорэн начинал вспоминать. Раньше он редко утруждал свою память; того, что происходило с ним, было достаточно, чтобы занять все его внимание. Теперь, не привыкнув еще окончательно жить в темноте, в которой до сих пор многое оставалось для него враждебным и чуждым, он перебирал в своей памяти все свои зрительные впечатления и вспоминал всю свою жизнь» (Газданов, 308) и в «Камере обскуре»: «Плотный бархатный мешок, в котором он теперь существовал, давал некий строгий, даже благородный строй его мыслям и чувствам. Гладким покровом тьмы он был отделен от недавней очаровательной, мучительной, ярко-красочной жизни, превратившейся на головокружительном вираже. Питаясь воспоминаниями о ней, он словно перебирал миниатюры» (Набоков, 375).

темой первого номера журнала «Числа», где был напечатан рассказ Газданова «Водяная тюрма» (1930), стал Пруст (туда была включена даже посвященная ему анкета). Тем не менее, по справедливому замечанию Л. Диенеша, в Газданове «был слишком силен рассказчик, чтобы его проза могла целиком стать поэзией памяти» (Диенеш Л. Гайто Газданов. С. 111). Другим (и более выраженным) русским «прустианцем» эмигрантская критика считала Ю. Фельзена — именно на него, по мнению А. А. Долинина, в большей степени обращена пародия Набокова в «Камере обскуре» (см.: Яновский А. Примечания [к роману «Камера обскура»]. С. 752).

И Кречмар, и Дорэн вспоминают о молодости, о жизни с прежней супругой, о собственных детях, о невнимательности к деталям, о неумении остро видеть, чувствовать и ценить настоящий момент. Вместе с тем, по утверждению Левинга, «то, что у Набокова является законченной драмой, у Газданова на самом деле только ступень к познанию сокровенного смысла бытия, то самое „счастье“. Любовь, по Набокову, слепа; по Газданову, она — толчок к прозрению, к открытию некоего внутреннего глаза». ¹⁵ В «Счастье» герой, будучи ослепшим, узнает об измене Мадлен без посредников (в «Камере обскуре» в этой роли выступает шурин Кречмара Макс, открывший всю жестокость и низость измены), во время приема гостей, к которым Дорэн намеренно не вышел: «Он слышал — окно в столовой было открыто, — как гости упоминали о нем, как спрашивали Мадлен <...> — она отвечала. Вдруг звук ее голоса поразил его; он стал внимательнее прислушиваться. <...> Он ждал, пока она вновь заговорит с этим человеком. <...> Это была опять та же интонация, в которой нельзя было ошибиться. В первую секунду Дорэну показалось, что он задохнется. <...> теперь для него не существовало ничего, кроме ее измененного голоса. Дорэн не мог ошибиться в значении этой перемены. То, что раньше он, может быть, приписал бы своему воображению, было теперь для него так ясно, как если бы он видел все собственными глазами. Таким голосом Мадлен говорила только с ним — и только в минуты физической близости. Как хорошо он знал именно этот голос Мадлен — с внезапной легкой хрипотой и неправильным дыханием! — А я слепой, — подумал Дорэн и бессмысленно все повторял эту фразу» (Газданов, 310—311). Своеобразной репрезентативной параллелью данной сцены в «Камере обскуре» можно считать эпизод, в котором Кречмар чуть не разоблачил Магду, перебравшись ночью к ней в спальню через окно и не найдя ее там; а также тот факт, что Кречмар, живя только слухом, стал постепенно догадываться о присутствии в доме постороннего, хотя Магда уверяла его в обратном: «„Опять галлюцинация“, — тревожно подумал Кречмар и вдруг понял, что именно так его тревожило ночью, — да-да, вот эти странные звуки, которые он иногда слышит, шорох, дыхание, легкие шаги. <...> Но однажды осознанная мысль больше не давала ему покоя» (Набоков, 381—382).

Именно здесь начинается принципиально противоположное развитие идейного замысла двух авторов. Главная общая тема и центральная оппозиция двух произведений: «зрение — слепота» разрабатываются Набоковым и Газдановым совершенно, словно нарочито, по-разному. «Камера обскура» заканчивается гротескно-трагическим фарсом — написанная почти техническими киноремарками, мизансцена убийства Кречмара Магдой выглядит завершением бульварного детектива, со штампами которого Набоков сознательно и иронически работает. В «Счастье», наоборот, отсутствует некий *pointe* развязки — повествование завершается просветлением, естественным примирением и некоторым толстовским смирением главного героя: Газданов вполне серьезно использует подобные сюжетные положения в качестве канвы для психологических коллизий. Если Набоков вершит правосудие над своими «киноперсонажами», руководствуясь принципами суровой справедливости, то Газданов, не осуждая и не наказывая, желает верить в возможность счастья для своего героя (в противоположность мрачному скептицизму Набокова). В метафорическом смысле оба героя на короткий миг прозревают — видения Кречмара перед смертью и сон Дорэна служат тому подтверждением. Однако если в финале «Камеры обскуры» фиксируется открытая дверь, за которой лишь «лестница, уходящая вниз, „в бездну“», ¹⁶ то «Счастье» завершается рассветом: «уже бледнели звезды; и свет, и тьма стояли, не смешиваясь и не исчезая» (Газданов, 315).

¹⁵ Левинг Ю. Тайны литературных адресатов В. В. Набокова: Гайто Газданов. С. 89.

¹⁶ Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: от «Соглядатая» к «Отчаянию» // Набоков В. Русский период. Собр. соч. Т. 3. С. 36.

Как видно, переключек между двумя текстами достаточно много, так же как и общих сюжетно-композиционных деталей, аналогий и мотивов, разрабатываемых в разных направлениях. Но основное, что позволяет говорить о близости двух произведений — это тема ослепления (как нравственного, так и физического) и принятия/непринятия его человеком. В своем исследовании Левинг выдвигает гипотезу о том, что Газданов был частично знаком с «Камерой обскурой» еще до написания «Счастья», апеллируя к тому, что «Набоков уже с осени 1931 г. читал отрывки из нового романа в переполненных русскими эмигрантами аудиториях Европы».¹⁷

Рукопись рассказа Газданова под первоначальным названием «Мечтатели» датирована «7.III.1932. Париж».¹⁸ Установлено, что Набоков читал фрагменты и отдельные главы из «Камеры обскуры» дважды: в середине ноября 1931 года в Берлине в кружке Айхенвальда и 29 февраля 1932 года в Праге на собственном литературном вечере, придуманном и организованном с целью заработка.¹⁹ Принимая во внимание эти факты, вероятность того, что Газданов действительно был среди первых слушателей сирийского романа, становится крайне невелика по ряду причин. Во-первых, Газданов с зимы 1923 года жил в Париже, где работал ночным таксистом и не выезжал за пределы города в течение тринадцати лет, вплоть до августа 1936 года, когда впервые за долгое время отправился на Ривьеру.²⁰ Во-вторых, несмотря на то что Набоков и Газданов были современниками и существовали в одном эмигрантском пространстве, их личное знакомство, судя по всему, так и не состоялось. В биографии Газданова есть сообщение о единственном его пересечении с Набоковым: «В письме к Эндрю Филду, написанном в 1969 году, Газданов следующим образом отвечает на вопрос критика о своем знакомстве с Набоковым: „Как ни странно, я никогда не был с ним лично знаком и единственный раз видел его на литературном вечере в Париже, на котором он выступал вслед за Ходасевичем. Он очень хорошо прочел свой рассказ; в то время он уже был автором своих лучших произведений, таких рассказов как «Пильграм» или «Весна в Фиальте», а также романа «Защита Лужина»».²¹ Известно, что совместный литературный вечер Набокова и Ходасевича состоялся в Париже 7 февраля 1936 года, где Набоков читал рассказы «Красавица», «Terra Incognita» и «Оповещение» после выступления Ходасевича.²² В пользу того, что Газданов слышал Набокова именно на этом вечере, говорит и следующее заявление Бойда: «Вечер прошел с таким успехом, что один критик счел его достаточным основанием, чтобы опровергнуть обвинения эмигрантской литературы в несостоятельности, и назвал Сирия оправданием всей эмиграции».²³ В этом пассаже Бойд подразумевает, вероятно, Ходасевича. Вместе с тем, стоит отметить, что как раз в феврале 1936 года Газданов опубликовал статью «О молодой эмигрантской литературе», в которой предрекал закат всей русской литературы Зарубежья и выражал убеждение в том, что единственным писателем эмиграции, которому не грозит забвение, является Сирия.²⁴ Личные впечатления от посещения вечера Набокова и чтения им своих произведений могли отразиться в оценке Газданова. Добавим, что рассказ «Пильграм» (1930) и роман «Защита Лужина» (1929—1930), указанные в письме к Филду, на момент встречи Набокова и Газданова, действительно были уже признанными вещами. Упоминание же Газдановым «Весны в Фиальте» спустя тридцать три года, вероятнее всего, ошибочно и

¹⁷ Левинг Ю. Тайны литературных адресатов В. В. Набокова: Гайто Газданов. С. 86.

¹⁸ См.: Сыроватко Н., Никоненко Ст., Диенеш Л. Комментарии [к рассказу «Счастье»] // Газданов Г. Собр. соч. Т. 3. С. 811.

¹⁹ См.: Бойд Б. Владимир Набоков: Русские годы. С. 436, 441.

²⁰ См.: Диенеш Л. Гайто Газданов. Жизнь и творчество. С. 58, 75.

²¹ Там же. С. 280.

²² См.: Бойд Б. Владимир Набоков: Русские годы. С. 493—494.

²³ Там же. С. 494.

²⁴ См.: Газданов Г. О молодой эмигрантской литературе // Современные записки. 1936. Кн. LX. С. 407—408.

может объясняться тем, что рассказ был написан и опубликован в июле 1936 года (в 61-м номере «Современных записок»).

Таким образом, можно утверждать, что Газданов едва ли мог слышать отрывки сирийской «Камеры обскуры» до начала собственной работы над «Счастьем». Следовательно, предположение Левинга о том, что именно Газданов мог так или иначе ориентироваться на произведение Набокова, который, в свою очередь, увидел в «Счастьем» полемику с собственным романом, оказывается неправдоподобным. Исказить исследовательскую перспективу в данном случае могла снобистская репутация Набокова, как писателя, демонстративно отказывающегося признавать чье-либо влияние на свое творчество, подчеркивающего собственную литературную самодостаточность и конструирующего личный прижизненный миф. Так, недавно было установлено, что вопреки заверениям самого Набокова и вторящего ему биографа, окончательная переработка «Камеры обскуры» завершилась не в мае 1931 года, а позже — на рубеже 1931—1932 годов,²⁵ из чего следует, что работа над отдельными частями романа могла проводиться уже после ознакомления с рассказом Газданова. Общеизвестно, что прагматика интертекстуальных практик Набокова в значительной степени кроется в сознательной и принципиальной установке на игру с читательским восприятием.²⁶ Следовательно, можно выдвинуть предположение, что именно Набоков, отталкиваясь от прочитанного рассказа Газданова, пригласил последнего к интеллектуальной игре-соперничеству — независимо от специфики отношений между двумя писателями-современниками: «Когда дело касается непосредственно интертекстуальных параллелей, различия отходят на задний план. Самого любимого из модернистов Набоков может зло спародировать или включить заимствованный у него фрагмент в совершенно иной контекст. У самого отвергаемого (...) может позаимствовать нечто, что включается в авторский текст на правах стилистически невыделенного, а тем самым как будто и „своего“ элемента».²⁷ Вместе с тем вопрос о первопричинах предполагаемой набоковской ориентированности на текст Газданова остается открытым. Перспективным, на наш взгляд, представляется поиск возможных общих для Набокова и Газданова источников, из которых оба автора могли почерпнуть столь пересекающиеся сюжеты (в первую очередь, кинематограф 1920—1930-х годов и газетные хроники). Это, в свою очередь, сможет внести коррективы в интерпретацию взаимосвязи между «Камерой обскурой» и «Счастьем» и приблизить нас к ответу на вопрос о прагматике обыгрывания Набоковым газдановского рассказа.

Показательна в данном случае и критическая рецепция обоих произведений, появившихся под одной обложкой «Современных записок»: рассказ Газданова критика немедленно связала с сирийской прозой. В рецензии на 49-й выпуск «Современных записок» Г. В. Адамович высказался следующим образом: «Г. Газданов пишет о французах. Это очень способный беллетрист, по блеску и какой-то постоянной удачливости письма стоящий рядом с Сириным или непосредственно после него. Его рассказ „Счастье“ местами очарователен. Но... налет „эсперантизма“ все-таки чувствуется. Андрэ Дорэн, его отец, Мадлен — все они чуть-чуть тронуты той схематичностью, которую никаким искусством скрыть нельзя. (...) „Стиль —

²⁵ См.: Данилевский А. «Камера обскура»: от замысла к воплощению // Пермьяковский сборник. М., 2010. Ч. 2. С. 510—528.

²⁶ Отметим наиболее яркие работы: Ронен О. Два полюса параномазии // Russian Verse Theory / Ed. by Barry P. Sherr and Dean S. Worth. Columbus, Ohio, 1989. P. 289—291 (UCLA Slavic Studies; vol. 18); Долинин А. А. Плата за проезд (Беглые заметки о генезисе некоторых литературных оценок Набокова) // Долинин А. А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб., 2004. С. 268—277; Левинтон Г. Заметки о параномазии. I: Параномазии и подтексты у Набокова // «На меже меж Голосом и Эхом»: Сб. статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян / Сост. Л. О. Зайонц. М., 2007. С. 60—69.

²⁷ Двинытин Ф. Набоков, модернизм, постмодернизм и мимесис // Империя Н. Набоков и наследники: Сб. статей / Ред.-сост. Ю. Левинг, Е. Сошкин. М., 2006. С. 449—450.

это человек», а стиль Газданова — как и стиль Сирина — крайне далек от всяких перебоев, отражающих какие-либо внутренние катастрофы или преобразования». ²⁸ Удачным лишь отчасти рассказ «Счастье» посчитал и Ник. Андреев: «Прекрасно начатый, отличный во многих своих частях, обнаруживающий глубину и силу авторского дыхания, как всегда у Газданова полный психологического своеобразия, рассказ этот оказался растянутым, лишенным единства, перегруженным проблематикой, риторикой. Газданов отказался на этот раз от непрерывности повествования, столь удающейся ему плавной неторопливости рассказа. Он, однако, не перешел и к какой-либо конструктивности. Удар получился чересчур ослабленным». ²⁹ Сопоставляя Сирина и Газданова как представителей одного «молодого поколения», И. Н. Голенищев-Кутузов отмечал, что оба прозаика «усваивают органически чужеземный дух — германский, английский, французский, претворяют иностранный быт в свое, до конца близкое». ³⁰ Не является секретом, что в отзывах на набоковскую «Камеру обскуру» критиками также отмечалась, в первую очередь, «нерусскость» темы и героев, сама схематичность персонажей-клише, действующих в условных рамках ампулы, поверхностный блеск писательской техники. В качестве примера приведем суждения Г. Адамовича: «Роман Сирина (...) занимателен, ловко скроен и поверхностно блестящ. (...) Роман внешне удачен, это бесспорно. Но он пуст. Это превосходный кинематограф, но слабоватая литература»; ³¹ «Не столько блестяще, сколько „обворожительно“... Вместе с тем роман легковесный и поверхностный. Он полностью исчерпывается течением фабулы и лишен замысла. Он придуман, а не найден. (...) За сочетаниями и сплетениями судеб, воли и страстей (...) следишь, как смотришь на искусно расположенные манекены в витрине модного магазина: чем прихотливее, тем и лучше, — это ведь манекены, они расставлены, они не живут». ³² Звучащие почти в унисон отзывы критиков на «Камеру обскуру» и «Счастье» могли, в свою очередь, повлиять на формирование писательской репутации Набокова и Газданова. Любопытным, на наш взгляд, является и тот факт, что никто из рецензентов-современников не отметил сюжетного и/или текстуального сходства романа и рассказа, ограничившись лишь самыми общими соображениями о «блестящем» стиле обоих авторов.

В результате сопоставительного анализа двух текстов и рассмотрения связанных с их публикацией историко-литературных фактов можно выдвинуть следующую гипотезу. Поскольку рассказ Газданова «Счастье» и *первые главы* романа Набокова «Камера обскура» вышли из печати в одном номере журнала, то *дальнейшие главы* романа Сирина, опубликованные в последующих номерах «Современных записок», могли быть переработаны с учетом газдановского рассказа. Неоднократное «переписывание» Набоковым «Камеры обскуры» позволяет предполагать, что внесение корректив в текст романа могло состояться даже во время печатания отдельных номеров журнала. Так или иначе, этим может быть в большей степени объяснена близость двух текстов, ранее трактовавшаяся в качестве типологического сходства поэтики Набокова и Газданова или образца «поразительного писательского унисона». ³³

²⁸ Адамович Г. [Рец.]: Современные записки. Кн. 49. Часть литературная // Последние новости. 1932. 2 июня. № 4089. С. 2.

²⁹ Андреев Ник. [Рец.]: Современные записки. Кн. 49. Часть литературная // Воля России. 1932. № 4/6. С. 185.

³⁰ Голенищев-Кутузов И. Н. [Рец.]: Современные записки. Кн. 49. Часть литературная // Возрождение. 1932. 2 июня. № 2557. С. 3.

³¹ Адамович Г. [Рец.]: Современные записки. Кн. 50. Часть литературная // Последние новости. 1932. 27 октября. № 4236. С. 3.

³² Адамович Г. [Рец.]: Современные записки. Кн. 52. Часть литературная // Последние новости. 1933. 1 июня. № 4453. С. 3. Ср. также похожие отзывы о «Камере обскуре» М. Осоргина и Ю. Терапиано: Мих. Ос. [Осоргин М.] [Рец.]: В. Сирин. Камера обскура // Современные записки. 1934. № 54. С. 458—459; Терапиано Ю. [Рец.]: В. Сирин. Камера обскура // Числа. 1934. № 10. С. 287—288.

³³ Левинг Ю. Тайны литературных адресатов В. В. Набокова: Гайто Газданов. С. 90.

© Л. В. Хачатурян

РУКОПИСИ ON-LINE: СОЗДАНИЕ ЭЛЕКТРОННОГО АРХИВА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Серебряный век русской литературы оставил бесценное рукописное наследие, значительная часть которого до сих пор не изучена. В архивных собраниях представлены все этапы создания произведений — от черновых и беловых автографов до правки в гранках и маргиналий на страницах уже опубликованных книг, на вырезках из газет и журналов, на полях рабочих тетрадей, в записных книжках и дневниках, а также обширный корпус материалов, относящихся к истории бытования текстов в культуре, прежде всего богатейший эпистолярный конец XIX — начала XX века. К сожалению, ученые далеко не всегда могут получить доступ к этим источникам. Более того, информация о составе и содержании архивных фондов нередко также остается «закрытой». Между тем отсутствие единого справочного аппарата затрудняет составление исчерпывающей библиографии, необходимой при подготовке любого академического собрания сочинений. Не меньшей проблемой для исследователей является разобщенность рукописных коллекций: архивные собрания находятся не только в разных городах, но подчас и в разных странах. Вместе с тем централизация накладывает свои, чисто физические ограничения на работу с рукописями. К примеру, в России крупнейшие архивохранилища сосредоточены в Москве и Петербурге. Наконец, даже преодолев значительные пространства, специалист часто вынужден изучать в читальном зале того или иного рукописного отдела не оригиналы, а микрофотокопии рукописей.

Решить эти проблемы может создание специальных объединенных электронных архивов, когда на Интернет-сайте или портале размещается вся информация о рукописях, независимо от того, в каких собраниях они находятся. Наиболее полно задачам научно-исследовательской работы отвечают электронные ресурсы «второго поколения» — цифровые архивы, позволяющие не только оперативно отбирать источники, но и работать с полностью идентичной подлиннику электронной копией документа. Размещенные на сайте цифровые копии предоставляют ученому уникальную возможность изучить рукопись, не выходя из своего кабинета: познакомиться с особенностями почерка, последовательностью записей, и т. п.¹

Нередко именно работа с электронными изображениями позволяет восстановить, казалось бы, невосполнимые лакуны в рукописном тексте. Лучший пример тому — оцифровка личной библиотеки писателя, который, как правило, продолжает размышлять над своими уже опубликованными произведениями, оставляя пометы на страницах книг. Графическая обработка цифровых копий подобных изданий дает исследователю шанс «проявить» следы затертого или осыпавшегося карандаша либо выцветших чернил и прочесть неразборчивый фрагмент.

Такая возможность со временем появится у любого заинтересованного пользователя благодаря совместному проекту Российского государственного архива литературы и искусства и Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

¹ См. в связи с этим сайт Национального архива и управления документации США (НАРА, <http://www.archives.gov>), на котором представлены 1,2 миллиона электронных копий. Этот архив принимает участие в создании цифровой публичной библиотеки Америки (DPLA). Уже в 2015 году планируется завершить перевод в цифровую форму всех архивных документов. В 2008—2013 годах похожий проект был осуществлен Национальным архивом Великобритании. Оцифрованные рукописи выкладываются в сеть и в рамках конкретных проектов, таких, например, как «Первая мировая война, военный трибунал: МН 47» или корпус материалов о преступности в Англии и Уэльсе (более 2,5 миллиона документов за период с 1770 по 1934 год). А на сайте Федерального архива Германии (<http://www.bundesarchiv.de>) можно найти не только собственно документы (в том числе более 200 тысяч фотографий), но и свыше 1300 часов записей речей с заседаний Центрального комитета СЕПГ.

«Документальное наследие русской литературы: источники и исследования».² На Интернет-портале этого проекта будут размещены рукописи, эпистолярий, фотографии, хранящиеся в фондах РГАЛИ и в Рукописном отделе Пушкинского Дома.

Работа с цифровыми копиями рукописей, без сомнения, облегчит труд текстолога. Для того чтобы проиллюстрировать это утверждение, обратимся к одному из значимых литературных архивов XX века — фонду М. И. Цветаевой.³ Увеличивая и ретушируя изображения черновых и беловых автографов из так называемых «Сводных тетрадей», можно увидеть то, что раньше было скрыто под наслоениями текста, вклейками или вычеркнуто рукой автора. В этом же фонде находится уникальная книга — беловые автографы стихотворений, оформленные как (долгожданный, но не осуществленный) сборник. Электронные технологии позволяют сопоставить ее одновременно и с черновиком, и с выпущенным уже после смерти поэта изданием.

Помимо архивных документов, на том же портале будут представлены научные труды соответствующей тематики. Мы уверены, что создание подобной единой системы придаст новый импульс гуманитарным исследованиям и сделает рукопись «открытой книгой» не только для ученых, но и для всех тех, кто интересуется русской литературой Серебряного века.

² Создание научно-информационного портала «Документальное наследие русской литературы: источники и исследования». Российский научный фонд (РНФ): Проект № 14-18-01970. 2014—2016 гг. Руководитель проекта В. Е. Багно.

³ Российский государственный архив литературы и искусства. Фонд № 1190.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

© Ю. В. Шати н

АЛГЕБРА ГАРМОНИИ*

Стиховедческие работы текущего столетия свидетельствуют как о существенном продвижении версификационной теории, так и о нарастании дискуссионных проблем, выносимых на публичное обсуждение различными научными школами. Вот почему новейшие стиховедческие штудии с таким интересом воспринимаются нынешними филологами. К числу таких работ с полным правом можно отнести два последних исследования петербургского стиховеда О. Н. Гринбаума «„Евгений Онегин“: Ритмико-смысловый комментарий. Главы первая, вторая, третья, четвертая» и «Основы математико-гармонического анализа поэтических текстов». Во второй работе наряду с фрагментами анализа пушкинского стихотворного романа включены анализы стихотворений М. Ю. Лермонтова и А. А. Фета.

Труды Гринбаума, с одной стороны, обогащают важными наблюдениями системы поэтики конкретных авторов, прежде всего Пушкина, с другой — они несомненно влияют на развитие современной стиховедческой теории. В своей рецензии мы коснемся лишь второго аспекта, оставив прочее историкам русской литературы.

Из серии дискутируемых проблем по меньшей мере две оказываются в эпицентре современной полемики — это вопрос о возможностях и границах статистического метода в изучении стиха и связанный с ним вопрос о мере субъективности в интерпретации стихотворного текста.

Все филологи знают, что приемы статистического подсчета ритмических форм четырехстопного ямба впервые использовал Андрей Белый, он же очертил и границы такого подхода. «Отдельные ритмические фигуры в общем встречаются почти у всех поэтов; не в употреблении фигур — индивидуальность поэта, а в количестве их и способе соединения

друг с другом... каждая из фигур, произнесенных в отдельности, не слишком много говорит уху; сумма же фигур, соединенных в одно сложное целое, оригинальна».¹

Русская формальная школа сосредоточилась на количественном принципе, мало интересуясь способом соединения фигур, что позже, в 1929 году, вызвало возражения Белого в его работе «Ритм как диалектика и „Медный всадник“». Но, выбрав количественный показатель, формалисты столкнулись с другой проблемой: собственно какие стихотворения и сколько стихотворных строк дадут репрезентативные выводы. Сам Андрей Белый взял 596 строк русских поэтов от М. В. Ломоносова до С. М. Городецкого, которые были на слуху образованного читателя.

Существенно увеличивая статистический материал до десятков и сотен тысяч стихов, исследователи сняли таким образом проблему критериев отбора, устранили различие между прецедентными текстами и версификацией графоманов. По рассказам современников, Б. В. Томашевский советовал студентам выбирать для стиховедческого разбора не выдающихся поэтов, чье мастерство отклонялось от средних значений, а так называемых обычных, выбранных наугад. Несколько заострив проблему в пылу полемического задора, М. Л. Гаспаров сказал, что «стиховедение уже выросло так, что может существовать без стихов».

В этой шутке была своя горькая доля правды: уравнивая в художественном отношении стихи разного достоинства, стиховедение отказалось бы от анализа не только эстетической, но и текстовой функции ритма, поскольку говорить о последнем имеет смысл только в контексте целого. На это обстоятельство еще в 1970 году обратил внимание С. И. Гиндин: «Статистическое описание лишь вскрывает вероятностные ограничения на употребление элементов метра, для изучения же ритма мы должны от интегрального рассмотрения текста в целом пе-

* Гринбаум О. Н. 1) Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: ритмико-смысловый комментарий. Главы первая, вторая, третья, четвертая. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2012. 328 с.; 2) Основы математико-гармонического анализа поэтических текстов. СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2013. 172 с.

¹ Цит. по: Белый А. Опыт характеристики русского четырехстопного ямба // Белый А. Собр. соч. Символизм. Книга статей. М., 2010. С. 237.

рейти к дифференциальному анализу текста в его развертывании».²

Совершенно необходимо сделать решительный шаг от лингвистического аспекта стиха к его семантике. Работы Гринбаума делают такой шаг, органически соединяя алгебру с гармонией. Уже во введении к онегинскому комментарию он справедливо указывает на представление «о ритме стиха как о мере гармонической упорядоченности движения поэтической мысли, определяемой соотношением ударных и безударных слогов в русском поэтическом тексте. Соотношение это не абсолютно, а относительно, и измеряется оно как отклонение реального ритма от ритма гармонического. В свою очередь, гармонический ритм определяется пропорцией „золотого сечения“ в узловых (рифменных) точках стиха. Динамический принцип „золотого сечения“ позволяет объединить в едином критерии три показателя, характеризующих стихотворный текст: ритм, рифму и строфику» (Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». С. 21).

Петербургскому исследователю, разработавшему оригинальную методику изучения стиха, удалось избежать двух крайностей: поверхностного эмпиризма импрессионистических наблюдений и вместе с тем бездумного использования математики, уничтожающей или в лучшем случае пренебрегающей гармонией.

Следует указать и на частные достижения такого подхода. Ритмико-смысловый комментарий, предложенный автором, позволяет через увеличительное стекло числовых последовательностей Фибоначчи разглядеть онегинскую строфу не только как универсальное изобретение Пушкина, но и ее уникальность для романа в стихах. Хорошо известно, что ритмическая композиция того же «Езерского» дает совершенно иное расположение повторов и контрастов в сравнении с «Евгением Онегиным». Третий вариант онегинской строфы можно наблюдать в «Тамбовской казначейше» Лермонтова. Естественно, что простой статистический подсчет лишает нас возможности проследить динамику развития онегинской строфы, которая у разных поэтов Н. М. Языкова, Вяч. Иванова, И. Северянина или С. М. Гандлевского то приближается к ритмическому рисунку «Евгения Онегина», то радикальным образом отделяется от него.

Другой пример, приводимый Гринбаумом, еще ярче подтверждает плодотворность избранной методики. Речь идет о так называемом «профиле ударности». «„Профиль

ударности“ — считает автор, — является важнейшим исходным параметром для всех традиционных исследований ритма поэтического текста. Однако если для неравностопаемых стихов построить „профиль ударности“ нельзя, то его и не строят — как результат, ни в одном из известных трудов по ритмике стиха у нас нет шансов найти профиль ударности для неравностопаемых стихотворных текстов» (Основы математико-гармонического анализа... С. 21). Между тем неравностопаемость присутствует не только в басенном стихе И. А. Крылова, в «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Маскараде» Лермонтова, но и в таких шедеврах чистой лирики, как в стихотворении Фета «Шепот, робкое дыханье...». Таким образом, из анализа вымываются целые ряды стихотворных жанров и статистика оказывается весьма искаженной даже в границах правил, декларируемых лингвистикой.

Помимо конкретных результатов и частных наблюдений, исследования Гринбаума призывают к активным поискам новых приемов и методов интерпретации стихотворной речи. И здесь мы подходим к другой проблеме, без решения которой дальнейшие исследования ритмики вряд ли будут плодотворны. В самом деле, можно ли в интерпретации ритмического рисунка стиха обойтись без субъективного понимания контекста исследователем. Сторонники чисто количественного подхода утверждают, что существуют некие объективные правила, позволяющие разделить так называемые «полуударения» на чисто ударные и безударные слоги. Например, в случае «Бой барабанный, крики, скрежет» — слово «бой» получает внеметрическое ударение, а в случае «Мой дядя самых честных правил» — «мой» оказывается безударным. Почему? Вразумительного ответа на этот вопрос до сих пор не существует и вряд ли он когда-нибудь появится.

Автор рецензируемых книг абсолютно прав, когда отказывается от дедуктивного принципа в решении этого вопроса и прибегает к контекстуальной аргументации. «Наша позиция по вопросу расстановки ударений вытекает из воззрений В. М. Жирмунского, но к ним не сводится. Итак: 1) все полновзначные слова скорее полноударны, чем полуударны, а степень ударности таких слов зависит от контекста (в широком его понимании); 2) несамостоятельные частицы (например, «же», «ли», «бы») безударны; 3) ударность других слов зависит от контекста (в широком его понимании) и не может быть формализована ни при каких обстоятельствах» (Основы математико-гармонического анализа... С. 52).

К сказанному можно добавить, что в определенных поэтом контекстах частицы тоже могут оказываться в сильной позиции и получать ударение (например, у В. С. Высоцкого: «если хилый, сразу в гроб / сохранить здоровье чтоб...»). В свое время Р. О. Якобсон

² Гиндин С. И. Пути моделирования ритмической организации текста // Структурно-математические методы моделирования языка: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной науч. конференции. Киев, 1970. Ч. 1. С. 34.

определил стихотворную речь как организованное насилие над языком. Кроме иных следствий, данное определение предполагает, что всякий прецедентный текст выступает как одновременная реализация и нарушение принятых конвенций языка, причем само нарушение часто и выступает признаком худо-

жественности. Несовпадение реального ритма и метрической схемы и является частью такого знаменательного насилия.

В заключение подчеркнем, что обе книги Гринбаума вызывают к дальнейшему конструктивному диалогу, не исключая, разумеется, и полемические суждения.

© Р. Ю. Данилевский

«СПАССКИЙ ВЕСТНИК» О РОМАНАХ И. С. ТУРГЕНЕВА*

Ежегодный научный альманах «Спасский вестник» музея-заповедника И. С. Тургенева Спасское-Лутовиново — издание, за которым мы внимательно следим уже много лет, радует читателей и на этот раз богатством материала. Очередной, двадцать первый выпуск альманаха посвящается тургеневским романам. Едва ли Тургенев сегодня — массово читаемый писатель, но он, русский классик, сохраняет свой круг читателей. Что касается изучения его наследия, то число тургеноведов явно не убывает — настолько многогранными в историческом отношении, художественно богатыми и глубокими оказались тургеневские тексты.

Содержание нынешнего издания можно приблизительно разделить на три категории. Во-первых, это статьи текстологического характера, где исследуется структура, тематика, система мотивов романов Тургенева. Во-вторых, работы, в которых произведения писателя рассматриваются с точки зрения их общественной роли, их связей с современной им литературной и политической жизнью. И в-третьих, работы искателей метафизического содержания тургеневской прозы, где акцентируется внимание на особенности тургеневского слога, его философской и лирической «таинственности», ощущении многочисленных подтекстов.

Невозможно останавливаться подробно на каждой из двадцати трех работ, опубликованных нынче в «Спасском вестнике», поэтому попробуем выделить в каждой из намеренных нами групп наиболее характерные исследования. В первой группе это, например, статья Е. М. Конищева «Мотивы долга и отречения в романах Тургенева» (с. 22—28), статья В. А. Доманского «Музыкальные темы и функции музыки в романах Тургенева „Рудин“ и „Дворянское гнездо“» (с. 114—124), статья М. Б. Лоскутниковой «Сюжетно-композиционная организация художественного целого в романе И. С. Тургенева „Рудин“ и ее мотивные доминанты» (с. 125—

135). На границе между исследованием структуры и интерпретацией находятся такие работы, как «Только ли „трагическое значение...“? (К вопросу о философии любви в романах Тургенева)» (с. 11—21) И. А. Беляевой и статья Е. В. Петровской «„Египетские глаза“ и „синий вуаль“ (литературно-художественный контекст образа Ирины в „Дыме“ Тургенева)» (с. 76—87). Отметим кстати, что роману «Дым» посвящено шесть статей сборника.

В работе Е. В. Петровской устанавливаются возможные прототипы образа тургеневской героини (Э. Рашель, А. Долгорукая, П. Виардо) и дается впечатляющая интерпретация символики этого образа: «Россия у Тургенева, — пишет автор, — женственная, но не благодатная, а парадоксально двойственная, грозная и скрытая в тумане, обманная и притягательная, вызывающая любовь и боль. Поэтому именно такая героиня, как Ирина — прекрасная и злая, грешная и торжествующая, по словам Тургенева, „глубоко испорченная“, но „с порывами к Истине и Свободе“, — оказалась нужна этому ядовитому и страстному роману» (с. 85). Символическое истолкование образов — увлекательное занятие, но, правда, остается вопрос, что именно в этой символике идет от автора, а что — от исследователя.

«Философия любви» — несомненно, одна из сквозных тем тургеневского творчества, по этому поводу нам нечего возразить автору статьи о любовной теме у Тургенева. «Любовь героев предстает в романе, — пишет И. А. Беляева о «Дворянском гнезде», — (...) не только как тайна, открывающая трагическую сторону жизни и показывающая онтологическое одиночество человека, но и как сила, способствующая его душевно-духовному самоустройству и на этой основе объединению с миром и людьми» (с. 21). Статья лишней раз убеждает в том, что «тургеневская» любовь — это совершенно особое явление в истории изображения мира эмоций в русской литературе.

Изучение композиции (архитектоники) «Рудина», предпринятое М. Б. Лоскутником

* Спасский вестник. Тула: Гриф и К, 2013. Вып. 21. 248 с.

вой, показывает, что тургеневский роман, со структурной точки зрения, экстраординарное явление в русской и, вероятно, мировой истории этого жанра. Заметим только, что «проблема Другого», как она определена в связи с появлением Рудина перед Натальей Ласунской, т. е. человека, «не похожего на окружающих» (с. 128), должна была бы, наверное, сопровождаться оговоркой, потому что «проблема Другого» в современной культурологии и социальной философии имеет несколько иной смысл: проблемы отношения к чужой культуре.¹

«Энергия отречения» (с. 28) — формула, хорошо передающая одну из этических идей Тургенева (статья Е. М. Конишева), однако, как нам кажется, не стоило бы спешить приписывать эту черту русскому национальному характеру — категории исторически изменчивой и более романтической, нежели научной.

Большое впечатление производит работа В. А. Доманского, посвященная теме музыки в романах Тургенева. Поражает яркое и профессиональное описание произведений Шуберта, но еще важнее — анализ немалой роли музыки у Тургенева. «Дворянское гнездо», как убеждает нас автор статьи, буквально «прочитывается через музыку» (с. 119). И все же чрезмерно тесное сближение композиции «Дворянского гнезда» с построением музыкальных произведений (симфония, соната) и утверждение о «музыкальном принципе композиции» романа (с. 124) кажется следствием увлеченности автора статьи красивой темой. Это не мешает высоко оценить эту работу, может быть, лучшую после исследований М. П. Алексеева и А. А. Гозенпуда о музыке у Тургенева.

Историко-литературный контекст тургеневских романов освещается в нескольких работах сборника, причем их авторы — преимущественно петербуржцы, представители петербургской филологической школы, которая особенно ценит фактическую достоверность исследования. В этой связи назовем здесь статьи Е. И. Анненковой «Роман „Дым“: полемика Тургенева с текущим или ушедшим днем славянофильства?» (с. 36—48) и С. А. Кибальника «„Дворянское гнездо“ Тургенева как претекст романа Достоевского „Игрок“» (с. 100—113), работы М. Ю. Степиной «„Родственники“ И. И. Панаева — „Саша“ Н. А. Некрасова — „Рудин“ И. С. Тургенева: контекст и оценки» (с. 136—147) и

Т. Б. Трофимовой «Тургенев и Пушкин (о полемике вокруг романов «Отцы и дети» и «Новь» и стихотворения в прозе «Улыбнись суд глушца...»)» (с. 179—188), а также две статьи ведущего научного сотрудника Яснополянского музея Л. Н. Толстого Т. Н. Архангельской «Роман К. Н. Леонтьева „В своем краю“ как литературный источник романа И. С. Тургенева „Дым“» (с. 189—197) и «К. Н. Леонтьев-публицист о романах И. С. Тургенева» (с. 198—206). В качестве замечания укажем на то, что Е. И. Анненкова в своей обстоятельной статье предполагает, будто Тургенев не сумел оценить достоинства русского славянофильства (с. 46). Эта мысль не вполне корректна, поскольку роман «Дым» отражает отношение писателя к общественным идеям своей эпохи, на которые мы можем теперь смотреть иначе, как на ценное историческое свидетельство Тургенева-современника.

К третьей из обозначенных выше групп относятся статьи-интерпретации, носящие гипотетический характер. Это статьи Н. В. Илюточкиной «Мифопоэтический образ клада в романе И. С. Тургенева „Накануне“» (с. 148—158) и А. А. Бельской «„Новь“ И. С. Тургенева: близнецы миф и мифологическое звучание имен „старорусской картинки“» (с. 159—171). Автор второй из статей высказывает смелое предположение о некоем «универсальном плане», который «просвечивается» сквозь конкретно-историческую проблематику «Нови» (с. 169). Работы такого рода увлекают своим уходом в фольклорную, архетипическую древность, читаются с интересом, тем более что они хорошо и живо написаны. Не обладая полной убедительностью, они оставляют простор для сомнений, но тем не менее будят воображение, подталкивают мысль, в чем и состоит, по-видимому, их основная задача. Это своего рода «дрожжи» тургеневедения, приносящие свою пользу науке, но остающиеся на уровне гипотез.

Сборник завершается библиографическим обзором И. В. Харьковской об изданиях романов Тургенева, хранящихся в фонде редкой книги музея-заповедника Спасское-Лутовиново (с. 219—229) и информативным сообщением Е. А. Саламатовой о малоизвестных деталях общественной деятельности писателя «И. С. Тургенев — почетный гость обедов в память крестьянской реформы 1861 года» (с. 230—243).

«Спасский вестник», как всегда, прекрасно проиллюстрирован и безупречно оформлен полиграфически, в чем немалая заслуга не только тульской издательской фирмы «Гриф», но и редактора-составителя Е. Н. Левиной.

¹ См.: Тиме Г. А. Взгляд русского интеллектуала как «взгляд Другого»: обобщения и перспективы // Тиме Г. А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX—XX веков. СПб., 2011. С. 402—404.

© С. Н. Гуськов

РОМАН ФРЕЙЛИНЫ, ИЛИ ТОЛСТАЯ VS ТОЛСТОЙ*

Роман «Un sacrifice méconnu», вышедший в свет в 1897 году в Париже, русскоязычному читателю до сих пор оставался неизвештен. А оснований для знакомства с этим замечательным текстом более чем достаточно. Прежде всего, личность автора. Под псевдонимом «Une Dame russe» скрывалась одна из выдающихся русских женщин, графиня Александра Андреевна Толстая (1817—1904).

Толстая получила блестящее домашнее образование, знала английский, немецкий и французский языки, любила музыку, училась живописи у П. Е. Заболотского (автора широко известного портрета М. Ю. Лермонтова), брала уроки вокала у знаменитого итальянского певца Д. Б. Рубини. Она была знакома со многими выдающимися художниками, поэтами, писателями, политическими деятелями: графами Ф. П. Толстым и Ф. И. Толстым (Американцем), В. А. Жуковским, В. А. Перовским, А. И. Философовым, О. фон Бисмарком и др. В юности танцевала на балах с А. С. Пушкиным и М. Ю. Лермонтовым. Позднее теплые дружеские отношения сложились у нее с И. С. Тургеневым, Ф. И. Тютчевым, А. К. Толстым, И. А. Гончаровым, Ф. М. Достоевским.

В двадцать девять лет Александра Андреевна стала придворной дамой: сначала фрейлиной при великой княжне Марии Николаевне, дочери Николая I, затем наставницей Марии Александровны (дочери Александра II), а с 1891 года камер-фрейлиной.

Двоюродная тетка Льва Николаевича Толстого, Александра Андреевна была связана с писателем не только узами родства, но и долгой доверительной дружбой. Их переписка, изданная в 1911 году, насчитывает 185 писем. Опубликованное эпистолярное и мемуарное наследие Толстой свидетельствует о незаурядном уме, интеллектуальной независимости и литературном даре.

Александра Андреевна писала и по-русски, перевела, но наиболее яркое воплощение ее литературный дар получил в двух романах на французском языке «L'étoile de Noël» (Genève, 1896) и «Un sacrifice méconnu. Étude de caractères» (Paris, 1897). Последний и предлагается читателю в переводе И. В. Турковой.

Сюжетной основой романа послужила выстроенная с замечательным литературным мастерством и увлекательно рассказанная история жизни русской графини Марии

д'Альфин (персонажа во многом автобиографического). Пожалуй, самую точную характеристику главной героини романа дает себе сама: «Вокруг меня всё сплачивается и отогревается» (с. 255). На протяжении романного действия она всегда является гармонизирующим центром происходящих событий, ее умное женское сердце подсказывает и помогает разрешать самые запутанные коллизии в отношениях близких людей, хотя, в итоге, так и не сможет уберечь от роковой ошибки, от «непризнанной жертвы» в собственной истории любви.

Нельзя не обратить внимание на филигранную литературную конструкцию текста, временами даже кажущуюся чрезмерной (хотя бы в том, что каждой главке, даже совсем крошечной, предпосланы несколько эпиграфов из классиков литературы и философии). Стилистическое изящество (искусно переданное переводчицей), прихотливый композиционный узор, симфония самых разнообразных натур и характеров, очень тонкая, эстетически и психологически мотивированная игра разными формами повествования (дневник, письма, рассказ от лица разных действующих лиц) выдают весьма искусственного в литературных приемах автора. Но весь этот блеск изложения не создает впечатления холодной игры ума, а, напротив, оказывается удивительным образом согрет теплом умного женского сердца, любовью, тактом и состраданием, — всеми теми прекрасными чертами характера, которыми в избытке обладала Александра Андреевна Толстая.

В романе отчетливо слышна и русская тема, восхищение патриотизмом, состраданием, милосердием, самоотверженностью соотечественников.

Но, пожалуй, одной из главных становится тема духовного восхождения человека, для Толстой, разумеется, неразрывно связанная с православной верой.

Так или иначе, но читатель вряд ли удержится от соблазна сравнений книги Александры Андреевны с прозой ее великого племянника. Разумеется, это явления разного порядка. Но аналогий и сближений избежать трудно. Говорить об этом можно долго. И как кажется, во многом Толстая в этом романе подчеркнута полемична по отношению к своему знаменитому родственнику. Приведу только один пример. Пожалуй, одними из самых эстетически сильных и психологически верных следует признать завершающие главы романа «Непризнанная жертва». В них автор рисует потрясающе светлую и умиротворенную картину угасания графини д'Альфин. Ее последние земные дни прохо-

* Толстая А. А. Непризнанная жертва. Этуод о характерах / Пер. с фр. и послесловие И. В. Турковой. Тула: «Лев Толстой», 2012. 416 с.

дят в дружеском кругу за чтением Священного писания, в атмосфере спокойствия: «Величественное небо распростерлось над домом, где была смерть, к комнате упокоения поднимались из сада пленительные ароматы, и, казалось, это гимн природы сопровождал уход существа, предназначенного для Воскрешения!» (с. 269). Так это или нет, но современный читатель может небезосновательно заподозрить присутствие на этих страницах спора с Л. Н. Толстым, которому смерть представлялась совершенно в ином ключе. Во всяком случае, полемика с Львом Николаевичем присутствует и в их переписке.

«Непризнанная жертва» послужит не только ценным материалом для историков и филологов, но затронет души всех читателей, преданных русской литературе XIX века. Несмотря на то что текст был написан по-французски, русское сердце автора чувствуется в каждой фразе. Разумеется, потребовалось огромное умение, профессионализм, эрудиция и языковая чуткость переводчика, чтобы вернуть повествование в стихию родного автору языка. Без сомнения, Турковой это блестяще удалось.

Большой интерес представляет и сопутствующее публикации романа объемное и обстоятельное научное исследование Турковой (пожалуй, неверно называть его после-

словием, поскольку оно является абсолютно самостоятельным и самоценным), впервые подробнейшим образом освещающее биографию, круг общения и насыщенную духовную жизнь А. А. Толстой и, прежде всего, ее отношения с Л. Н. Толстым. Все стороны жизни Александры Андреевны, от придворной службы и деятельности благотворительницы до мельчайших деталей общения с современниками, рассмотрены в нем. Особое внимание уделено творческим переключкам и духовным спорам ее с Львом Николаевичем. Это исследование заставляет другими глазами взглянуть и на то только что прочитанный роман, и на многие произведения самого Л. Н. Толстого. Скрупулезно описаны и творческие, и человеческие контакты Толстой со знаменитыми современниками, и ее роль при дворе, и отношение к литературе, и многие другие обстоятельства жизни и творчества замечательной русской женщины, ранее неизвестные широкому кругу читателей. Биография Александры Андреевны, служив Турковой и для формулировки ее собственных суждений о важной роли исторического наследия для нравственного воспитания современников. Серьезный научный труд переводчицы и исследовательницы, вне всякого сомнения, станет заметным явлением в изучении истории русской культуры XIX века.

© М. Г. Сальман

ЛЮДИ, ДАТЫ И ЦИТАТЫ*

Большая часть очерков и статей двухтомника «Летейская библиотека»¹ начинается с указания даты, места действия, а часто и времени года (как набоковский роман, цитатой из которого назван первый раздел второго тома). «3 ноября 1907 года в одной из аудиторий юридического факультета...» (1, 418), «27 мая 1910 года (по новому стилю) в

* *Соболев А. Л.* 1) Летейская библиотека: Биографические очерки. М.: Трутень, 2013. 496 с., ил. (Летейская б-ка: очерки и материалы по ист. рус. лит. XX века; [Т.] I); 2) Страннолюбский перебарщивает. Сконанпель истоар. М.: Трутень, 2013. 448 с., ил. (Летейская б-ка: очерки и материалы по ист. рус. лит. XX века; [Т.] II). Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера тома и страницы.

¹ Название заимствовано из «Истинной жизни Себастьяна Найта». Ср.: «Летейская библиотека, хоть и необозрима, все равно, я уверен, прискорбно неполна без плода усилий г-на Гудмэна» (цит. по: *Набоков В. В. Романы / Пер. с англ. А. Б. Горянина и М. Б. Мейлаха. М., 1991. С. 59).*

гавани Нью-Йорка пришвартовался гигантский двухсотсорокаметровый корабль...» (1, 249), «Досужий пугник, проходивший жаркой осенью 1894 года по небольшой улице Calle Piedad в центре Буэнос-Айреса...» (2, 7), «Летом 1916 года (почему-то думается, что это было летом) в редакции петербургской „Маленькой газеты“...» (1, 176), «В холодный пасмурный день осенью 1964 года в Москве, в районе Песчаных улиц, при большом стечении народа...» (1, 10). Уже из приведенных цитат видно, что у автора сочетаются любовь к пунктуальности и склонность к беллетризации, о чем он и сам сообщает: «...я расскажу вам его историю» (2, 7).

В первый том вошли рассказанные ироничным и непринужденным тоном² истории двадцати девяти забытых и полузабытых стихотворцев начала XX века (Л. В. Берман, Е. Н. Волчанецкая, В. В. Вольтман, Е. А. Га-

² «...Герой, хранивший до того гордое молчание, отвечает (...) нравоучительным письмом (...) предвосхищающим современную популярную забаву по поиску „подтекстов“» (1, 95).

лати, Н. Г. Гейнрихсен, Н. А. Демуар, Н. Н. Животов, М. Я. Жижмор, Н. Н. Захаров-Мэнский, Г. И. Золотухин, В. Н. Клюева, А. П. Крайский, Д. А. Крючков, Н. П. Кугушева, Э. Е. Левонтия, Д. Л. Майзельс, Б. П. Нелепо, Е. А. Новская, И. А. Оксенов, М. Я. Папер, Н. Н. Прейс, М. Б. Сандомирский, Е. Я. Стырская, Н. А. Тарусский, А. С. Хоминский, Л. М. Шах-Паронианц, В. И. Шишов, В. А. Юнгер, М. Н. Ямпольская). В конце каждого очерка (а иногда и внутри) приводятся несколько стихотворений, публикуемых по сборникам 1900-х — начала 1930-х годов, по рукописям или по современным изданиям, в составлении которых участвовал автор.³

Второй том довольно разнороден по составу. Перечислим лишь некоторые из опубликованных в нем текстов. Впервые вводятся в научный оборот письма Ф. К. Сологуба к В. Я. Брюсову, мемуарные наброски — «Сказы о поэтах» — библиофила И. Н. Розанова и написанные в середине 1930-х годов литератором-дилетантом футуристского круга А. А. Шемпуриным «маргиналии к списку корреспондентов» (2, 383). Публикации сопровождаются преамбулами и подробными комментариями. В этот том вошли также воспоминания Я. Л. Гордона об А. К. Лозина-Лозинском и Н. Н. Захарова-Мэнского о московском «Кафе поэтов», очерк, содержащий новые сведения о северной ссылке А. М. Ремизова, комментарий к одному из имен А. А. Ахматовой, рассказ об аргентинских приключениях отца М. О. Гершензона, завещание Тихона Чурилина (1912), наконец, «Хроника одного скандала», где с новыми подробностями изложена история ссоры К. Д. Бальмонта с пушкинистом П. О. Морозовым в «Бродячей собаке».

Многолетняя работа по сбору материалов велась Соболевым в РГАЛИ, в ЦГАЛИ (СПб.), в украинском архиве ЦДАМЛИМУ, в Государственном архиве Эстонии, в рукописных отделах ГЛМ, ИРЛИ, РГБ, РНБ и в Архиве РАН.

Помимо государственных архивов, исследователь обращался к частным собраниям, а среди печатных источников его работ большое место занимает столичная и провинциальная пресса первой трети XX века. В предисловии сообщает, что часть текстов появлялась в Интернете,⁴ а отдельные статьи публиковались в журналах и сборниках.

Отметим также оформление книги: на конвртитуле обоих томов находится рисунок, популярный со Средних веков и воспроизведенный, в частности, в лионском издании кодекса Юстиниана (1612).⁵ На рисунке изобра-

жен лев, окруженный роем пчел, надпись гласит: «De forti dulcedo». Слова из загаданной Самсоном загадки в синодальном переводе Библии звучат так: «из сильного вышло сладкое» (Суд. 14: 14). Труд автора превратился в книгу, и читатели, подобно Самсону, могут насладиться ее мёдом.

Бытовые детали в очерках о поэтах соседствуют с подробностями литературной и околотитулярной жизни, такими, как жалобы Варвары Вольтман (1901—1966) на А. А. Ахматову, М. М. Зощенко и А. А. Прокофьева «в сталинский секретариат» (1, 53, прим. 45). Кстати, некоторые дополнительные сведения о Вольтман можно найти в дневнике ее подруги с гимназических лет С. К. Островской.⁶

В бытовом и литературном планах жизнь Екатерины Галати (1890—1935),⁷ по сравнению с другими поэтами, можно назвать благополучной, хотя в ней были и трехлетние скитания по провинции во время Гражданской войны, и потеря двух братьев. Тем не менее она печаталась в периодике, выпускала книги (Галати принадлежит афористичные строки «Ведь только после нашей смерти / Нас любят так, как мы хотели»), состояла членом московского литературного кружка «Зеленая лампа», разогнанного ОГПУ, — и умерла своей смертью, хотя и не в родном городе, а в чужой Москве. «Пока я не в Питере — я не дома», — писала Галати Ю. Л. Слезину 18 октября 1921 года (1, 69).

Ни одной книги не удалось издать Н. П. Кугушевой (1899—1964), участнице едва ли не всех московских литературных организаций, от «Желтого дома» до «Зеленой мастерской», не говоря о «Всероссийском союзе поэтов», хотя стихи она писала всю жизнь. В 1941 году ее мужа, Г. Г. Бартеля, русского немца, выслали в Казахстан. Кугушева уехала с ним и поселилась «в 127 километрах от Караганды» (1, 227). Спустя несколько месяцев мужа арестовали, и выбраться оттуда она не могла в течение четырнадцати лет. Выдержала эти годы Кугушева благодаря стихам и переписке с друзьями, которые их и сохранили: «Я Августа ничем не оскорбила, / Лукавой прелестью „Науки о любви“ / Я целомудренных не соблазнила, / Но я делю изгнания твою. (...) / Нас разделяют два тысячелетия, / Но Август так же к нам неумолим. / И ни мольбою, ни ценою лести / Нас не вернут в великопепный Рим. / Я, как и ты, умру у диких гетов, / В степных просторах

⁵ См.: <http://www.cyclopaedia.org/1612/1612codicis.html>.

⁶ См.: *Островская С. К. Дневник / Вступ. статья Т. С. Поздняковой; послесловие П. Ю. Барсковой; подг. текста и комм. П. Ю. Барсковой и Т. С. Поздняковой. М., 2013 (по Указателю).*

⁷ 1890 год как дата рождения указан Соболевым на с. 60, однако в цитируемой им автобиографии Галати стоит дата «1889» (1, 63).

³ См., например: *Кугушева Н. П. Проржавленные дни / Сост., подг. текста, послесловие и прим. А. Л. Соболева. М., 2011.*

⁴ Некоторые намеки автора поддаются расшифровке только при обращении к его блогу. См., например: 1, 235, где речь идет о поэте В. Л. Полякове (<http://lucas-v-leiden.livejournal.com/55672.html>).

будет вечен сон — / Прими ж поклон от младшего поэта, / Поэт Великий, римлянин Назон».⁸ «По грозному небу бегут облака, / И степь беспредельней и шире. / „Сибирь так ужасна, Сибирь далека, / Но люди живут и в Сибири“... <...> / Но песен поэты о нас не спют, / О старшинах Казахстана, / О тех, кто остались без имени тут / Лежать навсегда под бураном».⁹ Лишь в 1956 году Кугушева смогла поселиться — нет, не в Москве, — в Малоярославце, со старыми подругами, а после их смерти, ослепшая, умерла в инвалидном доме.

Рассказывая о Леоне Шах-Паронианце (1863—1927), исследователь приводит интересную деталь: его герой послужил прототипом одного из персонажей романа В. А. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове». В этом романе Некрылов-Шкловский переписывает реальные стихи Шах-Паронианца.

Из письма архитектора А. А. Барышникова к А. А. Шемшурину от 3 января 1914 года выясняется, что, по просьбе последнего, он разыскивал адрес О. Э. Мандельштама, но не преуспел в столь трудном деле (2, 380).¹⁰ Это первое сведение о возможном знакомстве Мандельштама с Шемшуриним.

При всех очевидных достоинствах труд А. Л. Соболева не свободен от ошибок. В очерке, посвященном Лазарю Берману (1894—1980), исследователь, говоря о нем и его друге В. Б. Шкловском, предположил, что, попав «в 4-й запасной бронедивизион» и обмениваясь «устными соображениями о влиянии сахара на работу жиклеров, эти двое, кажется, неплохо провели 1914-й год» (1, 13).¹¹ Между тем в 1914 году, получив отсрочку от воинской службы,¹² Берман спокойно продолжал занятия в Петербургском университете, а Шкловский с 22 ноября 1914 года¹³ состоял на службе в учебной автомобильной роте, как он сам писал об этом в «Жили-были»: «Я был сыном крещеного ев-

рея, не имел права на производство в офицеры и пошел в автомобильную роту».¹⁴ В запасном броневом дивизионе он оказался лишь весной 1917 года,¹⁵ тогда как Берман — в июне 1917 года.¹⁶ По-видимому, источник ошибки коренится в давней заметке В. Н. Сажина «Предыстория гибели Гумилева», где была приведена дата: 1914 год.¹⁷ Фраза из письма Бермана Шкловскому: «Если меня сейчас потащут на бойню, у меня будет зажат рот, но, как бык, я буду молчать» (1, 14), процитирована неточно. Следует читать: «Если меня сейчас потащут на бойню (<), у меня будет зажат рот, но (<), как бык (<), я буду мычать».¹⁸ Неверна также и датировка письма 1914 годом. Оно, хотя и недатированное, входит в корпус писем Шкловскому лета 1915 года, на большей части которых Берман поставил даты. Уточним заодно, что художница Н. С. Войтинская была не «подругой» Бермана (1, 24), а двоюродной сестрой, дочерью его тетки по отцу.

Отметим и другие ошибки. Так, тетка поэтессы М. Я. Папер никак не могла в начале 1870-х годов учиться на Бестужевских курсах (1, 314), которые открылись в 1878 году. Ямпольская была отправлена в трехлетнюю ссылку («С осени 1950 по август 1953 г. я прожила в Казачинске, Красноярского края...» (1, 458)), и публикатор письма тут же сообщает, что через «три года, отбыв срок ссылки, Яковлева (настоящее имя поэтессы. — М. С.) вернулась в Канск, а еще через год Чейн и Стокс сделали свое благое дело...» (1, 459). Выходит, что благое дело свершилось не 5 марта 1953 года, а годом позже. Непонятно, почему сестра Ю. О. Мартова, социал-демократка Лидия Осиповна Цердбаум (Дан), была отнесена к «беглым террористам» (2, 199). Кстати, в описываемое время — 1901—1902 годы — неправильно относить к террористам и Б. В. Савинкова с И. П. Каляевым (там же). Наконец заметим, что в начале XX века Московский художественный театр не был академическим и не назывался МХАТ (2, 375, 379).

«Годы, люди и народы / Убегают навсегда, / Как текучая вода», — писал поэт.¹⁹ Двухтомник А. Л. Соболева, снабженный, кстати, именным указателем, дал возможность залетейским теням «еще побыть и поиграть с людьми!»²⁰

¹⁴ Шкловский В. Б. Собр. соч.: В 3 т. М., 1973. Т. 1. С. 117.

¹⁵ См.: Шкловский В. Б. Гамбургский счет / Сост. А. Ю. Галушкина и А. П. Чудакова; предисловие А. П. Чудакова. М., 1990. С. 16.

¹⁶ См.: РНБ. Ф. 1250. Ед. хр. 71. Л. 2.

¹⁷ Даугава (Рига). 1990. № 11. С. 92.

¹⁸ РНБ. Ф. 1250. Ед. хр. 152. Л. 9. Курсив мой. — М. С.

¹⁹ Хлебников В. В. Собр. соч.: В 6 т. М., 2013. Т. 1. С. 379.

²⁰ Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3 т. М., 2010. Т. 1. С. 201.

⁸ Кугушева Н. П. Проржавленные дни. С. 55—56.

⁹ Там же. С. 87. Кугушева цитирует здесь поэму Н. А. Некрасова «Русские женщины. Княгиня М. Н. Волконская».

¹⁰ 26 ноября 1913 года Мандельштама через адресный стол разыскивала университетская канцелярия, она оказалась удачливее Барышникова. См. об этом: Сальман М. Г. Осип Мандельштам: годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга) // Russian Literature. 2010. Vol. III/IV (LXVIII). С. 464.

¹¹ Аллюзия на эпизод в «Сентиментальном путешествии» В. Б. Шкловского и в «Белой гвардии» М. А. Булгакова (ср.: Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988. С. 339, 340).

¹² См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61140. Л. 44 (копия).

¹³ См.: Там же. Д. 62364. Л. 33.

© П. С. Глушаков

ЮБИЛЕЙНЫЙ СБОРНИК В ЧЕСТЬ Л. В. СПРОГЕ*

Сборник, изданный к юбилею латвийского ученого профессора Л. В. Спроге, объединил работы, написанные по преимуществу в русле трех научных тем: литература Серебряного века, творческое наследие писателей русского зарубежья и русско-латышские культурные связи.

Существенным упущением книги является отсутствие в ней хотя бы краткого очерка научной деятельности юбиляра; не позаботились составители и редакторы и о непременном в сборниках такого рода списке основных трудов Л. В. Спроге.¹ Все это более чем досадно, тем более что сегодня в рижской русистике нельзя найти фигуры более авторитетной, чем профессор Спроге, ее работы публикуются с завидной регулярностью во многих странах; сложно представить себе исследование о литературе межвоенной Латвии (20—30-х годов XX века) без упоминания и опоры на основополагающие труды ученого.

Основу сборника составили статьи русистов и славистов из России, Эстонии, Литвы, Польши, Италии и Испании.

Отрадно, что большинство работ опирается на архивный базис или вводит в научный оборот малоизвестные источники и тексты. Таковы, например, статьи А. В. Лаврова «„Сенаторская встреча“ (Мария Вульфарт в жизни и стихах Валерия Брюсова» и М. М. Павловой «„Отчего ж, душа-рабыня, Ты на волю не летишь...“». Материалы к поздней биографии Федора Сологуба».

Безусловный интерес представляет полезная роспись содержания редкого рижского журнала «Для всех», выходявшего всего полгода (с января по июль 1944 года).² Издание было адресовано русскому населению оккупированной территории Прибалтики и беженцам. Изучение такого рода периодики в литературоведческой науке еще только начинается, поэтому тот фактический задел, кото-

рый делает автор росписи — Б. А. Равдин — не только важен, но и отраден.

Богатый фактический материал обнаруживается в статье Т. К. Шор «От Рижского вестника к Юрьевскому утру 1914—1917 (Из истории русской журналистики в Прибалтике в годы Первой мировой войны)», в которой описывается редакционная и рецепционная судьба двух ежедневных газет.

Интересные наблюдения даны в статье В. Н. Терехиной «„Марево“ экспрессионизма над акмеизмом-адамизмом», где ставится вопрос о стилевой принадлежности поэзии М. А. Зенкевича и В. И. Нарбута. В научной литературе эта проблема рассматривалась двояко: Р. Тименчик относил поэтов к акмеизму, тогда как О. Лекманов писал об «адамизме». Терехина предлагает свой вариант решения: «Рассматривая вопрос о самоидентификации Зенкевича и Нарбута в литературном процессе 1910—1920-х годов, можно предположить проявление под маской акмеизма экспрессионистских черт в поэтике» этих литераторов (с. 267). Автор статьи справедливо утверждает, что окончательный ответ об экспрессионистской составляющей поэтики Зенкевича и Нарбута явится в процессе углубленного изучения их творчества и поэтического контекста эпохи.

Глубокое погружение в изучаемую эпоху демонстрируют другие статьи сборника: таллиннская исследовательница И. З. Белобровцева размышляет о вымысле и реальности в романе Л. Ф. Зурова «Иван-да-Марья», профессор Тартуского университета Л. Н. Киселева пишет об исторических произведениях Я. Кросса, даугавпилский ученый Ф. П. Федоров выявляет перспективные модели в создании автобиографических образов Ю. Н. Тынянова и Н. А. Бердяева. Безусловный интерес представляют также работы А. А. Данилевского «Из комментариев к рассказам Б. Темиряева (Ю. Н. Анненкова): „шувльгинский след“ в „Снах“», Н. В. Кононовой «Три издания книги „В кругу себя“ Давида Самойлова», лапидарные, но содержательные статьи А. Станкевич, А. Неминущего, Ю. Сидякова, Н. Шром и др. Несомненна ценность публикации Т. С. Царьковой неизвестного письма А. Д. Скалдина к Ю. Н. Верховскому. Наконец, специалистов заинтересуют работы балтистов Я. Курсите «„За формой сущность“»: два сборника латышского декаданса» и А. Цимдини «Текст города и национальная идентичность».

В статье П. Лавринца «„Орлиный взлет“ С. Р. Минцлова: литовский контекст» подробно описаны история создания и некоторые закономерности в читательском восприятии и рецепции критиков минцловского ро-

* «Радость ждет сокровенного слова...». Сб. научных статей в честь профессора Латвийского университета Л. В. Спроге. Рига: Изд. Латв. унив., 2013. 335 с.

¹ Упомянем здесь только две основополагающие монографии исследовательницы: *Sproģe L., Vavere V. Latviešu modernisma aizskūmi un krievu literatūras «sudraba laikmets»*. Rīga, 2002; *Sproģe L. В. Русская поэзия и проза XX века: эпоха символизма и эмиграции*. Рига, 2009.

² Теперь мы имеем полную роспись трех важнейших периодических изданий Латвии: в 2001 году вышла подготовленная Ю. И. Абызовым роспись газеты «Сегодня» (в двух частях), а спустя два года он же подготовил роспись газеты «Слово».

мана. Между тем автор статьи напрасно проигнорировал две работы по данной теме,³

³ Глушаков П. С. 1) Трансформация литературных персонажей в исторической беллетристике русского зарубежья (на материале романа С. Р. Минцлова «Орлиный взлет») // Русская литература XX—XXI веков: проблемы теории и методологии изучения. М., 2004. С. 165—170; 2) Исторический роман С. Р. Минцлова «Орлиный взлет» (от язычества к христианству) // Русская литература и православие. Даугавпилс; Резекне, 2005. С. 62—67.

которые появились в последнее время и знакомство с которыми существенно обогатило бы эту и без того интересную публикацию.

В быстротекущем времени сборник трудов в честь профессора Л. В. Спроге играет важную и неоченимую роль: статьи различных авторов и разных научных школ выявляют закономерности, позволяют «сверить время», наметить перспективы. В таком понимании — это, конечно, не книга итогов, но знак продолжения.

ХРОНИКА

ЧТЕНИЯ ПО ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ В ЧЕРНИГОВЕ

10—13 октября 2013 года в Чернигове проходила международная научная конференция «Чтения по литературе и культуре Древней Руси», организованная Черниговским национальным педагогическим университетом им. Т. Г. Шевченко и Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, в которой принимали участие исследователи из Чернигова, Петербурга, Москвы, Киева, Пскова и Нежина. Конференция являлась также выездными Чтениями Отдела древнерусской литературы, начало проведения которых было положено Д. С. Лихачевым и Л. А. Дмитриевым в 1970-е годы.

10 октября открыла Пленарное заседание Н. В. Поньрко (Санкт-Петербург), начав свое выступление «Отдел древнерусской литературы как центр фундаментальных исследований Российской Академии наук», с напоминания о том, что в 1975 году в Чернигове уже проходили «Чтения по истории и культуре Древней Руси» с участием Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома во главе с Дмитрием Сергеевичем Лихачевым, и предложила рассматривать современные чтения как продолжение давно сложившейся традиции. Докладчица обратила внимание и на другую научную традицию — на преемственность школы Отдела по отношению к школе киевского семинария по древнерусской литературе Владимира Николаевича Перетца, так как В. Н. Перетц и В. П. Адрианова-Перетц, стоявшие у истоков создания в начале 1930-х годов Отдела древнерусской литературы в Пушкинском Доме, принесли в работу вновь созданного Отдела научные принципы и методы, сложившиеся в киевском семинарии. Докладчица сделала акцент на фундаментальном характере филологических работ, выполняемых в Отделе. В выступлении были охарактеризованы четыре основных направления работы Отдела древнерусской литературы как научной школы: научно-исследовательское, издательское, библиографическое и археографическое. Основным изданием коллектива являются Труды Отдела древнерусской литературы. Особое место в научной деятельности занимает серия монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы, в которой до сегодняшнего дня было издано около 30 книг.

К ним можно отнести и публикации «Повести о Митяе» Г. М. Прохоровым (1978), «Повести о Петре и Февронии Муромских» Р. П. Дмитриевой (1979), и книги Т. Р. Руди, С. А. Семячко, А. Г. Боброва, вышедшие в свет с подзаголовком «Новые имена в науке», и труд Т. Б. Карбасовой, посвященный Житию Кирилла Новоезерского. Таким образом, нераздельными оказываются издательское и исследовательское направления. С конца 1970-х — в 1980-х был осуществлен еще один издательский проект, предназначенный для широкого круга читателей — «Памятники литературы Древней Руси», а с 1997 года выпускается расширенная версия этого проекта — 20-томная «Библиотека литературы Древней Руси». К коллективным трудам относятся и работа над новыми сериями «Книжные центры Древней Руси» (8 выпусков) и «Русская агиография» (2 выпуска). В выступлении Поньрко были также охарактеризованы археографическая и библиографическая деятельность сотрудников Отдела.

Л. В. Соколова (Санкт-Петербург) прочла доклад на тему «Художественные особенности „Слова о полку Игореве“ как аргумент в споре о древности памятника», при этом особенно подчеркнула, что сомнения в подлинности памятника изначально были порождены художественным своеобразием «Слова», его неповторимостью, и попыталась показать разницу между «Словом» и другими произведениями Киевской Руси. Оригинальность «Слова» объясняется тем, что автор творил в традиции, от которой до нашего времени почти ничего не сохранилось, — в традиции дружинной поэзии, хотя и видоизменяя жанр дружинной песни, споря с Бояном. При этом «Слово», как уже отмечалось исследователями, обнаруживает типологическое сходство с западноевропейской поэзией XI—XII веков. С точки зрения темы, «Слово» можно сопоставить с романскими книжными поэмами — французской «Песней о Роланде» и испанской «Песней о моем Сиде». Во всех трех произведениях повествуется о борьбе с иноверцами: в «Песни о Роланде» и «Песни о моем Сиде» — о священной войне христианского Запада с мусульманским Востоком, в «Слове о полку Игореве» — о борьбе христиан с язычниками-половцами. Важное место в этих нацио-

нальных поэмах занимает образ Родины («милой Франции» в «Песни о Роланде» и «Русской земли» в «Слове»), в них появляется герой нового типа — мудрый «седой» патриарх (Карл, Святослав Киевский), противопоставленный «молодым» князьям, стремящимся к личной славе. Однако в отличие от западноевропейских поэм «Слово» — не эпическое, а лиро-эпическое произведение, как и песни Бояна. Его целью является не повествование о событиях, а лирический отклик на них. Отличается «Слово» от западноевропейских поэм и своей яркой публицистичностью, которая позволяет соотносить его в этом отношении с жаром сирванты в поэзии провансальских трубадуров. Кроме того, «Слово» отличается от романских поэм своим усложненным стилем, который сопоставляется с «темным» стилем западноевропейской лирической поэзии XII века. По мнению докладчицы, правильное сопоставлять стиль «Слова» не с «темным», «закрытым» стилем поэзии трубадуров (*trobar clus*), понятным лишь посвященным, а с изысканным стилем (*trobar prim*, *trobar ric*), который возник в конце XII века и объединил в себе особенности темного и ясного (*trobar clar*) стилей: рафинированность, изобретательную метафоричность, изящество формы первого и ясность языка второго. Таким образом, «Слово о полку Игореве» написано в традициях дружинной поэзии Киевской Руси, но при этом отражает некоторые особенности западноевропейской поэзии XII века.

Пленарное заседание было продолжено докладом В. И. Ульяновского (Украина) «Последняя „большая молитва“ князя Илья Острожского», в котором речь шла о тексте завещания старшего сына великого гетмана литовского Константина Ивановича Острожского — Ильи (1508—1539), который оказался в тени своего отца и младшего брата Василия-Константина, известного издателя Острожской Библии, основателя Острожской академии. Автор выступления проанализировал завещание князя Ильи Острожского, написанное за три дня до смерти, 16 августа 1539 года. Оно состоит из двух частей: первой — исключительно молитвенной и второй — конкретно-распорядительной, касающейся имений и имущества. Особое внимание в докладе было уделено именно первой части, на которую практически не обращают внимания историки Дома Острожских, сосредотачивая внимание на земельных владениях рода и материальных ценностях. В «Большой молитве» князя, который при жизни не отличался ни религиозностью, ни церковным рвением, по мнению В. И. Ульяновского, можно выделить несколько уровней: церковный — в лице священнослужителей, иерархии, нищих и убогих, которые были призваны на протяжении 40 дней молиться за спасение души Ильи; персональный — через родовые иконы и на престольный крест сам Илья незримо должен был

присутствовать в молитве пред этими святынями в сакральных центрах Дома Острожских; всецерковный — молитвы о князе должны были звучать во всех храмах Киевской митрополии; родовый — почтятся места, где почивали предки, Илья обращался и к их молитвенному заступничеству.

Заседание было завершено выступлением Л. В. Терещенко-Кайдан (Украина), посвященным монодическому пению в современной украинской богослужебной практике, сопровождавшимся песенным исполнением. Как отметила докладчица, вопрос исполнительства и соответствия традициям монодических песнопений, которые наполняют репертуар современной церковной службы, чрезвычайно актуален. Путей попадания монодии в репертуар современных церковных хоров несколько, и самый правильный и интересный путь к познанию монодического пения, чтобы четко различать принадлежность того или иного произведения к традициям, к напевам, к стране, — это изучение соответствующих рукописных материалов, например, Института рукописи НБУВ НАН Украины. Кратко рассмотрев образцы монодического пения украинского репертуара, Терещенко-Кайдан подчеркнула, что это яркая страница не только истории церковного пения православия, но и исполнительской практики, и сегодня важно сохранить эти традиции.

11 октября работа конференции была продолжена по трем секциям.

Работа первой секции, посвященной вопросам изучения древнерусской агиографии, начался докладом М. М. Никитенко (Украина) «Хронологические веки Жития преподобного Феодосия Печерского в свете традиции исихазма». Докладчица особо выделяет в Житии прп. Феодосия Печерского три даты: год пострига святого (1032), год постройки им Ветхого Печерского монастыря (1062) и год его смерти (1074), которые, по ее мнению, имеют в Житии не только чисто практическое, утилитарное значение, но и глубокий символический смысл, раскрытие которого возможно в контексте учения исихазма. Дата пострига Феодосия Печерского — 1032 год — не является результатом «простых вычислений» средневековых книжников, она есть плод творческого осмысления ими Жития великого святого. Скорее всего, эта дата появилась в источниках в период написания древнейшего ядра Киево-Печерского патерика — в XIII веке: ведь, главные идеи патерикового «Слова» о создании Великой Печерской церкви и Жития Феодосия созвучны. Однако следует учитывать тот факт, что инок Кассиан, автор двух редакций Киево-Печерского патерика, совершал свой труд в период наибольшего распространения исихастских идей в восточно-христианском мире. Используя сведения неизвестного нам ныне источника, он вполне мог понимать главные интенции автора Жития прп. Феодосия, поэтому так уверенно внес дату пострига

святого в обе свои редакции Киево-Печерского патерика.

В выступлении С. М. Шумило (Украина) «Агиография Епифания Премудрого и Феодосия Хиландарского: поиск параллелей и пересечений» ставился вопрос о том, какие авторы, идеи и тенденции оказали влияние на формирование уникальной писательской манеры русского книжника — Епифания Премудрого. Из общего литературного контекста докладчицей особо выделяются сочинения сербских агиографов Доментиана и Феодосия. Одной из важных параллелей явилось непосредственное заимствование нескольких страниц текста из Похвального слова св. Савве, принадлежащего сербским книжникам, в Похвальном слове св. Сергию. В связи с этим встает не менее важный вопрос о том, был ли Епифаний Премудрый знаком с Житием Саввы? Ни утверждать, ни отрицать этого, по мнению докладчицы, нельзя. Данная проблема влечет за собой вопрос о времени появления на Руси Жития св. Саввы. Мы не имеем ни одного списка пространной редакции этого Жития (а именно она включает Похвальное слово) древнее XVI века на территории восточных славян. Но список мог погибнуть, мог быть единственным, мог быть привезен Епифанием со Святой горы и храниться в его личной библиотеке, где он мог быть переписан. В таком случае, можно предположить, что полная редакция Жития св. Саввы начала распространяться на Руси на сто лет раньше.

Доклад Е. М. Юхименко (Москва) «Житие великомученицы Варвары в Выговских Четьях Минеях и иконописи» был посвящен старообрядческой традиции почитания популярной в Древней Руси святой. Автором было установлено, что в состав Выговских Четьих Минея (1712—1715) Житие вмц. Варвары вошло в редакции Дмитрия Ростовского. Этот неожиданный факт доказывает, что выговские старообрядцы, разыскивавшие и сравнивавшие различные редакции житий святых, оценили фактологическую полноту и литературные достоинства редакции Дмитрия Ростовского и лишь сократили повесть «О честных мощах великомученицы Варвары», оставив только сообщение о перенесении мощей святой в Киев. Старообрядцы Выга внесли существенный вклад в создание житийной иконографии великомученицы, что подтверждают две житийные иконы, созданные в первой половине XIX века в одной мастерской Выговского суземка: «Св. вмц. Варвара, с житием в 16 клеймах» (Русский музей) и «Св. вмц. Варвара, с житием в 12 клеймах» (частное собрание Л. И. Вольфсона). Было установлено, что литературной основой для выговских иконописцев послужило Житие святой также в редакции Дмитрия Ростовского.

И. А. Лобакова (Санкт-Петербург) сделала доклад «Вариативность комплекса посмертных чудес святого в Житии Иринарха

Ростовского: К истории текста памятника». Прежде всего, докладчицей было отмечено, что ряд особенностей 29 дошедших списков памятника XVII—XIX веков обусловлен поздней рукописной традицией. Проведенный текстологический анализ позволил Лобаковой прийти к выводу, что значимыми из более, чем 600 разночтений являются лишь 10, на основании которых и выделяются два вида памятника (А и Б), а внутри них — группы. Кроме ядра группы вида А существует группа из 4 списков, три из которых были переписаны в старообрядческой среде (в них сообщается, что Иринарх перекрестился «двема персты»). Еще две интересных группы можно выделить в составе вида Б. Отличительная черта одной из них заключается в композиционном решении: все чудеса, и прижизненные, и посмертные объединены в один комплекс и имеют общую нумерацию, хотя во всех других списках (и вида А, и вида Б) сказания о чудесах отделены пространством повествованием, имеющим свой сюжет. Второй отличительной особенностью списков этой группы явилась замена, произошедшая в 3-м прижизненном чуде святого: в результате пропуска строки чудо исцеления от помрачения рассудка из-за страха произошло с иным персонажем — вместо боярского сына Матвея Тюхменева героем чуда стал «пан литовский», т. е. изменился смысл сказания о чуде, силой молитвы Иринарха был исцелен поляк. В составе другой группы вида Б посмертное чудо об Агриппине заменено чудом 1693 года о Петре Фомине.

М. Б. Столяр (Украина) и Н. А. Богун (Украина) в докладе «К вопросу о присутствии юмора в феноменологии святости (на материале византийской и древнерусской агиографической литературы)» постулировали, что древнерусская культура представляла собой уникальную сферу сакрального общения, которое не нуждалось в разнообразных формах «смеихотворства». Однако на материале святоотеческой литературы можно говорить о теме «духовного» смеха, изучая, во-первых, теологию радости «возвеселится Господь о делех Своих» (Пс. 103:31), во-вторых, онтологию радости «небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется...» (Пасхальный канон), а в-третьих, исследуя проявления духовного смеха святых подвижников. Например, для святого даже понятие «страха Господня» означает не подавленное состояние, а сердечное веселье: «Возвеселится сердце мое бояться Имени Твоего» (Пс. 85:11). В пределах этого духовного веселья возможно заметить и небольшие вкрапления особого юмора святых, который направлен не на недостатки других людей, а является средством самоуничтожения подвижника, эффективной формой, дающей возможность избежать мирской славы. Элемент юмора может появиться и в результате обмена ролями, напоминающего карнавальное переодевание. В целом же, вопрос о присутствии юмора в

византийской и древнерусской культуре, как считают авторы выступления, сложно решить однозначно в силу отсутствия возможности у современного исследователя достичь полного вживания в принципиально иной культурный контекст.

Следующий доклад Н. А. Синкевич (Украина) «Чудеса киево-печерских святых в „Тератургиме“ Афанасия Кальнофойского (1638)» был посвящен одному из наименее изученных памятников украинской литературы первой половины XVII века. В докладе автор, прежде всего, опровергает устоявшееся мнение о том, что дневниковые записи Петра Могилы послужили источником произведения Афанасия Кальнофойского: несмотря на ряд параллелей, автор сочинения, в целом, находился в оппозиции по отношению к могилянскому кругу. Пользуясь определенными письменными записями, которые велись лаврскими архимандритами еще до Петра Могилы, автор «Тератургима» самостоятельно собирал информацию о чудесах: чаще всего свидетелями чудес выступали монахи, находившиеся на посту начальников пещеры, многие чудеса были услышаны при исповеди. Автор доклада показывает, что среди очевидцев чудес православные, католики и протестанты, мало шляхтичей, много крестьян и запорожцев, несмотря на специфическое отношение киевского духовенства к этой социальной группе. Очерчивая природу чуда и давая дефиницию чудесному как противоречащему закону природы, Афанасий Кальнофойский описал 67 чудес, совершенных в Киево-Печерской лавре. Их география в большинстве своем ограничена Киевским, Подольским и Волынским воеводствами. В целом, этот сборник можно рассматривать как источник для изучения народного благочестия. Записанные чудеса чрезвычайно «живые», обогащены реалистичными деталями, носят дидактический характер; докладчица классифицирует их на несколько основных групп: исцеление, спасение от различных жизненных опасностей, изгнание бесов (автор доклада отмечает особый интерес Афанасия Кальнофойского к экзорцизмам), наказание за непочтительное отношение к святым или церкви, подтверждение божественного присутствия, чудо-пророчество.

Большую полемику вызвал доклад И. К. Чугаевой (Украина) «Черниговский летописный материал начала — середины XIII века в северо-восточных летописных сводах», в котором были описаны «черниговские детали», уточняющие информацию о черниговских князьях и о Чернигово-Северской земле. По предположению Чугаевой, 8 из 10 сообщений, содержащих черниговский материал в северо-восточных летописях, вероятно, происходят из южнорусского, возможно, черниговского источника XIII века, который отобразился в большинстве случаев в Московском летописном своде конца

XV века в более исправном виде, чем в других источниках.

Работа второй секции «Древнерусская книжность XI—XV веков» открылась докладом Г. М. Прохорова (Санкт-Петербург) «Дионисий Ареопагит по-славянски: история открытия и публикации автографа переводчика», посвященным славянскому переводу Корпуса сочинений Дионисия Ареопагита с комментариями Максима Исповедника, который являлся последним из переводов этого текста с греческого языка на языки народов христианского мира (сирийский, арабский, армянский, копский, латинский, грузинский). Перевод был выполнен сербом Исаяей в 1371 году в результате возросшего интереса к «исихастской» литературе. Принесенный на Русь перевод активно переписывался до XVII века в двух традициях: московской и новгородской. Обе традиции, как оказалось, сохраняют индивидуальные особенности одной рукописи — РНБ, собр. А. Ф. Гильфердинга, № 46. Подобранный русским дипломатом Гильфердингом в разрушенной церкви св. Михаила в Колашине (Герцеговина), этот список датируется по филиграням его бумаги началом 70-х годов XIV века. Исследователь пришел к выводу, что это список является автографом переводчика, и, сделав микрофильм с этой рукописи, передал его немецкому профессору Герману Гольцу, организовавшему издание рукописи, осуществленное Сабинной и Дитером в Берлине. К настоящему времени в издательстве Вайера во Фрибурге в 2010—2012 годах вышли в свет четыре тома этого издания, включающие фототипическое воспроизведение рукописи, наборный текст, реконструированный греческий оригинал, индексы-словари. Ожидаемый пятый, последний, том будет содержать научное исследование этой рукописи, в том числе кодикологическое, сделанное М. А. Шибаевым и Д. О. Цыпкиным.

Доклад В. И. Охотниковой (Псков) «Жанровые инварианты в Сказаниях о псковских иконах» был посвящен одному из самых консервативных жанров древнерусской литературы — сказаниям о чудотворных иконах. В региональных литературных инвариантных схемах сюжета приобретают особые черты, формируя свои устойчивые традиции. В псковской литературе получили развитие, в основном, два типа сказаний — об иконах плачущих и иконах явленных. Жанровая модель сказаний об иконах, источающих слезы и кровь, в литературе древнего Пскова лаконична и на протяжении нескольких веков неизменна, их особенностью является отсутствие, как правило, таких компонентов, как объяснение чудесного знамения, его связи с историческими и природными катаклизмами и катастрофами, а также описание последующих чудес. Более вариативны сказания об иконах явленных. Наиболее вариативная их часть — описание жизни человека, который обнаружил икону;

здесь появляются присущие только данному тексту детали и подробности: в Повести о явлении икон на Синичей горе (Повести о Святогорских иконах) — это юродивый Тимофей с подробным рассказом о его жизни, со всеми мотивами, свойственными житиям юродивых, а в Сказании о Холмской иконе Богоматери икона является девиде Марии из крестьянской семьи, и в тексте Сказания возникают детали и эпизоды бытовой крестьянской жизни. Докладчица обратила также внимание на то, что изменение инвариантной структуры сказаний об иконах зависит от времени ее написания и авторской «стратегии», показав, например, стратегию «краеведа» в истории явления Холмской иконы Богоматери (1390), составленной в конце XVIII века, с использованием подробных записей рассказов жителей этих мест, уточнением некоторых исторических деталей по результатам работы в архиве Успенской церкви Михайловского погоста.

Д. С. Морозова (Украина) в докладе «Косма Индикоплов и сирийский космос Древней Руси» обратила внимание на значение сирийского христианства в процессе формирования литературного фона Древней Руси. Одной из важных сфер этого влияния является древнерусская космология, где ближневосточная плоскоотно-комарная модель Вселенной явно преобладала над значительно более характерной для Византии сферической моделью. Славянский перевод «Христианской топографии» Космы Индикоплова свидетельствует о симпатии древнерусских книжников к типу экологического естествознания, разработанному антиохийскими учеными, исходящего из эсхатологии и ориентирующегося на целеположение, а не на причинно-следственные связи.

Выступление иеромонаха Иова (Салиулина) (Москва) «Славянские рукописи школы преподобного Паисия Величковского в Нямецком монастыре в Румынии» было посвящено анализу 30 автографов Паисия Величковского (всего в монастыре 297 славянских рукописей, из них — 262 имеют прямое отношение к рукописной школе преподобного Паисия). Черновики старца Паисия, как показал иеромонах Иов, изобилуют поправками и уточнениями, беловые рукописи написаны аккуратно, разборчивой и четкой скорописью. Также в архиве имеются десятки чистовых рукописей, списанных с переводов св. Паисия его ближайшими учениками. Круг переведенных произведений достаточно широк и выходит далеко за рамки сборника славянских текстов, получившего название *Добротолюбия* — ядра Паисиевых переводов. Рукописи позволили автору доклада проследить, какую литературу старец считал необходимым иметь в монастыре, какие вопросы практического и догматического богословия выделял в качестве важнейших. Однако в основном великий старец обращал внимание на писателей-исихастов, учащихся

«умному» деланию. Среди них авторы не только греческой аскетической традиции, но и русской, как например, Нил Сорский, Тихон Задонский и Димитрий Ростовский, св. Василий Полянмерульский и др. В ближайшем будущем иеромонах Иов планирует издать каталог славянских рукописей, хранящихся в Нямецком монастыре, основная задача которого — раскрыть содержание древних манускриптов.

Иерей Сергей (Глинских) (Москва) в докладе «Исследования архимандритом Леонидом Кавелиным состояния Русского паломничества в Иерусалим от древних времен до 60-х годов XIX века» показал, что исследование древнерусской литературы о паломничествах в Иерусалим, проведенные архиепископом и библиографом архимандритом Леонидом (Кавелиным), пока недостаточно изучены и плохо опубликованы. Актуальность их изучения связана с увеличением в начале XXI века числа людей, паломничающих в Святую Землю с территории исторической Руси, т. е. Украины, Беларуси и России. Научная значимость этих работ высока по следующим причинам: во-первых, их обширности, во-вторых, важности исследования самого явления паломничества, в-третьих, высокой учености автора, в-четвертых, его практического личного многократного и продолжительного соприкосновения со святынями Иерусалима, а также с церковными, политическими делами в Палестине. Важным и назидательным является и то, что отец Леонид показал пример эффективного применения на практике результатов изучения древнерусской паломнической литературы во время командировок в Иерусалимскую духовную миссию. По возвращении из зарубежных командировок литературная деятельность Леонида Кавелина продолжалась введением в научный оборот новых исторических источников, редактированием, комментированием на высоком профессиональном уровне накопленного для публикаций исторического материала. Результат этого труда — ряд монографий, из которых издан только путеводитель «Старый Иерусалим и его окрестности». В настоящее время начата подготовка к научной публикации ряда интересных документов о состоянии духовного окормления паломников в Палестине во время пребывания там о. Леонида, а именно сборник «Иерусалим, Палестина и Святая Афонская гора по русским паломникам XIV—XVII веков».

Работу третьей секции «История, культура и литература восточных славян в XVI—XVIII веках» открыл доклад А. Г. Боброва (Санкт-Петербург) «Смех в древнерусских летописях», который продолжил тему средневекового смеха и в котором рассматривались проблемы комизма в средневековом историческом повествовании. Было отмечено, что в летописях XV века встречаются «смеховые» описания самонадеянных и гор-

деливых воинов (статья под 1371 год), в статьях 1370-х годов для создания комического эффекта неоднократно используются каламбуры («пода Плещеев плещи свои»; «поистине, за Пьяною пьяни» и др.). Особое внимание докладчик уделил эпизоду «Повести временных лет», в котором описано, как прозорливый старец Матфей увидел в церкви на месте игумена Киево-Печерского монастыря Никона «осла стояща» и понял, что настоящая еще не встал к службе. Приведенные западноевропейские параллели о таком явлении средневековой культуры как «ослиный праздник» (*Festa asinorum*) показали, что этот столь необычный для Древней Руси образ имел на Западе широкое распространение, в свете которых возможно дать иное объяснение тексту «Повести временных лет». В видении осла на месте игумена следует, по мнению докладчика, видеть отблески средневековой смеховой культуры, западноевропейского карнавала. Рассказы о том, как монах Матвей увидел в церкви осла, и о том, что игумен бил юродствующего инока Исакия (последний эпизод Лихачев называл даже «выходкой» летописца против Никона), традиционно считались написанными после смерти Никона. Исследователи полагали, что такие сцены не могли быть созданы при жизни игумена и относятся к более позднему времени. Не менее затруднительно представить себе их создание и включение в летопись и после кончины почитаемого старца. Однако при взгляде на эти эпизоды «Повести временных лет» как на комические они могут рассматриваться не как обличающие Никона, а как «смеховые», присущие средневековому «карнавалному смеху». В таком случае написать эти сцены мог, в соответствии со средневековой поэтикой комичного (смех, направленный на самого смеющегося), только сам игумен, что приводит к той датировке летописного текста, которую предлагает А. Поппэ: 1078—1088 годы. Атрибуция текстов об «осле в церкви» и побоях юродивого самому объекту насмешки, безусловно, меняет суть самих образов, в них выявляется стихия общеевропейской смеховой культуры.

Доклад А. Ю. Кондратюк (Украина) «Новые тенденции и византийская традиция в украинской культуре эпохи барокко» был посвящен культуре Левобережной Украины первой половины XVIII века, определяемой как культура «транзитивного» типа, объединявшего в себе разные интеллектуальные тенденции и постоянно эволюционировавшего. Идеологической основой этой культуры была деятельность Киево-Могилянской академии, содержание лекционных курсов которой представляло собой некий синтез идей, присущих разным культурно-историческим формациям: Схоластике, Ренессансу, Реформации и даже раннему Просвещению. Киево-Могилянская академия и Киево-Печерская лавра — два очага просвещения, тесней-

шим образом в этот период между собой связанные. Именно они определили специфику культурной и художественной жизни Германщины эпохи барокко. Так, в деятельности Киево-Печерской живописной мастерской проявились главные тенденции украинского изобразительного искусства, своеобразно трактовавшего византийскую традицию, но при этом испытывавшего значительное влияние со стороны искусства Западной Европы. Монументальные ансамбли этого художественного центра отражают также сложный характер взаимоотношения изобразительного искусства и теологии украинского барокко.

Доклад Т. Р. Руди (Санкт-Петербург) «Из истории позднего русского пустынножительства: Феофан Соловецкий» был посвящен исследованию одного из памятников русской агиографии XIX века — Повести о пустынножителе Феофане Соловецком. Жизнеописание этого подвижника до настоящего времени не становилось предметом специального исследования и научно не издавалось. Между тем текст этот представляет значительный интерес — причем не только для истории Соловков, но и для русской агиографии в целом. Повесть о Феофане, с одной стороны, представляет собой уникальный по материалам источник по истории позднего пустынножительства, с другой — композиционно и стилистически продолжает традицию житийного жанра. Язык этого сочинения и его поэтика позволяют говорить о нем как о ярком свидетельстве продолжения живой средневековой агиографической традиции «после Древней Руси», что особенно впечатляет, если учесть, что герой Повести был старшим современником А. С. Пушкина: старец Феофан преставился 26 июня 1819 года. В докладе были представлены предварительные наблюдения над литературной историей Жития Феофана Соловецкого: в настоящее время известны 12 списков памятника, датированные 20—50-ми годами XIX века. Проведенный анализ обнаруженных списков показал, что они разделяются на три редакции, различающиеся, в первую очередь, объемом и наличием вставных текстов. Так, последняя по времени создания (Пространная) редакция в два с лишним раза превосходит по объему первую (Краткую). Ее текст несет в себе не только следы довольно значительной стилистической редактур, но и включает в себя многие дополнительные сюжеты, а также тексты проповедей старца Феофана и два самостоятельных вставных сочинения — Повесть о затворнике Досифее Китаевском и так называемое «Возражение ученика Феофана на раскольников». Наблюдения над литературной историей Жития позволили исследовательнице назвать имя предположительного автора этого сочинения — ученика Феофана иеромонаха Антония, в миру — Алексея Ивановича Ерофеева (1788—1829).

Выступление М. А. Федотовой (Санкт-Петербург) было посвящено неизданным со-

чинениям Дмитрия Ростовского украинского периода — сочинениям автора, имеющего большое значение, как для культуры Украины, так и для культуры России. Докладчица отметила, что не смотря на большое число сочинений, которые сделали имя святителя Дмитрия, митрополита Ростовского и Ярославского, известным не только среди современников, но и в последующие столетия, в рукописях еще обнаруживаются тексты писателя мало изученные, неизвестные и неизданные. Среди них, как показала М. А. Федотова, проповеди, стихи, службы, повести, исторические и агиографические сочинения.

Творчества святителя Дмитрия Ростовского касался и доклад А. В. Волкова (Санкт-Петербург) «О рукописной и печатной традициях „Келейного летописца“ Дмитрия Ростовского», который на материале списков памятника, представленных в собрании А. А. Титова (РНБ) и его изданий показал историю бытования «Келейного летописца». Поскольку от списка к списку и от издания к изданию текст варьируется незначительно, основой для текстологического анализа послужили маргиналии — ссылки на латинские источники памятника. В авторизованных списках ссылки на латинские источники представлены во всей полноте, на латинском языке, с точным указанием цитируемого места. Уже при жизни Дмитрия Ростовского, в списках, сделанных его учениками, ссылки на латинские источники значительно сокращаются, переводятся на русский язык, зачастую с искажениями. В позднейших списках ссылки могут отличаться полностью, однако в большинстве случаев они переведены на русский язык. В подавляющем большинстве списков, по наблюдениям Волкова, западноевропейские источники представлены единичными ссылками, которые ограничиваются лишь именами и фамилиями авторов, зачастую искаженными. Они отражают основную тенденцию в восприятии «Келейного летописца» позднейшим, главным образом, простонародным читателем, состоявшую в том, что памятник со временем начал восприниматься не как исследование по библейской хронологии, а как свод нравоучений, подкрепленных примерами из Священной Истории. Печатные издания «Келейного летописца» продолжают тенденцию адаптации памятника для широкого читателя. В подобных изданиях «Келейный летописец» уже не воспринимается как памятник литературы рубежа XVII—XVIII веков, и все черты авторской индивидуальности Дмитрия Ростовского в них стираются.

Культуре XVII века был посвящен и доклад В. В. Спивака (Украина) «Рационализация морально-этической парадигмы украинской религиозно-философской мысли XVII века (на материале церковной проповеди)», в котором он подчеркнул, что церковную проповедь нельзя рассматривать как текст исключительно религиозный, т. е. она

является одним из основных источников для освещения особенностей взаимовлияния богословского и философского знания (которое состояло из синтеза различных, иногда довольно противоречивых традиций) и широкого круга общественных практик. Докладчик сделал вывод, что в указанный период происходила постепенная рационализация морально-этической парадигмы Церкви и увеличение внимания мыслителей к проблемам земной жизни христианина. Данные процессы в первую очередь отразились в церковной проповеди, которая может быть одним из основных источников для изучения истории морально-этической мысли эпохи украинского барокко.

Теме погребальной культуры на Украине во второй половине XVII века был посвящен доклад А. В. Попружной (Украина). Как известно, погребальная культура охватывает широкий комплекс социальных проявлений — подготовку к смерти, отношение к смерти и памяти о себе. На широком историческом материале докладчица показала, что представители ведущего социального слоя украинского общества — Гетманщины — заблаговременно готовились к «последнему пути»: составляли завещания, одаривали церкви и обители за сорокоусты и поминальные ритуалы, таким образом, облегчая мытарства души, оставляли напутствия родным, назначали патронов и опекунов семье. Отдельной составляющей похоронной культуры становился поиск места захоронения. В основном такими местами становились храмовые склепы, усыпальницы или территория одного из монастырей. Желание увековечить память или воздействие западноевропейской традиции заставляли представительниц ведущей социальной элиты заказывать надгробные портреты, которые после смерти размещались над захоронениями. Кроме надгробных портретов еще одной гарантией увековечения становились эпитафии — как сжатые и простые, так и длинные и красноречивые.

Доклад Г. В. Маркелова (Санкт-Петербург) «Летописец небесных знамений XVII века» вернул слушателей к космологическим темам и был посвящен характеристике одной уникальной рукописи, созданной жителем Казани и хранящейся ныне в Древлехранилище им. В. И. Малышева (Санкт-Петербург). Автор рукописи, как показал докладчик, не только сделал выписки из летописных и литературных источников всех известных ему небесных явлений, но и изобразил их на рисунках. Таким образом, рукопись представляет собой лицевой, иллюстрированный летописец небесных явлений.

Конференция продолжилась 12 октября, и отдельная секция была посвящена культуре Чернигова — «Чернигов в пространстве Древней Руси: к 320-летию со дня преставления Лазаря Барановича, архиепископа Черниговского».

Пolemическому трактату Лазаря Барановича «Nowa miara starey wiary» (1676) был посвящен доклад Е. Г. Борисенко (Украина) «„Черниговский кружок“ Лазаря Барановича в контексте украинской барочной литературы золотого века (на материале poleмических сочинений)». Как отметила докладчица, в украинской литературе Золотого века poleмика представителей различных конфессий продолжает традиции, заложенные в литературе рубежа XVI—XVII веков спором православных и католиков. Тем не менее меняется тон poleмических сочинений, и открывается новую страницу в истории этого жанра трактат Лазаря Барановича «Nowa miara starey wiary» как ответ на трактат Павла Боймы «Stara wiara» (Вильно, 1668). Изложение богословского материала в трактате характеризуется особой «литературностью» — из этого следует, что Лазарь Баранович создавал свой трактат не только как текст из области богословской дискуссии, но и как художественное произведение. Трактат Лазаря Барановича «Nowa miara starey wiary», как доказала в своем выступлении Борисенко, свидетельствует о новом периоде в истории украинской poleмической литературы, когда откровенные оскорбления в адрес оппонентов в сочинениях православных богословов сменяют строгое аргументирование своей позиции и художественность изложения. В свою очередь, это свидетельствует о том, что на смену эпохе средневековой poleмики приходит poleмика барочная, предполагавшая умеренный тон дискуссии, научное аргументирование и поэтическую насыщенность текста.

В докладе Г. В. Самойленко (Украина) «Лазарь Баранович и черниговская литературная школа второй половины XVII века» на конкретном документальном и литературном материале было показано, что в период формирования гетманского государства на Левобережной Украине, и в частности в Чернигове, возникла литературная школа, в формировании которой сыграл основополагающую роль крупный церковный, культурный и общественный деятель этого времени архиепископ Черниговский и Новгород-Северский Лазарь Баранович. С его именем связано много общекультурных инициатив: открытие славяно-латинской школы, типографии, основание хора, строительство храмов и т. п. Лазарь Баранович был также крупным писателем, объединившим вокруг себя многих талантливых литераторов, все они были объединены общественно-политическими взглядами, языковым, жанровым и тематическим единством литературного труда.

Лазарю Барановичу как основателю не только черниговской литературной школы, но и целого литературно-философского направления как своеобразного неповторимого явления именно второй половины XVII века был посвящен доклад М. А. Загорулько

(Украина) «Лазарь Баранович — основатель черниговского литературно-философского круга».

Е. Д. Конусова (Санкт-Петербург) в докладе «Уроженцы Чернигова и Черниговской губернии на страницах коллекции автобиографий С. А. Венгерова» обратила внимание на особенности этого архива жизнеописаний, выделявшие его из ряда других известных нам сводов автобиографий конца XIX — начала XX века, подчеркнув, что архив отличался особым вниманием к провинциальным авторам. Докладчица остановилась на жизнеописаниях людей, взгляды которых формировались под влиянием личности и творчества Т. Г. Шевченко. Так, например, прозвучали фрагменты из автобиографических повествований писателя и педагога Н. А. Вербицкого-Антиохова, журналиста Е. Н. Любича и др. В линии жизни черниговцев была отмечена одна общая тенденция: большинство из тех, кто связывал свою жизнь с интеллектуальным трудом, получив первоначальное и среднее образование на родине, затем покидали родные пределы и устремлялись в крупные университетские центры. Нередко наиболее яркие страницы автобиографий относились к гимназическому периоду. В этой связи были озвучены самые выразительные отрывки из жизнеописаний врачей С. П. Томашевского и В. Ф. Демича, писателя И. П. Белокоонского. Особое внимание было уделено рассказу о С. А. Бугославском и В. В. Данилове, посвятивших свои научные досуги изучению памятников древнерусской письменности. Корреспонденты Венгерова нередко включали в свои повествования родовые предания, тем самым связывая свою судьбу с историческими реалиями прошлого. К этой группе документальных свидетельств относится жизнеописание Вас. Ив. Немировича-Данченко. Оно является образцом малой мемуарной формы и представляет собой редкий в коллекции тип повествования, в котором происходит художественное освоение биографического пространства. Все рассмотренные в докладе автобиографические свидетельства представляют несомненный историко-культурный, а в отдельных случаях и литературный интерес.

Два заключительных доклада конференции были посвящены архитектурно-археологическим исследованиям города Чернигова — это доклады Е. Е. Черненко «Новые архитектурно-археологические исследования Спасо-Преображенского собора в Чернигове» и В. Я. Руденко и Т. Г. Новик «Исследование сакральных искусственных подземных сооружений на территории Чернигова».

Конференция завершилась общим обсуждением докладов. Организаторы поблагодарили всех участников, выразив надежду на дальнейшее продолжение проведения совместных конференций.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «БЫТОПИСАТЕЛИ БЛОКАДЫ»

10 апреля 2014 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась научная конференция, посвященная 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады. В заседаниях приняли участие представители петербургской академической и вузовской науки.

С приветственным словом выступила заместитель директора ИРЛИ по научным вопросам Ф. В. Панченко.

Конференцию открыл доклад А. А. Шелаевой «Выстраданное: о блокадном творчестве О. Ф. Берггольц и Г. П. Макогоненко», посвященный созданным поэтессой в соавторстве с мужем двух пьес: «Они жили в Ленинграде» (Знамя. 1944. № 1—2; в сценической версии 1961 года — «Рожденные в Ленинграде») и «Ленинградская симфония» (Звезда. 1945. № 3). Обе пьесы в журнальных публикациях представлены в жанре киноповести, который дал возможность авторам в обширных ремарках, прологе и эпилоге передать духовную атмосферу блокадного города. В центре первой — будни комсомольского отряда кораблестроительного завода, бойцы которого стремятся преодолеть тяготы быта, холод, голод, смерть и оказать помощь погибающим горожанам, изобретая для них новые способы освещения и производя в цехах завода блокадные печки-буржуйки. Вторая — в равной степени и художественное произведение, и документ, который знакомит с малоизвестными фактами из истории подготовки и исполнения 9 августа 1942 года в осажденном городе «Седьмой симфонии» Д. Д. Шостаковича. В пьесе изображены самоотверженные попытки интеллигенции сохранить традиции культурной и творческой жизни Ленинграда. Докладчица осветила отдельные факты из истории советской цензуры блокадного и послевоенного периода, свидетельствовавшие о желании партийного руководства страны скрыть трагическое положение Ленинграда, а затем и уничтожить память о блокаде.

Доклад Б. Ф. Егорова и А. П. Дмитриева «...Мы сделали дружнее, мудрее, очищенные этим страданием». Дневник художника С. В. Ганкевича (январь—март 1942 года) был посвящен блокадным запискам одного из учеников П. Н. Филонова. В 1949 году Б. Ф. Егоров, тогда школьный учитель, скопировал этот дневник с разрешения вдовы художника Тамары Михайловны. Она подарила ему и последнюю картину мужа: вид из ленинградского окна на улицу, по которой везут на санках как бы запеленатый труп. А на подоконнике лежит кусочек хлеба в 125 грамм — дневная норма человека... Дневник ценен художнически выразительным изображением некоторых уникальных подробностей блокадного быта, мастерскими зарисовками психологии людей, оказав-

шихся на краю гибели, и искренностью душевной исповеди, дающей цельное представление о светлой личности автора. Ганкевич признавался: «Забываю обо всем и погружаюсь в искусство...» Он писал при любой возможности, даже когда света было недостаточно, — чтобы наутро переписать на novo фон, изменить конфигурацию предметов в натюрморте и их состав. Когда же потемки совсем сгустились, при свете копилки раскрывал книгу и погружался в изучение истории живописи. Самоотверженная преданность искусству и еще любовь к жене, сливаясь воедино, позволяли душе до последнего не утратить природной жизнерадостности, веры в близкое завершение страданий. Этот присущий Ганкевичам оптимизм пронизывает всю стилистику дневника, выделяя его на фоне других свидетельств блокады.

Доклад Е. Н. Груздевой «Блокадный Ленинград в письмах сотрудников Академии наук» был основан на документах архива научного сотрудника академического Института этнографии Е. Э. Бломквист. Докладчица сосредоточилась на ее эпистолярном наследии и обосновала ценность писем ленинградцев на «большую землю» как подлинного источника сведений о блокадном городе. Груздева обратила особое внимание на интенсивность общественно-культурной жизни осажденного города: в тяжелейших бытовых условиях продолжалась научная работа, готовились и защищались диссертации, читались лекции в вузах и лекториях, издавались книги, организовывались художественные выставки, работали театры и филармония. Цитируя переписку, докладчица показала, что научная и культурная деятельность ленинградцев была важной составляющей их блокадных будней и помогала выжить в годы испытаний.

С докладом «Блокадный дневник: мотивация, адресат и „радиус“ описания (по фондам Рукописного отдела Пушкинского Дома)» выступила Н. А. Прозорова. Докладчица подчеркнула, что на пути к осмыслению блокады Ленинграда как исторического явления, не обойтись без дневников, которые непосредственно передают переживания жителей осажденного города. Исследовательница рассказала о блокадных дневниках, которые готовятся к печати в настоящее время. На примере записей М. В. Васильевой, А. П. и Е. П. Крайских, Е. А. Борониной, И. А. Гриневской, С. В. Ганкевича, И. Д. Зеленской и др. была показана общность побуждающих мотивов к ведению дневников. Авторы понимали исключительность обстоятельств, в которых они оказались, и вели дневники «для истории», обращаясь к далекому потомку. Прозорова отметила, что дневник становился для ленинградца «книгой жалоб» и помогал пережить тяготы бло-

кады. В то же время самим фактом ведения дневника человек противостоял смерти и фиксировал свою причастность наступающему дню. Докладчица показала, что общность пережитого определяла схожесть свидетельств блокадников о перенесенных испытаниях. Однако у каждого из авторов был свой «малый радиус» блокадной жизни, свой опыт, который и отразился в их дневниках. В заключение были процитированы записи, в которых проявились нравственные ориентиры рядовых ленинградцев, стремившихся «оставаться людьми» в нечеловеческих условиях блокады.

В докладе «Блокада глазами школьного учителя» Л. П. Громова познакомила слушателей с историей дневника Ивана Ивановича Мальяревского (1887—1951). Сам автор назвал свои записки «Дневником воспоминаний пережитых дней осады и блокады Ленинграда в 1941—1942 году». Об этом времени повествуется в первой, второй и частично третьей тетрадах документа. Окончание третьей тетради связано с несколькими месяцами 1942—1943 годов, пришедшимися на период эвакуации Мальяревского на Алтай. Незадолго до смерти, в 1950 году автор вернулся к дневниковым записям, помещенным в последнюю — четвертую по счету — тетрадь. Собственное ощущение происходившего и своя точка зрения на трагические дни блокады в дневниках Мальяревского характеризуют автора как зрелого, повидавшего жизнь человека, который обладал острой наблюдательностью и способностью абстрагироваться от тягот и ужасов войны. Воспоминания ленинградского учителя представляют собой будничное повседневное описание осажденного города, с точной фиксацией событий в нем, деталей жизни и смерти блокадников: их заботы, трагедии, маленькие радости, надежды, высокие и низкие проявления человеческого характера.

Утреннее заседание конференции было отмечено важным событием, в результате которого Рукописный отдел пополнился замечательными дарениями. Б. Ф. Егоров передал на хранение в Фондах Отдела копию дневника и картину С. В. Ганкевича, о которых шла речь в его совместном с А. П. Дмитриевым докладе. Еще одну живописную работу, принадлежащую перу художника А. В. Ковтуна, преподнес Рукописному отделу Г. Г. Прошин. Она датирована концом апреля 1942 года и является зарисовкой блокадного города, выполненной из окна Эрмитажа. Дар В.-Э. Хассельблада — портрет О. А. Черемшановой работы художницы М. А. Зубреевой дополнил материалы фонда поэтессы. Благодаря Л. Е. Шахт и Л. А. Варламовой архив О. Ф. Берггольца пополнился двумя ее автографами — дарственными надписями в книгах. Одна из них — героико-романтическая поэма Берггольца «Первороссийск», другая — сборник сочинений поэтессы «Память».

Затем И. А. Половникова поделилась своими воспоминаниями об отце, поэте Алексее Павловиче Половникове (1906—1976), работавшем в блокадные дни в Ленинградском Радиокomitee.

Далее состоялась презентация книг, выпущенных петербургскими издательствами в 2014 году. Писатель Н. Е. Соколовская представила участникам конференции следующие книги: расширенное издание «Блокадные книги» А. Адамовича и Д. Гранина; издание, подготовленное И. Муравьевой «Ленинградцы. Блокадные дневники из фондов Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда»; и книгу Н. А. Прозоровой «Ольга Берггольд: начало (по ранним дневникам)».

Конференция продолжилась на вечернем заседании. Первой на нем выступила Т. С. Царькова с докладом «Е. А. Боронина: „Дневник стал потребностью...“», посвященным анализу дневника детской писательницы Екатерины Алексеевны Борониной (1907—1955). Она жила на Петроградской стороне, в блокадные дни дежурила в пожарном звене своего дома на Варочной улице, была бойцом МПВО, писала для детского радиовещания, газет и журналов; выезжала в воинские части и госпитали, где читала свои рассказы, беседовала с ранеными. В первую зиму осады города Боронина заносила свои лаконичные, сделанные для памяти записи в основном в маленькие карманные блокноты, которые, спасаясь от обстрелов, брала с собой в бомбоубежище. Докладчица осветила два аспекта этих документальных текстов. Первый — ценность биографических подробностей военного времени из жизни писателей — друзей Борониной. Она отмечала точные даты и обстоятельства смерти тех, кого знала, и о ком с меньшей осведомленностью сообщают современные словари. Во-вторых, Царькова проследила связь дневников писательницы с ее художественными произведениями для детей, написанными как во время, так и после войны. Связь эта несомненна: она — в прямых отсылках к дневникам в рукописях литературных сочинений Борониной, в фабулах ее произведений, в дословных заимствованиях. К сожалению, после победы Боронина прожила недолго. В 1950 году она была арестована, приговорена по 58-й статье к 10 годам лагерей в Мордовии; в 1954 году освобождена, но уже в следующем году скончалась, так и не осуществив значительной части своих творческих планов.

И. В. Селиванова в докладе «Окна ТАСС — летопись жизни блокадного Ленинграда (по фондам РНБ)» обратилась к тематике агитационных плакатов, которые, появившись в июне 1941 года, возродили традиции русских народных картинок и сатирических «Окон РОСТА» 1920-х годов. Отличительной особенностью «Окон» было то, что они создавали хронику жизни осажденного города и

обращались непосредственно к его жителям. В частности, внимание участников конференции было привлечено к циклу плакатов под общим заглавием «Тетя Даша у комода». Над ними в 1941 году работали художники В. С. Слыщенко и Н. Н. Игнатъев, а автором стихотворных текстов была О. Ф. Берггольд. Эти произведения агитационного искусства призывали ленинградцев участвовать в самообороне, жертвовать свои сбережения в «Фонд обороны страны». Весною 1942 года перед горожанами встала другая задача — защититься от эпидемий. Автором плаката, посвященного этой теме, был художник Петр Горбунов. Лейтмотивом работ художника В. Н. Селиванова стала важнейшая проблема, вставшая перед перенесшим голодную зиму Ленинградом и состоявшая в сохранении и поддержке выжившего населения. Наиболее значимые моменты из истории обороны города отразила серия плакатов художника, выполненных в 1943 году; автором стихотворных подписей к ним была Вера Инбер. В том же году «Окна ТАСС» выпустили документальный фотоплакат, запечатлевший трагические будни блокады: голод, дистрофию и гибель людей, разрушение памятников архитектуры. По этим фотографиям был выполнен и художественный малоформатный фронтовой плакат, тип которого также появился в 1943 году. В последние два года войны появились плакаты, вовлекавшие людей в дело возрождения любимого города. Художник П. Д. Магнушевский стал автором серии плакатов, призывавших к восстановлению хозяйства Ленинградской области. Самые полные собрания произведений художников «Окна ТАСС» хранятся в Отделе эстампов Российской национальной библиотеки, а также в Музее артиллерии, инженерных войск и связи и с 1980-х годов не раз экспонировались. В настоящий момент докладчица готовит второе, расширенное издание «Плакаты „Окна ТАСС“ 1941 — 1945 гг. в обороне РНБ».

Т. А. Кукушкина посвятила свой доклад «Но Россия — не только финкс. Россия — Феникс!» дневникам, которые вела в течение почти всего периода войны и блокады поэт-пролеткультовец А. П. Крайский (1892—1941) и его жена Е. П. Крайская (1898 — конец 1960-х). Возможность покинуть осажденный город Крайский отверг и, пока были силы, работал литературным консультантом в газетах, писал очерки для военных сборников Союза писателей. Как и многие писатели, он относился к своему дневнику как к историческому документу, фиксируя не только события в городе и на фронте, но и детали блокадного быта, например, продуктовые нормы или слухи, бродившие по городу. Повествование Крайского отразило спектр настроений горожан в первые месяцы войны и осады. Автор дневника, осторожный в своих суждениях и оценках, тем не менее, критически осмысливал происходившую трагедию.

В частности, он неоднократно с горечью говорил об отсутствии правдивой информации в газетах. Сравнение опубликованной хроники блокады с записями Крайского убеждают в их исключительной точности: в них подробно фиксировались количество и время бомбежек, улицы и номера разрушенных домов, характеризовалось поведение жителей. Несмотря на пессимистический настрой некоторых записей, дневник Крайского в целом отличается общей позитивностью тона. Последняя запись сделана женой поэта через семь дней после его кончины (11 декабря 1941 года). В блокадное лихолетье Е. П. Крайская строила оборонительные сооружения, была начальником звеньев групп самозащиты жилых домов, выполняла все, что выпало на долю ленинградцев, и всеми силами старалась поддержать слабеющего мужа. Свою хронику событий она начала с воспоминаний о муже, «светлом, чистом» человеке, не выносившим, по ее словам, несправедливость, подхалимство и подлость. В записях Крайской нет описаний культурной жизни города и героического поведения ленинградцев. Дневник рядовой ленинградки, выжившей в самый страшный период блокады на «иждивенческой», смертной карточке, необычен откровенностью и жесткостью описаний. Он предельно эмоционален, исполнен неизбывной болью утраты любимого человека, суждениями о власти, погубившей миллионы жизней, леденящими зарисовками блокадных будней. Рассказы о поведении и настроениях ленинградцев раскрывают оборотную сторону сложившегося в массовом сознании стереотипа о «беспримерном массовом героизме» жителей осажденного города. Записи автора дневника поражают внутренней свободой и смелостью высказываний о советском строе, который она не принимала, репрессиях 1930-х годов, руководителях города, допустивших блокадную трагедию. Вопреки всему Е. П. Крайская сумела выстоять, сохранить человеческое достоинство, милосердие и сострадание к измученным голодом людям. Возможно, именно в такую силу человеческого духа и верил Крайский, когда писал: «Россия — Феникс!».

В докладе «Блокада. Взгляд из будущего» Н. Б. Рогова отметила постепенный уход непосредственного сиюминутного переживания военных и блокадных дней и обратилась к современным формам восприятия драматических событий этого времени. Сегодня блокада предстает, прежде всего, как трагический символ отечественной истории. В то же самое время в мучительный образ бесысходного страдания властно входит тема будущего. Дневники ленинградцев, даже в самой горькой своей обреченности, были рассчитаны на то, чтобы когда-то потом их прочли. Опорой постижения войны и блокады было слово, обретавшее форму послания потомкам. Именно это заставляло ленинградца брать карандаш и делать записи — выстраивать

картину умирания родного города и своей собственной гибели.

Еще один блокадный дневник из фондов Рукописного отдела Пушкинского Дома был представлен в докладе Е. М. Аксёненко «Дневники И. Д. Зеленской: „человек культуры” в блокадном Ленинграде». Докладчица кратко рассказала о времени детства и юности И. Д. Зеленской (1895—1981), отметив, что формирование фундаментальных черт ее характера происходило в семье, принадлежавшей роду потомственных интеллигентов-врачей. Опыт «встречи» с войной в 1914—1915 годах наложил свой отпечаток на становление личности Зеленской. На примерах ее блокадных записей было показано, что она преследовала вполне определенную цель: стать «летописцем» военных событий. Докладчица подчеркнула, что ведение дневника было психологически важно для Зеленской: на страницах тетрадей блокадница «наблюдала» за своим душевным состоянием и преодолевала себя в борьбе с небывалыми трудностями осады. Размышления о блокадном опыте ленинградцев перемежаются у Зеленской с записями, свидетельствующими о стремлении автора к постоянному самосовершенствованию и самообразованию. «Своя жизнь становится осмысленной, только когда делаешь что-нибудь для других», — так определила Зеленская итог перенесенных испытаний. Дневник — ее единственное и главное произведение, — свидетельство духовного потенциала «человека культуры» в блокадном Ленинграде.

Конференцию завершила М. К. Свицкая презентацией выставки «Ленинградский день Победы». Экспозиция, приуроченная к 70-летию снятия блокады и основанная на документальных материалах Отдела рукописей Российской национальной

библиотеки, прошла в ее стенах и представила документы из личных фондов писателей, ученых, художников. Среди них — фрагменты дневников А. П. Остроумовой-Лебедевой, Л. В. Шапориной и С. К. Островской; письма В. В. Вишневского; автографы О. Ф. Бергольц, Л. М. Поповой, И. М. Наппельбаум, В. М. Саянова, К. А. Федина, Л. И. Хаустова; материалы о творческой деятельности актера В. Р. Гардина, художницы и писательницы О. К. Матюшиной. В числе уникальных вещей были продемонстрированы альбомы Л. В. Шапориной и В. И. Цветкова с записями о Ленинграде (Т. М. Вечесловой, Э. Г. Гилельса, Е. М. Грановской, Н. М. Дудинской, В. И. Качалова, Н. В. Крандиевской, З. П. Лодий, В. А. Рождественского, Г. С. Улановой, Л. О. Утесова) и рисунками (А. П. Остроумовой-Лебедевой, А. В. Щекатиной-Потоцкой и др.). Особые разделы экспозиции были посвящены материалам ленинградских ученых и музыкантов, а также деятельности Публичной библиотеки в осажденном городе. Виртуальный аналог этой выставки размещен на сайте Российской национальной библиотеки в разделе «Ресурсы». Там же, среди выставок «on-line», можно ознакомиться и с подготовленной к 70-й годовщине прорыва блокады обширной экспозицией 2013 года. Она была основана на материалах Отдела рукописей РНБ и представила новые материалы блокадной тематики, которые пополнили фонды Отдела за последние 15 лет.

В заключение конференции последовало оживленное и заинтересованное обсуждение докладов, в котором приняли участие: П. В. Бекедин, Л. В. Герашко, Н. Д. Кочеткова, Т. А. Кукушкина, Н. Е. Соколовская.

© *Е. Д. Коусова*

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВСЕ СТРАХИ МИРА: HORROR В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ»

24—25 апреля 2014 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН прошла междисциплинарная конференция «Все страхи мира: horror в литературе и искусстве». Ее организаторами выступили С. В. Денисенко и Н. В. Калинина из ИРЛИ, И. В. Мотеюнайте из Псковского государственного университета и А. Ю. Сорочан из Тверского государственного университета. В работе приняли участие более сорока ученых из России, а также из стран ближнего и дальнего зарубежья. Задачей конференции стало изучение наиболее устойчивых «страхов» человечества и их образного воплощения в эстетических объектах. В центре вни-

мания исследователей оказалась эстетическая категория, актуальная и для филологов, и для музыковедов, и для философов, и для театроведов.

На первом пленарном заседании определились три основных подхода к изучению названной проблемы. Доклад А. Ю. Сорочана (Тверь) «Дискурсы „ужасного”» был посвящен анализу способов оформления категории «ужасного» в литературе XX века. Среди средств, используемых для создания плана выражения «ужасного» в тексте, докладчик выделил наличие внелитературного фактора воздействия, опирающегося на соотношение «странного» и «страшного» в челове-

ческом опыте. Обратившись к традиционным (историческим, психоаналитическим, эстетическим) моделям, Сорочан продемонстрировал, как репрезентация «неведомого», «иногое», «избыточного» и «нового» порождает «ужас».

В докладе Ю. М. Прозорова (Санкт-Петербург) «„Ужасное“ в эстетике и поэтике В. А. Жуковского» на материале жанра романтической баллады рассматривались функции и значение категории «ужасного» в художественном мире романтизма. По мнению докладчика, в переходный период, пришедший в европейской литературе на конец XVIII — начало XIX века, в центре внимания оказалась уже не борьба человека с природными стихиями, как это предусматривала классическая традиция, а столкновение с явлениями сверхматериальными, потусторонними, загробными. Именно такого рода противостояние, воспринятое прежде всего из немецкой поэзии, становится преобладающим мотивом баллад Жуковского. С классическим же наследием связано другое специфическое качество балладной поэзии Жуковского, восходящее к жанру трагедии. Прозоров определил его как «сладость ужасного».

В. А. Кошелев (Великий Новгород) выступил с докладом «„Мне стало страшно...“: поэтика „ужасного“ у Пушкина», который представлял образец противоположного подхода к теме, так как был посвящен не выявлению наиболее значимых художественных элементов поэтики страха, а его ироническому отрицанию. Пушкин, по мнению докладчика, остался равнодушен к широким возможностям, открывающимся при изображении «ужасного», столь популярного у читателя 1830-х годов. В его творчестве эта маргинальная эстетическая практика стала лишь полем для литературной игры по определенным правилам. Отказывая Пушкину в ощущении ужасного, даже балладу «Женя», построенную на описании страха, приходится признать лишь яркой стилизацией или несерьезной имитацией истинного переживания. Такое поглощение обширного литературного материала одной доминирующей точкой зрения вызвало у присутствующих многочисленные вопросы.

В докладе С. А. Фомичева (Санкт-Петербург) «Петербургский миф в обэриутской интерпретации» была реализована третья стратегия, направленная на установление собственно литературных источников «ужасного». Как убедительно показал докладчик, для повести Даниила Хармса «Старуха» таким источником стала «Пиковая дама» Пушкина. Помимо выявления пушкинского подтекста этой повести, Фомичев проследил основные способы интерпретации первоисточника, а также охарактеризовал мифотворческую составляющую хармсовского текста, который не включает собственно петербургских реалий.

В ходе дальнейших заседаний стало очевидно, что большая часть докладов подготовлена к одному из трех обозначенных подходов. Выступление С. В. Денисенко (Санкт-Петербург) «„Ужас“, рассказанный светским тоном» было посвящено обзору экранизаций «Пиковой дамы» (как повести Пушкина, так и оперы Чайковского). В своей интерпретации материала докладчик ориентировался на существующий в культурном сознании «сверхтекст» «Пиковой дамы», включающий текст пушкинской повести, либретто Чайковского, «страшилки» из детского фольклора, гадания на Пиковую Даму и т. п. В силу недостатка времени, Денисенко пришлось ограничиться одним эпизодом истории о Пиковой Даме — сценой явления призрака графини. Несмотря на разнообразие материала (от немого до современного русского и зарубежного кино), в решении этой сцены прослеживается редкое единство: основным инструментом воздействия на зрителя становится смена состояний Германна, показываемого крупным планом.

Н. А. Рыжкова (Санкт-Петербург) в докладе «Элементы „хоррора“ в музыке: ведьмы, призраки, пляски смерти» обратилась к текстам, репрезентирующим «потусторонние силы» в музыке XIX—XX веков. Роль привидений, вампиров, сомнамбул, ведьм и чертей в оперных и балетных сюжетах чрезвычайно велика. Достаточно вспомнить «Вольного стрелка» Вебера, «Роберта-Дьявола» Мейербера, «Фауста» Гуно, «Вампира» Маршнера, «Макбета» Верди. Особый вид музыкальных произведений, в которых «хоррор» воплощен наиболее непосредственно — «Пляски смерти». Тема, возникшая в средневековом западноевропейском искусстве, со второй половины XIX века получила широкое отражение в творчестве музыкантов: «Пляска смерти» для фортепьяно с оркестром Листа, симфоническая поэма «Пляска смерти» Сен-Санса, вокальный цикл «Песни и пляски смерти» Мусоргского, оратория «Пляска смерти» Онеггера, опера «Пляска смерти в Базеле» Мартена, Четырнадцатая симфония Шостаковича.

В докладе О. А. Кузнецовой (Санкт-Петербург) «„Страшное“ на балетной сцене в парадигме хореографического языка XIX, XX и XXI столетий» рассматривалась эволюция европейского сюжета о виллисах — призраках девушек-невест, не доживших до дня свадьбы. В качестве материала для анализа докладчица взяла три разительно отличающиеся по своей интерпретации постановки балета «Жизель». Смена парадигмы языка «ужаса» демонстрировалась на примере хореографического решения сцены встречи графа и Жизель после ее смерти. Наиболее традиционной трактовкой этого балетного эпизода стало отражающее романтическую моду на страх перед inferнальными силами «затанцовывание» заблудившегося на кладбище путника до смерти. В XX веке для вы-

ражения «страха» как репрезентации экзистенциального ужаса жизни понадобилось изображение ночи, проведенной любовниками в психиатрической клинике, где многие годы на излечении находится Жизель—Спесивцева. В XXI веке танец Альберта и Жизель вписан хореографом-постановщиком в пространство современного мегаполиса, страх принимает вид социальной фобии, его центральное событие — теракты 2005 года в лондонском метро. Различные способы визуальной репрезентации «ужасов» Кузнецова поставила в прямую зависимость от возможностей хореографического языка (классика, модерн, контемпорари).

А. А. Панченко (Санкт-Петербург) выступил с докладом «Легенда о краже внутренних органов в фольклоре, литературе и кинематографе», посвященным анализу современных представлений о норме и патологии, и в частности, новому восприятию человеческого тела, а также описанию сопутствующих стереотипов и страхов, бытующих в коллективном воображении. Современный фольклор, в том числе сюжеты о трансплантации внутренних органов, тесно связан с областью высоких технологий и активно развивается в медиaprостранстве. Страх перед «черными хирургами» зафиксирован во многих странах Европы и Америки, что периодически приводит к серьезным общественным инцидентам.

В докладе «Пространство „страшного“ в современной детской беллетристике» С. Г. Маслинская (Санкт-Петербург) рассмотрела механизмы создания локуса «чудовищного места» в декорациях заброшенного пионерского лагеря. Сопоставление с зарубежной литературой подобного типа (например, с «Лагерем „Ночной кошмар“» и «Лагерем призраков» Р. Л. Стайна) позволяет обнаружить в корпусе текстов о детских лагерях отдыха как инвариантные жанровые особенности, так и специфическую топику, свойственную «пионерскому» изводу этого нарратива. В детской литературе, в отличие от фольклора, категория «страшного» разрабатывается сравнительно недавно. Одним из жанров, в котором традиционные формы представления «страшного» приобретают «детские» черты, становится «ужастик» (триллер).

Е. Н. Шапинская (Москва) предложила вниманию собравшихся доклад «Ужас безумия в искусстве модернизма: размышления о „Воццеке“ Альбана Берга». Опера Берга — наиболее типичное произведение экспрессионизма, напоминающее по духу мрачные страницы Кафки. Атонализм в сочетании со строгой архитектурностью музыкальной формы создает эффект безысходности. Опера становится основой размышлений режиссера, исполнителей и зрителей о проблемах современного общества, где человек теряет расщудок из-за тотальной опустошенности внешнего благополучного бытия.

Ю. П. Шапченко (Санкт-Петербург) в докладе «Тема смерти в русском провинциальном искусстве конца XVIII — второй половины XIX века» поделилась своими наблюдениями над погребальной культурой русской провинции названного периода. В поле зрения докладчицы оказались различные артефакты, так или иначе связанные с похоронным обрядом: погребальные и мемориальные портреты, народные картинки и лубок, групповые портреты участников похорон, надгробные изображения усопших, традиционные сюжетные модели и сопутствующая погребению атрибутика. Живопись старообрядцев, художников из мещанско-купеческой среды, мелкопоместного дворянства и духовенства имела устойчивые композиционные-образные принципы и резко отличалась как от столичного, так и от крестьянского типа переживания смерти, что обусловлено ее промежуточным положением между народной и элитарной культурой. В качестве материала рассматривались произведения, хранящиеся в областных музеях Серпухова, Егорьевска, Торопца, Костромы, Рязани, Смоленска и Воскресенска.

В докладе «„Безликие“ ритуальные маски восточных славян: опыт антимира» Л. А. Ткачук (Москва) рассказала о широко используемых в святочных обрядах восточных славян ритуальных масках, которые можно отнести к категории «безликих», т. е. не несущих характерных черт персонажей народной демонологии. Одновременно они являются наиболее устрашающими личинами антропоморфного типа. «Умрун», «старик», «белая баба», «нищие странники» — все эти персонажи святочных игр и колядований обнаруживают общее происхождение и относятся к наиболее архаичным пластам ритуального раженья. Сосуществовая с визуализациями «страшного», фольклорные тексты создают единое ритуальное пространство святочного «антимира».

С. Ю. Чвертко (Новосибирск) в сообщении «Живые мертвецы в новеллах символистов» обратилась к анализу сюжетной модели, распространенной в творчестве писателей символистского круга. Написанная в сказовой манере новелла А. М. Ремизова «Жертва» «переворачивает» фольклорный сюжет о мертвом женихе (мертвом муже). В рассказе Ф. Сологуба «В толпе» переосмыслиется трагедия на Ходынском поле. События приобретают здесь мифологический характер и соответствующий масштаб обобщения. Трансформация традиционного народного гуляния в вакханалию, сюрреалистичность описаний вызывают у читателя ужас и отвращение. «Любовь сильнее смерти» Д. С. Мережковского повествует о «живом мертвече», который становится таковым лишь в субъективном восприятии окружающих людей.

В сообщении А. А. Ильясовой (Новосибирск) «Демоническое пространство в балладах акмеистов» речь шла о балладе как жан-

ре повышенной экспрессивности, что достигается такими художественными приемами, как постепенное усиление драматизма, скачкообразное развитие действия, неожиданно обрывающийся финал. Возрожденный акмеистами балладный тоpos генетически связан с категорией *horror*. Он изобилует ирреальными персонажами, а общим фоном баллад служит атмосфера страха и напряженности.

Е. А. Моргун (Всеволожск) посвятила свое выступление анализу художественных средств, способствующих воплощению «страха» в новелле Вашингтона Ирвинга «Легенда о Сонной лощине». По наблюдениям докладчицы, вербальному воплощению «страха» в новелле служит ассоциативно-эмотивная лексика, а также широкое использование риторических и стилистических фигур речи. В сообщении Е. А. Семеновой (Москва) «Традиции „литературы ужасов“ в американском романе 1960-х годов: „Я не обещала вам райской жизни“ Ханны Грин и „Сверхъестественный ужас в литературе“ Г. Ф. Лавкрафта» были раскрыты межтекстовые связи популярного в США романа Грин с традицией осмысления «литературы ужасов», описанной Лавкрафтом. Прежде всего докладчица отметила отсылки к лавкрафтовской концепции «литературы ужасов». Однако, по мнению Семеновой, многочисленные аллюзии в тексте Грин позволяют констатировать не только общую направленность этих произведений, но и их скрытую полемичность. В докладе А. В. Волошиной (Краснодар) «Архетип страха в раннем творчестве Иэна Макьюэна» была проанализирована базисная модель «хоррора» в современной английской литературе.

В. А. Аманацкий (Белоруссия) рассказал о феномене психологической привлекательности фильмов ужасов для современного зрителя. Докладчик рассмотрел характерный для любителей фильмов ужасов склад личности и общие причины привлекательности кинолента этого жанра: переживание чувства страха с параллельным осознанием собственной безопасности в момент просмотра, а также тот факт, что экранное насилие позволяет погрузиться в эмоциональное состояние не только жертвы, но и палача.

В центре доклада О. Н. Гринбаума (Санкт-Петербург) «Ужас Татьяны Лариной в свете гармонии» находились вопросы, связанные с восприятием описания сна героини из пятой главы романа «Евгений Онегин». Метод гармонического стиховедения позволил докладчику показать, что характер ритмико-гармонических параметров резко изменяется именно в той части сна Татьяны (начиная с XVII строфы), где появляется Онегин. Значения индексов ритмико-чувственной активности, которые вычисляются на базе индикативных коррелятов гармонии ритма и экспрессивности ритмоощущений, при сопоставлении с диапазонами частот головного мозга человека отчетливо демонстри-

руют разность восприятия двух частей сна пушкинской героини.

А. С. Степанова (Санкт-Петербург) в докладе «„Страшное“ у Ф. В. Булгарина: заметки к портрету автора» показала, что к числу наиболее распространенных беллетристических клише в творчестве Булгарина относятся, среди прочего, излюбленные образы и сюжеты готической литературы. В качестве примера анализировался эпизод «Вызов на поединок покойника» из его «Воспоминаний». История о том, как князь Радзивилл вызвал на поединок покойного деда Булгарина, основана на переплетении разных, подчас взаимоисключающих литературных традиций. Но в общей трактовке этого эпизода автор достигает смысловой определенности. Тщательно избегая многозначности, он добивается эффекта правдоподобия.

В докладе «Концепт смерти в драматической поэме „Пер Гюнт“ Г. Ибсена» И. Л. Барратион-Мухранели (Москва) проанализировала зависимость художественного образа пространства от сюжетообразующей функции страха смерти в динамике произведения.

А. О. Дёмин (Санкт-Петербург) обратил к рассказу Леси Украинки «Ух, волки!», хранящемуся в архиве писательницы в львовском Институте литературы им. Т. Г. Шевченко. Этот текст предположительно датируется началом 1900-х годов и является памфлетным и пародийным переводом на русский язык рассказа Ж. Д'Эспарбеса (1863—1944) «*Ho! les loups!*», опубликованного в марте 1892 года в иллюстрированном парижском еженедельнике «*Echo de la Semaine*». Интерпретируя рассказ Леси Украинки, докладчик проанализировал литературный контекст, включающий как ее собственные переводы на русский язык, так и многочисленные сочинения европейских беллетристов, которые изображали жизнь славян экзотической, странной, зачастую ужасной. Отличительным признаком литературы подобного рода является наличие нелепостей, что неизбежно помещает ее в разряд так называемой «кляквы».

В докладе С. Н. Еланской (Тверь) «Своеобразии „ужасного“ и способы его репрезентации в отечественном кинематографе» была отмечена связь между экранными ужасами и общественно-политической ситуацией. Актуализации жанра ужасов в отечественном кино способствовал метафизический взгляд, согласно которому зло окружающего мира оказывается значительно большим, нежели жажда крови. Вектор развития «хоррора» обусловлен ситуацией, когда сама реальность конструирует ужас.

В. А. Ефремов (Санкт-Петербург) обратился к теме «Типология и механизмы создания страха в поэме Вен. Ерофеева „Москва—Пегушки“». Мотив страха играет в этом произведении важнейшую роль. Типология страха здесь всеохватна: от детского, бытового и социального до экзистенциального

(страх жизни, страх перед неизвестным и страх смерти). Столь же разнообразны механизмы создания ужаса: от архетипических образов (сфинкс, эринии, сатана), библейских и литературных реминисценций (например, рифмовка финалов у Ерофеева и в «Процессе» Кафки) до классических фигур умолчания. В поэме используется практически весь синонимический ряд современного русского языка с доминантой «страх», а в финале эмоциональное напряжение приближается к экзистенциальному ужасу.

С докладом «Китайцы глазами европейских фотографов конца XIX — начала XX века» выступила П. М. Федотова (Екатеринбург). Анализ истории европейского присутствия в прибрежном Китае и основные тенденции концептуализации изображения, отразившиеся в дошедших до нас колониальных фотографиях, позволяют увидеть процесс превращения «чужого» в «страшное». Фотография сыграла немалую роль в становлении азиатского общества новейшего времени. Китайцы увидели себя «другими», и это потрясло их не меньше, чем европейцев.

Доклад Ю. А. Долгих (Санкт-Петербург) «„Ходячие мертвецы“ в русском страшном повествовании 1810—1840-х годов» был основан на статистическом анализе 90 текстов указанного периода. Докладчик предложил выделить четыре условные группы сюжетов о «ходячих мертвецах» в русской литературе. Первая — сюжеты о «влюбленных мертвецах, берущие свое начало от бюргерской «Леноры» и развивающие тему соединения влюбленных за гробом. Вторая — сюжеты о «призраках умерших», в которых явно прoustупает морализаторский акцент; призраку не дают упокоиться прижизненные обязательства, преступление или безнравственное поведение кого-то из живых. Сюжеты третьей группы, о «мнимых» мертвецах, ставят в центр повествования интригу с умышленным маскарадом. И наконец, четвертая группа — сюжеты о «нечистых» мертвецах, т. е. о встрече героя с персонифицированным воплощением нечистой силы в облике покойника.

В докладе «Неведомое как архетип страха в произведениях Стивена Кинга „Крауч-Энд“ и „Н.“» И. Б. Сазеева (Арзамас) рассуждала о том, что современная философия определяет страх как один из основных способов отношения человека к миру. При этом, кроме страха, вызванного внешними обстоятельствами и подающегося коррекции, существует страх метафизический, предмет ко-

торого не может быть определен. Он обусловлен смертностью человека, его внутренней неготовностью к встрече с непредставимым и враждебным по отношению к человеческой природе Ничто. По мнению докладчицы, родовым признаком литературы «хоррора» в XX столетии является попытка воздействия на эмоции читателя посредством возбуждения его страха перед Неведомым.

В рамках конференции состоялось восемь заседаний, где, кроме уже перечисленных, прозвучали доклады А. С. Абдуллаевой (Узбекистан) «Художественный мир в романе Стивена Кинга „Оно“», Т. А. Адмакиной (Санкт-Петербург) «„Ужасное“ в музыке как тоска по прошлому: палеолитические корни музыкального „хоррора“», А. Ю. Балакина (Санкт-Петербург) «Синди Шерман и ее безмянные ужасы», Ю. Н. Беловой (Санкт-Петербург) «Memento mori: ужас смерти в ювелирных украшениях барокко», А. А. Егоровой (Санкт-Петербург) «„Ужас“ телесности: секс и игра в гравюрах японских мастеров XIX века», М. В. Загидуллиной (Челябинск) «Овеществление эмоций: „хоррор“ как технология», Е. О. Кудиной (Санкт-Петербург) «Тема страха в литературе и искусстве: материалы к библиографии», Д. Г. Литинской (Москва) «Визуализация вытесненных культурных представлений в фильмах ужасов с действием в пространстве сна», М. Ю. Перзекке (Украина) «Образы „хоррора“ в восточнославянских колыбельных песнях», О. В. Субботиной (Санкт-Петербург) «Трактат „Ars Moriendi“ и визуализация „ужасного“ в гравюрах европейских первопечатных книг XV века», О. В. Червинской (Украина) «Ногот по-гоголевски» и Лейлы Шенер (Турция) «Развенчание страха в рассказе „В ожидании страха“ Огуза Атая».

При подведении итогов конференции было отмечено, что, хотя за два дня ее работы участникам не удалось освоить «все страхи мира», междисциплинарный подход к изучению данной темы оказался исключительно плодотворным. По мнению организаторов форума, этот проект следует продолжать, так как именно «пограничные» эстетические категории являются формообразующим фактором при возникновении новых жанров, стилей и направлений в искусстве, а потому нуждаются в дальнейшем исследовании.

© С. В. Денисенко,
© Н. В. Калинина

XVII АЛЕКСЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

5 июня 2014 года в Пушкинском Доме состоялась XVII Научные чтения, посвященные памяти М. П. Алексеева, тема которых была определена так: «Личная библиотека и творческая индивидуальность писателя». Во вступительном слове В. Е. Багно — ученик академика, заведующий Отделом взаимосвязей русской и иностранных литератур напомнил о многогранности интересов М. П. Алексеева, который занимался, в частности, библиотекой Вольтера в России.

Чтения открылись докладом А. В. Волкова «Книги из библиотеки Димитрия Ростовского в собрании Феофилакта Лопатинского (БАН)». Факт принадлежности трех обнаруженных книг Димитрию Ростовскому был установлен научным сотрудником НИОРК БАН Д. Д. Гальциным при описании библиотеки Феофилакта Лопатинского. На всех книгах имеются латиноязычные владельческие записи Димитрия Ростовского, относящиеся к различным периодам его деятельности, а в текстах сохранились многочисленные пометы, которые в большинстве своем получили отражение в его сочинениях. Так, «Хроника» Иоанна Навклира и толкования Корнелия а Ляпиде послужили одними из основных источников при написании «Келейного летописца». Толкованиями Корнелия а Ляпиде Димитрий Ростовский пользовался работая над проповедями и «Розыском о раскольнической брынской вере». В целом, анализ маргиналий позволил сделать вывод о способе работы писателя с западноевропейскими источниками: он заимствует из них исключительно фактические сведения, которые старается проверить привлекая разножанровые сочинения многих авторов, принадлежащих к тому же к различным конфессиям. Это многообразие позволяет Димитрию Ростовскому оставаться независимым как от чужих мнений, так и от чужого стиля, и поэтому и «Келейный летописец», и «Розыск о раскольнической брынской вере», и проповеди при всей своей компилятивности остаются глубоко самостоятельными произведениями как идейно, так и художественно.

Следующий докладчик — В. Е. Багно в выступлении «Земли и страны Северо-Восточной Азии в личной библиотеке и творчестве Пушкина» — напомнил об одной из заметных особенностей мировидения А. С. Пушкина, которая нашла отражение в его личной библиотеке и в его литературном творчестве. У поэта был постоянный живой интерес к внешнеполитической судьбе России. Докладчик обратил внимание на то, что среди книг много сочинений русских и зарубежных ученых и путешественников по истории, этнографии, географическому положению и культуре различных регионов Сибири, Дальнего Востока и Китая. В книгах из библиотеки

поэта есть сведения о таких странах Северо-Восточной Азии, как Япония, Корея, Монголия, но более всего о Китае. И библиотека Пушкина, и его незавершенные замыслы свидетельствуют о крепнувшем с каждым годом интересе поэта к Востоку — к Кавказу и миру ислама в годы южной ссылки, к Уралу и калмыцким степям в годы подготовки «Истории пугачевского бунта», к землям и странам Северо-Восточной Азии в последние годы жизни.

А. А. Грачева представила доклад «Библиотека „энциклопедиста“: из книг А. Ф. Вельтмана», в котором кратко охарактеризовала собрание книг писателя. После смерти А. Ф. Вельтмана в 1870 году его обширная библиотека (1500 ед. хр.) была передана его семьей в Румянцевский музей. Среди книг — литература на разных языках по многим отраслям знаний, русских — более 600 наименований, и около 400 — иностранных — на 16 языках. Более трети объема занимает художественная литература, а также саги и легенды различных народов. В библиотеке собраны книги с экслибрисами, авторскими подписями и дарственными надписями (среди дарителей — Н. М. Костомаров, Ф. Н. Глинка, С. П. Шевырев, Н. И. Надеждин, И. И. Срезневский, М. А. Дмитриев — всего более 50 персон). Однако большинство нехудожественной литературы посвящено истории и языку древних славян, а также изучению скандинавского и индийского эпоса (Вельтман одним из первых перевел Махабхарату на русский). Многочисленные пометы на полях «Старшей Эдды» демонстрируют метод, который позднее назовут сравнительно-историческим и которым Вельтман всегда руководствовался в своих лингвистических исследованиях.

Доклад М. Ю. Степиной «О книгах с владельческими надписями из библиотеки Я. П. Полонского» был посвящен обзору печатных изданий, объединенных в картотеке личных библиотек библиотеки Пушкинского Дома общим названием «Полонские» (227 карточек). Незначительное количество изданий утрачено. Часть изданий имеет владельческие надписи Я. П. Полонского (поступившие в семью до кончины поэта в 1898 году) и Б. Я. Полонского, поступившие после — вплоть до 1917 года. Основная масса сохранившихся изданий относится к периоду 1870—1890-х годов. Большая их часть имеет дарственные надписи поэту. Принадлежность книг без владельческой и дарственной надписей предположительно подтверждается тематическим диапазоном. Анализ помет на страницах изданий позволяет предположить установить их авторскую принадлежность: Я. П. Полонский и Ж. А. Полонская. Маргиналии Полонского в поэтических сборниках указывают, что изданные стихи про-

читаны поэтом-практиком. Карандашные записи выражают не только оценку чужих стихов, но и творческую полемику с их автором: полустертая карандашная скоропись Полонского под печатной строчкой представляет собой его вариант развития поэтической мысли. Более того, анализ карандашных вставок в издании «Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856» выявил ряд вариантов, не учтенных Академическим Полным собранием сочинений и писем Некрасова. В докладе был подробно освещен сюжет личного знакомства Полонского с одним из дарителей своего стихотворного сборника — Д. С. Поляковым, сыном и племянником крупных деятелей российской промышленности, основателей и жертвователей учебных заведений и меценатов. История знакомства изложена с цитацией неопубликованных писем Полонского к Ж. А. Полонской (РО ИРЛИ. Ф. 241. № 155), относящихся к 1869 году, когда поэт был домашним учителем Д. С. Полякова.

На материале книг из библиотеки Пушкинского Дома основал свой доклад и следующий участник — К. Ю. Зубков. В своем выступлении «Сочинения И. А. Гончарова в библиотеке А. Н. Островского» он рассмотрел пометы на экземпляре издания «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов (из путевых заметок)». Помимо дарственной надписи рукою Гончарова, на книге сохранились пометы, некоторые из которых несомненно принадлежат Островскому. Опираясь на тот факт, что драматург обычно оставлял пометы лишь на тех книгах, которые использовал при сочинении своих произведений, докладчик выдвинул предположение о возможном влиянии опыта Гончарова — автора травелогов на Островского во время работы последнего над собственными очерками о поездке по Волге.

В. В. Филичева в докладе «Библиотека Ф. Сологуба как источник комментария к творческой биографии» охарактеризовала качественный состав библиотеки писателя и возможности дальнейшей работы с ней. Книги Сологуба имеют характерную помету — инициалы «Ф. С.» на обложке и титульном листе книги. Благодаря этому картотеку книжного собрания Сологуба постепенно пополняли сотрудники библиотеки Пушкинского Дома. Найденные ими книги, не отмеченные ни в одном из источников, существенно дополняют описание, сохранившееся в Рукописном отделе ИРЛИ, и свидетельствуют о знакомстве с тем или иным автором или произведением, а в некоторых случаях и о чтении. Особенности читательских помет и использования книг Сологубом могут послужить иллюстрациями, комментариями, черточками в портрете Сологуба-читателя и вообще Сологуба-человека.

В своем сообщении «Книга, принадлежавшая трем французским поэтам» П. Р. Заборов кратко осветил судьбу редкой книги, хранящейся в библиотеке Пушкинского

Дома, в собрании А. Ф. Онегина. Эта небольшая книжка на латинском языке, озаглавленная «*Faetri fabulae et Publii Syri sententiae*» (т. е. «Басни Федра и сентенции Публия Сира»), была издана в Париже, в 1729 году. До 1782 года она принадлежала одному из зачинателей французской элегической поэзии Антуану Бертену (1752—1790), затем подарена им другому поэту — и близкому другу — Эваристу Парни (1753—1814) и от него попала к известному в свое время драматургу и поэту Казимиру Делавину (1793—1843). Позднее книжка находилась у видного коллекционера Жоржа Моро-Шалона, о чем свидетельствует его экслибрис на оборотной стороне обложки, а в конце XIX века ее приобрел А. Ф. Онегин, который отметил на обороте форзаца редкость данного экземпляра и его ценность с разных точек зрения: «по изданию — по переплету — по прежнему владельцу и т. п.».

Р. Ю. Давилевский в докладе «Судьба библиотеки Ф. Шиллера» осветил основные этапы судьбы личной библиотеки Ф. Шиллера, которая к моменту смерти поэта насчитывала до семисот названий и включала многочисленные издания, ноты, географические карты. Библиотека служила рабочим инструментом Шиллера; книги же, в которых он переставал нуждаться, дарилась друзьям, одалживались — так что четких границ библиотеки не имела. После смерти библиотека досталась его сыновьям и постепенно была раздарена и распродана. В настоящее время существует три комплекса книг, которые принадлежали или могли принадлежать поэту (иногда это трудно установить точно, потому что Шиллер почти не оставлял маргиналий и не имел экслибрисов). Часть книг находится в Научной библиотеке Веймара (ок. 450 томов), часть в Литературном музее родного города поэта — Марбурга-на-Неккарре (51 том) и часть — в Городской библиотеке Гамбурга, где до Второй мировой войны хранилось 172 тома. Однако они были конфискованы Советской армией и возвращены лишь частично. Поэтому несколько книг до сих пор хранятся в РНБ в Санкт-Петербурге, а несколько во французском Музее Гейне и Шиллера в городе Шалон-на-Марне. Докладчик отметил, что у исследователей нет возможности восстановить полностью библиотеку Шиллера, но можно составить представление о ее составе благодаря разысканиям библиографов.

В докладе «Русские книги в библиотеке Мигеля де Унамуну» К. С. Корконосенко рассказал о сохранившихся в Доме-музее М. де Унамуну в Саламанке книгах русских писателей и книгах о России. Это 12 книг о России и о русских и 24 книги русских авторов (нередко многотомных). Судя по их количеству и разнообразию, а также по многочисленности его читательских помет, с уверенностью можно утверждать, что интерес Унамуну к России был постоянным и устой-

чивым. Специальный интерес представляют, по мнению докладчика, случаи, когда Унамуну включает в ткань своих произведений мысли и наблюдения русских писателей, не раскрывая источника. Представляется, что этот прием, с одной стороны, заслуживает рассмотрения как одна из особенностей творчества Унамуно (он усваивает то чужое, что могло бы быть сказано им самим, как свое), с другой стороны, служит еще одним доказа-

тельством глубокого интереса испанского писателя к русской литературе.

Проведение чтений было полезно прежде всего потому, что у исследователей была возможность оценить особенности работы с таким материалом, как личная библиотека, и поделиться наблюдениями над способами его освоения. Чтения завершились обсуждением, в котором приняли участие гости конференции.

© *В. В. Филичева*

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В прошлом году в издательстве «Бизнес-Информ» вышел юбилейный сборник: *In memoriam: 100-летию со дня рождения Георгия Пантелеймоновича Макогоненко (1912—1986): Сб. статей и воспоминаний / Под ред. В. П. Казарина и А. А. Карпова. СПб.; Симферополь: Бизнес-Информ, 2013. 156 с.*

Среди других материалов в нем была напечатана выборка писем военного времени О. Ф. Берггольц, адресованных Макогоненко. Эти письма, впервые обнародованные самим Георгием Пантелеймоновичем в «Вопросах литературы» (1978. № 5. С. 196—224), впоследствии не раз публиковались (см.,

например: *Вспоминая Ольгу Берггольц. Л., 1979. С. 121—153; Литература великого подвига: Великая Отечественная война в литературе. М., 1980. Вып. 3. С. 460—490, и др.).*

Между тем в вышеупомянутом сборнике на с. 117 по досадному недоразумению была указана моя фамилия как автора работы «Публикация писем Ольги Берггольц Г. П. Макогоненко 1941—1942 гг.». Прошу считать этот факт издательским просчетом, к которому я не имею никакого отношения.

Н. А. Прозорова

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Весной 2014 года в издательстве Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва) вышла книга воспоминаний Ивана Степановича Карпова «По волнам житейского моря: история моей жизни».

К сожалению, при подготовке этого издания мной были допущены весьма досадные ошибки: в частности, не названы предшествующие журнальные публикации воспоминаний И. С. Карпова, которые были подготовлены С. С. Гречишкиным и Г. В. Маркеловым (см.: *Карпов И. С.* 1) *Записки лишенца // Огонек. 1990. № 29. С. 12—15, 28—29;* 2) *По волнам житейского моря. Воспоминания // Новый мир. 1992. № 1. С. 7—76*), а также статья Г. В. Маркелова «Жизнеописание пермогорского крестьянина И. С. Карпова» (ТОДРЛ. 1993. Т. 47.

С. 423—429); неверно указан шифр, под которым рукопись воспоминаний хранится в Дрвлекранилище Пушкинского Дома (№ 146 вместо № 401); некоторая часть воспоминаний опубликована по машинописному варианту (Дрвлекранилище им. В. И. Малышева ИРЛИ РАН, Красноборское собр., № 162), о чем не сделана соответствующая ссылка.

Хотел бы принести искренние извинения всем, кого коснулись вышеперечисленные упущения, и прежде всего Глебу Валентиновичу Маркелову, а также выразить признательность Владимиру Павловичу Бударягину и Александру Александровичу Боброву, уклавшим мне на допущенные ошибки.

В. И. Шипин

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
В 2014 ГОДУ**

№ Стр.

СТАТЬИ

Бобров А. Г. Смех в «Повести временных лет»	2	5
Богданов К. А. Филология и антропология: изучение литературы в эпоху Интернета	1	5
Паперный В. М. (<i>Израиль</i>). Лев Толстой и мистический гносис	4	5

ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ

Булагин Д. М. Текстология древнерусской литературы: ретроспективные заметки по методологии	1	18
Петрова Л. И. Духовные стихи в классических собраниях второй половины XIX века (вариант или искажение?).	1	51

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКИ

Письма А. М. Астаховой к М. К. Азадовскому (1943—1954) (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. Г. Комелиной) (<i>Окончание</i>). . .	4	36
--	---	----

К 100-ЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Багно В. Е. Испанская «ниша»: дягилевский балет в годы Первой мировой войны	2	78
Грачева А. М. Алексей Ремизов и Первая мировая война. Введение к теме . . .	2	23
Грякалова Н. Ю. «Бой в лубке». К интерпретации фрагментов «сверхповести» Велимира Хлебникова «Война в мышеловке»	2	63
«Россия — культурна, но не цивилизована; Германия — вот ее антипод». Письма Б. А. Кржевского к Мигелю де Унамуну и эссе Унамуну «Необычный русофил» (публикация и перевод К. С. Корконосенко)	2	74
Кузнецова О. А. «Букет для Карсавиной» от «Бродячей собаки»	2	29
Мисникевич Т. В. Книга стихов Федора Сологуба «Война»: история текста . . .	2	42
Федор Сологуб. «Мистика войны и утопия вечного мира» (вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. М. Павловой)	2	83

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Б. Ю. ПОПЛАВСКОГО

Джон Коппер (США). Функция фланера в романе Бориса Поплавского «Аполлон Безобразов»	1	95
Орлицкий Ю. Б. Свободный стих в творчестве Бориса Поплавского	1	80
Мария Рубинс (Великобритания). «Автор непечатного апокалипсиса»: Борис Поплавский в диалоге с В. В. Розановым	1	87
Токарев Д. В. «На дне парижского Иерусалима»: Париж в дневниках и романах Бориса Поплавского	1	66

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. А. АХМАТОВОЙ

Татьяна Викторофф (<i>Франция</i>). Сплин и ностальгия: Анна Ахматова в диалоге с Шарлем Бодлером	2	145
Кихней Л. Г. Функции шекспировских и дантовских мотивов в поэзии Анны Ахматовой	2	156
«...Письма к Вам писались во мне днем и ночью...»: письма Л. К. Чуковской к А. А. Ахматовой (публикация Е. Ц. Чуковской и Н. И. Крайневой)	2	176
Поберезкина П. Е. (<i>Украина</i>). Ахматова и Лермонтов	2	131
Роман Тименчик (<i>Израиль</i>). Анна Ахматова и советский читатель	2	190
Черных В. А. Еще раз об образе «тени» в поэзии Анны Ахматовой	2	152

К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

Бахарева Г. В., Джуринский Н. С. Основные проблемы отечественного лермонтоведения: библиографический обзор	3	74
Беляев Н. С. Суд над лермонтоведом: трагические страницы в творческой биографии Б. М. Эйхенбаума	3	66
Бодрова А. С. К истории посмертных изданий Лермонтова: словесность, коммерция и институт авторского права в начале 1840-х годов	3	41
Костин А. А. «Веселый час». К вопросу о переводах в ранней поэзии Лермонтова	3	6
Котельников В. А. Сюжет с княжной Мери и традиция литературного либертинизма	3	28
Прозоров Ю. М. «Юнкерские» поэмы Лермонтова. Комментарии и параллели	3	13

А. И. ГЕРЦЕН. ПОСЛЕ ЮБИЛЕЯ

Котельников В. А. Русская драма на Лигурийском берегу (А. И. Герцен и Георг Гервер)	2	122
Кузьмина М. Д. Мир как театр в «Сороке-воровке» А. И. Герцена: драма, рассказанная эпиком	2	103
Рыкунина Ю. А. Роман с «сенсацией»: как Герцен и Огарев стали персонажами массовой литературы	2	115

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

Балакин А. Ю. Пушкин — читатель графа Хвостова. 2. «...Он помолодел и тряхнул стариной»	4	135
Березкин А. М. Сакральные коннотации в семантике поэтического образа: «Пророк» Н. А. Некрасова	2	229
Богданова О. А. А. Г. Достоевская и В. Л. Комарович. Диалог 1917 года	3	196
Богомолов Н. А. К генезису дихотомии «язык поэтический — язык практический»	2	250
Бурков И. А. «Впечатление переворота»: А. Блок в творческом становлении Б. Пастернака	4	163
Эдуард Вайсбанд (<i>Израиль</i>). Русский писатель «вмешивается» в польско-еврейский вопрос: неизвестное интервью Леонида Андреева	4	163
Вдовин А. В. Кому адресовано стихотворение Н. А. Некрасова «Еще скончался честный человек...»? (к истории одного заблуждения)	1	119
Волков А. В. «Келейный летописец» Димитрия Ростовского и «Мегаморфозы» Овидия	2	213
Грачева А. М. Алексей Ремизов и Пушкинская премия Императорской Академии наук	3	185
Давыдова С. А. О чтении Пролога в Древней Руси.	4	89
Ефимов М. В. О присутствии Рихарда Вагнера в романах В. Набокова (к теме «Набоков и Блок»)	2	256
Захарова В. М. К проблеме периодизации стиха Осипа Манделштама	3	212
Иванов Д. А. (<i>Эстония</i>). «Одушевленная бронза»: об источнике комедии А. А. Шаховского «Ты и Вы. Послание Вольтера»	1	109
Ивашёва Л. Л. Агиографические народные легенды Нижней Волги: отрок схимонах Боголеп	3	84
Екатерина Карелина (<i>Эстония</i>). К проблеме литературных взаимоотношений В. Набокова и Г. Газданова («Камера обскура» и «Счастье»)	4	235

Кибальник С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Ф. М. Достоевского (на материале романа «Игрок»)	1	135
Колесникова Е. Д. Французские лики Марины Цветаевой	1	225
Кочеткова Н. Д. Об авторстве книги «Разные повествования, сочиненные некоторо- рою россиянкую»	4	127
Крапивин Г. Н. К чему приложил руку игумен Пафнутий?	4	145
Кукушкина Т. А. «Мне очень хотелось бы поговорить с Вами обстоятельно...» (к истории взаимоотношений Федора Сологуба и К. А. Федина)	1	206
Лаппо-Данилевский К. Ю. Переводы Вяч. Иванова, предназначавшиеся для ан- тологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах» Ф. Е. Кор- ша и В. О. Нилендера	1	178
Любимова М. Ю., Шумилова Т. Э. Корреспондент Федора Сологуба Д. А. Уман- ский	1	216
Майоров А. В. Исторические реалии в древнерусском «Сказании вкратце о мол- давских господарях»	4	94
Макаревич О. В. Н. С. Лесков и Ж. Э. Навиль. К вопросу о влиянии идей западно- европейского богословия на творчество писателя	2	241
Маликова М. Э. «Красный пинкертон» как политический заказ нэпа.	4	217
Михновец Н. Г. «Зимние заметки о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевского в современных зарубежных исследованиях	3	118
На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1907 год (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Р. Обатниной)	1	149
На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1908 год (вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. Р. Обатниной)	3	142
«Не поспособствуете ли советом?»: письма Г. В. Адамовича, Н. А. Оцуца, А. М. Ремизова из архива Б. Ф. Шлёцера (вступительная статья, подготов- ка текста и комментарии М. В. Ефимова и О. А. Коростелева)	3	200
Николаев С. И. Житие протопопа Аввакума на польской сцене	2	207
Обатнин Г. В. Из архивных разысканий о Вяч. Иванове	2	264
Леа Пильд (Эстония). О пародийном элементе в поздних стихотворениях А. А. Фета	1	129
Разувалова А. И. «Труха и опилки так называемой культуры»: зло и насилие в рефлексии В. П. Астафьева	3	220
Ирина Рудик (Эстония). К истории работы Марины Цветаевой над поэмой о Есе- нине	2	282
Сонг Чжон Су, Ким Се Ил (Республика Корея). Литературно-эстетический диалог Андрея Платонова с постсимволизмом	2	294
Стрельникова А. Б. В поисках оригинальной стихотворной формы: поэтические переводы Федора Сологуба	3	129
Успенский П. Ф. Владислав Ходасевич накануне «Путем зерна»: Ф. М. Достоев- ский, Н. А. Некрасов, З. Красинский в стихах и творческом сознании поэ- та в 1916—1917 годах	4	193
Федотова А. К. К истории создания одной элегии И. Ф. Богдановича	4	120
Федотова А. К. Пейзаж в русской элегии XVIII века	3	105
Филичева В. В. Неизвестный автограф Н. С. Гумилева: об одном неосуществлен- ном замысле	3	135
Фомичев С. А. О плане пьесы А. С. Грибоедова «1812-й год»: античные контуры	2	222
Хачатурян Л. В. Рукописи on-line: создание электронного архива русской лите- ратуры Серебряного века	4	245
Хотеев П. И. М. В. Ломоносов и Г. Ф. Берман. Уроки словесности в Марбурге	1	102
Хохлова Н. А. Может ли быть завершен изданием «Предварительный список рус- ских писателей и ученых» С. А. Венгерова	4	134

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Бубнов Н. Ю. Духовная жизнь староверов Сибири (Духовная литература старовер- ов востока России XVIII—XX вв. = Spiritual literature of the old believers of eastern Russia in 18th to 20th centuries / Подг. Н. Н. Покровский [и др.]; Отв. ред. Н. Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999. Т. 1. 799 с. (История Сибири = History of Siberia: Первоисточники; вып. 9); Новосибирск: Сибирский хронограф, 2005. Т. 2. с. 582. (История Сибири = History of Siberia: Первоисточники; вып. 12); Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук, 2011. Т. 3. 403, [1] с. (История Сибири = History of Siberia: Первоисточники; вып. 13))	1	234
---	---	-----

Глушаков П. С. Юбилейный сборник в честь Л. В. Спрое («Радость ждет сокровенного слова...». Сб. научных статей в честь профессора Латвийского университета Л. В. Спрое. Рига: Изд. Латв. унив., 2013. 335 с.).	4	255
Гуськов С. Н. Роман фрейлины, или Толстая vs Толстой (Толстая А. А. Непризнанная жертва. Этюд о характерах / Пер. с фр. и послесловие И. В. Турковой. Тула: «Лев Толстой», 2012. 416 с.).	4	251
Данилевский Р. Ю. «Спасский вестник» о романах И. С. Тургенева (Спасский вестник. Тула: Гриф и К°, 2013. Вып. 21. 248 с.).	4	249
Данилевский Р. Ю. Новая монография о В. А. Жуковском (Никонова Н. Е. В. А. Жуковский и его немецкие друзья: новые факты из истории российско-германского межкультурного взаимодействия первой половины XIX в. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2012. 335 с.).	1	241
Данилевский Р. Ю. Становление ученого (материалы из архива В. М. Жирмунского) (Жирмунский В. М. Начальная пора: Дневники. Переписка / Подг. текста, вступ. статья и комм. В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 400 с.; ил.)	3	237
Иванова Т. Г. Сказки Водлозерья (Сказки Водлозерья / Сост. А. С. Лызлова. Петрозаводск, 2013. 427 с. (Памятники русского фольклора Водлозерья))	2	306
Лаппо-Данилевский К. Ю. Воплощения Диониса (Ivanov Vjačeslav. Dionysos und die vordionysischen Kulte / Hrsg. von Michael Wachtel und Christian Wildberg. Tübingen: Mohr Siebeck Verlag, 2012. 416 S.)	3	230
Савченко Д. С. Русская научная фантастика: предвосхищая модернизацию (Ванерjee A. We Modern People, Science Fiction and the Making of Russian Modernity. Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press, 2012. 206 p.)	3	235
Сальман М. Г. Люди, даты и цитаты (Соболев А. Л. 1) Летейская библиотека: Биографические очерки. М.: Трутень, 2013. 496 с., ил. (Летейская б-ка: очерки и материалы по ист. рус. лит. XX века; [Т.] I); 2) Страннолюбский перебарщивает. Сконпель истоар. М.: Трутень, 2013. 448 с.: ил. — (Летейская б-ка: очерки и материалы по ист. рус. лит. XX века; [Т.] II)	4	252
Семенова Н. В. Живые голоса забытых пьес (Забытые пьесы 1920—1930-х годов / Сост., текстол. подгот., вступ. статья, историко-реальный комм., сведения о постановках пьес и биографиях авторов В. В. Гудковой. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 992 с.).	3	238
Хворостьянова Е. В. Семантическая поэтика: за и против (Золян Сурен, Лотман Михаил. Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллин: Издательство Таллинского университета, 2012. 352 с. (ACTA Universitatis Tallinnensis. Humaniora))	1	242
Черёмин Н. С. Новое прочтение сочинений Н. С. Лескова (Столярова И. В. На пути к преображению (Человек в прозе Н. С. Лескова). СПб.: Издательство СПбГУ, 2012. 326 с. (сер. «Литературоведение»))	2	305
Шати Ю. В. Алгебра гармонии (Грибbaum О. Н. 1) Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: ритмико-смысловый комментарий. Главы первая, вторая, третья, четвертая. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2012. 328 с.; 2) Основы математико-гармонического анализа поэтических текстов. СПб.: СПбГУ. РИО. Филологический факультет, 2013. 172 с.)	4	247

ХРОНИКА

Верин Д. В. Международная научная конференция «Русская эмигрантская литература и „внутренние мистерии европейской мысли“»	1	247
Веселова А. Ю. К 275-летию А. М. Болотова: конференция в Москве и круглый стол в Богородицке	3	253
Денисенко С. В., Калинина Н. В. Международная научная конференция «Все страхи мира: ногог в литературе и искусстве»	4	268
Ипатова С. А. Научная конференция «Иван Тургенев: жизнь и судьба» (к 195-летию со дня рождения)	2	316
Кибальник С. А. Международная научная конференция «Проблемы изучения творчества Гайто Газданова» (К 110-летию со дня рождения писателя)	3	259
Конусова Е. Д. Международная научно-практическая конференция «Testis temporum. Дневники и воспоминания в русской литературе XX века»	2	309
Конусова Е. Д. Научная конференция «Бытописатели блокады»	4	265
Сегал-Рудник Н. М., Соловьев А. Ю. К 100-летию со дня рождения Ильи Захаровича Сермана	3	242
Семячко С. А. Второй агиографический семинар	3	256
Соловьева Е. Е. Конференция памяти Р. М. Лазарчук	3	261

Указатель

Степина М. Ю. Третьи Некрасовские чтения	1	245
Федотова М. А. Чтения по литературе и культуре Древней Руси в Чернигове . .	4	257
Филичева В. В. XVII Научные чтения Рукописного отдела	1	253
Филичева В. В. XVII Алексеевские чтения	4	273
Прозорова Н. А. Письмо в редакцию	4	276
Щипин В. И. Письмо в редакцию	4	276
Карпов А. А. О научной новизне и научной корректности (по поводу статьи Е. Э. Ляминой «К интерпретации „Подражаний древним” К. Н. Батюшко- ва»)	3	265
Памяти Роберта Белнапа	3	270
Памяти Галины Яковлевны Галаган	3	271

Учредители:

Российская академия наук
Отделение историко-филологических наук РАН
119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинский пр., 32а
Телефон: (495) 938-17-63, факс: (495) 938-17-64
oifn@mail.ru; www.hist-phil.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон: (812) 328-19-01, факс: (812) 328-11-40
irliran@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Журнал зарегистрирован Министерством печати и информации
Российской Федерации
Регистрационный номер 0110194 от 4 февраля 1993 г.

Издатель: Санкт-Петербургская издательско-книготорговая фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru; www.naukaspb.com

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4
Телефон/факс: (812) 328-16-01; rusliter@mail.ru; www.pushkinskiydom.ru

Зав. редакцией *И. Ф. Данилова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Корректоры *Н. И. Журавлева, Л. Д. Колосова, М. Н. Сенина*
и *Е. В. Шестакова*
Компьютерная верстка *Т. Н. Поповой*

Подписано к печати 15.10.14.
Формат 70 × 100¹/₁₆ Гарнитура школьная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22.8.
Уч.-изд. л. 28.2. Тираж 255 экз. (в т. ч. МКО и СНГ — 23 экз.).
Тип. зак. № 539. Цена свободная